

Древние иноческие уставы Феофан (Гóворов) епископ Тамбовский и Шацкий, Затворник Вышенский, святитель

Предисловие

Предисловие

Первоначально предполагалось из древних иноческих уставов составить второй том Добротолюбия: и они тогда же были заготовлены. Но потом старцы Русского на Афоне монастыря взявшие на себя издание Добротолюбия, нашли более пригодным дать уставам сим место в конце Добротолюбия, или издать их особою книгою: что теперь и исполняется.

От пр. Антония по Египту и вообще по Востоку пошло отшельническое иночествование. Уставные правила для него собраны из записанных и до нас дошедших изречений пр. Антония и в виде устава помещенных в первом томе Добротолюбия.

Параллельно с отшельничеством распространялось и общежительное иночествование. Началовождем его был пр. Пахомий, которым начертан и устав для сего рода иночества, ставший потом нормою для всех общежительных обителей не на Востоке только, но и на Западе.

В самом цветущем периоде общежительного иночества, заведенного пр. Пахомием, посетил Египет св. Василий великий с прямою целью увидеть на деле иночество, каким оно должно быть. И увидел. После посещения им обители и иноки Палестинские и Сирские, – и тоже узрено. Все виденное и испытанное напечатлело в высоком и глубоком уме св. Василия идеальный образ иночествования, не как особое что от христианства, а как полнейшее и точнейшее его осуществление, или как истинный образ жизни о Христе Иисусе, Господе нашем. Возвратясь к себе, он избрал его нормою для своей жизни, и, приняв обеты иночествования, стал не только сам жить по требованию его, но и других учить тому же; и сделался таким образом началовождем общежительного иночествования в

своей стране, а потом и повсюду. Вместе с тем, как заходились у него общежительные порядки в основываемых им обителях, он и письменно излагал их, во всем заботясь представить не одну внешнюю форму такой жизни, а более дух ее, давая видеть начертание ее в Слове Божиим с указанием и полного соответствия ее духу жизни о Христе Иисусе. Его писания о сем (том 5) предмете содержат потому самое рациональное и высшее руководство к истинно иноческой и христианской жизни.

Почти современно с св. Василием обходил восточные монастыри, – Египетские и Сирские, – пр. Иоанн Кассиан с другом своим Германом, с единственною целью иноческого образования. Он был не легким обозревателем виденного, но все внимательно изучал и запоминал не случаи только и изречения какие, но и целые беседы старцев. По сему виденному и слышанному, возвратясь на родину, и он, подобно св. Василию вел., устроил в своей стране два монастыря – мужеский и женский, которые привлекли внимание тамошних настоятелей и епископов, похвальными сторонами заведенной им жизни иноков и инокинь, скоро обнаружившимися. Желая, по образцу его обителей и у себя завести такие же, или преобразовать существующие уже, они просили пр. Кассиана письменно изложить и порядки общежительного иночества, и требования внутренней жизни иноков какие видел он на Востоке. – Написанная им по сему случаю книга служит ответом на сие благое желание любителей и читателей истинного иночества.

Это было на юге Франции; но Италия, имея обители, еще не имела авторитетного устава иночества. Его дал им, спустя несколько десятков лет, пр. Венедикт, основатель многих монастырей, и установитель в них добрых порядков иноческой жизни, и с внешней и с внутренней ее стороны. Из правил его устава видно, что он заимствовал их, иные у св. Василия вел., а иные у пр. Кассиана. Он сам об этом говорил.

Таким образом пр. Венедикт препровождает нас к св. Василию вел. и пр. Кассиану, а они оба – к пр. Пахомию Вел. От пр. Пахомия нетрудно взойти к Аскетам, а от них к св.

Апостолам, и к Самому Господу нашему Иисусу Христу. Вот где источник нашего иночества.

Итак, древность передала нам четыре иноческих устава, появившихся не в одно время и не в одних местах, но в совершенно одинаковом духе, и даже в одинаковых выражениях, и одинаковом очертании. Предлагая их вниманию иноков и всех благочестивых, христиан, надеемся доставить им чрез то не малое духовное утешение, давая им возможность удостовериться, что 1) иночество не новость какая недавняя и произвольная, а также древне, как само христианство, и требуется самым духом христианства, которое чаёт видеть себя явленным в нем в совершеннейшем виде; – и что 2) наш образ иночества согласен с первоначальным и с тем, в каком оно было держимо в церкви во все время – от начала до нас. Да порадуются иноки, увидев, как древен иноческий род наш и да воодушевятся ревностью быть иноками, как следует им быть. Сколько у нас родоначальников и какое неисчетное родство! Поревнуем же не положить пятна на преславный род наш. Да порадуются и все благочестивые христиане, что имея среди себя св. обители и общества иноков, не лишнее что терпят, но блюдут нечто такое, что сходно с приточным сокровищем, сокрытым на селе, которое сильно обогатить духовным богатством всякого, кто сумеет найти себе доступ к нему.

Уставы предлагаются в том же порядке, в каком они являлись на свет: 1) пр. Пахомия Великого, 2) св. Василия Великого, 3) пр. Кассиана и 4) пр. Венедикта. – Особенности каждого из них, не в духе, а в образе изложения, увидит всякий при чтении их. Заметим только относительно устава пр. Пахомия Вел., ту особенность, что устав его так тесно связан с его жизнью и жизнью ближайших его преемников, Орсисия и Феодора Освященного, что впереди его належаала нужда поместить начертание жизни их. Тоже самое, впрочем, можно сказать и об уставе св. Василия вел., а отчасти и о последних двух уставах, хотя не в такой мере.

1. Устав преподобного Пахомия Великого

Устав пр. Пахомия дошел до нас в переводе бл. Иеронима. Но этот устав не представляет во всей полноте всего чина общежития, учрежденного св. Пахომием; потому что многое в него не внесено, а вошло в дело по непосредственному распоряжению Св. Учредителя, как значится в его житии. И из тех пунктов, какие есть в сохранившемся уставе, многие непонятны для незнакомого с обстоятельствами жизни сего главы Тавенниситов. Почему уставу надобно предпослать житие св. Пахомия.

Читающий сие житие не может не заметить, что, хотя Тавенниситские порядки в главном очертились еще при жизни св. Аввы, но многие подробности продолжали определяться и при ближайших преемниках его, Орсисии и Феодоре Освященном. Можно положить наверное, что многие пункты и в устав внесены уже при сих преемниках. Потому, для полнейшего уразумения и начертания сего устава, надо взять во внимание обстоятельства жизни и этих великих Авв.

Из сих Авв, преемников Св. Пахомия, Св. Феодор часто говорил поучения к братьям, но они не сохранились. От Аввы же Орсисия сохранилось большое наставление об устройении иноческого жительства, которое он составил, уже приближаясь к кончине, и предал братьям в виде отеческого завещания. Оно обнимает весь строй иноческой жизни, объясняя наиболее, в каком духе должна быть строго выдерживаема та или другая сторона сей жизни. Почему наставление сие можно назвать кратким обзором Тавенниситского устава. –

Итак, желая ввести читающих в полное представление Тавенниситских порядков, предлагаем: –

во I-х, Жития св. великих Авв: Пахомия, Орсисия и Феодора Освященного; –

во II-х, Устав Тавенниситского Общежития; –

в III-х, Наставление Орсисия об устройении иноческого жительства. – Приложим к сему –

в IV-х, три небольшие сборника уставных правил, изреченных отцами соборно, и два начертания правил пр. Макария Александрийского.

1. Жития св. великих Авв Тавеннисiotских

Не все подробности их жизни внесем сюда, а только те обстоятельства, которые касались учреждения общежительных порядков в Тавеннисiotских обителях. Заимствуем сказания о сем из Четь-Минеи, из Дионисия малого Patr. Latin. t. 73, и из Vies des Peres des déserts d'Orient, par 1e K. P. Michel Agne Marin, de l'ordre des minimes. 1824.

1) Житие пр. Пахомия Великого

По происхождению, пр. Пахомий был Египтянин Верхней Фиваиды, по вере язычник; но лета юности провел в чистоте и непорочности. Эта чистота нрава дала ему возможность ощутить присутствие неземных начал жизни в жителях города Оксиринфа, когда взятый в военную службу на 20 году своем, миновал он вместе с другими этот город и видел необыкновенное родственное к себе и своим соратникам радушие его обитателей. Узнав, что они потому таковы, что были христиане, он тут же положил в сердце своем, если возвратится живым с войны, принять христианство и жить по духу его. Возвратившись в добром здоровье, он крестился в своем селении Шенобоске и, по некоем видении во сне, исполнившем сердце его пламенным влечением к пребыванию с единым Богом, удалился в пустыню к известному в той местности отшельнику Паламону.

Паламон сначала отказывался принять его, указывая на крайние лишения и суровость своей жизни; но потом, удостоверившись, что Пахомий искренно готов на всякого рода труды самоумерщвления, и что их-то именно и искал, принял его в свое руководство, ввел в свою келию и скоро потом облек в иноческое одеяние.

Оба они проводили время в молитве, псалмопении, взаимном собеседовании и особном богомыслии. Рукоделием их было прясть волну и готовить власяницы, и они не щадили себя, занимаясь этим делом, не потому, чтобы нужда большая заставляла это делать, а для того, чтобы всегда иметь под руками, чем помочь нуждающемуся, не меньше сего и для того, чтобы преутруждать и держать в утомлении плоть свою.

Паламон особенно требовал от Пахомия, чтобы он навикал проводить ночи в бдении и, если замечал, что сон начинал одолевать его во время ночной службы, выводил его вон из келии и заставлял переносить песок с одного места на другое, говоря: «Бодрствуй, Пахомий, чтобы иначе не искусил тебя враг и не похитил плода трудов твоих». Так приучал он его

побеждать сон, располагая почасту целые ночи проводить в молитве и псалмопении. Было также у них в обычае во время молитвы протирать руки свои в виде креста; такое положение поддерживало внутренний жар и отражало приступы дремания.

Пищею им служил хлеб с солью, к чему они прибавляли, хоть очень редко, какую-нибудь зелень, без масла однако же и без уксуса, напротив иногда подмешивали пепла, для большего умерщвления вкуса.

Однажды в день Пасхи, Паламон велел ученику своему приготовить обед т.е. ради торжественности дня, поставить трапезу несколько пораньше обыкновенного. Пахомий, полагая, что если все христиане радуются и веселятся в этот день преславного воскресения Христова, то можно и ему без нарушения закона иноческого самоумерщвления угостить своего духовного отца несколько получше, чем всегда, приправил приготовленную им зелень, положив в нее немного масла и уксуса.

Но Паламон, лишь только по обычной пред трапезой молитве, подошедши к столу, взглянул на приготовленное, как ударив себя в лоб рукою и прослезившись, воззвал: «Мой Спаситель распят, а я буду есть с маслом», и никак не согласился коснуться приготовленного, сколько ни упрашивал его Пахомий; так что пришлось принять зелень. Тогда он сел за стол и не вкусил с учеником своим и в этот день ничего, кроме хлеба с солью, как обычно.

Пахомий тщательно внимал урокам своего старца, старался усвоить себе примеры его жизни и строго бодрствовал над своею душою. Всеусильно заботился хранить ее в совершенной чистоте, подавлять появлявшиеся в ней порочные движения, при первом их возникновении, внедрять в сердце добрые расположения, отсекал суетные пожелания вещей мирских и возгревать одни лишь желания благ вечных, непрестанно размышлять о деле спасения, как оно начертано Духом Святым в Божественном Писании. Особенно же преуспевать в смирении, кротости, терпении и чистоте намерений. Успехи, какие оказал он во всех сих добродетелях, были так заметны,

что старец его не мог смотреть на сие без удивления и не чувствовать в душе своей особенного от того утешения.

В отношении к телу своему, пр. Пахомий был очень безжалостен, и утомлять его трудом и всячески озлоблять жаждала душа его. Так, например, отходя по обычаю в даль пустыни, покрытой колючками, собирать дрова, он спокойно терпел, когда уязвляемы были ноги его спицами, вонзавшимися иногда глубоко, или были порезываемы острыми кремневыми камушками. Он воодушевлял себя к перенесению этого воспоминанием о терновом венце, уязвлявшем голову Спасителя и о гвоздях, коими пригвождены были руки и ноги Его к древу креста.

В этой пустыне иногда любил он замедлять подолее и углубляться в нее подалее, чтоб в глубине пустынной тишины свободнее предаваться молитве и умносердечной беседе с Богом. Тут он изливал пред Ним душу свою в любительном к Нему устремлении всем существом своим, и с теплою верою повергал себя в Его вседержительную десницу, умоляя Его о вразумлении и укреплении в борьбе с врагами спасения. Но не собою одним ограничивалась молитва его; со времени обращения он всех людей, паче же христиан, обнимал своею любовью, и, молясь, не забывал поминать и всех в молитве, прося предохранить их от сетей, которые враг расставляет на всех путях жизни нашей.

Господь, внушавший ему такие теплые чувства любви, потому что предназначал его послужить спасению душ многих, открыл ему, наконец, волю Свою об этом во время одной из таких пламенных молитв, в наиболее уединенном месте. Это было в Тавенне, как называлась или какая-либо местность пустыни, или остров на Ниле, недалеко от города Сиены. В то время, как он молился с особенною теплотою и продлил молитву свою паче обыкновенного, услышал глас свыше, говоривший ему: «Здесь утверди пребывание свое, Пахомий, и устрой монастырь, ибо придут к тебе многие, возжаждав соделать свое спасение в иноческом образе жития, и ты будешь руководить их по правилу, которое я тебе тотчас пошлю. В то же мгновение предстал ему Ангел в одежде великого иноческого

образа, – в схиме и вручил ему медную дщицу, на которой были начертаны правила постнического жития, для имевших поступить под его руководство.

Что написано было на дщице, о том пишет Палладий в «Лавсаике», за ним повторяют тоже Созомен, Дионисий Малый и Никифор Каллист в цитованных в предыдущей сноске местах. Приводим слова Палладия:

- 1) Позволяй каждому есть по потребности.
- 2) Назначай им труды, соразмерные с силами каждого.
- 3) Не возбраняй ни поститься, ни есть.
- 4) Труды тяжелые возлагай на тех, которые крепче силами и больше едят; а малые и легкие назначай слабым, которые не привыкли к подвижничеству.

- 5) Кельи устрой отдельные, в одном здании, и в каждой келии пусть живут по три.

- 6) Пища пусть предлагается для всех вместе.

- 7) Спать не должны они лежа, но пусть устроят себе седалища с отлогими задниками и спят на них сидя, постлавши постель свою.

- 8) На ночь они должны оставаться в льняных левитонах и препоясанные.

- 9) У каждого должна быть белая козья (или овечья) милоть, без которой они не должны ни есть, ни спать.

- 10) К принятию Тайн Христовых по субботам и воскресеньям да приступают только в кукуллие (наглавнике), развязав пояс и снявши милоть.

- 11) А наглавники-кукуллии Ангел назначил им без подвязок, как у детей, и на них приказал положить изображение пурпурного креста.

- 12) Братию он повелел разделить на 24 чина (отряда), по числу 24 букв греческих, так чтобы каждый чин означался особою буквою от альфы и виты по порядку до омеги; чтобы, когда Авве нужно будет спросить или узнать о ком-либо из столь многих братий, он спрашивал у своего помощника в каком состоянии находится чин *альфы* или чин *виты*, – отнеси благословение чину *ро*. Наименование каждой буквы уже само собою указывало бы на означаемый ею чин. Инокам более

других простым и незлобивым, продолжал Ангел, дай имя *иоты* (ι), а непокорных и крутых нравом отметь буквою *кси* (ξ), выражая таким образом самую формою буквы свойство наклонностей, нравов и жизни каждого чина. Знаки сии будут понятны только духовным.

13) На доске было написано еще, что если придет странник из другого монастыря, где живут по другому уставу, он не должен ни есть, ни пить вместе с ними. Только тогда, как, находясь в дороге, будет странноприят кто-либо из учеников Пахомия, может он вкушать пищу с иноком, чуждым их устава.

14) Сторонний никто не должен входить в монастырь, а однажды вошедший должен оставаться с ними навсегда.

15) К высшим подвигам, прежде трех лет испытания, не допускай новичка; только после трех лет, когда пройдет он тяжелые послушания, пусть вступит на это поприще.

16) За трапезою головы у всех должны быть покрыты кукуллием, чтоб один брат не видал, как ест другой.

17) Не должно также разговаривать во время трапезы, ни смотреть по сторонам, а только на стол или в блюдо.

18) Если что нужно, о том пусть дают знать знаками тем, кои состоят на чередѣ столовщиков.

19) Ангел положил совершать монахам в продолжение каждого дня 12 молитв, также вечером 12, ночью 12 и три в 9-м часу. Когда же св. Пахомий сказал на это, что молитв мало, Ангел говорит ему: я положил столько для того, чтобы и слабые удобно, без отягощения, могли выполнять правило; совершенные же не имеют нужды в уставе; ибо, пребывая наедине в келии, они всю жизнь свою проводят в созерцании Бога. Устав дал я тем, у которых ум еще не зрел, чтобы они, хотя, как непокорные рабы, по страху к господину, выполняя общее правило жизни, достигали свободы духа.

Дав такой устав и тем исполнив свое служение, Ангел удалился.

Пр. Пахомий, по великой преданности своему старцу, отцу духовному, не мог скрыть от него бывшего ему откровения. Почему, возвратившись, все рассказал ему и упросил его сходить вместе с ним на то место, где Бог такую явил к нему

милость. Паламон, видя в этом прямое указание Божие, возблагодарил Бога за такое благоволение к ученику своему и охотно согласился исполнить его желание. Пришедши на место, они построили там вместе небольшую келию и призвали Божие на нее благословение. Паламон пробыл там несколько времени, наконец, сказал: «Так как Богу угодно, чтобы ты, сын мой, пребывал на этом месте, то оставайся здесь, а я пойду в свою келию, только завет положим между собою не покидать друг друга, а посещать себя взаимно, пока угодно будет Господу сохранить меня в животе сем». Пахомий с радостью на сие согласился и был верным исполнителем сего завета до самой смерти старца, которая, впрочем, не замедлила.

Паламон, возвратясь в свою келию, начал чувствовать острые припадки боли во внутренностях, от крайнего воздержания, каким томил себя и которое не переставал продолжать, несмотря на начавшуюся уже болезнь: некоторые отшельники, пришедшие посетить его, и видя его изнеможение, умоляли его послабить себе на время, чтоб в конец не расстроить тела своего. Он сначала и сдался было на их представления, но скоро опять воротился к обычным строгостям говоря: «Если св. мученики Христовы до конца претерпевали всякий род мучений, и отрезание членов, и огненное жжение, и глав отсечение ради Бога, в Которого всем сердцем веровали, то как могу я согласиться отложить малое мое терпение, которое решился я понести Христа ради, – и поблажить телу своему, от которого ничего доброго ждать не могу?» – И остался при своих строгостях подвижнических до конца жизни, который был уже недалек. Пр. Пахомий не отходил от него во все это время, оказывая самое нужное о нем попечение, до тех пор, пока, на его же руках, старец любимый и дух свой предал Господу. Отдав должное почившему и честно предав тело его погребению, пр. Пахомий возвратился наконец в свою келию и продолжал обычные свои труды в жизни по Богу.

Бог утешил его в понесенной им потере старца прибытием к нему старшего брата Иоанна, который, слыша о его строго богоугодной жизни, пришел к нему в желании и себе идти тем же путем. Радость и утешение были велики, и с той, и с другой

стороны, ибо пр. Пахомий со времени своего крещения не видал никого из своих родных. Сошедшись теперь в одном намерении, они начали жить во взаимнопоощрении к добрым делам и подвигам.

День и ночь поучались они в заповедях Господних, чтобы вернее сообразовать с ними жизнь свою и нрав свой. Каждодневно раздавали они бедным, что оставалось от содержания себя, добываемого трудами рук, не заботясь о завтрашнем дне. Одежда их была из полотна, и они переменяли ее только тогда, как настояла нужда помыться. Пахомий, впрочем, под исподом часто надевал власяницу, чтобы действеннее укрощать буйство плоти. И скудостью питания также не переставал он томить ее, не вкушая и хлеба в сытость. Но что гораздо смирительнее для тела, он не ложился, когда надлежало спать, а садился посреди келии, не подпирая себя ни с какой стороны. Этот подвиг нес он в продолжение 15 лет. В одно время совсем не спал он целых 40-дней, и просил Бога дать ему силу навсегда обходиться без сна, чтобы быть в состоянии удобнее препобеждать невидимых врагов нашего спасения. Не видно, чтоб Бог услышал его прошение; но в его молитве нельзя не видеть, с какою ревностью вооружался он против плоти, столько доступной вражеским воздействиям во искушение духу, даже и всегда бодрому.

Наконец пр. Пахомий, вспомнив об обетовании Божиим, что к нему соберется большое количество братий, начал с братом своим готовить для них келии. При этом произошла между ними небольшая размолвка. Пахомий желал занять под монастырь большее пространство, чтоб и келий могло оно вместить побольше; а Иоанн по любви к уединенному безмятежию желал, чтоб все это было в меньших размерах, и не вынесши поперечений тому со стороны Пахомия, сказал наконец с досадою: «Перестань величаться и шириться; не полезна эта вещь».

Укор этот был чувствителен для Пахомия; но как он обык уже подавлять все неправые движения, то не дал хода и этому огорчению и перенес его спокойно. Несмотря однакож на то, что оно не вышло наружу и Пахомий, и в словах, и в деле, вел себя

вполне сдержанно, он не обезвинял себя, напротив строго укорял, зачем показываются в сердце такие движения, когда ему надлежит быть мертву для всего. Почему в следующую ночь, затворившись в келии своей, простерся он ниц на земле, и смиряясь пред Богом, умолял Его со слезами укрепить его против всяких страстных приражений. «Горе мне, Господи Боже мой, – взывал он, – что мудрование плотское еще властвует во мне, что еще работаю закону греховному. Горе мне, что несмотря на столь долгое пребывание в пустыне, еще не научился я побеждать гнев свой. Помилуй мя, Господи, и не дай мне погибнуть. Ибо если Ты не укрепишь меня благодатью Своею, то враг, обретши во мне некую часть своих деяний, и вполне поработит меня себе. И как я буду руководить тех, которых ко мне на иноческое житие обещал Ты привести, Господи, когда сам я не умею побеждать свои страсти, при всяком случае восстающие на душу мою? – Но верую, Господи, что если Ты подашь мне помощь, то я удобно совершу все, что угодно пред очами Твоими». –

Таково было сокрушение и болезнование пр. Пахомия по случаю легкого внутри движения нетерпеливости, которое притом он успел уже скоро подавить. Таково было его внимание к себе, и столь бодренно блюдение своего сердца! – Так провел он в слезных воздыханиях и молитвах всю ночь. Имел он обычай молиться Богу, простерши руки, не позволяя себе опускать их или сгибать до окончания молитвы: так стоял молясь, будто висая или распятый на кресте. Это молитве способствовало, но тело паче утомляло. Итак, частью от этого напряжения, частью от зноя по времени года, а более от внутреннего жара сердечного, сильный пот, соединившись с обильными слезами, образовал лужу на том месте, где стоял он на молитве. Это было для него омовением и тела и души. Кротость водворилась в сердце его, и он с того времени жил с братом в мире глубоком, с кротостью, снисхождением и дивною предупредительностью до самой его смерти.

Скоро брат отошел ко Господу, – и пр. Пахомий остался один, получив большую, правда, свободу относительно построения монастыря, но вместе став целью жесточайших

нападений со стороны злых духов. Господь вводил его в эту явную борьбу частью для испытания и воспитания веры его, частью для того, чтоб укрепив его частыми опытами видных побед над бесами, облечь его силою и властью на прогнание их, чтоб он был грозою для них, и они боялись одного появления его.

Пришло наконец время собрания братий, и Ангел Господень, явившись пр. Пахомию, в полночи на молитве стоящему, сказал: «Богу угодно, чтоб ты отселе принимал приходящих братий и приводил их к Нему путем строгого подвижнического жития». Повторив это трижды, Ангел отошел. Пр. Пахомий возблагодарил Бога и усердно приступил к исполнению Св. воли Его: принимал приходивших с желанием поработать Господу в иноческом образе жития, и по должном испытании твердости их намерения, облакал их в иноческую схиму.

Первыми из поступивших под его руководство были – Псентаисий, Сур и Псой. После них пришли Пекусий, Корнилий, Павел, другой Пахомий, – Пафнутий, Тифой и Петроний были также из числа первоначальных его учеников. Феодор Освященный и Орсисий поступили несколько после. Пока их было немного, пр. Пахомий все по монастырю делал сам, никого из них ничем не обременяя и не озабочивая, для того, чтоб на свободе от всех попечений они поскорее могли положить прочнейшее основание трезвенной собранности и внутренней жизни. Сам приготавливал нужное для стола, сам сажил и поливал зелень в огороде, сам отвечал тем, которые стучались в двери монастыря, сам ходил за больными. Так, по заповеди Господа, он всем был слуга, предоставляя им сладкое утешение исключительно посвящать свое время и труды свои на делания духовные.

Так поступал пр. Пахомий с целью образовать себе из них будущих помощников, чтоб, когда соберется много братий, он мог разделить с ними труды по управлению монастырем: чему теперь они имели свободу поучаться из его слова и примера.

Новые ученики пр. Пахомия надивиться не могли множеству добродетелей, открывавшихся в нем, – особенно любви,

смирению, самоумерщвлению и умносердечному трезвению, которое он всегда хранил, несмотря на множество занимавших его дел; и воспламенялись ревностно подражать ему во всем. С сею целью они с общего согласия обратились к нему с прошением – позволить и им разделять с ним труды его. Пр. Пахомий сказал им в ответ на это, что он смотрит на себя, как на животное, которое вращает мельничное колесо и к которому не должно иметь никакого сострадания; что же касается до их желаний, то, говорит, придет время, когда я сложу с себя на других часть забот и трудов, какие несу теперь, но будет это, когда угодно будет Господу, чтоб я это сделал.

Между тем однакож он преподавал им правила и уставы по всем частям и сторонам иноческой жизни, – относительно молитвословия, рукоделия, пищи и питья, сна и бодрствования, одежды и других всех порядков монастырских и иноческих, частью как предукзывала уже это врученная Ангелом дщица, а частью как указывало самое дело и опытность.

Когда в какой-нибудь праздничный день надлежало всем причащаться Пречистых Христовых Тайн, пр. Пахомий призывал какого-нибудь священника из ближайших сел, который, совершив в монастыре божественную службу, причащал всех тела и крови Господних. Смирennemудрый Наставник не хотел, чтобы кто-нибудь из учеников его, сподоблен был священного сана, говоря: «Монахам полезно не искать чести и начальства, особенно же живущим в киновиях, чтобы из-за этого не зародились среди братьев единокровных зависть и ревнивость и не расстроили общего согласия. Ибо как малая искра огня, падшая на гумно, если вскоре погашена не будет, сожигает все гумно и в один час истребляет труды целого лета; так помысл любовластия и желание священнического чина, впадши в среду иноков, если скоро не будут изъяты, все многолетние труды их, и все плоды духовные обратят в ничто перед Богом». Так говорил Преподобный, научая братию смирению, но если кто из освященных иноков приходил в монастырь его, желая жить с ними, он принимал его любезно и почитал, как отца. И тот с своей стороны, смотря на смирение пр. Пахомия и прочих братьев, старался подражать им в смирении всячески заботясь

не дать никому заметить, что он, в благодатном порядке имеет какое-либо преимущество перед другими.

Слыша о таких мудрых порядках в монастыре пр. Пахомия, многие из ревновавших о спасении устремились к нему в обитель и число братии быстро возросло. – Прежде устроенный монастырь становился уже тесным и належала необходимость устроить новые. К этому теперь и приступил пр. Пахомий.

Первый из устроенных вновь монастырей назывался Пабо, и был построен в месте очень пустынном. Впоследствии он сделался столь великим и важным, что стал во главе всех других, хотя все иноки, жившие по уставу пр. Пахомия, продолжали носить имя Тавеннисиотов, по имени первоначальной обители.

Несколько времени спустя после устройства обители Пабо, один почтенный старец, по имени Епоним, Авва Шенобосского монастыря, в котором жили уже устаревшие иноки, пользовавшиеся большим уважением за свои добродетели, пленен будучи Тавеннисиотскими порядками, пришел к пр. Пахомию и упросил его присоединить свой монастырь к монастырям, живущим по его уставу. Пр. Пахомий охотно согласился на это по ревности к делу, которое возложено было на него Самим Господом. С некоторыми из своих опытнейших братьев отправился он в ту обитель и ввел там свой устав в действие.

Примеру Шенобоска последовали вскоре и другие иноки, составлявшие обитель, Монхос именуемую, и тоже предали себя руководству пр. Пахомия. Стало у него уже четыре монастыря.

Но потом и сам он устроил еще других пять обителей: Тазскую, о которой в частности ничего неизвестно; Фивейскую, для которой Псенебий, отец Петрония, заступившего место пр. Пахомия по смерти его, как глава монастырей, дал землю, вступив сам со всеми детьми в братство; Панейскую, устроенную по просьбе епископа этого города, по имени Арея или Вара; Тисменскую, в этой же епархии и Пахнумскую, или Хнумскую, на берегу Нила близ Латополя.

Это все монастыри, устроенные пр. Пахомием при жизни своей, кроме женского, на другой стороне Нила, которому начало положила сестра пр. Пахомия, восхотевшая подобно брату подвизаться в иночестве. Феодор и Орсисий, его ученики и преемники общего управления монастырей после Петрония, прибавили к ним еще другие обители.

Сколько было во всех сих обителях спасающихся! – Но все они смотрели на пр. Пахомия, как на единого духовного отца своего, и пр. Пахомий на всех их равно простирал свою заботу и отеческую попечительность. В сем отношении что может сравниться с тою мудростью и любовью, с строгостью и снисходительностью, твердостью и мягкосердием, с какими он управлял таким количеством иночествующих? Во всех его действиях видно было, что им руководил Дух Божий, Который и внушил ему собрать иноков в обители. Нет добродетели, в которой он не подавал бы своим ученикам самого высокого примера, не проходило минуты, чтоб он не делал чего-либо для их блага, не было случая, которым бы он не воспользовался для их научения чему-либо, если это было возможно, наконец не было труда и подвига, на который он не решался бы с охотой, коль скоро видел, что это необходимо для духовного преспеяния собранных им воедино чад духовных.

Приступая к подробностям его мудрого управления, в намерении показать в нем совершеннейший образец для подражания настоятелям, ставим на первом месте, – как уже и из предыдущего сказания видно, – то, что пр. Пахомий не сам собою взял на себя этот чин главенства над многими, но принял это иго по особенному повелению Божию, и следовательно, вошел во двор овчий законными вратами звания свыше. И несмотря однакож на это звание, он не спешил упредить Богом определенное к исполнению его время: что показывает в нем совершенное забвение себя в устройении порученного ему дела и безукоризненную чистоту при сем его намерении. Вот почему такое видимое звание Божие, и такое строгое внимание к указаниям свыше в зовомом сопровождалось обильным изливанием на него просвещающей и руководящей Божией благодати, которая наделяла его всеми необходимыми для

мудрого управления качествами. Спасительные действия, какие испытывали от него руководимые им души, служат наилучшим тому доказательством.

Тихая кротость и снисходительность составляли основную черту его характера. Можно сказать даже, что он не соблюдал должной меры в сих добродетелях. Опыты его деяний представляют много тому примеров. Когда начали собираться в большом количестве желавшие жить под его руководством, то, не могши по доброте своей отказать приходившим, и вместе не имея возможности подвергнуть их строгому предварительному испытанию, он по необходимости набрал, вместе с хорошими, не мало и таких, с которыми трудно было управляться. Они не хотели сообразоваться с теми правилами, какие внушал им пр. Пахомий, а между тем без исполнения их нельзя было преуспевать в духовной жизни.

Ни замечания, ни увещания не оказывали на них никакого действия. Они не обнаруживали никакого знака поправления, ни даже доброй к тому воли. Пр. Пахомий, скорбя об их ожесточении, по любви к ним и искреннему желанию им спасения, прибег к молитве, которая всегда была единственным для него прибежищем во всех встречаемых им затруднениях. Простершись на земле, он обратился в один день к Богу с такою молитвою: «Ты, Господи, повелел нам любить ближнего, как себя самого. Молю убо Тебя, яви милость Твою к этим ослепленным, и воззри на них благоутробным оком милосердия Твоего, чтоб, вошедши в себя самих, с искренним раскаянием, восприняли они на себя иго заповедей, какое возлагает на них наше звание, и воодушевившись надеждою на Твою помощь, вступили на должный путь на ряду с другими братьями».

Худое настроение их ненаказанных сердец было, конечно, причиною того, что молитва сия осталась без доброго на них действия. Но пр. Пахомий не терял еще терпения в отношении к ним; ибо любовь не знает утомления. Он придумал для них особого рода средство приучить их к должной иноческой жизни, начав с легчайшего. Почему дал им правило жизни, отличное от общего, которое исполнять они могли без особого напряжения и труда; но и это не имело успеха. Своенравники, по своему

злоумию и ожесточению сердца, отказались подчиниться и ему. Желая жить по своей воле, без всякой зависимости и подчинения, они оставили братство, и удалились с такою быстротою, какой обычно быть у объятых паническим страхом.

Если нельзя было пр. Пахомию не пожалеть гибели этих несчастных, то эта скорбь с избытком вознаграждалась утешением при виде дивных успехов прочих братий. После них братство послушных учеников уподоблялось полю, очищенному от плевел, на котором доброе семя широко разрастается и дает обильный плод. Но нельзя не дивиться непоколебимому терпению святого старца, с каким он сносил этих недобрых, пока Господу неугодно было Самому избавить от них его и братство. – Из этого обстоятельства научаемся, что как миряне, придерживаясь святых уставов, каким следуют мироотречники, удобно могут преуспевать в совершенстве христианской жизни: так мироотречникам, когда они предаются нерадению и лени, ни к чему не служат ни превосходство их звания, ни молитвы их отцов духовных, ни снисхождение, какое оказывается ими последними к их немощам. Хладность в душе иноков – знак смерти духовной.

Пр. Пахомий имел также случай показать свое терпение в отношении к старым инокам своего монастыря Пабо, которые хотя свободны были от грубых погрешностей, но были так ропотливы, что впадали в этот грех при всяком малом поводе. Он часто вразумлял их отеческим словом, но не имел успеха. Не почитая, однакож, и не смотря на то, себя свободным от долга трудиться над исправлением их нрава, он наложил на себя сорокадневный пост, очень строгий, с полуночными бдениями и молитвами. Бог услышал молитву его, и он имел утешение видеть тех старцев сознавшими свое прегрешение и начавшими продолжать прочее свое течение с должным благоговейством и смирением.

Не менее дивно кроткое снисхождение пр. Пахомия к одному иноку соседнего монастыря, который не состоял в его зависимости, но Авва которого часто приходил к нему за советами. Этого брата одолевал дух честолюбия, и ему неудержимо хотелось быть каким-либо чиновным лицом в

обители, экономом или иереем. Он часто докучал об этом своему Авве, но тот не удовлетворял его прошения, находя то бесполезным для него и той обители.

Однажды Авва, раздосадовавшись на такие докучания, сказал брату, что поручать ему какую-либо должность не советовал пр. Пахомий. Этого не было на деле, но Авва сказал так полагая, что из уважения к пр. Пахомию, брат прекратит свои искания. Но вышло иначе. Тот вспылал гневом, и вышедши из себя, как помешанный, бросился к пр. Пахомию, и излил на него желчь свою, осыпав его укорами и оскорбительными словами.

Пр. Пахомий, занимавшийся в то время со своими братьями кладкою стены, не зная, в чем дело, ничего ему не отвечал; но видя, что его молчание только раздражало того брата, сказал ему со смирением: «Согрешил я, брат мой, прости меня, прошу тебя, как сам желаешь, чтоб Бог простил твои грехи».

Кротость эта укротила гневного. В то время подошел и Авва, следовавший по стопам своего строптивого ученика. Пр. Пахомий обратился к нему, чтоб узнать, в чем дело, и, когда тот рассказал, заключив свой рассказ прошением совета, как ему поступить, пр. Пахомий ответил ему: «Желаешь знать, как хочет Бог, чтоб ты поступил? – Вот что сделай. Уступи желанью этого брата, чтоб избавить его душу от власти томящего его демона. Бывает часто, что делая, по состраданию, добро злым, умягчают их сердце и возвращают их на путь добра. Так научает нас с благоутробным снисхождением носить тяготы друг друга любовь, какую преподавал нам Иисус Христос и словом Своим и примером».

Дивное дело! Этот совет имел полное действие. Брат, видя, что с таким благоснисхождением соглашаются дать ему должность, какой он так страстно домогался, устыдился своего честолюбия и своей неудержимости, и, пришедши в раскаяние, не только не хотел взять какой-либо чин, но пал в ноги пр. Пахомию и с истинным сокрушением исповедал пред ним вину свою, говоря: «Человек Божий! воистину ты делом превосходишь славу свою. Ибо, если бы вместо снисхождения

ко мне, ты поступил со мною строго, – я положил уже бросить обитель и удалиться в мир. Буди же ты благословен, отец мой! Любовью своею ты спас душу мою». Св. старец поднял его и, своим словом утвердив его желание жить прочее сообразно с духом чина иноческого, проводил его за ограду монастыря, обняв на прощанье с нежною любовью.

Вот советы, какие давал пр. Пахомий Феодору Александрийскому, поручая ему управление одним монастырем! – Из них нельзя не видеть, какими началами руководствовался пр. Пахомий в своем великом снисхождении к немощам немощных. «Управлять братством, – говорил он, – немалое и немалопоследственное дело. Внимай убо! Если заметишь, что какой-нибудь брат падает в расслабление и разлечение, поговори с ним особо наедине и побуди его восставить в душе первый жар ревности. Если он не послушает и не покажет исправления, не трогай его некоторое время, молясь, чтоб Бог коснулся его сердца. Ибо как, когда спица глубоко вонзится в ногу, так что ее нельзя вытащить без пролития крови и без причинения чувствительной боли, – ее не выдергивают силою; но употребляют наперед смягчительные пластыри, и другие средства, какими спица может быть привлечена к наруже: таким же образом и настоятель, имея в своем управлении тяжелые характеры, скорее совладевает с ними кротостью и терпением, нежели как поступая с ними по всей строгости монастырских правил. – Если случится, что погрешность будет значительна и угрожать худыми последствиями для братства, давай знать о том мне, и я позабочусь уврачевать немощного, как внушит мне Господь по Своему милосердию к нам грешным. – Имей попечение о больных, и с любовью разделяй с ними их тяготу и крест, как должен поступить добрый отец в отношении к своим детям: ибо в самом деле ты должен быть отцом на этом месте, которое теперь занимаешь. – Будь первым в соблюдении правил, предписанных инокам, чтоб смотря на твой пример, верны были им и все братья, тебе вверяемые. Если встретится такой случай, что ты не будешь знать, что тебе делать, сказывай мне, и мы вместе обсудим, как лучше поступить».

По тому же духу кротости и нежности, с какими относился он к немощным братьям, и на смертном уже находясь одре, говорил он другому Феодору, любимейшему своему ученику, имевшему впоследствии быть главным Аввою над всеми монастырями пр. Пахомия: «Заклинаю тебя не оставлять без попечения братий, каких заметишь вознерадевшими об угождении Богу; но неослабно уговаривай их возвратиться к должному благоговеинству».

Как кроткая снисходительность пр. Пахомия не от слабосердечия или человекоугодия происходила, но была плодом разумно-сострадательной любви, столько сообразной с духом Христовым; то сей великий Авва Авв и наставник настоятелей умел употреблять и должную строгость, когда видел, что сего требовала слава Божия, благо обители и польза самих виновных.

Так, когда кто-то из братий, сработав в день две рогожи, тогда как по правилу должен был сработать только одну, вынес их и положил пред дверьми своей келии, в надежде, что пр. Пахомий увидит их и похвалит его за трудолюбие; пр. Авва, увидев их и уразумев с каким духом и работа спелась и сработанное выставлено напоказ, сказал случившимся тогда братьям, с коими вел беседу: «Видите ли, други мои, как этот брат с раннего утра до сего часа корпел неутомимо над работою, не для чего другого, как для того, чтоб отдать весь этот труд демону тщеславия, ничего не оставляя от него для своей души; ибо у него одно было на душе, чтоб похвалили его люди, забыв о Боге, для Которого должен был все делать. Какое обольщение! истощать таким трудом тело свое, а душу оставлять без плода, несмотря на такое произвольное утомление». – Потом позвал он того брата, и сделав ему строгое внушение, велел, чтоб, когда вся братия соберется на молитву, пришел и он, неся свои две рогожи, и обратился бы к братьям с смиренным прошением: «Умоляю вас, братия мои, помолитесь Господу о душе моей, да явит Он к ней милость Свою и простит ей грех, что она более занята была этими рогожами, нежели угождением Ему и царством небесным». – Сверх того, он положил ему, во время обеда, стоять посреди

столовой с этими рогожами, пока кончится стол, и наконец, запер его в своей келии на пять месяцев, запретив ему говорить с кем-либо из братий и заповедав непременно каждый день готовить по две рогожи, питаться же только хлебом и водою.

Шел однажды пр. Пахомий посетить один из своих монастырей и приближаясь к нему заметил, что иноки провожали на кладбище одного умершего брата, с обычными, по уставу церкви, песнопениями. Увидев подходящего старца, братия остановилась, поджидая, чтоб он пришел и сотворил молитву по усопшем. Старец помолился; и кончив молитву, велел прекратить пение, сжечь пред всеми одежды умершего и снести его без всякой церемонии на гору и там зарыть в землю; сверх того и жертвы не велел о нем приносить. – Усопший брат был из числа нерадивых, которого часто убеждал пр. Пахомий исправиться, но без успеха. Верно во время молитвы, или и прежде, Бог открыл ему об отвержении и осуждении сего несчастного и это было причиною, почему так с ним поступлено. Строгость такая для умершего уже была бесполезна, но она не могла не быть сильно вразумительною для оставшихся живых, – возбуждая их ревность, прогоняя разленение и послабления, и располагая внимать исправительным внушениям старца и скорее исправляться по его указанию.

Иным образом, но все в том же духе поступил он с другим братом, впадшим в духовную гордость. В этих обстоятельствах видно, сколько то, что дух прелести может прокрасться в душу при самых хороших деяниях, когда они предпринимаются по своему смыслению, а не по закону послушания, столько и то, что пр. Пахомий в управлении душами руководим был мудростью – вышечеловеческою. Вот что было!

Один брат, крайне строгой жизни болел гордостью и крайним доверием к своему смыслению. Пр. Пахомий, заметив это, позвал его особо, и наедине сказал ему с любовью: «Брат мой! Господь наш сказал: снисдох с небесе не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Мя. Вникни в это слово и воспользуйся им, в свое назидание. Ибо я вижу, что враг усиленно хлопочет около тебя, в намерении сгубить весь плод трудов твоих тем, что ты слишком много доверяешь своему

разуму. Советую тебе, ходи за трапезу вместе с другими, когда дадут знак к столу. И за столом не отвергай, что предложено будет вареного, и хлеб вкуси четыре или пять раз, чтобы избежать тщеславия. Я не хочу, чтобы ты кушал много, опасаясь раздражить твою чувственность, ибо ты довольно мощен телом. Сверх того даю тебе заповедь: не совершать наедине долгих молитв; доволен будь тою молитвою, какую совершаешь вместе с другими, в общем собрании, до тех пор, пока победишь духа тщеславия, который опутывает тебя сетями своими во всем, что ты ни делаешь».

Брат сначала послушал этого внушения, но потом, увлекаемый самомнением, возвратился на прежнее, с ропотом на распоряжение пр. Аввы, говоря: «Где это написано, не поститься и не молиться?» Пр. Пахомий, тщательно за ним наблюдавший, тотчас заметил, что он не исполняет его распоряжений, и увидел с горестью, что он не далек уже от того, чтоб совсем пасть в руки демона упорства и гордой непокорности. Почему в один день, позвав к себе Феодора, своего любимого ученика, давно уже помогавшего ему в управлении, сказал ему: «Ты знаешь, сколько скорблю я, что этот брат не пользуется нисколько моими советами. Поди посмотри, что он теперь делает и скажи мне».

Тот сходил, и возвратившись сказал: «Стоит на молитве». – «Иди опять к нему, – сказал старец, – и отведи его от молитвы, увидишь тотчас, что демон уже совсем овладел им». В самом деле, когда Феодор, возвратясь к брату тому, хотел отвести его от молитвы, тот, разжигаемый духом гордыни, принял его с бранью, но видя, что Феодор продолжает мешать ему молиться, пришел в азарт, и схватил палку, чтобы прибить мешавшего его святому делу. – Тогда демон совсем овладел им; и этот несчастный, в исступлении, начал говорить, не зная что. – Это дало очень вразумительный урок братьям, как должно убегать от духа тщеславия, и никогда не следовать своей воле и своемумышлению. Но пр. Пахомий, тронутый жалким состоянием брата, восслал к Богу усердные о нем молитвы и Бог избавил его от беснования. За то исцеленный уже не возвращался к

прежнему греху и никогда не выходил из пределов смиренного послушания.

Как послушание есть самая крепкая основа монастырских порядков и даже самого спасения душ в иночестве, то пр. Пахомий ничего так строго не требовал от своих учеников, как сей добродетели, и не пропускал ни одного случая без наказания, когда кто-либо оказывался нарушителем ее. – Однажды, возвращаясь в свой монастырь, по обозрении других, встречен он был братиями за воротами монастыря, во свидетельство своего к нему почтения и любви.

Между ними протерся один из детей, воспитывавшихся в монастыре, и сказав в свою очередь слово приветия старцу, прибавил: «Истинно говорю тебе, отец мой, что с тех пор, как ты ушел, нам нисколько не готовили ни зелени, ни варева». Авва отвечал ему с ласкою: «Хорошо, хорошо! вот я распоряжусь, что впредь всегда уже будут для вас готовить то и другое». – И с этим словом вошел в монастырь.

Обошедши все места, чтобы видеть все ли везде в порядке, он зашел, наконец, и в кухню, и застал брата, которому поручено было кухонное дело, за работаньем рогож. Сколько времени, спросил он, как не подается зелень к столу? Брат отвечал: «Месяца два будет», – извиняясь в отступлении от правил тем, что большая часть братии, по воздержанию своему, ничего не ела, и все приготовляемое таким образом пропадало даром; – «Но, – говорит, – чтобы не быть праздным, я работал, в замен того труда, рогожи, потому что для приготовления всего к столу достаточно было и одного брата, помощника моего».

Выслушав его со вниманием, пр. Пахомий спросил: «Сколько ты наделал рогож?» – Пятьсот, отвечал тот. «Неси их сюда», – сказал старец, но когда они были принесены, он велел запалить их, и они все до одной сгорели дотла. Тогда сказал кухоннику в присутствии других, на которых лежало тоже послушание: «Как ты ни во что вменил правила, определяющие твое послушание, так я ни во что ставлю твою работу. Я осудил ее на сожжение, чтобы вразумить тебя, как не хорошо нарушить правила, данные на спасение душ. Скольких венцев лишил ты братию? Не знаешь разве, что когда, имея возможность

удовлетворить нашему желанию, мы отказываем однакож себе в этом по любви к Богу, то за это ожидает нас большая награда; между тем как мы не можем иметь такого упования, когда воздерживаемся от чего по неволе, потому что нет средств удовлетворить нашему желанию?

Не видишь ли, что если б ты поставлял братьям пищу, как повелевает правило, то они совершали бы дело, Богу приятное, когда бы, имея перед глазами пищу, не касались ее по воздержанию? А теперь, как ты не ставил ее, то лишение их вынужденно и воздержание бесплодно. Стоило ли сберегать несколько фунтов масла, чтобы лишить братью стольких случаев получить награду: пусть пропадет все, что имеем мы в мире сем, лишь бы не лишить братью средства показать на деле хоть одно такое действие добродетели. Вот почему я всегда был той мысли, что братиям всякий день должно поставлять на трапезу все, что положено правилом, чтоб те, которые хотят лишить себя чего-либо, смотря по тому как располагает их ревность о самоумерщвлении, делали то произвольно, и через то действительно преуспевали в подвижничестве.

С другой стороны, если какому-либо брату понездоровится, не столько однакож, чтоб ему следовало уже непременно переходить на трапезу больных, – и он, пришедши за общую трапезу, не найдет здесь ни зелени, ни варева, кои обычно ожидаются, то не будет ли это для него искушением, и не подашь ли ты ему повод роптать, усугубляя телесную болезнь этою болезнью душевною? – Еще – не знаешь разве, что более юные братья легко расстраиваются в практике иноческих добродетелей, когда видят, что никакого не делается любовного снисхожденья к их возрасту?» –

Этот пример дает нам повод говорить о бескорыстии пр. Пахомия, которое было в нем не малою и не последнею чертою его достохвального характера. Во время голода, когда трудно было доставать пшеницу в Египте, пр. Пахомий дал своему эконому сто златиц и послал его купить ее, где только удастся ему найти ее. Бесполезно перебивавши в разных местах, эконом достиг наконец города Гермута, где встретил чиновника,

наблюдавшего за общественным продовольствием, который по слухам глубоко уважал пр. Пахомия и заведенные им обители и который вследствие того отпустил эконому пшеницы не только по гораздо уменьшенной цене, но еще в два раза больше, нежели на сколько хватало денег, т.е. не на сто златиц, а на двести, говоря, что на следующий год уплатите.

Эконом возвратился в обитель очень довольный своей поездкой и удачной покупкой, ожидая, что его расхвалит старец. Вышло же совсем другое. Пр. Пахомий, узнав, как все сделано, не позволил и зерна одного внести в монастырь из купленной таким образом пшеницы, и заставил эконома продать ее в окрестности по той цене, по какой она куплена, чиновнику вернуть сто златиц, какие он ему задолжал, а на сто златиц купить снова пшеницы по такой же цене, по какой и всем она продается. Когда эконом исполнил все это, он велел ему спокойно оставаться в числе братства, а на его место определил другого надежного брата.

Вот и другой подобный случай! Брат, заведовавший сапожным делом в монастыре, однажды вручил тому, на ком лежало продавать рукоделие, большое количество сандалий и других изделий этого мастерства для продажи, назначив ему определенную цену за них. Когда этот продавец, прибывши в город, разложил свои товары, те, которые подходили покупать их, находили, что цена изделиям очень низка, говоря, что так продавать можно только краденый товар. Брат-продавец объяснил, что ему так приказано, не отказался однакож взять цену, какую ему давали, а она была одною третью выше назначенной.

По его возвращении, брат усмарь, считая деньги, какие он ему вручил, нашел, что их целою третью больше, нежели сколько он ожидал, и сказал пр. Пахомию: «По истине, Отче, не следует этого брата употреблять по делам монастырского хозяйства; кажется, у него слишком много мирского духа, потому что он продал наши изделия одною третью больше, нежели сколько я ему назначил»; пр. Пахомий позвал брата-продавца и спросил, почему он так сделал. Тот извинял себя, разъясняя, как происходило дело, по его извинение не было

принято. «Ты виноват, – сказал ему св. Авва, – потому что позволил себе увлечься любостяжанием. Спешి опять в город, и возврати покупателям деньги, которые взял ты с них больше назначенного; а возвратившись, понесешь эпитимию за свой грех, и потом останешься в монастыре при таком занятии, какое тебе назначат; для исполнения же прежде бывших на тебе поручений будет назначен другой».

Ревность пр. Пахомия о том, чтоб иноки его всегда преуспевали в иночестве, была неослабна. Для этого он часто посещал монастыри и делал наблюдение не вообще только над всем братством, но входил нередко и в келии братий, чтоб видеть, что они делали и не имелось ли в чем нужды, и если замечал что, требовавшее исправления, не пропускал сказать о том с отеческою любовью.

Посещения монастырей не были у него бесполезными обходами их для формы. Он в это время делал обыкновенно очень много распоряжений относительно всего, что считал необходимым для преуспевания братий в подвигах иночества: изъяснял им Писание, подкреплял ослабевших, направлял искушаемых, всех воодушевлял мужественно противостоять козням дьявола, смущающего помыслами, восставляя памятование о присутствии Божию и возгревая молитвою благодать Св. Духа.

Он неопустительно совершал такие посещения, пока был в силе; а в последние годы своей жизни, не имея уже к тому сил, посылал вместо себя св. Феодора Освященного для наблюдения и для властных распоряжений, так как бы он сам это делал. Иногда, не имея свободного времени посетить братию, как хотелось, он посылал к настоятелям письма, предлагая в них советы и напоминания, какие считал необходимыми.

Когда требовалось утешить, или поправить какого брата, пр. Пахомий всегда был готов идти, куда бы ни пришлось. Так пришли однажды братия из Шенебоска и сказали, что у них там есть больной в крайнем изнеможении, который сильно желает принять благословение св. Аввы, прежде чем умрет. Пр. Пахомий тотчас поднялся и пошел навестить того брата; но

лишь сделал он несколько шагов по дороге ведущей в ту обитель, как увидел душу его восходящую на небо в сопровождении Ангелов, певших небесные песни. Это чудное видение заставило его остановиться. Сопровождавшие его братья, ничего не видевшие, побуждали его поспешить, чтобы не умер без него брат. Пр. Пахомий сказал: «Уже поздно; я видел душу его восходящую на небо». Эти братья, прибыв в Шонебоск, и расспросив, когда скончался больной, нашли, что это было именно в тот момент, в какой сказал им пр. Пахомий о восхождении души брата на небо.

Вот примеры скромности и высокого смирения пр. Пахомия. – Возвратясь однажды с посещения монастырей, он по обычной в этом случае молитве тотчас направился туда, где работали рогожи, и сел работать наряду с другими. Тогда, как он работал, один мальчик из числа тех, которые воспитывались в обители, с детскою простотою сказал ему, что он не так работает и что Феодор учил их иначе это делать. Пр. Пахомий тотчас встал и сказал ему ласково: «Покажи же мне, как это надо делать». – Мальчик показал, и старец сел опять на свое место и начал работать, как тот показал ему.

Нечего удивляться такой скромности. Дух гордости и чувство самолюбия были в нем мертвы; вместо их царило в его высокой душе искреннее смирение, самое глубокое. В силу этой добродетели, он так невысоко о себе думал, что иногда, по чувству своего недостойнства, не смел сам прямо к Богу обращаться с молитвами, а обращался к Святым и говорил им: «Святые Божии, удостоенные лицезрения Господа моего, умоляю вас, помолитесь Ему обо мне, многогрешном».

Он смотрел на себя далеко не так, как на высшего пред другими, но держал то убеждение, что назначен Богом послужить другим. От этого никогда не позволял он себе в чем-нибудь особиться от других; не мог также терпеть, чтоб ему оказываемо было большее внимание, нежели последнему из братии. Так, возвратясь однажды с работы, в припадке лихорадочного озноба, он отказался одеться козьей кожей, какую подавал ему Феодор, а удовольствовался простою рогожею, какую обыкновенно прикрывались и все братья.

Равным образом отказался он принять несколько зерен гранаты, какие предлагал ему Феодор, для освежения и подкрепления, и со слезами сказал: «Что это? – Потому только, что на меня возложено заправлять трудами братии и заготавливать им потребное, праведно ли, чтоб за мною ухаживали больше, чем за другим кем? Где же страх Божий? – Обошел ли ты, Феодор, все кельи, чтоб удостовериться, нет ли где какого брата, который больше разнемогся, чем я? Бог, все видящий и все испытующий, будет судить нас в этом отношении».

Смиренный Авва так, мало думал о своем достоинстве, о своей власти, что с трудом соглашался принять какую-либо услугу от другого, и когда это случалось, непременно тут же старался отплатить услужившему какою либо услугою. Он был болен и, казалось, очень сильно; – ему предложили вкусить что-то приправленное маслом. Как только он это увидел, – тотчас, вспомнив о соли и пепле, какие некогда он вкушал под руководством духовного отца своего Паламона, выпросил принести ему воды и лил ее на приготовленное кушанье до тех пор, пока в нем не осталось и капли масла.

После этого, отдав кувшин с водою Феодору, он просил его подать ему воды на руки. Когда тот это сделал, он пожелал воздать ему равную услугою, и именно умыть ему ноги. Феодор не соглашался на это. Тогда он сказал ему: «Позволь мне это сделать, прошу тебя; потому что, если после твоей услуги я не умою тебе ног, то совесть моя будет упрекать меня, что я позволяю другим служить себе, тогда как это мое дело – служить другим».

В силу этого же смирения, пр. Пахомий не смотря на то, что был Аввою всех обителей, когда приходил в какой монастырь, всегда подчинялся настоятелям его больше, чем всякий другой брат, и когда другой кто вел о чем-либо духовную беседу, он слушал его с полным вниманием, смотря на себя, как на невежду, который имел нужду в научении больше нежели кто другой.

Мы можем смотреть, как на доказательство его смирения, и на его дивное терпение, которое он показывал во всяком

случае, и которому не изменял никогда. Пришел к нему один анахорет; ведя с ним беседу, пр. Пахомий велел ученику своему Феодору приготовить что-нибудь поесть пришедшему брату. Враг, хотевший искусить святого Авву нетерпеливостью, сделал, чтоб Феодору слышалось совсем другое, нежели, что было сказано. То же самое случилось и когда он, видя что Феодор ничего не делает, дал то же приказание эконому, случайно тут проходившему. Тогда пр. Пахомий, не зная о вражеской козни, видя только, что ни Феодор, ни эконом не делали, что им было приказано, рассудил сам в себе, что верно Господь попустил это, чтоб он показал опыт своего терпения в настоящем случае; почему встал с радостным лицом и сам приготовил, что нашлось для угощения своего гостя.

Проводив потом гостя, он позвал к себе Феодора и эконома и спросил их, что значит, что они его не послушались. Они отвечали, что они ничего другого не слышали, как приказание оставить его посвободнее побеседовать с анахоретом. Из этого ответа пр. Пахомий увидел вражескую кознь, и со вздохом сказал: «Благословен Господь, подавший мне терпение и давший уразуметь кознь злого духа. Научитесь из этого, дети мои, хранить кротость и терпение в подобных случаях; ибо я знаю, что враги нашего спасения непрестанно расставляют нам сети на искушение наше. Я часто слышал, что говорили они между собою об этих устрояемых ими для нас искушениях. Один говорил: я имею дело с таким человеком, который стоит мне большого труда; ибо, как только я захочу его искусить, он тотчас устремляется к Богу умом своим, и вооружась молитвою, заставляя меня удалиться. Другой, напротив, говорил: а я имею дело с таким человеком, который не дает мне никакого труда; я ему подлагаю все, что ни захочу, и что бы я ни внушил ему, он тотчас готов бывает то исполнить: таким образом я с ним в больших ладах. Так-то, дети, бодрствуйте над собой со всем вниманием, чтоб обезопасить себя от козней вражеских; и ограждайте себя непрестанно покланяемым именем Господа нашего Иисуса Христа, ибо при этом враг никогда не проведет и не преодеет вас».

Эти наставления о смирении были излиянием любви его к сей добродетели; и он – как во всяком случае, подавал прекрасный ее пример, так не опускал ни одного повода – располагать к ней своих иноков. Но паче всего имел он попечение преследовать в них все, что отдавалось гордостью и самолюбием. Исправительное внушение, которое сделал он относительно сего некоторым старцам своего монастыря, поддавшимся духу гордости, стоит полного нашего внимания, как одно из лучших наставлений, оставленных нам св. Аввою.

Он имел обыкновение каждый вечер, в месте нарочито для того определенном, вести беседу к своим братьям о разных предметах, относящимся к достодолжному иночеству. В один день, когда собрались по обычаю братия слушать его беседу, он велел говорить вместо себя Феодору, который имел тогда не более 20 лет, а казался еще и того моложе. Как ни трудно было юному иноку беседовать о божественных вещах пред таким многолюдным собранием, особенно без всякого приготовления, но он повиновался без поперечения. Но когда начал он говорить, некоторые старцы, оскорбленные тем, что им ставят в учителя новичка в делах духовных, оставили собрание и удалились в свои келии.

Пр. Пахомий ничего в это время не сказал им, будто не заметил их шага; но когда после беседы и молитвы, ее обычно заключавшей, распустил собрание, то позвал тех старцев и спросил их: «Для чего оставили вы общество братий в то время, когда шло духовное собеседование?» Те отвечали: «Ты нам поставил наставником новичка, как будто он способен давать уроки всем братьям, не исключая и старейших в обители». Глубоко вздохнув при этих словах, св. Авва сказал им: «Или вы не знаете, что все зло, в мире видимое, изошло от гордости? Что за гордость низвергнут с неба Люцифер в бездны адовы? Что за нее Навуходоносор низведен был в состояние скотов? Или не слыхали вы, что мерзок пред Богом всяк высокосердый, и что всяк возносяйся смирится? И вот по той причине, что не поимели вы во внимании, что гордость есть источник всех зол, враг успел отуманить вас и обнажить от всех добродетелей, какими вы украшались. Ибо не думайте, что оставляя собрание

вы оказали презрение только к Феодору; нет, – вы показали ее к Слову Божью, и тем изгнали Духа Святого из душ ваших. О, как велика эта беда ваша, и сколь великого достойны вы сожаления! Как не уразумели вы, что не иначе, как по злохитрости врага, могло случиться, что вы оставили Бога и дело Ему угодное? Без изумления я и подумать об этом не могу. Как так, Бог по любви к нам, смирил Себя, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестной, а мы, ничтожные твари, надываемся гордостью! Какое низвращение всякого порядка и смысла! – Тот, Кто Своим величием и могуществом беспредельно выше всякой твари, благоволил смирением восстановить мир, тогда как Он мог превратить его в ничто одним мановением очей Своих, а мы, жалкие ничтожности, смеем возноситься гордостью, не принимая во внимание, что чрез это мы делаем себя еще более презренными! Дал я вам пример оставить собрание, когда Феодор начал говорить? Не слушал ли я его с полным вниманием, как и все братие? И уверяю вас, что я нашел в его беседе очень много для себя полезного. Таким образом, если я велел ему вести беседу, велел не за тем, чтоб он обучался, как вести такие беседы, но для пользы и утешения души моей. Итак, если я, которого вы считаете своим отцом и главою, не считал унижением для себя, слушать его, и слушал, как один из имеющих нужду в научении, почему вы поспесивились также поступить? Говорю вам, как пред лицом Бога, что если вы слезами и строгим покаянием не очистите своего прегрешения, то всеконечно погибнете».

Не менее этого, настаивал св. Авва и на том, чтоб иноки его всячески блюли себя от суетности мирской, и внушал не желать ни щеголеватых одежд, ни изысканных яств, ни дорогих зданий, ни даже мирских знаний. «Вся красота человека верующего, – говорил он, – состоит в ревностном исполнении заповедей Божиих. Иосиф был прекрасен лицом; но не в этом состояло превосходство его, а в том, что он украсил себя целомудрием, мудростью и страхом Божиим. Эти качества доставили ему управление всем Египтом. Напротив те, которые счастье свое полагали в удовольствиях плотских и в суетности мирской, жалким образом погибали, как Аммон и Авессалом».

Чтоб вооружить своих братьев против различных искушений, он внушал им запастись для этого двумя преимущественно орудиями духовными: во-первых, страхом Божиим, возгревая его в себе непрестанно; во-вторых, навыком всегда открывать смущающие помыслы опытным старцам, могущим научить, как преодолевать такие искушения. Относительно страха Божия, говорил он: «Как огонь служит к тому, чтобы очищать металлы, так страх Божий очищает сердца человеческие от порочных страстей, и делает их сосудами избранными, благоприятными Господеви, уготованными на всякое дело благое».

Говорил он также: «Часто случается, что враг искушает хульными помыслами тех, которых находит он лишенными опытности в различении вещей, или рассуждения, хотя с другой стороны они не совсем бывают чужды любви Божией. И если такие во дни искушения не прибегнуть к человеку опытному, чтоб он научил их, как побеждать этого злого духа, то он доведет их до больших крайностей. Вот почему, прежде чем искушение возьмет силу, надо спешить открывать его старцам, могущим назидать».

Подобно сему научал он братьев бороться и с другими страстями – честолубием, ленью, завистью, любоиманием, и всякою нечистотою, вселяемою врагами в души иноков. Для этого не только употреблял он беседы, какие держал каждодневно к братии, но пользовался и всяким случаем. Так, проходя однажды с Феодором мимо кладбища, где было много плачущих, он сказал ему: «Слезы эти не воскресят мертвых, но если мы будем проливать слезы покаянного сокрушения о себе и других, то можем воскресить духовно души свои и души братьев наших».

Вот что говорил он о тех, которые будучи во всем исправны, допускают иногда послабление себе в чем-либо одном, показывая, как это опасно. «Положим, – говорил он, – что какой-либо дом имеет сто комнат, и хозяин его одну из них продает какому-либо чужому человеку; может ли он быть уверен, что этот чужой, будучи однажды введен в дом, мало-помалу не втеснится и во все другие комнаты, а потом не доберется до покоев и самого хозяина, в какой отдаленной части дома ни

находились бы они? Конечно, нет. То же самое бывает и с человеком, преуспевающим в добродетели. Пусть он стяжал много добродетелей; но если, по разленению и козням врага, который всегда готов воспользоваться нашею небрежностью, он потеряет одну из них, то это будет то же, что ввести в себя врага, открыть ему свободный вход в дом свой. Если такой не опомнится, не отрезвится, и не возвратит потерянного; то враг скоро успеет отнять у него и другую какую-либо добродетель, там третью, а далее, одну за другою, и все; так что наконец завладеет и им самим всем. Вот почему, коль скоро заметит кто в себе небрежность в отношении к одной какой-либо добродетели, пусть поспешит придти в себя, оживить свою ревность и употребить все усилия, чтоб восстановить себя в прежний строй. Этим способом он не только предотвратит новые потери, и возвратит потерянное, но еще значительно подвинется вперед на пути к христианскому совершенству».

Высокая жизнь и мудрость духовная сделала пр. Пахомия общим всех иноков отцом, и они с верою обращались к нему за советом во всех своих духовых нуждах, из его ли они монастырей были или из чужих. И сами настоятели разных обителей в затруднительных случаях прибегали к нему, как к человеку, свыше удостоенному Божественного озарения.

При такой мудрости и бдительности св. Аввы, в его собственных монастырях процветали всякого рода христианские и иноческие добродетели, и можно было думать, что этот чин иночества, какой заведен был пр. Пахомием, был чудо Божие, которое Он воздвиг для спасения душ, и представлял образец, по которому следовало устроить братства ревнителей о преуспейнии в христианском совершенстве. Не иначе смотрел на дело свое и сам пр. Пахомий, только не с чувством самодовольства и возношения, а в чувствах благодарения к милосердому Господу, благоволившему устроить все сие, хоть и он послужил при сем благопокорным орудием.

Среди иноков, державшихся Тавеннисийского устава, было несчетное множество горевших духом ревнителей, которых вся забота состояла в том, чтоб совершенно отрешась от мира, нести Богоугодно благое иго Христово, и тем благонадежнее

сделать свое спасение. Мир для них не существовал; и они не жили уже на земле, но некоторым образом наслаждались небесными радостями. Ибо как они искренно взыскали Единого Бога и Ему Единому служили со всем усердием, так и Бог преисполнял их сладостью небесных утешений, и приосеял глубоким внутренним миром, который драгоценнее всего, что может дать и обещать мир при самом широком обилии своих утех.

Они все были тесно соединены между собою союзом любви, чистой и святой; взаимно себя воодушевляли на подвиги для преспеяния в жизни духовной; с некоторою ненасытностью питали себя духовно Словом Божиим; у них не было другой беседы, как о том, как восторжествовать над врагом, преодолеть страсти и достигнуть совершенной чистоты; и хотя множайшие из них были не более, как селяне, люди неученые и необразованные, но тщательным изучением Писания, опытами жизни и озарениями свыше доходили до таких степеней мудрости духовной, что достойно составляли предмет удивления для всех знавших их.

Нечего удивляться после сего, что многие из них были братья на епископские кафедры и что обители Тавенниситов, славившиеся во всем мире, отовсюду привлекали к себе посетителей, не только для того, чтоб своими глазами удостовериться в дивном образе их жизни, но и самим остаться среди их, подчиняясь тому же чину душеполезному, или научившись всему и навыкнув всем порядкам возвратиться восвояси, чтобы и там завести подобное.

Такое здание святости, столь прочно основанное и так крепко сплоченное трудами преподобного Пахомия, казалось, должно бы было простоять непоколебимо до конца веков; но немощи человеческие каких не обманывали ожиданий? Блаженные Палладий, св. Кассиан, Иероним и Руфин, 50 лет спустя после пр. Пахомия, говорят о Тавенниситах с полной похвалою и уважением; но и тогда замечалось уже, что чрезмерно умножившееся число братий, делая необходимым умножение средств содержания, начало уже вводить среди их заботы и печали века сего. Эти заботы в связи с нерадением, а

отчасти и любочестием некоторых настоятелей, мало-помалу ввели распущенность и в отношении к иноческим порядкам и в отношении к нравственности вообще, которая, возрастая, со временем сделала то, что в Тавеннисiotaх нельзя уже было узнать тех славных иноков, какие при пр. Пахомии и ближайших его преемниках так сияли благодатию Христовою.

Это имевшее быть изменение не было сокрыто от пр. Пахомия. Бог дал ему это провидеть сначала несколько неопределенно, а потом и с совершенною ясностью чрез одно видение, которого удостоил его Бог по неотступной его молитве.

В один день, когда по выходе из церкви надлежало идти к трапезе, старец не пошел туда вместе с другими, но удалился в некое потаенное место, где, затворив за собою двери, он предался неотступной молитве Богу, прося Его открыть ему, что будет с его обителями и заведенными им иноческими порядками, которые теперь являлись так плодотворными. Бог услышал его молитву и дал ему глазами видеть в видении, что так настойчиво желал он знать.

Видел он великое множество иноков, совершавших путь во рву, крайне глубоком и стремнистом. Одни из них, желая выбраться оттуда, встречали преграды и стояли в нерешимости; другие, блуждая туда и сюда, ударялись друг о друга лбами, потому что место то было покрыто густою тьмою; третьи, выбившись из сил, падали в изнеможении; четвертые, не зная как быть, выпускали лишь плачевные вопли; и разве какие-какие после страшных усилий, успевали выбраться на свет Божий из этой мрачной бездны, выражая великую свою о том радость живыми чувствами благодарения Богу.

Таково было видение! В тоже время дано было ему уразуметь и значение всего виденного. Он понял, что число иноков, держащихся его устава увеличится до чрезмерности, но что вместе с тем внутренняя жизнь среди них крайне ослабеет; что нерадивые возьмут верх над ревностными и станут утеснять их; что невежество, нечувствие, и разленение заступят место совершенств духовных, какими теперь украшаются все иноки: что большая часть зла произойдет от недостатка хороших настоятелей, места которых будут занимаемы лицами

честолюбивыми, не способными вести других к совершенству, по недостатку своей опытности и нехотению самим проходить путь, который должны бы указывать другим; что они будут добиваться сих мест непрямыми путями, споря друг с другом и внося смуты в обители; что при этой борьбе честолюбцев, злые будут преследовать добрых, которым наконец едва можно будет жить в монастыре и они должны будут умолкнуть. Так-то это прекрасное учреждение, которое достойно наименовать Божественным, станет наконец чисто человеческим, не в лучшем значении сего слова, по причине испорченности людей.

Изобразить нельзя той скорби, которою поражено было сердце пр. Пахомия, после такого видения. Проливая обильные слезы, он воззвал тогда к Господу. «Увы, Господи! если такова будет участь устроенного мною чина иноческого, то для чего и повелевал Ты мне учреждать его? Если настоятели будут так худы, каковы же будут те, которые будут состоять под их управлением? Когда слепец поведет слепца, не впадут ли они оба в яму? Выходит, я напрасно трудился. Помяни, Господи, труды мои и труды братий моих, с таким усердием и верностью живущих по моему уставу. Помяни, Господи, обетование Твое, в коем обещал Ты до конца веков сохранить духовное потомство мое. Ты ведаешь, Боже мой. что с тех пор, как облекся я в иноческий образ, никогда не давал себе вдоволь ни хлеба, ни воды, ни сна». В то время, как жаловался он так пред Господом, в сильных приливах горькой скорби, услышал глас, сказавший ему: «Пахомий! Ты хвалишься слишком много, тогда как и ты тоже, что и всякий человек. Проси милости для себя самого, и не забывай, что если бывает что, бывает по милости Моей». Тогда пр. Пахомий, простершись на земле, воззвал: «Праведен еси, Господи! Умоляю смиренно благость Твою помиловать меня, и никогда не отвращать от меня лица Твоего. Верую, что никто не может постоять, если Ты не благоволишь поддержать его».

В тоже время явились ему два Ангела и сказали: «Возведи очи твои горе». Он возвел и увидел Господа нашего Иисуса Христа в образе юноши, красоты неописанной, в неизреченном сиянии. Господь утешил его и обещал ему, что несмотря на

нравственный упадок среди его иноков, который ему дано было провидеть, Он навсегда сохранит святой род истинных чад его духовных, – что в обителях общежительных, которых родоначальником был преподобный Пахомий, исполнялось во все времена и исполняется доселе.

После всего этого, пр. Пахомий едва мог придти в себя самого. Было уже близко время ночного собрания на молитву, и он пришел на него вместе с другими. Когда после него братие уселись для выслушания его обычных наставлений, то впечатление от видения, доселе оковывавшее его внимание, не дало ему говорить о чем-либо другом, кроме того, к чему оно прямо располагало. Он убеждал их быть неизменно твердыми в подвигах покаяния, на которые они посвятили себя, и ревность свою к тому поддерживать всегдашнюю памятью о смерти, о сраме, каким покрыты будут неисправные иноки в день суда пред всем миром, о страшных муках, которые ожидают таковых, и о бесценных венцах, уготованных тем, которые останутся верными в самоотверженном служении и угождении Господу.

«Пока есть в нас дыхание жизни, братие мои, – говорил он им, – будем мужественно подвизаться во спасение душ наших, чтоб, когда не станет более времени, не жалеть нам бесполезно, что не делали этого. Будем трудиться в делании всякого добра и тщательно убегать даже малейшего прикосновения к чему-либо грешному. Ах, братья мои! Если будем мы иметь во внимании обетования, какие Бог дал ревностным подвижникам, и те страшные муки, которые ожидают иноков нерадивых и беспечных, особенно тех, которые, зная лучшее, не хотели следовать ему, то быть не может, чтоб в этом не нашли мы побужденья – все силы употребить к тому, чтоб достигнуть святости по заповедям, которые дал нам Господь Иисус Христос.

«Горе тому, кто отрекшись от мира, чтоб посвятить всего себя Богу, не живет сообразно с данными Ему обетами! Крайне боюсь я, как бы родители наши, которых мы оставили в мире и которые надеются, что мы молитвами своими и самоотверженными трудами покаяния, угодив Богу, послужим в пользу им, в той мысли, что, лишаясь нас и нас посвящая Богу,

они делали немалую с своей стороны жертву, – крайне, говорю, боюсь я, как бы они не покрыли нас стыдом и срамом, видя, что, за нашу беспечность против их ожидания, мы будем поставлены в ряду тех злых, которых и самый мир осуждает.

Вот почему, братие мои, будем трудиться со всем усердием и всеми силами, сколько их найдем в себе. Будем разжигать себя на это памятью о смерти, которая сильна отрешить от земли, заглушить в сердце любовь века сего и устремлять горе – к Богу всяческих. Будем утверждать себя в сей памяти всякий вечер, когда отходим ко сну. Пусть тогда душа ваша, рассуждая сама с собою, обращается к телу своему и каждому его члену и говорит: о, ноги, имеющие ныне свободу ходить, будьте всегда готовы шествовать лишь путями воли Божией, пока смерть, пришедши, не сделала вас неподвижными. О, руки, придет время, когда вы оцепенеете и не будете иметь возможности сделать даже и малого движения, но прежде чем оно придет, воспользуйтесь временем, и, пока это во власти вашей, простирайтесь непрестанно на благотворение и неутомимо совершайте воздеяния в молитвах к Богу. О, тело, прежде чем мы будем разлучены и ты обратишься в прах, потрудимся вместе в служении Богу, Создателю нашему, как обязывает нас к тому долг естества, не жалея себя, не утомляйся, простираясь часто пред лицом Бога, доставляя мне в обилии слезы, подклонишь под благое иго Христово, помогай мне шествовать к Нему и исполнять всякое служение Ему с радостью, не ищи покоя, не предавайся лени, чтоб иначе ты не ввергло и меня с собою в нескончаемый вечный огонь. Если ты слушаешь меня теперь, то вместе со мною разделишь вечное наследие, а если будешь непокорно, то горе мне, ибо, по причине тесного союза, в котором мы находимся, твоя гибель непременно повлечет за собою и мою; и мы оба вместе будем нестерпимо мучиться вечные веки.

Если вы будете себя воодушевлять таким образом каждый день, братие мои, то увидите, как Бог вскоре возобитает в вас, как в Своем храме; а с Ним вы не только не будете бояться никаких козней вражеских, но всегда будете просвещаемы Духом Святым, Который, лучше тысячи наставников, поведет

вас незаблудным путем спасения и подаст вам духовное ведение, какое не может сообщить никакая мудрость человеческая».

Это было не единственное видение пр. Пахомия: он сподоблялся их неоднократно. Бывало, что и враг подходил с своими мрачными прелестями, но пр. Пахомий имел очень верные чувства духовные, обученные в различении добра и зла.

Злой дух покусился однажды прельстить пр. Пахомия, и предстал ему, когда он в уединении занят был работою рогож, говоря, что он Христос. Но пр. Пахомий тотчас определил, кто этот явившийся, по впечатлению, какое производил он на душу. «Присутствие Христа Господа, – говорил он сам в себе, – сопровождается миром; взор на Него вливает радость и чужд всякого страха; Он изгоняет помыслы земные и воспламеняет желание вечного; теперь ум мой возмущен и мятется разными низкими помыслами земными». – Почему, оградив себя крестным знамением, он сказал явившемуся: «Удались, дух-обольститель, проклятый, с своими призраками и кознями, нет тебе места с рабами Божиими». Сказав сие, он дунул на него, и тот мгновенно исчез, оставив по себе страшное зловоние.

В другой раз, он явился ему в образе простого смертного, и прямо объявил, кто он. У них шла долгая беседа. Бес, между прочим, сказал св. Авве, что ему попущено искушать его и учеников его, но что он к прискорбию своему видит, что вместо успеха в свою пользу, он доставляет только братьям венцы чрез борьбу с искушениями, каким он подвергает их; что, впрочем, он надеется, что после смерти старца они наверно чаще будут попадать в его сети, не будучи поддерживаемы его бдительным над ними надзором и наставлениями.

Сказал он ему еще, что как ни слабы бесы, особенно после воплощения Бога-Слова, разрушившего их владычество, но они не отступают от своего дела, и всячески ухитряются, как бы сгубить кого из иноков; ходят за каждым, чтоб чем-нибудь прельстить его; лишь заметят в ком какое-либо внимание к своим внушениям, спешат усугубить усилия, чтоб совсем завладеть его сердцем и подчинить его своей власти; но если кто, вместо внимания к их искусительным внушениям, сразу

отвергает их, строже начинает бодрствовать над собою, пребывая твердым в исполнении всех уставных порядков, тогда они оставляют такого и бегут.

Выслушав это, пр. Пахомий глубоко вздохнул и сказал злему духу твердым голосом: «Господь да запретить тебе! и тот исчез».

Это было ночью. Утром, созвал он главнейших своих учеников, и сообщил им, что слышал, чтоб они передали то другим, – и чтоб все усугубили внимание к себе. Потом написал он о том и ко всем настоятелям, внушая вооружиться наипаче страхом Божиим и смирением.

Этим ограничим извлечение из жизнеописания пр. Пахомия, полагая, что и этого всего очень достаточно к познанию, в каком духе действовал он и к чему направлял всех и словом и учреждениями своими.

Пр. Пахомий обладал многими дарами Св. Духа, – даром прозрения сокровенных мыслей, даром видений, властью над духами, силою исцелять всякие болезни. Особенно велика была сила молитв его. И Господь всегда внимал прошениям раба Своего.

Почил пр. Пахомий в 348 г., на 57 году своей жизни, за два года до смерти пр. Антония. Зашло в ту местность какое-то поветрие и сначала взяло некоторых из лучших учеников его, а потом и его самого. Пред смертью, которую провидел, он созвал всех настоятелей монастырей, и дав им последнее завещательное наставление, назначил преемником себе Петрония. – Потом почил с миром, в радости духовной, которая отразилась и на лице его. –

Из писаний пр. Пахомия, кроме устава, сохранились письма его к настоятелям, писанные особым языком. – То и другое в переводе блаж. Иеронима. Patr. Lat. T. 23.

Письма во многом непонятны: почему не будем их касаться. Устав же представим в обзоре, расположив пункты так, чтоб ясно можно было видеть весь строй иноческого общежития, заведенного пр. Пахомием.

К сему приложим и краткие его наставления.

Устав, как замечаюсь, не во всех пунктах от пр. Пахомия изошел. Есть пункты Орсисиевы, есть – Феодора Освященного. Почему в некоторых списках он озаглавливался: правила трех великих старцев. Итак ему надобно предпослать краткое сказание и о жизни сих последних. Это тем более необходимо, что с одной стороны образ их действования объясняет некоторые пункты устава, а с другой – в сказаниях об их деяниях продолжается сказание и о деяниях Пахомия Великого.

2) Житие Аввы Орсисия

Преемником пр. Пахомия был Петроний, муж воистину достойный такого избрания. Мало сохранилось о нем сказаний; но и того, что сохранилось, достаточно, чтоб дать высокое о нем понятие. Теплота его веры и ревность, с какою он предался строгой в иночестве жизни, повлияли на его семейство и весь дом. Скоро отец, братья и слуги последовали его примеру, посвятив себя на служение Богу в обителях пр. Пахомия, а сестры вступили в женский монастырь, которым управляла сестра пр. Пахомия. Отец Петрония Псенебий все имущество свое отдал на обители; в том числе и Фебею – местность очень удобную для обители. Пр. Пахомий и устроил ее там.

Все это семейство многочисленное, или весь дом этот многолюдный, до конца пребыл верным обету, представляя всем пример строгого иночества и святой христианской жизни. Что касается до Петрония, то он отличался крайним смирением в взаимообращении, великим благоразумием в поведении и острозоркою осмотрительностью во всех своих делах. Он никогда ни в чем не послаблял себе, несмотря даже на болезни, и был всегда одинаково к себе внимателен. Особенно заметна в нем была сердобольная снисходительность к немощам других. Эти качества сделали его достойным того, что пр. Пахомий вверил ему настоятельство над обителью Тисмон, а потом главенство и над всеми монастырями. Но он прожил после пр. Пахомия только тринадцать дней и скончался от того же поветрия, которое взяло и пр. Пахомия, назначив, по просьбе настоятелей, преемником себе в главенстве над монастырями Орсисия.

Орсисий, – духом горящий, был не из первых учеников пр. Пахомия, но под влиянием наставлений и примера пр. Пахомия скоро преуспел в духовной жизни, и обрисовавшиеся в его характере черты строгости к себе, смирения пред другими, сердоболие к немощным указали в нем лице, способное настоятельствовать. Пр. Пахомий и поручил ему обитель Шенобоск. Некоторые старцы, изумляясь этому, говорили, что

он еще юн; но пр. Пахомий сказал на это, что Орсисий такие оказал успехи в духовной жизни, что они делают его златым светильником, ярко блестящим в доме Господнем.

Он был тут налицо, когда Петроний назначил его преемником себе. Это назначение приняли все с радостью, исключая его самого. Со слезами он просил не возлагать на него этого бремени, которое считает превышающим его силы; но слов его не послушали, и на слезы его не посмотрели; почему и против воли должен он был подклонить выю свою под сие иго.

Как он совершенно освоился с образом действий пр. Пахомия, то во всем сообразовался с ним; так что в нем снова будто ожил великий Авва, в его ко всем сердечности, в его живой ревности об общем преспеянии в духовной жизни, в его бдительности над всеми, в строгом соблюдении правил и особенно в частом посещении монастырей. Он не имел дара говорить о вещах духовных так, как говаривал пр. Пахомий; но тем не менее умел объяснять нужное притчами и сравнениями, которые выслушивались со вниманием и назиданием.

«Вам неизвестно, – говорил он однажды, – с каким глубоким знанием Божественных Писаний, имел обыкновение говорить нам о небесных вещах Св. отец наш. Но мне кажется, сколько может это понять мое скудоумие, что никакой нет пользы слышать прекрасные наставления, если мы не будем заботливо сохранять их в памяти и часто помышлять о них в уме своем; потому что без этого они выпадут из души нашей, и враг, замечая, что душа наша стала пуста от возбудительных на доброе благопомышлений, находит в этом благоприятную минуту вселять свое зломыслие и склонять к делам неподобным».

«Тут тоже бывает, как когда кто, приготовляя, как следует, лампаду, не позаботится влить в нее елея. Напрасно будет он ее зажигать, она будет погасать тотчас, оставляя его в той же темноте. Случается иногда нечто и худшее того: подбегает мышь, и, видя, что светильня не горит, начинает ее грызть; затем тяжестью своею сваливает наземь самую лампаду и разбивает ее вдребезги, если она из хрупкого и ломкого материала. Но если она из твердого материала, то ее можно

опять поставить на свое место, приправить и засветить. То же бывает и с душою, которая вознерадит о своем спасении. Охлаждение и разленение умаляют понемногу в душе жар святой ревности, так что наконец и ничего почти не остается от теплоты и горения духовного в сердце. Тогда враг спешит окончательно подавить его, порождая безвкусие ко всем святым занятиям и производя при них отталкивающее отягощение. Но если б эта душа позаботилась прежде охлаждения оградить себя в трудах Богоугождения, как крепостью какою духовною, страхом оскорбить столь милостивого к нам Бога, то в час искушения это непременно пришло бы ей на сердце и избавило ее от опасного охлаждения. Пусть, впрочем, и расслабнет она по забвению, но если она прониклась страхом горькой вечной участи оскорбителей Бога, то воспоминание об этом всегда сильно снова отрезвить ее и возвратить в состояние возбужденного ревнования о Богоугождении, из которого ниспала она по разленению».

Так наставлял он братий, приближая к их понятиям вещи духовной посредством сравнений. Но потом Бог усугубил его дар ведения, и он удобно объяснял самые трудные места Писания, почерпая из него, когда нужно было, и назидание, и утешение с сильным и действенным словом. Преимущественный, впрочем, предмет его бесед составляло убеждение быть верными порядкам внешней и внутренней жизни, какие заведены во всех обителях пр. Пахомием, и всегда во всем слушаться настоятелей.

Когда св. Афанасий со славою возвратился на свой престол, Орсисий послал к нему некоторых братий с приветствием и извещением о последовавших за смертью пр. Пахомия изменениях. Во главе этих братий был Закхей – главный на все обители эконо. Узнав, что пр. Антоний, когда проходили они те местности, находится на внешней горе, они поспешили воспользоваться этим столь благоприятным случаем, чтоб повидать сего великого старца и принять от него благословение.

Пр. Антоний, как только узнал, что они к нему подходят, тотчас встал с места, где сидел, и несмотря на свой 98-летний

возраст вышел к ним навстречу с изъявлением великой радости, желая поскорее узнать о пр. Пахомии. Те ответили на это одними слезами, которые всем ясно дали понять, что великого их Аввы не было уже в живых. Пр. Антоний старался их утешить, воздавая великую похвалу святому Отцу их и убеждая вместо плача воспринять ревность Пахомиеву и всеми силами стараться идти по следам его к совершенству духовному.

Он спросил их потом, кто заступил место пр. Пахомия. Они ответили, что Авва святой назначил преемником себе Петрония, но он чрез несколько дней умер и, умирая, избрал на свое место Орсисия, который теперь и заправляет всеми обителями. Пр. Антоний уже знал Орсисия, обыкновенным ли путем дошла до него добрая о нем слава, или Бог открыл ему о нем, почему он сказал им: «Не называйте его Орсисием, а называйте Израильтянином. И как вы идете к Архипастырю, св. Афанасию, то скажите ему от меня: Антоний просит тебя попещись о духовных детях Израильтянина. Сверх того он вручил им рекомендательные письма к великому Святителю и, благословив их, отпустил».

Пр. Антоний и ближайшие ученики его Израильтянами называли тех, у кого открывалось умное зрение. Израильтянин, говорили они, есть ум, зрящий Бога.

Св. Афанасий принял послов Орсисия с большим вниманием и оказал им полную любовь отеческую. И это сделал он не потому только, что получил рекомендательные письма от пр. Антония, но и потому, что сам принимал полное участие в Тавеннисиотах и всячески заботился, чтоб чин иночества, заведенный пр. Пахомием, пребывал в силе и учрежденные им обители процветали в духовной жизни.

Орсисий с своей стороны употреблял на то все свое старание. И действительно, все братство пребывало в том благоговеинстве и единодушии, в каком оставил его пр. Пахомий. Не малою поддержкою того служили многие старцы, ученики пр. Пахомия, которых пощадило поветрие. Но как многих из них не стало, и притом наиболее близких к нему, то во многих местах прежний дух начал ослабевать, и Орсисию

тяжело было к прискорбию своему видеть такое умаление истинного духа иноческого. Там и сям начало прорываться желание отособиться от других и управляться независимо. Повевал дух мира и грозил нарушить общий мир и согласие.

Замечая это, вот что говорил Орсисий в одном из своих общих собеседований: «Замечаю я, – говорил он, – что некоторые из вас домогаются должностных мест в обителях. Так не бывало при жизни блаженной памяти Отца вашего. Тогда никто не искал другого преимущества, как чтоб превосходить других в смирении и послушании из опасения быть последним в Царствии Небесном. Вы сами знаете, какого труда стоило мне решиться на преемство Петрония, когда он назначил меня на свое место, зная, сколь велика беда – взять на себя иго руководства душе и не вынести его, как должно. Я должен был покориться присуждению всех св. старцев. И в этом Моисей, первый из Пророков, подал нам пример. И он, когда Господь назначил его быть вождем народа, отказывался от сего и умолял уволить его от такого служения; но потом покорился смиренно не по честолюбию, но боясь прогневить Бога.

«Что касается до нас, братья мои, то можем ли мы сердечно внимать изречению Спасителя мира: возносясь смирится, и питать в сердце своем честолюбивые намерения? Или не знаем, что не всякому дается дар достойно управлять другими, и что это принадлежит только тем, которые выше других стоят по превосходству их добродетели? Обратите внимание на следующую притчу: если кирпич не выжжен как следует, то когда положат его в основание здания, строимого на берегу реки, вода размочит его в несколько дней, и здание будет в опасности; но если он хорошо выжжен, то, напротив, он сделается еще крепче. Таким же образом и те, у которых дух и сердце еще землены, и которые, скажем так, не пережжены еще Божественным огнем, не могут выдержать себя, как должно, быв положены в основание иноческих порядков в обители; большие трудности и искушения со стороны духа мира сего сбивают их с пути, и все у них приходит в беспорядок в том, в чем взялись они поддерживать порядки. Посему нельзя достойно восхвалить тех, которые, не сознавая в себе

достаточно сил к понесению тяжести управления, отказываются принимать его на себя, из опасения и самому подвергнуться большой опасности и подвергнуть опасностям самих управляемых. Только тех, которые сильны верою, ничто поколебать не может; они выдерживают себя верными своему призванию в самых затруднительных обстоятельствах».

Орсисий только намекал на начатки честолубивых планов у некоторых лиц, но они еще не обнаруживались, а были скрываемы. Цель такой речи была – привести таких в себя и образумить. Зло, однакож, не остановлено тем; скоро оно проторглось наружу и причинило много беспокойства по всем монастырям. Повод к тому подало чрезмерно увеличившееся число братии. Это увеличение поставляло в необходимость увеличивать и способы содержания, приобретать земли и другие употреблять к тому средства. Но забота о временном, заведенная за пределы должного, и принятая слишком к сердцу, естественно ослабила в заведовавших делами управления внимание к безвременному и связала их узами привязанности к земле, от которых с таким трудом было уже отрешено сердце. Отсюда упадок духа иноческого и расшатание монастырского благочиния.

Начало этому положил некто Аполлоний, настоятель Монкосский. Утвержденный пр. Пахомием закон требовал, чтобы во всех обителях все было общее и ни одна из них ничего не считала исключительно своим, а Аполлоний задумал сделать приобретения собственно для своего монастыря, и притом излишние. Орсисий, на котором лежало наблюдать, чтоб никто ничего не заводил нового против заведенных пр. Пахомием порядков, с любовью напомнил ему о незаконности его предприятий, и когда это не помогло, строго обличил его в допускаемой им погрешности. Но Аполлоний, вместо исправления, раздражился и побуждаемый злым духом, который хвалился пр. Пахомию, что введет беспорядки в братство по его смерти, задумал отделиться от других, и сделать из своего монастыря обитель, независимую от общего управления.

Злой пример его нашел подражателей. Опираясь на него, и другие позволяли себе подобные же покушения, и смятение сделалось всеобщим. Орсисий сколько ни усиливался остановить зло, не имел успеха, по упорству и ожесточению сердца честолюбивых зачинателей и продолжателей такого зла.

В этой крайности он пришел к мысли или совсем оставить управление, или принять кого-либо в соправители, – такого, который бы силен был внести добрый мир в братство по доверию, какое могли все питать к его советам. Но такого кто мог указать верно, если не перст Божий? – Орсисий и обратился поэтому к молитве.

Удалясь в одно уединенное место, он дал полную свободу излияниям своего сердца пред Богом, с обильными слезами и воздыханиями. В молитве своей он так взывал ко Господу: «Ты веши, Господи, как раб Твой Петроний, умирая, возложил на меня иго управления братством нашим; но се, за исключением некоторой части братий, пребывающих верными уставу Отца нашего Пахомия, другие не хотят слушать моих слов и любят лучше следовать пожеланиям своего сердца. Не могу я видеть этого начавшегося по монастырям смятения, без того, чтобы не быть поражаему глубокою о том скорбью; тем паче, что не сознаю, чтобы сам подал какой-либо к тому повод, напротив употреблял всевозможные усилия всех держать в мире и единомыслии. Я болезную, Боже мой, не о том только монастыре, где зло уже обнаружилось, но оно проникает и в другие обители, и боюсь, что, наконец, все расстроится и следа не останется того доброго единения, которое из всех наших монастырей делало одно единоедушное братство. В этой крайности, не имея сил держать всех в прежнем порядке, умоляю Тебя, Господи, указать мне человека, полного твердости и мужества, который мог бы уврачевать зачавшуюся болезнь, и я предложу его братиям в общего вождя, чтобы мне не быть виновным в гибели их душ, которая, как мне кажется, без этого неизбежна».

В ту же ночь, Бог дал ему познать волю Свою посредством таинственного сновидения, смысл которого не трудно было понять для него. Он видел два ложа, одинаково прекрасные и

дорогие; но одно из них было старо и подержано, а другое совсем ново. При этом, он услышал следующие слова: ляжь и почий на новом ложе. Пробудившись от сна и рассуждая о своем видении, он уразумел, что это новое ложе – никто другой, как Феодор, любимейший ученик пр. Пахомия. Эта мысль облегчила его скорбь, и он основался на ней тем охотнее, что сам искренно любил Феодора, и был уверен, что он обладает всеми качествами, могущими сделать его достойным над всеми главою, наипаче по тому смирению, которым и прежде всегда отличался.

Утром, он поспешил созвать к себе всех настоятелей, за исключением Феодора, и когда они собрались, сказал им: «Вам неизвестно, какое нестроение зашло в наше братство. Я сносил это довольно времени, в надежде, что после бури настанет наконец и тишина; но ожидание мое не оправдалось, мир не возвращается, нестроение же напротив растет и растет. Предъявляю вам, что я не могу более один нести столько забот, и уверен, что вы не будете принуждать меня к тому. Я полагаю, что в настоящих обстоятельствах, никто так хорошо не может справиться с делами, как Феодор, который с давнего времени приобрел общее всех уважение и пользовался особенным расположением и доверием св. Отца нашего».

Этот выбор был принят всеми с удовольствием, и радостью: ибо к Феодору все издавна питали полное доверие. Тотчас послали за ним, чтоб публично признать его главным над всеми Аввою. Пока его ожидали, Орсисий потихоньку удалился в свой монастырь – Шенобоск, откуда, впрочем, он тотчас вынужден был возвратиться, потому что Феодор решительно отказался занимать его место, пока он сам не скажет ему о том.

Возвратясь, он убедил Феодора принять на себя общее управление, и опять отправился в Шенобоск, вполне довольный тем, что сложил с себя тяготившее его бремя. Из Шенобоска, впрочем, несколько времени спустя он переселился в Монкос, частью, чтоб показать, что никакого не имеет неудовольствия на зачинщиков зла, частью, чтоб полнее насладиться преимуществами безмятежной жизни, не занимая никакой должности.

Но Феодор не так смотрел на дело. Он не считал себя главным, а вторствующим в управлении, и хотя Монкос далее еще отстоял от Пабо, где он основался жить, чем Шенобоск, не ленился часто ходить туда, чтоб пользоваться советами Орсисия во всех делах. Этого мало; он уговорил его перейти жить в Пабо, чтобы вести духовные беседы к братьям; просил также посещать монастыри, и вообще не хотел быть иным, как помощником Орсисия. Оттого во все время между ними самое тесное было единение, к утешению и назиданию всех братий.

Они оба равно были высоко ценимы и св. Афанасием, который называл их двумя столпами иночества по чину пр. Пахомия, столь для него драгоценного, и изъявлял желание; чтоб они не оставляли управления, находя его очень спасительным для братства. И точно, своею бдительностью и строгим наблюдением за исполнением установленных порядков, они держали все братство в своем чине, и жизнь духовная процветала в нем не менее, как и в начале. Прорывались, конечно, случаи и падений и неповиновения, которые причиняли чувствительную скорбь и Орсисию и Феодору, но они не нарушали общего доброго течения дел. Это впрочем, блаженное время прервано было кончиною пр. Феодора, которая крайне огорчила и блаж. Орсисия и все братство. Орсисий, по глубокому смирению своему, почитая пр. Феодора более способным управлять делами обителей, желал сам умереть вместо его, когда увидел, что болезнь его уже не к смерти, и усердно со многими слезами молил о том Господа; но был упрежден в этом пр. Феодором, который давно уже докучал о том в молитвах на гробе пр. Пахомия, и Бог услышал молитву его.

Таким образом управление снова легло всею своею тяжестью на Орсисия. Господь утешил его в сей скорби с одной стороны вниманием св. Афанасия, который писал по сему случаю и к нему и ко всему братству утешительные и увещательные послания (См. его творения, том 3), а особенно тем, что даровал ему более глубокое разумение Божественного Писания, дававшее особую силу его слову. Так, Божиею укрепляем благодатию, он имел утешение долгое время

держат все обители в блаженном мире, к общему утешению и назиданию всех.

Полагают, что блаж. Орсисий с пр. Феодором прибавили некоторые пункты к уставу пр. Пахомия, какие считали они необходимыми, судя по обстоятельствам времени, хотя нельзя указать, какие именно. При них окончательно установились порядки и определены правилами все случайности, дававшие повод к тому или другому постановлению. Последующие вожди пользовались уже тем, что получили от них. Почему весь устав пр. Пахомия, переведенный блаженным Иеронимом, озаглавливался: устав трех великих старцев.

Но блаж. Орсисий оставил по себе и особое писание о достодолжном образе жизни монашеской. Приближаясь к смерти, он написал братиям как бы некое духовное завещание, в котором изобразил законы духовной жизни, ее цели и средства, пособия к должному прохождению ее и препятствия, встречаемые в ней на каждом шагу. Это малый очерк подвижничества, применительно к тем порядкам, какие завел пр. Пахомий.

Это писание мы приложим здесь после устава, который, в некоторых пунктах поясняется им. Некоторые же пункты устава читаются здесь слово в слово. К нему приложим и другое малое писание блаж. Орсисия о шести благих помышлениях. То и другое помещено в изд. Migne, в 40 т. Греческой Патрологии.

Первое свое писание блаж. Орсисий заключил словами св. Павла: *«аз убо жрен бываю, и время моего отшествия наста»* (2Тим.4:6). Он почил, как полагают, в 380 году, правив всем братством пр. Пахомия лет двенадцать один и лет 20 вместе с пр. Феодором. Церковь поминает его вместе со всеми подвизавшимися в сыропустную субботу.

3) Житие пр. Феодора Освященного

Пр. Феодор происходил от богатых и знатных родителей Латопольской области в верхней Фиваиде. Но мирские преимущества родителей не ослепляли его; с детства питал он расположения неземные. Куда зрит устремление его сердца, особенно обнаружилось в одно время, в праздник Богоявления, который в доме его был провождаем с особою торжественностью.

Видя богатые приготовления в этот день, он сказал в себе со слезами: «О, Феодоре! к чему послужит тебе, если бы даже ты стал обладателем всего мира и имел в руках все способы наслаждаться всеми утехами его, а по смерти имел несчастье лишиться наслаждения неветшающими благами небесными? Нельзя тому и другому быть вместе: но если здесь утехи, то там мучения; или там блаженство, если здесь скорби и лишения». Сказав это, он удалился в одну более отдаленную комнату дома и там, простершись на земле, изливал душу свою в молитве пред Богом. Изъявляя то, что у него было на душе, он молился: «Я ничего не желаю, Господи мой, из всего, что есть в мире сем. Тебя Единого желаю, и того, чтоб всегда был в благоволении Твоем. Молю убо Тя, Владыко, настави мя на путь Твой, чтоб мне всегда творить волю Твою, и пребывать в любви Твоей».

Мать нашла его тут и звала на общее веселье, но он упросил ее оставить его одного в покое и пробыл в этом молитвенном и богомысленном расположении весь остаток дня того. Тогда было ему лет одиннадцать или двенадцать. Несмотря, однакож, на такую молодость, он начал вести строгую жизнь, не ел мяса, и постную пищу принимал только однажды в день понемногу, а иногда и через день. Но это не мешало ему ходить в школу и учиться, как обычно, человеческим мудростям. Так продолжалось два года, Потом, не имея более сил удерживать стремления своего духа, он с благословения родителей, или тайно, удалился в один из Латопольских монастырей, которого иноки славились высокою

жизнью, и под их руководством стал делать первые опыты в иноческом подвижничестве.

У этих иноков был такой порядок, что день проводили они каждый в особом уединении, а к вечеру собирались все в одно место, совершали молитвы и вели взаимную беседу о душеспасительных предметах. В один из таких вечеров зашла речь о пр. Пахомии и о заведенных им иноческих порядках, о которых относились с большою похвалою. От этого Феодор загорел желанием видеть пр. Пахомия и жить под его руководством, и он начал молить Господа об исполнении сего желания. Случилось по Божью устроению, что в это же время зашел в обитель старец Пекусий, ученик пр. Пахомия, посланный им в Латополь по делам. Феодор упросил взять его с собою; и таким образом скоро увидел исполнение своего желания: за что теплые воссылал благодарения всемилостивому Господу. Пр. Пахомий имел извещение свыше о приходе Феодора, и принял его с отеческою любовью. Феодор с своей стороны, видя себя окруженным такими ревнителями о духовном преспеянии, горел духом восподражать им, и если не сравняться с ними, по крайней мере, не слишком резко отличаться от них своим несовершенством. Три особенно добродетели ревновал он возделывать в себе в начале: чистоту сердца, молчание уст и скорое и искреннее послушание. Верно исполнял он все установленные порядки и усердно проходил все делания, какие там полагались в условие к преспеянию в духовной жизни, особенно был неумомим в бдениях и молитвах. Оттого скоро сделал он большие успехи в духовной жизни, и не смотря на юность, бывал в состоянии давать спасительные советы старшим и утешать братий, в скорби находившихся по какому-либо случаю. – Видя это, пр. Пахомий радовался духом и паче возлюбил Феодора, предугадывая, что со временем он будет преемником ему в управлении братством.

Мать, потерявшая Феодора из виду, услышав, что он подвизается в Тавеннисийском монастыре, пришла повидать его, и если можно взять его поближе к себе, – для успеха в чем запаслась письмами к пр. Пахомию от местного епископа. Она остановилась в гостинице женского монастыря, бывшего на

другой стороне Нила и послала оттуда письма к пр. Пахомию от епископа, прося его и с своей стороны доставить ей возможность повидать сына своего. Пр. Пахомий позвал Феодора и сказал ему: мать твоя здесь и желает видеть тебя. Пойди к ней и удовлетвори ее желание, особенно потому, что и епископ о том же пишет, которого слово надо уважить. Пр. Феодор, уже умерший всем естественным чувствам, отвечал пр. Авве со смирением: «Прошу тебя, отче мой, удостоверь меня наперед, что я не дам ответа в день судный за то, что после таких начатков иночества, кои суть плод благодати Божией, я пойду к матери, которую оставил зараз вместе со всеми другими пристрастиями мирскими, и соблазну тем братий. Если в Ветхом Завете сыны Левиины не раздумывали принести в жертву по велению Бога живого любовь к родителям и родным (Втор.33:9–10; Исх.32:27–28); не тем ли паче в новой благодати, Господу всецело себя посвятившие, не должны ставить любви к родителям выше любви ко Господу? Ибо Он сказал: *«уже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин»* (Мф.10:37). Я так себя имею, что в мире для меня ничего уже нет, после того, как я совершенным отречением отрекся от него».

Пр. Пахомий с удовольствием слушал это свидетельство совершенного самоотвержения в любимом ученике, и сказал ему: «Благословляю твои решения и намерения; не иначе, как так надлежит быть расположену настоящему иноку. Пребудь в этих чувствах и расположениях. Я не сомневаюсь, что и епископ, узнав о твоём твердом решении, не только не оскорбится тем, но еще порадует, видя в этом добрый успех в духовной жизни. Никто не станет ставить тебе в вину того, что ты оставил естественную любовь к родителям, чтоб любить их в Господе Иисусе Христе, как членов единого таинственного тела Христова: *ибо плоть и кровь царствия Христова не наследят*".

Мать, узнав о таком решении сына, что он не только домой возвратиться, но и видеть ее не хочет, решила и сама не возвращаться домой, а жить иночески в девическом монастыре, говоря в себе: если угодно будет Господу, увижу как-нибудь

сына моего между святыми Отцами, и душу мою приобретаю его ради. Так мужественное изволение юного инокa работать исключительно Единому Богу, не только ему свою душу, но и душу матери его спасло, приведши ее в тесное и прискорбное иноческое Бога ради житие.

Это, впрочем, не единственный пример отрешения пр. Феодора от естественных чувств. Скоро представился и другой к тому случай. Пришел брат его Пафнутий, желая посвятить себя иноческой жизни. Пр. Феодор держал себя к нему с такою безучастностью, как бы он был ему совсем чужой, что очень печаливало Пафнутия. Пр. Пахомий, боясь, как бы это не ввергло Пафнутия в крайнее малодушие, сказал Феодору, чтоб он поснисходительнее относился к своему брату, говоря, что снисходить к немощам новичков, которые еще не совсем отрешились от человеческих чувств, не только есть дело похвальное, но и обязательное для тех, которые больше их преуспели в сем деле. Пр. Феодор с тех пор начал действовать, как велел ему великий Авва.

У пр. Феодора был еще другой брат, старший, по имени Макарий. И тот по примеру его оставил мир и вступил в число Тавеннисийских иноков.

Пр. Феодор преуспевал все более и более в духовных совершенствах, а паче в отречении от своей воли и в послушании своему великому наставнику, которому старался подражать во всех вещах. Если случалось, что св. Авва укорял его за что, он никогда не извинял себя, и принимал обличение с смиренным молчанием, даже и тогда, как бывал совсем не виноват. Когда пр. Пахомий давал ему такие приказания, которых исполнение казалось неуместным, он никогда не позволял себе возражать или представлять какие объяснения по сему случаю, а тотчас приступал к исполнению повеленного, говоря сам в себе: Бог внушил старцу дать мне такое приказание, наперекор моему смыслению и моей воле, чтоб поскорее умертвить в конец мою самость, которая делает меня столько недостойным пред Богом. К этому прилагал он и молитву к Богу даровать ему охотное и неразмышляющее

повиновение, чтоб и мысли никогда у него не возникало о неуместности какого-либо распоряжения старцева.

Такое смиренное с самозабвением послушание тем более в нем имело цены, что он и родом был из знатных и по дарованиям, и по образованию превосходил там всех. И если в последствии он стал во главе всего братства, то на такую высоту возвели его не познания и не другие какие преимущества, а именно то, что он при всех их умел беспрекословно повиноваться.

Пр. Пахомий питал большие о нем надежды, и не боялся делать ему разные довольно трудные поручения, то утешать скорбящих, то укреплять ослабевающих, то возвращать к долгу непокорных. И все такие поручения он успевал исполнять к удовольствию Аввы с отменным благоразумием.

Замечателен следующий случай: один брат нерадивый и непокорный, не терпя более обличений, какие делал ему пр. Авва, и исправиться желая не имея, решил бежать из монастыря. Блаж. Феодор, узнав об этом, притворился, будто и сам имеет неудовольствие на старца и желает бежать из монастыря, и сказал тому брату: ведаешь ли, брат, жестоки паче меры слова этого старца, и не знаю, возмогу ли я более терпеть здесь. Брат тот обрадовался, думая, что нашел единомышленного себе товарища. Тогда пр. Феодор сказал ему: побудем еще немного здесь, брат, и если старец переменится к нам и станет добр, останемся здесь, а если по-прежнему будет зол и яростен, бежим отсюда вместе. Брат согласился на это и остался в обители ждать, пока выйдут оба вместе. Между тем пр. Феодор рассказал все пр. Авве. Одобрив эту меру, пр. Пахомий, спустя немного, позвал их обоих, и преклонив голову пред ними, сказал: простите мне, братие, согрешил я пред вами; но и вы должны, как искренние сыны, терпеть и носить немощи Отца вашего. Видя такое смирение старца, брат умилился, сознал свою виновность и положил быть вперед во всем исправным, отбросив всякое помышление о побеге из обители.

Пр. Пахомий, находя пр. Феодора достаточно утвержденным в жизни по Богу и мудрым в ведении внешних

дел, поручаемых ему, наконец положил вверить ему и настоятельство над братьями. Он поставил его Аввою монастыря Тавеннисиотского, сам же давно уже жил в Пабо, который сделался местом пребывания главных Авв. Пр. Феодору было тогда около тридцати лет. Несмотря однакож на такую молодость, кроме управления особым монастырем пр. Пахомий часто поручал ему посещение и всех других обителей с правом делать в них распоряжения, какие найдет нужными, и распоряжения сии исполнять так, как бы сам пр. Пахомий лично их делал. Об этом обители предварительно были извещены самим пр. Пахомием.

Пр. Феодор, впрочем, при всем том, что был и Аввою особого монастыря и бывал ревизором всех других обителей, нисколько тем не надымался, а напротив усугублял свое смирение, смотря на свои должности, как на бремя обязательного послушания Авве и послужания братиям, в видах споспешествования их духовному преспеянию. И в своем монастыре он так себя держал, как бы не имел никакой власти, а был всем слуга: так мертв он был для себя. Духом пребывал он в Боге, в молитвенном, любовью возгреваемом общении с Ним: потому и братьям служа, служил, как Богу, неутомимо заботясь об их духовных потребностях и о телесных нуждах. В первом отношении Бог наделял его даром слова, которое производило дивные действия на души слушавших, а во втором – терпением и благоразумием, с которыми он легко препобеждал все встречавшиеся затруднения.

К Авве своему великому пр. Феодор всегда питал искреннее благоговение, и слово, исходившее из его уст, принимал, как слово Божие. Может быть, оно не так было искусно по внешней форме, но всегда было осолено духовным помазанием, которого вкус не был безвестен пр. Феодору. Это и влекло его всегда слушать пр. Пахомия. Для этого он каждый день ходил в Пабо вечером, когда обыкновенно пр. Пахомий вел беседы к своим братиям, и возвратясь оттуда, передавал братиям обители своей слышанное в беседе пред отхождением ко сну.

Великий дар, действовавший в пр. Феодоре, – воодушевлять малодушных и утешать скорбящих, был причиною того, что посещения им обителей были принимаемы с особенной радостью, доверием к нему и искренним к нему обращением. И в беседах своих он раскрывал более утешительные стороны обетований трудящимся в богоугождении, чем грозные суды, готовые разленившимся.

В одной обители, во время посещения его, привели к нему брата, обвиняя его в воровстве. Брат этот был не виноват; на того же, кто был виновен в самом деле, никому и в голову не приходило подумать, чтоб он это сделал, потому что он всегда доброе о себе внушал мнение добрым своим поведением. Но когда никто не обвинял его, совесть не дала ему покоя. Ее укора не мог он более сносить, ибо подходило время, что из-за него должен пострадать невинный, что удваивало вину его и без того немалую. В этой крайности, он с доверием обратился к пр. Феодору, и с искренним раскаянием открыл ему вину свою.

Пр. Феодор, видя его смиренное раскаяние – залог верного исправленья себя, простил ему грех; брата же невинно осужденного призвал к себе и с отеческою любовью и состраданьем сказал ему: «Я знаю, что ты невиновен в том, что на тебя взводят, но перенеси это благодушно. Если в этом ты не виноват, в другом чем виноват пред Богом. Сочти, что это пришлось тебе потерпеть за ту вину, которой люди не видели, а видел Бог; и Бог, видя твое смирение, простит тебе все грехи твои и особенным осенит тебя благословением». Так он и того не обличив, исправил, и этого утешил, не раскрывая в чем дело. С такою рассудительностью и снисхождением действовал он на братьев. Но это не означало слабости его характера; где требовало благо доброго иночества, там он был строг, и не смотрел ни на какие человеческие уважения; братия все это знали.

Несмотря впрочем на то, что поручал ему руководить других, пр. Пахомий не переставал бодрствовать над ним самим и более и более утверждать его в началах истинно духовной жизни, не пропуская ни одного случая, какой подавал повод к тому. Однажды, пр. Феодор страдал очень головою

болью и просил пр. Пахомия помолиться Богу, чтоб Он избавил его от сей болезни. Пр. старец сказал ему: «Терпи; если бы не было полезно тебе это страдание, Бог и без моей молитвы не попустил бы быть ему в тебе, ибо Он Сам блюдет усердно волю Его творящих. Поминай страсти Господни и терпение Иовле, и забудешь о болезни своей».

Пр. Феодор часто сподоблялся особенных видений и откровений и всегда сказывал о том пр. Авве своему. Пр. Пахомий никогда не забывал ограждать сии небесные к нему благоволения таким словом, которое преграждало бы путь к сердцу его всякому тщеславному помышлению. Иногда говорил он ему: область вещей Божеских необъятна; малость некую дает Бог знать из них, и то в той лишь мере какой способен кто воспринять ведение о них. Как мы бедны и немощны! – В другой раз внушал: получивший десять талантов, десять и прибыли принес. Возьми это себе во внимание и не допусти себя быть некогда осуждену вместе с сокрывшим талант свой в земле. Пр. Феодор внимал этому со слезами, и не тщеславием каким, а глубоким сокрушением и смирением исполнялся в сердце своем и в этих случаях, ясно указывавших на высокое его совершенство духовное.

Вот случай, показывавший, как бдительно пр. Пахомий смотрел за всем, что происходило в душе пр. Феодора, и с какою отеческою нежностью и вместе с строгостью спешил он исправить всякую вкрадавшуюся в сердце его неправость. Пр. Пахомий слег от болезни; это было за два еще года до его смерти. Первейшие ученики его собрались вокруг его и для возможного облегчения болезни, и из опасения лишиться своего отца, не услышав последних слов его. В это время, находясь в особой келии, не на глазах пр. Пахомия, они начали рассуждать, кто бы мог достойнее занять место великого Аввы, если бы Богу угодно было взять его. Как все они были убеждены, что никто настолько не близок в духе к пр. старцу, как Феодор, то и налегли на него, требуя от него обещания, что в случае смерти Аввы он не откажется взять на себя попечение о всем братстве. Пр. Феодор отказывался решительно, несмотря ни на какие настояния; но когда это повторилось несколько раз и все с

большею, и с большею силою, тогда он уступил им и изъявил согласие на их желание.

Исторгшие такое согласие, никак не думали, чтобы пр. Феодор сделал что худое, дав его; но пр. Пахомий, узнав о том, не одобрил его, не потому, чтоб считал его недостойным, но потому, что провидел, что при этом в сердце Феодора проскользнули помыслы суетного тщеславия, которых оно дотоле было чуждо.

Чтоб заглушить и с корнем исторгнуть это злое прозябание, пр. Пахомий велел позвать к себе настоятелей – Сура, Псентаисия, Пафнутия, Корнелия, а вместе с ними и Феодора. Когда они собрались, он предложил им объявить ему откровенно, не видит ли кто в себе чего худого в настоящее время. Чтоб подать им пример, он сам первый сказал, что в себе видит. Подражая ему, говорили и другие, кто одно, кто другое. Дошла черед и до пр. Феодора. Старец спросил его, не чувствует ли он в себе чего укорного. Пр. Феодор со смирением исповедал, что было у него на душе, говоря: «Будет семь лет с того времени, как ты поручил мне обитель и приказываешь посещать другие монастыри и делать в них нужные распоряжения. Во все это время ни однажды не приходила мне мысль, что буду твоим преемником в главенстве над всем братством; а ныне я нахожусь в этом искусительном помысле и чувствую, что я не столь сильно борюсь с ним, как бы следовало».

Пр. Пахомий сказал ему: «Хорошо, что ты так сознаешься в оплошности своей; но я вижу, что ты еще очень доступен влиянию страстных помыслов и нахожу необходимым побыть тебе в числе братства простым иноком, чтоб иметь более времени заняться собою и испросить у Господа прощение в допущенной погрешности». С этим словом он отставил его от настоятельства.

Пр. Феодор вышел из собрания, проникнутый глубокою скорбью сердечною не о том, что лишен власти, но о том, что позволил себе увлечься честолюбивым помыслом и тем опечалить отца своего духовного. Удалившись в келию, он предался плачу и воздыханиям, боясь, не отвратил бы Господь

лица Своего от него и в конец не предал его в руки падения, на терзание страстям, а чрез них и врагам нашего спасения.

Два года пробыл он под этою эпитимиею, до самой смерти пр. Пахомия. Во все это время он с таким сокрушением каялся и в таком смирении держал себя, что казался одним из новичков. Горько плакал он и обильные проливал слезы до того, что стали бояться, не повредило бы это его зрения. За то пр. Пахомий, восстанавливая его в прежнее достоинство, сказал, что Бог даровал ему благодать подвинуться в сие время вперед в духовном совершенстве в семь разе более, нежели сколько обладал он им до того времени.

В предсмертные дни пр. Феодор неотлучно был при своем Отце; и Авва святой показывал ему знаки искренней отеческой нежности. Он внушал ему с особенным напряжением никогда не забывать немощных братий и всячески пещись о тех, которые расслабевают в нравственной крепости своей и начинают нерадеть о богоугождении. До трех раз он повторял ему это внушение. Видно было, что он предназначал его в главные настоятели над всеми монастырями; непосредственным однакож преемником себе назначил не его, чтоб дать ему время и побуждение окончательно утвердиться в смирении. – Преемником себе, как сказано уже, назначил пр. Пахомий Петрония, за которым следовал Орсисий; и Орсисий уже передал главное начальствование пр. Феодору.

Как уже известно, это произошло вследствие того, что Орсисий, не имея довольно сил и мужества подавить недоброе движение в обителях, которому начало дал Монкосский настоятель Аполлоний, обратился к Богу с прошением указать ему преемника, который бы с успехом восстановил расшатавшийся мир в братстве; и Господь указал ему в особом видении на Феодора.

Как все сие совершилось, сказано в житии Орсисия. Пр. Феодор принят был всем братством с открытым сердцем, с полным доверием и готовностью слушать его во всем.

В первом же слове своем ко братиям он показал, куда будут направлены его усилия, именно к восстановлению общего мира и скреплению всех единым союзом любви. Он представлял им,

чего стоило пр. Пахомию учреждение братства, какие подъял он для того труды, какие выдержал борьбы с врагами нашего спасения, и сколь страшная вина падет на тех, которые своим несогласием расстроят это великое дело; представлял также, в каком блаженном состоянии находились все при пр. Пахомие, убеждая их возвратить себе сие блаженство братским взаимным единением и совершенным отрешением от благ земных. «Несколько лет прошло, по смерти Отца нашего, – говорил он им, – и где девались то благое состояние и тот сладкий покой, какими мы наслаждались при нем? Тогда у нас не было других желаний, кроме ненасытимой жажды слышать слово Господне, сладчайшее паче меда и сота, и обогащаться познанием вещей божественных. Мы жили в отрешении от всего земного, и наши сердце и сознание пребывали на небе, а не на земле. Как прозябший до костей берется бежать изо всех сил и бежит, пока не почувствует прилива сладкой теплоты и совсем не согреется: так, все забыв, гнали и мы к почести вышнего звания о Христе Иисусе, Единого Бога ища и теплотою Его любви согреться жаждая; и чем больше мы вкушали Его, тем более жаждали вкушать; и Его присутствием наслаждаясь, в Него Единого имели вперенным ум, и желания не имея развлекаться помышлениями о чем-либо другом. Ныне же, посмотрите, сколь плачевно у нас положение дел. Отчего? Оттого, что отделились мы от Бога, и земное стало ближе к нам, чем Он. Но опомнимся и возвратимся к Нему. Его беспредельная благодать не отвергнет нас, и снова изменит сердца наши и возвратит им Свою убажательную близость». Так говорил преподобный и был столько проникнут скорбью, что не мог удержать слез: плакали с ним и все слушавшие.

Вскоре пошел он посетить монастыри в сопровождении некоторых уважаемых братий, и всю мудрость слова своего и теплоту любви своей направлял к тому, чтобы всех возвратить к единому сердцу и братскому союзу. Бог благословил его усилия полным успехом. Сам Аполлоний, отделившийся было с своим монастырем от братства, снова возвратился в него и подчинился общим порядкам под единым Аввою. Так доброе

согласие опять водворилось между всеми, и враг душ, ввергавший в среду их огонь разделения, был посрамлен.

Этот образ действия на братий искренним советом и теплотою любви и благожелательства сердца всех привязал к пр. Феодору; и все с полным доверием обращались к нему со всеми своими духовными нуждами, открывая ему свои самые сокровенные помыслы и расположения. С своей стороны, он их утешал, воодушевлял, укреплял, вооружал против искушений врага и врачевал внутренние их раны действенно, как опытный духовный врач, которому ведомы все тайны духовной жизни.

Особенно был он терпелив и относился с дивною снисходительностью к тем, которые плохо пользовались его советами и оставались в обычном нерадении о спасении. Он не переставал их увещевать, представляя для возбуждения их потрясающие истины нашей веры, могущие умягчать самое загрубелое сердце; наипаче же прибегал к молитве, веруя, что Господь, Которому дорого спасение душ, не оставит бесплодной такую молитву. К заботам таким он поощрял себя тем убеждением, что если он оставит этот труд по причине тяготы, которую надо вынести, приводя других в самих себя и заставляя исправиться, то Бог потребует с него отчета в гибели их и в гибели тех, которые увлечены будут их примером. Вот почему он не давал очам своим дремания, бодрствуя над душами всех и не щадя при сем никаких усилий.

«И за самого себя давая отчет, – говорил он, – кто устоит на суде? Какого же оправдания может надеяться тот, кто должен давать отчет еще и за других?» – И усугублял свое ревнование о спасении их. При всем однакож том, что управление его шло очень исправно, он, по глубокому смирению своему, никак не думал, что исправляет свой долг как должно, уверяя, что он очень далек от того, чтобы иметь все качества, какие должен иметь настоящий Авва. Такие смиренные о себе держал он мысли особенно потому, что своими глазами видел высокий пример начальствования в блаженном Отце своем Пахомие. Этот пример не выходил у него из памяти; и когда, давая наставления, он хотел придать особый вес своим советам, всегда приводил добродетели и уроки преподобного Аввы,

давая разуметь, что не он учит, а продолжает учить общий всех их великий Отец.

Сделавшись главным Аввою, пр. Феодор послал в Александрию к св. Афанасию двух братьев, Феофила и Коприя, с извещением об этом и с прошением благословения и утверждения. Возвращаясь оттуда, они привели с собою Аммона, юношу лет семнадцати, который, как только обратился к вере, так пожелал вступить и в иночество, прослушав одну беседу св. Афанасия об этом образе жизни. Впоследствии, этот Аммон был епископом и по желанно Архиепископа Феофила описал деяния пр. Феодора Освященного, какие сам видел своими глазами и о каких слышал от других очевидцев.

На первом месте он ставит, как был изумлен стройным порядком, который царствовал в собрании, куда он был введен в первый раз, несмотря на многочисленность братьев; затем рассказывает о разных случаях, когда Бог открывал пр. Феодору сердечные сокровенности братьев, в их назидание и исправление, и о многих исцелениях, какие совершал он для прибегавших к его помощи в его ли обители, или в то время, когда он посещал другие монастыри.

Рассказывает также, как пр. Феодор, взяв с собой 40 братьев из монастыря Пабо, где он имел постоянное пребывание, отправился на один остров Нила – нарезать ветви для делания рогож. Там он пробыл несколько дней и во все время неопустительно как было исполняемо общее молитвенное правило, так ведено им самим вечернее собеседование, как бы они были в монастыре. В один вечер, когда вел он свою беседу, подползли в его ногам две небольшие ехидны. Чтоб не прерывать беседы и не развлекать внимания братьев сторонними предметами, он выгнул ступню дугою и, пропустив туда ехидн, продержал их там, пока кончил беседу, и тогда уже пустив их, велел побить.

Рассказывает еще, что к Пасхе собиралась обыкновенно не одна тысяча братьев праздновать вместе сей великий день. В одно время собралось их тысячи две. В среду на Пасхе пр. Феодор, после обычной беседы, сидел с ними и разрешал недоумения, какие кто имел о разных местах Писания.

Наговорившись в сытость, он встал и, распуская собрание, сказал: «Для меня великое утешение вести с вами беседы по вашим вопросам. Из этого заключаю я, что вы непраздно проводите время, а даете пищу уму своему, вникая в словеса Бож. Писания». Затем, прибавив еще несколько слов, заметил: «Блюдайте себя и паче всего бегайте тайноядения. Вещь эта кажется небольшою; но она велика потому, что дает вход в сердце бесу-губителю, который после малого сего, не замедлит научить и большему чему». Не успел он кончить слов этих, как один брат подошел к нему и исповедал такой именно грех свой. Но пр. Авва поспешил прикрыть своею мантиею лице его, чтобы не всем явен он был и, видя его раскаяние, отпустил с внушением блюстися прочее.

В другой раз, говорит, некоторые из братий, посланных рубить дрова для обители, отдалившись несколько от других, при работе предавались шуткам и смеху. Во время молитвы Бог открыл пр. Феодору об их проступке и в следующей по возвращении их беседе он говорил в общем собрании: «Не безызвестно вам, братие мои, что те, которые дают обет иноческой жизни, должны вести себя более строго и свято, нежели прочие люди. Их жизнь должна быть более ангельскою, чем человеческою. Отрекшись от мира и самих себя отвергши, они должны жить Тому лишь, Кто умер и воскрес ради их, сораспиная Ему себя произволением. Таков дух нашего чина. Для этого именно оставили мы родителей и соединились здесь в одно братское общество. Мы должны смотреть потому на Христа Господа, как на образец свой, чтобы во всем сообразовать жизнь свою с Его жизнью. Он для нас путь, которым должны мы шествовать неуклонно. Должно нам также держать то убеждение, что Бог милосердый даровал нам Божественное Писание не для того только, чтобы утверждать в вере и жизни по вере возжелавших достигнуть Царствия Небесного, но и для того, чтобы утвержденные в той и другой подавали пример другим, и все во взаимно-назидании успешно текли к предназначенному им совершенству. Но, к великому прискорбию моему, некоторые из нас, шествовавших добре, начали возмущать стопы ног своих и делать неверные шаги.

Четыре брата из тех, которые были посланы рубить дрова, отдаляясь от других, предавались смеху, шуткам и всякому пусторечию, – не поимевши в мысли, что, поступая так, они оскорбляют Духа Святого в душах своих. Он открыл мне об их прегрешении, чтоб я обличил их, и чтоб они, выслушав мое обличение, пришли в себя и, раскаявшись, поспешили очистить грех свой. Не знают разве они, что говорит пророк Иеремия: *«Не седох в сонме их играющих, но бояхся от лица руки Твоея: на едине седях, яко горести исполнихся»* (Иер.15:17)? Или забыли они, что сказал Иов: *«Да обратится на главу мою всякое зло, аще ходих с посмеятели»* (Иов.31:5)? Не знают разве, что Бог в рабах Своих не менее наказывает малые грехи, как и большие для того, чтоб вернее обезопасить их спасение? Не читали будто, что говорит Соломон: *«яко глас терния под котлом, так смех безумных»* (Еккл.7:7)? И в другом месте: *«смеху рекох: прегрешение»* (Еккл.2:2)? И еще: *«блага ярость, паче смеха»* (Еккл.7:4)? Так-то, братие мои, умоляю вас быть более внимательными к себе самим и воспользоваться уроком Апостола, который говорит: *«смех ваш в плач да превратится и радость в сетование»* (Иак.4:9), из опасения, как бы не подпасть страшному приговору, изрекаемому Спасителем на смеющихся: *«горе вам смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете»* (Лк.6:25). Сами себя самоохотно осудите на покаяние, своею волею предайтесь плачу и воздыханию – и это избавит вас от слез, которые вынуждены будете проливать бесполезно в другой жизни. Поставьте себя в присутствие Господа, и с искренностью сердечною скажите Ему с Пророком: *«беззаконие мое аз возведу (сознаю), и попекуся о гресе моем»* (Пс.37:19).

Такой спасительный совет дал пр. Феодор тем четверем братьям. Они не вместе стояли в собрании; но как бы одним духом подвигнутые, вышли на среду, пали ниц, принесли покаяние в слезах и просили молитв о себе и у Аввы, и у всех братий. Это исправление утвердило их навсегда в добрых правилах, и всему братству доставило впечатлительное назидание.

Был и другой подобный случай, только не с одинаковыми последствиями. Брат Моисей, часто исправляемый, оставался в обычной своей неисправности. Однажды пр. Феодор послал его вместе с другими братьями на некоторый остров Нила собирать травы, которые солили для стола братий; но к концу пятого дня послал за ним, чтоб шел скорее в монастырь. Тот ответил было, что придет вместе с другими, когда кончат работу, но был принужден покориться. Когда он возвращался, пр. Авва был в то время с Псентаисием и Исидором и очень скорбел о сем брате. Увидев его, он сказал ему: «Легче бы было мне, брат мой, если б мне сказали, что ты умер телом, нежели знать, что ты умираешь душою своею. Не толковал я разве тебе, не убеждал разве тебя столько раз в келии твоей, – бросить злые помыслы, какие ты обык вращать в уме своем? Ты всегда говорил мне, что это все вражеские внушения. Но не говорил ли я тебе, что ты сам призываешь к себе врага развращением сердца своего и сам отдаешься ему прежде, чем он приступает к тебе с искушениями. И вот я вижу, что он теперь совсем овладел тобою». Моисей, по упорству в зле, начал оправдываться и прикрывать грех свой, но пр. Феодор определенно указывал ему время и место, где и когда он предавался худым помышлениям своим и своему ласкосердству; и как он все еще хотел сваливать вину на врага, сказал ему: «Доселе Бог щадил тебя и не попускал злomu бесу вселяться в тело твое на мучение тебе; но как ты сам дал ему место в себе, то наконец и присуждено тебе такое наказание. Отселе ты не будешь более в монастыре, я должен выгнать тебя отсюда». После сего он велел четверем братьям, какие посильнее, вывести его из монастыря и отвести в ближайшую деревню. По лишь только вышел он за монастырские ворота, как бес овладел им, и сии четыре брата едва могли довести его до деревни, связав его крепко веревками.

Скорбь о гибели сего брата скоро была вознаграждена радостью о благом конце и несомненном спасении другого. Пр. Феодор в один день сидел с братьями. Вдруг радостью просияло лице его, и он сказал: «Радуйтесь, братья мои! Бог явил великую милость к брату нашему Казуру, что в

Птолемаидском монастыре. Душа его разрешена от уз плоти и взята на небо, чтоб вечно наслаждаться райскими сладостями. Это ему не за то только, что он всегда тверд был в вере, но за то, что с чистотою сердечною он украсил себя и всеми другими добродетелями. Если приходилось мне иногда делать ему некоторые замечания по случаю небольших его оплошностей, то Бог очистил их скорбями, какие он иногда терпел, и особенно предсмертными болезнями». Эти оплошности, о которых поминает здесь пр. Феодор, были его небодренность и разлечение во время ночных молитв.

Однажды, в девятом часу, собрав всех братьев, пр. Феодор сказал им: «Бог внушил мне объявить вам, что кто истинно верует в Господа Иисуса Христа и искренно покланяется Ему, того грехи, совершаемые по крещении, прощаются, если он искренно раскаивается в них и опять на них не возвращается. Прощены и вам все ваши грехи: потрудитесь теперь пребыть верными заповедям Господним». – Лишь кончил он сию беседу, как прибыли Феофил и Коприй, посланные в Александрию по делам обители во второй раз. Они заходили к пр. Антонию и принесли от него письмо к пр. Феодору. Прочитав его про себя, пр. Авва велел потом прочитать его и вслух всех. В нем содержалось то же самое, что он только что сказал братьям, именно, что падающие по крещении, не лишены надежды помилования, если искренно раскаиваются и не возвращаются опять на прежние грехи. – Надо полагать, что толки об этом ходили среди монахов, навеянные еретиками.

Аммон рассказывает о многих и других откровениях свыше пр. Феодору, о которых он слышал от Авзония и Елуриона. Между прочим, он передает слово самого Феодора о таких видениях и откровениях, которое имеет приложение во всякое время, как бы ни было оно скудно дарами Божиими.

«Надобно, говорил он, иметь в сем отношении большую осмотрительность и паче всего опасаться, как бы не подумать о себе больше, нежели сколько есть. Откровения Бог дает, сам человек остается все тоже ничто. Равным образом, надо подавлять всякое желание откровений. Кому открыть и что открыть – это дело Божие. Нам самим в сие дело вступать с

своими желаниями совершенно неуместно. И сколько имеем мы опытов, что такое желание всегда было и есть предначатие обольщения. Враг всеваает его, и когда успеет разжечь и увлечь, успеет и обмануть видениями и откровениями ложными.

Потому и тем, которые сподобляются сего дара, как и тем, которые не имеют его, надо равно питать глубокосмиренные чувства о себе самих; и об одном просить Господа со страхом, чтоб Он благодатью Своею избавил нас вечных мук. Так поступали все святые Божии: Давид молится: *«сохрани душу мою, и избави мя»* (Пс.24:20). Св. Павел говорит о себе: *«молился я и избавлен был от уст львовых»* (2Тим.4:17); это того льва рыкающего, который ищет как бы пожрать души наши.

По истине мы имеем дело с врагом хитрым и злокозненным, который часто сбивает нас с пути, прикрывая ложь и зло призраками истины и добра. И надо иметь особый дар рассуждения духовом, или всеваемых помыслов, чтоб не попасться в его сети. Но как этот дар не всеобщ, то нам дано другое, доступное всем правило для определения истины: покорствуя Богу, покоряйся и Святым Его. Возьмите во внимание, братия мои, что Господь и Спаситель наш, на земле явившись и с человеки поживши, не благоволил Сам своим лицом возвестить всему миру истину Свою, но вознесся на небо, а вместо Себя проповедниками истины оставил Апостолов, ниспослав им Духа Святого – Духа истины. Они пронесли истину Божию во все пределы земли и хранителями ее в Церкви по себе оставили преемников своих, епископов. Ныне, кто хочет знать глас Господа Спасителя, слушай св. Церковь, как говорит она устами пастырей своих, и пребудешь незаблудно в истине. Так в отношении к истине вообще, так и в отношении к истине в частнейших случаях. Что влагается тебе в ум, повеждь пастырям, и они решат, истина ли тут или прикрытая ложь; и никогда не попадешь в сети врага».

По мере даров великих, пр. Феодор и смирением был велик. Сколь искренно он все относил к милости Божией, ничего себе не приписывая, видно из того, что он часто рассказывал о своих искушениях и нападениях врага, не дающего ему покоя и о своих опасениях, как бы не пасть, не оскорбить Бога и не быть

отверженным от Него. – «Если, – говорил он, – Ангелы пали, если случались падения между Пророками, Апостолами, учениками св. Павла, то как не бояться падений нам, немощным и ничего доброго не имеющим?»

К этому присовокупил он однажды пространную речь вообще об опасностях сей жизни, о страхе и осмоторительности, с какими надлежит нам проводить жизнь свою. «Вообразите себе, – говорил он, – гору, возвышающуюся до облак и тянущуюся от востока до запада, и на верху сей горы дорожку в несколько пядей, с той и другой стороны окруженную страшными пропастями. Это есть образ пути, которым идет человек, отрожденный водою и Духом в св. Крещении и вступивший в иноческую жизнь, под знаменем креста Господня. Думаете ли вы, что ему, когда он ясно видит и тесноту тропы, и глубину пропастей, готовых поглотить его, сделай он только мало-мало неверный шаг, можно не быть в чувстве страха и опасения за свою жизнь во все время течения по сей тропе?

«Скажу вам прямо, что пропасти по левую сторону суть порочные наклонности и страсти, наипаче плотские, а пропасти по правую сторону суть движения тщеславия и самомнения, которые нападают на людей, творящих добро и имеющих какие-либо совершенства. Надобно идти сквозь эти искушения, нисколько не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону, а всегда строго держась середины, вооружась спасительным страхом Господним. Действуя так, достигают наконец того блаженного обиталища, где ждет наш Спаситель, окруженный неисчетным множеством святых небесных сил бесплотных, с многоценными венцами, которые уготовал Он всем, верно шествующим прямою дорогою в Царствие Небесное.

«Может быть, скажет кто, что, судя по этому сравнению, если кто, хоть раз оступится в шествии своем, позволив себе увлечься какою-либо страстию, то ниспадает в пропасть пагубы, откуда ему нет возврата. Нет, не та мысль моя. Напротив, если кто, раскаявшись с истинным сокрушением, вступает на путь веры и заповедей, того, если случится ему иногда ослабеть и умалиться в прежней ревности, так что он бывает в опасности

мало-помалу ниспасть в пропасть, Бог, по милосердию Своему, отводит от края пропасти и поставляет посреди пути, чтоб он шествовал опять верно. Это совершает Он иногда невидимыми внушениями Своими, печатлеемыми в их сердце и совести, иногда болезнями и скорбями, иногда встречами с мужами святыми или с грешниками, из которых первые своим примером и словом восстанавливают в нем прекрасный образ добродетели и заставляют прилепиться в Нему вседушно, а вторые – своим безобразием возбуждают отвращение ко греху и ко всему греховному. Бог никогда не забывает труда веры и любви, и только сам ты не предавайся произвольно в руки падения своего, и Он найдет путь к сердцу твоему, чтоб отрезвить его и опять зажечь в нем огонь ревности о святости и чистоте. И падшие встают. Остаются в падении только те, которые не хотят встать».

После сего пр. Авва представил им, как спасительно не уступать страстям, а напротив мужественно вступать в борьбу с ними, упражняя себя в противоположных им добродетелях и чтоб более воодушевить к этому припомнил слова великого Пахомия. «Хочу напомнить вам об одном приеме в борьбе, который часто был внушаем нам пр. Отцом нашим. Именно, кто хочет преодолеть какую-либо в себе страсть, гнев например, тот пусть, когда случится ему, положим, встретить насмешку от кого, вместо того, чтобы приходить от этого в раздражение и сердчать, говорит сам в себе: добре-добре, – вот представляется мне случай стяжать в свою пользу серебряную монету, – и с этим словом пусть напряжется подавить восстающие движения гнева. Если сделает так, – монета приобретена. Если к насмешке прибавится еще и какая-либо напраслина, то пусть он говорит в себе: а тут представляется случай еще к большей прибыли; не надо его упускать, не воспользовавшись им, как следует. – Нет сомненья, что кто будет так действовать во всех случаях, возбуждающих гнев, тот дойдет наконец до того, что гневливость его совсем укротится. Гневаемся от того, что не берем в рассуждение, стоит ли гневаться, и не соображаем, что гневаясь, терпим потери и делаем себе вред, а подавляя гнев, приобретаем и избегаем вреда собственно от гнева

происходящего. Серчание значит, что мы еще плоть, и что плотяно все, к чему лежит наше сердце».

Чтоб расположить их с большим усердием противостоять гневу, он представлял им в пример мучеников, которые не только мужественно терпели всякого рода мучения, но желали еще больших, и в самых нестерпимых страданиях молились за своих мучителей. Наконец, он заключил свою речь следующими многоназидательными словами: «Скажите мне, прошу вас, что такое сделали мы, что хоть сколько-нибудь могло бы идти в сравнение с дивным наследием, которое благоволил уготовить нам милостивый Господь? Смерть что ли подъяли мы за имя Господа Спасителя, или по крайней мере потерпели гонение за веру в Него? Трудимся: но не довольно ли в воздаяние за этот ничтожный труд уважения, которым окружают нас люди? Не много ли даже и этого, если воздаяние определять меру в меру? Но дивитесь беспредельной благодати Божией, по которой за малый труд нам уготовано воздаяние, которому меры нет. Бог действует в отношении к нам подобно тому, как если бы какой богатый человек сказал скудельникам: принесите мне все наработанные вами скудельные сосуды, и дайте мне свободу сделать с ними, что хочу, – хоть бы перебить их и разбросать; я же вам за них дам сосуды золотые, наполненные драгоценными камнями».

Утрудившись, наконец, борьбою с неисправностями по всем монастырям, пр. Феодор испросил себе смерть и почил в 367 или 368 году, после Пасхи, на 55 году своей жизни, а по иным на 53-м. Память его мая 16-го.

2. Устав Тавеннисiotского общежития

Из житий пр. Пахомия, Орсисия и Феодора Освященного уже довольно выяснились заведенные пр. Пахომием порядки иночествования общежительного. Главное предначертание для этих порядков дано св. Ангелом на дщице. Последующее развитие их в подробностях сделано пр. Пахომием по руководству того предначертания и по внушению свыше особенному, которого нередко сподоблялся он при разных случайностях. Пр. Пахомий не писал предварительно общего плана для общежитий, а заводил порядки, как встречалась нужда. Правила рождались тотчас, как представлялся случай, требовавший их. Таким образом, жизнь общежительная сформировалась вполне еще при жизни пр. Пахомия; но нет ничего дивного, что и после него иное требовало новых правил, которые и были даваемы бл. Орсисием и Феодором Освященным. В оставшемся от Орсисия наставлении инокам есть два-три правила, слово в слово приводимые и в уставе. Эти правила и можно относить к Орсисию. Если же эти относить, то почему ими одними ограничим участие Орсисия в заведении порядков? Если далее бл. Орсисий давал правила, то тем более прилично это сказать о пр. Феодоре Освященном, столь многими дарами Духа Святого обогащенном. – Итак, за несомненное можно положить, что все общежительные порядки иночествования окончательно заведены и утверждены правилами всеми тремя великими Аввами: Пахომием, Орсисием и Феодором. Оттого устав в иных списках так и озаглавливался: устав трех великих старцев.

Этот устав, писанный, не обнимает всех порядков общежития, заведенных в Тавеннисiotских обителях. Может быть, при жизни пр. Пахомия, кроме правил, начертанных Ангелом на дщице, ничего писанного и не было. Весь устав был в пр. Пахомие и действовал на практике, будучи исполняем теми, на коих возлагаемо было блюдение заведенных порядков. Впоследствии, стали записывать то сторонние посетители, то свои для памяти. В записи не соблюдался какой-либо порядок,

а что приходило когда на ум или представлялось важным, то и записывалось. Так прилагалось правило к правилу, и составилась сборник правил, составляющих дошедший до нас писанный устав пр. Пахомия.

Сохранил его нам блаженный Иероним. Некоторые иноки из Италии, подвизавшиеся в Фиваиде и по всему Египту, не знавшие ни Греческого, ни Египетского языка, желали иметь устав пр. Пахомия на своем родном языке, как он ходил по рукам на Египетском и Греческом. С сею целью, доставши Греческий список записанных правил пр. Пахомия, они препроводили его к бл. Иерониму, прося его перевести их на латинский язык. Бл. Иероним не отказался удовлетворить их прошение и перевел. В этом-то переводе мы и имеем устав пр. Пахомия. (В твор. бл. Иер. т. 2. Patr. Lat. 23).

Он, как замечено, не обнимает всех порядков общежительного иночества в Тавеннисийских обителях, и правила в нем собраны без всякого плана. Бл. Иероним многое знал о тамошних порядках по слухам или узнал от тех, которые принесли ему устав Греческий и просили перевести и заметил то в небольшом предисловии, предпосланном уставу. Между этими замечаниями, большая часть таких, которые указывают на вещи, не содержащиеся в писанном уставе. Кроме этого дополнения, многие правила сохранил Кассиан в своем уставе восточных обителей и в других статьях. Все это надобно иметь во внимании желающему начертать полный устав пр. Пахомия, не забывая и того, что дают знать и жития трех великих Авв.

Если перевести только правила пр. Пахомия, сохраненные в переводе бл. Иеронима, то это не даст надлежащего понятия о Тавеннисийских общежительных порядках, по неполноте тех правил и по беспорядочности, в какой они собраны. Належит необходимость разложить их на группы по содержанию и дополнив недостающее из житий св. Основателей сего чина, из писаний Кассиана, из предисловия Иеронима и из некоторых сказаний в отечниках, предложить все в известном порядке, чтоб всякий мог ясно вообразить себе образ заведенной в тех обителях жизни. Это и предлагается.

Труд этот однакож не новый. На Западе католические иноки давно занялись уяснением устава пр. Пахомия. – Один из опытов такого уяснения представляет автор *Vies des peres des desert d'Orient*. Им воспользуемся с небольшими отступлениями в порядке и дополнениями в содержании.

Одно замечание считаем нужным сделать. Означенный автор цитирует правила не по Иеронимову изданию, а по другому, которое помещено в конце творений пр. Кассиана (*Patr. Lat. t. 50*). В этом последнем правил меньше, у бл. Иеронима их 194, а здесь 128, и они идут в другом порядке. Но это не первоначальный какой-либо сборник правил пр. Пахомия, а взят кем-либо из сборника Иеронимова. Из некоторых двух правил Иеронимовых составлено одно; есть и обратные случаи. Некоторые правила в последнем изложены яснее. – Мы будем приводить правила по бл. Иерониму.

1) Общий строй Тавеннисиотских монастырей

1. Пр. Пахомий устроил девять монастырей; к ним пр. Феодор прибавил еще четыре; стало тринадцать. Это мужских. Было еще два женских монастыря, из коих один устроен пр. Пахомием, а другой пр. Феодором.

2. Каждый монастырь состоял из 30 или 40 отдельных домов, в 12 или 13 келий, из которых в каждой помещалось по три брата, как повелел Ангел.

3. Три или четыре дома составляли поколение (трибу) (п. 16).

4. Для молитвенных собраний была церковь; для трапезования – общая трапеза; для приготовления пищи и хлеба – кухня и пекарня; для больных – больница; для принятия странных – гостиница. Были особые здания для провизии, для одежд, для рабочих орудий и материалов. При монастырях были сады, огороды и поля для возделывания хлеба.

5. Иноки всех монастырей составляли одно братство, связанное единством духа, управления и хозяйства.

6. Всеми заведывал один главный Авва. Но каждый монастырь имел своего настоятеля, который, завися во всем от главного Аввы, все в обители держал в своих руках. Под ним состояли смотрители домов с помощниками, частные экономы с расходчиками и все другие лица, исправлявшие какие-либо службы по монастырю, временно ли то, или постоянно. «В Тавеннисиотских монастырях, – пишет в предисловии бл. Иероним, – есть Аввы (кроме главного), есть экономы, смотрители домов, расходчики и недельные».

2) Главный Авва

7. Когда преподобный Пахомий учреждал один за другим монастыри, то естественно было каждому монастырю считать своим Отцом самого пр. Пахомия, хотя он и ставил в каждом монастыре особого Авву. Он был непосредственно Богом поставленный Авва всего братства.

8. Впрочем, чтобы навсегда бывать одному на все монастыри главному Авве, было в планах учреждений пр. Пахомия. Посему, когда приближался он к концу, созвал всех настоятелей монастырских и спросил их, кого хотят они иметь общим главою. Когда этот выбор Аввы отдали на его волю, он назначил им Петрония. Петроний в свою очередь, кончаясь, собрал Авв монастырей и тоже спрашивал их, кого хотят иметь общим главою, и когда все отдали этот выбор на его волю, он назначил им Орсисия. Орсисий, когда решился отказаться от управления, тоже созвал всех Авв и предложил им вместо себя Феодора Освященного. – Из этого видим, что было в планах Учреждения Тавеннисиотского многомонастырского братства, – иметь одного главного над всеми обителями Авву, что после Богом назначенного на это пр. Пахомия, прочие должны были быть избираемы Аввами монастырей, которые могли, однако же, право свое передавать отходящему главному Авве, покорно принимая делаемое им назначение.

9. Главный Авва имел и свой монастырь (предисл. Иерон.), каким сначала был Тавеннисиотский, а потом Пабо. Эта перемена совершилась еще при пр. Пахомие. В Тавеннисиот был им назначен пр. Феодор Освященный.

10. Дело сего Аввы – неусыпно бодрствовать над всеми обителями, чтобы всюду строго соблюдались заведенные порядки и братия беспрепятственно преуспевали в духовной жизни.

11. С сею целью он сам лично часто посещал обители, входил во все подробности, исправлял неисправное, вел беседы и вообще об иноческой жизни, и о том, что где по частям требовало особого внимания. В иных обителях он намеренно

пребывал более обыкновенного. Срока для посещений определенного не назначалось; они могли быть во всякое время; могли быть предприняты для одного только какого монастыря, и даже для одного какого брата.

12. Когда дела или здоровье не позволяли Авве самому посетить монастыри, он посылал кого-либо вместо себя. У пр. Пахомия это поручение часто исполнял пр. Феодор. При этом ему доверялось делать распоряжения со властью самого Аввы. Но, может быть, это не всегда было так, ибо очевидны неудобства, могшие произойти от сего.

13. Так главный Авва и сам узнавал, в каком состоянии его обители; но, кроме того, Аввы монастырей должны были извещать пр. Пахомия (а после него и всякого другого главного Авву) о всех случайностях в монастыре, выходящих из общего ряда.

14. И пр. Пахомий часто, вместо личного посещения или посылки кого-либо, писал послания к настоятелям, давая им нужные в тот час наставления в руководство. У бл. Иеронима после правила помещается несколько таких писем к Авве Корнилию и Суру; есть послания и ко всем братьям вообще, есть и частные к некоторым смотрителям домов. После пр. Пахомия то же делывал и пр. Феодор.

15. Главный Авва имел дважды в год общие собрания у себя: на первое, Пасхальное, собирались все братия, исключая нескольких, необходимых в обителях; на второе – Августовское, к 13-му Августа, собирались только Аввы монастырей, смотрители домов, и кто по имени был призываем по какому делу или сам имел особую нужду. Цель первого была, чтобы всем вместе отпраздновать Светлое Христово Воскресение, помянув наперед и спасительные страсти Его. Собирались ко Вторнику Страстной седмицы, а расходились после Фомина дня. Цель второго – ревизия общей экономии и решение всего нерешенного по монастырям. Давали отчет главному эконому в работах и расходах по каждому монастырю, а тот главному собранию. Каждый настоятель получал от Аввы нужные наставления. Тут же решались оставшиеся нерешенными какие-либо размолвки и недоразумения, чтоб во всех сердцах

царствовали мир и любовь. Посему бл. Иероним назвал это время юбилеем, днями отпущения и уравниения.

16. Есть для созвания сих собраний послания пр. Пахомия и пр. Феодора. Последнее замечательно тем, что в нем говорится об оглашенных монастырских, которые должны были быть крещены в навечерие Пасхи и в день св. Пасхи причащаться св. Христовых Таин. Эти крещаемые или в обитель поступали прямо из язычников, или были обращаемы иноками к вере Христовой и наставляемы в ней, без целей иночествования.

17. По смерти пр. Пахомия Петроний не успел послать послов к пр. Афанасию, а Орсисий тотчас послал, чтобы дать знать о случившейся перемене и просить благословения. То же сделал и пр. Феодор Освященный. Пр. Афанасий сам посещает обители при пр. Феодоре, и по смерти его пишет к ним утешительное послание. Из этого можно заключить, что Тавеннисийское братство прямо зависело от Патриарха Александрийского, и Аввы главные от него получали утверждение.

3) Аввы монастырей

18. Главный Авва избирал сам и посылал в каждый монастырь настоятеля, чтоб он там наблюдал за строгим исполнением заведенных порядков и руководил братий к совершенству в духовной жизни. Каждый Авва монастыря был не что иное, как наместник главного Аввы, его глаз, слух и язык.

19. Посылая Феодора Александрийского управлять одним монастырем, пр. Пахомий наказывал ему, во-первых, самому быть строгим исполнителем устава, чтоб и других располагать и научать тому же; во-вторых, особенное внимание обращать на ослабевающих в иночествовании, чтобы возбуждать уснувшую в них ревность и снова направлять их на должный путь. В сем последнем отношении монастырь есть нравственная врачевница, а Авва монастыря – первый в ней врач духовный.

20. Соответственно первому значению Аввы монастыря – наблюдать порядки самому и всех держать в них, он все ведал в монастыре и все дела монастырские им ведены были. Заведенные порядки исполнялись обычно, и были наблюдающие за тем по всем частям; но лица сии были назначаемы Аввою монастыря, который и наблюдал за их исправностью, судил и переменял (190 и др.). Эти лица ничего не могли делать кроме повеленного Аввою, коль скоро встречалось что новое, должны были спрашивать о том его (п. 158). О движении дел монастырских каждое утро он делал распоряжения (п.24:25). Порядки в церкви и трапезе им наблюдались (п. 6, 8, 51 и др.). Все штрафы им назначались или утверждались (п. 147, 151, 181). Он принимал в обитель и назначал принятому дом и занятие, судя по его способностям (п. 49). Он делал передвижения братий из дома в дом, или со стола на стол (п.83:29). Все отлучки из обители им разрешались (п.52:93). Здесь приведено только главное из упоминаемого в уставе; прочее видно будет из последующих статей. Вообще в обители все было на его руках, и он отвечал за все и пред Богом, и пред главным Аввою.

21. Относительно второго – руководства в духовной жизни – уже все порядки туда ведут: ибо за тем они и учреждены такие, чтоб споспешествовать духовному преспеянию. Потому блюдя порядки, он вел всех к созиданию в духе. Но на нем лежала обязанность и прямо действовать на это. Сюда относится долг вести беседы к братьям, сколько кто может, каждую неделю. К беседам прилагались и собеседования, на которых решались недоумения, относительно ли понятий, или правил жизни. Кроме этого общего руководства, даваемы были частные каждому лицу нужные, по спросу ли брата, или по усмотрению самого Аввы. Это наиважнейшей способ руководства, и пр. Пахомий учил Феодора Александрийского делать эти внушения со всею осторожностью, чтоб крайнею настойчивостью не повестъ к худшему и советовал выжидать удобное время, больше же молиться о таковых немощных, как и сам он делал.

22. В этом последнем отношении много дает им уроков Авва Орсисий в своем наставлении инокам. Он говорит им: «Аввы, вожди монастырей! Каждый из вас с полком своим, ожидая пришествия Спасителя, должен стараться приготовить к смотру Его воинство, украшенное полным вооружением. Не делайте братьям прохлаждения в плотском, без оставления им в то же время обильнейшего питания духовного; и опять, – не усиливайте обучения их духовному с крайним стеснением в плотском, т.е. в пище и одеянии; но одинаково доставляйте им и духовную и плотскую пищу, не подавая никакого повода к нерадению. – И еще, какая это будет правда – угнетать братий трудом, а самим предаваться праздности? Или возлагать на них бремя, которого нести не можем и сами? Да будут же у нас и труд, и прохлаждение – общие с ними (п. 7). Всех, вверенных вам до единой души не переставайте назидать, уча тому, что свято, и в себе самих представляя образец добрых дел. Всевозможно остерегайтесь одного любить, а другого ненавидеть, но всем уравнение подавайте (посл. к Колос.4:1): иначе может случиться, что кого любите вы, того Бог ненавидит, а кого любит Бог, того вы ненавидите. Дружбы ради не потакайте погрешающему и не позволяйте себе утеснять одного, чтоб дать льготу другому: иначе даром пропадет весь

ваш труд (п. 9). Будьте заботливы, и всякое старание прилагайте о братьях со страхом Божиим. Будьте милосерды ко вверенному вам стаду и помните то изречение Апостола, в котором он говорит: *«не обинухся сказати вам всю волю Божию»* (Деян.20:27). Не презирайте ни одной души, чтоб кто не погиб по вашему жестокосердию. Ибо, если кто умрет по вашей вине, душа ваша за его душу осуждена будет» (п. 13), и проч.

4) Вторствующий по Авве в обители

23. Что был в каждом монастыре вторствующий, это определенно сказывается, но относительно обязанностей его в сохранившемся уставе нет ни одного пункта. Может быть, это потому, что во все время образования устава не было ни одного случая, который подал бы повод определить особым правилом действия его: Аввы сами всегда бывали налицо, и сами все исправляли. Мало говорит об нем и Авва Орсисий в своем наставлении; но из его слов можно, по крайней мере, заключить, что вторствующему отряжалась известная часть для постоянного его заведывания в обители. Не соединялась ли, может быть, сия должность с экономою? – Ибо Авва Орсисий говорит: «Вторствующие по монастырям, являйте себя первыми по добродетелям, боясь, чтоб не погиб кто по причине вашей грешности. Смотрите, не подпадите той постыдной участи, какой подпал евший и пивший с пьяницами, а клеветам своим не дававший в свое время житомерия, как сказано: *«и приидет господин раба того в день, в оньже не чает, и в час, в оньже не вестъ. И растешет его полма, и часть его с неверными положит: ту будет плачь и скрежет зубом»* (Мф.24:50–51). Да не постигнет кого из вас подобное осуждение; но когда приидет время воздаяния, да сподобитесь услышать: *«добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего»* (Мф.25:21) (п. 14).

5) Смотритель дома

24. После Аввы монастыря самый влиятельный на братий начальник есть смотритель дома (*praepositus domi*). Во всяком монастыре было от 30 до 40 домов; в каждом доме был особый смотритель с помощником ему, или вторствующим по нем. Они-то были ближайшие блюстители братий и созидатели их иноческого духа. Строгий порядок и мир в обителях на них опирался. Потому устав много ими занимается и подробно определяет их права и обязанности, и требует от избираемых в сей чин высоких умственных и нравственных качеств и еще паче твердого практического благоразумия. Что требуется от него, подробно изложено в 159-м пункте устава. Возьмем оттуда главнейшее.

25. Он должен быть исполнен страха Божия и благоговейства; во всем верно подражать Святым и быть с ними в общении, чтоб не слепотствовать при свете их; быть строгим исполнителем закона Божия и заповедей отеческих, ходя при свете их и не позволяя себе никогда обходить истины Божией и правды; не должен он прелагать пределов, положенных Отцами или разрывать узы (правила), сооруженные на небе Самим Богом.

26. Он должен быть смиренномудр, истиннолюбив и правдолюбив, милосерд и сострадателен, простосердечен и чужд всякого лукавства, строг к себе и во всем воздержен, постоянен и тверд, как в суждениях своих, так и в делах, терпелив и мужествен, и скорее готов подъять смерть, нежели отступить от сознанной правды Божией.

27. Он должен быть преисполнен ревности о спасении своей души, чтоб ревновать и о спасении других; себе внимать и помышления сердца своего рассуждать, чтоб не увлечься пожеланиями плоти, или прелестями очес и приманками корысти; он должен быть чужд всех страстей.

28. Во всем должен он быть покорен высшим и ни в чем им не поперечить, над вверенными же ему братьями не выситься и не относиться к ним гневно; не должен желать для себя чего-

либо особенного сравнительно с ними, ни лучшей пищи и одежды, ни лучшей кровати, похожей на языческие; паче же всего должен являть к ним правду и уравниение, чтоб не давать кому преимущество по пристрастию и лицеприятию, или по каким-либо сторонним уважениям – по дарам и страху; должен судить об них и о делах их, как пред Богом, по чистой совести, не обвиняя невинного и не оправдывая погрешившего; паче же всего блюстись, чтоб не быть кому в претыкание и соблазн, а напротив всем представлять в себе образец всех добродетелей и совершенства иноческого.

29. Как начальник, он должен являть некоторую важность, но она должна состоять наипаче в том, чтоб избегать всего низкого и унижительного, – не бывать в местах непочетных, не предаваться смеху, шуткам, пустословию и детским приемам.

30. С этими качествами сообразны и те предписания, которыми определяется в уставе должность смотрителя. – Как смотритель, он, не спуская глаз, смотрит за своими братьями: с ними он дома, с ними в церкви и трапезе, с ними на работе вне монастыря; и никто ничего не может делать без его позволения (п. 157). Он берет новичка, – принятого и ему вверенного, – и обучает всем порядкам (п. 31 и др.); старых же братьев все шаги определяет. Вещи, нужные для братьев, он получает и раздает, и наблюдает за целостью их (п.81:87). Он же получает и раздает материалы для работ, смотрит за работами, требует отчета в них и сам дает его (п. 26, 146, 123). Когда идут в поле на работу, он впереди, и все от него и в дороге, и на работе, и на возврате, и по возврате (п. 58, 59, 62, 63, 95). Когда кто занемогает, на нем лежит иметь об нем попечение, пока не сведет его в больницу (п. 40, 42, 105). Ни за монастырь выйти, ни по монастырю ходить никто не может без его позволения; на сторону увольняет Авва, но переговоривши с ним (п. 84, 52, 53, 54). И во взаимных сношениях братьев, на все испрашивается его позволение. Никто не может дать кому что, или взять что у кого, или пойти к кому без спроса у него (п.111:112). И в келии никто ничего не может иметь, чего бы он не знал (п. 114).

31. Это все внешняя дисциплина; но на нем и созидание духа братьев. Он должен научать их, как жить свято (п. 188); для

этого не раз в неделю ведет беседы к братьям, спрашивает, что удержали они от бесед Аввы и решает все недоумения братий (п. 20, 21, 115, 122, 138). Как скоро заметит смущенного брата, должен разведать, в чем скорбь, и утешить его (п. 170).

32. При такой широте надзора, сам он однакоже ничего по своей воле не делает. Все определено уставом. Он с помощником своим смотрит только, чтоб все было исполняемо и понуждает исполнять отстающих в чем-либо (п. 181). И ничего кроме положенного уставом и приказанного Аввою требовать или заводить он не может (п. 158). Коль скоро встретится что новое, спрашивает, и как тот решит, так и делает (п. 133).

33. Потому он ответное лицо, и если не усмотрит что, или, усмотрев, не донесет, сам отвечает (152, 154). Если нехорошо обходится с братьями или работами их обременяет и не право судит, братия жалуются Авве, – и он может потерять место, если окажется неправым (п. 158, 170, 190).

Авва Орсисий дает им уроки в своем наставлении в пунктах 15, 16 и 17-м.

6) Вторствующий по смотрителе

34. Вторствующий по смотрителе заступает его место, со всеми правами и обязанностями, когда тот в отлучке или занят другим каким-либо делом (п. 115, 182, 185). Но на нем и постоянно лежали некоторые дела, например: он отбирал орудия и обувь по возвращении братьев с полевой работы и слагал в свое место (п. 66); ему сдавали на руки платье вымытое, которое он потом и выдавал, когда требовалось (п. 70); ему также сдавали каждый день вечером книги, бывшие в употреблении днем, и он запирает их в определенном месте (п. 95). Может быть, и другое что на нем лежало, не упомянутое в уставе.

Авва Орсисий дает ему уроки в своем наставлении, в 18-м пункте.

7) Эконом и расходчик

35. В каждом монастыре был эконом, заведовавший всем хозяйством монастыря, и расходчик, исправлявший хозяйственные потребности вне монастыря. Ему эконом давал деньги, и он, закупив нужное, давал во всем отчет эконому и возвращал оставшиеся деньги, не смея держать их у себя в келии и одной ночи. Вероятно, ему поручалось и продавать что-нибудь.

36. Но то и другое, если было нужно, вероятно, делалось в весьма небольших размерах. Продажа монастырских изделий и закупка всего нужного для обителей, и на содержание и для работ, производилась одним главным экономом и расходчиком, которые заведовали хозяйством всех монастырей. Они жили в одной обители с Аввою главным.

37. Экономы и Аввы монастырей давали отчет по экономии во время общего августовского собрания, главному эконому, а этот общему собранию. Для того он вел валовую запись всех расходов и приходов; равно как и Аввы монастырей с своими экономами вели свою частную запись (п. 26).

38. В распоряжении главного эконома и расходчика было два судна, на которых были отправляемы монастырские товары для продажи в Александрию или в другие места, и обратно привозили все нужное для монастырей. Небольшие лодки были в распоряжении и каждого монастыря, и ими никто не мог пользоваться без разрешения Аввы монастыря (п. 118).

39. Учреждая общую экономию, пр. Пахомий имел в цели так устроить это дело, чтоб сколько можно менее было лиц, озабоченных житейским, и чтобы не иноки только, но и обители в целом составе ни о чем вещественном не имели попечения, посвящая все труды свои преимущественно на созидание духа.

8) Прочие служебные и распорядительные лица по обителям

40. Для послушания по столовой и кухне отряжался особый дом, в котором смотрителем, вероятно, был эконо́м, а помощником его расходчик. Для хождения за больными тоже был особый дом, которого смотрителем был больничник. Для привратников и гостинников тоже назначался особый дом, смотрителем которого был гостинник.

41. Братия для сих домов избирались наилучшие и испытаннейшие и несли послушания по очереди; но в помощь им отряжались недельные и из других домов, которые вели свою череду. Относительно послушания в пекарне, это прямо определено уставом (п.116:117). Но поэтому можно заключить и о прочем. Назначался ли особый дом для сада и огорода, не видно; но видно, что в каждом из них был особый блюститель, без воли которого никто там ничего не мог делать (п.73:77). Между тем собирают плоды недельные (п. 78).

42. Недельничество отправлялось целым домом, под надзором смотрителя, который распределял братий по разным послушаниям. Когда недоставало братий, смотритель брал их из другого дома, только всегда той же трибы или поколения (п. 15).

43. Смотритель дома, отправившего неделю, сдавал все смотрителю дома, вступающего в отправление ее, в иных случаях в присутствии Аввы монастыря (п. 27). К этому времени все вещи, разошедшиеся в продолжение недели по рукам, опять были сдаваемы в свои места, не исключая и книг (п.66:25), чтоб видеть, все ли цело.

44. Устав не определяет, в какой день происходила смена. Св. Кассиан говорит, что неделя начиналась с понедельника. Некоторые намеки на это можно видеть и в уставе (п. 25).

45. Кроме больших недельных, несших послушание по всему монастырю, были недельные меньшие, для разных потреб по дому (п. 14).

46. Все эти недельные исправляли послушание не в монастыре только, но и за монастырем. Когда братия отправлялись куда целым домом или целым монастырем, с ними был недельный больничный, недельный столовый, недельный привратник, из которых каждый исправлял свое послушание, как бы они были внутри обители (п. 64, 59, 129).

Таков весь строй лиц, действовавших по обителям, следовавшим уставу пр. Пахомия. Войдем теперь в самую жизнь монастырскую, начиная с поступления в обитель.

9) Прием в обитель

47. Хотя монастыри пр. Пахомия были многолюдны, прием однако же в них был не так скор и неразборчив. Когда кто, приступив к воротам монастыря, изъявлял желание отречься от мира и вступить в братство обители, то его не тотчас вводили внутрь, но дав знать о нем Авве и получив от него наставления относительно его, оставляли его на несколько дней вне, без всякого призора и внимания (п. 49). Св. Кассиан замечает, что не только без внимания оставляли его, но относились к нему с презорством, укоряли его на словах и отталкивали, чтобы испытать, что намерение его не какое-либо мимолетное, но твердое, и что он готов на все искушения (кн. 4, п. 3).

48. После этого первого испытания, принимали его в гостиницу, и им должен был заняться или сам гостинник, или кто-либо из состоящих под ним братий. Его заставляли изучить молитву Господню, если он не знал ее, и несколько псалмов. Чрез это обнаруживалось, на сколько он имеет усердия к занятию Божественными вещами. Между тем осведомлялись, кто он и чего ради оставляет мир; не сделал ли чего худого и, страхом гонимый, убежал из своего места, чтоб на время укрыться в обители; или не состоит ли он в чьей власти (не раб ли чей); также готов ли он отрешиться от всяких родственных чувств, и от всякого пристрастия к имуществу, и ко всему, что оставляет в мире, чтобы по вступлении в обитель, душа его не была отвлекаема помыслами за ограду ее (п. 49).

49. Удостоверясь таким образом, что и намерение его решительно, и отрешение от всего полно, и любовь к Божественному сильна, и что препятствий никаких нет, – что, следовательно, можно принять его в обитель, рассказывали ему затем о всех порядках монастырских, как держат себя в доме, в церкви, в трапезе, и какие несут послушания, чтоб наперед знал, что встретит внутри. При этом, вероятно, осведомлялись и о том, знает ли он какое мастерство из уместных в обители, и, если не знает, к какому более способен и склонен (п. 49).

50. После сего снимали с него мирские одежды и облекали в иноческие и поручали вратарю ввести его в собрание братий во время молитвы (п. 49). Введши в собрание, вратарь поставлял его на определенном месте, откуда брал его смотритель дома, в котором ему назначено жить и ставил на место, которое он всегда уже должен был занимать среди братий того дома (п. 1). Блаж. Иероним в предисловии замечает, что кто первым поступил в дом, тот уже всегда и был первым, и дома, и в церкви, и в трапезе, и в пути; след., кто поступал последним тот и стоял всегда последним. В этом отношении не брались во внимание ни лета, ни звание (мирское). Св. Кассиан говорит (кн. 4, п. 5), что облачение в иноческие одежды совершалось в церкви среди братий Аввою монастыря. Может быть, так было в других монастырях, или ко времени св. Кассиана и в Тавеннисийских так стали делать.

51. Мирские одежды отдаваемы были эконому, который вносил их в рухлядную. С ними потом поступали, как угодно было Авве монастыря (п. 49). Св. Кассиан дополняет, что одежды сии берегли, пока принятый окончательно установится в иноческой жизни; после чего отдавали их бедным; если же он оказывался негодим почему-либо, то одевали его опять в мирские одежды и изгоняли его вон (кн. 4, п. 6).

52. Св. Кассиан говорит также, что новопоступивший не мог удержать при себе ничего из прежнего имения своего, даже ни на одну полушку. И в монастырь ничего от него не брали, чтоб не гордился пред другими, ничего не внесшими, и чтоб, когда придется выгнать его вон, не стал он судом требовать внесенного назад: что не могло обойтись без неприятностей, когда внесенное уже затрачено на нужды монастыря (кн. 4, п.3:4).

53. Из жизни пр. Пахомия видно, что Псенебий, отец Петрония, сделал большое пожертвование и деньгами, и вещами, и землями. Но это был особый случай. Псенебий поступил в обитель всем домом с детьми и рабами (а жена и дочери поступили в женский монастырь). На его землях и на его имуществе построен особый монастырь.

54. Новопоступившего прежде всего научали, как он должен был вести себя в церкви, в трапезе и дома. Прежде только рассказано было это ему; а теперь предлежало ему приобрести во всем этом надлежащий навык. В 31-м пункте говорится, что смотритель учит братий, как держать себя в трапезе. Всего приложимее это к новичкам. Но если он научал надлежащему поведению в трапезе, то нет сомнения, что на нем же лежало обучать его и тому, как держать себя в церкви, дома и на работах.

55. После того, как навикал он всем порядкам, – что не требовало, как надо полагать долгого времени, – его заставляли заучить на память еще несколько псалмов, до 20, два послания, или другую какую часть Писания. Если он не знал грамоты, то (не дожидаясь, пока выучится) назначали ему учителя, и он выучивал все это со слов: для чего подходил к определенному учителю в первый, третий и шестой час, и стоя пред ним, прилежно заучивал назначенное, со всякою благодарностью (п. 139).

56. Незнающим грамоты однакоже не оставляли новичка; но по окончании первоначального заучивания заставляли его выучиться читать, хотя бы он и не хотел того. Для сего начерчивали ему буквы, слоги, слова и растолковывали весь механизм чтения. Вообще, в монастыре никого не должно было быть, кто не умел бы читать и не знал на память чего-либо из Писания – по наименьшей мере, – Псалтири и Нового Завета (п. 140).

57. Но более обращалось внимания на образование в новичке нравственного прочного характера. В этом отношении ни о чем столько не было прилагаемо заботы, как о том, чтобы приучить его отречению от своей воли и своего мудрования, и утвердить в совершенном повиновении. Им внушалось принимать даемые им приказания с таким благоговением, и исполнять их с такою готовностью, как бы они исходили непосредственно от Самого Бога. Рассуждать о повеленном не позволялось, и вообще заповедовалось ни в чем не верить своему уму и рассуждению. Чтоб скорее и надежнее утвердить их в последнем, часто даваемы были им приказания,

исполнение которых казалось ни с чем несообразным. Так делалось в той мысли, что кто в этих случаях исполнитель без рассуждения, конечно, будет таков и во всех других (пр. Касс. кн. 4, п.8:9).

58. Чтоб не прокралось в голову и не засело в сердце что-либо суетное и грешное, им заповедовалось (как и всем) открывать свои помыслы старцам, ничего не утаивая, чтобы враг не успел внушить чего пагубного. Тут они и сами себя познавали и давали себя познать набольшим, а наипаче удостоверяться опытно в том, что то и худо, что открывать не желается (пр. Касс. там же).

59. В данном от Ангела правиле (п. 15) говорится: «К высшим подвигам, прежде трех лет испытания не допускай новичка; только после трех лет, когда навькнет он всем работным послушаниям, пусть вступит на это поприще». Первый жар ревности меры не знает; не будучи направляем, как должно, он силы истощит, а пользы не доставит. Посему в воспитании новичков соблюдалась постепенность. Всею свое время.

60. По сохраненному бл. Иеронимом уставу, все заповеданное относительно новичка исполнял смотритель дома, в который он помещался. По словам же пр. Кассиана порядок воспитания новичка такой: «По облачении в иноческое одеяние, год проходит он послушание в странноприимнице; потом вверяется старцу, – десятнику, – внутри обители» (кн. 4, п. 7). Может быть, так и было в каких-либо монастырях общежительных; но у пр. Пахомия о десятниках нет помина, не видно также, чтоб был отряжен особый дом для новоначальных. Всякий новичок поступал в дом, в среду не новых братий, и обучение его все лежало на смотрителе. При этом пример других учил более слова. К тому же и вся жизнь у них была очень проста и не требовала по внешней форме долгого обучения. Внутреннему же преспеянию конца не было: здесь всякий считал себя новичком.

10) Иноческое одеяние

61. Блаж. Иероним в предисловии к уставу и 81-м пункте устава называет следующие одежды, употреблявшиеся Тавеннисииотами: левитон, пояс, нарамник, кукуллий, милоть, мантийца, сандали; в дорогу брали посох. О некоторых из сих одежд поминается и в правиле, данном от Ангела.

62. Левитон. Исподнего платья не было, следовал прямо левитон, который заменял собою и рубашку и наш подрясник. Устроился он на подобие мешка, с прорезами вверху для продевания рук, для которых, впрочем, приделывались и рукава в какую-нибудь четверть длины, так что они доходили только до локтей. В длину левитон простирался до колен.

63. Пояс. Не из кожи; бл. Иероним прямо называет его холщёвым. Им опоясывали чресла и, когда была нужда (напр. при мытье платья) (п. 69), на него поддегивали левитон.

64. Нарамник, длинный плат или широковатая лента из холстины, которая, обходя шею, сходила на грудь и, здесь сделав крест, проходила под плечи, и затем окружала все тело на высоте груди. Это наш параман.

65. Кукуллий, или наглавник, похожий на детскую шапочку, к верху заостренный, к низу сходявший лишь до конца шеи и до плеч. На нем нашивался знак, показывавший монастырь и дом монастыря, к которому принадлежал носивший его брат (п. 99). Палладий (гл. 34) говорит, что на нем нашивалось также изображение пурпурного креста. Это наша камилавка с клобуком или наметкою.

66. Милоть, козья кожа (у Палладия, белая), прикреплявшаяся как-то к шее (п. 98) и спускавшаяся с плеч по спине до уровня с левитоном. У нас ей соответствует ряса.

67. Мантийца, из холстины, застегивавшаяся на шее и покрывавшая плечи. Пр. Кассиан называет ее нешироким плащом и противопоставляет развевающимся плащам светского тщеславия. У нас соответствует ей длинная мантия; но в иных обителях и у нас употребляется эта именно мантийца, только в келиях впрочем.

68. Даваемы были инокам также сандалии и посох, которые, однакоже, не всегда употребляемы были. Сандалии – это не коты или башмаки, а одни подошвы, привязывавшиеся вервями или ремнями к ноге и защищавшие лишь подошву.

69. Созомен говорит, что Тавеннисиоты отличались от других иноков не образом только монастырских порядков, но и одеждами, кои значением своим «располагали их к добродетели и побуждали душу презирать земное и взирать горе, дабы она удобнее могла перейти в селение небесное, когда отрешится от тела» (кн. 3, гл. 14). Пр. Кассиан тоже замечает, что одежды сих иноков не столько соответствовали потребностям тела, сколько указывали инокам на обязательные для них нравственные черты (кн. 1, п. 4).

70. Левитон, у пр. Кассиана, коловий, которого рукава едва доходили до локтей, оставляя прочую часть рук голою, показывал, что у них отсечены все дела и обычаи мирские, а по Созомену, это означало, что их руки не должны быть готовы на обиду. То же, что он был полотняный, внушало, что они должны быть мертвы для всего земного (Кас. кн. 1, п. 5).

71. Поясом опоясывали они чресла свои (Лк.12:35), в подражание полагавшим начатки чина иноческого, в Ветхом Завете, Илие и Елиссею, а в Новом, св. Иоанну Предтече и в означение всегдашней готовности на брань мысленную при трезвении и внимании себе (пр. Касс. кн. 1, п. 2).

72. Нарамником, по пр. Кассиану, аналавом, около шеи и груди стягивали ширящуюся одежду, для приспособления себя к неленостному совершению всякого дела и всякой работы, и к поднятию всякого труда (Касс. кн. 1, п. 6), и в означение, что им всегда надлежит быть готовыми на служение Богу (Созомен). Этим внушалось также теснее ограничивать себя в своих пожеланиях, чтоб тем беспрепятственнее и охотнее работать Господу.

73. Кукуллий напоминал, что они должны жить чисто и непорочно, подобно питающимся млеком детям (Созом.), и обязывал ко всегдашнему хранению детской невинности и простоты, чтобы возвратясь к детству о Христе, каждый из них мог нелицемерно петь: *«Господи, не вознесися сердце мое,*

ниже вознесостся очи мои, ниже ходих в великих, ниже дивных паче мене» (Пс.130:1) (Касс. кн. 1, п. 4).

74. Милоть носили они в подражание пророку Илие и всем тем, о которых пишет Апостол: *«придоша в милотех, в козиих кожах» (Евр.11:37)*; и в означение, что они, умертвив в себе всякое стремление плотских страстей, должны твердо стоять в добродетелях и не допускать, чтобы в теле их оставалось что-либо от жара юности и влечений прежней жизни (там же, п. 8), чтобы при взгляде на эту кожу, всегда иметь в памяти добродетели пророка Илии, мужественно противиться нечистым пожеланиям, и как чрез подражание ему, так и в надежде подобных же воздаяний, ревностнее сохранять целомудрие (Созомен).

75. Мантийца изображала их смирение, бегание простора и пышности и всякой тщеславной показности (пр. Касс. кн. 1, п. 7).

76. Сандалии давали разуметь, что если, живя в мире, не можем мы совершенно отрешиться от всякого попечения о своей плоти, то, по крайней мере, удовлетворяли бы потребностям телесным попечением легким, не допуская убийственным заботам века сего опутывать ног своих, чтоб таким образом свободнее было им теши в след воня мира Христова (пр. Касс. кн. 1, п. 10).

77. Посох внушал инокам, что они никогда не должны ходить без оружия среди стольких псов страстей, лающих вокруг, и среди стольких невидимых зверей, – духов нечистых, – но всегда вооружаться знаменем креста на отражение их, воодушевляясь к борьбе воспоминанием о страстях Господних и ревностью подражать им чрез самоумерщвление (пр. Касс. кн. 1, п. 9).

78. Не все всегда употреблялись одеяния. Во втором пункте устава говорится, что поступивший в обитель должен держать себя прилично и скромно, всегда имея милоть на плечах и левитон, аккуратно опрятанный. В 91-м пункте предписывается, чтобы никто не смел без кукуллия и милоти ходить в монастыре, ни входить в собрание церковное или трапезу. Пункт 101-й запрещает являться в собрание церковное или трапезу в

сандалиях и ходить в мантийце в монастыре или на поле. Относительно мантийцы, 61-й пункт говорит, что никто не может брать ее на работу в поле, или ходить в ней по монастырю, после церковного собрания. – Из всех этих указаний выходит, что постоянными нескидными одеяниями были кукуллий, левитон, милоть, пояс и, вероятно, нарамник. И Ангел заповедал: «На ночь они должны оставаться в льняных левитонах и препоясанные; без милоти не должны они ни есть, ни спать; наглавник же, по его повелению, не должны они были снимать и когда приступали к Божественным Тайнам».

79. Мантийца употреблялась только в собрании Церковном и, может быть, в трапезе. Сандалии выдавались только, когда надлежало идти в поле на работу. Это видно из того, что по возвращении с работы братия отдавали вторствующему по смотрителе вместе с орудиями и сандалии, и тот слагал их в свое место. Вероятно также, что их употребляли, и когда отправлялись куда в путь. В это же время, конечно, и посох брался в руки; почему блаж. Иероним и назвал его товарищем в пути.

80. Все одежды были полотняные, и лето, и зиму. В 81-м пункте прямо запрещается иметь что-либо шерстяное, или милоть из овечьей кожи с шерстью более мягкой. – Климат это позволял, дешевизна располагала, а возможность держать всегда одежду в чистоте, чрез частое ее вымывание, в напоминание о внутренней чистоте, – заставляла такую, а не другую избрать материю для одежды.

81. Раздаваемы были одежды, с ведома Аввы смотрителями (п. 81); и когда настояла необходимость в перемене какой одежды, смотритель дома получал ее в своем месте, тоже с ведома Аввы и вручал, кто нуждался (п. 111).

82. Полученные одеяния оставались на руках брата, и он не мог меняться ими с кем-либо (п. 97); когда переводили его в другой дом, он брал их с собою, – и только их (п. 83).

83. Всякому брату вменялось в обязанность беречь данные ему вещи; и если кто оказывал в этом отношении небрежность или по оплошности терял что, то нес за это положенную епитимию (п. 102, 131, 147, 148).

84. Мыли одежды свои братия сами, всякий свои. Для этого выходили на реку все по знаку, вслед за смотрителем; и мыли, молча и чинно (п. 68). Дома мыть одежды никому не позволялось (п. 134). И если кто был в отлучке, когда производилось мытье вообще всеми, того смотритель тоже посылал с другим братом на реку для мытья платья своего (п. 69).

85. Возвратясь домой, сушили вымытое; если не успевало оно высохнуть в тот же день, вечером собирали и отдавали вторствующему, и тот слагал все в общую камеру. Досушивалось вымытое платье на другой день (п. 70).

86. Высушенное собирали, переминали (по нашему – катали) и опять отдавали вторствующему на руки до субботы, в которую, надо полагать, происходила смена одежд (п. 72).

87. В одном пункте (-67) замечено, что никто не мог мыть платья в Воскресение. Можно сделать наведение, что все одежды переменяемы были в субботу, мыты после Воскресения, может быть, в понедельник, и отдаваемы в особую камеру на руки вторствующему по смотрителе до субботы. Видно, что не все одежды всегда на руках были у брата, которому принадлежат.

88. Количество одежд каждому назначалось небольшое: два левитона и третий потертый, как замечает блаж. Иероним, для спанья и работ, вероятно, в поле, – и два кукуллия; прочего же всего по одной вещи. Кроме же этого никто ничего иметь не мог; и если каким-либо образом оказывалось у кого что лишнее против этого, тот должен был без замедления и поперечения сдать то в общую рухлядную (п.81:192).

11) Молитвословие

89. Ангел заповедал днем совершать 12 молитв, и столько же вечером и ночью, да 3 молитвы в 9-м часу. Это молитвословия, на которые, собирались все вместе в Церковь. Дневное было совершаемо в полдень (п. 24); вечернее – пред заходом солнца; ночное – в полночь; девятичасовное – в 9-м часу, по нашему в 3 пополудни.

90. Но сверх того, в уставе не раз поминается о 6-ти вечерних молитвах (п. 24, 121, 126), и в 155-м пункте прямо говорится, что эти молитвы совершаемы быть должны в каждом доме по чину большого собрания, т.е. таким же порядком, как совершают молитвословия в Церкви. Что эти молитвы совершаемы были по примеру большого собрания, об этом повторяется и в 186 пункте. По домам совершаемо было еще и другое молитвословие утром, в час рассвета, как дает разуместь 20-й пункт, который повелевает: утром, по совершении в каждом доме молитв, братия не тотчас расходятся по своим келиям. – Эти две домашние молитвы, вероятно, присоединены к назначенным от Ангела после великими Аввами. После вечерней отходили ко сну, а после утренней садились за работу.

91. Как для собрания на Церковное молитвословие, так и для совершения молитв по домам, был даваем знак в било. Ночью, может быть, кроме того, иначе как будили братий на молитву, как намекает пр. Кассиан кн. 2, п. 17. Для этого назначались особые недельные, которые для подавания знака принимали благословение у Аввы (п. 24). На них лежало и то, чтобы в Церкви все было в порядке. Ни одного шага не должны были они позволить кому-либо сделать в противность требованиям благочиния (п. 143).

92. Как только услышан знак в било, всякий должен был тотчас выходить из келии и направляться к храму, читая что-либо на память из Писания с размышлением, пока дойдет до него (п. 3). Как прежде сего зова никто не должен был выходить из келии, так после него оставаться в ней, отговариваясь от бытия в Церкви на псалмопении и молитве под каким-либо

предлогом (п. 141). Вошедши в Церковь, должно было двигаться к своему месту чинно, чтоб не подать кому соблазна (п. 4).

93. Судя по тому, что братий дома всегда сопровождал смотритель, надо полагать, что он с ними шел и в Церковь; – он впереди, как обычно, а за ним по своему порядку и братия. Вероятно также, что и в Церкви для братий всякого дома было свое место, и они становились по своему порядку, как и везде. Устав не поминает об этом; но это само собою наводится из того, как идут на работы и как слушают поучения Аввы монастыря, как увидим.

94. Опаздывание в Церковь считалось нарушением законов иноческого жития; и опаздывавший подвергался эпитимии. Опаздывавший днем подвергался ей, если опаздывал на одну молитву, а опаздывавший ночью, подвергался ей, если опаздывал, на три молитвы (п.9:10). На домашних же молитвах всегда на одну молитву опаздывавший нес эпитимию (п. 121).

95. Состав молитвословий был очень прост. Петы были псалмы и между ними вставляемы неустные молитвы, которые умно всякой совершал сам в себе, по тем мыслям и чувствам, к каким располагал пропетый псалом. Пел псалом недельный брат посреди Церкви. Во время пения псалма все сидели (пр. Касс. кн. 2, п. 1); по окончании псалма вставали и умно молились, стоя; потом преклоняли колена и падали ниц на короткое время; вставши, опять молились, стоя. Так повторялось 12 раз; и это – 12 молитв, заповеданных Ангелом. Пение последнего 12-го псалма отличалось тем, что после каждого стиха прилагалось: аллилуйя, как по свидетельству пр. Кассиана, показал Ангел (там же, п. 6). Для этих аллилуйиарных псалмов те только и брались псалмы, которые имели такую надпись (там же, п. 11).

96. Конец псалма показывал время вставания на молитву; преклонять колена и падать ниц следовало вслед за братом, стоящим посреди и поющим. И вставать следовало вслед за тем, но как это не для всех видно, то для вставания давал знак ударом руки о что-нибудь Авва монастыря, после которого (удара) все должны были вставать разом (п. 6 устава). Пр.

Кассиан говорит, что колен во время молитвословия не преклоняли с вечера субботы до вечера воскресения, и во все дни Пятидесятницы, а молились между псалмами лишь стоя, с воздеянием рук (кн. 2, п. 12).

97. Пр. Кассиан замечает еще, что там не спешили петь, но и не растягивали, равно разумную меру соблюдали и в умной молитве; чтоб растягиванием пения не навесить скуки, а протяжением молитвы не охладить молитвенного жара. Вся забота у них была о том, чтоб и пение было разумно, и молитва сердечна. Молитве умной, впрочем, давалось более внимания и времени (кн. 2, п. 7:11).

98. Он же говорит, что не все 12-ть псалмов припевал один брат, но была черед в пении: поющие переменялись, однакоже, нечасто, не более четырех раз. Какое множество братий ни собиралось бы в Церковь, более четырех братий никогда не назначалось для пения псалмов в собрании. Каждый пропевал по три псалма (кн. 2, п. 11).

99. Пение совершалось среди Церкви и всегда на память. Так пел Ангел, по преподобному Кассиану, своим явлением и делом решивший недоумения относительно меры молитвословий (кн. 2, п. 6). Это было не трудно: ибо Псалтырь обязательно знали все на память.

100. Для пения псалмов в общих собраниях назначаемы были недельные, а для домашних молитвословий не были назначаемы. Здесь пели псалмы братия по порядку, в каком стояли, и каждый пропевал только по одному псалму и больше того петь не смел, без особого повеления смотрителя. Если случалось что кто-либо при этом, по забывчивости или рассеянию внимания, спутывался, то нес эпитимию (п. 13, 14, 17, 127).

101. Пр. Кассиан замечает, что к псалмопению в общих собраниях было прилагаемо два чтения из Писания, в простые дни одно из Ветхого, а другое из Нового Завета; а в субботу и воскресение – оба чтения из Нового Завета, – одно из Апостола, а другое из Евангелия. Это же, говорит, делалось и во все дни Пятидесятницы (кн. 2, п. 6). И в уставе поминается про чтение на молитвословиях общих, без определения, что читалось (п.

13). Когда в уставе говорится, что недельные церковные, вступая в недельничество свое, требовали, если была нужда, книг, и им доставляли их, – эти книги, верно, были Евангелие, Апостол и Ветхозаветные Писания. Ибо никаких богослужебных книг не имелось.

102. Во время молитвословия соблюдалась глубокая тишина. Не только смеяться, но и говорить, и не только говорить, но и шептать, кашлять, зевать и под. запрещалось. Нарушители сего благочиния подвергались эпитимии, как в церковных, так и в домовых молитвах (п.7:121). Пр. Кассиан говорит, что несмотря на то, что собирались на молитву сотни и тысячи, в Церкви так было тихо, что будто кроме того, кто поет псалом, никого в ней нет (кн. 2, п. 10).

103. Всем заповедовалось держать себя в Церкви благочинно, внимая лишь себе и пению, и не позволялось взглянуть на других, чтоб подсмотреть, как кто молится (п. 7).

104. Если крайность какая заставляла иного выйти из Церкви, он не мог этого сделать, не испросив наперед позволения у смотрителя и Аввы (п. 11).

105. По окончании церковного молитвословия все чинно выходили из Церкви и направлялись в дома свои, или в трапезу, повторяя на память что-либо из Писания с размышлением. Останавливаться и заводить с кем-либо беседу запрещалось (п. 28; пр. Касс. кн. 2, п. 15).

106. Порядок молитвословий в продолжение дня шел у них такой: в полночь, собравшись в Церковь, пели 12 псалмов и возвращались в свои келии далеко до рассвета; но спать не ложились, а продолжали бдеть в молитве и богомыслии, принося чрез то Богу свою частную жертву. Чтоб не одолевал сон, они брали в руки работу, напр., плетение или витие вервей из пальмовых ветвей, которое можно исполнять и в темноте. Так шло до рассвета. Утром, собирались на домашнюю молитву, после которой смотритель дома иногда (три раза в неделю) говорил им поучение. После этого, пересмотревши и вместе обсудивши, что говорил смотритель, если было поучение, братия расходились по келиям (п. 20) и садились за работу урочную, которую и совершали молча, богомысленно

читая на память псалмы или что-либо из Писания, и не выходя никуда без крайней нужды и не заводя ни с кем бесед (Касс. кн. 2, п. 15). В полдень собирались на общую молитву и пели 12 дневных псалмов, после чего в непостные дни следовала трапеза и по трапезе опять работа. В 9 часов, – наших 3, – собирались еще на общую молитву и совершали три молитвы, после чего, в постные дни следовала трапеза. Идя в трапезу и возвращаясь и во время ее, богомысленного размышления по руководству Писания не прекращали. После стола сего до вечерни опять шла работа с тем же богомысленным занятием. Пред заходом солнца собирались и еще на общую молитву и пели 12 вечерних псалмов, после чего Авва обители, когда хотел или находил нужным, говорил поучение. Затем расходились по домам и, совершив 6 домашних молитв по образцу церковных, шли в келии спать, и выходить уже без крайней нужды никто не мог (п. 126). – Таким образом, с минуты пробуждения у Тавеннисиотов во весь день молитва сменялась работою и работа молитвою. Богомыслие же не пресекалось, что бы они ни делали. Это и есть то тайное в сердце поучение, о коем часто поминается в отеческих Писаниях. Пр. Кассиан свидетельствует, что иноки Египта и Фиваиды не ограничивались одним уставным молитвословием, но напрягались все время дня пребывать в умной молитве и Богомыслии (кн. 3, п.1:2).

107. В 142-м пункте устава говорится: будет ли брат плыть по реке в лодке, или будет в дороге и в поле, или на каком-либо ином послушании вне обители, часов псалмопения и молитвы не должен пропускать. В житии пр. Феодора поминается, что когда приходилось ему выходить из монастыря с братьями на несколько дней для собирания дров или нарезывания ветвей, то у него там и псалмопение с молитвами шло, как обычно, и поучения к братьям не прекращались. Так, конечно, поступали и все другие всегда, как случалось быть вне обители одному или многим, или всем (п. 189).

12) Причащение Святых Христовых Таин

108. Богослужение субботы и воскресения имело некоторые особенности. В эти дни на дневную молитву собирались раньше, совершали приношение бескровной жертвы и все причащались св. Христовых Таин. Так повелено св. Ангелом в данном им пр. Пахомию правиле.

109. Приступали к святому Причащению все по порядку чинов, домов и братий. Причащающиеся снимали пояс и милоть и приступали только в кукулие. Так повелел Ангел.

110. Литургию совершали сначала приглашаемые из сел иереи или из других монастырей иеромонахи; но потом это оказалось неудобным, и пр. Кирилл в одном послании к Ливийским и Пентапольским епископам дает разуметь, что эти неудобства уже прекращены заведением своих освященных лиц.

111. Псалмопение, уместное в начале Литургии и певаемое антифонно, совершалось несколько отлично от псалмопения в простые дни, хотя не совсем ясно, в чем состояло это отличие. В 17-м пункте говорится, что в день Господень, когда приносится бескровная жертва, никто из недельных не должен отсутствовать, но быть на своем месте и отвечать по порядку поющему; 18-й же пункт поясняет, что этот поющий есть кто-либо из набольших. Отсюда можно заключить, что в эти дни пение начинали набольшие в монастыре, – Авва, смотрители, а им отвечали недельные братия (слич. еще п. 17).

112. Пр. Кассиан говорит, что в ночь на субботу, на Востоке, совершаемо было всенощное бдение, начинавшееся с вечера и кончавшееся к четвертому пению петухов. Было ли так и под воскресение, из слов его не видно. Ни о том, ни о другом ни в житии учредителей Тавеннисиотских порядков, ни в пунктах устава нет никакого намека. Впоследствии в обителях общежительных установился обычай совершать бдение только под воскресение, а потом и под большие праздники.

13) Работы

113. За исключением времени, посвящаемого молитвословию, все остальное употреблялось преимущественно на работу. Пр. Кассиан свидетельствует, что у них не было ни одной минуты праздной, без дела: руки были заняты работою, а ум Богомыслием. «Равно, говорит, упражняя силы телесные и душевные, они уравнивали приобретения внешнего человека с пользами внутреннего» (кн. 2, п. 14).

114. Бл. Иероним, в предисловии к уставу, говорит: «Братия одного мастерства помещаются в одном доме, под одним смотрителем. Например: которые ткут холст – в одном; которые делают рогожи – тоже в одном особом; портные, сапожники, плотники также помещаются в особых домах, под особыми смотрителями, которые ими правят, и каждую неделю дают отчет в работах Авве монастыря».

115. Смотритель дома, кроме умственных и нравственных качеств, конечно, и по мастерству был не из последних, чтобы мог заправлять и этим делом. Но самое производство работ было определено правилами. Была назначена мера изделиям, меньше или больше которой сработать равно считалось нехорошим делом, – первое по нерадению, второе – по тщеславию.

116. Самое обширное рукоделие было приготовление рогож, кошелей и вервей. Им более и занимается устав, ничего не говоря о других, так что о порядках производства их можно судить только по порядкам относительно рогожного дела.

117. Для рогож заготавливались пальмовые ветви, из которых намоченных кто вил верви, кто делал кошели, кто сшивал или плел рогожи.

118. Заготовленные ветви хранились в особой камере, вероятно, на руках эконома и без него брать их никто не мог (п. 74). Они выдаваемы были недельному, назначенному исправлять все потребности по работам.

119. Вечером недельный узнавал от смотрителей домов, сколько куда нужно ветвей; соответственно тому получал их сам

от того, у кого они на руках, намачивал их, и утром раздавал в каждый дом, сколько требовалось. Если утром оказывалось, что ветвей нужно больше, нежели сколько заготовлено, он брал их снова от блюдущего их, намачивал и относил их, куда следует (п. 26). Это последнее могло случиться только потому, что иногда вечером, когда собирались сведения о числе потребных ветвей, иного брата не было дома по законным причинам (п. 145).

120. Намачивались ветви в определенном месте, которое все знали; но брать намоченных ветвей сам собою никто не мог; их всегда раздавал недельный распорядитель (п.12:124).

121. Мера работ для рогожников была такая: каждый должен был приготовить в день одну рогожу. Это видно из одного случая в жизни пр. Пахомия, когда он не похвалил брата, приготовившего в день две рогожи, когда следовало приготовить только одну. В 177 пункте устава говорится еще, что смотритель дома с вторствующим по нем должны свить из пальмовых ветвей верви по 25 оргий (локтей, аршин или больше того). По примеру их должны были сработать столько же и другие братия. – Вся ли тут денная работа для иных домов, – веревочников, – или это прибавка к рогоже для рогожников, из устава не видно.

122. Из некоторых обстоятельств жизни пр. Пахомия видно, что и все лица по монастырю, обязанные другими послушаниями, в свободное время работали рогожи или вили верви. После ночной молитвы, как замечалось, братия не спали, но проводили время в богомыслии и молитве, а чтоб удобнее бороться со сном, брали в руки работу. Эта нужда касается всех без исключения; но удобнейшею на этот случай работою не могла быть иная, как витие вервей.

123. Была ли в домах общая рабочая или работали по келиям, определительно сказать нельзя. Из иных пунктов устава можно заключить, что работали вместе, из других, – что по келиям. Может быть, иногда работали вместе, иногда по келиям. Что общая сборная, по домам, комната была, это видно из того, что все собирались в доме на общую молитву и для слушания поучений смотрителя. Эта же комната могла быть и общею

рабочею. – В 123-м пункте говорится: «Никто не может без повеления смотрителя начать плесть вервь или обносить в сосуде воду». Это дает мысль, что работа производилась у него на глазах. Эту же мысль подает и 146-й пункт, в коем говорится: кто кончит свою работу, спросить у смотрителя, что ему далее делать. Не было ли даже, вне келий, на дворе, какое-либо место общее для рогожников? Ибо в житии пр. Пахомия поминается, что, возвратясь однажды от посещения других монастырей, он сел с рогожниками и начал работать. Тут был один из мальчиков, который сказал ему, что он не так работает. Это обстоятельство сказывает, что работа происходила на дворе.

124. Сколько чего сработано в неделю, Авва поверял в конце недели. Рогожи слагались на паперти храма: их пересчитывали, равно пересчитывали и приготовленные верви. Количество всего вносилось в записную книгу, которая в Августе в общем собрании подвергалась ревизии. При проверке Аввою присутствовали смотритель дома, кончившего недельничание, и смотритель дома, принимавшего ее; последний, вероятно, для выслушания замечаний, которые надлежало передать работающим (п. 27).

125. Изделия братий тщательно блюлись; и если кто из смотрящих за ними как-нибудь портил, терял или затрачивал какое из них, то подвергался за то ответственности (п. 147).

126. Для всех работ и послушаний по монастырю, в саду, в огороде, в поле, недельный распорядитель после утренних молитв испрашивает у Аввы распоряжений, и что тот прикажет, приводит то в исполнение (п. 25).

127. Устав подробно определяет тот случай, когда выходили на работу за монастырь всем домом, или даже всем братством монастыря. Отправлялись за монастырь или работать в поле, или нарезать ветви, или собирать дрова, и еще какую-то траву, которую солили и употребляли между прочим и во время этих самых отлучек из монастыря, продолжавшихся иногда неделю и две. Вот как устав определяет весь ход дела при сем!

128. Когда дан знак выходить на работу, выходят все; смотритель дома идет впереди; никто не должен спрашивать, куда и для чего идут; дома остаться могут только те, кому велит Авва (п. 58).

129. Когда все дома будут собираемы на одно какое дело, смотритель первого дома пусть предшествует всем, а прочие идут за ним по порядку домов и братий (п. 59). Вероятно, в это время нередко отправлялся с ними и Авва монастыря, как можно заключить из примера пр. Феодора.

130. Когда идут на работу, никто не может заходить вперед или выходить из порядка (п.63:130). Не должны они говорить между собою; но всякой пусть повторяет на память что-либо из Писания и размышляет о том (п. 59).

131. Если встретится кто и имеет нужду сказать что-либо какому брату, к нему выходит привратник монастыря и служит посредником в сношениях его с братом. Если привратника не будет тут почему-либо, то смотритель дома, или другой кто, кому это будет поручено, будет давать ответы встречающимся (п. 59).

132. Когда, пришедши на место, начнут работать, братия не должны говорить между собою ни о чем мирском; но пусть каждый, молча, рассуждает об известных ему местах Писания (п. 60).

133. Во время работы никто не может присесть без позволения набольшего (п. 62).

134. Когда придет время принятия пищи, им раздавал ее, без варева, недельный столощик, следовавший с ними; давал также овощи, приправленные солью и уксусом, как обыкновенно готовят их в летнее время, чтоб сберегались на несколько дней. Он же обносил всех водою по ряду, а сам собою никто не имел власти встать, почерпнуть воды и пить (п.64:80).

135. Положенные молитвословия совершались неопустительно в свое время, как сказано в правилах о молитвословии. Не были опускаемы и поучения, какие следовало говорить к братиям в установленные часы (п. 189).

136. По окончании работ, возвращаются в обитель в том же порядке, при таком же молчании и богомыслии (п. 65).

137. Когда придут в монастырь, в свои дома, орудия железные, если ими работали, и сандалии отдадут тому, кто второй после смотрителя дома, а тот внесет их в особую камеру и запрет (п. 66).

138. Если кому случалось занозить ногу, спицы никто не мог вынимать кроме смотрителя дома и вторствующего по нем, или того, кому это поручится (п. 95). Для этого имелся особый инструментик, который в каждом доме висел в том же поставце, где помещались и книги (п. 82).

139. Бывали и менее многолюдные посылки братий вне, на работы. Тогда с ними отправлялся кто-нибудь из старших братий, в качестве наибольшего и пользовался правами смотрителя. Он и поучения говорил братиям в определенные дни и часы; и суд производил между ними, и когда происходила какая-либо размолвка между ними, мирил их, восстанавливая сердечное между всеми согласие (п. 189).

140. Из других работ в уставе поминается только о собирании фиников. Для этого выходят целым домом под надзором своего смотрителя. Поведение всех и здесь было верно такое же, как показано выше, т.е. собирали молча, занимая ум Богомыслием. По окончании собирания, смотритель раздавал трудившимся по нескольку фиников; в монастыре же они все-таки получали свою часть на ряду с другими братиями (п. 78).

141. Поминается еще о ходе дела в пекарне, именно: назначаемые для сего братия, когда приходит время месить муку, приходят в пекарню и месят муку молча, ни с кем ничего не говоря. Также и утром, когда переносят на досках хлеба в печь, подобное же должны соблюдать молчание: пусть в то и другое время размышляют о чем-либо из Писания, пока кончат дело свое. Если что нужно, пусть не говорят о том, а дают знак тем, которые могут принести, что требуется (п. 116). Когда кончат все дело, никто не должен оставаться в пекарне, кроме тех, кои необходимы для наблюдения за печением и кому приказано будет.

142. Вообще же относительно работ, положено было законом – не обременять никого тяготою их. Пункт 179 устава

говорит: «Братия не должны быть понуждаемы представлять слишком много изделий, чтоб умеренный труд располагал к работе, а не отталкивал от нее». И Ангел повелел пр. Пахомию: «Назначай труды соразмерно с силами каждого; труды тяжелые возлагай на тех, которые крепче силами, а малые и легкие назначай слабым».

143. Между тем и лениности поблажки не давалось. Если кто жаловался на своего набольшего (смотрителя, должно быть), что он обременяет его работою, то разбирали жалобу. Если она оказывалось справедливою, смотритель получал должное вразумление; если же она была несправедлива, а брат говорил так, по ропотливости и нежеланию трудиться, то его до пяти раз убеждали не роптать, ясно доказывая ему, что напрасно ропщет. Если и после этого оставался он таким же, то его считали одним из больных, отводили в больницу и там кормили, оставляя праздным, пока не возвратится к истине, устыдясь своего бездействия (п. 164).

14) Пища

144. В обычном порядке у иноков общежительных только и движения из келии, что в Церковь и в трапезу. Была в каждом монастыре одна для всех общая трапезная – одна кухня, вне которой ничего не могло быть готовимо (п. 80); одна хлебопекарня (п. 116).

145 Пища приготовляема была одинаковая для всех, кроме больных; и приготовление ее было так просто, что для этого не требовался особый повар: ее готовили по очереди недельные.

146. Обыкновенно поставлялись на трапезе: хлеб, соль, какое-либо варево (может быть, из чечевицы или фасоли), овощи, – сырые или вареные, иногда приправленные маслом, какие-то травы, просоленные с уксусом (п. 80). Вина и ухи никто не должен был касаться, кроме больных (п. 45). Какая в монастыре пища, такая же в дороге (п. 46), такая же, (если) если кому случится быть у родных. Никто нигде не должен есть ничего, кроме показанных яств (п. 54).

147. Трапезовать Ангел заповедал всем вместе. Некоторым только разрешалось принимать пищу дома в келии, по усмотрению Аввы, в видах большего воздержания (Иерон. в пред. и п. 80). У больных была свои трапезная.

148. Когда поставлялась трапеза, хорошо определяет бл. Иероним в предисловии. «Больным, – говорит он, – делается большое снисхождение; но здоровые хранят строгое воздержание. Дважды в неделю, в среду и пятницу, все постятся (т.е. вкушают в 9 часов и не всякую разрешенную для иноков пищу), во весь год, исключая дней Пасхи и Пятидесятницы. В другие дни вкушают после полудня. И вечером также поставляется трапеза для несущих тяжелые работы, для старых и детей и еще *propter acstus gravissimos* – по причине великих жаров (может быть, для тех, которые по причине сих жаров не вкушают в полдень). И из других братьий иные в другой раз немного вкушают, а иные довольствуются однократным принятием пищи, в полдень, или вечером» (слич. пр. Касс. кн. 3, п. 12). И Ангел заповедал пр. Пахомию:

«Позволяй каждому есть и пить по потребности; не возбраняй ни поститься, ни есть».

149. В пункте 28-м говорится, что братия из Церкви идут или домой, или в трапезу. Это могло быть или после полуденной, или после девятичасовой молитвы. Можно подумать, что в столовую всегда приходилось идти из Церкви. Между тем однакож не всегда так было: ибо есть свои правила о созывании братий прямо в трапезу. Для этого даваем был знак, раньше которого никто не мог выходить из келии и блуждать по монастырю (п. 90).

150. Знак подавал недельный, в урочный час (м. б. с позволения Аввы, – применительно к п. 24). Для дающего знак положено такое правило: «Кто бьет в било, чтобы братия собирались в трапезу, пусть, пока бьет, с размышлением читает на память что-либо из Писания» (п. 36).

151. Услышав знак, братия идут в трапезу, молча, размышляя о чем-либо из Писания (п. 28). Вошедши в трапезу, занимают места по порядку домов и братий (п. 29). У всех головы покрыты кукуллием и милоти на плечах (п. 91).

152. О молитве пред трапезою и после оной нигде в уставе не говорится и не намекается, – верно потому, что это дело не требовало особых постановлений. Пр. Кассиан говорит, что в субботу и воскресение, и в постные дни, пред обедом и после обеда пелись установленные Псалмы; за ужин же в воскресение садятся с простою молитвою; с такою же молитвою и встают из-за него (кн. 3, п. 12).

153. Во время стола строго соблюдалась тишина. Не только говорить или смеяться никто не мог без соответственного штрафа, но и когда нужно было что, знать о том давали не словом, а знаками. Кто нарушал тишину говором, а тем паче смехом, тотчас подвергался эпитимии (п.31:33).

154. Никто не должен был подсматривать за другими, как кто ест; и всякий имел полную свободу воздерживаться по желанию своему, не смущаясь, что заметят его к себе строгость (п. 30).

155. Когда Авва повелевал кому перейти на другой стол, тот исполнял это беспрекословно; когда кто опаздывал, без

ведома старших и без законной причины, нес эпитимию, как и нарушивший тишину (п.30:32).

156. Те, которым разрешено было принимать пищу в келии, принимали только хлеб с солью и водою (Иерон. в предисл.). Хлебцы брал для них смотритель на два или на три дня; и они не были держимы на наруже, но когда приходил час выдавались брату. Ни варева, ни овощей, ни плодов он не получал (п. 80).

157. Вышедши из трапезы, братия получали в определенные дни от недельного плоды и сласти (м. б. яблоки, финики, виноград), которые вкушали однакож по приходе в келию. Раздающий сласти раздавал всем поровну, читая на память что-либо из Писания; сам он свою часть получал от смотрителя недельного. Это давалось на три дня. Кто не ел, или не все съедал, отдавал смотрителю, и тот возвращал то в свое место (п. 37, 38, 39, 40).

158. По выходе из трапезы никто не мог останавливаться с другим для разговора, а молча направлялся в свою келию (п. 34).

159. Недельные столовщики ничего себе особого из пищи не готовили, равно как и те, кои готовили варево. Они вкушали пищу после других, и сами себе прислуживали (п. 35, 44, 76).

15) Сон

160. Как видели уже, братия, совершив шесть вечерних молитв в доме, расходились по келиям спать (п. 126). В полночь пробуждал их недельный на ночное молитвословие, после которого они уже не давали себе спать. Таким образом, половина ночи отдавалась сну, а половина посвящаема была бдению в молитве и богомыслии.

161. Ангел заповедал: «Спать братия не должны лежа, но пусть устроят себе седалища с отлогими задниками и спят на них сидя, постлавши постель свою». То же повелевает и 87-й пункт устава: «Для спанья никто не должен иметь другой кровати, кроме седалища с наклонною назад спинкою, которое дано ему будет». К сему прибавляется в след. правиле, 88-м: «Кроме псаты, т.е. рогожи, на это седалище отнюдь не должно постилать что-либо другое для спанья.»

162. Ангел повелел также: «На ночь братия должны оставаться в льняных левитонах и препоясанные; и без милоти не должны они спать». Вероятно, оставался на них и кукуллий, никогда не скидавшийся.

163. В келиях, как повелел Ангел, обычно помещалось по три брата; им предписывалось, отшедши ко сну, не заводить речей друг с другом. Это же они должны были соблюдать и когда оставались на ночь в поле и располагались спать вместе, или когда в душное время выходили спать на доматы (плоские кровли) (п. 87).

164. Если случится кому проснуться прежде времени вставания, правило говорит ему: «Пусть молится; и если чувствует жажду, а настает день поста, пусть воздержится и не пьет» (п. 87).

165. Никто не должен на ночь запираť келию, которая и иметь не должна того, чем бы ее можно было запираť. В сем, впрочем, отношении Авва монастыря может иному сделать снисхождение, из уважения к летам или состоянию здоровья (п. 107). Видно не во всякой келии было по три брата; бывало и по одному. На это наводят и другие пункты устава.

16) Внутренняя жизнь: созидание духа истиною

166. Внешние порядки Тавеннисийских общежитий направлены были к тому, чтобы братия удобнее созидались в духе. Семя духовной жизни полагалось благодатью Божией в самом призвании к сему роду жизни. Внутри обители оно развивалось и росло. Главный развиватель и здесь тоже благодать Божия, находившая доступ внутрь в молитве и богомыслии и множившаяся частым причащением Святых Христовых Таин. К этому надо присоединить и те порядки, которые заведены были для созидания духа Словом Истины. Сюда относятся правила заучивать Слово Божие, размышлять о нем, слушать поучения старших и читать книги.

167. Первая проба вступающего в обитель состояла в заучивании им нескольких псалмов; по вступлении в обитель к этому прилагалось заучение еще некоторых частей Писания; затем, если новичок не умел читать, должен был выучиться и обязывался, после того, выучить, по крайней мере, Псалтырь и весь Новый Завет (п.139:140). Это заучивание не могло быть исполнено вдруг, а занимало многие годы, если не всю жизнь. И вот чем постоянно были заняты у иноков ум и память!

168. Но заученное слово могло оставаться бесплодным; почему его всячески развивать старались. Первым к тому средством служило свое собственное размышление, которым не могло не сопровождаться и самое первое заучивание Писания. Не раз уже поминалось, что иноки, что бы ни делали, обязывались ум свой постоянно занимать Богомыслием, посредством чтения на память Псалтири или других мест Писания. Им предписывалось: в Церковь ли идут или из Церкви, в трапезу или из трапезы, дома ли сидят за работою или работают в пекарне, в саду и в поле, идут ли путем куда, или плывут в лодке, – во всех обстоятельствах, – телом дело делать, а ум занимать каким-либо местом Писания (п. 3, 28, 36, 37, 60, 116 и др.).

169. Производство сего мысленного занятия состояло в следующем: приведши на память место Писания, повторяли его

мысленно, допрашиваясь, что есть в нем и чему оно учит. Ум, молитвою, вниманием и жаждою истины вооруженный, разлагал обдумываемые слова и извлекал из них истины, в умножение своих познаний и в руководство для жизни. Переходить от одного места к другому не спешили, пока не исчерпают всего в нем содержащегося, подобясь пчеле, которая не слетает с цветка, пока не извлечет из него всего меда. Иное место могло занимать целые дни и недели.

170. Если встречалось недоумение по темноте места или кажущемуся несогласию его с другими местами, они не тотчас беспокоили вопросом о нем старших, но наперед сами старались решить его, неоднократно принимаясь за обсуждение остановившего их места и в молитве испрашивая просвещения свыше.

171. Когда удостоверяться, что не достает своих сил к решению возникших недоумений, обращались к смотрителю дома, или к Авве, во время собеседований, – и те решали. Случаи такие поминаются в житии великих старцев Тавеннисийских. Аммон свидетельствует, что в первый раз, будучи введен в место собеседования, он увидел, что пр. Феодор был занят именно таким решением недоумений.

172. Богомыслие есть ближайшее и могущественнейшее средство для воспитания ума в ведении Бога и Божественных вещей; но ему без руководства быть нельзя. В Тавеннисийских обителях таким руководством служили, во-первых, беседы Аввы и смотрителей домов. Они и Писание разъясняли и научали каждого, как самому вести сие дело.

173. Смотрители, обязанные поучать братий, как жить свято (п. 188), вели беседы к ним каждую неделю три раза утром, в дни же поста, т.е. в среду и пятницу, было от них по два поучения, утром и вечером. Утром ли, или вечером говорили они поучения, всегда говорили после домашних молитв. Никто из братий отсутствовать не должен был, и все собравшееся слушали со вниманием, стоя или сидя в своем порядке (п. 20, 21, 115, 138).

174. Аввы монастырей вели свои беседы особо от смотрительских. Правило не указывает, сколько раз и когда это

делалось; вероятно, это зависело от усмотрения самих Авв. Пр. Пахомий говорил поучения каждый вечер, а иногда и после ночной молитвы. Часто говаривал их и пр. Феодор. Им подражали, конечно, и последующие Аввы, пока не охладел дух ревности. Историк восточного подвижничества (*Vies des peres*) говорит, что Аввы говорили обычно одно поучение в субботу и два в воскресенье.

175. Для собрания на беседы Аввы давался знак, услышав который все оставляли келии и спешили на место собрания; в келии никто не мог оставаться (п. 23). Местом собрания не была Церковь; Аммон поминает о беседах пр. Феодора под каким-то деревом. Братия сидели, разместившись по порядку домов.

176. Смотритель ли вел беседу или Авва, требовалось молчаливое внимание. Кто погрешал против этого каким-либо шумом или дремать начинал, нес положенный штраф (п. 22).

177. Чтобы с этими беседами не случилось то же, что про иные слова говорится: в одно ухо вошло, а в другое вышло, братия потом между собою перебирали все слышанное, припоминая кто одно, кто другое. Для этого назначались братские собеседования, которые велись со всею скромностью, по домам в общем собрании, тотчас по выслушании бесед смотрителя или Аввы. Этим способом восстанавливали они в уме всякую слышанную беседу и чрез повторение, запоминая ее, богателись ведением истины (п. 20, 122, 138).

178. Второе руководство к должному ведению своеличного размышления получалось чрез чтение книг.

179. В каждой обители была своя библиотека. Недельный, утром в понедельник, по распоряжению Аввы, обходил дома, узнавал, где какая нужна была книга и доставлял их потом (п. 25). В доме книги были на руках у вторствующего; для чего в общей келии устраивалось окно – ниша в стене с дверцами. Желавшие читать книги братия получали их от него утром, а вечером опять сдавали ему, и он, пересчитав их, запирали в окне (п. 100). В субботу книги сдаваемы были в общую библиотеку, по причине перемены недельного, когда один сдавал, а другой принимал книги (п. 25).

180. В уставе видно, что чтение книг велось; но когда и как, – не определяется, вероятно потому, что для этого не требовалось особых наставлений. Поминается лишь, что выходя в Церковь, или на трапезу, никто не должен был оставлять книги незавернутою (п. 100); и еще, – что никто не мог, без ведома смотрителя и второго по нем, ходить в другой дом просить книги на время, или читать ее вместе с каким братом (п. 188). Как урочное дело, лежавшее на каждом брате, было одно – представить к вечеру работу в определенной мере; то могло быть оставляемо на свободу каждому соразмерять чтение с работою и выбирать для того время, лишь бы выполнен был урок.

181. Палладий где-то замечает, что по монастырям были особые писцы, которых послушание состояло в том, чтобы переписывать книги, какие приказывал Авва. Этим способом библиотека могла увеличиваться непрерывно.

182. Кроме книг Божественного Писания, имелись и книги Отцов и учителей Церкви. Это можно заключить из того, что пр. Пахомий строго запрещал касаться книг Оригена. Ибо других учителей, стало быть, можно и должно было касаться.

183. Такими путями братия обогащались ведением всякой истины; и очень не дивно, что между ними воспитывались многосведущие Аввы, и смотрители, которые могли изустно предлагать частые и назидательные поучения братиям.

184. Прилично эти правила заключить словами устава, помещенными в нем между 142 и 143 пунктами в виде заглавия: «Вот заповеди и постановления, как братья должны собираться для слушания Слова Божия, да избавляются души их от заблуждения и славят Бога во свете живых и ведают, как подобает в дому Божии жити, без преткновения и соблазна, чтобы не были опьяняемы какою-либо страстью, но стояли в истине и преданиях св. Апостолов и Пророков, подражая им в достодолжном хождении в дому Божиим».

17) Нравственное преспеяние

185. Но ведение истины есть путеводительный для жизни свет. Оно ценно, поколику содействует тому, чтобы украшать нрав всякими добродетелями. Посему устав Тавеннисийского Общежития, столько питая дух молитвою, Словом Божиим, богомыслием, поучениями старших, взаимным собеседованием, требовал от них наиболее строгих подвигов, направленных к созиданию доброго иноческого нрава, и к утверждению духовной жизни. Таковы:

186. Молчание. Уже не раз повторялось, что иноки должны так себя держать, чтоб руки работали, а ум занят был Божественным, по указанию Слова Божия. Это норма их жизни. Беседа между собою разрешалась только для припоминания того, что слышали в поучении от старших. О мирском ни о чем не должно было быть и помина. Устав прямо это предписывал: «Когда братия сидит дома, непозволительно им говорить ни о чем мирском; но пусть, если смотритель говорил что из Писания, вместе пересматривают то и передают друг другу, что кто из слышанного удержал в памяти» (п. 122, то же и в 60).

187. Кроме этого разрешенного собеседования, хранилось молчание; и как в этом собеседовании проходило очень немного времени, то можно сказать, что иноки, по уставу, всегда должны были молчать.

188. Не только в Церкви и в трапезе должно было молчать, но и идя туда и обратно; не только за домашнюю работою, но и за работою вне монастыря, и в пути туда и обратно; также во время мытья белья, замешивания муки и сажания хлебов, – всегда и всюду должно было молчать, и если требовалось что, давать о том знать знаками (п. 34, 59, 60, 116).

189. Чтобы не раздражить говорливости, запрещено было передавать братиям какие-либо вести и новости. Так, ходившие к родным или еще куда отлучавшиеся, плававшие куда-либо по реке, работавшие на стороне, не должны были внутри монастыря рассказывать ни о чем, что видели и слышали и что делали сами (п.57:86).

190. Строго также было наблюдаемо, чтобы никто не переносил слов из дома в дом, из монастыря в монастырь, из монастыря в поле, и из поля в монастырь (п. 85).

191. Такое молчание, храня неразвлеченным внимание, сосредоточивало его на едином на потребу, и давало простор невозмутимо вести внутреннее богомыслие и извлекать из обсуждаемых мест Писания всевозможное назидание. Молчание делало то, что всякий и среди многолюдного братства был будто один.

192. Послушливость, или неимение своей воли. – Уже устав всех связывал послушанием, ибо он определял все, и постановлениями, имевшими силу неизменного закона, почему в одном месте они названы узами, скованными на небе. Вследствие того предписывалось, что всякий должен соблюдать правила, как пред Богом (п. 184), и ничего не делать, что не изошло от совета Отцов (п. 191). Если оказывалось что неопределенным, тотчас определяли то старцы, а не сам кто (п. 180). Которые же презирали заповеди набольших и правила монастырские, установленные по повелению Божию, ни во что ставили, тех повелевалось подвергать исправительным мерам, как бы ни было ничтожно допущенное нарушение (п. 167).

193. Другой способ вязания воли всех был всестороннее подначальство. Никто ни одной минуты не оставался без подначальства. Постоянно всякий был у смотрителя на глазах: и никто ничего не мог делать без его позволения и ведома (п. 157). Не только отлучиться за монастырь, или походить по монастырю, или пойти в келию другого, но и обычные дела всегда начинать и оканчивать должно было не иначе, как с его разрешения (п. 127, 183, 184). Когда смотритель отлучался, его место, без особых распоряжений, занимал второй но нем; если и этого не было, – другой кто (п. 182). Когда отлучался куда брат – повидать пришедших родных или сходить к родным на дом, или помыть белье, если опаздывал сделать это вместе с другими, с ним посылаем был другой, в качестве набольшего (п. 53, 56, 69). Равно, если посылаемо было куда несколько братий, над ними поставлялся набольший со всеми нравами смотрителя (п. 189). Смотритель сам был только исполнитель

устава и во всем зависел от Аввы, Авва монастыря в свою очередь зависел от главного Аввы во всем. Таким образом, все связаны были узами послушания, и никто своей воли иметь и следовать ей не мог.

194. И в обычном течении жизни никто ничем не мог сам собою распорядиться даже в отношении тех вещей, которыми распорядиться должен был в исполнение лежавшего на нем долга. Например: недельному столовому нужны овощи, – но он не берет их в огороде сам, а получает от огородника (п. 73); недельному работ нужно взять финиковые ветви, чтоб намочить для братий, но он не берет их сам, а их выдает ему тот, у кого они на руках (п. 74); и намоченных ветвей, в которых имеет кто нужду, не может он взять сам собою, хотя они у него пред глазами, а их дает недельный распорядитель (п. 124). И сами распорядители сами собою себе ничего не берут: недельный раздает после обеда сласти (их получают и Авва и смотрители все поровну), а свою часть получает он из рук смотрителя недельного (п. 39); смотритель, по собрании фиников, раздает братиям собиравшим по несколько, а свою равную часть получает из рук другого (п. 78). Так все состояли в послушании, и своей воли ни на что не имели. Всякий непослушный и делавший что-либо наперекор, подвергался штрафу (п.150:151).

195. Нищета, ничего неимение. Поступающий в монастырь оставлял все свое за воротами, и внутрь вступал в монастырской одежде, на чужой кошт. Затем, уже и возможности не имел он иметь что-либо особо свое и для себя одного.

196. Все, нужное ему, – одежды и орудия, выдавались по распоряжению Аввы, не в неприкосновенную собственность, а только для пользования; кроме выданного, никто ничего не мог иметь, не только денег, но и вещей (п.81:192).

197. Выданное было на руках у брата, но он пользовался тем, как чужим; имея долг блюсти то и подвергаясь ответственности за небрежение, порчу или потерю (п.148:131).

198. Даваемое удовлетворяло нужде, но было самое простое и скудное, одежда из холста. Лучшего и лишнего никто ничего не мог иметь, ни сам смотритель, и Авва; что

оказывалось у кого сверх положенного, тот должен был относить то в подобающее место, не медля и без поперечения (п. 81, 82, 97, 114, 159, 192).

199. Каждому выдавалось: два левитона и третий потертый, два кукуллия, милоть, нарамник, мантийца, пара сандалей, посох, работные орудия и еще седалище с отлогою спинкою для спанья, и рогожа для постилки на нем. Вот и все имущество; и из него не все было на руках у брата; иное хранилось в кладовой, на руках вторствующего (Иерон. п. 81).

200. Казалось бы, что тем, что принесено родными, брат мог бы распоряжаться как собственностью, но он не мог касаться того, а призывал привратника, и он брал то и относил в больницу, выдав малость брату, если можно было (п.92:113). Равно и найденной вещи никто не вносит к себе, а вешает ее при храме, и там берет ее или потерявший или кому велят (п. 132).

201. Это ничего неимение, ничего у себя недержание и скудость учили смирению, располагая каждого смотреть на себя, как на нищего, и держали всех в беспопечительности. Об утрешнем дне никто не заботился; заботу о всех нес Авва с помощниками; на них лежало удовлетворять нужды всех, братия же все, полагаясь на них, пребывали беспечальными. Коль скоро у каких набольших оказывалось в сем отношении опущение, они отвечали. Все имели одинаковое и поровну. Никто ничем не был заделен и лишнего не получал (п. 40).

202. Постничество и воздержание. Стол и вообще был у них скуден: его составляли хлеб с солью, некоторые овощи и одно варево. Если бы и все предлагаемое употреблять, и то не можно бы дойти до пресыщения; но братия и при этом лишали себя всякого довольства. Иные и в трапезу приходили с тем только, чтобы скрыть свое воздержание, и вкусив немного чего-либо, или от всего предлагаемого понемногу, тем ограничивались. Многие имели правилом есть только хлеб с солью и оставались для того дома, любя при том и безмолвие. Иные вкушали чрез день и два (предисл. Иерон).

203. В трапезе и все не жадно бросались на пищу, хотя не могли не быть голодны, приходя в нее, но ждали, пока начнет

вкушать смотритель (Иерон. п. 30). Равно и после стола, получив фрукты и сласти, не тотчас и в рот, но ели из того малость по приходе в келию, и это не все. Кроме же этого, никто не мог ничего иметь в келии съестного (п. 79).

204. Воздержание они держали при всех случаях, не в монастыре только, но и вне, – в дороге, на барках и у родных (п. 54). Смотревшие за виноградом, финиками и фруктовым садом не могли начать вкушать плоды раньше чем другие братья, и всегда часть свою получали наряду с другими братьями; также кто бывал в саду и, проходя мимо деревьев, нападал на упавший плод, тот не мог его есть, а должен был положить у корня дерева; равно и готовившие кушание никакой себе поблажки позволять не могли (п. 75, 76, 77).

205. Обычные же посты, в среду и пяток, соблюдали с такою строгостью, что если кто проснувшись, ночью под какой-нибудь из сих дней, чувствовал жажду, то он должен был отказать себе в утолении ее (п. 87).

206. Телу не давалось никакого послабления, и только крайняя слабость заставляла оказывать ему какое-либо снисхождение; не только елеем намащать его, но и водою обмывать запрещалось, разве только в крайнем изнеможении (п. 72). Нельзя было также разводить огня особо от общего, какая бы потребность погреться ни чувствовалась (п. 120).

207. Смиренная скромность и степенность. Закрыв очи кукуллием и преклонив главу, брат всякий, шел ли куда, стоял ли в Церкви, или сидел в трапезе и за работою, себе одному и делу своему внимал, не дерзая подсматривать, как молятся, едят или работают другие (п.7:30).

208. Не только в Церкви и трапезе, но и за работою никто не мог говорить, шуметь и смеяться (п.8:31). Не менее предосудительным считалось заводить смехи, шутки и празднословие, при взаимных беседах, или заигрывать с детьми: все сие и подобное считалось противным честности иноческого звания (п.151:166). Одного шутника, из комедиантов обратившегося в христианство и поступившего в обитель, и нередко поблажавшего старой привычке, положено было

выгнать из монастыря; и это не было исполнено лишь потому, что пр. Феодор взял его на свои поруки.

209. По той же причине, т.е. честности ради звания, не позволялось им двоим садиться на ослика (п. 109), ни ходить праздно по монастырю, прежде удара в било к молитве или трапезе (п.90:178), ни выходить из ряда, когда идут в порядке на работу (п. 65), ни поддергивать слишком левитон, когда мыли платье (п. 69).

210. Взаимная любовь. Хотя из некоторых пунктов устава видно, что всякий должен был держать себя так, как будто он жил один, в духе, однако ж, все должны были быть в крепкой между собою любви, мире и согласии. Пункт 150-й прямо говорит: «Исполнение закона любви есть. Ночь преjde, а день приближися. Отложим же дела темные, кои суть рвения, завидования, вражды». То же внушает и 179-й пункт: «Да будет между всеми мир и согласие, и охотно да подчиняются все набольшим, сидя, ходя и стоя в порядке своем и друг друга в смирении превзойти стараясь».

211. В среде братий ни одно действие, коим нарушался закон любви, не было оставляемо без обличения и должного исправления. Кто скор на клеветы, кто гневлив и вздорен, кто имеет дурной нрав раздражать других словом, кто охоч смущать братий и сеять ссоры, – тотчас, как замечен был, выслушивал обличение, и по обличении нес эпитимию, иногда очень строгую. Не исправлявшийся выгоняем был из монастыря (п. 60, 61, 63, 69).

212. В духе сей любви набольшим запрещалось обременять чем-либо братий (п. 179); и если, напр., кто пришедши с работы вне, чувствовал себя утомленным, его не принуждали идти на молитву, если в то же время подходил час ее (п. 187).

213. Также смотритель подвергался строгому обличению, если он, заметив брата печальным, не обращал на это должного внимания и не спешил утешить брата и успокоить его; тем паче, если сам бывал причиною смущения (п. 170).

214. Предостережения от искушений против целомудрия. Но в этой любви не было ничего плотского, чувственного. Все равно всех должны были любить и

предпочтение в сем кого-либо считалось предосудительным (наставл. Орсисия).

215. Чтоб не вкралось в братское дружелюбие чего-либо плотского, не позволялось никому говорить с другим в потемках, ни держать кого за руку; но предписывалось, стоять ли будет кто с другим, или ходить, или сидеть, держать себя от него на один локоть расстоянием (п. 94).

216. В тех же видах предотвращения искушений против целомудрия, хотя были принимаемы женщины в гостиницу, но им не позволялось взглянуть внутрь монастыря, «чтоб братское стадо невозмутимо занималось своим делом, и никому не подано было камня претыкания» (п. 51). Оттого братия, которым не приходилось выходить наружу, никогда не видывали этого пола. Пр. Феодор отказался видеть даже мать свою.

217. По той же причине, хотя за монастырь походить и увольняемы были братия, но в село или в деревню никто не мог ходить (п. 108); и когда отправлялись братия куда-либо в своей лодке, принимать на нее жен не позволялось (п. 119). Та же цель и того, что в монастыре строго запрещалось заводить дружбы с детьми (п. 166).

18) Больные и больница

218. О больных, говорит бл. Иероним, имелось у Тавенисиотов самое нежное попечение; и пищи им давалось вдоволь, какой пожелают.

219. Когда кто получал рану или ушиб, или так разнемогался немного, не слегал однако же в постель, а двигался, смотритель дома должен был сходить к больничникам и к другим распорядителям и взять для него, что требовалось (п.40:105).

220. Когда кто крепко заболел, смотритель дома отводил его в больницу и отдавал больничникам, на которых с сей минуты лежала вся о нем забота во всех нуждах, одежда ли какая требовалась, или пища. Сам же собою ничего не мог он касаться, или распорядиться приготовлением себе чего-либо по своей воле. Все заявлял он больничным распорядителям, и те удовлетворяли его желания, какие следовало удовлетворить. Сами собою и распорядители, если заболели, не могли ни взять что готовое, ни велеть приготовить. Это исполняли для них заступавшие место их (п.41:42).

221. Больным позволительно было давать вино и готовить уху (п. 45). Им не отказывали даже и в мясе, если бы кто из них захотел его. В житии пр. Пахомия говорится, что за отказ в этом больному он сделал очень строгий выговор больничникам.

222. Если, кто из посланных куда-либо на сторону, заболел в дороге, или в барке, и желал поесть рыбы или другого чего, что есть в монастыре необычно, набольший в пути должен был доставлять им всего вдоволь, чтоб занемогший брат ничем не был опечаливаем; только принимать эту пищу надлежало ему особо от других (п. 46).

223. В больницу никто не должен был входить, кроме болеющих (п. 42). Посещать же больных могли и братья, и родственники, только не иначе, как с позволения набольших (п. 47). В 129-м пункте говорится, что куда бы ни были посылаемы братия группою, с ними должен был отправляться кто-либо из

недельных, служащих в больнице, на случай, если кого в поле или в дороге схватит болезнь.

19) Странноприимство

224. При каждом монастыре была гостиница, в которую были принимаемы и в которой были упокоиваемы все приходившее без различия пола, веры и состояния. Но внутрь монастыря никто не был впускаем. Исключение в этом отношении делалось, по усмотрению Аввы, только инокам и иереям.

225. Вот что говорит относительно их устав! «Когда придут ко вратам монастыря клирики или монахи, то их надо принимать с большею честью: умыть им ноги, по заповеди Евангелия, и доставить все, что можно по обычаям монашеским. Если они захотят во время церковной молитвы придти в собрание братьев, то когда они одной веры, смотритель странноприимницы возвестит о том Авв монастыря, и с позволения его введет их в Церковь (п. 51).

226. Но в трапезу не вводили их, а предлагали им пищу в гостинице. Один иерей Тантирской Церкви, по имени Дионисий, знаемый пр. Пахомию, заметил ему, что этим нарушается заповедь о гостеприимстве и советовал отменить такое правило. Пр. Пахомий ответил ему, что большее выйдет нарушение заповеди, если они чем-либо соблазняются в братьях, или братья в них, и оставил свой закон в силе.

227. Из других лиц всех принимали равно; только на женщин более строгое обращалось внимание; так что и особое было устроено для них отделение, удаленное от соседства с мужчинами. Устав повелевает: «Если придут к вратам монастыря миряне, то принять их в особых комнатах, как требует звание и пол; особенно о женщинах надобно пещись с большим вниманием и со всяким страхом Божиим; и место им особое назначить, отдаленное и отгороженное, со всякою осмотрительностью и осторожностью» (п. 51).

228. Кроме гостинников, никто сторонних принимать не мог. В 50-м пункте говорится: «Никто из пребывающих внутри монастыря не имеет власти принять кого и покормить, но

должен отсылать его в странноприимницу, и там примут его приставленные к этому делу».

229. Равно, когда возвращающиеся со стороны в монастырь увидят во вратах какого пришельца, спрашивающего кого-либо из своих родных, пребывающих в обители, – не должны они идти к тому брату сказывать об этом, или звать его. Это должно делаться своим порядком привратниками (п. 57).

20) Посещения и отлучки

230. Устав определяет эти случаи так: «Если кто предстанет пред врата монастыря, говоря, что желает видеть такого-то брата своего или родственника, то привратник скажет о том Авве монастыря, и тот, позвав смотрителя дома, спросит о брате и позволит отпустить его за ворота. Смотритель, дав спрашиваемому брату в спутники другого, испытанного брата, отпускает его повидаться в гостиницу с пришедшим братом его или родственником (п. 52).

231. Тем же порядком брат увольняется и на дом к родителям или родным, когда возвещено будет, что из них кто-либо болен и желает повидаться с ним, именно: привратник скажет о том Авве монастыря, а тот позовет и спросит смотрителя дома и уволит брата. Затем выбирается смотрителем брат верный и утвержденный в порядках иноческой жизни и посылается с тем, чей родной или знаемый заболел. Они возьмут на дорогу столько, сколько определит смотритель (п. 53).

232. Если нужда заставит их замедлить там, то не следует им пребывание иметь в доме родителей или родных, но пусть перебудут в доме, что при Церкви, или в монастыре каком, если есть той же веры (т.е. православной).

233. Если родственники и знакомые предложат им пищу, ничего не должны они вкушать, кроме того, чем обычно питаются в монастыре. Не должны они отведывать ни вина, ни ухи и ничего другого, что вкушать не имеют обычая (п. 54).

234. Если получают от родных что съестное, пусть употребят из того, сколько потребуется в дороге, а что останется, пусть, по приходе в монастырь, отдадут смотрителю дома, а тот снесет в дом болящих (п. 54).

235. Если ближний чей и единокровный умрет, то участвовать в похоронных проводах его брат не может, если не получил разрешения от Аввы (п. 55).

21) Похороны братьев

236. Когда кончался кто из братьев, сколько оставался он не похороненным, не видно из устава. Собирает житий св. подвижников восточных говорит, что братья всю ночь проводили в молитве о почившем, перед останками его, переменяя одни других. Устав говорит только о похоронах, повелевая, чтобы, когда брат какой почивает, все братство провожало его на похороны, псалмы положенные, и храня во всем благоговейный чин и порядок (п.127:128). Хоронили на одном определенном месте на горе.

22) Замечание о детях воспитывавшихся в монастыре

237. Из жизни пр. Пахомия видно, что дети воспитывались при монастырях, но устав мало говорит о порядках, какие соблюдались в сем отношении.

238. Как были они принимаемы, не видно ни из житий, ни из устава. Может быть, это делалось так же, как определяет потом св. Василий Великий. Сирот круглых принимали прямо сами, а детей, у которых были родители, принимали с позволения или по просьбам родителей.

239. Цель воспитания их была не единственно та, чтобы они были потом монахами, хотя и это могло быть; но чтобы воспитать их в страхе Божием и истинном благочестии, научив их притом грамоте, письму и рукоделиям. Это видно из обстоятельств жизни пр. Пахомия, где поминается о детях.

240. Они жили внутри монастыря и имели особый дом, и конечно, особого смотрителя и наставников. В столовую ходили, кажется, вместе с иноками, но в общих молитвах, вероятно, участвовали не во всех.

241. В пище делалось им снисхождение: они кушали всегда два раза в день (Иероним); но не видно, чтоб для них готовилось что особое.

242. Работали они иногда вместе с братьями, как показывает случай из жизни пр. Пахомия. Устав запрещает братиям забавляться с детьми, заводить с ними шутки или дружбы, под опасением строгого взыскания (п. 166).

243. За поведением детей предписывалось смотреть строго. Если какие дети слишком предавались играм и праздности, смотритель должен был увещевать их и прилагать к ним исправительные меры, – сам до 30-ти дней; если они не исправлялись, должен был доносить Авве монастыря (п. 172).

244. Если видя, что дети упорствуют в неисправности, смотритель не доносил, а они между тем делали что очень дурное, то сам подлежал ответственности, смотря по проступку, какой замечен бывал в детях (п. 172).

245. Тех же детей, которые не боялись пристыжения за шалости, и по неразумению о суде Божием не помышляли, и будучи обличаемы неоднократно, не исправлялись, повелевалось подвергать телесному наказанию, пока подчинятся благочинию и воспримут страх (п. 173).

23) О благочинии отроковиц или инокинь

246. Женские монастыри, один пр. Пахомием, а другой пр. Феодором, были устроены на другой стороне Нила. Для смотрения за ними и удовлетворения их духовных и экономических потребностей были избираемы особые испытанные старцы, которые одни и имели туда свободный вход. И прием в обитель, и порядки монастырские, и самое содержание инокинь, все зависело от Аввы монастырей. Настоятельницы были, но они держали только внутри заведенные порядки, под руководством, блюстительством и авторитетом Авв, через посредство избранных старцев.

247. Устав относительно сих монастырей содержит только один пункт, – 193-й. Он гласит: «Никто не должен ходить к инокиням для посещения, разве кто имеет там мать, или сестру, или мать детей своих. Если кому будет настоять крайняя нужда видеть их, с тем посылать старца, приставленного к ним: повидают их и вместе возвратятся.

248. Никто не должен ходить туда кроме показанных выше, так: сначала скажут Авве монастыря, а тот пошлет к старцам, определенным к монастырю дев, чтоб они сходили с ними повидать дев. И повидают тех, коих нужно в присутствии их, со всяким благоговеинством и страхом Божиим. – О мирских вещах не должны они говорить.

24) Епитимии

249. Немощи человеческие столь велики, что самые благотворные учреждения для иных остаются бесплодными, или не всегда и не во всем плодоносными. Это же имело место и в учрежденных пр. Пахомием Киновиях, с премудрым уставом, действительно направленным к целям иночествования. То по ослаблению внимания, то по разлениению, то по вражескому искушению нередко случались и в них падения с нарушением не только монастырских правил, но и Божеских заповедей. Как такие падения были не в конец, но или тут же сопровождались раскаянием и желанием исправления, или обещали исправление впереди, то не всякого падшего законно было тотчас изгонять из сообщества Святых, но надлежало употреблять меры исправления и вразумления, чтоб, если оказывалась необходимость изгнать кого, изгонять его по удостоверении, что нет более надежды на его исправление. На это пр. Пахомий обращал особенное внимание, и как сам сострадательно и любовно относился он к падавшим, так и преемникам своим и всем настоятелям внушал со всем усердием заниматься врачеванием немощных. Так это и делалось. Из мер, какие принимались к исправлению падавших и утверждению их в сей исправности, составились правила наказания или епитимии, о которых часто поминается в уставе.

250. Мерам исправительным подвергались все падавшие, и ни одно нарушение или опущение не оставалось без взыскания. Тяжесть епитимии определялась, с одной стороны, важностью нарушенного правила, а с другой, чувствами раскаяния. То было общим законом, что проступившийся в чем-либо, как только замечал свою ошибку, не дожидая обличения, должен был встать, сознать свою погрешность и просить прощения. За этим следовали или простое замечание или выговор более или менее строгий, увещание или и наказание. «Кто мимо идет какую-либо из заповедей, пусть без всякого промедления приносит покаяние в небрежности, да возможен получить Царствие Небесное» (п. 194).

251. Наказание состояло или в том только, чтобы стоять на своем месте, когда другие сидят, дома ли, или в трапезе и во время поучения общего, – или в том, чтоб, отрешив пояс, склонив голову и опустив руки, стоять в Церкви пред жертвенником, а в трапезе по среде. Это последнее есть самый употребительный род эпитимии, который в уставе часто именуется обычным наказанием. В иной раз, виновный оставляем был голодным или терял свое место и даже должность. Иные и телесному подвергались наказанию. Кто оставался неисправимым и упорствовал в своей дурной привычке, того изгоняли наконец из обители. Одного пр. Пахомий лишил обычного погребения, в устрашение живых. Можно полагать, что это не единственный пример.

252. Общий закон требовал за всякое нарушение правил подвергать взысканию: «Которые презирают повеления набольших и монастырские правила, установленные по повелению Божию, и ни во что ставят советы старцев, тех подвергать исправительным мерам по установленному порядку, пока исправятся» (п. 167).

253. Судия всех – Авва монастыря, без которого никто не имел власти делать кому либо выговор (п. 147). «Да слышит Авва монастыря, говорится в одном пункте, и воздает по мере и делу греха» (п. 151).

254. Смотритель и вторствующий по нем ту только имеют власть, чтоб понуждать братий сознаться и брать на себя положенную эпитимию, в домовом ли собрании, или в общем собрании всех братий (п. 181). На них лежало делать увещания погрешающим от 3 до 10 раз; вообще же их дело – доносить Авве, чего если они не исполняли, сами подвергались взысканию.

Вот встречающиеся в уставе меры исправления.

а) За неисправности во время молитвословия

255. Если случится, что во время пения, или молитвы, или чтения, кто-нибудь заговорит, то он должен тотчас отрешить пояс, и наклонив голову и руки прижав к нижним членам, стать пред алтарем, и Авва монастыря сделает ему наказ. То же

должен он сделать и в трапезе, когда соберутся братия для принятия пищи (п. 8).

256. Когда днем стук била позовет в Церковь, то пришедшей позже на одну молитву, получает эпитимию от Аввы в Церкви и стоит в трапезе (п. 9).

257. Ночью же, когда немощи телесной делается уступка, пришедший после трех молитв подвергается такой же эпитимии, и в собрании церковном, и в трапезе (п. 10).

258. Кто из 6-ти вечерних молитв (по домам) на одну молитву придет в собрание позже, или во время молитвословия зашепчет, заговорит или рассмеется, тот должен нести эпитимию установленным порядком (п. 121).

259. Кто во время домашней молитвы, поя свой чередной псалом, смешается в говорении, тот должен нести эпитимию за забвение и нерадение (п. 13).

260. Если в то время, когда в день Господень поет кто из набольших, кого-либо из недельных церковников не будет на месте (чтоб петь антифонно следующий стих), тот должен нести пред алтарем положенную эпитимию (п. 18).

261. Кто во время приношения бескровной жертвы, выйдет из Церкви без позволения набольшего, тотчас получает эпитимию (п. 19). Выходить из Церкви и вообще не позволялось без крайней нужды и без позволения (п. 11). Вероятно, и всякий выход из Церкви без позволения тому же подвергался взысканию.

б) За неисправности во время поучений

262. Кто, когда смотритель дома или Авва монастыря ведет беседу, задремлет, сидя, того заставить встать, и пусть стоит пока приказано будет ему сесть (п. 22).

263. Кто останется в келии, когда позовут на слушание наставления набольших, тот должен подлежать вышеуказанной эпитимии (п. 23).

в) За неисправности в трапезе

264. Если кто во время трапезы заговорит или рассмеется, должен просить прощения, и тотчас на том же месте нести эпитимию, – стоять, пока встанут все из-за стола (п. 31).

265. Если кто поздно придет в трапезу, несет ту же эпитимию и возвратится в дом голодный (п. 32).

г) За неисправности в больнице

266. Если что-нибудь из установленных для больницы правил будет кем нарушено, или пренебрежено, тот подлежит исправлению обычною эпитимиею (п. 48).

д) За нарушение правил об одежде

267. Кто продержит одежду свою на солнце более полудня, тот получит выговор за небрежность (п. 102).

268. Если чью одежду (по какому-либо случаю) третий день застанет повешенною на солнце, тот, кому она принадлежит, получит выговор и понесет эпитимию в собрании публично (п. 148).

269. И вообще, кто по нерадению, нарушит что из постановленного относительно одежд, должен подлежать соответственной исправительной мере.

е) За нерадение о вещах монастырских

270. Кто разобьет какой сосуд или сломает какую другую вещь, тот вечером на шести молитвах несет эпитимию (п. 125).

271. Если кто потеряет что-нибудь, тот публично пред алтарем должен нести эпитимию. Если потерянное будет из принадлежащих ему вещей, то он в продолжение трех недель не получит другой, и в четвертую уже, по понесении эпитимии, дать ему то, что затерял (п. 131).

272. Милоть ли, или сандалии, или пояс, или другое что потеряет кто, потерявший получит выговор (п. 148). Чтоб согласить это с предыдущим, надо допустить, что здесь говорится о вещи потерянной и найденной, а выше – о потерянной и ненайденной.

273. Кто возьмет не свою вещь (намеренно, оставя свою худшую другому),-возложить ему ее на плечи, и пусть так несет эпитимию в собрании церковном и стоит в трапезе (п. 149).

274. Если что из изделий братских, какого бы это мастерства ни было, пропадет или будет брошено по небрежности, Авва сделает выговор смотрителю работ, а тот сделает его тому, кто сгубил вещь, по воле, однако ж, и присуждению Аввы (п. 147).

ж) За неисправности в нраве

275. Кто лжет или имеет к кому ненависть, или непослушен, или шуткам предаётся более, чем прилично, или имеет обычай клеветать на братьев и на внешних, и вообще что ни делает кто против заповедей Писания и устава монастырского, да слышит о том Авва монастыря и воздает по мере и делу греха (п. 151).

276. Гневливого и раздражительного, который часто гневается без причины, или из-за пустого чего, шесть раз увещевать, свести его с своего места и посадить между последними, внушив ему, чтоб очистил себя от такого непокойного духа. Когда представит он трех достойных свидетелей, которые бы поручились за него, что не будет более делать ничего подобного, тогда пусть садится опять на свое место; если же пребудет в своем прегрешении, пусть остается между последними, пока исправится (п. 161).

277. Кто ложное что показывает на другого, чтоб утеснить невинного, того до трех раз увещевать; потом, признав его виновным в напраслине, подвергнуть соответственной мере исправления, будет ли он из первых или из последних (п. 162).

278. Кто ропотлив и несправедливо тяготится работами, того до 5-ти раз увещевать. Если не исправится, отвести его в больницу и там кормить праздного, пока образумится. Но если жалоба его справедлива, и он несправедливо утесняется своим наибольшим, тот, кто ввел его в искушение, будет подлежать соответственному взысканию (п. 164).

279. В больницу же отсылать и того, кто во всяких других неисправностях обещает исправиться и все не исправляется (п. 171).

280. Кто бывает непослушен или спорлив, или поперечлив, или лжив, а возраста он совершенного, того до десяти раз увещевать, чтоб отстал от этих пороков. Если не послушает, подвергнуть его исправительным мерам по законам монастырским. Но если он подвергается таким прегрешениям по вине другого, и это будет доказано, тогда тот, кто причиною этого, понесет должное воздаяние (п. 165).

281. Кто смущает души братьев, скор на оклеветания и сеет раздоры, того до десяти раз увещевать. Если не исправится,

подвергнуть его наказанию, по монастырскому порядку, пока исправится (п. 169).

282. Если будет замечено, что кто-либо из братий смеется, или играет с детьми и заводит дружбы с этим нежным возрастом, того до 3-х раз увещевать, чтоб отстал от этой привычки, помня честность своего звания и страх Божий. Если не перестанет, подвергнуть его исправительным мерам строжайшим, как и достойно (п. 166).

283. Кто имеет крайне злой обычай раздражать (поджигать) других словом и развращать души простецов (возмущает весь дом или монастырь), того до 3-х раз увещевать. Если не послушает и упорно с ожесточением сердца останется таким же, вывести его за монастырь и пред вратами подвергнуть телесному наказанию. Есть ему давать только хлеб и воду, вне общей трапезы, пока исправится от худого нрава своего (п. 163).

284. Если кто замечен будет в воровстве, дать ему 39 ударов; есть ему только хлеб и воду вне общей трапезы и покрытого вретischem и пеплом заставлять нести покаяние во все времена молитв. Тот же закон наблюдать и относительно беглецов (п. 149).

285. Если кто из братий, – один, или двое и трое, – будучи соблазнены кем-либо, оставят дом и потом опять придут, рассмотреть дело между ними и соблазнившим, и кто окажется виновным, понесет наказание, по законам монастырским (п. 175).

286. Кто потакает согрешившим и неправо защищает впадших в проступки, проклят да будет пред Богом и человеками, и да подвергнется жесточайшему наказанию. Но если окажется, что он по неведению обманывался, и не так полагал, как есть по истине, извинить его. – И всякому, кто грешит по неведению, прощать без затруднения. Кто же грешит, зная, тот пусть несет наказание по мере дела своего (п. 176).

з) Взыскания с смотрителя и наказания ему

287. Смотритель дома подлежит обвинению и выговору, если до трех дней не донесет Авве, когда что пропало в дороге, или на поле, или в монастыре: понесет он и эпитимию публично установленным порядком (п. 152).

288. Если убежит кто и смотритель раньше трех часов не донесет Авве, то будет виновен в гибели брата, разве только опять найдет его (п. 152).

289. Вот наказание тому, кто погубит какого брата из дома: три дня нести публичное покаяние. Но если он донесет в тот же час, как тот убежит, то виновен не будет (п. 153).

290. Если смотритель увидит какой грех в доме своем, и тотчас не обличит согрешающего, и не донесет Авве монастыря, сам понесет установленную за тот грех эпитимию (п. 154).

291. Если все братия одного дома увидят, что смотритель слишком небрежен, или несправедливо и грубо делает выговоры им, или в чем-либо другом не соблюдает меры, как положено в монастыре, то донесут о том Авве, – и тот сделает ему выговор (п. 158).

292. Смотрителя обычно судит Авва монастыря. В случае же его отлучки судят его избранные старцы. Если кто из братий против смотрителя дома своего будет иметь печаль, или сам смотритель будет иметь на какого-либо брата жалобу, их должны выслушать братия испытанной жизни и веры, и рассудить между ними, если Авва монастыря отсутствует. Сначала подождут его; но если думается, что он долго пробудет вне, то выслушают без него, что есть между смотрителем и братом, чтобы по причине отлагания суда на долгое время, не усилился разлад и огорчение. И смотритель, и подчиненный ему брат, и выслушивающие их, все да делают по страху Божию, и ни чем да не подают повода к усилению несогласия (п. 190).

293. В случае несправедливости смотрителя к брату, дело между ними рассудят избранные судьи; и если окажется при этом нерадение смотрителя, или что он по гордости стеснял брата и судил его не по истине, а по лицемерию, низвести его с его места, пока исправится и очистится от скверн неправды, – что не смотрел на истину, а на лицо, и следовал не суду Божию, а неправости души своей (п. 170).

294. Авва монастыря, если подлежал за что суду и взысканию, – то делал это главный Авва; но поводом к тому могла быть жалоба от монастыря, подобная жалобе от братий дома на смотрителя.

Краткие наставления пр. Пахомия

1. Чти Бога и спасен будешь.
2. Помни о теснотах, какими прошли святые.
3. Будем единокорны, твердо стоя в том, к чему призваны.
4. Паче всего будем заботиться о том, чтоб воспринятую нами жизнь, как должно, довести до конца, и течение ее по чину нашему богоугодно совершить.
5. Не поревнуем тем, кои находят удовольствие в суетных и тленных вещах, чтоб ум наш не уклонился от правого пути, и, падши во грех, не потеряли мы надежды своей.
6. Наилучший предмет для ума есть познание воли Божией.
7. Выше всех становится тот человек, который повинуется истине.
8. Всех зол хуже – противиться воле Божией и угождать своему хотению.
9. Кто свою волю исполняет, тот не достигнет Божественного ведения.
10. Исполняющий волю свою не может шествовать путем святых, и в последний день встретит пагубу и плач.
11. Ныне время благоугождать Господу; ибо спасение стяжается во время скорби.
12. Да не будет у нас так, чтоб во время радостное охотно веровать, а во время напасти отпадать (Лк.8:13).
13. Писано есть: «аще обещаеши обет Богу, не умедли отдати его» (Еккл.5:3); и во время скорбное не отпадай, но терпелив будь и пожри себя Господу.
14. Непоколебимо полная вера подается от Бога; ее от Духа Святого прияли Пророки, и в ней утверждены были Апостолы, которые за веру претерпев разные напасти и гонения, достигли обещанных воздаяний.
15. Зная сие, не будем вляться ветром прелестных заблуждений, но паче тверды пребудем и неподвижны, блуждания помышлений, воздымающихся подобно волнам, укрощая непрестанным памятованием Божественного закона, коим разоряя закон плотского похотствования, сильны мы

будем исполнить все угодное Богу и соблюстись неуязвленными заботами века сего и всяким возношением, которое есть из безумий вящшее безумие и из зол злейшее зло.

16. Имея всегда Господа пред очами своими, будем воспоминать крестные страдания Его и смерть, кою мы искуплены и оживлены.

17. Возненавидим мир и все, что в мире; возненавидим и всякий телесный покой; отвержемся от самой жизни, да Богови жить возможем.

18. Будем помнить звание наше, и то, как, вступая в него, обещались мы служить Богу: в день суда это самое и потребуется от нас.

19. Будем алкать, жаждать, наготствовать, бденно бодрствовать и из глубины сердца воздыхая, проливать слезы во время псалмопений и молитв.

20. Испытанию строгому должно нам подвергать самих себя, – делаем ли мы хоть что-нибудь, достойное беспредельной милости к нам Божией.

21. Не будем бегать утеснения прискорбностями, чтоб воспрять покой утешения в Господе, и сподобиться вечных благ в нескончаемой жизни.

3. Преподобного Орсисия аввы Тавеннисиотского наставления

1) Об устройении монашеского жительства

1. «Слыши Израилью заповеди живота, внуши разумети смышление. Что есть Израилью? Что яко еси на земли вражию? Обетшал еси на земли чуждей, осквернился еси с мертвыми, вменился еси с сущими во аде, оставил еси источник премудрости. Аще бы путем Божиим ходил еси, жил бы в мире во время вечное. Научися, где есть смышление, где есть крепость, где есть мудрость, еже разумети купно: где есть долгожитие и жизнь, где есть свет очес и мир? Кто обрете место ея? И кто вниде в сокровище ея?» (Вар.3:9–15). Это говорил Пророк Варух тем, которые были отведены в плен в землю Вавилонскую, – в страну врагов своих за то, что не хотели исполнять увещания Пророков и забыли закон, данный чрез Моисея. Бог, однако же, навел на них такие казни и кары и подверг их игу рабства с тем, чтоб вразумить их, как своих, и как отец детей исправляет, исправить их. Не хотел Он, чтоб испытал такое наказание, они погибли, но желал спасти их чрез покаяние.

2. А мы, смотря на это, должны припоминать слова Апостола, который говорит: «аще Бог естественных ветвей не пощаде, да не како не пощадит и нас» (Рим.11:21). – Еще ли будем небрежь об исполнении заповедей Божиих? – «Сия вся образы прилучахуся о нем, писана же быша в научение наше, в них же концы век достигоша» (1Кор.10:11). – И те были переведены из города Иудейского в город Халдейский, – т.е., переменили место на земле; а мы, если Бог всегда будете видеть в нас одну беспечность, потеряем тот град свой, который в будущем веке. Тогда вместо веселия будем мы преданы в плен мукам и лишимся вечной радости, которую отцы наши и братья обрели постоянством в труде.

3. Не будем же забывать об этом; и судя по долготерпению Божию к нам, не подумаем, что Он не знает, каковы мы. Бог для того долготерпит и отлагает наказание, чтоб, обратившись к лучшему, не были мы преданы мучениям. Греша (ненаказанно), не подумаем, что Бог соизволяет грехам нашим, когда не тотчас

наказывает; но о том да помышляем, что вот-вот изыдем из века сего и в оном отлучены будем от отцев и братьев наших, украшенных венцами победы. – Но ведь их и мы иметь можем, если захотим последовать стопам их, побуждая себя к тому тою мыслью, что если Апостол еще здесь отлучает святых от грешников, и согрешающих *«предает во измождение плоти, да дух спасется»* (1Кор.5:5); не тем ли паче будет так там? Блажен человек, который боится Господа, и которого Господь подвергает наказанию, чтоб исправился, и научает закону Своему, чтоб ходил в заповедях Его во все дни жизни своей, не испытывая мучения совести ни за какой грех.

4. Итак, рассмотрим и мы пути свои и исследуем стези свои; и обратившись ко Господу, взведем горé – к небу с руками своими и сердце, чтобы в день суда Он был нам помощником, и чтоб не постыдиться нам, *«егда возглаголем врагом своим во вратех»* (Пс.126:5); но паче удостоиться услышать: *«отверзите врата, да внидут людие, хранящии правду и хранящии истину, приемлющии истину и хранящии мир, могущие сказать: яко на Тя надеянием надеяхомся Господи, во век»* (Ис.26:2–4). Да памятуем Господа, и Иерусалим (горний) выну да восходит на сердце наше. Возревнуем уподобиться тому человеку, о котором написано: *«Благословен человек, иже надеется на Господа, и будет Господь упование его: и будет яко древо, насажденное при водах и во влаге пустит корение свое: не убоится егда приидет зной, и будет на нем стеблие зелено, и во время бездождия не устрашится, и не престанет творити плода. Глубоко сердце человеку паче всех, и человек есть, и кто познает его? Аз Господь, испытуюй сердца, и искушаяй утробы, еже воздати комуждо по пути его»* (Иер.17:7–10).

5. Будем помнить о себе и не понерадим о грехах, соделанных нами; с заботливым сердцем будем помышлять о каждой заповеди Отца нашего, и тех, которые учили нас. Веруя во Христа, будем готовы и все претерпеть ради Его, зная, что тайна жизни – в хождении по заповедям, как написано: *«Светильник ногама моима закон твой и свет стезям моим»* (Пс.118:105); и еще: *«Слово Твое живи мя»* (там же, ст. 50); и:

«Закон Господень непорочен обращая души... Заповедь Господня светла, просвещающая очи» (Пс.18:8–9). И Апостол говорит: «Закон свят и заповедь свята и праведна и блага» (Рим.7:12). Делом все сие изведав, и мы сподобимся того, что говорится о праведниках: «егда падет не разбьется, яко Господь подкрепляет руку его» (Пс.36:24); и еще: «Седмерицею падет праведный и возстанет» (Притч.24:16).

6. Ныне убо, братие, если Бог такое являет долготерпение к нам, призывая нас к покаянию, пробудимся от тяжкого сна, *«зане супостат наш, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» (1Пет.5:8)*, которому смело надлежит противиться, зная, что те же брани случались и с отцами нашими. Не престанем трудиться и сеять семена добродетелей, чтобы в будущем веке пожать радость. Внимая тому, что говорит Апостол Павел: *«Ты же последовал еси моему учению, житию, привету, вере, долготерпению, любви, терпению» (2Тим. 3:10)*, будем следовать примерам Святых и пребудем в том подвиге, который начали, имея начальником и совершителем Иисуса.

7. И так, вожди братий, Аввы монастырей, которым вверены люди Божии, каждый из вас с полком своим да ожидает пришествия Спасителя, стараясь приготовить к смотру Его воинство, украшенное всяким вооружением. Не делайте братьям прохлаждения в плотском без того, чтоб в тоже время не доставлять им обильнейшей пищи духовной; и опять не усиливайте их в духовном с крайним утеснением в плотском, т.е., в пище и одеянии; но одинаково доставляйте им и духовную и плотскую пищу, и не подавайте никакого повода к нерадению. – И еще – какая это будет правда, – братий угнетать трудом, а самим предаваться покою? Или налагать на них бремя, которого сами нести не можем? – Читаем в Евангелии: *«в нюже меру мерите, возмерится вам» (Мф.7:2)*. Да будут же у нас с ними и труд и прохлаждение общее; не будем учеников считать рабами и в их угнетании находить себе удовольствие, чтобы слово Евангельское не укорило нас с фарисеями: *«и вам законникам горе, яко налагаете на человеки бремена неудобь*

носима, сами же и едином перстом вашим не прикасаетесь бременем» (Лк.11:46).

8. Некоторые из ревностно живущих по заповедям Божиим, себе лишь внимая, так помышляют в себе и говорят: что мне до других? Мое дело Богу работать и заповеди Его исполнять, что же делают другие, до меня то не касается. Но такое помышление порицает пророк Иезекииль, говоря: «*Оле пастыри Израилевы, егда пасут пастыри самих себя? Не овец ли пасут пастыри? Се млеко ядите, и волною одеваетесь, и тучное закалаете, а овец моих не пасете. Изнемогшаго не подъясте и болящего не уврачеваете и сокрушенного не обязаете, и заблуждающего не обратисте, и погибшаго не взыскаете, и крепкое оскорбисте трудом, и властью наказаете я и наруганием. И разсыпашася овцы моя, понеже не имеяху пастырей» (Иез.34:3–5).* Сам Господь придет с старейшими Своими и началами и на нас сказано будет: «*приставницы ваши пожинают вас и истязующие обладают вами» (Ис.3:12)*, вместо того, чтобы сказать: «*блаженна ты земля, ея же Царь Твой сын свободных, и князи твои во время ядят в силе и не постыдятся» (Еккл.10:17).*

9. Посему, человече, всех, вверенных тебе до единой души, не переставай увещевать и учить тому, что свято, в себе самом представляя им образец добрых дел; паче же всего остерегайся одного любить, а другого ненавидеть, но всем изъявляй уравниение: иначе может случиться, что кого любишь ты, того ненавидит Бог, и кого Бог любит, того ненавидишь ты. Дружбы ради не потакай погрешающему, и не позволяй себе утеснять одного, чтоб дать льготу другому, иначе даром пропадет труд твой. – Когда кто-либо из братьев случайно оскорбит тебя, смотри, рассердившись, не скажи: ни увещевать, ни исправлять его не буду; спасется ли он или погибнет, какое мне дело. – Что это говоришь ты, человече? Уразумей, каким преодолен ты неистовством! Ненависть возобладавала твоим сердцем, чтобы брат погиб более от твоей страсти, чем от своего греха. Тебе должно простить и приять его, кающегося, чтоб мог ты (не стыдясь) говорить оное Евангельское слово: «*остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим» (Мф.6:12).*

Итак, если хочешь, чтобы Бог оставил тебе грехи твои, оставь и ты брату твоему, чем бы он против тебя ни грешил, помня заповедь: *«да не возненавидиши брата во уме твоём»* (Лев.19:17), и слово Соломона, который учит: *«поощряй же и твоего друга, его же испоручил еси»* (Прит.6:3); и еще: *«не преставай младенца наказовати: аще бо жезлом биеши его, не умрет от него»* (Прит.23:13); Послушай и Моисея, который говорит: *«обличением да обличиши ближняго твоего, и не приимеши ради его греха»* (Лев.19:17).

10. Все, кому вверено попечение о братьях, да уготовляют себя к пришествию Спасителя и страшному Судилищу Его. Ибо, если отдавать отчет за себя сопряжено с опасливым недоумением (как быть – как быть) и страхом, не тем ли паче за вину другого подвергнуться истязаниям и впасть в руки Бога живого? – И не можем мы прикрыться неведением, когда знаем из Писания *«яко все творение приведет Бог на суд о всяком прегрешении, аще благо, и аще зло»* (Еккл.12:14); и у Апостола читаем: *«всем явится нам подобает пред Судищем Христовым, да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла»* (2Кор.5:10). Исаия также объявляет, что назначен день, в который Бог будет судить вселенную в правде: *«се бо День Господень грядет не исцельный ярости и гнева, положити вселенную всю пусту и грешники погубити от нея»* (Ис.13:9). Знаем мы, что будем некогда взяты на суд и должны будем дать отчет во всем, что написано в законе, что изображено Пророками, и чему святой отец наш учил нас, – почему не делали всего того, или делали, но с крайним небрежением. – И се Тот, Кому весь суд предан Отцем, – сия Истина, учащая всякой истине, говорит: *«не мните, яко Аз на вы реку ко Отцу: есть, иже на вы глаголет, Моисей, наньже вы уповаете. Аще бо бысте веровали Моисеови, веровали бысте и Мне: о Мне бо той писа»* (Ин.5:45–46).

11. Из всего этого мы познаем, что нам должно стать пред судилище Христово и быть судимыми во всех не только делах, но и помышлениях, и что после отчета в своей жизни, мы равно должны будем дать ответ и за других, нам вверенных. Это, впрочем, касается не одних настоятелей, – Авв и смотрителей,

– но и всякого брата, причисляемого к братству. Ибо все должны *«друг друга тяготы носить, да тако исполнится закон Христов»* (Гал.6:2), внимая притом и тому, что Апостол пишет к Тимофею: *«О, Тимофее, предание сохрани, уклоняясь скверных суесловий и прекословий лжеименного разума»* (1Тим.6:20). – Мы имеем залог, Богом нам преданный, – пещись о богоугодном житии братий, ради которых подъемля труд, ожидать можем и будущих наград. Поопасемся же, да не будет и нам сказано: *«отпусти люди Моя, да Ми послужат»* (Исх.4:23), и да не падет на нас, если оставим предания отца нашего, суд Писания: *«державши закон не ведеша Мя, и пастыри нечествоваша на Мя»* (Иер. 2:8). Таковых и Пророк Исаия укоряет в лице дщери Халдейской, говоря: *«Аз вдах наследие мое в руку твою, ты же не дала им милости, старчий ярем отягчила еси зело»* (Ис.47:6). Это и нам надлежит не только слышать, но и разуметь; ибо если кто не разумеет, тот по слову Апостола, *«да не разумевают»* (1Кор.14:38). И в другом месте написано: *«яко ты умение мое отвергнул еси, отвергу и Аз тебе, еже не жречествовати Мне»* (Ос.4:6).

12. Итак, возлюбленные братия, следующие житию и правилам Киновийским, стойте в однажды принятой решимости и в точности исполняйте дело Божие, чтоб отец, впервые учредивший общежитие, с радостью мог сказать о нас Господу: как я предал им, так они и живут. Это самое и Апостол, еще находясь в теле, говорил: *«хвалю же вы, братие, яко вся моя помните, и якоже предах вам, предания держите»* (1Кор.11:2).

13. Будьте же, Аввы монастырей, заботливы и всякое прилагайте старание о братиях, со страхом и по правде Божьей. Не злоупотребляйте властью, являя ее только в наказаньях, но пример подавайте во всем подчиненному вам стаду, так как и Господь наш подавал в Себе пример во всем. – Будьте милосерды ко вверенному вам стаду и помните то изречение Апостола, в котором он говорит: *«не обинухся сказати вам всю волю Божию»* (Деян.20:27); и еще: *«не престаях уча со слезами единого кождо вас»* (Деян.20:31). Видите, какое благоутробие, и какое милосердие было в человеке Божиим, что он не только заботился о всех Церквах, но и скорбел со скорбящими и

страдал со страдавшими. Будем остерегаться, чтобы кто-нибудь чрез наше нерадение не соблазнился и не пал, научаясь словом Господа Спасителя, который говорит в Евангелии: *«Отче! ихже дал еси Мне, не погубих от них никогоже»* (Ин.18:9). Не презрим ни одной души, чтоб кто не погиб чрез наше равнодушие. Ибо, если кто умрет (душевно) по нашей вине, душа его с нашей души взыскана будет на суде. Это и отец наш имел обыкновение постоянно внушать нам, предостерегая, да не исполнится на нас угроза Апостола: *«аще друг друга угрызаете и снедаете, блюдитесь, да не друг от друга истреблени будете»* (Гал.5:15). Из сего явствует, что кто хранит душу ближнего, тот есть страж и своей души.

14. И вы, вторствующие в монастырях, являйте себя первыми по добродетелям, чтоб кто не погиб по причине вашей грешности. Смотрите, не подпадите той поносной участи, какой подпал евхий и пивший с пьяницами, а клеветам своим не дававший в свое время житомерия, как сказано: *«и приидет Господин раба того в день в оньже не чает, и в час, в оньже не весть. И растешет его полма, и часть его с неверными положит: ту будет плачь и скрежет зубом»* (Мф.24:50–51). Да не постигнет кого-либо из нас подобное осуждение; но, когда приидет время воздаяния, да сподобимся услышать: *«добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего»* (Мф.25:21).

15. Вы также, смотрители домов, *«будьте готовы к ответу всякому вопрошающему вы словесе о вашем уповании»* (1Пет.3:15). Увещевайте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте немощных, с терпением обращайтесь со всеми. Внимайте Апостолу, который говорит: *«Отцы, не раздражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании и учении Господни»* (Еф.6:4), и знайте, что *«всякому, ему же дано будет много, много взыщется от него, и ему же предаша множайше, множайше истяжут от него»* (Лк.12:48). *«Не своих си кийждо, но и дружных кийждо смотрите»* (Фил.2:4), да не исполнится и на вас приговор Писания: *«зане вы течете в дом свой: сего ради удержится небо от росы, и земля оскудит изношения своя»* (Агг.1:9–10); и то, что говорится

в другом месте: *«понеже не сотвористе единому сих меньших, ни Мне сотвористе»* (Мф.25:45).

16. Неоднократно говорил я и еще повторю: остерегайтесь одних любить, а других ненавидеть, этого поддерживать, а о том не радеть, да не тщетен будет труд ваш и даром не пропадут поты ваши; и, чтоб, когда изшедши из тела и освободившись от бурь мира сего, будете надеяться войти в пристанище спокойствия, не постигло вас кораблекрушение неправды, и какою мерою мерили, не было возмерено и вам от Того, Который на суде лица не приемлет. Если какой-либо грех смертный или какое-либо дело постыдное совершится в доме по нерадению зрителя, то, после наказания самих согрешивших, и зритель будет судим, как виновный в том же согрешении. Это и святой памяти отец наш имел обыкновение всегда внушать нам.

17. Посему со всякою заботливостью и опасливостью да пасет каждый из вас вверенное ему стадо, подражая в Евангелии упоминаемым пастырям (Лк.2:8), которым не спящим, а бодрствующим явился Ангел Божий и возвестил пришествие Спасителя. Вонмите и тому, что Сам Спаситель говорит: *«пастырь добрый душу свою полагает за овцы. А наемник, иже несть пастырь, ему же не суть овцы своя, видит волка грядуща и оставляет овцы и бежит; и волк расхитит их, и распудит овцы. А наемник бежит, яко наемник есть, и нерадит о овцах»* (Ин.10:11–13). О добрых же пастырях Св. Евангелие Луки пишет: *«И пастырие беху в тойже стране, бдяще и стрегуще стражу нощную о стаде своем. И се, Ангел Господень ста в них, и слава Господня осия их: и убояшася страхом велиим. И рече им Ангел: не бойтесь, се бо благовествую вам радость велию, яже будет всем людям. Яко родися вам днесь Спас, иже есть Христос Господь, во граде Давидове. И се вам знамение: обрящете младенца повить, лежащ в яслех»* (Лк.2:8–12). Разве они одни в то время пасли овец и ходили по пустыне с стадами? – Но поскольку они одни были заботливы, и естественный сон побеждали опасением подстерегающих волков, то первые удостоились слышать о том, что совершилось вблизи; а спящий Иерусалим не знал о том.

Посему и вы бодрствуйте, содеявая свое спасение со страхом и трепетом, и памятуя о том, что Господь всяческих, от Которого всякая плоть примет воздаяние за все содеянное ею, явившись по воскресении, говорил Апостолу Петру: *«Симоне Ионин, любиши ли Мя паче сих? Глагола Ему: ей Господи, Ты веси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси агнцы Моя. Глагола ему паки второе: Симоне Ионин, любиши ли Мя? Глагола Ему: ей Господи, Ты веси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси овцы Моя»* (Ин.21:15–19). И в третий раз еще заповедал Он ему пасти овец; – и тем на всех нас возложил долг тщательно пасти овец Господних, в надежде в день пришествия Его, за сей труд пасения получить то, что Он обетовал в Евангелии: *«Отче, хочу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною»* (Ин.17:24); и опять: *«идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет»* (Ин.12:26). Будем же взирать на обетование сие, чтоб уверены будучи в воздаянии, легче и охотнее поднимали мы всякий труд, ходя, как ходил Господь, обетователь наград.

18. Вы также, вторствующие в домах, держитесь смирения и кротости и законом общей жизни считайте заповеди старцев, чтоб, соблюдая их, сохранить вам души свои, уподобляясь Тому, Кто сказал: *«Душа Моя в руку Твоею выну»* (Пс.118:109). – И исполняя написанное: *«Сын да прославляет Отца»*. – За это обрадованы будете вы, плодами трудов своих. Без трудов же и плодов никто не будет обрадован общением с Господом. Только имея плод о Господе, можете вы соделаться наследниками и сонаследниками Ему.

19. И вам всем, братья, состоящие в подчинении, по чину свободного порабощения, говорю: *«Да будут чресла ваша препоясана и светильницы горящи: и вы подобни человеку, чающим Господа своего, когда возвратится от брака, да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут ему. Блаженни раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих»* (Лк.12:35–37). То же будет и вам, если продолжительность труда не породит в вас расслабления; будете приглашены на небесную вечерю и вы, и Ангелы послужат вам. Таковы обетования хранящим заповеди Божии, – таковы награды им в будущем! *«Радуйтесь же всегда о Господе, и паки реку: радуйтесь»* (Флп.4:4). Подчиняйтесь

отцам со всею покорностью, без роптания и разных помышлений и к добрым делам прилагайте простоту души, чтоб исполнясь добродетелей и страха Божия, соделались вы достойными всыновления Богу. *«Примите щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разженные угасити: и шлем спасения восприимите и меч духовный, иже есть глагол Божий»* (Еф.6:16–17). *«Будьте мудри, яко змия, и цели, яко голубие»* (Мф.10:16). Внимайте словам Апостола Павла: *«чада, послушайте родителей своих во всем»* (Кол.3:20); и получите спасение душ ваших чрез тех, которые поставлены над вами. И в другом еще месте написано: *«повинуйтесь наставником вашим и покаяйтесь, тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотящее»* (Евр.13:17). Поминайте всегда со страхом и о том, что еще говорит тот же Апостол: *«храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас. Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог»* (1Кор.3:16–17); и опять: *«не оскорбляйте Духа Святого Божия, Имже знаменаетесь в день избавления»* (Еф.4:30).

20. Храните целомудрие тела вашего, *«да будете вертоград заключен, источник запечатлен»* (Песн.4:12); ибо *«всяк рожденный от Бога, греха не творит, яко семя Его в нем пребывает»* (1Ин.3:9). Тот же св. Иоанн говорит еще: *«писах вам, юноши, яко крепцы есте, и слово Божие в вас пребывает, и победисте лукаваго»* (1Ин.2:14). Когда и вы с помощью Божию победите врага, тогда сам Господь скажет: *«От руки адовы избавлю я, и от смерти искуплю я. Где прятвоя, смерти? Где остен твой аде?»* (Ос.13:14) Когда же смерть пожерта будет в нас, и мы победим ее, тогда и об нас сказано будет: *«смерть ими ктому не обладает»* (Рим.6:9). Смерть стала мертвою в нас с того момента, как мы однажды навсегда умерли греху, и стали жить жизнью, кою оживлены во Христе. Ибо кто *«умирает для плоти, тот освобождается от греха»* (Рим.6:7), чтоб не жить *«более в похотях человеческих, но в воле Божией прочее во плоти жити время»* (1Пет.4:2). Почему страхом Божиим осенясь, облекитесь в целомудрие, да сподобитесь услышать: *«вы же несте во плоти, но в Дусе»* (Рим.8:9). И знайте, что совершенным совершенства придается,

а у неимущих оскудение увеличится, по слову Евангельскому: *«имущему везде дано будет и преизбудет; от неимущего же и еже мнится им я, взято будет от него»* (Мф.25:29). Будем подражать мудрым девам, которые удостоились с Женихом войти в чертог, потому что в сосудах своих и светильниках имели елей добрых дел. Юродивые же девы нашли двери чертога затворенными, потому что прежде брака не позаботились приготовить себе елея. *«Сия же вся образи прилучахуся онем, писана же быша в наше научение»*, чтоб мы избегали прегрешений, в какие впадали предшествовавшие нам, соблюдая уроки Премудрого, Который говорит: *«Сыне, аще премудро будет сердце твое возвеселиши и мое сердце, и пребудут в словесех твои устне к моим устнам, аще прави будут»* (Прит.23:15–16); и далее: *«да не ревнует сердце твое грешником, но в страхе Господни буди весь день»* (Прит.23:17).

21. Будем же бодрствовать с большим вниманием, убеждаясь, что Бог явил нам великую милость чрез отца нашего Пахомия, научившего нас, как отречься от мира и ни во что вменять всякую печаль века сего и все заботы о мирских вещах. – Оставлен ли нам какой предлог к тому, чтоб иметь что-либо собственное от верви до сапожного ремня, когда имеем набольших, заботящихся о нас со страхом и трепетом, и о пище и одежде нашей и о немощи телесной, если какая случится, так что нам нечего бояться за себя, чтоб из-за плоти терять пользу душевную. Мы свободны; мы сбросили с вый наших иго мирского рабства; зачем опять хотим, возвратясь на старое, иметь что-нибудь, – что, конечно, озаботит нас, и потери чего будем мы страшиться. – К чему излишняя мантия, или более изысканная пища, или лучшая постель, когда все обще для всех приготовлено нам? Или бежать хотим от креста Христова? – Но не под знаменем ли Его живя, *«отцы наши назидали нас на основании Апостолов и Пророков и Евангельского учения, сущу краеугольну самому Иисусу Христу»*? (Еф.2:20). – Ему же последуя, мы должны от смертоносной гордыни нисходить к животворному смирению, богатство меняя на нищету, и всякие сласти на простую пищу.

22. Не забывайте, умоляю вас, однажды принятого вами намерения, и стремясь к Царствию Небесному, ступенями восхождения туда почитайте предания отца нашего. Не желайте снова того, что попрали в начале. Довольно с нас иметь то, без чего нельзя обойтись: два левитона и еще один ветхий, полотняную мантийцу, два наглавника, полотняный пояс, сандалии, милоть и палку. Если тот, кому вверено какое-либо по монастырю служение, или распоряжение, извлекает из этого какую-либо себе корысть, то злым стяжанием и святотатством должно считать все, что добудет он таким образом и употребит на свое успокоение. Презирая, вследствие сего, других, которые ничего не имеют и богаты одною блаженною нищетою, он не только сам гибнет чрез это, но и других влечет в пагубу. Те, которые, подклонив выю свою под иго иноческой нищеты, со всяким смирением, без саможаления, в слезах и стенаниях, стараются угодить Богу в настоящем веке, по разлучении с телом, отведены будут в место упокоения и возлягут со святыми отцами – Авраамом, Исааком, Иаковом, с Пророками и Апостолами, и достойным наслаются утешением, как Лазарь наслаждался им на лоне Авраама. Но горе тем, которые живя в Киновии, из общего обратили что-либо в свою пользу! Им сказано будет по разлучении их с телом: *«помяните, что вы прияли благая ваша в животе вашем»* (Лк.16:25); тогда как братья ваши работали и проливали пот, проводя жизнь в постах, в воздержании и непрестанном труде. Так и вы тех, которые презирали настоящую жизнь для стяжания будущей, увидите пребывающими в радости и веселии, а сами брошены будете в место смрада, мук и страданий исполненное, за то, что не хотели внимать Евангельскому учению, и мимо ушей пропускали слова Пророка Исаии, который говорит: *«се работающие Ми ясти будут, вы же взалчете; се работающей Ми пити будут, вы же возжаждете; се работающие Ми возрадуются, вы же посрамитесь; се работающие Ми возвеселятся в веселии сердца, вы же возопиете в болезни сердца вашего и от сокрушения духа восплачетесь»* (Ис.65:13–14). Вы слышали в Писании о всех блаженствах, и не

хотели воспринять на себя должной дисциплины для достижения их!

23. Итак, братия, будем все, как один, от меньшего до большего, как богатый, так и бедный преуспевая в совершенном между собою согласии и смирении, чтоб и о нас можно было сказать: *«уже многое, не преумножил есть, и уже малое, не умалил»* (2Кор.8:15). Не заботься никто о своем успокоении, видя брата в скудости и тесноте, да не будет и ему сказано оное пророческое слово: *«не Отец ли един всем вам? Не Бог ли един созда вас? Что яко остависте кийждо брата своего осквернити завет отец ваших? Оставлен бысть Иуда и мерзость бысть во Израили»* (Мал.2:10–11). Почему сообразно с тем, что заповедал Господь и Спаситель наш Апостолам, говоря: *«заповедь новую даю вам, да любите друг друга, якоже возлюбих вы, да и вы любите себе; о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте»* (Ин.13:34–35), – мы должны любить себя взаимно, показывая, что мы действительно рабы Господа нашего Иисуса Христа, дети Пахомия и питомцы общежития.

24. Если смотритель дома сделает выговор кому-либо из подчиненных ему братий, наставляя его в страхе Божиим и желая исправить его в прегрешениях его, а другой станет говорить за него и защищать его, развращая сердце его, то поступающий так грешит на свою душу, ибо развращает того, кто мог бы исправиться; восстающего повергает опять долу, и стремящегося к лучшему прельщает пагубными внушениями, заблуждаясь сам и вводя других в заблуждение. К таковым прилично приложить следующее слово: *«горе напаяющему подруга своего развращением мутным и упоявающего»* (Авв.2:15); и еще: *«проклят прельщай слепого в пути»* (Втор.27:18); и еще: *«уже аще соблазнит единого малых сих верующих в Мя, уне есть ему да обесится жернов осельский на выи его, и потонет в пучине морстей»* (Мф.18:6). Потому что он, как сказали мы, поднимающегося опять низлагает, изъявляющего покорность возгордевает, того, кто мог бы быть сладость любви, превращает в горечь вздорливости, послушного монастырским уставам развращает худыми советами своими и делает, что тот начинает питать негодование

и неприязнь к тому, кто научал его разуму Божию, и между братьями сеет раздор и несогласие, не боясь сказанного в Писании: *«ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеву стоит или падает. Станет же: силен бо есть Бог поставить его»* (Рим.14:4) Подумай, что говорит Апостол: *«силен есть Бог поставить его»*. Не тот силен, кто мимоходит словеса Божии.

25. Посему, братия, всячески будем избегать того, чтоб превращать чей-либо ум, и восставлять его против того, кто учит его и вразумляет, помня сказанное: *«омый от лукавства сердце твое, да спасешися»* (Иер.4:14). Не будем друг другу насеивать в сердцах вместо покорливости гордыню и упрямство. Ибо кто боится Господа своего, тот, видя, что брат согрешает и падает, должен показать ему, что свято, и указать прямой путь, чтоб не только самому жить со всяким целомудрием и страхом Божиим, но исполнять и следующее наставление Соломона: *«избави ведомые на смерть, и искупи убиваемых, не щади. Аще же речеши: не вем сего, разумей, яко Господь всех сердца весть»* (Прит.24:11–12); равно как и то, что говорит Иуда в своем послании: *«овех страхом спасайте, от огня восхищающе, ненавидяще, и яже от плоти оскверненную ризу»* (Иуд.1:23). Поостережемся иметь такую ризу, *«облечемся же во вся оружия Божия, яко возможи нам стати противу кознем диавольским. Яко несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, духовом злобы поднебесным»* (Еф.6:11–12).

26. И того особенно надо остерегаться, чтобы никто ничего из вещей не передавал для сбережения в другой дом, или в келию другого, действуя в сем случае противно монастырскому уставу. Кто таков, тот не из числа братьий; но есть наемник и пришлец и не должен со святыми вкушать Пасху Господню; ибо он сделался для других камнем соблазна в монастыре. К нему вот какое идет слово: *«отбросьте камни с пути моего»*. Если левитонов своих, когда, быв вымыты, не высохнут они в вечеру, не имеем мы власти держать у себя, а отдаем смотрителю дома, которому и сами вверены, или тому, кому поручена келарня, чтоб он отнес их на то место, где хранятся одежды

всегда, и утром они выдаются нам, чтоб мы развесили их на солнце; и когда они высохнут, мы у себя не держим их, а по заповеди отцов, отдаем их для хранения со всеми другими: то насколько более грешишь ты против монастырского устава, если, признав что-либо своею собственностью, передаешь то другому на сохранение или удерживаешь у себя в своей власти? – И не разумеешь, выходит, ты слов Апостола Павла, который говорит: *«вы на свободу звани бысте, братие: точию да не свобода ваша в вину плоти будет, но любовию работайте друг другу»* (Гал.5:13). И еще: *«Господь близ. Ни о чем же пецываете, но во всем молитвою и молением ...прошения ваша да скажутся к Богу»* (Фил.4:6). – Да ведает и тот, кто берет что-либо от другого на сохранение, что, думая сделать благочестивое дело чрез успокоение брата, он грешит против своей души, нарушая монастырский устав. О, безумный! душа твоя вверена ближайшему набольшему твоему (смотрителю); но тот, кто хранит душу твою и тело твое, ужели не достоин того, чтоб ты поверил ему тленное? Возлюбим правду, да оправдимся. Ибо читаем: *«милость и истина сретостся»* (Пс.84:11).

27. Должно также всякому остерегаться, чтоб, обольстясь неразумным помышлением, или вернее опутавшись сетями диавола, не сказать в сердце своем: «когда умру, подарю братьям, что имею». О, безумнейший человек! Где нашел ты это в Писании? Не все ли святые, приступая работать Богу, тотчас отлагали всякое житейское стяжание? Первые верующие, не все ли, что имели, полагали к ногам Апостолов, как говорится в Деяниях? (Деян.4:35). И как ты, умерши, загадываешь облечься в одежду правды, которой не позаботился стяжать, будучи живым? Или забыл ты сказанное в Писании: *«еже аще сеет человек, тожде и пожнет»* (Гал.6:7); и: *«кийждо еже аще сотворит благое, сие примет»* (Еф.6:8); и: *«воздаст коемуждо по делом его»* (Рим.2:6); и еще: *«Господь испытаяй сердца и утробы праведно»* (Пс.7:10), *«дати комуждо по пути его и по плоду начинаний его?»* (Иер.32:19). – Почему еще в жизни сей вращаясь, и еще в теле сем находясь, не внимлешь ты словам Пророка Давида, который говорит: *«сокровиществует и не*

весть кому соберет я» (Пс.38:7); и слову Евангельскому, обличающему скупого: «безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси, кому будут» (Лк.12:20); и следующему еще: «в той день погибнуть вся помышления его» (Пс.145:4). Безумный! Почему не хочешь следовать увещанию Господню: «иди, продаждь имение твое и даждь нищим, – возми крест свой и гряди в след Мене» (Мф.19:21, 16:24). Юноша, услышав сие, обратился вспять; ибо сердце его было неправо, и он не возмог сложить с себя тяжелого бремени богатства. Хотя имел он желание совершенной жизни, как свидетельствует Писание, и блеском добродетелей влеком был к похвальному; но богатство его, устремлявшегося вперед, отвлекало назад, и он не мог вместить учения Спасителя, потому что еще помышлял об утехах мира. Посему Спаситель и говорит: «неудобь богатый внидет в Царствие Небесное» (Мф.19:23); и еще: «никто не может двема господинома работати: либо единого возлюбить, а другаго возненавидить, или единого держитися, о друзем же нерадети начнет: не можете Богу работати и мамоне» (Мф.6:24). Фарисеи, будучи любостяжательны, слыша это смеялись; мы же, их неверия бегая, не будем смеяться над теми, которые призывают нас к сему (отрешению от всего). Отречемся от мира, чтоб всецело устремиться к стяжанию истинных сокровищ. Чьими душами обладает любоимание, тем нищета Христа ради кажется безумием. По истине же, «есть снискание велие благочестие с довольством. Ничто же бо внесохом в мир сей, яве яко ни изнести что можем. Имущи же пищу и одеяние, сими довольни будем. А хотящии богатитися в напасти и сети и в похоти мнози несмысленны и вреждающы, яже погружают человека во всегубительство и погибель. Корень бо всем злым сребролюбие есть» (1Тим.6:6–10).

28. Даже до ныне Пророк Илья обличает Израиля, говоря «доколе вы храмлете на обе плесне ваши? Аще есть Господь Бог идите в след Его» (3Цар.18:21). И к нам можно сказать: если Божии суть заповеди те, кои преданы отцом нашим с тем, чтобы, следуя им, могли мы достигнуть Царствия Небесного, то

будем исполнять их со всем усердием. Если же мы следуем помышлениям своим, и к иному стремится душа наша, то почему просто не сознаться в заблуждении, и не показать, что мы то, чем видимы быть стыдимся? – Смотрите, как бы и нам не было сказано: *«почто оскверниша святая Моя»* (Иез.22:26); и: *«из дому Моего изжену я»* (Ос.9:15). – Братства монашеские по истине суть дом Божий и вертоград святых. Поопасемся же осквернить дом сей, чтоб не быть изринутыми вон, подобно тому, как по свидетельству Евангелия, изгнаны были из храма продававшие в нем овец и волов, когда Господь и Спаситель, вошедши и сотворивши бич от вервья, изгнал их вон, и деньги торжников рассыпал, и столы их опроверг, сказав продающим голубей: *«возмите сия отсюда, и не творите дому Отца Моего дому купленного»* (Ин.2:16). Ибо написано: *«храм Мой храм молитвы наречется, вы же сотвористе и вертеп разбойником»* (Мф.21:13). И в другом месте: *«вас ради присно имя Мое хулится во языцех»* (Ис.52:5).

29. Умоляю вас, братия, не допустим, чтоб и о нас было сказано: *«ов убо алчет, ов же упивается. Еда бо домов не имате, во еже ясти и пити? Или о Церкви Божией нерадите, и срамляете неимуция?»* К таковым говорится: *«Аще ли кто алчет, в дому да яст, да не во грех сходитесь»* (1Кор.11:21–22, 34). Да не будет дом наш домом чуждого гласа (иноязычным, – отчужденного от Бога настроения), чтобы к нам по справедливости не было применено сие изречение: *«творений Египетских не оставиша, оправданий не сотвориша, и заповеди Моя отринуша, и субботы Моя оскверниша»* (Иез.20:8–24). Да не пребудем в ожесточении сердца нашего, иначе прогневаем Бога, и Он став врагом нашим, скажет: *«дах им заповеди недобры, и оправдания, в нихже не будут живи»* (Иез.20:25); ибо они вкусили от плода лжи и поклонились делам рук своих, и наполнилась земля их от начала волхвованиями, как земля иноплеменников.

30. Отрекшись от мира и начав шествовать под знаменем креста, да не обращаемся вспять, и да не ищем прохлады временной, подражая Ефрему, который говорил: *«обогаitez, обретох прохлаждения себе»* (Ос.12:8), чтоб и нам не

услышать того же, что он услышал: *«все труды его не обрящутся ему ради неправд», «имиже согреши; чтоб и на нас не исполнилось: наченьше духом, ныне плотию скончаваете. Толика пострадаете туне»* (Гал.3:3–4); чтоб и против нас не было сказано: *«закон погибнет от жерца, и совет от старец... и руки людей земли разслабеют»* (Иез.7:26–27). *«Старцы от врат оскудеша, избранныи от песней своих умолкоша»* (Плч.5:14); и еще: *«имя Божие вами хулится во языцех»* (Рим.2:24); и чтобы за презрение наставлений отца нашего не быть нам забытыми от него, и чрез грехи свои совсем не лишиться помощи Божией и святых Его.

31. Ибо какой в нас плод и какой знак, что храним заповеди Божии? Или в чем исполняем мы воспринятое нами звание? Не все ли нарушено нами, и не побеждены ли мы любостяжанием? Прилично и к нам сказать: *«откуда брани и своры в вас?»* (Иак.4:1). Не от любостяжания ли? поскольку, каждый из нас ищет своей пользы, а не ближнего, то пророк Иезекииль, как бы живой, доселе пророческим словом обличает нас, говоря: *«сии купцы»* (Иез.27:21). Какой ответ дадим мы в день суда, или что можем представить в тот последний час в защиту себе? – Все это совершилось с нами; поскольку *«священницы восплескаша руками своими, и людие возлюбиша таковая, и якоже людие, тако и жрец»* (Иер.5:31). Сего ради и говорит Господь: *«отмщу на них пути их, и умышления их воздам им»* (Ос.4:9).

32. Не о всех вас говорю сие, но о тех, кои небрегут о заповедях отцов. *«Лучше бе им не познати пути правды, нежели познавшим возвратитися вспять от преданные им святые заповеди»* (2Пет.2:21). Скорбя о таковых людях, пророк Иеремия пишет: *«оскудеша очи мои в слезах, смутися сердце мое, излился на землю слава моя, о сокрушении дщере людей моих, внегда оскуде младенец и ссуший на стогнах градских. Матерем своим рекоша: где пшеница и вино? внегда разслабленным быти им, яко язвленным на стогнах градских, егда разливахуся души их в лоно матерей их»* (Плч.2:11–12). Мы знаем, что *«Бог не в силе констей восхощет, ниже в лыстех мужеских благоволит»* (Пс.146:10).

33. Посему обратимся ко Господу Богу нашему, чтобы, когда будем молиться, услышал нас Тот, Кто ежедневно взывает к нам: *«упразднитесь и уразумете, яко Аз есмь Бог»* (Пс.45:11). *«Обратитесь ко Мне, и Аз обращуся к вам. Обратитесь сынове отступившии, ако Аз возобладаю вами»* (Иер.3:14). Подобное и Иезекииль свидетельствует, говоря: *«вскую умираете, доме Израилев? Понеже не хочу смерти грешника умирающего, но еже обратитесь ему от пути своего, и жити души его»* (Иез.18:31–32). Также милосерднейший Господь, глава всякой благодости взывает к нам в Евангелии, говоря: *«приидите ко Мне вси труждающиеся и обременнии, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим»* (Мф.11:28–29). Уразумеем из сего, что *«благодсть Божия на покаяние нас ведет»* (Рим.2:4), и Святые мужи убеждают нас начать наконец содеяние своего спасения. Не ожесточим же сердец наших и *«не будем собирать себе гнева в день гнева и откровения праведного суда Божия, иже воздаст коемуждо по делом Его»* (Рим.2:6); но от всего сердца обратимся ко Господу, согласно словам Моисея, напоминающего: *«обратися ко Господу Богу твоему... от всего сердца твоего... и очистит Господь сердце твое, и сердце семене твоего»* (Втор.30:2–6).

34. Потрудимся, как добрые воины Христовы, стараясь соблюсти, что сказано в Писании: *«никтоже воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет. Аще же и постраждет кто, не венчается, аще незаконно мучен будет. Труждающемуся делателю прежде подобает от плода вкусити»* (2Тим.2:4–6). Писано есть также: *«Вси людие пойдут кийждо в путь свой»* (Мих.4:5), *«мы же во имя Господа Бога нашего призовем. Тии спяти быша и падоша: мы же восстахом и исправихомся»* (Пс.19:8–9).

35. *«Аще кто ходит во дни, не поткнется. Аще же кто ходит в нощи, поткнется, яко несть света в нем»* (Ин.11:9–10). Мы же, говорит другой Апостол, *«несмы обинования в погибель, но веры в снабдение души»* (Евр.10:39); и в другом месте: *«вси вы сынове света есте и сынове дне; несмы нощи,*

ниже тмы» (1Сол.5:5). Итак, если мы сыны света, то должны знать, что свойственно свету и творить плоды света во всяком деле благом: *«все бо являемое свет есть»* (Еф.5:13). Если от всей души обратимся ко Господу, и в простоте сердца будем ходить по заповедям Его и отца нашего, то будем избыточествовать во всяком деле благом. Если же будем побеждены плотскими страстями, то среди дня, как среди ночи, стену осязать будем и не обретем пути во град и обиталище наше, как сказано о некоторых: *«алчуще и жаждуще, душа их в них исчезе»* (Пс.106:5). Ибо, как они презрели данный им от Бога закон, и гласу Пророков не внимали, то и не могли внити в обетованный покой.

36. Будем бодрствовать и внимать. *«Аще Бог естественных ветвей не пощаде, да не како и нас не пощадит»* (Рим.11:21). Не обо всех говорю это, но о нерадивых, к коим справедливо приложить оное сетование: горе тем, кои отступили от Мене, и явно нечествовали на Меня: *«Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себе кладенцы сокрушенные, иже не возмогут воды содержати»* (Иер.2:5, 13). – Они не только судей Божиих не слушали, но не послушали и самого Бога, когда Он говорил: *«поставих над вами стража: слышите глас трубы? И рекоша: не послушаем»* (Иер.6:17). Откуда сие неверие? Не от того ли, что они признали чуждых богов, а не отвратились от них. *«Сего ради тако глаголет Господь им: се Аз напитаю люди сия теснотами, и расточу их в языки и пошлю на них меч»* (Иер.9:15–16).

37. Слыша сие, воспрянем как бы от сна, и постараемся представить себя достойными рабами Господа, да сподобимся милости Его, о коей Сам Он говорит: *«призовите Меня и услышу вас. Развеявый Израиля соберет его»* (Иер.31:10) и в другом месте: *«не сотворю по гневу ярости Моея; не оставлю еже потребитися Ефремови»* (Ос.11:9): и еще: *«не прогневаюся на вы во веки»* (Иер.3:12).

38. Если такова милость Спасителя Господа, и Он призывает нас к спасению, то обратим сердца наши к Нему: *«яко час уже нам от сна встати... ночь убо преиде, а день приближися, отложим убо дела темная, и облечемся во оружие*

света» (Рим.13:11–12). Дети мои! Первее от всего сердца возлюбим Бога, потом и друг друга взаимно любить будем, помня заповеди Спасителя Бога, в коих Он говорит: *«мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не якоже мир дает, Аз даю вам»* (Ин.14:27). *«В сию обою заповедю весь закон и пророцы висят»* (Мф.22:40).

39. Если кто из пребывающих в каком-либо доме монастыря под надзором смотрителя, и не имеющих ни в чем недостатка, из всего, что положено иметь в монастыре, имеет отца, или брата, или друга возлюбленного; пусть ничего от них не принимает, – ни левитона, ни мантийцы, ни другой какой вещи. Если же будет дознано, что он не имеет чего-либо из положенного, то это в вину обратится смотрителю, который и должен подвергнут быть за то взысканию.

40. Итак, набольшие в монастырях, если увидите, что кто-либо нуждается в чем и терпите недостаток, не нерадите о нем, зная, что вы должны дать отчет за все стадо, в *«немже вас Дух Святый постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию Своею»* (Деян.20:28). Посему *«должни есмы мы сильнии немощи немощных носити и не себе угождати: кийждо же вас ближнему да угождает во благое к созиданию. Ибо и Христос не Себе угоди, но якоже есть писано: поношения поносящих Тебе, нападоша на Мя»* (Рим.15:1–3). И Апостол говорит о себе: *«во всем угождаю не иский своя пользы, но многих, да спасутся»* (1Кор.10:33).

41. Если же Господь и Спаситель наш так заповедал, и Святые так действовали, и отцы наши так нас учили, то воспрянем от сна, и будем усердно исполнять то, что заповедано нам. *«Елика бо преднаписана быша, в наше наказание преднаписашася: да терпением и утешением Писаний упование имамы»* (Рим.15:4). Никто из нас да не будет для другого виною заблуждения, и не станем ревновать тем, кои благоденствуют в животе сем (Пс.36:7). Пусть они имеют в изобилии все потребное для тела, но, ведь, умирая, они ничего из того не возьмут с собою. Сыны века сего только в животе сем имеют упование; потому что они от мира, а мир любит свое. – Но те, кои суть сыны Божии, помнят слово Евангельское: *«аще*

мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде» (Ин.15:18); и еще: «уже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает» (Иак.4:4); и еще: «в мире скорбни будете: но дерзайте, яко Аз победих мир» (Ин.16:33); и еще: «Блаженни плачуции: яко тии утешатся. Блаженни алчуции и жаждущии правды: яко тии насытятся, блаженни изгнани правды ради: яко тех есть Царствие Небесное» (Мф.5:4–6, 10). – О сынах же века сего что напротив говорится? «Горе вам богатые: яко отстоите утешения вашего. Горе вам насыщенные ныне: яко взалчете. Горе вам смеющимся: яко возрыдаете и восплачете» (Лк.6:24–25).

42. Посему будем избегать содружества с миром, чтоб удостоиться услышать: «вечер водворится плач и завтра радость. Слыша Господь и помилова мя... Разтерзал еси вретище мое, и препоясал мя еси веселием» (Пс.29:6–11, 12). Ибо кто из Святых без борьбы и скорби прошел путь мира сего? Иеремия говорит: «Не седох на сонме их играющих, но бояхся от лица руки Твоея: наедине седох, яко горести исполнихся» (Иер.15:17); и св. Давид пишет: «яко плача и сетуя, тако смиряхся» (Пс.34:14). Их стопам последуя, разумеем, что спасение наше в претерпении скорбей. Потерпим; и исполнится на нас обетование рекшего: «на время мало оставих тя, а с милостию великою помилую тя» (Ис.54:7). Итак, если скорбь и теснота на время, а не всегда пребудут, то будем сеять слезами, не ослабевая, да радостью пожнем: ибо знаем, что Господь избавляет читателей Своих от искушений.

43. Господь – Отец наш, Господь Судия наш, Господь – Владыка, Господь – Царь наш, Господь Сам спасет нас; если же презрим заповеди Его, то испытаем скорбную тесноту. Ибо Он Сам говорит: «державшиеся Мене стяжут землю, и наследят гору святую Мою» (Ис.57:13). Ее и мы можем наследовать, если будем исполнять закон Его, и послушаемся того, что сказано: «чистыми сотворите пред лицом Его пути ваша и послушайте гласа Господа Бога вашего» (Иер.26:13); и еще: «отимите претыкание от пути людей Моих» (Ис.57:14); и еще: «изжени из сонмища губителя, и изыдет с ним прение» (Прит.22:11). Кто правое называет неправым, и кто неправое

признает правым, тот и другой нечисты пред Богом. Будем же остерегаться, чтоб и об нас не было сказано: «отчуждишася грешницы» (Пс.57:4); и еще: «вознесошася дочери Сиони, и ходиша высокою выею и помизанием очес, купно ризы влекущи по долу, и ногами купно играющыя» (Ис.3:16); с чем согласно и другое обличительное для нас слово того же пророка: «како бысть блудница град верный, Сион полн суда, в немже правда почиваше, ныне же в нем убийцы?» (Ис.1:21), и: «людие смыслящи со блудницею сплетахуся» (Ос.4:14). Если будем поучаться в слове Божиим, то возможем сказать, что говорил и св. Давид: «возрадуюся аз о словесех Твоих, яко обретаяй корысть многу» (Пс.118:162). «Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим. Пета бяху ми оправдания Твоя на месте пришельствия моего» (Пс.118:103, 54); и в другом месте: «не предлагах пред очима моима вещь законопреступную: творящая преступление возненавидех: не прильпе ми сердце строптиво: уклоняющегося от Мене лукаваго не познах: оклеветавшего тай искренняго своего, сего изгонях: гордым оком и несатым сердцем, с сим не ядях. Очи мои на верные земли, посаждати я со Мною» (Пс.100:3–6).

44. Всех таковых делам будем подражать и мы, да будут во дни наши мир и правда, и да не над нами исполнится, что читаем у Пророка Исаии: «на земли людей Моих терние и былие возникнет» (Ис.32:13). Очистим же поля наши, чтоб не сеять нам между терний. – Если соблюдем заповеди, то явно будет, что любим Бога, как Сам Он свидетельствует о сем: «имеяй заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя; а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и к нему приидем и обитель у него сотворим» (Ин.14:21–23). – И еще: «вы друзи Мои есте, аще творите, елико Аз заповедаю вам» (Ин.15:14). – И что многословить? – Обратимся ко Господу Богу нашему, «и воздадим Ему плод устен наших» (Ос.14:3), – и утишится в нас душа наша.

45. О, когда бы раскаяться нам в заблуждении и нерадении нашем, чтоб и об нас, когда обратимся, сказал Бог: «возлюблю Я явленно, яко отвратися гнев Мой от них. Буду яко роса Израилю, процветет яко крин, и прострет корение свое,

якоже ливан. Пойдут ветви его, и будет якоже маслина плодovitа, и обоняние его аки ливана: обратятся и сядут под кровом его, проживут и утвердятся пшеницею, и процветет яко виноград память его, якоже вино ливаново. Ефремови что ему еще и кумиром? Аз смирих его, Аз и укреплю его: аки смерчие учащенное, от Мене обретется плод Твой. Кто премудр и уразумеет сия, и смыслен и увест сия?» (Ос.14:5–10). – О, когда бы и нам начать приносить благий плод, помощью Того, без Кого не может совершиться ни одно доброе дело!

46. Обратимся ко Господу, чтоб и об нас сказал Он: *«грехов и неправд их не помяну ктому»* (Иер.31:34, 36:3). Не будем опускать закона Божия, который получил от Бога отец наш и предал нам; и его собственных заповедей не уничтожим; чтоб иначе и над нами не был возгласен плачевный оный вопль: *«какo потемне злато, изменися сребро доброе? Разсыпашася камыцы Святыни в начале всех исходов»* (Плч.4:1). Подъяв столь многие труды для спасения нас, отец наш, представлявший в себе образец всех добродетелей, с похвалою отзывался о нас пред Святыми, говоря: се, дети мои! После такого свидетельства, да не лишимся упования доброй совести, совлекись одежд, в которые он облек нас; и быв введены им в поприще борения, чтоб законно подвизаться, да не будем побеждены врагами нашими. Смотрите, как бы, когда достигнем мы времени исхода нашего из тела, не оказаться нам не детьми, а противниками отца нашего; а это будет, если мы рабствуем сокровищам, и, будучи обязаны постом и измождением тела стяжевать свободу души, порабощемся плоти и сластям, красным одеждам и мягким постелям, – не только самих себя губя таким образом, но примером своим увлекая в пагубу и других, которые без того могли бы преуспевать в добродетели. Мы, как пишет Апостол, *«не прияли духа работы в боязнь»* (Рим.8:15), но силы, любви и целомудрия. И еще: *«брашно же нас не поставляет пред Богом: ниже бо аще ямы, избыточествуем, ниже аще не ямы, лишаемся»* (1Кор.8:8): *«несть бо Царствие Божие брашно и питье, но правда, и мир и радость о Дусе Святе»* (Рим.14:17).

Кто сим образом служит Христу, тот благоугоден Богу, и всем ведом, как во всем искусный. Пророк Исаия говорит: *«терпящии Господа, измените крепость, окрылатеют, аки орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут»* (Ис.40:31). И еще: *«ни взалчут, ни утрудятся, ни воздремлют, ни поспят, ни распояшут поясов своих от чресл своих, ниже расторгнутся ремени сапогов их»* (Ис.5:27).

47. Будем же подражателями Святых, и не забудем наставлений, какие преподал нам отец наш, пока был еще жив. Не погасим горящего светильника, который поставил он над главами нашими. При его свете, шествуя в веке сем, будем помнить, что его старанием Бог принял нас в семейство Свое, подавая нам, – странным прибежище, в море влающимся – пристанище, – в алчбе – хлеб, в зное – прохладу, в наготе – одежду, – неопытных руководствуя посредством заповедей духовных, побеждаемых страстями, ограждая целомудрием, и вдали находящихся привлекая к себе и соединяя с собою. – И теперь, когда почил отец наш, не будем забывать такой милости Божией, и таких безмерных Его к нам благодеяний, чтоб и нам не было сказано: *«судите между мною и виноградом моим... ждах да сотворит гроздие, сотвори же терние... ждах да сотворит суд, сотвори же беззаконие, и неправду, но вопль»* (Ис.5:3–7); чтоб и нас не постигла та клятва, которую сие пророческое слово далее излагает, и которой мы должны всячески избегать стараться, последуя житию предшествовавших нам св. отцев, равно как и братьев, которые, отрекшись от мира, и непреткновенными стопами приблизясь к Господу, обладают теперь наследием Его. Боюсь, как бы нам не лишиться сего блаженства по лености нашей, и чтобы к нам не отнесено было оное пророческое слово, сказанное о Ефреме: *«елей во Египет посылаше»* (Ос.12:1); и слово другого Пророка: *«смесишася во языцех и навыкоша делом их»* (Пс.105:35). – Как бы, после того, как призваны мы к свободе, по сказанному: *«пойму вы единого от града, и двух от племени, и введу вас в Сион, и дам вам пастыри по сердцу Моему, и упасут вас разумом»* (Иер.3:14–15), – не ослабить нам уз любви, и не услышать упрека: *«Сын славит Отца, и раб*

Господина своего убоится: и еще Отец есмь Аз, то где слава Моя? и еще Господь есмь Аз, то где есть страх Мой?» (Мал.1:6).

48. Посему, каждый из нас да взывает ко Господу (по сказанному у пророка Иеремии): *«возопи сердце их ко Господу, стены дочери Сиони да излиют, якоже водотеча, слезы день и ночь: не даждь покоя себе, и да не умолкнет зеница очию твоею. Востани, поучися в нощи, в начале стражбы твоей, пролей, яко воду, сердце твое пред лицом Господним, воздвигни к Нему руке твои о душах младенцев твоих, разслабленных голодом в начале всех исходов» (Плч.2:18–19);* чтоб и против нас не было сказано: *«восплакася земля, и растленна бысть вселенная, восплакашася высоты земли. Земля бо беззаконие сотвори живущих ради на ней, понеже преступиша закон, и измениша заповеди, разрушиша завет вечный. Сего ради проклятие пояст землю, яко согрешиша живущии на ней. Сего ради убози будут живущии на ней, и останется человеков мало» (Ис.24:4–6);* или сие: *«еще мало да идут и падутся вспять, и в беду впадут, и сокрушатся, и пленени будут... яко рекосте: сотворихом завет со адом и с смертию сложение» (Ис.28:13–15).* Если будем избегать сего, то веруем, что *«в свое время возсияет звезда от Иакова, и встанет человек от Израиля, и погубит князи Моавитские и пленит все сыны Сифовы» (Числ.24:17).* *«И не будет к тому дому Израилеву остен горести и терн болезни» (Иез.28:24).* *«И бысть часть Господня, людие его Иаков: уже наследия его Израиль» (Втор.32:9);* и еще: *«дам труд их праведником, и завет вечен завещаю им. И познается во языцех семя их, и внуцы их посреди людей: всяк видяй я познает я, яко сии суть семя благословенное от Бога, и радостию возрадуются о Господе» (Ис.61:8–9).* Через пророка же Иеремию говорит Господь: *«аще премолкнут законы сии от лица Моего, то и род Израилев престанет быти язык пред лицом Моим во вся дни» (Иер.31:37).*

49. Итак, исследуем пути наши и обсудим шаги наши; и потечем в след вонии ведения, скрывая всегда глаголы истины в сердцах своих, чтоб быть *«непорочными в пути и ходить в*

законе Господнем» (Пс.118:1). Да не устрашает нас немощь тела и долговременность труда; (ибо не вечно будем жить здесь, по сказанному): *«отцы ваши где суть и пророцы? Еда во веки поживут? обаче словеса Моя и законы Моя приемлете, елико Аз заповедаю в Дусе Моем рабом Моим пророком, иже постигнуша отец ваших»* (Зах.1:5–6). Восчувствуем неизреченную благодать Бога нашего, Который доселе все еще призывает нас к покаянию, говоря: *«еда падаяй не востанет? или отвращаяйся не обратится? Вскую отворишася людие Мои сии во Иерусалиме отращением безстудным и укрепишася в произволении своем и не восхотеша обратится»* (Иер.8:5–6). Когда же обратимся к Нему, Он возсозиждет нас Духом Своим подобно тому, как написано: *«зидяй Иерусалима Господь: разсеяния Израилева соберет»* (Пс.146:2).

50 Что наше купножителство и общение, коим взаимно связуемся, по Богу есть, в сем удостоверяет нас Апостол, когда говорит: *«благотворения и общения не забывают: таковыми бо жертвами благоугождается Бог»* (Евр.13:16). В Деяниях Апостольских читаем также: *«народу веровавшему бе сердце и душа едина: и ни един что от имений глаголаше свое быти, но бяху им вся обща»* (Деян.4:32–33). И Псалмопевец согласно с сими словами говорит: *«се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе»* (Пс.132:1). – Пребывая же в киновиях, и единаясь между собою взаимною любовию, приложим старание, чтобы как в сей жизни сподобились мы сообщества святых отцев, так и в будущей быть причастными им, твердо помня, что начало нашего жития и учения есть крест; и что нам должно спострадать Христу, в том убеждении, что без теснот и скорбей никто не получит венца победы. Св. Ап. Иаков пишет: *«блажен муж, иже претерпит искушение; зане искусен быв, примет венец жизни»* (Иак.1:12). К сему св. Павел присовокупляет: *«понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся. Непщую бо, яко недостойни страсти нынешняго времени к хотящей славе явится в нас»* (Рим.8:17–18). И Господь наш говорит в Евангелии: *«претерпевый до конца, той спасен будет»* (Мф.10:22). В другом месте пишется еще: *«сия книга повелений*

Божиих и закон сый во век: вси держащиися ея, в живот внидут, оставившии же ю, умрут. Обратися, Иакове, и имися ея, ходи к сиянию прямо света ея. Не даждь иному славы Твоя, и полезных тебе языку чуждему. Блаженни есмы, Израилю, яко угодная Богу нам разумна суть. Дерзайте, людие Мои, память Израилева» (Вар.4:1–5). И Пророк Исаия говорит: «веселися, Иерусалиме, торжествуйте в нем вси, любящи его, и живущи в нем, радуйтесь... Да сеете и насытитесь от сосца утешения его» (Ис.66:10–11).

51. Приложим тщание читать и заучивать Писание, и будем всегда повторять словеса его на память с размышлением; ибо написано: «от плод уст душа мужа наполнится благих: воздаяние же устен его воздастся ему» (Прит.12:14). Оно ведет нас к жизни вечной, как предал нам отец наш, заповедавав всегда поучаться в нем, чтоб и нами исполняемо было написанное: «вложите словеса сия в сердца ваши, и в душу вашу, и навяжите я в знамение на руку вашу, и будут непоколебима между очима вашима. И научите сим чада своя – глаголати сия, сидящу тебе в дому, и идущу тебе в пути, и возлежащу ти, и встающую ти. И напишите я на празех домов ваших и врат ваших» (Втор.11:18–21).

52. Посмотрите, сколькими свидетельствами слово Господне убеждает нас к изучению Священных Писаний, дабы что вращаем в устах, тем обладало сердце. Пророк Иеремия говорит: «благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей. Сядет наедине и умолкнет» (Плч.3:27–28). И в другом месте сказано: «веселися, юноше, в юности твоей, и да ублажит тя сердце твое во днех юности твоея, и ходи в путех сердца твоего непорочен, и не в видении очию твоею: и разумей, яко о всех сих приведет тя Бог на суд. И отстави ярость от сердца твоего, и отрини лукавство от плоти твоея: яко юность и безумие суета» (Еккл.11:9–10). И еще: «помяни сотворшаго тя во днех юности твоея, дбндеже не приидут дние злобы твоея и приспеют лета, в них же речеши: несть ми в них хотения» (Еккл.12:1). И в Евангелии пишется: «отроча преспеваше премудростию и возрастом и благодатию у Бога и человек» (Лк.2:52). Иисус Навин также в юности своей был

служителем Моисея и не выходил из Скинии (Исх.33:11). И св. Тимофей, будучи еще отроком и юношею научился Свящ. Писанию, так что путем его пришел к вере в Господа Спасителя. Иосиф также был возлюбленнейшим сыном отцу своему, потому что исполнял его повеления, и будучи еще семнадцати лет от роду, почитал приказания его законом жизни своей (Быт.37:2–3, 14).

53. Все сие я привел на память для того, чтобы, рассматривая жития святых, *«не вляялись мы всяким ветром учения»* (Еф.4:14), но воодушевлялись на труд, и, житие их имея образцом в предлежащей нам жизни, соделались народом Божиим особенным. – *«Не будем оскорблять Духа Святого, Которым знаменались мы в день избавления»* (Еф.4:30), *«ни угашать Его, ни пророчества уничижать»* (1Сол.5:19–20), дабы не оказалось, что, когда Дух Святой благоволит обитать в нас, мы не даем Ему места. Никого другого не будем бояться, кроме Бога, Который есть праведный Воздаятель и Судия дел каждого, и Который с преподобным – преподобен, и с мужем неповинным – неповинен, как Сам говорит: *«Аз любящая Мя люблю, ищущии же Мене, обрящут благодать»* (Прит.8:17); и в другом месте: *«аще пойдете ко Мне странею, пойду и Аз с вами в ярости странею»* (Лев.26:23–24).

54. Не будем гневаться друг на друга; а если, когда гневом побеждены будем, сделаем так, чтоб и гневаясь не согрешать, т.е., будем покаянием предварять захождение солнца (Пс.4:5; Еф.4:26). Будем помнить, что нам заповедано в Писании, многократно прощать согрешающего против нас (Мф.18:21), и даже оставлять пред алтарем дар наш, угрожая, что он не примется, пока чрез примирение не сделаем его угодным Богу, – чтобы можно было нам с дерзновением возглашать в молитве: *«остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим»* (Мф.6:12), и апостол заповедует *«прощать, аще кто на кого имать поречение, якоже и Христос простил есть нам»* (Кол.3:13). Будем в кротости учениками всех Святых и особенно пророка Давида, о котором написано: *«помяни, Господи, Давида и всю кротость его»* (Пс.131:1), и Моисея, о котором читаем, что он был *«кроток зело паче всех человек,*

сущих на земли» (Числ.12:3). И Господь в Евангелии о кротких говорит: «блаженни кротцыи, яко тии наследят землю» (Мф.5:5); и еще сказано: «бывайте подражатели Богу, якоже чада возлюбленная» (Еф.5:1); и: «будите вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф.5:48); и в другом месте: «будете святы, якоже свят есмь Аз Господь Бог ваш» (Лев.11:44)

55. Читая сии свидетельства, да сеем и мы семена правды, дабы пожать плод жизни. Потщимся возжечь свет ведения; ибо время уже нам познать Бога, да приидет к нам чрез сие плод правды. «Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения» (2Кор.6:2). Искренно возлюбим друг друга, согласно с словом Писания: «исполнение закона любви есть» (Рим.13:10). Что подтверждает и св. Иоанн, говоря: «заповедь прияхом от Отца... да любим друг друга» (2Ин.1:4; 1Ин.3:23); и еще: «да любяй Бога любит и брата своего» (1Ин.4:21); и опять: «не якоже Каин от лукаваго бе, и закла брата своего. И за какую вину закла его? Яко дела его лукава беша, а брата его праведна. Не чудитесь, братия мои, аще ненавидит вас мир. Мы вемы, яко преидохом от смерти в живот, яко любим братию» (1Ин.3:12–14). – Будем же любить себя взаимно.

56. Братия возлюбленные! скажу вам нечто с большим дерзновением. С тех пор, как вверил мне Бог вас, яко стадо святое, «не престаях уча со слезами единого коегождо вас» (Деян.20:31), дабы вы угодили Богу. «Ни в чесом от полезных обинухся еже сказати вам» (Деян.20:20). «И ныне предаю вас, братие, Богови и слову благодати Его, могущему наздати и дати вам наследие во освященных» (Деян.20:32). Бдите, и со всяким тщанием и заботою старайтесь не забывать принятого вами намерения, и исполняйте все, что, как сами знаете, обещали вы. «Аз бо уже жрен бываю, и время моего отшествия наста. Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох. Прочее убо соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия, не токмо же мне, но и всем возлюбльшим явление Его» (2Тим.4:6–8), и исполнившим заповеди Отца своего. «Конец слова – все слушай: Бога бойся и заповеди Его храни: яко сие

всяк человек: яко все творение приведет Бог на суд о всяком погрешении, аще благо и аще лукаво» (Еккл.12:13–14).

2) О шести помышлениях святых

Во-первых, о Господе Боге должны мы помышлять и памятовать, да возвеселимся упованием на Него, подражая блаженному Давиду, который говорит о себе: *«помянух Бога и возвеселихся»* (Пс.76:4).

Во-вторых, о страдании Христовом, чтоб и самим благодушно все переносить ради Его, непрестанно помышляя и в уме вращая, как всемогущий Господь и вечный Сын Божий нисшел с небесной высоты, облекся в человеческое тело, вознесен был на крест в сем святом теле, возвратил через то все вышние царства к миру с нами; излил бесценную кровь на землю, и тем открыл нам земным путь горе, да будем согражданами Ангелов.

В-третьих, – о часе исхода нашего, чтобы быть всегда к нему готовыми. Вся жизнь человека, вся мудрость – в помышлении о смерти; одного этого дня трепещут и все мудрые.

В-четвертых, – о дне суда, чтоб готовиться дать ответ. Велик сей день и достоин того, чтобы мы о нем помышляли и помнили. В сей день разорит Господь творение, созданное Им в начале. Се Господь сотрясет землю и обнажит ее. Небо и земля прейдут, и откроет Господь лице ее, т.е. откроет землю, – и изыдут мертвые из гробов своих, и все дела людей провозглашены будут всенародно. Все равно предстанут пред судищем Христовым; *«и ничтоже есть покровенно, еже не открыется, и тайно, еже не уведено будет»* (Мф.10:26), – только грехи, прежде очищенные покаянием, Господь на суде покроет. В этот день никто из нечестивых не избежит великого гнева Божия. – Посему, наперед надобно нам помнить, что говорит блаженный Давид: *«благ муж, щедря и дая, устроит словеса свои на суде, яко во век не подвижется»* (Пс.111:5).

В-пятых, – чтобы бояться того страшного мучения, о котором говорит Исаия: *«червь их не скончается, и огонь их не угаснет»* (Ис.66:24). – Червь – т.е. совесть; ибо мучимые будут сознавать, что по делам терпят такие муки.

В-шестых, – о вечной жизни, чтобы желать достигнуть туда, где Святые наследят радость и веселье, и откуда отбежат страх и болезнь.

Сими шестью помышлениями душа праведного побеждает врага, и ими охраняется от него. – Всегдашнее усердное памятование и помышление о Господе расположит любить Его паче всего, чтобы после века сего и во всю вечность, с Ангелами и Архангелами и всеми Святыми любить Его, – благодатию Его же Самого, Живущего и Царствующего во веки веков. Аминь.

4. Уставные иноческие правила других св. Отцов подвижников

1) Три небольшие сборника правил св. отцев

Между уставом пр. Пахомия и уставом Св. Василия должны занять место следующие три небольшие сборника правил для иноков, начертанных великими Отцами на общем совещании. Их сохранил Венедикт Анианский в своем сборнике правил св. Отцев. (Patrol. Lat. t. 103, стр. 435).

а) Правило св. Отцев, Серапиона, Макария, Пафнутия и других 34 старцев

1. Сошедшись вместе для спасительного совещания, мы просили Господа нашего в теплой молитве, да ниспослет Он нам Духа Святого, Который бы научил нас, какое правило жизни, или какой устав положить нам для братий.

2. Пр. Серапион сказал: *«милости Господни исполнь земля»* (Пс.32:5), и многие полки ревнителей стремятся к совершеннейшей жизни. Но поскольку по неудобствам пустыни и по причине страшных бывающих там от врага привидений и нападений, жить братьям по одиночке крайне затруднительно, то находим наилучшим, чтоб они собирались воедино и жили в послушании одному опытнейшему старцу, следуя его заповедям, как внушениям Духа Святого. Не наши это слова; не и Писание ли тоже подтверждает, говоря: *«се что добро, или что красно, но еже житии братии вкупе»* (Пс.132:1), – и еще: *«Бог вселяет единомысленные в дом»* (Пс.67:7)?

3. Итак, постановляем, чтоб братья многие собирались в одну обитель и жили совокупно, в единокории и взаимной любви. Как соблюсти сие единокорие и любовь, – при помощи Божией укажем и это.

4. Постановляем, чтобы над всеми собравшимися воедино братьями, начальствовал один старец, от совета и повеления которого уклоняться никто не должен; но как самому Господу, так да повинуются ему все со всякою радостью, по слову Апостола: *«повинуйтесь наставником вашим: тии бо бдят о душах ваших»* (Евр.13:17). Да помышляют также таковые, единокорно желающие подвизаться в деле Божиим, что повиновением Авраам угодил Богу и *«друг Божий наречется»* (Иак.2:23); чрез повиновение Апостолы сподобились быть свидетелями Господу, среди народов и племен земных; и Сам Господь наш, с горнего неба нисшедший в дольняя, говорит: *«сنيдох с небесе не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца»* (Ин.6:38). Да соблюдается убо такими

свидетельствами подтверждаемое послушание со всем усердием.

5. Пр. Макарий сказал: о совокупном житии, о единомыслии и послушании сказано; теперь с помощью Божиею покажем, каковы должны быть начальствующие отцы. Должно вам, отцы настоятели, являть себя такими, какими желает вам быть Апостол, говоря: *«яко быти вам образ верующим»* (1Сол.1:7). Должно вам и теплотою любви и строгостью власти возводить души братий от земного к небесному, всячески назидая их, как говорит тот же Апостол: *«обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением»* (2Тим.4:2), и в другом месте: *«что хотите? С палицею ли прииду к вам, или с любовью и духом кротости?»* (1Кор.4:21). Настоятель с рассуждением должен определить в какой мере являть к каждому отеческое расположение любви и в какой – строгость власти, помня слово Господа, Который говорит: *«в нюже меру мерите, возмерится вам»* (Мф.7:2).

6. Когда собираются братия на молитву, никто не смей начинать петь псалом без приказання настоятельствующего отца. И всегда должно держать тот порядок, чтобы ни в чем не упреждать Аввы монастыря, ни в стоянии, ни в пении, по слову Соломона: *«на месте сильных не стани»* (Прит.25:6); – и слову Господа: *«не сяди на преднем месте»* (Лк.14:8–9); и слову Апостола, который говорит: *«не высокоумствуй, но бойся»* (Рим.11:20). Если он замедлит почему-либо, надлежит известить его, и потом поступить так, как он прикажет.

7. Покажем вам и то, как должно испытывать тех, которые, оставляя мир, желают вступить в обитель. Надо, чтоб они прежде всего обнажились от всех стяжаний века сего. Пусть и бедный кто приходит, есть и у него стяжания, от которых должен он обнажиться. Это те, на которые Премудрость указывает у Сираха, говоря: *«убога горда и богата лжива ненавидит душа моя»* (Сир.25:4). И в другом месте говорится: *«ты смирил еси, яко язвена, гордаго»* (Пс.88:11). Итак, настоятельствующему Авве должно со всем вниманием держать такое правило: когда кто приходит из мира, первее всего пусть сложит с себя бремя гордости и по испытании да будет принят. Для сего, пусть с

неделю протерпит за воротами монастыря: никому из братий не входить с ним в общение, и никакой ласки ему не оказывать, напротив, обращаться с ним будто с презрением и неприязнью. Если несмотря на все это, пребудет он, толкая в двери, не отказать ему во входе в обитель. Принимая, однакож, такого, Авва настоятельствующий пусть покажет ему, как живут братия, и каким порядкам должен он подчиняться. Если кто из богатых и имеющих большие стяжания желает отречься от мира, пусть прежде исполнит волю Божию и прямую заповедь Господа, к нему относящуюся, которую изрек Он богатому юноше: *«иди, продаждь имение твое, и даждь нищим и иди в след Мене, взем крест»* (Мф.10:21). Авва настоятельствующий должен убедить его, чтоб ничего себе не оставлял, кроме креста Христова, который взем и да последует Господу. Если желает он внести какую часть в монастырь, да ведает, что это не дает ему никакого преимущества в обители. Если из рабов своих приведет кого-либо в монастырь, пусть не имеет его более, как раба, но как брата, – да во всем будет совершен человек тот.

8. Когда приходят странники, никто не должен выходить к ним, кроме того, кому вверено попечение о странноприимнице. Никому из приходящих не должно давать целование мира, пока не повидает его Авва: тогда, по совершении вместе молитвы, своим порядком, следует давать и целование мира. Никому из братий непозволительно заводить разговор с приходящим; и заботы ни у кого не должно быть расспрашивать его, откуда и зачем пришел, или куда идет, кроме Аввы, и тех, кому он прикажет. Когда братия пойдут в трапезу в должный час, брату страннику не следует позволять кушать с ними: пусть покушает с Аввою для большего назидания. Ничьего слова не должен он слышать, кроме Божия, которое почитать для него по книге, или слов Аввы, или тех, кому он велит поговорить с ним, и притом о чем-либо божественном.

9. Пр. Пафнутий сказал: много полезного для спасения души изречено уже, братие; но не должно умолчать и о том, какого порядка должно держаться относительно подкрепления себя пищею. В сем отношении, братия должны держаться такого порядка, чтобы никогда не принимать пищи раньше девяти

часов, исключая дня Господня и дней Пятидесятницы. В день же Господень ничего не должно делать, а весь его посвящать Богу, глаголюще себе во псалмех и пениях и песнях духовных.

10. Заповедуем также братиям, – время от первого часа до часа третьего посвящать Богу; от третьего часа до девятого работать, что кому прикажет Авва, без роптания, помня слово Апостола: *«вся творите без роптания»* (Фил.2:14), и боясь страшного на таковых изречения: *«не ропщите, якоже нецыи от них ропташа и погибоша от всегубителя»* (1Кор.10:10). Смотреть за работами пусть определяет Авва одного, – и все должны его слушаться.

11. Если кто из братий, посту прилежа и трудолюбно занимаясь рукоделием, по примеру Апостола, который говорит о себе: *«своими руками делали мы, да не отягчим кого из вас»* (2Сол.3:8), – если кто из таковых заболит, Авва должен позаботиться помочь ему в этой немощи. Кто напротив немоществует духом, тот да преутруждает себя более; подражая Апостолу, как он умерщвлял и порабощал тело свое (1Кор.9:27). Надобно, однакож, и то наблюдать, чтоб ни в чем не творил он воли своей.

12. Если братство велико, настоятельствующий Авва должен учредить недельных, и установить череду, в которой братия должны следовать одни за другими в служении; определить также должен и то, как должен поступать тот, кто содержит келарню братскую. На эту должность надо избрать такого, который силен бы был препобеждать все искушения чревоугодия и по евангельскому слову раздавал бы праведно братиям своим житомerie, всячески стараясь избегать и того приговора, который заслужил Иуда, т.е., что он изначала тать бе. Приставленный к сему делу, да ревнует услышать: *«служившии добре, степень себе добр снискивают, и многое дерзновение в вере»* (1Тим.3:13). Все, служащие по монастырю братия, должны содержать в мысли, что в монастыре сосуды, орудия и все прочее суть вещи священные. Если кто из братий будет небрежно обходиться с этими вещами, да ведает, что часть его будет с тем царем, который с наложницами своими пил из освященных сосудов дома Божия и какое заслужил

отмщение (Дан.5). Все эти правила надо строго соблюдать и почаще перечитывать вслух братий, чтоб по неведению не впадали в погрешности.

13. Другой пр. Макарий сказал: сама истина свидетельствует, что *«при устех двою и триех свидетелей станет всяк глагол»* (Мф.18:16). Этим подтверждаются изреченные уже правила благочестия; но не следует умолчать и о том, как обители должны сохранять между собою твердый мир. Для сего не следует принимать братий из другого монастыря без воли настоятельствующего в нем Аввы; даже и на глаза такого не принимать, потому что он, по слову Апостола, *«веры отверглся есть и невернаго горший есть»* (1Тим. 5:8). Если он упросит своего Авву дать ему позволение вступить в другой монастырь, то Авва его пусть напишет сведение о нем к Авве обители, куда он желает пустить; в таком случай принять его. Без согласия же Аввы, нигде не следует принимать чужого брата. И брат этот, принят будучи законно, сколько найдет в другом монастыре братий, столько да имеет над собою и старших себя. Не следует смотреть на то, чем он был прежде, а то испытать, каков начал быть теперь. Если он имеет что-нибудь, вещи ли или книги, да не будет более владельцем их, чтоб явиться здесь в совершенстве, какого не имел в прежнем месте. Когда братия сходятся для беседы о предметах Писания, не следует такому говорить что-либо, если не повелит Авва.

14. Когда кто из служителей алтаря приходит посетить обитель, принять его со всею почтительностью. Жить же в монастыре не позволять никакому клирику, кроме падающих в грех и ищущих врачевством смирения исцелить язву греховную.

15. При исправлении братий, по качеству вины, должна быть и эпитимия. Держаться в сем отношении такого порядка. Кто поспраднословит, тому повелеваем три дня быть в отлучении от сообщества братий; никто пусть не входит с ним в общение и не говорит с ним. Кто замечен, что заводит шутки и раздражает на смех, *«яже неподобная»*, по слову Апостола (Еф.5:4); того повелеваем, в продолжение двух недель держать во имя Господне под смирительною эпитимиею, по заповеди

Апостола, «не примешатися, если кто братом именуясь, бесчинничает» (1Кор.5:11), «не как врага его имея, но как брата наказуя» (2Сол.3:15), как он же говорит в другом месте: «братие, аще и впадет человек в некое прегрешение, вы, духовнии, исправляйте такового духом кротости» (Гал.6:1).

16. Вам, настоятельствующие Аввы, паче всего вменяется в обязанность не иметь лицеприятия, но всех любить равною любовью. Такое уравниение угодно Богу, как говорить Пророк: «аще во истину правду любите, правая судите сынове человечестии» (Пс.57:2). Ваше дело также внимательно смотреть за падающими и всячески стараться врачевать их мудрыми мерами исправления. Ведомо да будет вам, что кто оставляет погрешающего без исправления, тот ответит за него своим лицом. Будьте для всех верными и благими наставниками; обличайте беспокойных; болезнуйте о немощных: будьте терпеливы ко всем. Скольких приобретете вы для Господа, за стольких и награду получите, от праведного мздовоздаятеля.

Этих правил достаточно для вас, братие, и соблюдая их, вы пребудете безукоризненными пред Богом.

б) Другое подобное св. отец правило для монахов

Собравшись вместе во имя Господа нашего Иисуса Христа, мы рассудили, руководясь преданием святых мужей, отцев наших, написать устав, который, соблюдая братия по монастырям, востекали бы к совершенству, и при котором как нам было бы покойнее, так и у Аввы не было бы колебания в образе действования; но все, единодушно и единомудренно чество друг друга больше себя творя, строго жили по одним законам, повинуюсь им, как благому игу Господню.

1. Прежде всего надо иметь любовь, смирение, терпение, кротость и прочее, чему учит Апостол (Кол.3); так чтобы никто ничего не присвоив себе как собственность, но как написано в Деяниях Апостольских, чтоб все было у всех обще (Деян.4). Кто по суду Божию и постановлению старчества избран настоятелем, того надлежит почитать, любить и во всем ему повиноваться. Кто его презирает, Бога презирает, как написано: *«слушай вас, Мене слушает; отменяя же вас, Мене отменяется. Отменяя же Мене, отменяется Пославшаго Мя»* (Лк.10:16). Без его воли ни один брат ничего не должен делать, ни получать что от кого, ни дать кому что, ни отлучиться куда-либо.

2. Наблюдать надобно, чтоб между братьями не заводилось пустословие, но чтоб всякий руками делал свое дело, помышлениями же своими был у Бога. В общем собрании младшие не должны ничего говорить, разве когда спросят. Кому нужно утешение или вразумление, пусть взыщет их наедине и в удобное время.

3. Когда придет странник, дать ему целование мира, и только; о том, откуда идет он, куда и для чего, не следует расспрашивать, – или заводить с ним разговор о сторонних вещах.

4. В присутствии Аввы никто не должен начинать делать что-либо прежде его, ни петь, ни говорить, ни вести поучительную беседу. Все делать по его началу и указанию. Когда он велит, способный и поучение может говорить вместо

его братству. Все же любовью да бывает, без соперничества и притязаний.

5. Последование молитв и псалмопений должно соблюдать, как постановлено. Утром до второго часа братия должны всегда прилежать чтению с размышлением; разве только встретится нужда, оставя чтение, обще всем порану выйти на какое дело. После второго часа всякий пусть берется за свое дело, и работает до часа девятого *«без роптания»* (Флп.2:14), как учит св. Апостол. Если кто заропщет, или спорить станет и противиться данным распоряжениям, держать его под эпитимиею, пока покажет полное раскаяние и исправится. Состоящий под эпитимиею никуда не должен выходить. Если кто из братий станет с ним заодно, подвергнуть и его такому же отлучению.

6. Когда дан знак на молитву, если кто тотчас оставя дело, какое делает (ибо молитве ничего не должно предпочитать) не поспешит в собрание, такого со стыдом оставить вне. Да приложат братия старание, чтоб, когда во время церковных собраний, днем ли или ночью, надобно бывает подольше постоять на молитве, не ослабевать и не выходить вне из Церкви, потому что в Евангелии написано: *«подобает всегда молитися, и не стужати си»* (Лк.18:1). Если кто думает выходить не по нужде, а по блажи, пусть ведает, что когда замечен будет, осудится, как виновный, и сам за себя, и за то, что своим нерадением и других соблазняет. На бдения наблюдать надобно, чтоб если кто, будучи обременяем сном, выходит на двор, не занимался там пустословием, а скорее возвращался назад на дело Божие, для которого собрались. В собрании же, где происходит чтение, ухо свое да приложит всяк к словесам Писания и все да хранят молчание.

7. И еще одно надобно прибавить, чтоб брат, которого обличают в каком-либо проступке и усовещевают быть исправным, терпение имел и не противоотвечал обличающему; но смирился во всем, зная, что *«Бог гордым противится, смиренным же дает благодать»* (1Пет.5:5), и что *«смирив себя, вознесется»* (Лк.14:11). Кто после частых обличений и убеждений не исправится, тому велеть стоять последним в

порядке, как говорит Господь: «*буди тебе якоже язычник и мытарь*» (Мф.18:17). – За трапезою никто не должен говорить, кроме разве Аввы, и когда кого спросит он о чем.

в) Третье такое же св. отец правило для монахов

1. Собравшись вместе с братьями нашими, во имя Господа нашего, мы велели сначала прочесть подряд Устав и Постановления отцов наших. По прочтении же их рассудилось нам постановить, чтобы, когда кто желает поступить в монастырь, был ему прочитываем устав и объявляемы все порядки монастырские. Если он согласится все то исполнять охотно и беспрекословно, принять его как следует и причислить к братству. Если он желает внести что-либо в обитель, пусть положено будет то на стол при всех братьях. Принятый не властен уже после сего не только над тем, что внес, но и над самим собою.

2. Авве непозволительно ничего обращать в свою собственность, потому что и без того все, по милости Божией, находится в его власти. Если какой из них что-либо, доставшееся от родителей или кем подаренное, удержит собственно для себя, а не внесет в общину, да будет обличен в том братьями. Если он останется при своей неисправности, довести до сведения о том совету старцев; если и после их внушения не исправится, сменить его.

3. Одежания для братии Авва должен распорядиться готовить такие, какие приличны монахам, – не цветные, исключая кукуллия, которому, полагаем, надлежит быть черным.

4. Вход в монастырь женщинам, и родным и чужим, и свидание с ними монахов решительно воспрещается, во избежание сетей диавольских и сохранения чистоты помыслов. Если какой Авва сделает послабление в сем отношении, то ему не следует более оставаться Аввою. Над стадом святым надо поставлять такого пастыря, который всех овец приводил бы к Богу непорочными, а не отдавал их на расхищение мысленным волкам – диаволам.

5. По окончании Утрени братия пусть занимаются чтением до часа второго; если, впрочем, нет никакого общего дела, на которое надлежало бы всем выходить, оставя чтение. От

второго часа до девятого пусть всякий сидит за своим делом, какое кому дано и трудится усердно без роптания.

6. В час молитвенный, когда кто, по данному знаку, не явится тотчас в собрание, оставя дело, которое делал (ибо молитве ничего не должно предпочитать), Авва сделает ему выговор, и если он падши на землю с сокрушением, не испросит прощения, отлучить его.

7. За трапезою никому не позволительно говорить, – разве Авве нужно будет что сказать, или спросить кого о чем.

8. Выходить за потребным для братий надо определять двоих или троих, – таких, которые не охотники много говорить и не болезнуют чревоугодием.

9. Если кто без ведома Аввы, или второго по нем, выйдет куда-либо и там будет без меры есть и пить, такого на тридцать дней отлучить от общения с братиями.

10. Если кто под предлогом какого-либо соблазна захочет выйти из обители, ничего ему не давать, кроме самой плохой одежды – и в таком виде пусть удалится неверный из братского общества.

11. Постановляем также, чтобы Аввы во всякое время принимали пищу вместе с братиями. Без крайней нужды не следует им отдаляться от братий, когда бывает нужда в надзоре и отеческих внушениях.

12. Для соблюдения доброй славы об иноках, постановляем, чтобы никакой монах, во время болезни, не уходил из монастыря к родителям или родным, потому что там видением мирских вещей и слышанием о них более осквернится он душевно, нежели сколько уврачуется телесно.

13. Если какой монах учинит воровство, каковое лучше назвать святотатством, то его надлежит наказывать телесно.

14. Чужого монаха никакой Авва не должен принимать в свой монастырь, если он не с позволения и без воли Аввы своего вышел из прежнего монастыря.

2) Два начертания правил св. Макария Александрийского

а) Правила св. Макария Александрийского

1. Воины Христовы так должны располагать шествие свое, чтоб во всем являть совершеннейшую любовь, – любить Бога от всей души, от всего сердца и всею силою (Мф.12).

2. Им надлежит являть между собою взаимно совершеннейшее послушание, быть миролюбивыми, кроткими, скромными, не гордыми, не обидчиками, не клеветниками, не насмешниками, не многоречивыми, не притязательными, не себе угождающими, но Христу Богу, Коему воинствуют, не хулителями, и ничего кроме доброго не говорящими, не ленивыми на послушании, усердными к молитве, совершенными в смирении, стойкими в бдениях, охотниками поститься.

3. Никто да не почитает себя праведным более другого; но всякий смотри на себя, как на худшего всех: *«яко всяк возносяй себе смирится, смиряяй же себе вознесется»* (Лк.14:11).

4. Заповедь старца принимай, как спасение; всякое дело исполняй без роптания; и не позволяй себе сказать что-либо против, когда приказывают тебе.

5. Не возносись и не величайся, что сделал какое-либо полезное дело; не радуйся о прибыли и не печалься об ущербе.

6. Не увлекайся знакомством с мирянами, но все утешение твое пусть заключается внутри келии твоей. Келию имей как рай, и братьев твоих духовных, как вечных родных.

7. Авву обители бойся, как господина, и люби, как отца. Равно должен ты любить и братий всех, с которыми вместе чаешь увидеть славу Христову.

8. Не возненавиди трудного дела (Сир.7:15), и праздности не люби. Будь бодр в бдениях, неутомим в трудах, веруя обрести покой у Христа Господа.

9. Люби чин монастырский, и в молитвах будь неусыпен, веруя, что кто часто молится, тот обретает обильнейшую милость у Христа.

10. После утрени до второго часа пусть монахи прилежать чтению и богомыслию: если впрочем не встретится какого дела,

на которое, оставя чтение, надо будет выйти всем.

11. Со второго часа пусть всякий сидит за своим делом до часа девятого, трудясь над тем, что поручено, без роптания, как учит св. Апостол (Фил.2).

12. Кто будет роптать или спорить, или противиться распоряжениям старших, того подвергать положенным эпитимиям, соответственно вине и чувствам его раскаяния или ожесточения.

13. Кто за одно с погрешающим в чем-либо в Церкви, или в келии, того одинаково с ним считать виновным.

14. Если кто, когда дан знак к молитве, тотчас оставя дело, какое делает, не поспешит в Церковь, того оставлять вне ее, для пристыждения: ибо молитве ничего не должно предпочитать.

15. Во время бдений братия должны стараться соблюдать бодренность. Если кого крайне тяготит сон и он выйдет, чтоб освежиться, пусть не заводит там пустословия, а скорее возвращается назад, к делу Божию, для которого собрались. В собрании, где происходит чтение, всякий пусть прилагает ухо свое к слушанию Писания, и все да хранят молчание.

16. Надлежит также наблюдать, чтобы брат, которого обличают и укоряют за какую-либо провинность, имел терпение, и не противоотвещал обличающему, но смирялся во всем, по заповеди Господа, рекшего: *«Бог гордым противится смиренным же дает благодать»* (Иак.4:6) и: *«смирняяй себе вознесется»* (Мф.23:12).

17. Кто после частых обличений, не показывает исправления тому велеть стоять на последнем месте. Кто и после этого не исправится, отстранить его, как сказал Господь: *«буди тебе якоже язычник и мытарь»* (Мф.18:17).

18. За трапезою никто не должен говорить, кроме разве Аввы и того, кого он спросит.

19. Не возносись своим искусством и не возвышай голоса, но смирением водись и о послушании радуйся.

20. *«Держись страннолюбия»* (Рим.12:13), не отвращай ока твоего от бедного и не отпускай его от себя с пустыми руками. Не Господь ли пришел к тебе в страннике или бедном? Смотри,

как бы, нашедши тебя нерадушным, Он сам не презрел тебя. Будь же всем рад и всякому послужи, чем можешь.

21. Когда подвергаешься напраслине, молчи. Сам никого не обижай, а когда другие обижают, терпи. Не обольщайся пустыми надеждами, но паче утверждайся во Христе. Не считай никого ближайшими тебе родными, кроме живущих с тобой братий.

22. Когда нужно послать куда за потребным для братии, пусть идут двое или трое, и притом таких, которые имеют в себе страх Божий, не многоречивы и не чревоугодливы.

23. Когда кто из мирян хочет поступить в монастырь, прочитай ему Устав и рассказать все порядки монастырские. Если пообещает все то исполнять, тогда, по порядку, принять его в число братства.

24. Если он желает внести что в монастырь, положить то на стол пред всеми братиями, как указывает Устав. Принятый в обитель, не только над тем, что внес, но и над собою не имеет уже власти.

25. Если потом, по поводу какого-либо соблазна, пожелает он выйти из монастыря, то ничего не может получить обратно, кроме одежды, в которой пришел.

26. Если какой-либо брат провинится в чем, наказывать его удалением от общения с братиею в молитве и трапезе. Если падши пред всеми братиями с сокрушением испросит прощение, простить ему.

27. Если он упорствовать будет в своем непотребстве и в гордости скажет: не хочу более здесь оставаться, но возьму свое и пойду, куда Богу угодно; кто из братий первый услышит такие речи, пусть скажет препозиту (второму по Авве или наместнику его), а препозит Авве. Авва сядет пред всеми братиями, сотворит над ним суд и велит наказать розгами. Затем помолятся о нем все и примут его в общение. – Кто не исправляется словом увещания, того наказывать розгами.

28. Смиренно и с терпением неисходно да пребывают братия в обители, веруя, что смиренные и миролюбивые достигнут Царствия Небесного, признаны будут сынами Вышнего и получают пресветлые и многоценные венцы, а сыны противления пойдут во тьму кромешную на вечные муки. «На

кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущего словес Моих» (Ис.66:2).

29. Кто нарушает пост среды и пятка, тот почитается причастным Иуде, который предал Христа.

30. И то также надобно наблюдать, чтоб в монастыре мастерством занимался только тот, чья верность испытана, и готов все, что ни делает, делать в пользу монастыря.

б) Послание блаженного Макария к монахам

Обилие дров возбуждает сильнейший пламень: множество же яств рождает похоть.

Непотребное похотение яств и непослушание рождает смерть.

Голодное чрево способствует бодренности в молитвах и доставляет венец душе: насыщенное же наводит тягчайший сон.

Глаз чревоугодника высматривает, где пиры, око же мудрого помышляет о воздержании.

Трусливый воин ужасается трубы, зовущей на брань; и чревоугодник не охотно слушает того, кто проповедует о воздержании.

Потухшее пламя снова воспламеняется, если подложить дров и похоть усыпленная опять оживает в сытости.

Не жалея тела, когда оно притворяется изнемогшим: конь смирный – иссушенное постом тело, и никогда не сбрасывает седока.

Гортанобесие есть мать похоти.

Елей питает пламя светильника, а беседа с женщиною возжигает огонь похоти.

Взор женщины стрела с ядом: он смертельно ранит душу.

Как яда избегай беседы с женами, если хочешь сохраниться чистым: в них сокрыт пагубнейший яд змеин.

Лучше приближайся к огню пламенеющему, чем к молодой женщине.

Особенно, когда ты юн, бегай беседы с женою, чтоб избежать нападений похоти.

Кто, наполняя чрево, думает сохранять чистоту, тот сам себя обманывает.

Вид красоты разрушительнее бури и молнии.

Если внедрится в душу лице женщины, то заставит презирать ради ее самую душу.

Как огонь, оставленный в соломе, возбуждает пламень, так память о женщине, оставленная в душе, возжигает похоть.

Как грузный корабль и при небольших волнах легко разбивается, так многоименный монах не спасется.

Ничего не имеющий монах – борец непобедимый; ничего не имеющий монах – легкий скороход, скоро достигающий к почести звания.

Монах достаточный о работе небрежет; а ничего не имеющий после умеренного труда прилежит молитве и чтению.

Монах достаточный собирает себе гнев на день гнева; а ничего не имеющий собирает себе сокровище на небеси и с Ангелами будет воздавать хвалу Богу.

Слава монаха – терпение в скорбях.

Слава монаха – великодушие с любовью.

Слава монаха – ничего не иметь из вещей мира сего.

Слава монаха – бдение и плачь в молитвах.

Слава монаха – кротость сердца и молчание уст.

Слава монаху, когда он Бога возлюбил от всего сердца, а ближнего своего, как самого себя.

Слава монаха – воздержание от яств и многословия.

Слава монаху, когда он ближнего своего терпит, как себя самого.

Слава монаху, когда дела его соответствуют словам.

Слава монаху, когда терпеливо пребывает на своем месте и не блуждает туда и сюда.

Слава монаха – благодушное терпение всего.

Что светильник в темном месте, что солнце блистающее, то монах трезвенный умом и бодренный сердцем.

Как тяжелая ноша гнетет слабосильного, так сон нерадивого монаха.

Что терния и волчцы на доброй земле, то злые помышления в сердце монаха.

Как моль истачивает одежды, так суетные заботы душу монаха.

Не вдавайся в беседу с женою, чтобы не быть отлучену от Царствия Божия, и не дерзни сказать: и с женщиною поговорю, и чист буду.

Монах мудрый делает своими руками и приобретает себе каждодневное содержание; в прибыль же у него идут молитвы и

посты. А кто получает содержание от другого, какая ему польза от молитвы и бдения? Он всегда гол, как худой наемник. Почему написано: *лучше есть даяти, неже приимати* (Деян.20:35).

Читающий сие и да разумеет о Господе.

2. Устав святого Василия Великого, содержащий теорию и практику подвижничества вообще

1. Иночество св. Василия Великого и устройство им монастырей

Предварительно скажем несколько слов о том, как св. Василий Великий сам сделался монахом и завел монастыри, которым дал устав свой.

Св. Василий родился в 328 или 329 году, в Кесарии Каппадокийской. Детство провел он под надзором и воспитанием бабки своей, св. Макрины, которая успела своим влиянием развить в нем первые начатки страха Божия, пустившие, однако же глубокие корни. И св. Григорий Богослов свидетельствует, что, с тех пор как сдружился с ним, во всех местах, где получали они образование, первое что преимущественно выдавалось в характере св. Василия было стремление к Богу и вещам божественным с удалением от всего развлекательного, и всего, чем обычно утешаются люди.

После начальных уроков в познаниях человеческих и в риторике, какие преподавал ему отец, отправился он в Кесарию Палестинскую, где учился и св. Григорий. Каков был здесь св. Василий, о том говорит св. Григорий в похвальном ему слове так: «каков он был свидетельствуют сами учителя его. Он был ритором между риторам до кафедры Софиста, философом между философами еще до выслушания философских положений, а что всего важнее, иереем для христиан еще до священства. Науки словесные были для него посторонним делом, и он заимствовал из них одно то, что могло способствовать нашему любомудрию, потому что нужна сила и в слове, чтобы ясно выражать умопредставляемое. А главным его занятием было любомудрие, т. е. отрешение от мира, пребывание с Богом, по мере того, как чрез долгие восходил он к горнему, и посредством непостоянного и скоропреходящего приобретал постоянное и вечно-пребывающее» (Сл. 43, стр. 66. 67).

Таков же был он и в Константинополе, где, после Кесарии, слушал уроки Ливания, дивившегося в нем не столько способностям к красноречию, сколько строгости его нравов,

назидательной и для стариков. Из Константинополя перешел он в Афины (351 г.), где знакомые и прежде, они с св. Григорием стали искренними друзьями. Последний говорит об этом сопребывании: «открыли мы друг другу желания свои и предмет их – любомудрие (мироотречная жизнь), и стали друг для друга все – и товарищи, и со- трапезники, и родные. – В таком расположении друг к другу простирались мы вперед, имея содейственниками Бога и свою любовь... У обоих нас одно было упражнение – добродетель, и одно усилие – до отшествия отсюда отрешаясь от здешнего, жить для будущих надежд. К сей цели направляли мы всю жизнь и деятельность, и заповедию к тому руководимые, и поощрявшие друг друга к добродетели... Мы вели дружбу и с товарищами, но с целомудренными и миролюбивыми, с которыми можно было не без пользы вести знакомство. Что касается до уроков, то мы любили не столько приятнейшие, сколько совершеннейшие. – Нам известны были две дороги: первая и превосходнейшая вела к нашим священным храмам и к тамошним учителям; другая – неравного достоинства с первой, вела к наставникам наук внешних. Другие же дороги на праздники, на зрелища, на народные стечения и пиршества, предоставляли мы желающим. Ибо и внимания достойным не почитали того, что не ведет к добродетели и не делает лучшим своего любителя. У других были иные призвания, или отцовские, или свои, по роду собственного звания и занятия; но у нас одно великое дело и имя – быть и именоваться христианами. – Так один при посредстве другого, и друг с другом воспаряли мы к Богу. Для других пагубны Афины; но мы, живя в Афинах, глубже утверждались в вере» (там же стр. 73. 75. 76).

В 355 г. св. Василий оставил Афины и возвратился на родину, не застав в живых отца своего. Граждане упросили его занять место отца, и он несколько времени преподавал словесные науки. Успех в этом несколько увлекал его, и это вероятно разумел св. Григорий когда сказал: «возвратясь домой, уступил он нечто миру и зрелищу, чтобы удовлетворить только желанию многих, потому что сам по себе не имел расположения жить для «зрелища и напоказ» (там же стр. 81).

Давние, однако же, из млада, укоренившиеся, стремления превозмогли, и он решился оставить мир с минувшими его надеждами и угождать Богу в смиренном мироотречном образе жития. Это св. Григорий называет «вступлением в свои права, моментом, когда он из юноши сделался мужем, мужественно приступив к любомудрию» (там же). Он отказался от всей славы внешней учености, как Моисей от жизни при дворе, и перешел к смиренной жизни (мироотречной), сказал о нем в своем слове Григорий Нисский (ч. 8, стр. 317).

Но послушаем как говорит об этом решении своем сам св. Василий: «много времени потратил я на суету, и всю почти юность свою потерял в суетном труде, с таким упражнялся в том, чтоб уразуметь уроки мудрости, обращенной Богом в юродство; когда же, наконец, как бы восстав от глубокого сна, обратил взор к чудному свету истины Евангельской и увидел бесполезность мудрости князей века сего престающих (1Кор.2:6), тогда пролив много слез о жалкой жизни своей, пожелал я, чтобы дано мне было руководство к первоначальному изучению догматов благочестия. И прежде всего предметом моего попечения было произвести некоторое исправление в нраве, развращенном долговременным обращением с людьми дурными. – Итак, прочитав Евангелие, и увидев там, что действительнейшее средство к усовершению – продать свое имущество, поделиться им с неимущими братьями и вообще не заботиться о сей жизни, не вдаваться душою ни в какое пристрастие к здешнему» (Пис. 215, стр. 123).

Вот какой путь спасительной жизни указало св. Василию Божественное Евангелие. Истинно – евангельская жизнь есть жизнь мироотречная, среди ли многолюдства или в пустыни.

Первая потребность, ощущенная вследствие сей решимости, была потребность в учителе и наставнике, который бы истолковал значение сей жизни и поруководил деятельно в ней. В Кесарии, или около, были иноки, как сам св. Василий говорит в том же письме, но они не отвечали тому идеалу, который образовался в уме его, при чтении уроков Евангелия. Это заставило его предпринять путешествие на восток, чтобы своими глазами видеть, как проводится мироотречная жизнь в

совершенстве отцами, слава которых распространялась в то время повсюду. «Василия, после нашей разлуки, говорить Григорий Богослов, удерживает на короткое время Кесария и потом занимают путешествия, согласные с предположенною им целию – любомудрием» (там же стр. 81). «Я пожелал, говорит сам св. Василий, найти какого-либо брата, избравшего этот род жизни, чтоб вместе с ним переплыть скоропреходящую волну сей жизни» (там же). Вблизи не нашлось и надобно было поискать его инуды. Он и искал в Месопотамии, Сирии, Палестине и Египте. «И подлинно, говорит он далее, многих нашел я в Александрии; многих в прочих местах Египта, а иных в Палестине, в Келесирии и в Месопотамии; дивился воздержанию их в пище: дивился терпению в трудах; изумлялся неослабности в молитвах, – тому, как преодолевали они сон, и не уступая никакой естественной необходимости, всегда сохраняя в душе высокий и непорабощенный образ мыслей, во алчбе и жажде, в зиме и нагоде (2Кор.11:27), не имея привязанности к телу, не соглашаясь употребить о нем сколько-нибудь заботы, но живя как бы в чужой плоти, самым делом показали, что значит быть здесь пришельцами (Евр.11:13), и что значит иметь житие на небеси (Фил.3:20). Подивясь сему и ублажив жизнь сих мужей, которые на деле показывают, что носят в теле своем мертвость Иисусову, пожелал и сам я, сколько было мне возможно, сделаться подражателем оных мужей» (там же).

Там св. Василий нашел, что искал, увидел, как живут настоящие мироотречники. Теперь он дышал ревностью и свою жизнь устроить по образцу того, что видел и слышал. Это, как видно, надлежало ему сделать самому, не имея содейственников и ближайших руководителей. Иноки были и в Кесарии и около, и св. Василий в начале льнул к ним, полагая что они то, чем должны быть, но оказалось, что они не то. Следовало все устроить заново.

Известные в той местности мироотречники, все почти жили по одиночке. Это – не то, что отшельники и уединенники, которым начало положил пр. Антоний. Там это шло так: когда пр. Антоний вышел из затвора, стали собираться к нему

желавшие подражать ему. Он никого не отвергал, но расселял всех около своего уединища в разных расстояниях и от себя и друг от друга. Каждый жил особо, работал и тем содержался; в отношении же к подвижничеству во всем следовал урокам пр. Антония; и это соблюдалось так строго, что, как сам пр. Антоний говорил, настоящие иноки не позволяли себе лишнего шага сделать, или лишний глоток воды выпить, если это не было определено его старцем. Между собою все сии братья жили в тесной любви, и будучи видимо разделены, в духе составляли одно братство, единодушное и единомысленное. Посреди местности, занимаемой их келлиями, устроилась церковь, в которую по субботам и воскресеньям все собирались помолиться вместе, причаститься св. Христовых Тайн, послушать старческих наставлений и поделиться, во взаимном собеседовании, тем, что кому Бог послал в опытах духовной жизни. Как дело сие шло у пр. Антония, так оно устроилось потом и при ближайших учениках его – Аммоне Нитрийском, Макарии Келлийском и Макарии Скитском. Это образ мироотречной жизни, в которой мудро сочеталось отшельничество с братским общением всех, и с подначальством старейшим Аввам.

Св. Василий, возвратясь из путешествия, увидел, что жившие в его местности по одиночке иноки совсем не то, что отшельники и уединенники, жившие по уставу пр. Антония. Их скорее можно назвать одиночками, чем уединенниками. Как кто приходил к мысли оставить мир, облакался в иноческое одеяние и начинал жить один, – в городе и селе, или за городом и селом, – и жил по своему смыслению и по своей воле, не имея ни руководства, ни свидетельства об образе своей жизни. Когда нужда заставляла, или рождалось желание, он выходил в мир и водился с мирянами, сам бывая у них и их к себе принимая. Такие порядки ревностного инока не допускали до совершенства в иночестве, оставляя его на одном исправнейшем сравнительно с мирянами поведении, а для слабых служили камнем претыкания, и чрез них подвергали укору и все иночество.

Василий Великий видел, как таким инокам, при всем их желании лучшего и совершеннейшего, неудобно достигать своей цели, и принял намерение преобразовать их, дав им целесообразнейшее устройство. Именно, – он положил собирать всех таких в небольшие братства¹, чтоб все одиночники города или села и их окрестностей соединялись вместе и жили сообща, имея все общее и подчиняясь во всем одному настоятелю. Такое устройство рассеянных одиночников сильно занимало его, и он нередко обращается в своих правилах к пространному объяснению, почему такое общежитие должно предпочесть одиночному житию; а особенно этому посвящены ответ на 7-й вопрос в пространных правилах и 18-я глава подвижнических уставов. Читая его рассуждения не должно смешивать уединенничества и отшельничества, какое велось в Египте и Сирии и которое есть высший образ мироотречной жизни, с тем одиноничеством, против которого он говорит. Одиночники, каких имел пред глазами Василий Вел., были тоже, что наши чернички и чернецы, живущие по селам или где-нибудь на пчельниках и в перелесках. Их-то он хотел собрать в братства; им то советовал соединяться вместе и жить сообща. Но он не совсем их охуждал, или считал такой одиночный образ жизни совсем пагубным. Он только предпочитал ему общежитие, но не отвергал, что и в таком образе жития можно достигать предполагаемого совершенства, если вести его как следует. Это видно из того, что, излагая подвижнические уставы, он на первом месте ставит правила, каких должны держаться сии одиночники, чтоб преуспевать в духовной жизни (17-ть глав.), а потом уже пишет правила и для киновитов (тоже 17-ть глав).

Преобразовать иночество имел в мысли Василий Великий не словом, а делом, т. е. устроивши общежительный монастырь и в нем показавши порядки, как следует собираться во едино и жить всем сообща, опытом доказывая вместе, сколь это приспособительно к целям иночества. У них там (в Кесарии) было какое то братство, собранное Евстафием, но порядки их хотя не худые, не совсем удовлетворяли св. Василия, который сначала и прилагался было к ним, но потом отшатнулся, ради

неправоверия Евстафия, а вероятно и учеников его. Где же неправоверие, там не ищи ничего истинного: все одна личина.

Не видно однакож, чтобы он хотел устроить обитель по своим мыслям в Кесарии. Скорее надо положить, что у него давно уже созрел план устроить ее там же, где уже подвизались его мать и сестра с небольшим обществом инокинь. Туда желал он поскорее отправиться и ждал только св. Григория Богослова, чтобы вместе с ним удалиться в пустыню и положить основы новому общежитию. Он писал к св. Григорию, чтобы спешил к нему. Тот отвечал, что помнит обет «любомудрствовать вместе, какой дал еще в Афинах, во время тамошней дружбы и тамошнего слияния сердец; но не может его исполнить, потому что один закон превозмог над другим, – закон, повелевающий прислуживать родителям над законом товарищества и взаимной привычки». И предлагал ему вместо постоянного сожительства – жить вместе по временам, посещая друг друга. «Иногда я побуду у тебя, а иногда ты благоволи навещать меня, чтобы все было у нас общее, и права дружбы остались равночестными» (Пис. 1).

Этот ответ, кажется, не застал св. Василия в Кесарии. Неудержимое желание уединиться влекло его в Понт и он, не дождавшись св. Григория, отправился туда один (358 г.).

Удовлетворив первым потребностям сердца относительно матери и сестры, и с ними проверив планы свои, св. Василий скоро приступил и к делу. Обитель дев, устроенная его родными, находилась на берегу реки Иры, в семи или восьми стадиях от Иворы, небольшого Понтийского городка с епископскою кафедрою. На противоположной стороне реки была местность, которая привлекла взоры св. Василия; и там то решился он поселиться, полагая основы будущей обители.

Поселившись здесь с некоторыми из прибывших с ним, св. Василий писал опять к св. Григорию приглашая его к себе, и при этом изобразил свою пустыню так: «Вообрази высокую гору, покрытую густым лесом, по подгорью котором стелется покатая долина, непрестанно утучняемая влагами с горы. Кругом долины сам собою выросший лес из разных всякого рода деревьев служит ей как бы оградой; с двух сторон прорыты глубокие

овраги, а с боку река; гора тянется луновидно и примыкает к оврагам. Здесь Бог указывает мне место, в точности соответствующее праву; ибо таким вижу его в действительности, каким привык нередко представлять его в уме. Из всего что могу сказать о моем убежище, наиболее важно то, что, по удобству положения будучи способно произращать всякие плоды, для меня возвращает сладостнейший из плодов – безмолвие; потому что не только освобождает от городских мятежей, но и не заводит к нам ни одного путника, кроме встречающихся на звериной ловле» (Нис. 14).

Св. Григорий и теперь не мог тотчас поспешить к св. Василию, и извещая² его о сем, просил, между прочим, описать, как течет у них жизнь и как проводится время. Св. Василий, отвечая ему, написал полную картину мироотречной жизни, которая у него на деле только начиналась, в уме же созерцаема была во всех подробностях. Это письмо можно назвать предначертанием будущего устава, или изображением того идеала жизни, какой образовался у св. Василия во время его путешествий и какой осуществить неудержимо стремился он теперь. Вот это письмо с небольшими сокращениями.

«Положение места, говоришь ты, не много значит и не может в душе твоей произвести сколько-нибудь влечения к тому, чтобы жить с нами вместе, пока не узнаешь чего-нибудь о нашем образе жизни и о препровождении у нас времени. Рассуждение достойное твоей души!

«Но я стыжусь и писать о том, что сам делаю в этой пустыне ночь и день. Ибо, хотя и оставил я городскую жизнь, как повод к тысячам зол, однако же никак не мог оставить самого себя. Но похожу на людей, которые по непривычке к плаванию на море, приходят в изнеможение и чувствуют тошноту, жалуются на величину корабля, как на причину сильной качки, и перейдя с него в лодку или в малое судно, и там страдают тошнотой и головокружением; потому что с ними вместе переходят тоска и желчь. Подобно сему в некотором отношении и мое положение; потому что, нося с собою живущие в нас страсти, везде мы с одинаковыми мятежами, а потому немного извлекаем пользы из этого одиночества.

«Что же надлежало нам сделать, и с чего начать, чтобы идти по следам Вождя нашего спасения? ибо Он говорит: «аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет» (Мф.16:24). – Вот что:

«Надобно стараться иметь ум в безмолвии. Как глаз, который в непрестанном движении, то вертится в стороны, то обращается вверх и вниз, не может ясно видеть того, что пред ним, а напротив того, если хочешь сделать, чтобы зрение его было ясно, надобно устремить взор на один видимый предмет; так и ум человеческий, – если развлечен тысячами мирских забот, не может ясно усматривать истину. Как не связанного еще узами брака приводят в смятение неистовые пожелания, неудержимые влечения и какие то мучения любви, так вступившего уже в супружество встречает новое волнение забот: когда нет детей, желание иметь их, а когда есть дети, попечение об их воспитании; охранение супруги, рачение о доме, надзор за служителями, утраты по договорам, споры с соседями, тяжбы в судах, опасности в торговле, труды в земледелии. Каждый день приносит с собой свое омрачение душе, – и ночи, получая в наследство дневные заботы, обольщают ум теми же представлениями. Один только способ избежать сего: это – удаление от мира сего».

«Удаление от мира состоит не в том только, чтоб телом быть вне мира, но чтоб и душою оторваться от всех пристрастий. Это прежде всего пополняет душу безмятежием, делая ее свободною от всех попечений и забот мирских и житейских, и давая ей возможность принимать во всей силе напечатлеваемое Божественным учением».

«Вместе с сим оно вводит в уединение и отстраняя от обычаев мирских, питающих страсти, с первого шага укрощает их и дает разуму способ совсем отсечь их от души. Как не трудно одолевать укрощенных зверей, так пожелания, гнев, страх и скорби, – этих злых и ядовитых зверей в душе, удобнее преодолевать силою разума, когда они усыплены безмолвием, и не приводятся в рассвирепение постоянным раздражением».

«Так уединенное безмолвие служит началом очищения, когда ни язык не произносит чего-либо человеческого, ни глаза

не заняты рассматриванием доброцветности и соразмерности в телах, ни слух не расслабляет душевного напряжения слушанием песней, сложенных для утех, или разговорами людей шутливых и смехотворных, что, обыкновенно, всего более ослабляет душевные силы. Ум, не рассеиваясь по внешним предметам, и не развлекаясь миром под влиянием чувств, входит в самого себя, а от себя восходит к мысли о Боге; озаряемый же этою добротою приходит в забвение о самой природе; душа не увлекается ни попечением о пропитании, ни хлопотами об одеждах, но, будучи свободна от земных забот, всю свою ревность обращает на приобретение вечных благ, на то, чтобы возрастали в ней целомудрие и мужество, справедливость и благоразумие, а равно и прочие добродетели, которые, состоя под сими родовыми добродетелями, обязывают ревнителя всякое дело в жизни исполнять должным образом».

«Сим образом устрояется жизнь полная благочестивых упражнений, питающих душу Божественным. И что блаженнее сего – на земле подражать лику ангелов: при самом начале дня поспешать на молитву, чествовать Создателя песнями и пеньями; потом, когда воссияет совершенно солнце, принявшись за дела, и везде имея при себе молитву, приправлять свои работы псалмопением, как солью; потому что песенные утешения приносят душе беспечальное и радостное успокоение?»

«А самый главный путь, которым отыскиваем то, к чему обязывает нас долг, есть изучение боговдохновенных Писаний, потому что в них находим мы правила деятельности, и в них жития блаженных мужей, представленные в письменах, подобно каким то одушевленным картинам жизни по Богу, предлагаются для подражания добрым делам. В чем бы кто ни признавал себя недостаточным, занимаясь Писанием, в нем, как бы в общей какой врачебнице, находит врачевство, пригодное своему недугу: у Иосифа учится целомудренным поступкам, у Иова – терпению, у Давида и Моисея – кротости и безгневию. И как живописцы, когда пишут картину с картины, часто всматриваясь в подлинник, стараются черты его переносить в свое

произведение; так и возревновавший о том, чтобы соделаться совершенным во всех частях добродетели, должен при всяком случае всматриваться в жития святых, как бы в движущиеся какие изваяния, и что в них доброго, то чрез подражание делать своим».

«Опять если за чтениями следуют молитвы, то душа, движимая любовью к Богу, приступает к ним бодрее и зрелее. Прекрасна же молитва, уясняющая в душе мысль о Боге. А посредством памятования водруженная в нас мысль о Боге есть вселение в нас самого Бога. Таким образом делаемся мы храмом Божиим, когда непрестанное памятование о Боге не прерывается земными заботами и ум не возмущается внезапными страстными движениями, но избегающий всего Боголюбец уединяется в Боге, отражая от себя страсти, приманивающие его к невоздержанию, и проводить время в занятиях, ведущих к добродетели».

«Смиренному и сокрушенному образу мыслей приличны взор печальный и потупленный в землю и небрежность о наружности. Что плачущие делают с намерением, то у нас должно выказываться ненамеренно. Надобно, чтобы хитон был собран на теле поясом; подпояска же чтоб лежала не выше чресл (это было бы женоподобно), и не так слабо стягивалась, чтоб хитон мог развеиваться (это было бы рассеянно). Походка должна быть не медленная, которая изобличала бы душевное расслабление, и опять, не скорой и торопливой, которая обнаруживала бы исступленные движения души. Цель одежды одна – служить для плоти покровом, достаточным зимою и летом. Хорошо, если хитон имеет столько толщины, что надевший его может согреться, не имея нужды в другом. Обувь должна быть по цене дешевая, но достаточно удовлетворяющая потребности».

«Как в одежде надо предпочитать необходимое, так в пище удовлетворит нужде хлеб, жажду утолит у здорового вода, и еще варенья из семян могут поддерживать в теле крепость для необходимых потребностей. Вкушать пищу должно не обнаруживая бешеной жадности, но во всем соблюдая твердую и степенную воздержность от удовольствий, имея ум не

праздным от мысли о Боге даже в это самое время, и самое свойство снедей и устройство приемлющего их тела обращая в побуждение к славословию Устроителя вселенной, Которым примышлены разные роды снедей, приспособленные к свойству тел».

«Молитвы пред вкушением пищи должно совершать достойно даров Божиих, какие и теперь подаются, и сберегаются на будущее время. Молитвы же по вкушении пищи пусть содержат в себе и благодарение за дарованное и прошение обетованного».

«На принятие пищи должен быть назначен один определенный час, и при том один и тот же, в продолжение известного срока, так чтобы из двадцати четырех часов в сутках он только один употребляем был для тела, все же прочие часы проводил подвижник в умном делании».

«Сон должен быть легкий, от которого без труда можно пробудиться, и какой естественно следует после малого вкушения пищи; его с намерением надо прерывать попечениями о делах важных. А погружение в глубокое усыпление до расслабления членов, чем дается время неразумным мечтаниям, предаст спящего таким образом ежедневной смерти. Напротив того, на что другими употребляется утро, на то подвижникам благочестия служит полночь; потому что ночное безмолвие всего более дает свободу душе, когда ни глаза, ни уши не передают сердцу вредных зрелищ или слухов, но ум на едине пребывает с Богом, и как исправляет себя припоминанием прежних грехов, так предписывает себе правила к уклонению от зла, и к совершению преднамеренного испрашивает содействия у Бога».

«Таково тебе сказание братской любви, о любезная глава!»

Св. Григорий наконец нашел возможность оставить своих и прибыть в Понт к св. Василию. Утешения дружества ничего не изменили в заведенном уже здесь образе жизни; и они вместе молились, вместе совершали бдения, вместе изучали Писание и писали иноческие уставы, вместе и трудились. Но все здесь было скудно, бедно, нищетно. Св. Григорий, по возвращении домой, пиша к св. Василию, касается и того, как они проводили

тут жизнь. Он поминает о крове без крыши и дверей, об очаге без огня и стенах высушенных на огне и о жильцах таких палат, томящихся жаждою при воде, и питающихся хлебом, по кускам которого скользят зубы, которые однакож трудятся, заваливая овраги, очищая местность и удобряя ее. Помню, говорит, о телегах, которые таскали мы на своих плечах и своими руками, на которых и доселе остаются следы тогдашних трудов» (Пис. 4-е). Такова внешняя сторона! Но когда переходит он потом к жизни духовной, то и слов не находит к восхвалению ее. «Кто мя устроит по месяцам прежних дней» (Иов.29:2), в которые я увеселялся с тобою злостраданием: потому что скорбное, но добровольное, предпочтительнее приятного, но невольного? Кто даст мне сии псалмопения, бдения и молитвенные к Богу переселения? Кто даст жизнь как бы невещественную и бесплотную? Кто даст согласие и единомушие братий, которых ты ведешь на высоту к обожению? Кто даст соревнование и поощрение к добродетели, которое мы ограждали письменными уставами и правилами? Кто даст трудолюбие в чтении Божиих словес, и при путеводительстве Духа обретаемые в них свет? Кто даст (скажу о самом малом и незначительном) поденные и ручные работы – переноску дров, тесание камней, сажание, поливание?» – (Пис. 5-е).

Такова установившаяся у св. Василия жизнь, многотрудная для тела и многоплодная для духа.

У св. Василия было уже и братство, которого единомушие восхваляет св. Григорий. И этому нечего удивляться. Вероятно, он и прибыл туда с некоторыми товарищами, согласившимися наперед следовать за ним, куда ни поведет, и келлия его с самого начала была не одна; по потом быстро начали к ним прилагаться келлия за келлией, – и братство множилось. Материал для него в достаточном количестве доставляли одиночники, которых было не мало. Ревностнейшие из них не могли не видеть, сколь спасительное дело устрояет св. Василий, заводя общежитие, – и потекли к нему. Так скоро образовалось большое братство, у которого все было обще и которое во всем повиновалось одной надежной главе, внушавшей полное доверие и располагавшей к повиновению.

Общежительные порядки заводимы были самым делом. Указателями для них служили восточные образцы, в применении их к местным условиям. Но св. Василий, что ни вводил, вводил не потому только, что так видел или хотел, а потому что так требовал дух жизни мироотречной. Почему все заводимое им старался осмыслить, чтоб исполнявшие то исполняли разумно, с убеждением, что иначе нельзя. Чтоб осветить все свои порядки таким умным светом, он вел с братьями беседы, в которых законы избранной ими жизни выводил из Писания, подтверждал примерами отцов и объяснял некоторыми соображениями. Эти устные беседы рассудил он потом передать письменно, в котором сокровища духовной мироотречной жизни сохранились и для нас в полноте, какой только желать можно.

Труды св. Василия не ограничивались устройством этой одной Понтийской своей обители. Она была образцовая; по примеру ее он потом учреждал подобные и в других местах. Руффин (церк. ист. кн. 2 гл. 9) и Созомен (ц. и. к. 6, гл. 17) говорят, что св. Василий ходил по Понту, возбуждал расслабевшие арианскими разномыслиями умы; и из ревнителей благочестия составлял общежительные братства. И в уставных его писаниях делается указание, что около его обители были и другие, одного чина и духа: ибо он даст им правило помогать друг другу, а настоятелям их собираться по временам для взаимных совещаний (пр. пр. 54). Это очень похоже на то, что велось и у пр. Пахомия.

Положив прочные основы богоугодной жизни в обителях своих, св. Василий должен был на время отлучиться от них. Смуты, произведенные арианами в Кесарии побудили епископа ее Диания пригласить св. Василия на защиту православия против зловерия, установленного арианами на нечестивом соборе в Римини. Он посвятил его в пресвитера (362. г.) и поручил ему дело проповеди. Но эта отлучка продолжалась немного, не более года. Епископ Дианий скоро скончался; на его место избрали Евсевия, который сначала был хорош ко св. Василию, а потом стал на него смотреть несколько из-коса. Это побудило св. Василия оставить Кесарию, и снова водвориться в

своей любезной пустыни, где он, кроме обычных забот настоятельских и трудов иноческих наиболее посвящал себя изучению Бож. Писания.

С ним был здесь в эту пору опять и св. Григорий, и они трудились вместе. Об этом пишет сам св. Василий Великий. Он удалился из Кесарии тайком. Кесарийцы, видя, что он более не показывается и узнав, что он опять в пустыне, писали к нему и просили возвратиться. Св. Василий, отвечая им, выставляет причины как первого, так и второго своего удаления из Кесарии. «Тогда, говорит, я удалился, бегая шума городской жизни; а теперь, потому что мною овладела какая-то любовь к Божественным догматам и желание любомудрствовать об них». Настоящую причину он разумно скрыл для сохранения мира церкви. «Я нашел, говорит он далее, сосуд избран и глубокий колодезь, разумею уста Христовы – Григория. Почему прошу вас, дайте и мне немного времени; немного прошу не потому, что возлюбил городскую жизнь, (ибо не сокрыто от меня что лукавый подобными вещами вводит людей в обман), а потому, что обращение со святыми признаю всего более полезным. Ибо, сам рассуждая о божественных догматах, а чаще слушая рассуждающих, приобретаю навык к умозрениям, от которого трудно отказаться» (Пис. 8).

Долго ли пробыл здесь св. Григорий, нельзя определить; но удалившись, он все усилия употребил к тому, чтобы помирить Еп. Евсевия с св. Василием, что и удалось ему сделать к 366-му году. Время второго пребывания св. Василия в пустыни продолжалось три года. Часть аскетических писаний должна принадлежать этому времени; и может быть краткие правила все составлены в эту пору.

Оставя в этот раз обитель, св. Василий уже не возвращался туда для постоянного жительства, но всю остальную жизнь служил Церкви, сначала в сане пресвитера до 370 г., а потом в сане Епископа до конца жизни в начале 379 г. – Обителей однакож он не оставлял попечением; но ведал все в них, пребывая в постоянных сношениях письменных и с настоятелями и с другими братьями, имевшими в том нужду. Когда же стал епископом, то, осматривая церкви Епархии своей,

посещал и обители свои и давал себе в них отдых. В свой монастырь, впрочем, удалялся он иногда и прямо с одной целью несколько отдохнуть и подкрепиться духом. Когда нужда налегала, он посылал доверенных лиц для устройства дел и успокоения умов в обителях, в тогдашнее смутное время, которое сам уподоблял просеванию пшеницы в решете.

Все это можно видеть из одного письма, которое писал он к своим подвижникам, в 375 г. – Он говорит в нем: «Святой Бог силен даровать и радость свидания с вами мне, который всегда желаю и видеть вас и слышать о вас; потому что ни в чем другом не нахожу душевного покоя, как только в вашем преуспейнии и усовершеннии чрез исполнение заповедей Христовых. Но пока не дано мне сие, признаю необходимым для посещения вас отправлять искреннейших и боящихся Господа братьев, и беседовать с вашею любовью в письме. По сему то самому послал я благоговейнейшего и искреннейшего брата нашего, сотрудника по Евангелию, сопресвитера Мелетия, который расскажет вам и о моей любви, какую имею к вам и о душевном моем попечении о вас; потому что день и ночь молю Господа о вашем преуспейнии, чтоб и мне ради вашего спасения иметь дерзновение в день Господа нашего Иисуса Христа, и вам воссиять во светлости святых, когда дело ваше испытано будет правосудием Божиим» (Пис. 218).

Из обстоятельств личного посещения им обителей, об одном поминает св. Кассиан (Устав. к. 7, гл. 19). Один сенатор, оставляя мир роздал свое достояние бедным, а часть некую оставил для себя, потому что не мог решиться на самоотверженную нищету и на то, чтоб состоя в полном подчинении настоятелю, питаться на ряду с другими братьями трудами рук своих. Встретив его св. Василий сказал ему: «И сенаторство ты потерял, и монахом не сделался».

О другом обстоятельстве пишется в отечниках. В одной обители св. Василий спросил настоятеля: есть ли у тебя брат, который бы особенно отличался смирением. Когда тот указал на одного, св. Василий позвал его и велел ему подать себе воды на руки. Когда тот исполнил это дело, св. Василий взял сосуд с водою и сказал брату: становись, и я тебе подам воды на руки.

Брат принял сие беспрекословно. Св. Василий сказал тогда: вот это настоящий смиренник. – И в правилах есть одно, – чтоб принимать услуги от старших (простр. 31-с). Подобный случай был и в жизни пр. Пахомия.

Приведенное выше письмо не единственное. Св. Василий часто писал, по разным случаям иноческой жизни. В этих письмах в кратких очерках виден дух подвижничества, которым желал воодушевлять своих учеников св. Василий. Приводим их здесь все. Это будет хорошим предварительным ознакомлением с уставом св. Василия, прежде изложения самого устава.

Посылая к одному настоятелю желавшего отречься от мира и принять монашество, он указывает ему, как это должно сделать.

«Некто, как сам он говорит, познав суету мира и изведав, что приятности этой жизни подвержены превратностям, и приготавливают только вещество вечному огню, а сами скоро проходят, пришел ко мне, в намерении удалиться от этой трудной и многоплачевной жизни, оставить плотские удовольствия и впредь идти путем, ведущим в обители Господни. По сему, если действительно твердо возжелал он сего подлинно блаженного жития, и возымел в душе своей прекрасную и похвальную любовь, возлюбив Господа Бога нашего всем сердцем, всею крепостию и всею мыслию, то необходимо, чтобы ваше благочестие показало ему трудности и неудобопроходимости тесного и узкого пути, и вместе с тем утвердило его в надежде благ, пока еще не видимых, уготованных же, по обетованию, достойным Господа. Пиша по сему случаю, умоляю несравненное ваше о Христе совершенство наставить его, сколько возможно; и пусть без меня совершит он отречение от мира для благоугождения Богу, и будет наставлен в начальных правилах, как установлено и письменно изложено св. Отцами а также пусть будете ему предложено все относящееся к подвижнической строгости; и таким образом введен он будет в сей род жизни, да, по своему изволению восприяв на себя подвиги ради благочестия подклонившись под благое иго Господне, устрояя жизнь свою в подражание нас ради Обнищавшему и плоть пашу Носившему,

и стремясь к цели, к почести вышнего звания, – сподобится похвалы от Господа. Ему и здесь хотелось приять венец любви к Богу, но я отлагал сие до времени, желая вместе с вашим благочестием умастить его на таковые подвиги, и одного из вас, кого сам он изыщет, поставить ему наставником подвижничества, чтобы прекрасно руководствовал, и своим усиленным и блаженным рачением соделал его борцом достойным одобрения, разящим и низлагающим миродержателя тмы века сего и духов злобы, с которыми у нас брань, по слову блаженного Апостола (Еф.6:12). Поэтому, что я намеревался сделать вместе с вами, то ваша о Христе любовь да соделает и без меня» (Пис. 23).

Таковы наставления относительно поступающих в общежитие прямо из мира. Но, как поминалось уже, св. Василий, хоть не отвергал одиночества, предпочитал однакож ему общежитие. Почему встретив в одном месте несколько одиночников, он убеждал их соединиться вместе и составить общежительное братство. Они согласились. Чтоб не изменилось это их намерение, св. Василий после личного их убеждения, писал потом к ним (Пис. 287).

«Думаю, что по благодати Божией, не имеете вы нужды ни в каком другом убеждении, после тех бесед, какие лично имел я с вами, убеждая всех вас принять совокупное житие в подражание Апостольскому образу жизни, что и приняли вы как доброе наставление и возблагодарили за сие Господа. Итак, поскольку сказанное мною не одни слова, но такие уроки, которые должны быть приведены в действие, к пользе для вас самих, которые их приняли, к успокоению для меня, которым предложен этот совет, к славе и похвале имени Христова, которое призвано на вас; то по сему самому послал я к вам возлюбленного брата нашего, чтобы он и усердных узнал, и ленивых возбудил, и противящихся привел для меня в известность, потому что велико мое желание и видеть вас соединенными вкупе и слышать о вас, что любите вы не жизнь, никем не свидетельствуемую, но соглашаетесь лучше все быть друг для друга и охранителями строгого исполнения правил и свидетелями успехов. Таким образом каждый из вас и сам за

себя и за преуспеяние брата получит совершенную награду, к приобретению которой должны вы и словом, и делом все споспешествовать друг другу в непрестанных собеседованиях и убеждениях. Паче же всего убеждаю вас соблюдать в памяти веру отцов и не приходить в колебание по внушениям старающихся совратить вас в вашем безмолвии; ибо знаете, что и строгость жития, не просвещенная верою в Бога, бесполезна сама по себе, и правая вера без добрых дел не в состоянии поставить нас пред Господом, но что должно быть то и другое вместе, да совершен будет Божий человек, и да не храмлет жизнь наша от недостатка в чем-либо; потому что спасает нас вера, как говорит Апостол, любовь споспешествуема (Гал.5:6)».

Это писано о вступлении в общежитие; а как надлежит жить собравшимся во едино и каких правил держаться, это изобразил св. Василий в письме, похожем на окружное послание, которое написал он, как догадываться можно, тотчас по вторичном удалении в Кесарию (в 366 г.) и в котором описывает, какова должна быть мироотречная жизнь в совершенстве. Это 22-е письмо.

«В Богодухновенном Писании много правил, которые обязаны наблюдать возревновавшие о благо угождении Богу. Но я почел необходимым сделать краткое напоминание, по указанию самого богодухновенного Писания, пока о тех только обязанностях, о которых у вас теперь предложен вопрос».

«Христианин должен иметь образ мыслей, достойный небесного звания, и жить достойно Евангелия Христова. Христианину не должно рассеиваться и чем-либо отвлекаться от памятования о Боге и о Его воле и судах. Христианин, став во всем выше оправданий по закону, не должен ни клясться, ни лгать. Он не должен хулить; не должен обижать; не должен ссориться; не должен мстить сам за себя; не должен воздавать злом за зло; не должен гневаться. Он должен быть долготерпеливым, переносить все, что бы то ни было; а кто делает неправду, того обличать благовременно, не с страстным движением, чтобы отмстить за себя, но с желанием исправить брата, по заповеди Господней. Об отсутствующем брате не

должен он говорить ничего с намерением очернить; это есть клевета, хотя бы сказанное было справедливо. Надобно отвращаться от человека, который наговаривает на брата. Не должно говорить шуточного. Не должно смеяться и терпеть смехотворцев. Не должно празднословить и говорить что-нибудь такое, что не служит, ни к пользе слушающих, ни к какому-нибудь необходимому, или дозволенному вам Богом делу».

«Почему занимающиеся работами должны, сколько можно, стараться, чтобы работа производилась в безмолвии, и чтобы самые даже добрые речи вели у них те, кому по испытании поручено устроить слово к созиданию веры, да не будет оскорбляем Дух Святой Божий. Никто из пришлых не должен самовольно подходить к кому-либо из братьев, или разговаривать с ним, пока приставленные смотреть за общим во всем благочинием, не рассудят, угодно ли сие Богу к общей пользе».

«Не должно порабощаться вину, желать вкушения мяс, и вообще быть сластолюбивым в рассуждении яств или питания; потому что подвижающийся воздерживается во всем. Данного каждому в употребление не должно почитать собственностью, или припрятывать; но с заботливостью надобно смотреть на все сие, как на принадлежащее Владыке, и не проходить без внимания даже мимо того, что по случаю брошено, или оставлено в небрежении».

«Никто не должен быть господином даже себе самому; но каждый как отданный Богом в услужение единомудушным братьям, сообразно с сим обязан, и рассуждать обо всем и делать все, пребывая впрочем в собственном своем чине. Не должно роптать ни при недостатке потребного, ни при утомлении от дел; потому что судят о каждом те, кому предоставлена на это власть».

«Не должно позволять себе ни крика, ни другого какого вида, или движения, которыми показываются раздражительность, или уклонение от несомненной уверенности в присутствии Божиим. Голос должно соразмерять с потребностью. Не должно отвечать кому-либо, или делать что-

нибудь дерзко, или презрительно, но надобно показывать во всем скромность, и ко всем почтительность. Не должно с умыслом мигать глазом или употреблять другой какой знак, или движение члена, которые оскорбляют брата, или выказывают презрение».

«Не должно стараться о нарядности в одежде или в обуви: это суетность. К удовлетворению телесных потребностей должно пользоваться не дорогим. Ничего не должно издерживать сверх потребности и для пышности: это – злоупотребление».

«Не должно искать чести и домогаться первенства. Каждый должен предпочитать себе всех. Не должно быть непокорным».

«Не должно в праздности есть хлеб тому, кто способен работать, а занявшийся исполнением чего-либо в славу Христову должен принуждать себя к ревности в деле, по мере сил. Каждый должен, с одобрения настоятелей, с разумом и убеждением так делать все, не исключая вкушения пищи и питья, чтоб это делалось во славу Божию. Не должно от одного дела переходить к другому, без одобрения тех, кто приставлен распоряжаться сим, разве неминуемая нужда позовет кого вдруг на помощь обессилевшему. Каждый обязан пребывать в том, к чему приставлен, а не должен, преступая меру собственной обязанности, приниматься за не порученное ему, разве имеющие власть распоряжаться сим признают кого нуждающимся в его помощи. В одной рабочей не должно никому быть из другой рабочей. Не должно ничего делать из соперничества, или по желанию превзойти кого-нибудь».

«Не должно завидовать доброй славе другого, и радоваться чьему-либо недостатку. В любви Христовой надобно скорбеть и сокрушаться о недостатках брата, радоваться же его преуспеянию. Не должно равнодушно смотреть на согрешающих, или умалчивать о них. Обличающий должен обличать со всяким сердоболием, в страхе Божиим, и в намерении обратить грешника».

«Обличаемый, или получающий выговор должен принимать сие охотно, признавая, что в исправлении состоит собственная его польза. Когда обвиняют кого, никто другой при обвиняемом,

или и при других, не должен делать возражения. А если кому обвинение кажется неосновательным, то должен повести слово с обвинителем на едине, и убедить его, или сам убедиться... Каждый, сколько есть у него сил, должен врачевать того, кто имеет что-нибудь против него. На согрешившего и покаявшегося не должно помнить зла, а надобно простить ему от сердца».

«Кто говорит, что покался во грехе, тот должен не только сокрушаться о том, в чем согрешил, но и принести достойные плоды покаяния. Кто вразумлен был касательно прежних своих грехов и сподобился получить отпущение оных, тот, если грешит опять, уготовляет себе суд гнева, строжайший прежнего. Кто по первом и втором увещании остается в своем прегрешении, о том должно объявить настоятелю, – и тогда, получив выговор при многих, придет, может быть, в стыд. А если и в таком случае не исправится, надобно уже отсечь его, как соблазн, и смотреть на него, как на язычника и мытаря, для приведения в безопасность ревностно трудящихся в прохождении послушания, по сказанному, что при падении нечестивых приходят в страх праведные. Но должно и плакать о нем, как о члене, отсеченном от тела».

«Не должно допускать, чтобы солнце заходило в гнев брата; иначе ночь может разлучить обоих, и оставить им неизбежное осуждение в день суда. Не должно отлагать времени своего исправления; потому что утрешний день не верен для нас: многие, замыслив многое, не дожили до утрешнего дня».

«Не должно даваться в обман пресыщенному чреву, от которого бывают ночные мечтания. Не должно развлекаться непомерною работою, и преступать пределы умеренности, по сказанному Апостолом: «имеюще же пищу и одеяние, сими довольни будем» (1Тим.6:8); потому что обилие сверх потребности выказывает любостяжательность; а любостяжательность осуждается, как идолопоклонство (Кол.3:5). Не должно быть сребролюбивым, и не нужно собирать сокровища каких не надобно. Приходящий к Богу должен возлюбить нищету во всем, и быть пригвожден страхом Божиим,

подобно сказавшему: «пригвозди страху Твоему плоти моя; от судеб бо Твоих убояхся» (Пс.118:120).

«Да дарует же вам Господь, со всем убеждением приняв сказанное, во славу Божию явить плоды достойные Духа, по благоволению Бога и содействием Господа нашего Иисуса Христа. Аминь».

Таковы письма – плод попечения об общежительниках; но св. Василий не презирал и уединенников, и если кто не желал вступать в братство, а оставался уединенником, не покидал его своим попечением, а старался только оградить его жизнь достоподобными правилами, чтоб и ему благонадежно достигнуть искомого спасения и совершенства о Христе Иисусе. Есть два письма, которые, по содержанию своему, относятся к уединенникам; одно – к Хилону (пис. 39), а другое – общее, без особой надписи (пис. 40).

В первом пространно излагает он правила уединенной жизни, говоря:

«Виновником спасительного дела буду для тебя, искренний брат мой, если охотно приимешь от меня совет о том, что тебе делать, особливо в таких случаях, о которых сим ты просил подать тебе совет».

«У многих может быть доставало смелости начать уединенную жизнь, но не многие потрудились довершить ее, как должно. И без сомнения, конец дела – не в одном намерении, а в конце – плод трудов. Поэтому ни малой нет пользы, если кто не поспешает к концу намерения, но ограничивает монашескую жизнь одним только началом, а что всего смешнее, оставляет и самое намерение, за что сторонние обвиняют его в недостатке мужества и рассудительности. О таких и Господь говорит: «кто, хотяй дом создати, не прежде ли сед расчтет имение, аще имать, еже есть на совершение: да не когда положит основание и не возможет совершити, начнут ругатися ему мимо ходящий, глаголюще, яко человек сей основание положи, и не возможе совершити?» (Лк.14:28–30). Посему за началом пусть следует усердие к успеху в добром деле. Ибо и мужественнейший подвижник Павел, желая, чтобы мы не обеспечивали себя прежними добрыми делами, но ежедневно преуспевали более и

более, говорит: «задняя забывая, в предняя же простирался, к намеренному гоню, к почести вышнего звания» (Фил.3:13–14). Такова и целая жизнь человеческая: она не довольствуется предшествовавшим, но питается не столько прошедшим, сколько будущим. Что пользы человеку во вчерашней сытости чрева, если ныне при возродившемся голоде не находит он свойственного утешения снедей? Так и душе не пользует вчерашнее доброе дело, если в сей день оставлено исполнение правды. Ибо сказано: каким найду тебя, таким и признаю. – Да будет же известно тебе, брат, что не тот совершен, кто хорошо начал, но тот благоискусен пред Богом, кто хорошо даст в деле отчет. Посему не давай «сна очима, и дремания веждама своима» (Пс.131:4), пока не спасешься как серна от тенет, и как птица от сетей. Ибо смотри, ты идешь среди сетей и ходишь поверх великой стены, откуда упасть небезопасно».

«Не вдруг однакож простирайся на самый верх подвижничества, наипаче же не полагайся сам на себя, чтобы не пасть тебе с высоты подвижнической жизни по неопытности. Ибо лучше постепенное преспеяние. Понемногу отнимай у себя житейские наслаждения, истребляя все свои навыки, чтобы противодействием своим, вдруг приведя в раздражение всякое желание наслаждений, не восставить против себя толпу искушений. Когда возьмешь верх над пристрастием к одному удовольствию, тогда вступай в борьбу с пристрастием к другому; и таким образом благовременно преодолеешь всякую склонность к наслаждению. Ибо именование удовольствия одно, но роды удовольствий различны».

«Прежде всего будь терпелив во всяком искушении. А сколь многоразличными искушениями испытывается верный, то мирскими потерями, то обвинениями, оболганиями, противодействием, оговорами, гонениями! Все это и подобное сему служит к испытанию верного».

«Сверх того будь безмолвен, не опрометчив в слове, не спорлив, не упорен, не тщеславен, не все перетолковывай, но люби верность, будь немногоречив, всегда готов не учить, но учиться».

«Не любопытствуй о жизни мирской; из этого не будет тебе никакой пользы. Ибо сказано: «да не возглаголют уста моя дел человеческих» (Пс.16:4). Кто с приятностию говорит о делах людей грешных, тот с готовностию пробуждает в себе страсть к удовольствиям. Но желай лучше узнать жизнь праведных; ибо в этом найдешь для себя пользу».

«Не будь охотник показываться в люди, обходя селения и дома; но бегай их, как сетей для души. А если кто из великого благоговения убеждает тебя взойти к нему в дом, то таковой пусть научится вере сотника, который Господа Иисуса, поспешившего к нему для исцеления, удерживал от сего, говоря: «Господи, несть достоин, да под кров мой внидеши, но токмо рцы слово, и исцелеет отрок мой» (Мф.8:8). Господь сказал, – и отрок исцелел. Да будет же тебе известно, брат, что не присутствием Христовым, но верою просящего, освобожден больной от недуга. Так и ныне, в каком месте ни помолишься, если больной уверует, что помогут ему молитвы твои, все исполнится по желанию его».

«Не паче Господа люби близких тебе. Ибо сказано: «иже любит отца, или мать паче Мене, несть Мене достоин» (Мф.10:37). Что значит эта заповедь Господня? – То, что сказано в другом месте: «аще кто не возьмет крест свой, и последует Ми, не может Мой быти ученик» (Лк.9:23; 14:27)».

«Если ты со Христом умер для сродников своих по плоти, то для чего хочешь опять жить с ними? Если для сродников своих опять созидаете ты то, что разорил для Христа, то сам себя делаешь преступником. Поэтому для сродников своих не оставляй места своего; ибо, оставляя место, оставляешь, может быть, и нравы свои».

«Не люби многолюдства, селений и городов; но будь пустыннолюбцем, всегда нерассеянно пребывая сам в себе, признавая своим делом лишь молитву и псалмопение. Не пренебрегай чтением; особенно читай Новый Завет. Всяко Писание богодухновенно и полезно есть (2Тим.3:16)».

«Со всеми, с кем имеешь дело, будь во всем непреткновенен, разумен, братолюбив, смиренномудр; не запасай дорогих яств по целям будто страннолюбия: для этого

достаточно и того, что имеешь; ни от кого не бери ничего, кроме разве потребного для монашеской жизни; особливо бегай золота, как наветника души, отца греху, служителя диаволу. Не делай себя виновником в богатстволюбии под предлогом служения нищим. А если кто принесет тебе деньги для бедных; узнав, кто скуден, посоветуй тому самому, кто дает тебе деньги, отнести их к неимущим, чтобы принятием от него денег не осквернить тебе своей совести».

«Бегай удовольствий; люби воздержность; и тело упражняй в трудах, а душу приучай к искушениям. Разлучение души и тела признавая освобождением от всякого зла, ожидай наслаждения вечными благами, причастниками которого сделались все святые».

«Взвешивая диавольское, какое нападет, внушение, противопоставляй ему благочестивый помысл и уступай последнему, как наклонению чаши на весах. Особливо, когда восставшая в тебе лукавая мысль говорит: «какая польза жить тебе в этом месте? Что выгоды в удалении от сожителства с людьми? Или не узнаешь, что поставленные Богом епископы Божиих Церквей живут, обыкновенно, вместе с людьми, и непрестанно совершают духовные празднества, на которых присутствующим бывает весьма много пользы? Ибо там решение приточных гаданий, объяснение Апостольских учений, изложение Евангельских мыслей, преподавание Богословия, свидание с духовными братьями, которые зрением лица их доставляют великую пользу встречающимся с ними. А ты сделал себя чуждым столь многих благ, и сидишь здесь, одичав наравне с зверями. Ибо видишь здесь великое запустение, не малую угрюмость, недостаток учения, отчуждение от братии, и дух великого нерадения о заповеди Божией». Итак, когда такая лукавая мысль, восставши в тебе, хочет совратить тебя с пути такими и подобными сим благовидными предложениями, тогда в благочестивом помысле противоположи ей действительный опыт, говоря: «ты говоришь мне, что в мире есть доброе. Знаю это и я; но знаю также и то, что там это доброе перемешано со злом, и злое гораздо превышает собою доброе. Не умея надлежащим образом пользоваться добром мира без

повреждения себя его злом, я оставил мир и переселился сюда. – И я, быв когда-то на духовных празднествах, встретил едва одного брата, который, по видимому, боялся Господа, но и тот одержим был дьяволом, и я услышал от него пышные речи и басни, сложенные на обольщение с ним встречающихся, а после него встретил я многих воров, хищников, притеснителей; видел безобразную наружность упившихся, и кровь угнетенных; видел и красоту жен, которая подвергала искушению мое целомудрие; и хотя избег я самого блуда, однако же осквернил девство свое сердечным помышлением. Много, правда, слышал я и душеполезных речей; впрочем, ни в одном из учителей не нашел добродетели, соответствующей речам. А после этого услышал еще тысячи плачевных рассказов, которые своими изнеженными звуками вторглись в душу. Еще слышал приятно звучащие гусли, рукоплескания скачущих, голос смехотворов, слышал много глупостей и шуток, крик бесчисленного многолюдства; видел слезы оскорбленных, мучение отводимых в неволю, рыдание подвергаемых пытке. Все это видел я; и недуховное тут было собрание, но море, обуреваемое и возмущаемое ветрами, которое стремилось всех за один раз покрыть своими волнами. Скажи мне, злая мысль, скажи и ты, демон кратковременного сладострастия и тщеславия, какая польза видеть и слышать сие мне, который не в силах помочь обиженным, не имею возможности защитить бессильных, исправить погрешивших, а скорее могу погубить сам себя? Как малое количество чистой воды исчезает при сильном возвевании ветра и пыли; так и то, что, по мнению вашему, сделаем в мире доброго, помрачается множеством худых дел. По сему как птица переселяюсь в горы, чтоб избавиться от сети ловящих (Ис.123:7). – И я, о злая мысль! живу в той же пустыне, в которой пребывал Господь. Здесь дуб Мамврийский; здесь лестница, возводящая на небо, и полки ангелов, виденные Иаковом. Здесь пустыня, в которой народ, очистившись, получил закон, и таким образом вошедши в землю обетования, увидел Бога. Здесь гора Кармилл, на которой водворяясь, Илия благоугодил Богу. Здесь равнина, на которую, удалившись, Ездра, по Божию повелению, отрыгнул все богодухновенные

книги. Здесь пустыня, в которой блаженный Иоанн, питаясь акридами, проповедал людям покаяние. Здесь гора, масличная, на которую восходя Христос молился, поучая нас молиться. Здесь Христос – любитель пустыни. Здесь тесный и узкий путь, ведущий в жизнь. Здесь учителя и пророки, скитающиеся в пустынях, и в горах, и в вертепах, и в пропастях земных (Евр.11:38). Здесь Апостолы и Евангелисты, и житие монахов, не имеющее для себя града. Сие то добровольно принял я, чтобы получить обещанное Христовым мученикам и всем прочим Святым, чтобы нелживо сказать и мне: «за словеса устен Твоих аз сохраних пути жестоки» (Пс.16:4). Ибо знаю Боголюбца Авраама, внявшего гласу Божию и переселившегося в пустыню, и Исаака притесняемого и патриарха Иакова странствующего, целомудренного Иосифа проданного, трех отроков, изобретателей воздержания, борющихся с огнем, Даниила вверженного в ров львиный, небоязненно вещающего Иеремию, осужденного в ров тинный, Зрителя тайн Исаию, претертого пилою, обличителя прелюбодеяния Иоанна, посекаемого мечем, Христовых мучеников умерщвляемых. И к чему мне длить речь? Господь и сам Спаситель распят за нас, чтобы смертью Своею оживотворить нас и всех поощрить и привлечь к терпению. К Нему поспешаю, и ко Отцу, и к Духу Святому. Для того подвизаюсь, чтобы оказаться Его приискренним, признав себя недостойным того, что есть доброго в мире. Впрочем, не я для мира, но мир для меня».

«Сие то помышляя сам в себе, и ревностно совершая, по сказанному тебе, подвизайся за истину даже до смерти. Но и Апостол говорит: «блюдите, да не когда будет в некоем от вас сердце лукаво, во еже отступить от Бога жива. Но утешайте друг друга, и во едином назидайте, дóндеже, днесь, именуется» (Евр.3:12–13). Так живя, брат и себя спасешь, и нас возвеселишь и Бога прославишь, во веки веков. Аминь».

В письме 40-м св. Василий, в сжатом и кратком очерке, представляет главные черты отшельнической жизни.

«Учись, монашествующий, человек верный и делатель благочестия; научайся Евангельскому житию, порабощению тела, смиренному образу мыслей, чистоте помышления,

искоренению в себе гнева. Подвергаемый взысканию, прибавь ради Господа; лишаемый, не судись; ненавидимый, люби; гонимый, терпи; хулимый, молись. Будь мертв греху, распнись для Бога. Все попечение возложи на Господа, чтобы иметь себе место там, где тьмы Ангелов, торжество первородных, престолы Апостолов, председательство пророков, скиптры патриархов, венцы мучеников, похвалы праведных. Возжелай сопричисления своего к оным праведникам, о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему слава во веки веков. Аминь».

1. Устав Св. Василия Великого

Эти письма приведены нами, равно как и все предыдущее сказано намеренно для предварительного ознакомления с уставом св. Василия. Теперь приступим к подробному изложению самого устава. Устав этот изображен в писаниях св. Василия, называемых аскетическими. Сюда относятся правила, пространно изложенные, правила, кратко изложенные, – те и другие в вопросах и ответах, и подвижнические уставы, с предшествующими всему этому словами об отречении от мира и мироотречной жизни вообще. В Русском переводе все эти писания составляют 5-й том, творений св. Василия Великого.

В словах излагается теория подвижничества; в правилах пространных и кратких – содержатся самые законы и порядки подвижнические, к указанию которых подавали повод или случаи жизни, или вопросы братий; в уставах предлагается свод всего сказанного прежде, как будто не доведенный до конца.

Писать правила начал св. Василий с самого начала отречения от мира, вместе с св. Григорием, как видно из письма сего последнего. Источником для них служило преимущественно Слово Божие, питавшее и развивавшее главную мысль и значение мироотречной жизни и об образе успешнейшего прохождения ее. Оттого все правила св. Василия подтверждаются словами писания, обращаемыми к разным сторонам подвижничества. Руководством же при составлении их служили правила восточных великих Отцов, особенно Египетских. Можно думать, что в руках св. Василия были письменные правила сих Отцов. Почему пиша к настоятелю о принятии новичка, он, как видели мы, советует наставить его «в начальных правилах, как установлено и письменно изложено святыми Отцами». – Читая правила св. Василия после устава пр. Пахомия и писании пр. Антония, нельзя не видеть, что там и здесь как дух подвижничества, так и внешнее его выражение – один и те же.

Отличительная черта Устава св. Василия Великого та, что он мало входит в подробности внешней жизни и более выясняет

внутреннюю сторону разных ее проявлений. Все устанавливаемое им, подводится под разумные начала; так что с первого раза представляется, что все берется из разума, т. е. не есть дело жизненной опытности, а одного рассуждения и соображения ума. На деле же было так: желание безмолвной в отречении от мира жизни привело его на Восток; виденные им опыты жизни дали мысль о том, какою должна быть жизнь мироотречная; изучение Писания развило эту мысль в полную картину, которую св. Василий сам осуществлял, и учил осуществлять других. Таково происхождение Устава. Разумность же его зависит от душевного настроения и характера св. Василия.

В изложении Устава будем следовать такому порядку:

А. Сначала представим теорию или предначертание подвижничества в мироотречной жизни;

Б. Затем изложим и самые Правила или Устав.

А. Предначертание подвижничества

1. Первое дело наше теперь – взойти опять в живой союз с Богом чрез очищение себя от страстей

Св. Василий начинает с главной цели человека и мысль за мыслию доходит до подвижничества, как условия к достижению сей цели, почитая его обязательным для христианина, по тому началу, что обязанный к цели обязан и к средствам. Он говорит: «все, что может содействовать намерению спасения души, должно соблюдать со страхом, как Божественную заповедь»³.

Ход его мыслей такой: последняя цель и благо человека есть общение с Богом: грех отдалил нас от Бога и держит в сем отдалении посредством обладающих нами страстей. Почему, чтобы возвратиться к Богу в сообщению, надобно очиститься от страстей, посредством умерщвления их; а это и есть подвижничество.

Он убеждает: «Человек сотворен по образу и подобию Божию; а грех, увлекая душу в страстные пожелания, изменил красоту образа. Но Бог, сотворивший человека, есть истинная жизнь: потому кто утратил в себе подобие Божие, тот утратил и общение с жизнью; а кто вне Бога, тому невозможно быть в блаженной жизни. Итак, возвратимся к первоначальной благодати, которой чуждыми сделали мы себя чрез грех, и снова украсим себя по образу Божию, бесстрастием уподобившись Творцу. Ибо кто чрез подражание, сколько возможно сие, изобразил в себе бесстрастие Божия естества, тот в душе своей восстановил образ Божий. А кто уподобился Богу, показанным теперь способом, тот без сомнения, приобрел и подобие Божией жизни, постоянно пребывая в вечном блаженстве. Поэтому, если бесстрастием снова восстанавливаем в себе образ Божий, а уподобление Богу дарует нам непрекращающуюся жизнь, то, вознерадев о всем другом, употребим попечение свое на то, чтобы душа наша никогда не была обладаема никакою страстию, а напротив того, чтобы мысль наша, при нападении искушений, оставалась непоколебимою, и чтобы чрез то соделались мы причастниками Божия блаженства» (стр. 68).

Это и есть само умерщвление, живоносная сила которого зависит от того, что посредством его мы делаемся причастниками крестной смерти Христа Спасителя, кою дарована нам жизнь. Верую в Господа мы вступаем в условия, при которых может развиваться в нас духовная жизнь в Богообщении; самое же развитие ее в действо производится чрез самораспятие. К этому нарекаемся мы в самом Крещении. Это разъясняет св. Василий в ответе (кр.) на 234-й вопрос: «Как человек возвещает смерть Господню? Как научил Господь, сказав: «если кто ко Мне идет, да отвержется себе, и возьмет крест свой» (Мф.16:24), и как выразился Апостол, исповедав о себе: «мне мир распяся и аз миру» (Гал.6:14), – на что и дали мы предварительное обещание в самом Крещении. Ибо говорит он: «елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся» (Рим.6:3); толкуя же, что значит в смерть Господню креститься, присовокупляем к сему: «яко ветхий наш человек с Ним распялся, яко ктому не работати нам греху» (Рим.6:6), но, очистившись от всякого пристрастия к жизни, соделаться достойными свидетельства того же Апостола, который сказал: «умросте бо и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе» (Кол.3:3), – так чтобы осмелиться нам с дерзновением говорить: «грядет мира сего князь, и во мне не имать ничесоже» (Иоан.14:30)» (Подоб. в кр. 237).

Итак, в христианстве дело существеннейшее есть очищение себя от страстей чрез подвиги самоумерщвления. По сему «всякому христианину преимущественно и паче всего должно заботиться о том, чтобы обнажиться от разнovidных и различных страстей, которыми оскверняется душа» (стр. 78). Это требует труда и труда целой жизни. По такой и закон положен, чтоб «желающие стяжать царствие небесное всячески нудили себя». «Царствие Божие принадлежит употребляющим принуждение, и нуждницы восхищают е» (Матф.11:12). Это – Евангельское слово. Оно назвало принуждением изнурение тела, какое ученики Христовы терпят в отречении от собственных своих хотений и от телесного упокоения, в хранении же всех заповедей Христовых. Поэтому, если хочешь восхитить царство небесное, употреби принуждение, подклони

выю свою под иго служения Христова, стяни ярем на выи своей; пусть гнетет он выю твою; истончай ее трудом добродетелей, в постах, в бдении, в послушании, в безмолвии, в псалмопении, в молитвах, в слезах, в рукоделии, в перенесении всякой скорби, наносимой тебе демонами и людьми. Да не внушает тебе высокоумный помысл ослабить со временем труды; бойся, чтоб пред дверьми исхода не застигли тебя обнаженным от добродетелей, и чтобы тебе не остаться вне врат царствия» (стр. 61).

Таков общий христианский долг, – не монахов только, но и мирян. Правда, что «человеколюбивый Бог, пекущийся о нашем спасении, дал жизни человеческой двоякого рода направление, то есть, супружество и девство, чтобы тот, кто не в состоянии вынести подвигов девства, вступал в сожитие с женой» (стр. 46, 47), но разрешение на супружество не есть разрешение на вся. И от супружников «потребуется отчет в целомудрии, святости и уподоблении тем, которые в супруестве и при воспитании детей жили свято. – Соглашаешься ли в том, что Евангелие дано и оженившимся? Конечно так; в послушании Евангелию потребуется отчет у всех людей, – монахи ли они, или живут в супруестве. Для вступившего в брак достаточно и того, что ему извиняется невоздержание, пожелание жены и сожитие с ней; прочие же заповеди, как всем равно узаконенные, не безопасны для нарушителей. И Христос, благовествуя заповеди Отца, обращал речь к живущим в мире. А если и случалось, что вопрошенный на едине отвечал ученикам Своим, то свидетельствовал, говоря: «а я же вам глаголю, всем глаголю» (Мр.13:37). Поэтому и ты, избравший общежитие с женою, не опускай рук, как будто в праве ты предаваться миру. Тебе к улучшению спасения потребно больше трудов и осторожности; потому что ты избрал себе жилище среди сетей и под державою отступнических (вражеских) сил, имеешь побуждения ко грехам и все чувства твои день и ночь напряжены к вожделению их. Посему знай, что не избежишь борьбы с отступником (диаволом) и не одержишь над ним победы без многих трудов на страже Евангельских догматов. Ибо как можешь отказаться от ратоборства со врагом, ведя жизнь на самом

ратоборном поприще? А это поприще вся поднебесная земля, по которой кружит и которую обходит враг, как бешеный пес, ища, кого поглотить, как узнаем из истории Иова (Иов.2:2). И поэтому, если отрекаешься от брани с противоборником, то ступай в другой мир, в котором нет его; там дозволено будет тебе отречение от борьбы с ним и безопасное небрежение о догматах (законах) Евангельских. А если это невозможно, спеши обучиться ратоборству с ним, в Писании изучая ратоборное искусство, чтобы тебя побежденного им по незнанию, не предали вечному огню» (стр. 47, 48).

2. В безбрачной и мироотречной жизни удобнее достижение такой цели

Таким образом супружество не увольняет от долга бороться со страстями, преодолевать их и совсем очищать от них сердце свое. Между тем само оно, по св. Василию, представляет множество к тому препятствий, как видели мы из его письма к св. Григорию: «вступившего в супружество встречает непрестанное волнение забот: когда нет детей, желание иметь их, а когда есть дети, попечение об их воспитании, охранение супруги, рачение о доме, надзор за служителями, утраты по договорам, споры с соседями, тяжбы в судах, опасности в торговле, труды в земледелии. Каждый день приносит с собою новое омрачение душе, и ночи, получая в наследство дневные заботы, обольщают ум теми же представлениями» (Пис. 2). Как при таком коловороте смятений успешно бороться со страстями?

Так супружество и само по себе помеха; но оно размножает до неисчислимости сии помехи тем, что неизбежно вводит в связь с миром, во зле лежащим. В мирском обществе пусть оно и христианское, зло преобладает и всегда стоит впереди, и является заправляющим делами его. Обычаи его суть ходящие живые страсти. Вступающий в общение с ним, вступает в волнистое море огня страстей. Как и в нем самом есть подобное же горючее вещество – свои страсти, то сам он начинает гореть тем же огнем. Потому желать погасить страсти среди связей с миром есть тоже, что желать прохладиться стоя на жару. Это изобразил св. Василий в письме к Хилону (Пис. 39). Когда, говорит, враг станет соблазнять тебя, внушая за чем оставил мир, и там есть добро, – противопоставь этому помыслу представление зла, царствующего в мире. Пока то успеешь ты причаститься его добра, зло наперед окружит тебя и не даст тебе добиться до него. Страсти – раны души. Как ни залечивай их, мир всегда будет развережать их снова. А при этом как достичь уврачевание души? Какой целительный

пластырь ни прилагай к ране, но, если будешь растирать ее, не получишь пользы от пластыря.

Сознавая это вполне, св. Василий часто с настойчивостью выяснял, как неудобно спасение души среди житейских забот и мирских связей. Выписываем эти места под ряд, как они встречаются.

«Упражнение в благо угождении Богу, по Евангелию Христову, бывает успешно при удалении от мирских попечений и при совершенном устранении себя от развлечений. Почему Апостол при всем том, что брак дозволен и удостоен благословения, налагаемые им на человека заботы противоположил попечениям ради Бога, так как бы те и другие по могли быть совмещены между собою, и говорит: «не оженившийся печется о Господних, како угодити Господеви, а оженившийся печется о мирских, како угодити жене» (1Кор.7:32–33). Так и Господь о расположении учеников засвидетельствовал, что оно чисто и собранно, говоря: «несте от мира сего» (Ин.15:19). А напротив, о мире свидетельствовал, что не может он принять познания о Боге, и вместить Духа Святого. Ибо говорит: «Отче праведный, и мир Тебе не позна» (Ин.17:25); и: «Дух истины, Его же мир не может прияти» (Ин.14:17). Поэтому намеревающийся истинно последовать Богу должен отрешиться от уз житейского пристрастия, а сие достигается совершенным удалением от прежних нравов и забвением оных. Посему, если не сделаем себя чуждыми и плотского родства и мирских связей, чрез перемену своих отношений перейдя в другой мир, по словам сказавшего: «наше житие на небесех есть» (Фил.3:20); то невозможно нам достигнуть цели – благоугождения Богу; потому что Господь определенно сказал: «такو всяк от вас, иже не отречется всего своего имени, не может быть Мой ученик» (Лук.14:33) (Пр. 5).

«Вредно жить в обществе с людьми, которые небоязненно и презрительно смотрят на обязанность в точности исполнять заповеди. Это показывает и слово Соломона, который учит нас: «не бывай друг мужу гневному, и со другом жестокосердным не соводворяйся, да не когда научишися путем его, и примешь тенета души твоей» (Прит.22:24–25). Поэтому, чтобы ни очами,

ни ушами не принимать нам ничего раздражающего на грех, и нечувствительно не привыкнуть к нему, чтобы в душе ко вреду и пагубе ее не оставалось как бы образов каких и отпечатков видимого и слышимого, для этого прежде всего уединимся по месту жительства. Таким образом можем преодолеть прежний обычай, по которому жили мы вопреки заповедям Христовым, (А не малый это подвиг – преодолеть свою привычку; потому что обычай, утвердившийся долговременностью, получает силу природы); и также в состоянии будет стереть с себя греховные пятна люботрудною молитвою и постоянным изучением Божией воли. А в молитве и в сем изучении невозможно успеть среди многих людей, развлекающих душу и занимающих ее делами житейскими (Пр. 6).

«Да и сие требование: «аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе» (Лк.9:23), – как можно кому-либо исполнить, живя в многолюдстве? ибо нам надлежит сперва отречься самих себя и взять крест Христов, а потом уже следовать Христу. Самоотвержение же есть полное забвение прошедшего и удаление от своей воли, в чем живущему в обществе с людьми всякого рода успеть весьма трудно (чтоб не сказать – совершенно невозможно). Напротив того, участие в таком образе жизни служит препятствием тому, чтобы взять крест и последовать Христу. Ибо взять крест свой означает готовность к смерти за Христа, умерщвление удов, я же на земли, расположение духа с неустрашимостью встречать всякую опасность за имя Христово, непривязанность к настоящей жизни; а к этому видим великие в себе препятствия от привычки к жизни земной» (Там же).

«Сверх других многих неудобств, душа, смотря на множество живущих беззаконно, во первых, проводит время не в том, чтобы очувствоваться в собственных своих грехах и сокрушаться покаянием о прегрешениях, напротив того, чрез сравнение себя с худшими приобретает какое то мечтательное понятие о своем превосходстве, а потом мятежами и недосугами, какие обыкновенно производит мирская жизнь, будучи отвлекаема от драгоценного памятования о Боге, не только лишается возможности радоваться и веселиться о Боге,

насладиться Господеви и усладиться словесами Господними, но и совсем привыкает к пренебрежению и забвению судов Божиих. А больше и пагубнее сего зла и потерпеть невозможно» (Пр. 6; подобное кр. 263).

«У людей всего чаще предлогом к вожделению мирских удовольствий бывает супружество; потому что нельзя и найти другого врожденного телесной природе вожделения, более сильного и стремительного, как вожделение в мужчинах к женскому полу, и в женщинах к мужскому, чему и быть надлежит, так как оно естественным образом устремлено к рождению детей. Брак, составляя одно из главных действований природы, должен влагать и сильнейшее стремление. Да и попечений не встречается с людьми обременительнее тех, какие вдруг постигают их в супруестве, как говорит Павел: «оженивыйся печется о мирских» (1Кор.7:33), будучи обременен заботами. Ибо одинокий будет заботиться только о себе и о собственных телесных нуждах, или, может быть, и пренебрежет их, если в состоянии убедить себя к этому. А женатый, имеющий на своем попечении детей, не бывает уже господином своей воли, но поэтому необходимо должен служить удовольствиям, и занятый попечением о детях, исчерпывает целую бездну забот, которые и перечислить потребовалось бы много времени».

«Поэтому желающий быть свободным от мирских уз избегает супруества, как оков, а избежав его, посвящает жизнь свою Богу и дает обет чистоты, чтобы не иметь уже и дозволения возвратиться к браку, но всеми мерами бороться с природою и с сильнейшими ее стремлениями, подвизаясь в соблюдении чистоты. Таковой, предавшись любви Божией, желая, хотя в малой мере достигнуть Божия бесстрастия, вожделевая вкусить духовной святости, тишины, безмятежия, кротости, порождаемого ими веселия и радости, старается держать помыслы свои, как можно дальше от всякой вещественной и телесной страсти возмущающей душу, чистым же и непотемненным оком души всматривается в Божественное, без меры упоываясь тамошним светом. А приведя душу в подобный навык и состояние, возможным уподоблением

приближается к Богу и делается Его возлюбленным и желанным, и приходит в состояние беседовать с Богом мыслю, очищенною от вещественного срастворения и удаленною от примеси телесных страстей» (введ. к уст. подвиж.).

«Марфа принимает в дом свой Господа, а при ногах Его сидит Мария (Лук.10:38). В обеих сестрах видно прекрасное усердие; но ты различай дела. Марфа служила, приготавливая к угощению нужное для телесной Его потребности; Мария, сидя при ногах Его, слушала слова Его. Поэтому одна упокоивала видимое, а другая служила невидимому; потому что присутствующий у них действительно был и человек, и Бог. Сам Господь одобрил усердие обеих жен. Но Марфа, утомленная трудом, призывала Господа в посредники, чтобы и сестру свою иметь помощницею в служении. Рцы ей, говорит она, да восставши ми поможет. Господь же говорит ей: «Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе: единоеже есть на потребу. Мария же благую часть избра, яже не отъимется от нее» (--40, 42). Я не для того здесь, чтоб возлежать и питать чрево, но для того, чтобы вас напитать словом истины и созерцанием тайн. — Поэтому, как одну не отвлек от того, чем занималась, так и другую одобрил за то, к чему была внимательна».

«Вникни же, что значат сии две части, представляемые в лице двух женщин, одна низшая, избравшая для себя служение телесному, впрочем, самое полезное, а другая высшая и более духовная, возшедшая до созерцания тайн. Сие разумеи духовно, и избери что хочешь. Если желаешь услуживать, служи о имени Христовом; ибо Сам Он сказал: «понеже сотвористе единому сих братьев Моих меньших, Мне сотвористе» (Мф.25:40). Принимаешь ли у себя странных, упокоиваешь ли бедных, сострадаешь ли болезнующим, подаешь ли руку помощи находящимся в нужде и несчастий, услуживаешь ли недужным, все это Христос приемлет на Себя. Но если хочешь соревновать Марии, которая оставила служение телу, а востекла к созерцанию духовных видений; то искренно приступи к делу. Оставь тело, не вступай в земледелие и приготовление и заготовление снедей; но сиди у ног Господних, и слушай слово Господне, чтобы стать тебе причастником тайн Божества;

потому что внимание урокам Иисусовым выше служения телу. Воспользуйся же сими примерами и сим указанием. Подражай чему хочешь; будь или служителем бедных, или любителем догматов Христовых. Если же хочешь возревновать о том и о другом; то тем и другим приобретешь плод спасения. Впрочем, духовное учение есть первое, а все прочее – второе по нем. Ибо сказано: Мария благу часть избра. Поэтому если и ты хочешь быть тайником Христовым, сядь при ногах Христовых, приими благовествование Христово, восприми в себя всю жизнь Христову и неси беспечно; но забудь и собственное тело свое. И, таким образом, возможеши беседовать со Христом в созерцаниях, чтобы подражать Марии и пожать горную славу» (Уст. 1).

Из приведенных мест достаточно видны мысли св. Василия Великого о трудностях спасти душу свою, в мире живучи, хоть бы и не по мирскому и достигнуть там, предназначенного христианам, совершенства; вследствие чего необходимо возревновавшему о спасении души, об искреннем богоугождении и совершенстве христианском, состоящем в бесстрастии и чрез то в Богообщении, – не только воздержаться от супружества, но и бежать из мира. Одно убежище безопасное – удаление от мира. Совместить то и другое невозможно». Невозможно, говорит, в одно время иметь успех в том и в другом, – и в делах мира сего, и в жизни по Богу. И Божественные Писания, которым научены мы, и самая природа полны подобных примеров. И в умственной деятельности совершенно невозможно в тоже время обдумывать двух мыслей. И в принятии чувственных впечатлений нельзя в тоже время принять и различать двух голосов, вместе достигающих слуха, – хотя отверсты у нас два слуховые прохода. И глаза, если не будут оба устремлены на один видимый предмет, не могут в точности исполнять своего дела. И это показывает нам природа. Поэтому для чего соединять нам несоединимое, – волнения общественной жизни и упражнение в благочестии? Не лучше ли, удалясь от сих волнений и от того, чтоб и самим иметь, и другим доставлять дело, оставаться самим с собою, и,

какую предположили себе цель благоговейной жизни, утвердить самым делом» (Пис. 283).

В чем же существо отречения от мира?

В отвержении всех обычаев мирских, раздражающих и питающих страсти и в видимом удалении от общения с людьми, живущими по духу мира, в отречении от всякой собственности чрез раздаяние всего, что имелось, бедным за один раз и оставаясь ни с чем, с одною надеждою на промысление Божие, в погашении самых естественных чувств родства и пресечении всяких знакомств и приятств житейских, со вступлением в другой мир, где другие отцы, другие братия и други. Св. Василий изображает это во многих местах; но есть в правилах пространная и особая об этом статья, – именно, ответ на 8-й вопрос. Здесь он пишет:

«Поелику Господь наш Иисус Христос, после сильного и многими делами подкрепленного доказательства, всем говорит: «если кто ко Мне идет, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет» (Мф.16:24); и еще: «такое убо всяк от вас, иже не отречется всего своего имени, не может быть Мой ученик» (Лк.14:33); то думаю, что повеление сие простирается на многие вещи, которых отчуждение необходимо. Ибо прежде всего отрицаемся диавола и плотских страстей мы, отрекшиеся тайных срама (2Кор.4:2), телесного сродства, человеческой дружбы и навыков жизни, противоборствующих точности Евангельского спасения. И, что еще необходимее, «отрицаемся самих себя, совлекшись ветхого человека с деяньми его» (Кол.3:9), «тлеющего в похотех прелестных» (Еф.4:22). Но отрицаемся и от всяких пристрастий к миру, которые могут препятствовать цели благочестия. Таковой человек будет почитать истинными родителями породивших его благовествованием о Христе Иисусе, а братиями – приявших того же Духа сыноположения, на всякое же имущество станет смотреть, как на чужое, каково оно и действительно. Одним словом, «кому весь мир распяся, и он миру» (Гал.6:14), тот может ли еще принимать участие в мирских заботах? Господь наш Иисус Христос доводит до крайней степени ненавидение души своей и самоотвержение, когда говорит: аще кто хочет по

Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и потом уже присовокупляет: и по Мне грядет. И еще: «аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего, и мать, и жену, и чад, и братию, и сестер, еще же и душу свою, не может Мой быть ученик» (Лк.14:26). Поэтому совершенное отречение состоит в том, чтобы преуспеть в беспристрастии даже и к самой жизни и иметь в себе осуждение смерти, «да не на ся надеющиеся будем» (2Кор.1:9). Начинается же оно отчуждением от внешнего, как-то: имения, суетной славы, привычек жизни, пристрастия к бесполезному, что показали нам примером своим святые ученики Господни, Иаков и Иоанн, оставившие отца своего Зеведея и самый корабль, доставлявший все средства к поддержанию жизни; также и Матфей, восставший с мытницы и последовавший за Господом, не только оставив выгоды своего промысла, но и презрев опасности, какие должны были постигнуть его и его домашних по притязанию начальства за оставление неконченными счетов по сбору пошлин; а Павлу весь мир распяся и он миру».

«Таким образом, объятый сильным желанием последовать Христу не может уже предаваться ничему, касающемуся этой жизни, ли любви к родителям и домашним, как скоро она противна повелениям Господа (ибо тогда имеет место сие изречение: аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего, и мать, и проч.), ни страху человеческому, так чтобы ради его оставить что либо полезное, в каковом бесстрастии преуспевали святые, говоря: «подобает повиноваться Богу паче, нежели человекам» (Деян.5:29). И на смех мирских людей над добрыми делами, но обращает он такого внимания, чтобы поражаться их осмеянием. А кто хочет точнее и яснее узнать, какая сила сопряжена с вожделением последовать Господу, тот пусть вспомнит, что Апостол в назидание наше повествует о себе и говорит: «аще кто мнит надеяться во плоти, аз паче: обрезан осмодневно, от рода Израилева, колена Вениаминова, Евреин от Еврей, по закону фарисей, по ревности гоних Церковь, по правде законней быв непорочен. Но яже ми бяху приобретения, сия вмених Христа ради тщету быти, за превосходящее разумение Христа Иисуса Господа моего. егоже

ради всех отщетишься, и вменяю уметы быти, да Христа приобретаю» (Фил.3:4–8). Ибо если Апостол (скажу нечто смелое, впрочем, справедливое), если он самому презренному и нечистому в теле, что всего более спешим удалить от себя, уподобил Богом данные на время преимущества, как служащие препятствием к уведению Христа, к оправданию в Нем, к сообразованию себя со смертью Его; что после сего сказать об узаконениях человеческих? И нужно ли еще подтверждать мысль сию нашими рассуждениями и примерами святых? Можно представить собственные изречения Господа и ими убедить робкую душу; потому что Господь непререкаемо свидетельствует, говоря: «такое убо всяк от вас, иже не отречется всего своего имени, не может быть Мой ученик» (Лк.14:33). И в другом месте после слов: «аще хочеши совершен быти, говорит Он, иди продаждь имение твое, и даждь нищим, а потом уже присовокупляет: и гряди в след Мене» (Мф.19:21). Сюда же относится притча о купце, как это ясно для всякого благомыслящего. Ибо сказано: «подобно есть царствие небесное человеку купцу, иже обрет един много ценен бисер, шед продаде вся, елика имяше, – и купи его» (Мф.13:45–46). Явно же, что многоценный бисер взят здесь в подобие царства небесного, которого нам, как показывает слово Господне, невозможно приобрести, если в промен за оное не отдадим все, что у нас есть, богатство, славу, род, и, если что еще вожделенно для многих».

«А что уму, развлеченному разными заботами невозможно преуспеть в желаемом, Господь подтвердил сие, сказав: «никтоже может двема господинома работати»; и еще: «не можете Богу работати и мамоне» (Мф.6:24). Поэтому надобно нам избрать одно небесное сокровище, чтобы в нем было сердце наше. Ибо сказано: идеже есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше (--21)».

А если оставим себе какое либо земное имущество и тленное богатство; то, поскольку ум будет зарыт здесь, как в некоторой тине, душа, по необходимости, не увидит Бога и не подвигнется к вожделению небесных красот и уготованных нам по обетованиям благ, обладания которыми достигнуть нам

невозможно, если постоянная и сильная любовь не ведет к исканию оных и не облегчает нужного ради их труда.

«Посему отречение от мира, как видно из сказанного, есть разрешение уз этой вещественной и временной жизни, свобода от человеческих обязательств, делающая нас более способными начать путь к Богу. Это беспрепятственный случай к приобретению и употреблению того, что многоценно «паче злата и камене честна многа» (Пс.18:11), и короче сказать, переселение человеческого сердца в жительство небесное, чтобы можно было говорить: «наше житие на небесех есть» (Фил.3:20), а что еще важнее, это – начало уподобления Христу, Который «нас ради обнища, богат сый» (2Кор.8:9). И если не преуспеем в этом, нельзя нам приступить к жизни по Евангелию Христову. Ибо сокрушение сердца, смирение в образе мыслей, освобождение от гнева, скорби, забот, коротко сказать, от пагубных страстей могут ли иметь место при богатстве, житейских попечениях, пристрастии и привычке к другим? Вообще же кому не дозволено иметь попечение даже о самом необходимом как то: о пище и одежде, того убедит ли какая причина окружить себя лукавыми попечениями о богатстве, как терниими, препятствующими плодоношению семени, какое посеяно земледельцем душ наших? Сам Господь сказал: «сии суть, иже в тернии сеемии, от печали и богатства, и сластей житейских подавляются, и не совершают плода» (Мр.4:18; Лк.8:14)».

Таково мироотречение! Почему о решающихся на него св. Василий говорит в другом месте, что они «свергнув с себя бремя многостяжания, поспешают к нищелюбивой и не развлеченной жизни и вознамерившись последовать Христу притекают к крестоносной жизни монахов» (стр. 45).

Будучи же таковым, оно не может совершиться без глубокой внутренней брани и без болезненного перелома воли и всего настроения. Две борьбы проходит истинный мироотречник, чтобы мироотречение его было плодоносно: первая – отречение от родства и имущества, а вторая отречение от своей воли. О том и другом говорит он так:

«В самом начале своего отречения от мира, чтобы не увлечься пристрастием к сродникам по плоти, мужайся, укрепляя себя обменом смертного на бессмертное. Также, когда самым делом оставляешь собственность свою, будь непреклонен и несомненно уверен, что препосылаешь это на небо, скрывая в недрах убогих, и обретая у Бога с великим приращением. Разрывая связь с друзьями и близкими, не будь прискорбен; потому что сопрягаешься со Христом, за тебя распявшимся; а такого дружелюбия можешь ли представить себе, что выше?

«Когда же, при Божиим содействии, победишь врага своего в этой первой борьбе; не бросай себя, подобно какому-нибудь негодному сосуду. Ибо отречением от земных вещей ты украсил уже себя пред Христом. Но с великою заботливостью и внимательностью постарайся найти мужа, который бы непогрешительно предшествовал тебе в образе жизни и хорошо умел руководить шествующих к Богу (строного настоятеля, который строго держит обитель). И когда найдешь такого, предай ему себя, ни во что, вменив и отринув прочь всякую волю свою, чтоб оказаться тебе подобным чистому сосуду, и что вложено в тебя доброго хранит в неприкосновенности с чем-либо чуждым ему. А если оставишь в себе какую-нибудь из прежде бывших в тебе страстей, то и доброе, если оно в тебе вложено, претворив в уксус, будешь изрынут вон, как негодный сосуд.

«Это вторая борьба с противником нашего спасения. Ибо у добрых учителей – и уроки добрые, а у злых, конечно, злые. Когда лукавый наш противоборник не в силах убедить нас, чтобы оставались в мирском неустройстве и в погибели; спешит он убедить, чтобы не предавали себя строгой жизни, или такому мужу, который все грехи наши выводит нам пред взоры и исправляет их, но чтобы вверились кому-либо из страстных славолюбцев, защищающему собственные свои страсти под предлогом снисхождения с живущими с ним вместе, чтобы, таким образом, незаметно соделав нас опять много страстными, опутать нас собственными узами греха. А если поручишь себя мужу, украшенному многими доблестями, то соделаешься

наследником благ, какие в нем, и будешь весьма блажен пред Богом и пред людьми. Но если, щадя тело свое, отыщешь учителя снисходительного к страстям твоим, или лучше сказать, вместе с тобою падающего, то напрасно ты вступал в подвиг отречения от мира; потому что предался страстной жизни, взяв себе слепого вождя, и глубоко погружаешься в бездну. «Слепец же слепца еще водит, оба в яму впадут: довлеет бо ученику да будет яко учитель его» (Мф.15:14; 10:25). Это – Божие слово, и оно не погрешит: тебе должно жить по закону подвижническому; в противном случае не будешь увенчан, как сказал Апостол: «еще и подвизается кто, не венчается, еще незаконно подвизаться будет» (2Тим.2:5)».

Сознавая неотложность таких требований и вместе нелегкость исполнения их св. Василий предостерегает задумавшего отречься от мира:

«Прошу, не делай этого без испытания; не воображай жизни удобоносной и спасенья без борьбы, а лучше наперед упражняйся в предпочтении терпения в скорбях телесных и душевных, чтобы, ввергнув себя в неожиданные борьбы, и потом, не имея силы противостоять встретившимся испытаниям, опять со стыдом и посмеянием не устремиться к тому, от чего бежал, к осуждению души, возвращаясь в мир и делаясь для многих соблазном, подавая всем повод заключать о невозможности жить о Христе. Опасность же сего знаете все вы, читающие Евангелие, в котором говорит Божественный глас: «унее ему было бы, еще жернов осельский облежал бы о выи его, и ввержен в море, неже да соблазнит от малых сих единого» (Лк.17:2); потому что будет он подлежать осуждению, не только как оставивший свои ряды волн, но и как виновный в гибели развращенных им, хотя бы думал уверять себя вздорными рассуждениями, будто, и живя в мире умиловливает Бога добрыми делами, – что для него невозможно. Кто в жизни безгрешной по ее неразвлеченности, не имел сил выдержать борьбу с врагом, тот в жизни многогрешной и им самим управляемой возможен ли преуспеть в какой-либо добродетели? А если бы кто и согласился, что он управляет собственною своею жизнью, то не избежит осуждения

за то, что оставил Христа, подобно ученикам, упоминаемым в Евангелии, о которых Божественный Евангелист свидетельствует: «мнози от ученик идоша вспять, и к тому не хожду со Иисусом, говоря: жестоко есть слово Его, кто может Его послушати» (Ин.6:60,66) (стр. 45)».

После всего сказанного само собою становится очевидным в чем задача мироотречного подвижничества. Задача сия в очищении души от страстей. Ревнитель такой жизни удаляется от мира: «но удаление от мира состоит не в том одном, чтобы телом быть вне мира, но чтобы душою оторваться от пристрастия к телу, не иметь у себя ни города, ни дома, ни собственности ни товарищества, быть нестяжательным, не беспокоящимся о средствах жизни, беспопечительным, избегающим всякого сношения с людьми, не знающим человеческих правил, готовым принимать впечатлеваемое в сердце божественным учением» (Пис. 2).

Ревнитель такой жизни хранит девство. Но «дарование девства заключает в себе не то одно, чтобы воздерживаться от деторождения, но весь образ жизни, и самая жизнь и нравы должны быть девственны, во всяком занятии безбрачного, показывая, нерастленность. Можно и словом соблюсти, и оком прелюбодействовать, и слухом оскверниться, и в сердце принять нечистоту, и неумеренностию в пище и питии преступить законы целомудрия. А кто чрез воздержание во всем этом соблюдает себя под законом девства, тот действительно показывает в себе совершенную и во всем преуспевшую благодать девства.

«Посему, если желаем, чтобы облик души нашей, по Божию подобию, украсился бесстрастием, а через сие приобрели мы и вечную жизнь, то будем внимать себе, чтобы, поступая в чем-либо недостойно обета, не подпасть одному суду с Ананиею. Не дав обета строгой жизни, можно еще желающему, согласно с дозволением и заколом, вступать в житейские связи, предаваться брачному союзу; но кто произнес уже обет свой, тому надобно соблюдать себя для Бога, как одно из священных приношений, чтобы тело, посвященное Богу обетом, осквернив

опять служением обыкновенной жизни, не подпасть суду за святотатство».

«Говорю же это, имея в виду не один род страсти, как думают некоторые, поставляя дело девства в одном хранении тела, но страстные расположения всякого рода, чтобы намеревающийся соблюдать себя для Бога не осквернил себя никаким мирским пристрастием. Гнева, зависти, памятозлобия, или гордости, парения мыслей, разговоров не во время, лености в молитве, пожелания иметь, чего еще нет, нерадения о заповедях, нарядных одежд, украшения лиц, собраний и бесед, противных приличию и ненужных, – всего этого столько должен остерегаться посвятивший себя Богу обетом девства, что ему равно почти опасно, как пребывать в грехе, от которого он отрекся, так и предаваться чему-либо одному из сказанного. Ибо все делаемое по страсти вредит душевной чистоте и препятствует Божественной жизни. Поэтому отрекшийся от мира должен то иметь в виду, чтобы себя – Божий сосуд не осквернить, как ни есть, страстным употреблением».

«Особенно же надобно ему рассудить, что избравший жизнь Ангельскую, преступив меры естества человеческого, подчинил уже себя уставам жития бесплотных. Ибо ангельскому естеству свойственно быть свободным от брачного союза, не развлекаться никакою другою красотою, но непрестанно погружаться в Божие лицецрение. Посему, вступивший в ангельский чин, если оскверняется человеческими страстями, подобен коже рыси, у которой шерсть не совершенно бела, и не вовсе черна, но испещрена смесью разных цветов, и не причисляется ни к черным ни к белым».

«И это пусть будет некоторым общим правилом для избравших жизнь воздержную и чистую» (стр. 69, 70).

Но выразительнее представляет сие св. Василий сравнением подвижника с воином. Этим он и начал свое предначертание подвижничества (стр. 39 и д.).

«Прекрасны узаконения царя, объявляемые подданным, но выше и более царственны его приказы воинам. Поэтому, как провозглашению воинских приказов да внимает тот, кто желает горнего и великого чина, кто хочет всегда быть Христовым

воителем, кто слышит эти великие слова: «аще кто Мне служит, Мне да последует: и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет» (Ин.12:26). Где царь Христос? – Туда тебе, воин, должно направлять шествие. Забудь о всяком упокоении на земле».

«Ни один воин не строит себе дома, не приобретает во владение полей, не вмешивается в различные купли для приумножения имущества. «Никто же воин бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет» (2Тим.2:4). Нужное к пропитанию воин имеет от царя; он не должен сам себе добывать пропитание и даже заботиться об этом. Ему везде у подданных царя отверзт дом по царскому повелению; не нужно ему прилагать попечения о доме. У него на широкой дороге шатер, и пища по мере нужды, и питье вода, и столько сна, сколько дала природа; а походов и бдений много, терпеливость и к зною и к холоду, битвы с противниками, опасности крайние, многократно встречается и смерть, но смерть славная; у него и почести, и дары царские. Многотрудна жизнь его в военное время, но светла во время мира. А награда за доблести, а венец прекрасных заслуг? – Ему вверяется начальство, он именуется другом царевым, имеет близкий доступ к царю, удостоивается прикасаться к царской деснице, принимает отличия из царских рук, властвует над подчиненными и ходатайствует за друзей и посторонних, за кого угодно».

«Итак, воин Христов, взяв себе малые образцы из дел человеческих, размысли о благах вечных. Предназначь себе жизнь бездомную, не общественную, нестяжательную. Сделайся независимым, отрешись от всех мирских забот, да не связывают тебя ни вожделение жены, ни попечение о детях; потому что это невозможно для воинствующего Богу. Да не побеждает тебя телесная природа, да не стесняет тебя против воли, да не сделает из свободного узником. – «Подражай небесному жениху, низлагай восстания невидимых врагов, веди брань с началами и властями» (Еф.6:12), изгоняя их из своей души, чтоб не имели они в тебе части. – Всего более доверяй себя руке великого Царя, которая едва только покажется, приводит в страх и обращает в бегство сопротивных. Будь неодолим для всякого труда в ополчении, непоколебим душою среди опасности. – Не

теряй веры, имея пред очами Христа, ради тебя все претерпевшего, и зная, что ради Христа и тебе должно терпеть все. – И сим победишь; потому что последовал победителю Царю, Который хочет и тебя сделать участником Своей победы».

«Если и умрешь, не будешь побежден, – но тогда то и одержишь совершенную победу, – перешедши от смерти к жизни вечной, от бесчестия у людей к славе у Бога, от скорбей и мучений в мире к вечным успокоениям с Ангелами. Земля не приняла тебя в свои граждане, но примет небо; мир гнал, но понесут Ангелы представить тебя Христу, и наречешься другом, и услышишь сию вожделенную похвалу: добре, благий рабе и верный, воин доблий, подражатель Владыки, последователь Царя. Я вознагражу тебя Своими дарами; Я послушаю слов твоих, потому что и ты слушал Моих. Попросишь спасения утружденным братиям и общникам веры, тайникам любви, – и приимешь для них причастие благ. – Будешь ликовать вечным ликованием, блаженно вечнуя в лице блаженства».

«Поелику таковы и так славны награды, уготовленные воинствующим по Христе, то да возжелают сего воинствования и отцы для сынов, и матери для дочерей. Да приведут они рожденных ими (в дар Господу) вожделевая иметь в них заступников у Христа и добрых молитвенников. Посвятим Господу дарованных Им, чтоб и нам иметь общение в прославлении детей своих».

Из видов мироотречной жизни общежитие прямее ведет к последней цели нашей

Так, по св. Василию Великому, чтобы в совершенстве жить по закону Евангельскому, необходимо отречься от мира. Но мироотречная жизнь имеет не одну форму; с самого начала образовалось несколько ее видов, и во всяком из них являлись лица высокой жизни. Св. Василий находит лучшим образ мироотречной жизни общежительный, но затворнический, противопоставляя его одиночеству, не тому, какое велось в среде учеников св. Антония, но тому, какое он видел в своей местности, – одиночеству без руководства и надзора, с неизбежным для него общением с мирянами и с миром. Такое одиночество не вело прямо к цели и было сопряжено с большими затруднениями, хотя оно само по себе выше общежития. Св. Василий учредил такой образ иночества, в котором старался совместить, что есть лучшего в одиночном подвижничестве и предотвратить, что есть в нем неудобного и удаляющего от цели. И его общежитие было одиночно, но целым корпусом, в котором каждый мог так держать себя будто он один. При этом имелась возможность общими силами удовлетворять всем естественным потребностям, не имев нужды входить в общение с миром и мирянами, – от чего едва ли кто из одиночников мог быть свободен.

Вот слова св. Василия Великого об учрежденном им образе иночества (см. стр. 71 и д.).

«Удалившиеся от жизни обыкновенной и подвизающиеся для жизни Божественной, пусть подвизаются не сами по себе и не по одиночке. Ибо для такой жизни нужно засвидетельствование, чтобы избыть ей лукавого подозрения. И как закон духовный требует, чтобы вкушающих таинственную пасху было не менее десяти⁴, так и здесь надобно, чтобы лучше увеличивалось, нежели уменьшалось десятиричное число совокупно подвизающихся в духовной жизни (стр. 71)».

«Поелику же нравы у людей различны, и не все одинаково рассуждают о полезном; то, чтобы не было какого-либо

расстройства, если каждый будет жить по своей воле, такого человека, о котором засвидетельствовано, что он пред всеми отличен благоразумием, постоянством и строгостью жизни, надобно поставить в наставники другим» (стр. 79). «И да будет он началовождем в благообразии жизни, и над братством, добровольно повинующимся ему из одной благопокорности и смиренномудрия, да имеет такую власть, чтобы никому в этом обществе не дозволялось противиться воле его, когда приказывает что-нибудь клонящееся к благообразию и строгости жизни» (стр. 71, 72). «Истинное и совершенное послушание подчиненных наставнику выражается в том, чтобы не только, по совету настоятеля, удерживаться от несообразного, но чтобы без его воли не делать даже и самого похвального; кто и последнее делает, себе угождает» (стр. 80).

«Когда многие, имея ту же цель спасения, вступают в общежитие друг с другом, надобно прежде всего в них утвердить, чтоб у всех было одно сердце, одна воля, одно вождение, и как заповедует Апостол, чтоб вся полнота собрания была одним телом, составленным из разных членов (1Кор.12:12). А в сем не иначе можно преуспеть, разве, когда превозможет обычай – ничего не называть чьею-либо собственностью, ни одежды, ни сосуда, ничего другого из употребительного в общей жизни, чтобы каждая такая вещь служила потребности, а не владеющему ею» (стр. 79).

«Проходящим подобную жизнь прилично придумать такой способ пропитания, какой предлагает Апостол, «да своими руками делаяще благообразно свой хлеб едят» (2Сол.3:12). А работа их должна быть в распоряжении какого-нибудь старца, засвидетельствованного по честности жизни, который распределит дело рук их на нужные потребности, чтоб исполнилась и заповедь, повелевающая «в поте и труде снискивать пищу» (Быт.3:19), и благопристойность их поведения оставалась без укоризны и осмеяния, когда не будет им никакой нужды показываться в народе ради жизненных потребностей» (стр. 72, 73). «У всех пусть будет одна общая кладовая. А употребление вещей пусть будет во власти настоятеля, чтобы,

по его распоряжению, каждый, что ему прилично, тем и пользовался из общего» (стр. 75).

«Прислуживание общему собору да будет поочередное, и пусть двое попеременно в продолжении одной недели имеют все попечение, требуемое нуждою, чтобы и награда за смиренномудрие была общая, и никому невозможно было даже и в прекрасном иметь преимущество пред братством, чтоб и отдохновение давалось всем равно. Ибо попеременное утомление и отдохновение делают усталость нечувствительною трудящимся» (стр. 76).

Таковы начала, на которых св. Василий построил свое общежитие. И вот преимущества такой жизни.

В ответе на 7-й вопрос (пр.) он говорит:

«Примечаю, что совокупное пребывание многих во многих отношениях полезнее».

«Во-первых каждый из нас сам собою не может удовлетворить телесным потребностям⁵, но к снисканию необходимого имеет нужду друг в друге. Ибо как нога одну силу имеет, а другой лишена, и без помощи прочих членов находит, что ее деятельность не сильна и недостаточна к собственному ее поддержанию и не может вознаградить недостающего; так и в одинокой жизни, что есть, то делается для нас бесполезным, а чего нет, то невознаградимым; потому что Создатель Бог определил, чтобы мы имели нужду друг в друге, и, по написанному вступали друг с другом в единение (Сир.13:20)».

«Потом в удалении от всех не легко узнавать каждому свой недостаток, не имея человека, который бы обличал его и исправлял с кротостию и с сердоболием. Ибо и от врага обличение нередко в благосознательном возбуждает желание врачевания и возлюбившим искренно врачевание греха производится искусно. Ибо сказано: «любяй наказует прилежно» (Прит.13:25). Самого же человека (могущего вразумлять) в одиночестве найти трудно, если кто прежде не сблизился с ним в жизни; почему с ним сбывается сказанное: «горе единому, яко аще падет, не кому воздвинуть его» (Еккл.4:10)⁶».

«Совокупная жизнь более одиночной способствует к соблюдению дарованных нам от Бога благ, и к сохранению от

внешних козней врага. Надежнее пробуждение людьми бодрственными, если бы одному и случилось, когда задремать тем смертельным сном, об избавлении от которого научил нас молиться Давид, говоря: «просвети очи мои, да не когда усну в смерть» (Пс.12:4). И согрешающему удобнее расстаться с грехом, когда приводит его в стыд согласное осуждение многих, так что к нему применимо сказанное: «довольно таковому запрещение еже от многих» (2Кор.2:6); а для преуспевающего великим удостоверением служит одобрение многих и согласие их на дело. Ибо, «если при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол» (Мф.18:16); то очевидно, что делающий доброе дело гораздо непоколебимее утвердится на свидетельстве многих».

«А жизнь одинокую, кроме показанных опасностей, сопровождают и другие. Первая и важнейшая из них опасность самомнения. Ибо, не имея человека, который бы мог оценить дело его, возмнит, что достиг до совершенства заповеди».

«Поэтому совокупное житие братий есть поприще подвижничества, благонадежный путь к преспеянию, постоянное упражнение и поучение в заповедях Господних. И оно, как целию имеет славу Божию, по заповеди Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: «так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая ваша дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех» (Мф.5:16), так сохраняет в себе черты упоминаемых в книге Деяний Святых, о которых написано: «все же веровавший бяху вкупе, и имеяху вся обща» (Деян.2:44); и еще: «народу же веровавшу бе сердце и душа едина, и ни един же что от имений своих глаголаше быти свое, но бяху им вся» обща (--4, 32)».

Но с большею живостью говорит он о сем в 18-й главе подвижнических уставов.

«Большая часть подвижников живут обществами, изошряя друг в друге мысли об усовершеннии себя в добродетели и чрез взаимное сравнение того, что делает для сего каждый, возбуждая себя к преспеянию в добром. – Да уразумеют таковые великость и важность блага, которого делаются причастными чрез общежитие».

«Возлюбив общение и совокупную жизнь, возвращаются они к тому, что по самой природе хорошо. Ибо то общение жизни называю совершеннейшим, из которого исключена собственность имущества, изгнана противоположность расположений, в котором с корнем истреблены всякое смятение, споры и ссоры, все же обще – и души, и распоряжения, и телесные силы, и что нужно к питанию тела и на служение ему, в котором один общий Бог, одна общая купля благочестия, общее спасение, общие подвиги, общие труды, общие венцы, в котором многие составляют одного, и один не единствен, но во многих».

«Что равняется сему житию, и что блаженнее оно? Что совершеннее такой близости и такого единения? Что приятнее этого слияния нравов и душ? Люди, подвигшиеся из разных племен и стран, привели себя в такое совершенное тождество, что во многих телах видится одна душа, и многие тела оказываются орудиями одной воли. Немощный телом имеет у себя многих состраждущих ему расположением; больной и упдающий душою имеет у себя многих врачующих и восстанавливающих его. Они в равной мере и рабы и господа друг другу, и с непреодолимой свободой взаимно оказывают один перед другим совершенное рабство, – не то, которое насильно вводится необходимостью обстоятельств, погружающее в великое уныние плененных в рабство, но то, которое с радостию производится свободой произволения; потому что любовь подчиняет свободных друг другу и охраняет свободу самопроизволом. Богу угодно было, чтобы мы были такими и в начале; для сей цели и сотворил Он нас. И они-то (общежительники), изглаждая в себе грех праотца Адама, возобновляют первобытную доброту; потому что у людей не было бы ни разделения, ни раздоров, ни войны, если бы грех не рассек естества. Они- то суть точные подражатели Спасителю и Его житию во плоти. Ибо как Спаситель, составив лик учеников, даже и Себя сделал общим для Апостолов; так и сии, повинующиеся своему вождю, прекрасно соблюдая общее правило жизни, в точности подражают житию Апостолов и

Господа. Они-то соревнуют жизни Ангелов, подобно им, во всей строгости соблюдая общительность».

«Таковы истинные подвижники, не земное себе присвояющие, но домогающиеся небесного, общежительно. Они то предвосхищают блага обетованного царствия, в доброхотном житии и общении представляя точное подражание тамошнему жительству и состоянию. Они-то на самом деле хранят совершенную нестяжательность, не имея у себя никакой собственности, но все делая взаимным. Они-то ясно показали жизни человеческой, сколько благ доставило им Спасителево вочеловечение; потому что расторгнутое и на тысячи частей рассеченное естество человеческое, по мере сил своих, снова приводят в единение и с самим собою и с Богом. Ибо это главное в Спасителевом домостроительстве во плоти – привести человеческое естество в единение с самим собою и с Спасителем, и истребив лукавое сечение, восстановить первобытное единство; подобно как наилучший врач целительными врачевствами вновь связывает тело, расторгнутое на многие части».

«И это изобразил я, чтобы по возможности показать высоту и величие сего доброго дела. И что может стать наравне с сим благом? – Здесь один отец и подражает небесному Отцу; а детей много, и все стараются превзойти друг друга благорасположением к настоятелю, все между собою единомысленны, услаждают отца доброхвальными поступками, не узы естества признавая причиною сего сближения, но вождем и блюстителем единения соделав Слово, Которое крепче природы, быв при сем связуемы союзом Святого Духа. Можно ли в чем земном найти какое подобие к изображению совершенства этой добродетельной жизни? Но в земном нет никакого подобия; остается одно подобие горнее. Небесный Отец бесстрастен, без страсти и этот отец, всех приводящий в единство словом. Не растленными хранят себя дети небесного Отца; и сих сблизило соблюдение нерастления. Любовь связует горних; любовь и их привела в согласие друг с другом. Подлинно, и сам диавол приходит в отчаяние пред этою дружиною, не находя в себе сил против такого числа борцов,

которые с такою готовностью и такими тесными рядами ополчаются против него, так прикрывают друг друга любовью, и столько ограждены Духом, что нет и малейшего места, открытого для его ударов. Представь себе этот единодушный подвиг седми Маккавеев, и найдешь, что в согласии сих подвижников еще более горячности. О них то пророк Давид восклицал песненно, говоря: «се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе» (Пс.132:1), словом: добро – изображая достохвальность жизни, а словом: красно – веселие, производимое единомыслием и согласием. Кто во всей точности проходит жизнь сию, тот, по моему мнению, ревнитель высочайшей добродетели».

Из всего, сказанного св. Василием Вел. об общежительном образе мироотречной жизни, видно, что иноческое общежитие есть общество единодушных братий в удалении от мира под руководством одного опытейшего отца, стремящихся к полному достижению цели христианского благочестия, или к совершенству в христианской жизни, состоящему в пребывании в постоянном живом богообщении чрез умерщвление страстей.

Производители успеха в сем роде жизни суть: решительное разобщение с миром и всем мирским, уединение и молчание, чтоб ни глаз, ни слух, ни язык не раздражали кроющихся внутри страстей и не давали им пищи; свобода от житейских забот, безмятежие и беспопечение, чтоб изнутри ничто не раздражало страстей, страстных мыслей и предприятий, – для чего в общежитии заводится обязательное для всех рукоделие в известной мере, при коем всякий ни о чем не заботится, кроме того, чтоб исполнить свой урок в изделиях, уверен будучи, что у него будет и пища и одежда и кров; но и те, кои промышляют о всем, тоже ни о чем не заботятся, зная, что к ним идут изделия, дающие возможность приобретать все нужное: от этого все всё имеют и каждый особо – ничего. За устранением всего развлекающего, непрестанное пребывание с Богом в молитвенном и богомысленном к Нему обращении, с изучением Божественного Писания и богооткровенных истин; совершенное отречение от своей воли чрез полное послушание отцу своему, чтоб не только удаляться от всего худого, но и хорошего ничего

не делать без его ведома и разрешения; каждодневная исповедь всего, бывшего днем на душе, чего не одобряет совесть, или что возбуждает недоумение; крепкая взаимная братская любовь всех, обращенная исключительно на преуспевание каждого в главном, в совершенстве духовном, при служении друг другу и в телесных потребах.

Св. Василий Великий часто делал очерки такой жизни, всю ее представляя в одной сжатой картине. Мы уже видели такие очерки в письме к св. Григорию (пис. 2) и в окружном письме к монахам о совершенстве иноческой жизни (пис. 22). Есть их несколько и в предшествующих правилам словах. Не делаем здесь выписок из них; частные, содержащиеся в них правила внесем в Устав, к изложению которого и приступим.

Б. Правила для общежителей, или самый Устав св. Василия Великого

1. О настоятелях

Как общежитие есть общество братий, состоящее под руководством одного отца, то в нем все держится сим отцом. Хорош он, – и в обители все хорошо; не исправен он, – и в обители не ищи порядка и добра. Потому св. Василий Вел. много занимается настоятелями, определяя их свойства, избрание, обязанности и образ действий достодолжный.

1. Настоятель должен быть муж, «который бы непогрешительно предшествовал всем в образе жизни, хорошо умел руководить шествующих к Богу, украшен был добродетелями, в собственных делах своих имел свидетельство любви своей к Богу, был сведущ в Божественных Писаниях, не рассеян, не сребролюбив, не озабочен многим, безмолвен, боголюбив, нищелюбив, не гневлив, не памятозлобен, силен в назидании сближающихся с ним, не тщеславен, не высокомерен, не льстив, не изменчив, ничего не предпочитал Богу» (стр. 49, 50).

2. «Началовождем поставляется избранный из прочих братий, – благоустроенный во всем поведении, при принятии во внимание и лет его жизни. Ибо в естестве человеческом что старее, то и почтеннее. поскольку же надобно, чтобы общество было совершенно благопокорно и подчинено настоятелю; то прежде всего необходимо избрать такого вождя для сего жития, чтобы жизнь его для взирающих на него была образцом всего доброго, и как говорит Апостол, «трезвенна, целомудренна, честна, учительна» (1Тим.3:2). И мне кажется, что надобно испытать его не в том одном отношении, старее ли он летами, – ибо при седине и морщинах можно иметь юные правы – но преимущественно в том отношении, по седине ли его нрав и поведение в благоустроенной жизни, чтоб все, что он ни говорит и ни делает, могло быть для общества вместо закона и правила» (стр. 71, 72).

3. «В наставники другим надо поставить отличающегося пред всеми благоразумием, постоянством и строгостию жизни, чтоб доброе в нем сделалось общим для всех ему

подражающих. Если многие живописцы будут списывать черты одного лица, то все изображения будут сходны между собою; потому что сходны с одним лицом. Так, если многие нравы будут устремлены к подражанию нравам одного, во всех равно будет сиять добрый образ жизни. Поэтому с избранием одного останутся в бездействии все частные произволения, и с превосходнейшим будут сообразоваться все последующие, повинаясь Апостольской заповеди, которая повелевает, чтобы «всяка душа властем предержащим повиновалась: потому что противляющийся себе грех приемлет» (Рим.13:1–2)» (стр. 79, 80).

4. «Надобно, чтобы настоятель, помня заповедь Апостола, который говорит: «образ буди верным» (1Тим.4:12), представлял в жизни своей ясный пример всякой заповеди Господней так, чтобы поучаемым не оставлял никакого повода почитать заповедь Господню невозможною для исполнения, или удобно пренебрегаемою» (Пр. 43).

5. «И во первых, что есть самое главное, – ему надобно, по любви Христовой так преуспевать в смиренномудрии, чтобы, когда и молчит, пример его дел служил уроком, поучающим сильнее всякого слова. Ибо, если цель христианства подражание Христу в меру вочеловечения, сколько сие сообразно с званием каждого; то, кому вверено путеводство многих, те обязаны по средствам своим людям еще немощных побуждать идти вперед в уподоблении Христу, по слову блаженного Павла, который говорит: «подражатели мне бывайте, яко же и аз Христу» (1Кор.11:1). Посему они первые, достигнув в меру смиренномудрия, показанную Господом нашим Иисусом Христом, должны сделаться точным Его образцом. Ибо Христос сказал: «научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем» (Мф.11:29). Потому кротость нрава и смирение сердца да отличают настоятеля. Если Господь не постыдился служить рабам Своим, но благоволил быть служителем земли и брения, которое Сам создал, и Сам образовал в человека; то, как должны мы вести себя с равночестными нам, чтобы могли помыслить, что подражаем

Ему? И вот одно из качеств которое особенно должно быть в настоятеле» (там же).

6. «Сверх того он должен быть мягкосерд, великодушно переносить, если кто, по неопытности, не выполняет какой либо своей обязанности, не молчать о грехах, но с кротостию терпеть непослушных, и со всем мягкосердием и с умеренностию давать им врачевства, быть способным отыскивать способ врачевания, свойственный немощи, не с высокомерием делать выговор, но «с кротостию увещевать и наказывать, по написанному» (2Тим.2:25), быть рассудительным в делах настоящих, предусмотрительным в рассуждении будущего, иметь силу подвизаться вместе с крепкими, носить немощи немощных, быть в состоянии все делать и говорить к усовершению живущих с ним».

7. «Настоятель не сам себе должен присвоить первенство, но быть избран первенствующим и в других обществах, и в предшествовавшей жизни показать достаточные опыты своего благонравия. Ибо сказано: «и сии да искушаются прежде, потом же да служат, непорочни суще» (1Тим.3:10). Кто таков и так избран, тот да приемлет настоятельство и да установит благочиние в братстве, распределив каждому занятия, кто к чему способен» (Пр. 43).

8. «Начальник должен, как отец, пекущийся о своих законных детях, обращать внимание на нужды каждого, и, по возможности, употреблять приличное врачевание и попечение, и поддерживать с любовью и свойственным отцу доброжелательством каждый член, действительно немоществующий по душе и по телу» (Уст. гл. 28).

9. «Тот, кому поручено заботиться о всех, будучи обязан дать отчет за каждого, так и должен располагать себя, зная, что если один из братьев впадет в грех потому, что он не сказал ему предварительно оправданий Божиих, или впадши в грех, пребывает в нем не наученный, как исправиться; то кровь брата, по написанному, от рук его взыщется (Иезек.3:20), и особенно, если не по неведению оставит он без внимания что либо угодное Богу, но из ласкательства, потворствуя порокам каждого, ослабит строгие правила жизни. Ибо сказано:

«блажащий вас льстят вы, и стезю ног ваших возмущают» (Исаии.3:12); «смущаяй же вас понесет грех, кто бы ни был» (Гал.5:10). Посему и нам, чтобы не подпасть сему, надобно в беседе с братьями следовать Апостольскому правилу. Ибо сказано «никогда же в словеси ласкания быхом, якоже весте: ниже в вине лихоимания, Бог свидетель: ни ищуще от человек славы, ни от вас, ни от инех» (1Сол.2:5–6). Поэтому, кто чист от этих страстей, тот, может быть, поведет путем безопасным, с наградой для себя, и ко спасению последующих ему. Ибо кто не ради каких-либо почестей от людей, не из желания правиться и угождать, но действительно из любви приступает к делу, тот ни в чем не решаясь исказить истину, с дерзновением простирает к ним неподдельное и искреннее слово, почему идет к нему и то, что далее сказано у Апостола: «но быхом тиси посреде вас, якоже доилица греет своя чада: тако желаяще вас, благоволихом подати вам не точию благовествование Божие, но и души своя» (1Сол.2:7–8). А кто не таков, тот – слепой путеводитель: и сам падает стремглав, и других влечет за собою» (Пр. 25).

10. «Из сказанного уже можно видеть, сколь худо из путеуказателя стать для брата причиною скитания по ложным путям. Но это служит вместе знаком, что он не преуспевает в заповеди о любви; потому что ни один отец не смотрит равнодушно на свое детище, готовое упасть в ров, и не оставляет в этом падении уже падшего сына. А сколько ужаснее оставить в погибели душу, низринувшуюся во глубину зол, нужно ли о том и говорить? Посему настоятель обязан братии бдеть о душах их, и иметь попечение о спасении каждого, как повинный дать о них отчет; попечение же свое должен простираť до того, чтобы показать свое тщание о братии даже до смерти, не только по общему для всех закону Господню о любви, «да кто душу свою положит за други своя» (Ин.15:13), но и по особенному закону сказавшего: желаяще вас, благоволихом подати вам не токмо благовествование Божие, но и души своя» (Пр. 25).

11. Настоятеля да не надмевает сан, чтобы самому ему не лишиться блаженства, обещанного смиренномудрию (Мф.5:3),

или «разгордевся, в суд не впасть диаволь» (1Тим.3:6). А напротив, да убедятся в том, что попечение о многих есть служение многим. Как тот, кто прислуживает многим раненым, очищает гной у каждого с раны и оказывает им пособия по качеству повреждения, такое свое служение обращает в повод не к превозношению, но более к смирению, беспокойству и усердию; так или еще более, и тот, кому поручено врачевать недуги братства, как общий всех слуга и о всех обязанный дать отчет, должен много думать и беспокоиться. Таким образом достигнет он цели, потому что Господь сказал: «аще кто хочет старей быти, да будет всех меньший и всем слуга» (Мар.9:35)» (Пр. 30).

а) «Выговоры настоятель должен делать согрешившим без страсти; потому что обличать брата с раздражением и гневом значит не его освобождать от греха, но самого себя ввергать в погрешности. Потому сказано: «с кротостию наказующу противные» (2Тим.2:25). Не должно как быть строгим, видя презрение к самому себе, так показывать снисходительность к согрешившему, когда видит, что презрен другой; но в сем то особенно случае надобно изъяснить негодование на худой поступок. Ибо таким образом избежит подозрения в самолюбии, и разностию действованиа в своем и чужом деле докажет, что не согрешившего ненавидит, но отвращается греха. А кто показывает разность в негодовании, не сказанным теперь, а противным тому образом, тот явно негодует не ради Бога и не по опасению за согрешившего, но по собственному славолюбию, или любоначалию. Кто показывает ревность против унижающего славу Божию преступлением заповеди и вместе имеет братолюбие к брату, подвергающемуся опасности – чрез грех утратить спасение, потому что «душа яже согрешит, та умрет» (Иез.18:20), – тому надобно при всяком грехе восставать как бы против самого греха, и строгостию наказания доказывать горячность расположения» (Пр. 50).

б) «Какую мысль должен иметь настоятель, когда что-нибудь приказывает, иди учреждает? – В отношении к Богу, «как слуга Христов и строитель тайн Божиих» (1Кор.4:1), должен бояться, чтобы не сказать, или не постановить чего-либо

вопреки воле Божией, засвидетельствованной в Писаниях и не оказаться лжесвидетелем Божиим или святотатцем, или введя что чуждое учению Господню, или оставив что угодное Богу. А в отношении к братии, «якоже доилица греет своя чада» (1Сол.2:7), так и он должен быть готов в угождение Богу и для общей всех пользы, подать каждому не только благовествование Божие, но и душу свою, по заповеди Господа и Бога нашего Иисуса Христа, сказавшего: «заповедь новую даю вам, да любите друг друга: якоже возлюбих вы» (Ин.13:34). «Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин.15:13)» (Кр. 98).

в) «И тот, кому вверено попечение о душах, может соблюсти сказанное: «аще не обратитесь и будете яко дети» (Мф.18:3), если будет следовать слову Соломона: «время всякой вещи» (Еккл.3:1). Есть свое время и смиренномудрию, и власти, и обличению, и утешению, и пощаде, и дерзновению, и снисхождению, и строгости, и вообще всякому делу. – Потому иногда должно оказывать смиренномудрие и подражать в смирении детям, особенно когда представляется случай воздать друг другу честь и долг, услужить или помочь чьей-либо телесной потребности, как научил Господь. Иногда же надобно употреблять власть, «юже дал есть Господь в созидание, а не на разорение» (2Кор.13:10), когда нужда требует дерзновения. И как во время утешения надобно показывать доброту, так во время строгости обнаруживать ровность; а подобно сему поступать и во всяком ином случае» (Кр. 113).

г) «Вообще же он «должен быть мудр, как змия и цел, как голубь» (Мф.10:16). – Мудрец, как змия, бывает тот, кто предлагает учение с осмотрительностью и с разумением, как успешно привести слушателей к благопокорности; а цел, как голубь, тот, кто не держит и в мысли, чтобы мстить злоумышляющему, но продолжает ему благодетельствовать по заповеданному Апостолам: «вы же не стужайте доброе творяще» (2Сол.3:13). Ибо Господь дает сие повеление ученикам, посылая их на проповедь, где была потребность в мудрости для убеждения и в незлобии на злоумышляющих, чтобы, как там змий умел и подойти с лицом льстивым и

говорить увлекательно, почему слушающие его отступили от Бога и предались греху, так и мы избрали для себя и лицо, и способ, и время, и всеми мерами устроили слова на суде (Пс.111:5), стараясь слушателей отвести от греха, и привести к Богу, а в искушениях соблюдали терпение до конца, как сказано в Писании (Мф.24:13)» (Кр. 245).

д) Настоятель и способный, и ревностный, при всем желании все устроят во благо наилучшим образом, как человек, может погрешать. Замеченную неисправность он сам же и исправит; а бывает, что он ее не замечает. На этот случай св. Василий пишет правило, что «настоятелю, если преткнется, должны делать напоминания преимуществующие из братий» – только делать это благоприличным образом, именно:

«Как настоятель обязан руководить братий во всем, так опять и на прочих лежит обязанность делать напоминания настоятелю, если, когда подозревается в нем какая-либо неисправность. Но чтобы не нарушилось благочиние, надобно допускать такие напоминания только преимуществующим и по возрасту, и по благоразумию. Поэтому, если что требует исправления, то и брату, а чрез него и самим себе, принесем пользу, когда возвратим на правый путь того, кто служит как бы правилом для нашей жизни и своею правою жизнью обязан обличать наши уклонения от правоты. Если же некоторые напрасно смутятся касательно настоятеля, то, удостоверившись обнаружением того, что несправедливо подозревали, освободятся от осуждения настоятеля» (Пр. 27).

11. Помощники настоятеля в деле управления

12. В правилах нет указаний, что в обителях, в помощь настоятелю, должны быть избираемы такие и такие должностные лица; но в разных пунктах говорится об них, а отчасти и об обязанностях их. Только о втором по настоятеле, который, в случае его отлучек, занимает место его, имеется особая глава; о прочих же только поминается. Так поминается о блюстителе благочиния, о решителе недоумений, о священстве, о заведующем всем, что служит к потребе братий (эконом или расходчик), о смотрящем за одеждами, – за работами, о приставленном раздавать милостыню, и о посылаемом в город и села для продажи рукоделий и закупок.

13. О втором по настоятеле, занимающем в случае нужды его место, говорит 45-е правило из пространных.

«Поелику часто случается, что настоятель, или по телесной болезни, или по необходимости отлучиться, или ко другому какому обстоятельству, оставляет братство; то пусть с одобрения настоятеля и других, способных дать такое одобрение, будет избран другой, чтобы в отсутствие настоятеля, мог принимать на себя попечение о братии. Таким образом, живущие в обители от одного будут получать слово утешения; братство в небытность настоятеля, к нарушению правила и преданного благочиния, не примет на себя вида какого-то народоправления; но к славе Божией соблюдетс в нем установленное с общего одобрения».

14. При этом правило прибавляет одно замечание, которое указывает на просветительное значение обителей. В них чают найти свет ищущие света.

«И приходящим странникам он же будет давать благоразумные ответы, и требующие слова получают назидание, по достоинству их вопроса, а общество братское не останется в стыде. (След. когда настоятель дома, это на нем лежит). Ибо если всем равно вмешиваться в речь, то сие производит шум, и служит признаком беспорядка; а Апостол, даже сподобившимся дарования учительства, не дозволяет говорить вдруг многим,

сказав: «аще ли иному откроется, первый да молчит» (1Кор.14:30); и еще обличает неуместность такого беспорядка, говоря: «аще снисдется церковь вся вкупе, и вси языцы глаголют, внидут же и неразумивии или невернии, не рекут ли, яко беснуетесь» (-- 23)? И если пришлый по неведению предложит вопрос другому, вопрошенный вместо иного лица, хоть и мог бы ответить достаточно, однако же ради благочиния пусть сам умолчит, укажет же, кому поверена эта часть. Таким образом употребление слова будет благочинно и благообразно. Ибо, ежели при телесном врачевании не всякому позволено делать над больным употребление лекарства, или какого орудия, а только тому, кто приобрел в этом искусство долговременностию, опытом, упражнением в лечении, и учением узнающих; то какое же основание всякому без разбора приниматься за врачевание словом, где, если и самая малость опущена из виду, приносит сие весьма великий вред? В таком обществе, где самое раздаяние хлеба не дозволяется всякому, но принадлежит подобное служение одному, и ему поверяется сие по испытании, не тем ли паче духовную пищу подавать требующим должен один, наиболее к сому способный, при том с разборчивостию и осторожностию? Поэтому не малая самонадеянность спрошенному о суде Божиим отваживаться отвечать бесстрашно и наудачу, а не указывать на того, кому поручено домостроительство слова, и кто, потому что он верный и мудрый строитель (Лк.12:42), избран даяти во время духовную пищу, и, по написанному, «устроят словеса свои на суде» (Пс.111:5). Если же обязанный давать ответы не домолвит чего-нибудь, и другой придумает сие, то да не вдруг приступает к обличению, но наедине сообщит свою мысль; потому что сие для низших обращается в предлог к превозношению над высшими. Почему, кто дал ответ, хотя и полезный, но не по требованию своего долга, тот подлежит наказанию за нарушение благочиния».

15. Это сказало о решении вопросов, предлагаемых приходящими, которое, как видится, лежало на настоятеле, а в отсутствии его на его наместнике; для решения же недоумений, возникающих в самих братиях, учрежден был особый порядок.

Изучение Писания было обязательно для иноков; при этом нельзя было не встречать недоумений.

Итак, когда возникали такие недоумения, братия не должны были решать, их посредством совопросничества и спора между собою, а должны были предлагать на решение настоятеля или старших братий. Для соблюдения при сем порядка избирался один брат, которому передаваемы были недоумения, а он сообщал их или настоятелю особо, или в собрании братий. Он же вел и всю беседу при этом решении от лица братий, делая возражения вместо их, чтобы уяснить вполне предмет, покрытый недоумением.

«В случае недоразумений в братстве, когда некоторые несогласны в чем-либо, не надобно упорно спорить между собою, но должно предоставлять решение более способным. А чтобы не нарушился порядок, и не было повода к смехотворству и пустословию, если все и обо всем будут спрашивать, надобно кого-либо избрать одного, который бы имел право – сомнения некоторых или предлагать братству на общее рассуждение, или доводить до сведения настоятеля. В таком случае рассмотрение вопросов будет производимо основательнее и разумнее. Ибо, если во всяком деле потребны знание и опытность; то тем паче нужны они в делах подобных. И если орудиями пользоваться никто не дозволяет неопытным; то тем паче употребление слова надобно уступать людям способным, которые в состоянии распознать и место, и время, и образ вопросов, которые, возражая без любопытности и благоразумно, а также с разумом выслушивая, могут точно наводить на разрешения вопросов к общему назиданию» (Пр. 49).

16. О надзирателе общего благочиния говорится по случаю исправления детей. Учащий детей мастерствам пусть, говорит, исправляет сам погрешности против искусства, но о погрешностях нравственных пусть дает знать блюстителю общего благочиния, и тот займется их исправлением. Правило говорит:

«Когда проступки учеников показывают развращение права, каковы: непокорность, прекословие, леность к занятиям,

празднословие, ложь, или другое что подобное, воспрещенное благочестивым, тогда надобно их обличать, приведя к надзирателю общего благочиния, чтобы им были придуманы и мера, и способ уврачевания грехов. Наказание есть врачевание души; потому не всякому позволительно наказывать, как и врачевать, а только тому, кому дозволит настоятель, по долгом его испытании» (Пр. 53).

Более о благочинном правила не говорят; но и по этому можно видеть, в чем состояло его дело.

17. Пр. Пахомий сначала не думал иметь в обители священнодействующих, а потом нужда заставила завести их. У св. Василия не было об этом и сомнения; но он определяет только одну нравственную сторону таких лиц, говоря:

«Не к превозношению да ведет тебя степень церковного чина, но да смиряет наипаче. Преуспеяние души, преуспеяние в смирении; а унижение и бесчестие рождаются от высокоумдия. В какой мере будешь приближаться к высшим священным степеням, в такой мере смирай себя, боясь примера сынов Аароновых. Познание богочестия – познание смирения и кротости. Смирение – подражание Христу, а превозношение, вольномыслие и бесстыдство – подражание диаволу. Будь подражателем Христу – а не антихристу; Богу, а не противнику Божию; Владыке, а не рабу беглецу, милостивому, а не жестокому; человеколюбцу, а не человеконенавистнику. Будь подражателем достойных брачного чертога, а не тьмы. Не спеши давать приказы братству, чтобы не возложить тебе на выю свою чужого бремени грехов» (стр. 62).

18. Говорится в правилах в раздаятеле братиям потреб, о смотрителе над запасами, о домостроителе; поминается также о смотрителе над кладовою, о раздаятеле милостыни, об имеющем попечение о пище. Сдается, что все это были разные лица, но не дивно, что все сии дела лежали на одном домостроителе. Или так: в многочисленных обителях – это были разные лица, а в небольших – одно. Приводим все, что говорится о них в правиле.

19. Обо всех их вообще пространно говорит 34-й ответ на вопрос: каковы должны быть в братстве распоряджающиеся

служащим на потребности?

а) «Те, которые заведуют в каждом братстве внутренним распределением служащего на потребности, непременно должны быть люди способные подражать исполнявшим сказанное в Деяниях: «даяшеся коемуждо, егоже аще кто требоваше» [Деян.4:35]. Они обязаны много заботиться о милосердии и долготерпении ко всем, не подавать подозрения в пристрастии к кому-нибудь, или в особой наклонности к некоторым, по наставлению Апостола, сказавшего: «ничтоже творя по уклонению» (1Тим.5:21), или опять в соперничестве, которое отвергает тот же Апостол, как вовсе неприличное христианам, сказав: «аще ли кто мнится спорлив быти, мы такового обычая не имамы, ни церкви Божия» (1Кор.11:16); потому что такие люди у некоторых отнимают потребное для них, а именно у тех, с которыми соперничают, и другим дают излишнее, а именно тем, к которым имеют наклонность, но первое показывает братоненавидение, второе же – пристрастие, всего более достойное порицания; и сим единомушние любви в братстве расторгается, поселяются же лукавые подозрения, зависть, споры и неохота к делу».

б) «Итак ради сказанных, а равно и ради многих других подобных последствий, распределяющим в братстве служащее на потребности необходимо до крайней степени очиститься от пристрастия и соперничества. Они должны сознать в себе подобное расположение; и как сами, так и те, на ком лежит другое дело, относящееся к служению братьям, обязаны оказывать все тщание, как служащие не человекам, но самому Господу, Который по великой Своей благодати, к Себе Самому относить честь, какую оказываем посвятившим себя Ему, а равно к Себе же относит и тщание о них, и обещает за сие наследие небесного царства; ибо говорит: «приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира. Понеже сотворяете единому сих братьев Моих меньших, Мне сотворяете» (Мф.25:34,40). И напротив должны знать – опасность нерадения, памятуя сказавшего: «проклят всяк, творяй дело Господне с небрежением» (Иер.48:10); потому что нерадивые не только

изринуты будут из Царствия, по еще услышат оный грозный и страшный приговор Господень на таковых людей: «идите от Мене проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его» (Мф.25:41). Если же те, на кого возложена попечительность и обязанность прислуживать, в тщании своем находят столько выгод, а за нерадение подвергаются таковому суду; то принявшим на себя такую обязанность, какой потребен подвиг, чтоб показать себя достойными наименования братьий Господних, по учению Господа, сказавшего: «иже бо аще сотворит волю Отца Моего, Иже есть на небесех, той брат Мой, и сестра, и мати есть» (Мф.12:50)»?

в) «Кто волю Божию не поставляет целию для всей своей жизни, чтобы в здоровом своем состоянии тщательностию о делах Господних доказывать труд любви, и во время всякой болезни с радостию являть терпение и великодушие; тот находится в опасности. Первая же величайшая для него опасность, что отчуждается от Господа, отлучив себя от части братьий своих, неисполнением воли Божией: а вторая опасность, что осмеливается недостойно приобщиться уготованного достойным. Посему и в этом необходимо помнить Апостола, сказавшего: «споспешествующе молим, не вотще благодать Божию прияти вам» (2Кор.6:1); и призванные на место братьий Господних не должны оскорблять таковую благодать Божию и изменять такому достоинству нерадением о воле Божией, но более повиноваться тому же Апостолу, который говорит: «молю вас – достойно ходити звания, в неже звани бысте» (Еф.4:1)».

20. В частности, потребности братьий суть главным образом пища и одежда. – Относительно пищи говорится, что братия, оставя все и ничего не имея, всего чают от Того, «Кто дает пищу всякой плоти» (Пс.135:25). Заботы у них об этом нет. Они о том только стараются, чтоб быть делателями, достойными пищи своея⁷, т. е. жить как должно по иночески и без лености заниматься своим рукоделием, о пище же знают, что «по распоряжению того, кто приставлен иметь попечение о ней, она дастся и в свое время и в своей мере, по написанному: «даяшеся же коемуждо, егоже аще кто требоваше» (Деян.4:35)» (Кр. 93). Та же мысль выражена и при объяснении, что есть

насущенный хлеб. Инок, говорит, трудится, не имея попечения о том, что яст и что пьет. «Насущенный же хлеб, т. е. способствующее природе нашей к ежедневному поддержанию жизни, не себе самому предоставляет, но испрашивает сего у Бога, и Ему открыв необходимость нужды, таким образом вкушает уделуемое ему тем, кто по испытании приставлен на каждый день исполнять сказанное: даяшеся коемуждо, егоже аще кто требоваше» (Кр. 252).

21. Относительно одежд, одна была кладовая общая, где хранились одежды, обувь и другое такого рода (стр. 75). Тому, коего смотрению вверена кладовая, правило предписывает, что он «в отношении к тому, кто, по испытании вверил ему снабжение кладовой, должен помнить самого Господа, сказавшего: «не могу Аз о Себе творити ничесоже» (Ин.5:30), а в отношении к тем, которые на его попечении, должен иметь в виду потребность каждого; потому что написано: «даяшеся коемуждо, егоже аще кто требоваше». – Но тот же закон пусть будет для всех тех, у кого на руках подобные поручения» (Кр. 148).

22. Братия ничего не имеют; между тем случается, что к ним обращаются за помощью, прося пищи или одежды. Отсюда возник вопрос, – как быть? – «Как отпускать приходящих со стороны и просящих милостыни?» И всякий ли желающий должен подавать хлеб, или что другое; или надобно приставить к сему одного? – Св. Василий решает его так; «поелику Господь как подтвердил, что не добро отъяти хлеба чадом и повреши псом, так согласился и с тем, что и пси ядят от трапезы господей своих (Мф.15:26–27); то приставленный подавать милостыню пусть делает сие с испытанием. Всякий же делающий это без его ведома да подвергнется наказанию, как нарушитель благочиния, пока не научится соблюдать свое место, по слову Апостола: «кийждо в немже призван бысть, в том да пребывает» (1Кор.7:24)» (Кр. 100).

23. В других правилах этот раздаятель милостыни называется домостроителем (экономом) и действовать ему внушается с согласия соначальствующих с ним. Так, на вопрос, позволительно ли всякому ветхую свою одежду или обувь

отдавать кому захочет, по заповеди? Отвечается: «Отдавать или брать, хотя и по заповеди, не всякий может, но тот один, кому по испытании вверено домоправление (экономия). По сему и ветхое, и новое отдает и принимает он в свое для всего время». (Кр. 87). Хотя бы нагой кто просил, брат не имеет власти дать ему одежды своей. «Просит ли нагой, или человек лукавый, по крайней ли нужде, или из корысти, однажды на всегда сказано, что давать или брать не всякий может, но тот один, кому по испытании поручено смотрение за сим» (Кр. 91). поскольку на этом домостроителе лежит попечение о содержании всей братии; то ему нельзя без разбора раздавать из братских запасов нуждающимся из сторонних, а подавать только от избытка. «Да будет предоставлено, говорит правило, усмотрению домостроителя, с общего согласия с ним соначальствующих, делать, чтоб от избытка, как написано, солнце сияло на злые и благие (Мф.5:45)» (Кр. 302).

24. Положено еще быть особому старцу, засвидетельствованному по честности, в распоряжении которого состояли все изделия братских рукоделий. На нем лежало распределять дела рук братии, на нужные потребности, чтобы братия не имела нужды показываться в народе ради жизненных потребностей (стр. 73). Это расходчик, или помощник эконома, обязанный продавать рукоделия и закупать припасы.

25. Все лица, которым поручается какое-нибудь распоряжение по обители, избираются настоятелем, с совета старших, по должном испытании способностей, чтоб и самому быть покойну, и братию покоить (Кр. 104). Как в этом роде служения много значит опытность, а она приобретается временем служения; то сам собою решается вопрос, быть ли им сменяемыми, или бессменными. «Кто соблюдает знание благочиния и строгость устава, того сменять – дело излишнее, лучше же сказать, трудное и неудобное. Но необходимо, чтобы был у него сотрудник, обязанный понемногу приучаться к той же должности, чтоб, когда окроется нужда в преемнике, не придти нам в затруднение по неимению такого человека. А нередко принуждены бываем приставлять к делу не способного к должности; от чего происходит, что, по его неспособности, и

нарушается строгость, и расстроивается должное благочиние» (Кр. 156).

26. А вот и Суд на нерадиво исполняющих порученное им дело!

«Поелику Апостол в одном месте повелевает ничего не делать по уклонению (1Тим.5:21), а в другом подтверждает: «аще ли кто мнится спорлив быти, мы такового обычая не имамы, ниже церкви Божия» (1Кор.11:16); то да признается таковой чуждым церкви Божией, пока не исправится. – Но с большою осмотрительностию должно испытывать, к чему каждый способен и тогда уже поручать ему какое бы то ни было дело, чтоб и дающий кому-либо поручение не по силам не подпал суду, как худой домостроитель душ и заповедей Господних, и принимающие поручение не думали находить для себя в этом оправдание греху. Известен суд на нерадящих: «проклят всяк творяй дело Господне с небрежением» (Иерем.48:10)» (Ер. 149, 150).

27. Все сказанное доселе относится к заправляющим делами в обители; – самое же исполнение их распоряжений не могло лежать на них одних. Для этого употреблялись очередные из братий по порядку. Мы уже видели в одной выписке, что прислуживание общему собору должно быть по очередное, чтобы двое в продолжении недели исполняли все относящееся к успокоению братии (стр. 76). Служение сие определено всесторонне правилами.

28. «На чередах своего служения, не позволяй другому исполнять дел, на тебе лежащих, чтобы и награда не была отнята у тебя и отдана другому, и чтобы другой не прославился твоим богатством, к твоему унижению. Дела служения своего исполняй благообразно и тщательно, как будто служишь Христу. Ибо сказано: «проклят всяк творяй дело Господне с небрежением» (Иер.48:10). Хотя бы поручаемые тебе службы казались низкими, бойся злоупотребления, допуская излишество и презрение, потому что за тобою надзирает Бог. Дело служения велико, и может доставить тебе царство небесное. Это мрежа добродетелей, влекущая в себе все заповеди Божии, и во первых – превосходнейшую из всех

добродетелей – смирение, которое приносит с собою целый рой благ, а потом и сие: «взалкался, и дасте Ми ясти, возжадахся, и напоисте Мя, был странен и болен и в темнице, и вы послужили Мне» (Мф.25:35–36), и особенно когда требуемое должностию исполняется со смиренным о себе мнением, без превозношения, гнева и ропота» (стр. 60).

29. Те же наставления продолжают и в ответе на 160 вопрос, в кратких правилах: «с каким расположением обязаны мы служить братьям? Оказывая им услуги, как самому Господу, сказавшему: «понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе» (Мф.25:40). К приобретению же такого расположения способствует и то, чтобы принимающие услугу были действительно таковы. Почему настоятели должны тщательно заботиться о них, чтоб не служили чреву и сластолюбию, как плотоугодников, но чтоб как боголюбцы и христоролюбцы, чрез совершенное терпение соделывались похвалением для Господа, в посрамление диаволу, по примеру праведного Иова».

30. Черета шла, по исправлению нужд в кухне и столовой. Иной «исправляя очередную службу в поварне, утомляется не по силам, так что на несколько дней делается неспособным к привычному для него рукоделию; должно ли налагать на него подобную службу? – Получивший власть распределять послушания должен давать приказы, соображаясь с способностью и силами употребляемого в работу. Впрочем, получивший приказ по должен прекословить; потому что предел послушанию – послушание до смерти» (Кр. 152).

31. При служении сего рода необходимо бывает говорить друг другу: сделай то, подай это. Какую меру голоса прилично при этом употреблять? – «Меру голоса определяет потребность слушающих. Поэтому, если голос не удовлетворяет этой потребности, то, как невнятный, приближается к шёпоту и достоин осуждения; а если усилен сверх нужды, когда слушающий может расслушать и говорящего тихо, то делается кличем, который также осужден (Еф.4:31), – разве только тупость слушателя доводит нас до необходимости употребить клич и тем как бы пробудить его от сна. Ибо и о Господе

повествуется, что говорил громко, как сказывает Евангелист: «Иисус же воззва, и рече: веруяй в Мя не верует в Мя, но в Пославшего Мя» (Иоан.12:44)» (Кр. 151).

32. Служение во успокоение братий столь важно, что позволительно увольнять себя от церкви, коль скоро нельзя иначе выполнить служения своего; лишь бы только оно не служило предлогом лени к молитве. – «Если кто, занятый делом в кладовой, или в поварне, или чем другим подобным этому, не успеет придти на правило псалмопения и молитвы, то ужели не вредит тем душе? – Каждый в деле своем соблюдает собственное свое правило, как член в теле. Он вредит себе, вознерадев о том, к чему приставлен; а злоумышляя против общей пользы, подвергается еще большей опасности. Поэтому мысленно да исполняет написанное: «воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви» (Еф.5:19). – А если не успевает и телесно приходиться с прочими, то да не впадает в сомнение, как исполняющий сказанное: «кийждо в нем же призван бысть, в том да пребывает» (1Кор.7:24). – Но надобно остерегаться, чтобы иный, имея возможность исполнить свое поручение благовременно и в образец другим, недосугом за делами не стал отговариваться от прихода в церковь) в соблазн прочим, и не подпал суду с нерадивыми» (Кр. 147).

33. Правила не забыли и приемлющего услугу от братий, и указывают ему, с каким смирением должен он принимать ее. Он должен принимать ее, «как раб от Владыки, со смирением, какое показал Апостол Петр, когда служил ему Господь. В его примере узнаем и опасность, какой подвергаются неприемлющие услуги» (Кр. 161).

Прочие правила, относящиеся до частных работ по монастырю, кроме чередных послушаний, внесем в статью о рукоделиях.

Таков общий состав действующих по обители лиц – повелителей и исполнителей. Переходим к другим правилам по порядку течения иноческой жизни.

3. О приеме в обитель

34. Как принимать приходящего и изъявляющего желание спастись в обители, видели мы в одном письме (23) к настоятелю, именно об этом. Там сказано: «прими его отчески, покажи ему трудности и неудобопроходимости тесного и узкого пути, но и утверди его в надежде успеха; потом, когда совершит отречение, наставь в начальных правилах, как установлено, и предложи ему все относящееся к подвижнической жизни: наконец одного из вас, кого сам он изыщет, поставь ему наставником подвижничества. «— Тут очерчен весь ход приема в обитель. Правила подробнее лишь определяют в частностях все здесь сказанное, начиная с возникновения желания оставить мир и спастись в мироотречной жизни.

35. Что не надобно бросаться в монастырь без самоиспытания, об этом приведены слова св. Василия; приведены также потом, что не надобно высматривать, в какой обители настоятель слабее и поблажливее к братьям, потому что в таком случае ты и при отречении от мира вступишь в ту же самоугодливую жизнь, какая царит в мире, только в более скромном виде; напротив надо избирать обитель строгую, в которой нельзя ожидать никакой себе поблажки. Это первый опыт самоотвержения мироотречника.

36. Решившись оставить мир, надо рассчитаться с ним так, чтобы после это не занимало внимания. Это особенно относится к тем, которые имеют какое-либо достояние, таковым предписывается:

«Поелику Господь сказал: «продаждь имение твое и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси, и гряди в след Мене» (Мф.19:21), и еще: «продадите имения ваша и дадите нищим» (Лк.12:33); то заключаю, что с подобною целию оставляющий свою собственность должен не презрительно смотреть на свое имущество, но постараться, собрав все тщательно, как посвященное уже Богу, распорядить со всем благоговением, или сам, если имеет возможность и опытность, или чрез людей, по многом изведании избранных и на деле

доказавших, что могут распорядиться верно и благоразумно, зная, что небезопасно и оставлять имение своим, и давать в распоряжение, кому попало.

37. «Если родственники, или другие недобросовестно поступают с имуществом, то таким недобросовестным можно напомнить, что они впадают в грех святотатства, но судиться с ними в мирских судилищах запрещает слово благочестия, когда говорит: «хотящему судиться с тобою, и ризу твою взять, отпусти ему и срачицу» (Мф.5:40). – Бывают впрочем случаи, что иногда, поскольку не редко сам, начавший недобросовестное дело, зовет нас в общее собрание судей, для уяснения истины, приходим и мы на исследование, не сами начав суд, но следуя за позвавшими нас, не в удовлетворение своей страсти гнева и сварливости, но для открытия истины. И таким образом и его против воли избавим от бед, и сами не преступим заповедей, как служители Божии не сварливые и не сребролюбивые, твердо стоящие за обнаружение истины и никогда не преступающие надлежащую меру ревности» (Пр. 9).

38. Есть еще одно правило, указывающее, в какой мысли надобно оставлять имение, т. е. продавать его и раздавать бедным, – потому ли, что имение само собою естественно вредно, или потому что им развлекается душа.

«На сие во-первых надобно сказать то, что всякая вещь в имении, если бы сама по себе была худа, не была бы и Божиим созданием; «зане всякое создание Божие добро, и ничтоже отменно» (1Тим.4:4); а потом, что заповедь Господня учит не кидать имения, как нечто худое, и бежать от него, но правильно им распоряжаться. И если кто осуждается, осуждается не за то, что имел у себя, но что худо придумал об имении, или нехорошо употребил его; ибо беспристрастное и здоровое расположение к имению и распоряжение им сообразно с заповедью, способствует нам ко многому и весьма необходимому: иногда к очищению собственных наших грехов, почему и написано: «обаче от сущих дадите милостыню: и се, вся чиста вам будут» (Лк.11:41); иногда же к наследию царства небесного и к стяжанию неоскудевающего сокровища, по сказанному в другом месте: «не бойся, малое стадо, яко

благоизволи Отец ваш дати вам царство. Продадите имения ваша, и дадите милостыню. Сотворите себе влагалища не ветшающая, сокровище неоскудеемо на небесех» (Лк.12:32–33)» (Ер. 92).

Это все, что должен сделать сам отрекающийся от мира; дальнейшие действия при приеме его в обитель, принадлежат уже принимающим его.

39. Всех ли приходящих принимать должно, или некоторых, и допускать ли их тотчас, или по испытании? (Пр. 10).

«Поелику Человеколюбец Бог и Спаситель наш Иисус Христос проповедует и говорит: «приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф.11:28); то не безопасно отталкивать от себя тех, которые чрез нас приходят к Господу, и желают взять на себя Его благое иго и бремя заповедей, облегчающее нам путь к небу. Впрочем, не должно позволять, чтобы неумовенными ногами попирали честность уроков. Но как Господь наш Иисус Христос пришедшего юношу спрашивал о прежней жизни, и узнав, что приобрел он некоторые успехи, велел исполнить и то, чего еще не доставало к совершенству, и по исполнении позволял следовать за Собою; так и нам, конечно, надобно изведывать предшествовавшую жизнь приходящих, и тем, которые сделали уже некоторые успехи, передать совершеннейшее в уроках, а тех, которые оставляют жизнь порочную, или из состояния безразличия стремятся к строгой жизни боговедения, надлежит испытать, каковы они правом, не оказываются ли непостоянными и опрометчивыми в суждениях. Ибо скорая перемена в таковых людях подозрительна. Они себе не делают никакой пользы, а для других делают еще причиною вреда, распространяя о деле нашем укоризну, ложь и злые хулы».

40. «Поелику же тщательностию все исправляется, а страх Божий преодолевает всякого рода душевные недостатки; то не подобно в них скоро отчаиваться, но должно вводить их в приличные упражнения долговременностию и трудными подвигами испытывая их суждения, чтобы безопасно допустить их, если найдем в них некоторую твердость, а в противном случае отослать от себя, пока еще не приняты; и таким образом

испытание их сделать безвредным для братства. Надобно же испытывать и то, без стыда ли человек, живший в грехах, исповедует тайная срама, и сам себе делается обвинителем; а так же и тех, которые содействовали ему в порочных делах, стыдится ли и удаляет ли от себя, подражая Сказавшему: «отступите от Мене вси делающии беззаконие» (Пс.6:9); и тем на последующую жизнь поставляет ли себя в безопасности – не падать уже в подобные страсти. А общий способ испытания всех, – изведывать расположены ли, не стыдясь, оказывать всякое смиренномудрие, так чтобы принимать на себя самые низкие работы, если разум признает делание их полезным. И когда каждый после всякого испытания людьми, способными благоразумно изведывать подобные вещи, признан как бы сосудом, благопотребным Владыце, на всякое дело благое уготованным (2Тим.2:21), причисли его к посвятившим себя Господу. Особенно же тому, кто из жизни знатной поспешает к смиренномудрию в подражание Господу нашему Иисусу Христу, нужно назначать что-нибудь, по мнению мирскому самое постыдное, и наблюдать, с полным ли убеждением представляет себя не срамляющимся делателем Богу» (Пр. 10).

41. Время испытания не определено в правилах, но по самому способу и предметам испытания видно, что оно не может быть коротко. – Когда испытанный оказывается способным к достодолжному иночеству, тогда совершается решение – принять. Решение делает настоятель с ведома однакож братий. 112 правило из кратких говорит:

«Если кто приступает к жизни по Богу, то следует ли настоятелю принимать такового без ведома братий, – или должен он сначала им предложить о сем? – Господь учит, что ради кающегося созываются други и соседи (Лк.15:6). Посему тем паче необходимо принимать приходящего с ведома братий, чтобы они вместе возрадовались и помолилась».

42. Самое отречение от мира с одной стороны, а с другой прием в число братства были особым действием, отличным от предварительных речей о том. Отречение совершается гласно пред настоятелем и братиями (Пис. 23), и в рассуждении таких отрекающихся признано приличным – «предварительно их

спрашивать, и принимать от них ясный обет» (Пис. 191-е к св. Амфилохию, прав. 19). И обет сей произносится (Пр. 14).

42. Чин самого приема, или, как у нас говорится, пострижения, не определен правилом. Но письмо 10-е дает повод заключить, что при этом переменялось имя. Ибо, посылая к матери сына инока с письмом, в намерении и ее привлечь в обитель жен, и называя его Дионисием, прибавляет, что это прежний Диомид. – Очень вероятно также, что и одежда приемлемому давалась иная. Ибо 22-е правило из Престранных говорит, что у инока одежда должна быть особная от мирской; но, когда приличнее быть ей изменяемою, как не во время изречения обета. – Самые одежды не перечисляются и особого значения их не указывается, а говорится вообще об одежде, обуви, поясе. Только 18-й пункт в перечислении эпитимии, напоминает о мафории (наглавнике), полагая штраф на того, кто делает что где бы то ни было без мафория. На основании этого можно, впрочем, заключить, что и другие одежды тоже и значение имели и были ограждены правилами в их употреблении, подобно тому, как делает устав пр. Пахомия. Слово мафорий взято из Египта, как видно из устава пр. Кассиана.

44. Произнесшему обет и принятому в обитель иноку дается в руководители опытный старец, который и научает его всему, как видели мы в 23 письме. Но есть в правилах предписания и прямо к новонаначальному обращенные:

В означенном письме говорится: «дать ему наставника, какого сам изберет; избирать же советовалось такого, какой построже других» (стр. 49, 50). Затем, когда избран, предписывается: «наблюдай за собою, чтобы не делать тебе ничего вопреки воле учителя. Ибо все, что делается без него, есть некое хищение и святотатство, ведущее к смерти, а не к пользе, хотя бы дело твое казалось тебе добрым. Ибо, если оно доброе, то почему делается тайно, а не в явь? Допроси помысл свой, который чрез правые дела доводит тебя до кражи: и он добрыми внушениями, без сомнения, приуготовляет дела неправые. Не опирайся на благородство плоти и не ищи чести,

потому что плотский не приемлет яже Духа (1Кор.2:14)» (Стр. 51).

45. Сверх того и ему прямо говорится: «не покушайся изменять что-нибудь в обычаях истины и собственным своеволием делать преткновение подвизающимся, а себе самому собирать бремя грехов; не изменяй сих обычаев, ни в постели более мягкой, ни в одеждах, или в обуви, или в другом каком наряде, или в перемене снедей, или в столе, не соответствующем времени твоего отшельничества, или в стоянии, или в сидении, или в рукоделии более покойном и опрятном. Ибо все это не только когда у тебя уже есть оно, но и когда составляет предмет твоего искания не будет иметь доброго следствия; а если не познаешь скоро в этом диавольского коварства, и не отсецешь сего от своего сердца, то уготовит тебе отпадение от жизни по Христе. Напротив того, положив в сердце своем, что ты бесчестнее и грешнее всех людей, что ты странник и пришлец, и из жалости принят отрехшимися от мира прежде тебя, спеши быть последним из всех и всем рабом. Последнее принесет тебе честь и истинную славу, а не первое» (Стр. 52).

46. «Имея уши отверстые к слушанию, и руки, готовые исполнять слышанное, – уста имей молчаливые и сердце осмотнительное. Будь ленив к празднословию, и благоразумен и сведущ в спасительном слышании Бож. Писаний. Да будет тебе горьким вкушением слышание мирских рассказов, и сотами меда – беседа мужей преподобных. Спеши в подражании тем, которые прежде тебя подвизались в доброй нравственности, и не дожидаясь, пока изучишь каждого. Употребляй старание успевать в важнейших добродетелях и не вознерадеть о меньших. Не пренебрегай сделанною погрешностью, хотя бы она подавала самый малый соблазн, но поспеши исправить ее покаянием, хотя многие многократно погрешают в большем и малом и остаются нераскаянными. Не будь судьей чужих падений. У них есть Судия праведный, Иже воздаст коемуждо по делом его (Рим.2:6). Ты сам себя удерживай от падения и сколько есть сил облегчай свое бремя. Отягощающий бремя

свое сам и понесет его. В покаянии – спасение, а неразумие – смерть покаяния» (Стр. 52, 53).

47. Паче же всего новичкам полезно молчание. Об этом говорит 13-е правило из Пространных.

«Нововводимым хорошо упражнение в молчании. Владея языком, представят они достаточное доказательство воздержности; и вместе с тем во время сего молчания, будут с напряженным и собранным вниманием обучаться, как должно и спрашивать, и отвечать каждому у тех, которые благоразумно пользуются даром слова. Ибо у благочестивых есть свои отличные и напряжение голоса, и соразмерность слова, и сноровка времени, и свойство речений, – которым нельзя обучиться, не отучившись от прежних; а молчание, как производит забвение прежнего чрез прекращение деятельности, так и вместе доставляет досуг изучать доброе. Поэтому, если не понуждают ни собственная потребность касательно попечения о душе своей, ни неизбежная необходимость в деле, которое под руками, или подобный сему предложенный вопрос, то надобно пребывать в молчании исключая только время псалмопения».

48. «Поступающим тотчас полезно и необходимо заучивать что-либо из Писания, как и всякому, для утверждения в благочестии, и для того, чтобы отвыкнуть от человеческих преданий» (Кр. 95).

49. «Кто не знает грамоте, тому, если желает, должно позволять учиться ей, и заниматься потом чтением; надобно наблюдать только, чтобы никто не делал этого по своей воле. Ибо как Апостол говорит: «да не яже хотите, сия творите» (Гал.5:17); то во всяком деле вредно позволять кому-либо избранное по собственной его воле; но надобно принимать все одобренное настоятелями, хотя бы то было и не по желанию» (Кр. 96).

50. Главное же, что надобно иметь всегда во внимании давшему обет посвятить себя Богу, есть – всячески блюстись, как бы не расслабнуть в принятом намерении, и не нарушить данного обета. «На каждого, принятого в братство и потом нарушающего произнесенный обет, надобно смотреть, как на согрешившего Богу, пред Которым и Которому он произнес

исповедание согласия своего. Аще же, сказано, согрешит кто Богу, кто помолится о нем (1Цар.2:25)? Посвятивший себя Богу, и потом бежавший к другому роду жизни, стал святотатцем, потому что сам себя похитил и присвоил себе Божие приношение. Таким справедливо не отворять уже дверей братства, если бы даже только мимоходом пришли они и попросили крова. Ибо ясно правило Апостольское, которое повелевает нам «удалять всякого бесчинного человека и не примешаться ему, да посрамится» (2Сол.3:14)» (Пр. 14).

51. Таков порядок приема в число братства всякого вообще приходящего; но настоятелям внушается обращать внимание и на род лиц приходящих, и действовать в отношении к ним соответственно тому, кто они такие. Так, если придет раб несвободный, то вразумив его и исправив, надобно отсылать к господину. Если господин зол, то надобно или раба того приготовить к терпеливому перенесению страданий, или, приняв его, самим приготовиться к искушениям, какие постигнут их за него (Пр. 11). – Когда кто приступает к иночеству из брачной жизни, то надобно допрашивать с согласия ли и другой половины делают сие, по заповеди Апостольской; ибо сказано: «своим телом не владеет» (1Кор.7:4). И таким образом приходящего принимать при многих свидетелях; потому что всего предпочтительнее послушание Богу (Пр. 12).

52. Достойно особого замечания правило о принятии детей. Из него видно, что св. Василий не школу для мирян заводил, а имел рассадник будущих иноков. Дети принимались в обитель, как отрекающиеся от мира, только произнесение обета было отлагается до полного возраста. Поступление в иночество было их настоящее дело, а удаление в мир случайность, исключение из общего правила. – Вот что говорит правило 15 из Пространных:

«С какого возраста надобно дозволить произнесение обета о посвящении себя Богу, и когда обет девства почитать действительным? – поскольку Господь говорит: «оставите детей приходить ко Мне» (Мар.10:14), а Апостол похваляет измлада Священное Писание изучившего (2Тим.3:15), и еще повелевает воспитывать чад в учении и наказании Господни (Еф.6:4); то

всякое время и время первого возраста, почитаем способным к принятию приходящих. И детей, у которых нет родителей, принимаем сами собою, из соревнования Иову (Иов.29:12) быть отцами сирот; которые же зависят от воли родителей, и которых сами родители приводят, принимаем при многих свидетелях, чтобы не подать случая желающим найти случай, но заградить всякие несправедливые уста, говорящие против нас хулу. На сем основании должно принимать детей, но не тотчас надлежит причислять их и приписывать к составу братства, чтобы по несчастию заслуженные ими укоризны не пали на жизнь благочестивую».

53. «Когда же раскроется разум и придет в действие рассудок; тогда должно принимать обет девства, как уже твердый, произносимый по собственному расположению и рассуждению. В свидетели же расположения должно брать предстоятелей церкви, чтобы чрез них и совершаемо было освящение тела, как некоего приношения Богу⁸ и получило твердость совершенное при свидетельстве. Ибо сказано: «при устех двою, или триех свидетелей станет всяк глагол» (Мф.18:16). Таким образом и ревность братий не подвергнется хуле, и тем, которые посвятили себя Богу, а потом намереваются уничтожить обет, не останется предлога к бесстыдству. А неприемлющий на себя девственной жизни, как неспособный пещися о Господних, при тех же свидетелях да будет отпущен. Кто по долговременном самоиспытании и наблюдении, которое надобно дозволить ему производить над собою в продолжение многих дней, чтобы не причли нам этого в хищение, произнес наконец обет, того должно уже принять и причислять к братству, дозволить иметь и жилище, и образ жизни общие с совершенно возрастными» (Пр. 15).

4) Одежда. Иноческая одежда должна быть особенная

54. «Полезна особенность одежды, предупреждающей всякого и наперед свидетельствующей о нашем обещании жить по Богу; почему от встречающихся с нами требуются сообразные поступки. Ибо неприличное и неблагопристойное не одинаково заметно в людях, каких ни есть, и в тех, которые обещают о себе много. Если простолюдин, или кто-нибудь из людей обыкновенных, при народе кого бьет, или сам получает удары публично, если произносит неблагопристойные слова, проводит время в корчмах, делает другие подобные бесчинства, не вдруг иной обратит на это внимание, находя, что все случившееся соответственно всегдашнему образу жизни. А на человека, давшего обет строгой жизни, если пренебрежет и малое что из своих обязанностей, обращают внимание и ставят ему сие в укоризну, поступая по сказанному: «вращшеся расторгнут вы» (Мф.7:6). Почему это отличие в одежде служит как бы вразумлением каким для немощных, невольно удерживающим их от худого» (Пр. 22).

55. Качество одежды определяется так (там же):

«Нам необходимы смиренномудрие, простота, во всем старание о малоценности и небольших издержках, чтобы телесные потребности менее представляли нам поводов к развлечению. К тем же целям надобно стремиться и в отношении к одежде. Ибо, если нам прилично стараться быть последними между всеми, то очевидно и в этом для нас предпочтительнее всего быть последними между всеми. Как люди славлюбивые уловляют себе славу и облакающею их одеждою, домогаясь того, чтобы смотрели на них и величали их за дорогое платье; так, очевидно, тому, кто по смирению поставил жизнь свою на последней ступени, и в этом надобно занять между всеми последнее место. Приличнее нам уподобляться не в царских чертогах живущим, и облакающимся в мягкие одежды, но Ангелу и проповеднику пришествия Господня, «его же болий не воста в рожденных женами»

(Мф.11:11) – разумею Иоанна, сына Захариина, у которого была «риза от влас велблуждь» (Мф.3:4). Да и древние святые «проидоша в милотех и в козиях кожах» (Евр.11:37)».

56. «А цель употребления показал Апостол, сказав одним словом: «имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем» (1Тим.6:8), так как бы нам нужен был только покров, и еще не впали мы (не назвать бы как хуже) в это запрещенное щегольство пестротою и в пестроте состоящим убранством; потому что сие введено в жизнь изысканностию искусств, посвятивших себя суете. – Известно же и первое употребление одеяний, какое Бог дал возымевшим нужду в том. Ибо сказано: «и сотвори Бог ризы кожаны» (Быт.3:21). Для прикрытия срамоты достаточно было такого употребления риз. поскольку же привходит и другая цель – согревать себя одеждami; то необходимо, чтобы употребление приноровлено было к той и другой цели – закрывать нашу срамоту и служить предохранением от вредоносности воздуха. А как и в этом самом иное много, а иное мало полезно, то следует предпочитать, что может быть обращено на большее число потреб, так впрочем, чтобы не нарушался закон нестяжательности, чтобы не было у нас наготовлено одежд, иных на показ, а других для домашней потребности, а в числе этих опять иных для употребления днем, а иных ночью; но должно придумать, как приобрести одну такую ризу, чтобы она для всякого могла быть достаточною, и для благообразного облечения днем, и для необходимого покрова ночью».

57. «Тот же у меня закон и в рассуждении об обуви. Во всякое время надобно избирать ту, которая неизысканна, скорее добывается и удовлетворяет цели употребления» (Пр. 22).

58. «Что употребление пояса необходимо, доказывают прежде нас жившие святые: Иоанн кожаным поясом стягивающий чресла свои (Мф.3:4); а еще прежде его Илия, потому что как бы в отличие сего мужа, написано: «муж космат и пояс усмен о чреслах его» (4Цар.1:8). И Петр употреблял пояс, как видно из слов Ангела, говорившего ему: «препояшися и вступи в плесницы твоя» (Деян.12:8). И блаженный Павел оказывается употреблявшим пояс; ибо Пророк Агав сказал о

нем: «мужа, егоже есть пояс сей, тако свяжут в Иерусалиме» (Деян.21:11). И Иову повелевает Господь препоясаться. Как бы в ознаменование какого-то мужества и готовности, ему сказано: «препояши, яко муж чресла твоя» (Иов.38:3). И у всех учеников Господних было в обыкновении употребление пояса, как видно из запрещения иметь медь при поясах (Мф.10:9). Особенно кто намеревается работать руками, тому необходима развязность и беспрепятственность движения, а потому ему нужно и употребление пояса, которым одежда прижимается к телу, и более греет его, будучи отовсюду собрана, и не делает ему препятствий в движениях. Ибо и Господь, когда приготавливался на служение ученикам, «прием лентион, препоясая» (Иоан.13:4)» (Пр. 23).

59. О множестве одежд нечего нам и говорить. Если тому, кто имеет две ризы, повелевается отдать неимущему (Лк.3:11), то явно, что приобретение большого числа риз, собственно, для себя запрещено. А кому запрещено иметь две ризы, тому нужно ли давать закон об употреблении?» – (Пр. 23).

60. Самое пользование одеждами ограждено следующими правилами: когда сам избираешь, бери худшую, а когда дают другие, – бери какую дают.

«Не надобно желать себе лучшей одежды или обуви, а должно выбирать такую, которая похуже, дабы и в этом показать смиренномудрие, и не явиться любящими наряды, самолюбивыми и чуждыми братолюбия. Потому что домогающийся первенства отпал от любви и смиренномудрия» (Уст. 30).

61. «Одежду и обувь, каковы бы они ни были бери с таким расположением: если они велики, или малы по твоему росту, то объяви нужду свою с надлежащею скромностию; а если не нравятся по дешевизне своей, или потому, что не новые, то вспомни слова Господа, сказавшего: «не просто всякий, но делатель достоин пищи своя» (Мф.10:10), и допроси сам себя, сделал ли что-нибудь достойное Господних заповедей и обетований; тогда не только не потребуешь другого, но и данным будешь приведен в мучительный страх, как получающий это свыше достоинства. Ибо сказанное о пище должно

признавать за правило и в рассуждении всякой вещи, удовлетворяющей телесным потребностям» (Кр. 168).

62. «Но если кто от дорогой одежды отказывается, в рассуждении же дешевой одежды и обуви, домогается, чтобы она была ему прилична, то очевидно, что таковой страдает желанием нравиться людям или человекоугодием, а чрез то удаляется от Бога, и в самых маловажных вещах выказывает недуг суетности: ибо все то, что предпринимается не ради потребности, а для прикрасы, подлежит обвинению в суетности» (Кр. 50, 49).

63. Не пропустим и замечания об употреблении власяниц, лишь в видах удручения и смирения плоти. «Употребление власяницы имеет свое время; потому что употребление их служит не для телесной потребности, но для удручения и смирения плоти. – поскольку же нам запрещено иметь по две одежды; то можно ли допустить также употребление (и власяниц) кроме упомянутой выше причины, пусть всякий рассудит о том сам» (Кр. 90).

5) Молитвословие

64. В молитвословии правила различают две стороны – самое молитвословие и движущуюся во время его в сердце молитву. Первое составляет чин и порядок псалмопений, в церкви или дома, а вторую благоговейное к Богу устремление ума и сердца. С псалмопением должна быть неразлучна молитва, так что первое и цены не имеет без последней; последняя же возможна и без первого.

65 Чин псалмопения не определен у св. Василия в подробностях; указаны только некоторые его принадлежности. Так подробно исчислены времена собрания на молитву и указано, в каком смысле то или другое совершается. Это сделал первый св. Василий Великий.

66. Времена молитвословия указаны еще в предварительных вводных в подвижничество словах: «вся жизнь да будет временем молитвы. Но поскольку напряженности псалмопения и коленопреклонения надобно давать отдых некоторыми перерывами; то всего более надобно соображаться с теми часами, которые употребляемы были на молитву святыми в образец нам. Так Великий Давид говорит: «полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея» (Пс.118:62). А ему, как видим, следуя, Павел и Сила «в полунощи хвалят Бога в темнице» (Деян.16:25). Потом тот же Пророк говорить: «вечер, завтра и полудне» (Пс.54:18). Но и в третий час совершается пришествие Духа Святого, как знаем из Деяний, когда фарисеям, которые смеются над учениками за разнообразное в них действие языков, Петр говорит, что не пианы глаголющие сие: «есть бо час третий» (Деян.2:15). Девятый час напоминает страдание Господне, совершившееся нашей ради жизни. Но поскольку Давид говорит: «седмерицею днем хвалих Тя о судьбах правды Твоея» (Пс.118:164), а упомянутые времена молитвы не наполняют собою седмичного числа молитв; то полуденную молитву надобно разделить на молитву пред принятием пищи, и на молитву по принятии оной, чтобы и нам при каждом круговращении дня

служило образцом сие правило: седмицею днем хвалить Бога» (Стр. 74).

67. Правило 37-е из Пространных тоже самое изображает подробнее, останавливая внимание более на значении молитвенных времен.

«Не должно пренебрегать времена молитв, которые избраны нами по необходимости, потому что каждое из них особенным образом напоминает о благах, подаваемых от Бога. Так не должно пренебрегать утра, чтобы первые движения души и ума посвящаемы были Богу, чтобы мы ни за что другое не принимались с заботливостию, пока не возвеселены мыслию о Боге, по написанному: «помянух Бога и возвеселихся» (Пс.73:4), чтобы и тела не приводили в движение для делания, пока не исполним сказанного: «к Тебе помолюся, Господи. Заутра услыши глас мой: заутра предстану Ти, и узриши мя» (Пс.5:3–4). Но еще в третий час должно вставать и, если бы случилось, что братия разошлись каждый за своими делами, собирать братство на молитву; воспоминая дар Духа, данный в третий час Апостолам, все должны поклоняться единодушно, чтобы и им самим сделаться достойными приятия святыни, и просить у Духа руководства и учения на пользу, подражая сказавшему: «сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего, и Духа Твоего Святого не отними от Мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего, и Духом Владычним утверди мя» (Пс.50:12–14); и в другом месте: «Дух Твой благий наставит мя на землю праву» (Пс.142:10), и таким образом опять приниматься за дело. И если некоторые по свойству дел, или мест, не могут прийти в собрание, находясь далеко, то необходимо обязаны, ни мало не медля, и там исполнять сообща все установленное; потому что «идеже еста два или трие собрани во имя Мое», говорит Господь, «ту есмь посреде их» (Мф.18:20). – В шестой же час признали мы необходимым в подражание святым молиться, говоря: «вечер и заутра и полудне повем, и возвещу, и у слышит глас мой» (Пс.54:18); а чтобы избавиться от нападения и беса полуденного, – читая вместе и девяностый псалом. О том же, что девятый час нужен нам на молитву, предано нам самими

Апостолами в книге Деяний, где повествуется, что Петр и Иоанн «восходяста во святилище на молитву в час девятый» (Деян.3:1). А по окончании дня нужны как благодарение за то, что в день сей дано нам, или благо успешно нами исполнено, так исповедание в том, чего мы не выполнили, произвольно ли было наше прегрешение, или непроизвольно, или даже и тайно, состояло ли оно в словах, или в делах, или заключалось в самом сердце; за все должны мы умиловит Бога молитвою. Ибо обозрение прошедшего весьма полезно, чтобы снова не впадать нам в подобные грехи, почему и сказано: «яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитесь» (Пс.4:5). Но опять и при наступлении ночи нужно просить, чтобы упокоение наше было непреткновенно и свободно от мечтаний, читая и в этот час девяностый псалом. А что полночь нужна нам на молитву, это предали Павел и Сила, как сказует история Деяний, говоря: «в полунощи же Павел и Сила молящися пояста Бога» (Деян.16:25). И Псалмопевец говорит: «в полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоя» (Пс.118:62). И опять надобно вставать на молитву, предваряя утро, чтобы день не застал нас во сне, и на ложе, по словам сказавшего: «предваристе очи мои ко утру поучитися словесем Твоим» (--148).

68. «Тем, которые решились жить тщательно во славу Бога и Христа Его, не надобно пренебрегать ни одного из сих времен. Рассуждаю же, что разность и разнообразие молитв и псалмопений в установленные часы полезны по той причине, что единообразием душа нередко приводится в какое то равнодушие и рассеяние, а переменою и разнообразием псалмопения и чтения в каждый час вожделение ее приобретает новые силы, и трезвенность обновляется» (Стр. 178–192).

69. Самый чин молитвословий в то или другое время молитвенное не указан в правилах; но видно, что в состав его входили кроме псалмов молитвы и чтения; видно также, что содержание последования в каждое время хотя разнилось от другого, но определено было однажды на всегда, почему каждое молитвословие названо установленным.

70. Псалмопение и молитвы были исполняемы по очереди, об учреждении коей говорится: «Сим при множестве достойных, да соблюдается благочиние, чтобы и самое дело не почиталось маловажным и безразличным, и чтобы равенство в рассуждении одного и другого лица не подавало повода к подозрению в гордости игумена, и в презрении прочих» (Кр. 307).

71. Петь внушалось разумно, хотя не в виде предписания, а в виде объяснения, что значит: «пойте разумно» (Пс.46:8), с очевидною однакож целью, чтобы так и было всеми исполняемо. «Что в рассуждении снедей ощущение качества каждой снеди, то в рассуждении слов Свящ. Писания разумение. Ибо сказано: «гортань брашна вкушает, ум же⁹ словеса рассуждает» (Иов.12:11). Посему, если у кого душа так чувствительна к силе каждого слова, как вкус чувствителен к качеству каждой снеди, то он исполнил заповедь, которая говорит: пойте разумно» (Кр. 279). – Это относилось не к поющим только, но и к слушающим пение псалмов.

72. Во время молитвословия предписывалось соблюдать нерассеянное внимание. Сознывая этот долг, и не умея совладеть с блуждающим умом, братия спрашивают: «как достигнуть нерассеянности в молитве?» Вот им ответ: «несомненно убедившись, что Бог пред очами. Если тот, кто видит пред собою начальника, или настоятеля, и беседует с ним, не отвращает от него взора, то кольми паче молящийся Богу будет иметь ум, не уклоняющийся от Испытующего сердца и утробы, исполняя написанное: «воздеюще преподобные руки без гнева и размышления» (1Тим.2:8)» (Кр. 201). В следующем за сим правиле говорится: «что сие возможно показал тот, кто сказал: «очи мои выну ко Господу» (Пс.24:15), и: «предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся» (Пс.15:8). Но как сие возможно? Для сего не должно давать душе времени быть праздною от размышлений о Боге и о Божиих делах и дарах, также от исповедания и благодарения за все». (Кр. 202).

73. Во время псалмопения следует соблюдать строгое молчание. Говорить что-нибудь могут только те, «на кого возложено смотрение за благочинием и попечение о делах

домашних, но и те могут говорить только вынужденные крайнею необходимостью, и при том не без осмотрительности, не теряя из виду места, благочиния, степенности и того, чтобы не подать соблазна; всем прочим необходимо молчание. Ибо, если во время собеседования, даже и тем, кому поручено слово учения, «повелевается умолкнуть первому, аще иному откроется» (1Кор.14:30), то не тем ли паче необходимо всем молчание во время псалмопения?» – (Кр. 173).

74. Пришедши на молитву, надлежит пребывать на ней с терпением и вниманием до конца. «На всякое призывание тебя к молитве да возглашают уста твои: (готово сердце мое), и до последней молитвы будь на правиле, почитая великим ущербом оставить молитву. Ибо, если, вкушая пищу для подкрепления своей плоти, остаешься безвыходно за трапезой, пока не удовлетворишь потребности, и без большой необходимости не легко выйдешь из-за стола, то не тем ли паче должен ты до конца оставаться во время духовного питания, и укреплять душу молитвою? Ибо сколько разности у неба с землей, и у небесного с земным, столько же разности у души с телом. Душа подобие неба, потому что в ней обитает Господь; а плоть из земли, на которой обитают смертные люди и бессловесные животные. Поэтому нужды телесные соразмеряй с часами молитв, и приготовься не слушаться помысла, который отвлекает тебя от правила. Ибо у демона в обычае – в часы молитвы, под предлогом благовидной, конечно, причины, побуждать нас к отлучке, чтобы благовидно отвлечь нас от спасительной молитвы. Не говори в извинение: «у меня болит голова, болит живот», представляя неизвестных свидетелей небывалой болезни и для упокоения ослабляя в себе усилие к бдению. Напротив того, «совершай паче тайные молитвы, которые Бог видит в тайне, и за которые воздаст тебя яве» (Мф.6:6)» (Стр. 59, 60).

75. поскольку на молитву надлежало созывать, то верно был даваем какой-либо знак, напр. стучание в било, хотя не поминается об этом в правилах. Для возбуждения на ночное молитвословие были назначаемы будильщики. Относительно их решаются два вопроса, не их касающиеся, а тех, кого они будят.

Один: «Как внимательным должно быть к тому, кто будит на молитву? – Если кто узнает тот вред сна, что душа во время оною не сознает сама себя, а также пользу бодрствования, и особенно ту преимущественную славу, когда человек предстает Богу в молитве, то как к благодетелю, который делает великое и все пожелания превосходящее добро, будет внимателен к тому, кто будит на молитву, или на исполнение какой бы то ни было заповеди» (Кр. 43).

Другой: «А если тот, кого разбудили, огорчится или разгневается, то, чего он достоин? – На первый раз отлучения и лишения пищи: если способен, пришедши в сокрушение, познать, скольких и каких благ лишает себя по своему неразумию, и таким образом обратившись возрадуется с благодарностью сказавшего: «помянух Бога и возвеселихся» (Пс.76:4). Если же останется бесчувственным, то да отсечется, как загнивший и поврежденный член от тела. Ибо написано: «уне есть, да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну» (Мф.5:30)» (Кр. 44).

76. Заключим эти постановления о молитвословии правилом, определяющим приглашение и мирян к молитве с братьями. Спрашивается, должно ли посещающих мирян приглашать к молитве? – И отвечается: «Следует, если они друзья Божии; потому что Апостол к ним писал: «молитесь и о мне, да дастся ми слово во отвержение уст моих, с дерзновением сказать тайну Божию» (Еф.6:19)» (Кр. 312).

77. Наставление о молитве с внутренней ее стороны, как возношение ума и сердца к Богу, очень подробное дает первая глава подвижнических уставов. Берем из нее существеннейшее (Стр. 381).

«Молитва имеет два вида: первый – славословие с смиренномудрием, а второй низший – прошение. Посему, молясь, не вдруг приступай к прошению; в противном случае сам о своем произволении дашь всем знать, что молишься Богу вынужденный потребностью.

78. «Итак, начиная молитву, оставь себя самого, расстанься с землею, минуй небо, оставь всякую тварь видимую и невидимую, и начни словословием все Сотворившего; и когда

будешь славословить Его, не блуждай умом туда и сюда, не баснословь язычески, но выбирай слова из Святых Писаний и говори: «Благословляю Тебя Господи долготерпеливого и незлобивого, ежедневно являющего Свое милосердие мне грешному, и всем нам дающего свободу покаяться. Ибо для того, Господи, молчишь и терпишь нас, чтобы мы славословили Тебя, домостроительствующего спасение рода нашего; между тем как то страхом, то увещаниями, то чрез Пророков, а напоследок пришествием Христа Господа посещал Ты нас. Ибо Ты сотворил нас, а не мы. Ты Бог наш» (Ис.99:3)».

79. «Когда же кончишь славословие, по мере сил твоих заимствованное из Писаний, и вознесешь хвалу к Богу, тогда начни с смиренномудрием и говори: «я не достоин, Господи, говорить пред Тобою, потому что весьма грешен». – Так надобно говорить тебе, хотя бы ты и не признавал за собою ничего худого. Ибо никто не безгрешен, кроме Единого Бога. А мы, согрешая во многом, большей части грехов не замечаем за собою. Потому Апостол говорит: «ничегоже в себе свем, но не о сем оправдаюсь» (1Кор.4:4), т. е. грешу много, и не замечаю сего. Поэтому и Пророк говорит: «грехопадения кто понимает» (Пс.18:13)? Потому и ты не лжешь, называя себя грешником. Если же разумеешь свои грехопадения, то согрешишь этим самым словом: я не грешен. Напротив того – говори лучше: более всех грешников грешен я, преступая Божию заповедь, которая повелевает: «когда и во всем исправны, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом» (Лк.17:10). Так всегда должно рассуждать тебе: «я неключимый», и еще: «смиренномудрием друг друга честию больше себе творяще» (Фил.2:3). – Итак молись Богу со страхом и смиренномудрием. И когда прострешь слово смиренномудрия, скажешь: «благодарю Тебя, Господи, что долготерпел моим грехопадениям, до ныне оставлял меня ненаказанным; ибо давно достоин я был того, чтобы претерпеть тысячи бедствий и быть отринутым от лица Твоего, но незлобивое Твое человеколюбие было ко мне долготерпеливо; благодарю Тебя, хотя и нет у меня достаточных, сил к благодарению за незлобие Твое».

80. «И когда совершишь обе части славословия и смиренномудрия, тогда проси уже, чего должен ты просить, т. е. не богатства, не славы земной, не здоровья телесного, – потому что Сам Он создал тебя и печется о твоём спасении, и знает, что полезно каждому, здоровым ли быть, или больным, – но как повелено тебе, проси царствия Божия. Ибо о потребностях тела твоего, как я сказал выше, позаботится Сам Царь наш. Он преименит и негодует, если кто попросит у Него какой малости, если кто из нас попросит у Него недостойного. Поэтому молитвою своею не наводи на себя негодования, но проси себе того, что достойно Царя Бога».

81. «А прося того, что достойно Бога, не переставай просить, пока не получишь. Ибо на сие наводя мысль, Господь говорит в Евангелии: «кто от вас имать друга, и идет к нему в полунощи, и речет ему: друже, даждь ми взаим три хлеба: понеже друг прииде с пути ко мне, и не имам что предложить ему: и той извнутри отвечает: не твори ми труды: уже двери затворены суть, и дети моя со мною на ложи суть: не могу, востав дать тебе. Глаголю вам: аще и не даст ему востав, зане друг ему есть: но за безочство его, востав, даст ему, елика требует» (Лк.11:5–8). Господь представляет нам пример, чтобы научить нас быть неослабными и неотступными в вере. Он берёт пример с человека, обращающегося к человеку, чтобы научился ты никогда не терять надежды, чтобы, когда будешь просить и не получишь, не переставал просить, пока не получишь, если только, как сказано прежде; просишь того, что Богу угодно; и чтобы не говорил: «я грешник, и потому не услышан». А чтобы не отчаивался ты, для сего говорил Он: «аще и не даст ему, зане друг ему есть: но за безочство его, даст ему, елика требует». Наконец, хотя пройдет месяц, и год, и трехлетие, и большее число лет, пока не получишь, не отступай, но проси с верою, и непрестанно делая добро.

82. «Но при этом знай, что ты и с своей стороны сам должен делать все; к Богу же вопиять о помощи, – чтобы Он был тебе помощником. Ибо, если кто по непостоянству предастся пожеланиям, то Бог не помогает ему и не слушает его молитв; потому что он предварительно сделал себя чуждым

Богу чрез грех. Кто хочет иметь помощь от Бога, тот не изменяет обязанности; а кто не изменяет обязанности, тот никогда не бывает оставлен без Божия вспомоществования. Поэтому не должно доводить себя до того, чтобы осуждала в чем-либо собственная совесть, и в таком состоянии призывать Божию помощь.

83. «Призывать же сие должно не с нерадением, не умом, скитающимся там и здесь. Такой не только не получишь просимого, но еще более пригорчит Владыку. Если и тот, кто стоит и ведет речь пред князем, стоит с великим страхом, не позволяя блуждать как внешнему своему оку, так и внутреннему душевному, чтобы не подвергнуться опасности; то не тем ли паче со страхом и трепетом надобно стоять пред Богом, весь ум устремляя к Нему Единому, а не к чему-либо иному? Потому что Он не только подобно людям видит внешнего человека, но прозирает и во внутреннего. Посему, если будешь стоять пред Богом, как надобно, и с своей стороны все сделаешь; то не переставай просить, пока не получишь просимого тобою».

84. «Если будешь осуждаем своею совестью, как презритель, и если будешь стоять на молитве рассеянно, когда бы мог стоять и нерассеянно; то не дерзай стоять пред Богом, чтобы молитва твоя не обратилась в грех. Если же, изнемогши от греха, не в состоянии будешь молиться без развращения, то принуждай себя, сколько станет сил, и продолжай стоять пред Богом, к Нему обращай свой ум, собирая его в себя самого, и Бог простит тебя; потому что не из пренебрежения, но по немощи не имел ты сил стоять пред Богом, как должно. Потому, если так будешь себя принуждать ко всякому делу благому, не переставай просить, пока не получишь просимого тобою, но терпеливо толкай в дверь Его, прося тобою просимого. «Всяк бо», сказано, «просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отвержется» (Лк.11:10). Ибо чего иного желаешь ты сподобиться, как не единого спасения?»

85. «Говоришь: «много раз просил я и не получил». – Без сомнения, потому не получал, что просил худо, или с неверием, или рассеянно, или бесполезного тебе. А если и полезного просил неоднократно, то не имел постоянства. Ибо написано: «в

терпении вашем стяжите души ваша» (Лк.21:19); и: «претерпевый до конца, той спасен будет» (Мф.10:22)».

86. «Бог знает сердце молящихся, поэтому говоришь: какую нужду имеет Бог в нашем прощении? – Разве не знает Он в чем имеем нужду? Посему какая нужда в прощении? – «Бог знает, что нам нужно, и все телесное щедро дает в наслаждение наше, будучи благ, дождит на праведные и на неправедные и солнце Свое сияет на злые и благие, еще прежде прошений наших» (Мф.5:45). Но веры, добродетели достойной сего имени, царства небесного, если не будешь просить с трудом и многим терпением, не получишь; потому что должно прежде пожелать; а пожелав, искать деятельно в вере и терпении, употребив с своей стороны все, так чтобы ни в чем не осуждала собственная совесть, будто бы просишь или нерадиво, или лениво, и тогда уже получишь если угодно сие Богу. Ибо Он лучше тебя знает, что полезно тебе».

87. «И может быть, имея целию сделать тебя усердным пред Ним, для того медлит даровать, чтобы ты и узнал, что такое дар Божий, и со страхом хранил данное. Ибо все, что приобретает кто-нибудь со многим трудом, старается он сохранить, чтобы, потеряв это, не потерять и многого труда своего и отринув благодать Божию, не соделаться недостойным жизни вечной. Какую пользу принесло Соломону, что он скоро получил дар мудрости и утратил оный? – Посему не малодушествуй, если не скоро получаешь просимое. Ибо, если бы благий Бог видел, что ты, скоро получив дар, не утратишь его, то готов был бы даровать оный и прежде твоего прошения. А теперь из попечительности о тебе делает это. Ибо, если принявший талант и сохранивший его в целости осужден за то, что не пустил его в оборот; то не тем ли паче осужден будет утративший его?»

88. «Посему, зная это, получаем ли скорее, или медленнее, пребудем благодарными Господу; потому что все, что ни делает Владыка, домостроительствует ради нашего спасения; только мы да не будем из малодушия прекращать прошения. Ибо Господь для того и сказал притчу о вдовице, которая своею неотступностию преклонила незаконного судию, чтобы и мы

ради своей неотступности, получали по прошениям своим. В этом выказываются и вера наша и любовь к Богу, когда и не скоро получая, пребываем благодарными Ему. Будем же всегда благодарить Его, чтобы быть нам достойными сподобиться вечных благ Его».

89. Цель упражнения в молитвословии и молитве та, чтобы приобрести навык к непрестанной молитве, или к непрестанному памятованию о Боге и пребыванию в Нем вниманием и чувством, исполненным благоговеинства и теплого к Нему устремления. Св. Василий Великий часто обращает речь к сему настроению, и в стяжании его поставляет всю цель подвижничества, – и телесного, и духовного, и душевного.

«Надобно, говорит он, «всяцем хранением блюсти свое сердце» (Притч.4:23), чтобы никак не терять мысли о Боге, и памятования о чудесах Его не осквернять представлениями суетного, но святую мысль о Боге, постоянным и чистым памятованием напечатленную в душах наших, всюду носить с собою, как неизгладимую печать. Ибо таким образом приобретается наша любовь к Богу, которая и возбуждает к исполнению заповедей Господних, и вместе опять ими сама соблюдается, делаясь продолжительною и неколебимою» (Пр. 5, стр. 109).

90. Сродством к такому напечатлению памяти Божией служит Богомысленное созерцание бесконечных совершенств Божиих. «Душа, приводя в движение свою мысленную силу, и среди безмолвного от всего упразднения занимаясь свойственными ей созерцаниями, блюдет в себе свойственную ей тишину. Сие делает она, по возможности возводя внимательный взор к достопоклоняемой Троице, и умозаклячая о неприступности Божией славы по преизбытку ее сияния, о светлости блаженства, беспредельной премудрости, о постоянстве и невольненности безмятежья, об естестве бесстрастном и неподвижном; потому что с Кем ничто не может встретиться нечаянно, в Ком как в сокровищнице, собрано ведение всего существующего и будущего, Кто объемлет всяческая и все держит в руке своей, и Кому совершенно ни что

не может воспротивиться и противостоять, в Том и следует быть тишине и непрестанному безмятежию» (Уст. 2).

91. Такое углубление в совершенства Божии восставляет созерцание возделенной красоты Божией и раздражает естественно вложенную в душу любовь к Богу, которую и сопровождает неотступная память о Боге. Ибо – «что досточуднее Божией красоты? Какое представление приятнее Божия великолепия? Какое желание душевное так живо, как желание, порождаемое Богом в душе, которая очищена от всякого порока и с истинным расположением говорит: уязвлена есмь любовью аз (Пес. пес. 2,5)? Подлинно неизреченны и неописанны молниеносные блистания Божией красоты; ни слово не может выразить, ни слух вместить. Наименуем ли блеск денницы, или светлость луны, или сияние солнца, – все это недостойно к уподоблению славы, и в сравнении с истинным Светом далее отстоит от Него, нежели глубокая ночь и ужаснейшая тьма от полуденной ясности. Если красота сия, незримая очами, а постижимая только душою и мыслию, озаряла кого-нибудь из Святых и оставляла в них невыносимое уязвление желанием; то, возмущенные здешнею жизнью, говорили они: «увы мне, яко пришельствие мое продолжися» (Пс.119:5)! «Когда прииду и явлюся лицу Твоему? Ибо возжада душа моя к Богу крепкому и живому» (Пс.41:3). Почему желали скорее «разрешиться и со Христом быть» (Фил.1:23); и когда видели приближение сей блаженной минуты, с радостью взывали: «ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко» (Лк.2:29). – Тяготясь сею жизнью, как узилищем, сколько были неудержимы в стремлениях те, у кого коснулось души Божественное желание. По причине ненасытимого желания созерцать Божественную доброту, они молились о том, чтобы зрение красоты Божией простиралось на всю вечную жизнь (Пс.26:4)» (Пр. 2).

92. Другой способ укрепления памятования о Боге есть воспоминание и восчувствование великих Божиих благодеяний, явленных в творении, Промыслении, паче же в Искуплении, как ко всему роду человеческому, так и частнейше ко всякому лицу, которое старается поучаться в сем.

«Ежели в рожденных есть природная любовь к родившим, и это доказывают привязанность бессловесных и в людях с первого возраста открывающаяся расположенность к матерям, то недостатком любви к Сотворившему нас и отчуждением от Него да не окажем себя неразумнее младенцев и свирепее зверей. Если б и не знали, каков Он по благодати: потому одному, что получили от Него бытие, должны мы безмерно любить Его со всею нежностью и непрестанно прилепляться к памятованию о Нем, как дети прилеплены к матерям. Но благодетель выше любимых естественно, и привязанность к даровавшим какое-нибудь благо есть расположение, свойственное не людям только, по всем почти животным. Сказано: «позна вол стяжавшего и, и осел ясли господина своего». О если бы не надлежало сказать о нас последующих слов: «Израиль же Мене не позна, и людие Мои не разумеша» (Исаии.1:3)» (Пр. 2)».

93. «Если же по природе имеем любовь и расположение к благодетелям и решаемся на всякий труд, чтобы воздать за оказанное нам благодеяние: то какое слово может изобразить Божии дары? Они таковы по множеству, что превышают всякое число, так велики и важны, что достаточно и одного, чтобы обязать вас ко всякой благодарности Подателю. Умолчу о тех из них, которые хотя сами по себе и чрезмерны величию и приятностию, однако же превышаемые светозарностию больших, как звезды сиянием солнечных лучей, не так ясно выказывают свою приятность. Ибо нет времени, оставив превосходнейшее, измерять благодать Благодетеля меньшими дарами. Поэтому пусть будут преданы молчанию восхождение солнца, круговращение луны, благорастворение воздуха, смены годовых времен, вода из облаков, вода из земли, самое море, и вся земля, раздающееся из земли, живущее в водах, роды живых тварей в воздухе, тысячи различий между животными, все, назначенное на служение нашей жизни» (там же).

94. «Но одного, хотя бы кто и хотел, нельзя миновать; об одном даре совершенно невозможно умолчать тому, кто имеет здравый ум и слово, хотя еще более невозможно сказать о нем, как должно, а именно, что Бог, сотворив человека по образу и

подобию Божию, удостоив ведения о Себе, украсив пред всеми животными даром слова, дав ему наслаждаться безмерными красотами рая, поставив его князем над всем, что на земле, и после того, как пережищен он змием, ниспал в грех, а чрез грех в смерть и во все, что достойно смерти, не презрел его, но сперва дал ему в помощь закон, для охранения его и попечения о нем приставил Ангелов, для обличения порока и научения добродетели посылал Пророков, порочные стремления пресекал угрозами, усердие к добрым делам возбуждал обетованиями, неоднократно на разных лицах для вразумления прочих предварительно показывал конец порока и добродетели, и от тех, которые, при всех таковых пособиях, пребывали в непокорности, не отвратился; потому что не были мы оставлены благодатию Владыки и не прервали любви Его к нам, оскорбив Благодетеля бесчувственностью к таким почестям, но воззваны от смерти и снова оживотворены Самим Господом нашим Иисусом Христом, у Которого и самый способ благодеяния еще более удивителен. Ибо «во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, по Себе умалил, зрак раба приим» (Фил.2:6–7). «Воспринял на себя и наши немощи, понес болезни, был язвен за нас, чтобы мы язвою Его исцелились» (Ис.53:5); «искупил ны есть от клятвы, быв по нас клятва» (Гал.3:13), претерпел поноснейшую смерть, чтобы нас возвести к славной жизни, и не удовольствовался тем одним, что оживотворил нас мертвых, но еще даровал нам достоинство божества, уготовал вечные упокоения, великостию веселия превышающие всякую человеческую мысль. «Что же воздадим Господеву о всех, яже воздаде нам» (Пс.115:3)? – Но Он столько благ, что не требует воздаяния, а довольствуется тем, чтобы любили Его за дарованное Им» (там же).

95. «Когда все это привожу себе на мысль, тогда (откроюсь в своей немощи) прихожу в какой-то ужас и страшное исступление от боязни, чтоб, по невнимательности ума или по причине занятия суетным, отпав от любви Божией, не сделаться мне некогда укоризною Христу. Ибо тот, кто ныне обольщает нас, и мирскими приманками всемерно старается произвести в нас забвение о Благодетеле, к гибели душ наших, ругается и

посмеивается над нами, – тогда пренебрежение наше обратит в укоризну Господу, и будет хвалиться нашею непокорностью и нашим отступничеством; потому что он хотя не сотворил нас и не умер за нас, однако же имел нас своими последователями в непокорности и нерадении о заповедях Божиих. Эта укоризна Господу и эта похвальба врага для меня кажутся тяжелее геенских мучений – врагу Христову послужить предметом похвальбы и поводом к превозношению пред Тем, Кто за нас умер и воскрес, Кому, по написанному, тем более за сие мы обязаны» (там же). Кто примет в чувство все прописанные благодеяния, тот не может забыть Благодетеля и благоговейного памятования о Нем не может не вращать в уме и сердце в молитвенном к Нему возношении».

96. Третий путь к впечатлению непрестанного о Боге памятования есть навык – творить все по сознанию на то воли Божией, во славу Божию, пред лицом всевидящего Бога.

«Во всяком предстоящем нам деле волю Повелевшего должно поставлять для себя целию, и по ней направлять тщательность свою, как и о Себе Самом говорит Господь: «снидох с Небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшего Мя Отца» (Ин.6:38). Ибо как необходимые в жизни искусства, предположив некие свойственные себе цели, к ним приспособляют частные действия; так поскольку и нашим делам положены один предел и одно правило – исполнять заповеди благоугодно Богу, то не иначе можно преуспеть с точностью в деле, как совершая оное по воле Давшего заповеди. А при строгой тщательности совершать дело по воле Божией возможно будет чрез памятование вступить в единение с Богом. Ибо как ковач, при обделке, например, топора, помня того, кто дал ему работу, и имея его в уме, представляет тот вид и ту величину, какие назначены, соображает работу с волею заказавшего (а если забудет, то сделает или что-нибудь другое, или иначе, нежели как заказано); так и христианин всякое действие, маловажное и важное, соображая с волею Божиею, и поступок свой распорядит со всею исправностию, и вместе сохранит мысль о том, Кто повелел так поступать. – выполнит сказанное: «предзрех Господа предо мною выну, яко одесную

Мене есть, да не подвижуся» (Пс.15:8), удовлетворит также и этой заповеди: «аще ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся в славу Божию творите» (1Кор.10:31). А кто в деле своем нарушает точность заповеди, тот, очевидно, слабо помнит о Боге» (Пр. 5)».

97. «Посему, помня слова, сказавшего: «еда небо и землю не Аз наполняю, рече Господь» (Иер.23:24); и: «Бог приближаясь Аз есмь, а не Бог издалеча» (-23); и: «идеже еста два, или трие собрани во Имя Мое, ту есмь посреде их» (Мф.18:20); – надобно всякое дело совершать, как бы оно делалось пред очами Господа, и всякую мысль слагать, как бы Господь назирал ее. Ибо в таком случае будет и всегдашний страх, который, по написанному, «не терпит неправды, досаждения же и гордыни, и пути лукавых» (Притч.8:13), и любовь усовершится, исполняя сказанное Господом: «не ищу воли Моея, но воли пославшего Мя Отца» (Ин.5:30); потому что душа сохранит всегдашнюю уверенность, что, как добрые дела, приятны Судии и Подвигоположнику нашей жизни, так дела противные вскоре подвергнутся осуждению. А думаю, что с сим вместе достигнуто будет и то, чтобы самые заповеди Господни исполнять не из человекоугодия» (Там же).

Таков внутренний строй ходящих пред Богом, всегда о Нем памятующих, и молитвенно к Нему обращающихся, – и таковы способы к сему наиглавнейшему в духовной жизни деланию. Св. Василий Великий очень часто обращается к нему в своих правилах, его поставляя источником всего доброго, и в нем указывая силу к отражению всего худого, возникающего в мыслях и чувствах.

6. О святом причащении

98. Из всех церковных собраний и молитвословий, самое драгоценное для христиан и иноков есть то, на котором причащаются св. Христовых Таин. Но правила не определяют подробно сего святого действия, столь помощного в победе страстей и невидимых врагов, их разжигающих. Как часто должны были иноки приступать к святому Причастию, это или решалось по правилу пр. Пахомия, принятому от Ангела, чтобы иноки причащались каждое воскресенье или и субботу, или было учреждено как ни- будь сообразно с тем, что пишет св. Василий Великий к одной госпоже, что хорошо причащаться каждый день и что они в Кесарии причащаются четыре раза в неделю. – Вот это письмо!

99. «Хорошо и преполезно каждый день приобщаться и принимать Святое Тело и Кровь Христову; потому что Христос Сам ясно говорит: «ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, имать живот вечный» (Ин.6:54). Ибо кто сомневается, что непрестанно быть причастником жизни не иное что значит, как жить многообразно? Впрочем, мы приобщаемся четыре раза каждую седмицу: в день Господень, в среду и пяток, и в субботу; также и в иные дни, если бывает память какого Святого. А что нимало не опасно, если кто, во время гонений, за отсутствием Священника или служащего, бывает в необходимости принимать Причастие собственною своею рукою, излишним было бы это и доказывать; потому что долговременный обычай умиловливает в этом самым делом. Ибо все монахи, живущие в пустынях, где нет иерея, храня Причастие в доме, сами себя причащают. А в Александрии и Египте и каждый крещеный мирянин по большей части имеет Причастие у себя в доме, и сам собою приобщается, когда хочет. Ибо когда иерей единожды совершил и преподал Жертву; принявший ее как всецелую, причащаясь ежедневно, справедливо должен веровать, что принимает и причащается от самого преподавшего. Ибо и в церкви иерей преподает часть, и приемлющий с полным правом держит ее, и таким образом собственною своею рукою подносит

к устам. Потому одну имеет силу, приемлет ли кто от иерея одну часть, или вдруг многие части» (Пис. 89).

100. «С каким страхом, с какою несомненностью и с каким расположением должны мы приобщаться Тела и Крови Христовых?

«Страху учит нас Апостол, говоря: «ядый и пияй недостойне, суд себе яст и пьет» (1Кор.11:29). А несомненность производит вера – и в слова Господа, сказавшего: «сие есть тело Мое, еже за вы даемо: сие творите в Мое воспоминание» (Лк.22:19) – и в свидетельство Иоанна, который изобразив сперва славу Слова, описывает потом и образ вочеловечия в следующих словах: «и Слово плоть бысть, и вселися в ны, и видехом славу Его, славу яко Единородного от Отца; исполни благодати и истины» (Ин.1:14); – а также в слова Апостола, написавшего: «во образе Божии сый, не восхищением не пщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим, в подо бии человечеством быв, и образом обретесе, якоже человек, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестные» (Фил.2:6–8). Посему, когда душа, уверовавши в сии ясные и многочисленные свидетельства, познает величие славы и удивится преизбытку смирения и послушания; потому что Сам Сын, ради нашей жизни, был послушлив Отцу даже до смерти; тогда, думаю, расположение ее превратится в любовь к Богу и Отцу, Иже Своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть Его (Рим.8:32), и к Единородному Сыну, пребывшему послушливым до смерти для нашего искупления и спасения. И таким образом может воспользоваться словом Апостола, который для здравых умом как бы правилом каким поставляет добрую в этом совесть, когда говорит: «ибо любы Христова обдержит нас суждших сие: яко аще един за всех умре, то убо вси умроша. И за всех умре, да живущии не ктому себе живут, но Умершему за них и Воскресшему» (2Кор.5:14–15). Такое расположение и такую готовность должен иметь приобщающийся Хлеба и Чаши» (Кр. 172).

101. К сподобившимся Св. Причастия можно относить ответ на следующий вопрос: «какою должна быть душа, удостоившаяся участвовать в деле Божиим?

«Какою была та, которая говорит: «кто есмь аз, Господи мой Господи? И что дом мой, яко возлюбил мя еси» (2Цар.7:18)? и которая исполняет написанное: «благодаряще Бога и Отца призвавшего нас в причастие наследия Святых во свете, Иже избави нас от власти темные, и представи в царство Сына любви Своея» (Кол.1:12–13)» (Кр. 167).

102. Если с кем случится нечто, бывающее от навыка и по природе, то надобно ли ему приступать к общению Святых?

«Апостол показал, что спогребшийся Христу в крещении (Рим.6:4) выше природы и навыка, когда, как в сем месте о крещении в воде, после сказанного выше, говорит: «сие ведяще, яко ветхий наш человек с Ним распяты, да упразднится тело греховное, яко ктому не работати нам греху»(-6); так в другом месте повелевает: «умертвите убо уды ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение, ихже ради грядет гнев Божий на сыны противления» (Колос.3:5–6); и в другом месте еще дает правило, говоря: «а иже Христови суть, плоть распята со страстьми и похотьми» (Гал.5:24). – Но я изведаль, что по благодати Христовой, и мужи и жены достигают сего искреннею верою в Господа. А на того, кто, находясь в нечистоте, приближается ко святым, и в Ветхом Завете видим страшный Суд. Если же Церкви боле есть zde (Мф.12:6), т. е. страшнее; то вразумит нас Апостол, сказав: «ядый и пийй недостоине, суд себе яст и пиет» (1Кор.11:29)» (Кр. 309).

7) Изучение божественных писаний для умудрения во спасение

103. Сопредельное с молитвою делание есть во-первых – изучение Божественных Писаний для умудрения во спасение. Что новонаначальному надлежит изучать Писание, об этом сказано уже; но сие спасительное занятие не должно прекращаться во всю жизнь. Отвечая на вопрос о том, «полезно ли изучать многое из Писаний» – правило отвечает утвердительно, разграничивая только, чтобы всякий изучал наиболее то, что относится к его обязанностям.

«Поелику людей можно разделить на два более общие разряда: одним вверено начальство, а другие, при различных дарованиях, поставлены в благопокорности и послушании; то рассуждаю, что кому поручено начальство и попечение о многих, тот должен знать, и изучать обязанности всех, чтобы всех научать воле Божией, показывая каждому его обязанности. А из прочих – всякий помня, что сказал Апостол: «не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовать, но мудрствовать в целомудрии, коемуждо якоже Бог разделил есть» (Рим.12:3), пусть тщательно изучает и исполняет свои обязанности, ни о чем более не любоумудрствуя, чтоб сделаться достойным услышать от Господа сии слова: «иди, рабе благий, о мале был еси верен, над многими тя поставлю» (Мф.25:21)» (Кр. 235).

104. Почему с одной стороны не позволяет ничего делать или говорить, без свидетельства на то Богодухновенных Писаний, – когда говорит:

«Господь наш Иисус Христос говорит о Святом Духе: «не от Себе бо глаголати имать, но елика аще услышит, сие глаголати имать» (Ин.16:13); и о Себе Самом: «не может Сын творити о Себе ничесоже» (Ин.5:19); и еще: «яко Аз от Себе не глаголю, но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю. И вем, яко заповедь Его живот вечный есть. Яже убо Аз глаголю, якоже рече Мне Отец, тако глаголю» (Ин.12:49–50). Кто же дойдет то такого безумия, чтоб осмелиться даже и

на мысль что либо взять самому собою, когда для того, чтобы и умом, и словом, и делом направить себя на путь истины, имеет он нужду в путеводстве Святого и благого Духа, а сам слеп и живет во тьме без солнца правды – Самого Господа нашего Иисуса Христа, Который Своими заповедями просвещает как лучами, ибо сказано: «заповедь Господня светла, просвещающая очи» (Пс.18:9)?» (Кр. 1). Если же это так необходимо, то, очевидно, надобно изучать Бож. Писание.

105. С другой – укоряет того, кто намеренно не хочет узнавать воли Божией, открытой нам в слове Божиим, чтоб за нарушение известного не подвергаться большему осуждению.

«Явно говорит, что поведение такого человека притворно, и он подлежит неизбежному суду за грех. Ибо Господь сказал: «аще не бых пришел и глаголах им, греха не быша имели; ныне же извинения не имут о гресе своем» (Ин.15:22), потому что Свящ. Писание везде и всем возвещает волю Божию. Поэтому подобный человек не меньше осуждается, т. е. не наравне с неведущими, но большему подпадает осуждению с теми, о которых написано: «яко аспид глух и затыкающего уши свои: иже не услышит гласа обавающих, обаваем обавается от премудра» (Пс.57:5–6). Впрочем тот, кто приставлен к домостроительству слова, если вознерадит о том, чтобы возвестить слово, будет, по написанному, осужден как убийца (Иезек.33:3)» (Кр. 45).

106. А на того, кто при невозможности работать, отказывается и от изучения псалмов, еще строжайший произносит приговор.

«Поелику Господь в притче о бесплодной смоковнице сказал: «посецы ю, векую и землю упражняет»? (Лк.13:7); то хотя необходимо употребить о таковом все попечение, однако же, если не исправляется, и в рассуждении его надобно соблюсти заповеданное о пребывающих во грехе; потому что ленивый на хорошее осуждается с диаволом и аггелами его» (Кр. 61).

107. Но и тех, кои ревностно изучают Писание, оно не гордит, а паче смиряет, внушая, что от таковых требуется большая исправность в жизни. Это выражается в ответе на

вопрос 236-й: «которые удостоились выучить четыре Евангелия, те – как должны принимать благодать сию? – поскольку, отвечается, Господь изрек: «ему же предаша множайше, множайше истяжут от него» (Лк.12:48), то они должны более других бояться и тщиться, как Апостол научил, говоря: «споспешествующе же и молим, не вотще благодать Божию прияти» (2Кор.6:1). А благодать приемлется не вотще, если верим Господу, Который говорит: «аще сия весте, блажени есте, аще творите я» (Ин.13:17)?

108. Предмет изучения в слове Божиим есть воля Божия благая и угодная.

«Во-первых должно искать, что есть благая воля Божия; потом, когда узнаем благую волю, должно исследовать угодна ли Богу сия благая воля. Ибо на иное в особом отношении есть воля Божия, и воля благая; но когда это делается или не тем лицом, или не в то время, как-бы надлежало, то не бывает уже благоугодным Богу. Например: была воля Божия и воля благая, чтобы Богу кадили; но не благоугодно было Богу, чтобы делали сие Дафан и Авирон. И еще: есть воля Божия и воля благая, чтобы творили милостыню; но чтоб делали сие ради прославления от людей, это уже не благоугодно Богу. И еще: «была воля Божия и воля благая, чтобы ученики, еже во уши слышали, проповедали на кровех» (Мф.10:27); но чтоб говорили о чем-либо прежде времени, сие не благоугодно было Богу. Ибо говорит: «никому же поведите видения сего, дондеже Сын Человеческий из мертвых воскреснет» (Мф.17:9). И вообще всякая воля благая Божия тогда и благоугодна, когда исполняется в ней сказанное Апостолом: «вся в славу Божию творите» (1Кор.10:31), и: «вся благообразно и по чину да бывают» (14:40). Но опять, если на что есть воля Божия, и воля благая, и воля угодная, то и в сем случае должно не беспечности предаваться, но подвизаться и заботиться, чтобы сие было совершенно и без недостатков – в мере как самого дела, согласно с заповеданным, так и силы совершающего дело. Ибо сказано: «возлюбите Господа Бога твоего от всея души твоя, и всею силою твоею, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим, и ближнего своего, яко сам себе»

(Лк.10:27), как и Господь научил в Евангелии от Иоанна (Иоан.13:34). Да и «всякую заповедь люби, как написано» (Втор.6:6). Ибо сказано: «блажен раб той, егоже, пришед господин его, обрящет тако творяща» (Мф.24:46)» (Кр. 276).

109. Условливающая в сем успехе средства суть – молитва с искреннею верою, чуждою всякого своемудрия. На это наводят ответы на следующие вопросы:

«Как приимем царствие Божие, яко отроча? – Если таковыми же будем в отношении к учению Господню, каково в обучении отроча, которое не прекословит, не оправдывается пред учителями, но верно и благопокорно принимает уроки» (Кр. 217).

110. «Какого разумения должны мы просить себе у Бога, и как можем стать достойными оногo? – О сем разумении узнаем от самого Бога чрез Пророка, который говорит: «да не хвалится мудрый мудростию своею, и да не хвалится крепкий крепостию своею, и да не хвалится богатый богатством своим, но о сем да хвалится хваляйся, еже разумети и знати Господа» (Иерем.9:23–24), и чрез Апостола, который сказал: «но разумеюще (будьте), что есть воля Божия» (Еф.5:17). Удостоиться же сего разумения возможем, если исполним написанное: «упразднитеся и разумеите, яко Аз есмь Бог» (Пс.45:11), и, если уверуем, что истинен всякий глагол Божий, ибо сказано: «аще не уверите, ниже имате разумети» (Пс.7:9)» (Кр. 218).

111. «Если Господь дает премудрость, и от лица Его познание и разум (Прит.2:6), и, «если Духом овому дается слово премудрости, иному же слово разума» (1Кор.12:8); то почему же Господь ставит в вину ученикам: «аще ли и вы без разума есте» (Мф.15:16); и Апостол винит некоторых, как неразумных (Рим.1:31)? – «Если кто», отвечается, «познает благодать Бога, Иже всем человеком хочет спастися и в разум истины приити» (1Тим.2:4), и дознал также попечительность Св. Духа в разделении и действе дарований Божиих; то он знает, что косность разумения бывает не по нерадению Благодетеля, но по неверию получающих благодетяние. И справедливо обвиняется неразумный, как смежающий очи при восхождении солнечном,

чтобы жить во тьме и неподъемлющий взора для принятия света» (Кр. 248).

112. «Кто не смыслен и кто мудр о себе? – Отв. Не смыслен тот, кто не понимает воли Господней, и мудр о себе всякий, кто водится собственными своими рассуждениями, и не ходит по вере в глаголах Божиих. Посему, если кто хочет не быть несмысленным и мудрым о себе, то он должен разуметь волю Господню верою в Господа, и в страхе Божиим подражать Апостолу, который говорит: «помышления низлагающе, и всяко возношение взымающееся на разум Божий, и пленяюще всяк разум в послушание Христово» (2Кор.10:4–5)» (Кр. 260).

113. «Как «человек делается буим в вещи сем» (1Кор.3:18)? – Так: «если убоится суда от Бога, Который говорит: горе, иже мудри в себе самих, и пред собою разумни» (Ис.5:21), станет подражать сказавшему: «скотен бых у тебе» (Пс.72:22), и, отринув всякое мнение о своей мудрости, не прежде признает что либо в своих суждениях добрым, и начнет рассуждать о чем, как самою заповедью приучив себя к тому, что угодно Богу, в деле ли, или в слове, или в помышлении, потому что Апостол сказал: «надеяние таково имаemy Христом к Богу: не яко довольни есмы от себе помыслити что, яко от себе, но довольство наше от Бога» (2Кор.3:4–5). Который учит человека разуму, как написано (Пс.93:10)» (Кр. 274).

114. Цель изучения Писания умудрение во спасение, или стяжание сокровищ духовного ведения, чтобы предать его потом другим, жаждущим его.

«Какое это благое сокровище? – Умудрение во всякой о Христе добродетели, служащей к славе Божией есть сокровище благое, из которого каждый, по изречению Господа, «в делах и словах своих износит благое» (Мф.12:35)» (Кр. 239). «Приявший какую бы то ни было благодать необходимо должен передать ее имеющему в ней потребность. Это же надлежит делать и с даром ведения, как сказано у Апостола: «сия предаждь верным человеком, иже довольни будут и иных научити» (2Тим.2:2)» (Кр. 254).

8) Пример старших и взаимные собеседования

115. После изучения слова Божия общий всем источник умудрения во спасение – уроки настоятеля, которому, как видели, внушается учить всех с строгими прещениями за нерадение о сем (Пр. 24, 25). – Кроме же сего внушается смотреть на жизнь старших и из ней учиться, и вступать во взаимные собеседования для уяснения и поверки своих понятий и разумений.

116. О первом говорится: «запасайся избытками совершенного жития (примерами), чтобы найти сокровище, сокрытое на день нужды. – Будь соревнователем живущих право, и дела их запиши у себя на сердце» (Стр. 60, 61). И еще: «Прежде начавшие трудиться в деле Божиим могут быть полезны для приходящих вновь тем, что будут, если крепки телом, показывать неленостное тщание и представлять в себе образец всякого доброго дела. А ежели немощны, то окажут пользу таким душевным состоянием, в котором и по лицу и по всякому движению видно, что несомненно призывает на них Бог, и сопребывает с ними Господь, а также и свойствами любви, исчисленными у Апостола, сказавшего: «любвы долго терпит, милосердствует, не завидит, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине, вся покрывает, весну веру емлет, вся уповает, вся терпит. Любвы николиже отпадает» (1Кор.13:4–8). Ибо все это можно выполнять и при немощном теле» (Кр. 200).

117. Ко второму, т. е. взаимному собеседованию, приглашает св. Василий во введении к пространным правилам, говоря: «подвижники благочестия, предпочетшие жизнь безмолвную и спокойную, сообща порассудим, как сделать, чтобы ничего из предписанного не осталось у нас без исполнения. – Поэтому в чем каждый почитает себя нескудным, то пусть и предложит на общее рассмотрение: потому что при трудолюбном исследовании многих удобнее найдется сокровенное, если только Бог, по обетованию Господа нашего

Иисуса Христа дарует нам найти искомое, по научению и напоминанию Св. Духа (Ин.14:26)» (стр. 95).

118. В другом же месте вопрос: «должен ли каждый и другим сообщать, что сам думает, или в себе скрывать то, о чем несомненно уверен, что сие угодно Богу?» – Решает так:

«Памятуя Божий приговор, изреченный чрез Пророка: «горе, иже мудры в себе самих, и пред собою разумны» (Ис.5:21), и сказанное Апостолом: «желаю бо видети вас, да некое подам вам дарование духовное, ко утверждению вашему, сие же есть, соутешитися в вас верою общею, вашею же и моею» (Рим.1:11–12) рассуждаю, что необходимо нам сообщать свои мысли единомудушным с нами, и доказавшим свою веру и смысленность, чтобы или погрешительное было исправлено, или правильно сделанное подтверждено, и мы избежали упомянутого выше осуждения, постигшего тех, которые мудры в себе самих» (Кр. 227).

9. Иноческая пища, – воздержание, – постничество

119. На порядке трапезования, или подкрепления себя пищею, в общежитиях, правила делают только намеки.

Из них видно, что был назначен определенный час для трапезы, в который все должны были собираться к столу. Если так, то надо положить, что для сбора был даваем знак в било, или еще как. Наводит на это ответ на 136-й вопрос из кратких; «как обходиться с опоздавшим к обеду?» – Отвечается: «Если он не поспел по необходимости, зависящей от места, или дела, как соблюдающий заповедь сказавшего: «кийждо, в немже призван бысть, в том да пребывает» (1Кор.7:24); то блюститель общего благочиния, приняв сие в рассуждение, извинит ему. А если мог поспеть, но не постарался, показав в себе вину небрежения, пусть остается без пищи до определенного часа в следующий день».

120. Какой это определенный час, можно навесть из слов св. Василия Великого о необходимости разделить полуденную молитву на две, – на молитву пред принятием пищи, и на молитву по принятии пищи, – для восполнения семеричного числа дневных молитв (Стр. 74). Отсюда видно, что часом обеда был полдень.

121. Отсюда видно, что пред трапезой и после оной было совершаемо молитвословие. – Что во время трапезы было чтение, на это указывает вопрос 180-й: «С каким расположением и вниманием должны мы слушать читаемое нам во время вкушения, пищи?» – На что отвечено: «С большим того удовольствия, с каким едим и пьем, чтобы видно было, что ум не рассеивается телесными удовольствиями, но увеселяется более словесами Господними, подражая расположению сказавшего: «и слаждша паче меда и сота» (Пс.18:11)».

122. Из этого уже видно, какое благочиние требовалось от вкушающих пищу за трапезою. Но еще виднее оно из слов, сказанных для решения вопроса: «Как есть и пить во славу Божию?» – Здесь говорится, что это исполняет тот, кто при сем: «славит Бога памятованием о Благодетеле, и таким душевным

расположением, при котором и телесное положение свидетельствует, что человек вкушает небеззаботно, но как бы имея зрителем Бога; а равно и целию вкушения, когда ест не для удовольствия, как раб чрева, но как делатель Божии для бодрости в делах, совершаемых по заповеди Христовой» (Кр. 196).

123. Исполнителям таких внушений не могло не казаться странным, «если кто в братстве во время вкушения пищи ведет себя нескромно, ест или пьет как бы с жадностью». И очень естествен у них вопрос: «Должно ли обличать такого?» – Правило отвечает на сей вопрос: – «Таковой не соблюдает заповеди Апостола, сказавшего: «аще ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите: вся в славу Божию творите» (1Кор.10:31), и еще: «вся благообразно и по чину да бывают» (1Кор.14:40); и он имеет нужду в исправлении, если только не вынудили его к тому какая либо необходимость труда, или поспешности. Впрочем, и тогда надобно соблюдать непреткновенность» (Кр. 72).

124. Из видов пищи поминается в правилах: хлеб, вода, елей, рыба какая-то соленая, отцами допущенная, в малом количестве, для приправы других яств, – зелени, или варева из семян (Уст. 25). И вином говорится гнушаться не должно, если принимают его для врачевания и не домогаются его без нужды (Стр. 73). Вообще же полагается пища здоровая, но дешевая и легко без особых хлопот приобретаемая в том месте, где подвизаются иноки.

125. «Должно употреблять в пищу то, чем без многих хлопот удовлетворяется потребность. Сие обнаружил сам Господь, когда угощал утружденный народ, да не ослабнут, как написано, на пути (Мф.15,32). Он мог увеличить чудо в пустыне подаянием дорогих яств, но уготовил для них такую простую и неизысканную пищу, что ячменные были хлебы, и на хлебе часть рыбы. А о питии не упомянул, потому что есть самоточная, достаточная к удовлетворению потребности всех вода, разве кому по болезни такое питье вредно, и не должно быть у потребляемо по совету св. Павла Тимофею (1Тим.5:23). И все, что производит явный вред, не должно быть в употреблении. Ибо несообразно будет, принимая снеди для

поддержания тела, сими же самыми снедами вооружаться на тело, и препятствовать ему в служении заповеди. Сие же самое служит для нас примером в том, чтобы приучать душу свою избегать вредного, хотя бы оно имело приятность. Во всяком же роде снедей надобно предпочитать те, которые легче иметь, чтобы под предлогом воздержания не хлопотать о яствах более любимых и дорогих, приправляя снеди дорого стоящими сладостями. Но должно избирать то, что в каждой стране можно найти, что дешево и готово для народного употребления, а из привозного употреблять только самое необходимое для жизни, например: елей и тому подобное, и еще что пригодно для необходимого утешения больных, если только можно сие добыть без домогательства, хлопот и затруднений» (Пр. 19).

126. Очевидно, что иноческая пища постная и преимущественно растительная. Но 18-е правило из Пространных повелевает вкушать все предлагаемое. Это, вероятно, во время отлучек из обители, в мирских домах.

«И это пусть будет первым необходимым правилом, что хотя, для измождения плоти, подвижникам благочестия необходимо воздержание, потому что «всяк подвижаяйся, от всех воздержится» (1Кор.9:25); но чтобы не сойтись с врагами Божиими, сожженными своею совестью, и потому удаляющимися от брашен, «яже Бог сотвори в снедение со благодарением верным» (1Тим.4:3), должны мы, когда представится случай, ко всему прикасаться, чтобы показать смотрящим, что «вся чиста чистым» (Тит.1:15), что «всяко создание Божие добро и ничтоже отметно, со благодарением приемлемо: освящается бо словом Божиим и молитвою» (1Тим.4:4–5). Впрочем, и в этом случае надобно иметь в виду воздержание, употребляя не сверх потребностей одно малоценное и необходимое для поддержания жизни, и в том избегая вредного пресыщения, а от служащего к удовольствию вовсе удерживаясь. Ибо таким образом отсечем страсть в сластолюбивых и, сколько от нас зависит, сожженных совестью уврачуем, и себя с обеих сторон избавим от подозрения. Сказано: «вскую бо свобода моя судится от иныя совести» (1Кор.10:29)? Воздержание показывает, что человек умер со

Христом и умертвил уды свои, яже на земли. И мы знаем, что оно мать целомудрия, снабдительница здоровья и достаточно устраняет препятствия к плодоношению добрых дел о Христе, так как по слову Господню: «печали века сего, удовольствия жизни и другие вожделения подавляют слово, и без плода бывает» (Мф.13:22). Воздержанием прогоняются и демоны, как научил нас сам Господь, что «сей род не исходит, токмо молитвою и постом» (Мф.17:21)».

127. Мера в пище – одна, в какой предлагать надлежит пищу братиям, другая, в какой всякий принимать ее должен, как подвижник.

Относительно первой говорится, что определив для всех вообще здоровых род и меру пищи, настоятель должен изменять ее в отношении к некоторым лицам, судя по их возрасту, состоянию здоровья и трудам. Под один же закон всех подводить не следует. Правило 19-е говорит:

«Какая мера воздержания?»

«В душевных немощах одна мера воздержания – совершенное отчуждение от всего, что ведет к пагубному удовольствию. А в рассуждении яств, как у каждого своя есть потребность, отличающаяся, собственно, по возрасту, по занятиям и по состоянию тела, так мера и способ употребления (пищи) различны. Поэтому невозможно подвести под одно правило всех находящихся в училище благочестия. Но определив меру воздержания для подвижников здоровых, предоставляем усмотрению настоятеля делать благоразумные перемены в оной, сообразно обстоятельствам каждого; потому что невозможно объять словом потребностей, кроме того, что зависит от общего и полного учения. Утешение же снедами больного, или как иначе утомленного трудными работами, или приготавливающегося к утомлению напр. к путешествию, или к другому чему-либо трудному, должны устроить настоятели по мере нужды, следуя сказавшему, что «раздавал ось каждому, егоже аще кто требоваше» (Деян.2:45). Поэтому нельзя (однажды навсегда) для всех узаконить, чтобы одно было время, один способ и одна мера в принятии пищи».

128. Относительно второй, – всякий сам смотри, имея в виду одно – не заходить за пределы потребности. Об этом не раз говорится в правилах. – Так тоже 19 правило продолжает:

«Общею целью (в принятии пищи) пусть будет удовлетворение потребности. До излишества наполнят свое чрево и обременять себя яствами есть дело, достойное проклятия, как сказал Господь: «горе вам насыщению ныне» (Лк.6:25). Чрез это и самое тело делается неспособным к деятельности, склонным ко сну и готовым к повреждению. Поэтому во избежание неумеренности в наслаждении, целью вкушения надобно поставить не приятность, а потребность пищи для жизни; ибо раболепствовать удовольствиям не что иное значит, как чрево свое делать богом. поскольку тело наше, непрестанно истощаемое и развешивающееся, требует наполнения, почему и позыв на пищу естествен; то прямой закон употребления пищи требует для поддержания животного наполнять опустевшее, будет ли для сего нужда в сухой или в жидкой пище».

129. Также в одном из предварительных слов пишется (73 стр.): «самым лучшим проделом и правилом воздержания пусть будет следующее: не иметь целию – и нежит плоть, и поступать с нею жестоко, но избегать неумеренности в том и другом, чтобы плоть, утучнев, не мятежничала, и изнуренная до болезненного состояния, не лишилась сил к исполнению заповедей. Ибо равный вред душе в обоих случаях, – и когда плоть непокорна, от избытка здоровья предаваясь неистовым порывам, и когда от мучительных болезней изнурена, расслаблена и неподвижна; потому что душа, при таком состоянии тела, не имеет времени возводить взоры горе, но по всей необходимости бывает занята ощущением боли, и ослабевает, подавляемая злостраданием тела. Поэтому употребление пищи пусть будет соразмерно потребности: все здесь пусть служит потребностям, а не прихотям подвизающихся».

130. Еще точнее определяется эта мера в 4-й главе подвижнических уставов, словами: не выше и не ниже силы... Вот что там говорится:

«Нужно иметь власть над чревом; потому что обуздывание чрева есть подавление страстей; а подавление страстей – безмятежность и тишина души; душевная же тишина – самый обильный источник добродетелей. Воздержание чрева есть самое лучшее, когда измеряется в каждом телесною силою. Ибо иным и злострадание в высшей степени казалось не прискорбным и более представлялось отдохновением, нежели трудом, по твердости и непреклонности их телесного состава и силы. Но что сносно для таких людей, то для других бывало причиною опасностей. Ибо у одних тел с другими иной найдет столько же различия, сколько у меди и железа с деревьями, растущими кустарником. Посему должно избирать воздержание по мере силы, какая есть в человеке. Добродетели, совершаемые одною душою, равно все и всем предписываются. Таковы: кротость, скромность, смиренномудрие, благость, братолюбие, простосердечие, любовь к истине, сострадательность, обходительность, человеколюбие. Сии добродетели преимущественно называем душевными: потому что тело к приобретению и совершению оных ничем более не содействует душе, а служит только для нее местом совещания, где душа рассуждает о сих добродетелях. Воздержание же для каждого должно быть определяемо по его телесной силе, чтобы не останавливаться на том, что ниже силы, какая есть в человеке, и по простираться до того, что выше силы» (Стр. 396–7).

131. «И на сие, думаю, надобно обращать внимание, чтобы чрезмерностью воздержания ослабив телесную силу, не сделать тела ленивым и недеятельным в важнейших занятиях. Ибо Богу, сотворившему человека, конечно, было бы угодно, чтобы он не оставался праздным и неподвижным, а напротив того выказывал деятельность в чем должно. И «в раю повелел Он Адаму делати и хранить его» (Быт.2:15). По изгнании же из рая ему определено «в поте лица есть хлеб» (Быт.3:19). Посему не должно делать нововведений вопреки естеству и уставам, какие положены Благодетелем естества, но их держась, надобно сохранять тело деятельным, никогда не приводя его в ослабление неумеренностями. Ибо думаю: это знак самой

лучшей распорядительности – следовать положенным, уставам» (там же, стр. 387–8).

132. И так мера питания – потребность естества или сила каждого. Очевидно, что самым делом определить чрез сие посредство меру оставляется на личное усмотрение каждого. Как здесь не может не вмешиваться саможаление, обыкновенно покривляющее весы, когда дело идет о нас самих; то в предохранение от него для определения меры питания св. Василий указал два руководства: одно внешнее, другое внутреннее.

Первое: по твоим о себе речам, вследствие наблюдения над собою, пусть определит тебе меру отец твой духовный. «Будь верною сокровищницею добродетелей, а ключом от нее пусть будет язык отца твоего духовного. Он пусть отверзает уста твои для принятия хлеба: он пусть и замыкает. Не бери в советники змия, который вместо доброго совета хочет уловить тебя» (Стр. 58).

133. Второе – внутреннее вводит в глубочайшее внимание к себе, и внушает приступать к пище и принимать ее не в усладу плоти, и не в покой ей, а по нужде, и вкушение пищи никак не простираться до ослабления духовных отправлений жизни, теплоты сердечной, трезвенности, бодренности, живости и восприимчивости к вещам духовным. Надо так сделать, чтобы принятие пищи не делало в сем последнем никакого изменения. До какой меры принятие пищи не делает сего изменения, та мера есть твоя, лично для тебя голая. – «Подвижник благочестия пусть имеет в виду одно, не вкралось бы в душу нерадение, не ослабели бы трезвение и напряженное стремление ума к Богу, не затмились бы как-нибудь Святыня Духа и производимое ею в душе просвещение. Если исчисленные теперь благие дарования остаются в своей силе, то телесные страсти не будут иметь времени к восстанию: потому что душа занимается горним, и не дает времени телу к восстанию в нем страстей» (Уст. 4. стр. 399).

А что при принятии пищи надо огревать всякое помышление об усладе и угодии плоти, об этом далее говорится в том же месте.

134. «Должно обращать внимание и на то, чтобы под предлогом телесной потребности не уклониться в служение сластолюбию. Если бы можно было выполнять надлежащие телу работы при непрестанном воздержании от пищи, то сие было бы всего лучше. По поскольку весьма немногие тела могут не упадать в силах при таком воздержании, то должно и поститься умеренно, и оказывать телу самую необходимую помощь, но так, чтобы не сластолюбие руководствовало в избрании снедей, а рассуждение со всею строгостью определяло потребность, подобно сведущему врачу, который беспристрастию врачует болезнь чем должно. Ибо при таковом душевном расположении вкушающий пищу оказывается в любомудрии не ниже не вкушающего, даже и по намерению, не только держит непрестанный пост, но может быть назван и вовсе неядущим, и попечением о теле заслуживает похвалу, как наилучший домостроитель; потому что соразмерное попечение о теле и воздержание не могут воспламенять похоти и делать страсти необуздаемыми. Это бывает следствием ненасытности и роскоши» (Стр. 400–1).

Вследствие сего сущность воздержания определяется так:

135. «Воздержанием называем не совершенное удержание себя от пищи (это будет насильственным разрушением жизни), но удержание себя от сладостей, предприемлемое при низложении плотского мудрования с благочестивою целью. Вообще наслаждение чем вождено для живущих в страстях, в том необходимо воздержание нам, образующимся в благочестии» (Пр. 16). «Кто выше всякой страсти, не терпит и не позволяет себе никакого раздражения, производимого удовольствием, но твердо и неослабно избегает всякого вредного наслаждения, тот совершенный подвижник, и такой человек, как очевидно, свободен от всякого греха» (Пр. 17).

136. Определив так воздержание, правила с одной стороны превозносят его великими похвалами, чтобы возбудить ревность к нему и держать в постоянной верности правилу его; с другой же выставляют всю пагубность невоздержания и всякого плоти угодия в похоти.

«Как тати день и ночь непрерывно подсматривают, где положено золото, а похищают нечаянно, когда не знаешь; так смотри, чтобы враг не обольстил тебя грехом прародительским, и не изгнал тебя из рая сладости. Ибо тот, кто хищением снеди отвлек Адама от жизни, надеялся запнуть и Иисуса, тем паче не постыдится и тебе подмешать этой первой причины зол, зная, какой это сильный яд: потому что страсть чревоугодия обыкновенно обнаруживает свою силу не во множестве яств, но в пожелании, хотя бы и при малом вкушении. Поэтому, если пожелание вкусить что-либо малое так будет сильно, что ввергнет в страсть чревоугодия, то оно без труда предаст тебя смерти. Как вода, разделяемая на многие потоки, делает, что зеленеют все места, лежащие около протоков, так и страсть чревоугодия, если разлилась в твоём сердце, напоив все твои чувства и насадив в тебе лес пороков, обратит душу твою в жилище зверей. Видел я, что многие одержимые страстями, исцелялись, но не видал между ними ни одного чревоугодника; напротив того, все такие люди или оставляли воздержную жизнь, и развращались в мире, или пытались укрыться между воздержными, а по сластолюбию предавались в служение диаволу. Чтобы прикрыть страсть чревоугодия, впадают они во множество зол. Такие люди хотя по наружности в числе спасаемых, но по делам в числе осуждаемых» (Стр. 55, 56).

137. «Чревоугодие Адама предало смерти и причинило миру гибель сластолюбием чрева. Ной осмеян, Хам проклят, Исав лишается прав первородства и вступает в родство с Хананеями; Лот делается мужем дочерей, а самому себе зятем и тестем, отец становится мужем и дед отцом, в обоих отношениях нарушая пределы естества. Чревоугодие и Израиля сделало поклонником идола и довело Израильян до того, что тела их пали в пустыне (Числ.14:29). Чревоугодие и одного из Пророков, посланного Богом для обличения нечестивого Царя, сделало снедию дикого зверя. И кому не мог причинит вреда царь Иеровоам, при всем царском могуществе, тот, уловленный обольщением чрева, подвергся жалкой смерти (3Цар.13:23–24)» (стр. 56, 57).

138. Но муж желаний Даниил, преодолев чрево, повелевал в царстве халдейском, соделавшись низложителем идолов, истребителем змия, наставником львов, предсказателем Божия вочеловечения, истолкователем сокровенных тайн. Три святые отрока, показавшие, что они выше удовольствий чрева, презрели царский гнев и бестрепетно дерзнули войти в страшную горящую печь, какую только мог разжечь царь Навуходоносор, обнаружили ничтожность обоготворенного золотого образа, и сделали, что сам враждебнейший царь и все богопротивное воинство стали со всею тварию песнословить Бига. – И скажу всего короче, если будешь владеть чревом, то станешь обитать в раю; а если не овладеешь им, то сделаешься добычею смерти (Стр. 57).

139. «Намеревающимся жить благочестно необходим закон воздержания. Сие видно, во-первых, из того, что Апостол причисляет воздержание к плодам духовным (Гал.5:23), потом из того, что Апостол воздержанию приписывает успех в непорочности служения, когда говорит: «в трудах, во бдениях, в пощениях, во очищении» (2Кор.6:5–6), и в другом месте: «в труде и в подвиге, во бдениях множицею, во алчбе и жажде, в пощениях многаци» (–11:27), и еще: «всяк же подвизаясь от всех воздержится» (1Кор.9:25). Да и умерщвление и порабощение плоти ничем не производятся так успешно, как воздержанием; потому что кипучесть юности и неукротимость в стремлениях, как бы некоторою уздою, удерживаются воздержанием. Не пользует безумному сладость, но Соломонову слову (Прит.19:10); а что неразумнее преданной удовольствиям плоти и кружащейся юности? Почему Апостол говорит: «и плоти угодия не творите в похоти» (Рим.13:14); и: «питающаяся пространно, жива умерла» (1Тим.5:6). И пример роскоши богача показывает нам необходимость воздержания, чтоб иначе не услышать нам того же, что услышал богач: «яко восприял еси благая в животе твоём» (Лук.16:25)» (Пр. 16).

140. «А как страшна невоздержность, сие показал и Апостол, причислив ее к отличительным свойствам отступления и сказав: «в последние дни настанут времена люта; будут бо человецы самолюбцы», и перечислив многие виды порока,

присовокупил он: «клеветницы, невоздержницы» (2Тим.3:1–3). И Исав как в величайшем пороке, обвинен в невоздержности; потому что за одно яство отдал право первородства. И первое преслушание случилось с человеком от невоздержности» (Там же).

141. «Все же святые имеют свидетельство о своем воздержании. Вся жизнь святых и блаженных людей, пример Самого Господа в пришествие Его во плоти, научают нас воздержанию. Моисей, с помощью долговременного пребывания в посте и молитве, принял закон и слышал глаголы Божии, якоже, говорит он, аще бо кто возглаголал к своему другу (Исх.33:11). Илия тогда удостоен зренья Божия, когда достиг в равную меру воздержания. А что Даниил? Когда достиг чрезвычайных видений? Не по двадцатом ли дне поста? Как три отрока угасили силу огненную? Не воздержанием ли? И у Иоанна все направление жизни определено воздержанием; им и Господь начал явление Свое» (Там же).

«Воздержание есть истребление греха, отчуждение от страстей, умерщвление тела даже до самых естественных ощущений и пожеланий, – начало духовной жизни; оно предуготовляет вечные блага, уничтожает в себе жало сластолюбия; потому что сластолюбие есть великая приманка ко злу; ради его всего более мы, люди, падки ко греху; им всякая душа, как удою, увлекается в смерть. Посему кого не преклоняет к себе и не изнеживает сластолюбие, тот чрез воздержание преуспел вовсе избежать грехов. А если избежал большей части и преобладается одним, то он еще не воздержник; равно как не здоров тот, кого беспокоит одна телесная немочь, и не свободен тот, над кем есть хотя один, какой бы то ни было, господин» (Пр. 17).

142. «Прочие добродетели, совершаемые в тайне, редко делаются известными людям; но воздержание делает заметным воздержного при самой с ним встрече. Ибо как борца отличают полнота и доброцветность тела: так сухость тела и бледность происходящие от воздержания, доказывают о христианине, что он действительно подвизается в заповедях Христовых, в немощи тела преоборая своего врага, и являя силу в подвигах

благочестия, но сказанному: «егда немощствую, тогда силен есмь» (2Кор.12:10)» (Там же).

143. «Сколько пользы видеть воздержника, который едва слегка касается к необходимому для жизни, как бы совершает тяжкое служение природе, скушает временем, употребляемым на это, и тотчас убегает из-за стола к занятию делами! Думаю, что душу не привыкшего воздерживать чрево не может никакое слово так тронуть и привести к исправлению, как одна встреча с воздержным. И сие-то, кажется, значит, есть и нить во славу Божию, так чтобы и за трапезою светились добрые дела паши к прославлению Отца нашего, Иже на небесех» (Там же).

144. По такому высокому значению воздержания в духовной жизни, оно поставляется в неразрывной связи со всеми другими добродетелями, так что воздержный в пище легко воздерживается и от всего другого непозволительного, а невоздержный едва ли силен к этому.

«Подвиг воздержания касается не одного удовольствия от яств сладких, но простирается на всякое устранение препятствующего. Поэтому в точности воздержный как будет над чревом одерживать победу, так не уступит оной над собою и славе человеческой; как над гнусными пожеланиями восторжествует, так не откажется восторжествовать над богатством, или другим каким неблагородным расположением, напр. гневом, печалию и всем тем, чему обыкновенно поработаются души невежественные. Ибо что усматриваем во всех заповедях, а именно, что они одна за другую держатся и невозможно преуспевать в одной, отдельно от другой, тоже самое наипаче усматривается в воздержании. Воздержный в рассуждении славы смиренномудр; соблюдающий воздержность в рассуждении имущества исполняет Евангельскую меру нестяжательности; удерживающийся от раздражения и гнева не гневлив. Строгий закон воздержания назначает меру языку, пределы – очам, непытливое слышание – ушам. Кто не остается в сих границах, тот невоздержен и своеволен. Видишь ли, как около этой одной заповеди все, как в хороводе, одна за другую держатся?» (Пр. 16).

145. «Все старание да употребит человек, чтобы душевная высота не была унижена восстанием сластолюбивых пожеланий. Ибо душа, пригвожденная к земле плотским сластолюбием, как уже может взирать свободным оком на сродный ей и умный свет? Поэтому прежде всего надобно упражняться в воздержании, которое служит надежным стражем целомудрия, и вождю–уму не позволяет порываться туда и сюда. Как вода, запертая в трубах, под гнетущею ее силою, не имея возможности разливаться в стороны, стремится прямо вверх; так и ум человеческий, когда воздержание, подобно узкой трубе, отовсюду сжимает его, не имея случаев к рассеянию, по свойству своей подвижности, возвысится до предметов возвышенных. Ибо ему невозможно когда-либо остановиться, получив от Творца природу, назначенную к непрестанному движению; и если препятствуют ему устремиться к чему-либо суетному, то, конечно, не возможно не идти прямо к истине» (Уст. 19).

146. Все доселе сказанное изображает обычный порядок и меру подкрепления себя пищею. Очевидно, как это строго. То был настоящий строгий пост, хотя именуется только общим воздержанием. Почему иноческая жизнь называется постническою. – Но пост и при таком строгом воздержании бывал еще особо; и он являлся в двух видах: один был общий для всех братий, по уставу церкви (среда, пяток, большие посты), когда все постились, другой – частный, какой иные предпринимали особо от прочих братий и постоянно держали себя строже других.

147. О первом, обычно всем братством совершаемом посте, в 129-м правиле из кратких только поминается; а в правиле 130-м определяется, с каким расположением должно встречать и держать его именно с сильным желанием и охотно.

«Поелику Господь говорит: «блажении алчущии и жаждущии правды» (Мф.5:6); то опасно без вожделения и усердия делать все, что клонится к богочестию. А потому как постящемуся не безопасно делать сие неохотно, так и поститься во время подобной нужды (т. е. во время положенных постов) необходимо; потому что и Апостол в числе других своих

подвигов в научение наше упомянул и сие: «в пощениях многаши» (2Кор.11:27)».

148. При всем том, однако же и здесь требуется благоразумная мера – которая и определяется в 139 правиле, – в ответе на вопрос: «при продолжительности поста делаемся малосильнее для трудов. Поэтому что лучше, – оставить ли работы для поста, или для работы пренебречь пост?»

«Надобно непременно и пост держать, и вкушать пищу в меру свойственную богочестию, чтобы и поститься, когда требуется выполнить заповедь Божию чрез пост, и опять, когда заповедь Божия требует вкушения, укрепляющего тело, принимать нам пищу не как чревоугодникам, а как Божиим делателям. Ибо надобно соблюдать сказанное Апостолом: «аще ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся в славу Божию творите» (1Кор.10:31)».

149. Что касается до особого пощения, какое держат иные строже братий, то правила, хотя не запрещают его, если позволяет его настоятель, но смотрят на него неблаговольтельно. На 138-й вопрос: «надобно ли позволять кому-нибудь в братстве, по собственной воле, поститься или бодрствовать больше других?» – отвечается:

«Поелику Господь сказал: «снидох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшего Мя Отца» (Ин.6:38); то все, что ни делает кто-нибудь по собственной своей воле, есть собственность делающего; но сие чуждо богочестия. Желать большого в сравнении с другими, даже и в самом хорошем, есть страсть состязания, происходящая от тщеславия, и Апостол, показывая, что сие запрещено, говорит: «не смеем бо судити, или прикладовати себе иным хвалящим себе самех» (2Кор.10:12). Поэтому отложив собственные изволения и желание казаться, будто бы делаешь что-нибудь лучше других, надобно повиноваться Апостолу, который увещевает и говорит: «аще ли ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся в славу Божию творите» (1Кор.10:31). Ибо состязание, тщеславие и самоугодие совершенно чужды тех, которые законно подвизаются подвигом добрым. Потому Апостол говорит в одном месте: «не бывайте тщеславии» (Гал.5:26); а в другом:

«должны есмы мы не себе угождати» (Рим.15:1), и к этому для большого убеждения присовокупляет: «ибо и Христос не Себе угоди» (--3). Если же кто думает, что ему нужно нечто большее в посте, или в бдении, или в чем другом; то причину свою, по которой думает, что имеет нужду в большем, пусть откроет тем, кому вверено общее попечение, и соблюдает ими одобренное. Ибо нередко окажется, что такой потребности следует удовлетворить другим лучше образом».

150. Тому же правилу подлежит и то, если кто на время хочет удерживаться от какой-либо снеди, или от какого-либо питания. «Поелику, говорится, Господь сказал: не да творю волю Мою, но волю Пославшего Мя (Ин.6:38), то не надежно всякое решение собственной своей воли. Зная сие, Давид сказал: «кляхся и поставих сохранить судьбы правды Твоя» (Пс.118:106), а не свои изво- ления» (Кр. 137).

151. О времени, когда позволительно, и с разрешения набольших, предпринимать особый пост, говорится: «время поста определяет не воля каждого, но потребность того, что относится к богочестию, как повествуют нам Апостольские Деяния (13, 2–3; 14, 23), и как научает нас избранный Давид (Пс.34:13)» (Кр. 129).

Прилож. в Деяниях говорится: «служащим же им Господеви и постящимся, рече Дух Святой: отделите ми Варнаву и Савла на дело, на неже призвах их. Тогда постившеся и помолившеся, и возложше руки на ня, отпустиша их» (13:2–3). Еще: «рукоположше же им пресвитеры на вся церкви (основанные в первое путешествие св. Павла с Варнавою), и помолившеся с постом, предаша их Господеви, в Негоже увероваша» (14:23). В Псалмах читаем: «Аз же, внегда они стужаху ми, облачахся во вретисце, и смирях постом душу мою, и молитва моя в недро мое возвратится» (Пс.34:13).

152. Неумеренное же особое пощение, простираемое до того, что не остается уже сил исполнять послушания, совершенно осуждается. Такого рода пощение, недостойно имени и воздержания. «Ибо воздержание состоит не в одном удалении от яств, ничего по себе не значущих, следствием которого бывает осуждаемое Апостолом «непоощаение тела»

(Кол.2:23), но в совершенном отречении от собственных своих произволений. А сколько опасно отпадать от заповеди Господней по собственной своей воле, сие ясно видно из слов Апостола, сказавшего: «творяще волю плоти и помышлений, бехом естеством чада гнева» (Еф.2:3)» (Кр. 128).

153. Против этого неумеренного пощения преимущественно направлена 4-я глава подвижнических уставов, где, по указании необходимости воздержания и определении его меры, – чтоб оно было не выше и не ниже сил – говорится: «подвижнику надо быть свободным от всякого надмения, и, идя путем, истинно средним и царским, ни мало не уклоняться ни в ту, ни в другую сторону, – не любить неги и не приводить тела в бессилие излишеством воздержания. Ибо если бы хорошо было изнемогать телом и лежать дышащим мертвецом, то, конечно, Бог в начале устроил бы нас такими. Если же не так сотворил, то, конечно, что признал хорошим, то и сделал. А если такими произвел нас, какими хорошо было произвести, то грешат те, которые хорошо сотворенного не хранят сколько могут.

154. «Скажи мне что лучше, подражать ли плодоносным деревьям, которые и сами богаты плодами, и других увеселяют своим плодоношением, или уподобляться огородным растениям, которые вянут от зноя и засухи, быть, по слову пророка, «яко свекла недоварена» (Исаии.51:20), т.е. быть неспособным послужить собственным своим потребностям и при том когда имеем от природы совершенные силы к удовлетворению своих нужд, и упражняться в любомудрии только в половину, т. е. одною душою, а не вместе и телом? Если бы мы находились вне тела, то необходимо было бы стремиться к совершеннейшему одною душою. Но поскольку человек двояк, то и упражнение в добродетели, должно быть двоякое, состоящее и в телесных трудах, и в душевных подвигах. Трудami же телесными называть должно не праздность, а работу».

155. «Душе принадлежит избирать из добрых дел и такие, которые совершаются при содействии тела: а обязанность тела приводить в действие то, что избрала душа. Если же тело бессильно для приведения сего в действие, то доброе дело,

сокрытое еще в произволении, не полно, подобно какому-нибудь ростку, увядшему в земных недрах и не поступившему в употребление тем, для кого он зародился».

156. «Но говорят: и Господь переносил продолжительное невкушение пищи, а не менее времени оставался без пищи Моисей, также Илия Пророк. – Но заметь и то, что Господь наш однажды только совершил это, а подобно Ему и Моисей и Илия. Во все же прочее время, в надлежащем порядке управляя телом, и содержа его в деятельности, всегда занимаясь работами и трудами, таким образом просияли душевными добродетелями, при содействии же тела, жизнь деятельную сделав печатью и совершением жития духовного. Так поступал Моисей, так Илия, так и Иоанн, по неизреченному домостроительству долгое время живший в пустыне, по совершении же домостроительства, пришедший в населенную страну проповедовать и крестить, что все принадлежит к деятельности, и довершивший свой подвиг дерзновением перед Иродом. Так поступал и весь сонм святых, и Сам Иисус, проводивший время в делании, чтобы и из законов природы, и из учения Божественных Писаний, и из того, что делали все святые, и из жития Спасителя нашего, и из правила жизни благочестивых, отовсюду явствовало, что гораздо лучше и полезнее иметь крепкое, а не расслабленное тело, и содержать его в деятельности для добрых дел, а не доводить произвольно до бездействия» (Уст. 4).

157. Против этого же направлена и 25-я глава тех же уставов. «Подвижник, пишется в ней, никак не должен домогаться разнообразия в снедах и, даже под видом воздержания, перемены предлагаемых яств. Ибо это бывает превращением общего благочиния и поводом к соблазнам; и тот делается наследником возвещенного: горе (Мф.18:7), кто в подвижническом обществе подает такие причины к мятежу. Напротив того, хотя бы для вкушения с хлебом предлагалась соленая рыба, которую святые отцы рассудили вместо какой другой приправы в малом количестве прибавлять к яствам, примешивая сие к остальной снеди из воды, или из зелени, подвижник не должен, под предлогом тщеславной,

самопроизвольной набожности отказываясь от сего, как бы от мяса, требовать яств более дорогих и доброкачественных; но без особого на сие внимания омокая кусок в отвар из весьма малого участка соленой рыбы, да вкушает со всяким благодарением. Ибо этот весьма малый участок, положенный в такое большое количество воды, или, если случится, и в варенье из семян, не есть признак лакомства, но самое строгое и в подлинном смысле исполненное терпения воздержание подвижников. Поэтому подвижнику святости не должно обращать внимание на что-либо подобное; потому что мы удерживаемся от подобных яств не по примеру Иудеев, но избегая лакомого насыщения».

158. Приложим еще несколько практических правил относительно подкрепления себя пищею, какие находятся в ряду правил кратких:

«Если кто мысленно помянет о вкушении пищи и потом сам себя осудит; то ужели и он будет осужден, как заботящийся о пище?

«Если напоминание сие бывает прежде голода, когда природа не беспокоит еще; то хотя ясно видна в этом рассеянность души, обличающая ее в пристрастии к настоящему и в нерадении об угодном Богу, однако же в этом случае готово милосердие Божие. Ибо осудивший сам себя свободен от обвинения, по причине покаяния, особливо если и в прочем соблюдает себя от поплзновения, памятуя что сказал Господь: «се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет» (Ин.5:14). Если же когда понуждает природа и усиливается голод хотя чувство приводит в действие память, однако же рассудок побеждает тщанием о лучшем и упражнением в этом, то память не заслуживает осуждения, а победа достойна похвалы» (Кр. 17).

159. «Иные домогаются не большого количества, а приятности яств, а другие желают для насыщения лучше большого количества, нежели приятного: как надобно соглашать тех и других?»

«Те и другие страждут, кто сластолюбием, кто жадностию. А ли сластолюбец, ни жадный к чему бы то ни было не свободны

от осуждения. По сему о тех и о других с сурдоболием надобно прилагать попечение, чтоб уварчевать их недуг. Если же не исцеляются они от недуга, то явно их осуждение, как нераскаянных» (Кр. 71).

160. «Как можно достигнуть того, чтобы не преодолевало сластолюбие в снедах? – Решившись, предпочтение всему полезного иметь всегда вождем и учителем в том, что приемлется для употребления, будет ли это приятное, или неприятное» (Кр. 126).

161. «Кто не вкушает того, что едят братия, а домогается другого; хорошо ли тот делает? – Вообще домогаться снеди – противно заповеди; потому что Господь сказал: «не ищите, что ясте, или что пиете, и не возноситея, и чтоб еще больше утратить, присовокупил: всех бо сих языцы ищут» (Лк.12:29–30). А приставленный к снедам должен тщательно исполнять сие: «даяшеся же коемуждо, егоже аще кто требоваше» (Деян.4:35)» (Кр. 131).

162. «Что значит, если кто говорит: это мне вредно, – и скорбит, если не дано ему иное? – Сим показывается, что он не имеет в себе упования Лазарева и не знает любви того, кому вверено попечение о всех и о нем. Вообще же суд о том, что полезно или вредно, всякий должен предоставить не себе, но тому, кто приставлен дознавать потребное для каждого, и главным образом ищет пользы душевной, а за сим, во вторых уже, сообразно с волею Божиею, распределяет и потребное для нужд телесных» (Кр. 132).

163. «А если и роптать будет за пищу? – Тогда подвергается одному осуждению с роптавшими в пустыне (Числ.11:1), ибо Апостол говорит: «ни ропщите, якоже нецыи от них ропташа, и погибоша от всегубителя» (1Кор.10:10)» (Кр. 133).

164. «Если кто, разгневавшись, отказывается взять что-либо из потребного? – Таковой достоин ничего не получить, если и попросит, пока настоятель не усмотрит, что исцелен его недуг, лучше же сказать, исцелены многие его недуги» (Кр. 134).

165. «Утрудившемуся надобно ли самому требовать чего-либо большого против обыкновенного? Если подымлет он труды ради воздаяния от Бога, то не здесь должен искать

утешения за труд, но приготавливать себя к мздовоздаянию от Господа, зная, что от человеколюбца Бога удостоен будет как награды за труд, так и утешения за терпение нужды. – В прочем приставленный исполняет сказанное: «даяшеся коемуждо, егоже аще кто требоваше» (Деян.4:35), необходимо должен знать каждого из трудящихся и удовлетворять его, как должно» (Кр. 135).

166. «Какой суд домоправителю (эконому), если он по нерадению не даст брату необходимо потребного? – Известен суд сей по словам Господа, сказавшего: «идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его. Взалкахся бо, и не даете Ми ясти: возжадахся, и не напоисте Мене» (Мф.25:41–42), и проч. и: «проклят всяк творяй дело Господне с небрежением» (Иерем.48:10)» (Кр. 150).

167. О сне коротко, но довольно сказано в письме к св. Григорию Богослову, приведенном выше. Между правилами встречается только вопрос об усилении бдения вместе с пощением по своему изволению, как видели пред сим (Кр. 138). Есть и еще один вопрос о безвременной дремоте. Именно:

«От чего бывает безвременное и неумеренное усыпление, и как избавляться от него? – Подобное усыпление бывает, когда душа делается ленивою к помышлению о Боге, и когда пренебрегает судами Божиими; избавляемся же от него, когда восстанавливаем в себе подлинное и достодолжное понятие о величии Божиим, а также и вождеделение исполнять волю Божию, подражая сказавшему: «аще дам сон очима моима, и веждама моима дремание, и покой скраниама моима, дондеже обращу место Господеви селение Богу Иаковлю» (Псал.131:4–5)».

168. Вообще же тело предписывается держать в строгой дисциплине, изнурять его и истончать, отрекаясь от всякого телесного упокоения (стр. 61). Когда держат так тело, оно бывает первым другом и помощником в трудах по ведению Богоугодной жизни; а если небрегут о нем и во всем уступают его требованиям, оно – самый опасный и льстивый враг, личиною дружества уготовляющий нам пагубу.

«Тело не заслуживает укоризн в глазах тех, которые хотят судить о нем правильно. Те не правы, которые худо думают о

теле. Возлюбленный, прекрасная вещь – конь, и чем он по природе резвее и горячее, тем лучше; но нужно держать его в узде и править им, потому что не наделен он рассудком. Если же возница на нем, то он пытается воспользоваться природными свойствами коня. Поэтому если возница как должно распорядится стремлениями подъяремного животного, употребит его с пользою для себя и достигнет предположенной цели, то и сам останется в целости, и животное окажется по употреблению очень хорошим. Если же возница худо правит молодым конем, то конь неоднократно сбивается с большой дороги, попадает на дорогу не проездную; низринувшись же в стремнины, уносит иногда с собою и самого ездока; и нерадение возницы подвергает опасности обоих. Так рассуждай о душе и о теле. Тело получило естественные стремления, которые не вовсе негодны, но без сомнения на что-нибудь хороши и полезны; но оно не получило на свою долю рассудка, чтобы преимущество разума почтена была душа. Если душа как должно распоряжает стремлениями тела, то и тело спасено, и душа пребывает вне опасностей. Если же вознерадит об управлении, и, объятая сном беспечности, перестает держать тело в узде, то и само оно, как не имеющее рассудка, совращается с прямого пути, и душу ввергает в равные с собою падения, не по собственному повреждению, но по нерадению души. Ибо, если бы телесные страсти были таковы, что не могла бы украшать их душа, то, по справедливости, было бы виновно тело. Но если они стали покорны многим потщившимся преодолеть их, то тело не может быть обвинено теми, которые стараются очернить его, называя первым виновником порока; достойна же укоризны за нерадение душа, ослабившая власть свою над телом, но также не по самой природе имеющая в себе зло, а поставившая себя во зле, чрез оскудение в ней добра; потому что порок есть нечто иное, как оскудение добродетелей» (Уст. 2).

10. Рукоделия и другие случайные работы по монастырю – послушания

169. «Надобно ли заниматься рукодельем? поскольку Господь наш Иисус Христос говорит, что «не просто всякий и во всяком случае достоин пищи своея, но делатель» (Мф.10:10) и Апостол повелевает «трудиться и делать своими руками благое, да имать подавать требующему» (Еф.4:28); то из сего само собою явствует, что надобно ревностно заниматься рукодельем. Ибо цель благочестия надобно почитать не предлогом к бездействию и не удалением от труда, но побуждением к подвижничеству, к большим трудам, к терпению в скорбях, чтобы и нам можно было сказать: «в труде и подвиге, во бдениих множае, во алчбе и жажде» (2Кор.11:27). Такой образ жизни полезен нам не одним изнурением тела, но любовью к ближнему, чтобы чрез нас и немощным братьям подал Бог довольство, по примеру данному в Деяниях Апостолом, сказавшим: «вся сказах вам, яко тако подобает труждающимся заступати немощных» (Деян.20:35) и еще: «да имать подавать требующему» (Еф.4:28); а таким образом чтоб удостоились и мы услышать: «приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира: взалкахся бо, и дасте Ми ясти: возжадахся, и напоисте Мя» (Мф.25:34–35)» (Пр. 37).

170. «И какое зло – праздность, нужно ли говорить о сем, когда Апостол ясно повелевает не делающему даже и не есть (2Сол.3:10)? Поэтому сколько необходимо каждому ежедневное вкушение пищи, столько же необходимо и дело по мере сил. Ибо не напрасно Соломон написал в похвалу: «бращна же леностного не яде» (Притч.31:27); и еще Апостол пишет о самом себе: «ниже туне хлеб ядохом у кого, но в труде и подвиге, ночь и день делающе (2Сол.3:8), хотя, благовествуя Евангелие, имел он право жить от Евангелия. И Господь сочетал лень с лукавством, сказав: «лукавый рабе и ленивый» (Мф.25:26). Но и премудрый Соломон не только хвалит занимающегося делом за упомянутое выше, но и обличает ленивого сравнением с

самыми малыми животными, говоря: «иди ко мравью, о лениве» (Притч.6:6). Посему надобно бояться, чтобы и нам в день суда не сказано было тоже самое; потому что Давший нам силы заниматься делом, потребует и делания соразмерного с силами. Почему сказано: «ему же предаша множайше, множайше истяжут от него» (Лук.12:48)» (Там же).

171. поскольку же некоторые уклоняются от дела под предлогом молитв и псалмопения; то должно знать, что, хотя для прочего всему есть свое время, по слову Екклесиаста; «время всякой вещи» (Еккл.3:1), однако же для молитв и псалмопения, как и для многого другого, пригодно всякое время. Почему, и между тем, как движешь руку на дела, или языком, когда возможно сие, лучше же сказать, полезно к созиданию веры, – или, если то невозможно, сердцем во псалмах и пениях и песнях духовных воспевай Бога, и между делом совершай молитву, как благодаря Того, Кто дал силу рук на дела и мудрость ума на приобретение знания, Кто дал вещество, из которого сделаны орудия и которое обделывается тем искусством, каким случилось нам заниматься, так моля направить дела рук наших к цели благоугождения Богу. Таким образом достигнем душевной собранности, когда по сказанному, при всяком действии будем у Бога просить успеха в делании, воздавать благодарение Даровавшему деятельную силу и соблюдать цель благоугождения Ему. Ибо если при этом не употребим сего способа, то как может быть совмещено сказанное у Апостола: «непрестанно молитесь» (1Сол.5:17) и: «ночь и день делаяще» (2Сол.3:8)? (Там же).

172. В подвижнических уставах эта необходимость труда и работ доказывается примером Господа и св. Апостолов. Сказав, что должно подражать Господу Спасителю и перечислив явленные Им в подражание нам добродетели, 4-я глава присовокупляет: «а каковы и как многочисленны Его телесные труды? В них то всего более и служит Он нам примером. В первом возрасте повинуюсь родителям, кротко и благопокорно переносил Он с ними всякий телесный труд; потому что они были люди праведные и благочестивые, но бедные, и не в обилии снабженные необходимым для жизни, чему свидетелями

ясли, послужившие честному Рождеству; а потому, как вероятно, занимались непрестанными телесными трудами, снискивая себе тем необходимое на потребности. Иисус же, «повинуясь има», как говорит Писание (Лк.2:51), без сомнения показывал благопокорность и в перенесении с ними трудов. С продолжением времени, оказывая Владычния и Божеские благодеяния, избрав уже учеников и преднамереваясь проповедывать Царствие Небесное, не от других потребовал Себе служения, лежа в одном углу и нежа тело Свое; но то путешествует, и всегда пеший, и служит ученикам, как Сам говорил: «Аз посреде вас есмь яко служай» (Лк.22:27), и: «якоже Сын Человеческий не прииде, да послужат Ему, но послужити» (Мф.20:28), то умывает ноги ученикам, а потом надолго простирает Свое поучение и неленостно переходит с одного места на другое, и все это совершает для нашего спасения. Однажды только, и то на короткое время, употребляет подъяремное животное, впрочем, не для упокоения тела, но, «чтобы запечатлеть делами Своими пророчество» (Мф.21:5).

173. «А Апостолы? Не Владыке ли подражали? Не занимались ли непрестанно трудами? Посмотри на Павла, который непрерывно работает, неутомимо путешествует, плавает, бедствует, переносит стужу, изгнания, побои, метание камнями, душевным усердием и телесною силою сопротивостоит всем искушениям. Поэтому хорошо, в душевных добродетелях и в телесных подвигах подражая жизни Владыки и Его учеников и Апостолов, содержать тело в деятельности и служении добрым делам» (Уст. 4).

174. Иным желалось бы освободиться от обязанности работать; почему они придумали вопрос: «если не должно прилагать попечения о необходимом для жизни (не пецытесе, что ясте и проч.) и есть другое повеление Господа, оказавшего: «делайте не брашно гиблющее» (Ин.6:27); то лишнее дело – и работать». Но они получили ответ, неблагоприятствующий лени и праздности. «Сам Господь в том и другом месте объяснил Свое повеление. Ибо там, запретив домогаться нужного для жизни следующими словами: «не ищите, что ясте,

или что пиете: всех бо сих язы́цы ищут, присовокупил заповедь: ищите же царствия Божия и правды Его» (Мф.6:25,32,33); а как должно искать Царствия, открыл сие на удостоившихся Царствия (взалкался бо и дасте Ми ясти и проч.). Здесь же, запретив делать брашно гиблющее, научил делать брашно, пребывающее в живот вечный. Что же это за брашно, Сам опять объявил в другом месте, сказав: «Мое брашно есть, да сотворю волю пославшего Мя Отца» (Ин.4:34). А если есть воля Божия на то, чтобы алчущий был накормлен, жаждущий напоен, нагой одет и проч., то совершенно необходимо повиноваться учению Апостола: «паче да труждается, делая своими руками благое, да имать подавать требующему» (Еф.4:28). поскольку же так сие предано нам Господом в Евангелии и чрез Апостола; то явно, что, хотя совершенно запрещается заботиться или работать ради себя, однако же, по заповеди Господней, надобно сорвением заботиться и работать ради потребы ближнего, тем более, что Господь попечение наше о посвятивших себя Ему приемлет за попечение о Себе самом, и за оное обещает нам Царство Небесное» (Кр. 207).

175. «Какие художества приличны нашему (иноческому) званию? – Не легко определить какой-нибудь особенный вид художеств, потому что для одних требуются те, а для других другие, но местным особенностям и по удобности производства в каждой стране. Но можно в общих словах изобразить, каков должен быть сей выбор; это художества, которые не нарушают мира и безмолвия нашей жизни, не требуют многих хлопот при добывании свойственного им вещества, и большого беспокойства при продаже изделий, и не ведут к неприличным и вредным встречам с нами мужчин и женщин. Но надобно не терять из виду, что во всяком деле у нас есть своя особенная цель, простота и дешевизна; потому что избегаем случаев услуживать человеческим похотям, несмысленным и вреждающим, работая что-нибудь ими требуемое. Так в ткацком деле допускаются у нас изделия, употребляемые в обыкновенной жизни, а не придуманные похотливыми для уловления и опутания сетями юных. Подобным образом в сапожном деле будем услуживать своим художеством тем,

которые ищут необходимого к удовлетворению потребностей. А искусства плотничное, столярное, кузнечное и земледелие, хотя сами по себе необходимы для жизни, доставляют много полезного, и по собственному их значению не отвергаются нами, однако же, когда или нарушают по временам безмолвие, или отвлекают братию от единства жизни, тогда по необходимости от них уклоняемся, предпочитая такие художества, при которых соблюдается жизнь поразвлеченная и приверженная ко Господу, и посвятившие себя подвигам благочестия не отвлекаются от обычного псалмопения, от молитвы, от благочиния во всем прочем. А когда от оных нет никакого вреда избранной нами жизни, тогда они предпочтительнее прочих искусств, особенно же таково земледелие, которое само в себе добывает для себя необходимое, и избавляет земледельцев от дальних скитаний и от бегания туда и сюда, если только не производит у нас, по сказанному, молвы и смятений ни с соседями, ни с живущими вместе» (Пр. 38).

176. Подобное сему говорится и в подвижнических уставах, гл. 5-я.

«Запинаться подвижнику надобно работами приличными, которые свободны от всякого корчемства, долговременных развлечений и непозволительного прибытка, – которые большею частию можно нам производить, не выходя из-под своей кровли, так что и дело делается, и безмолвие соблюдается. А если бы по необходимой потребности должно было произвести работу на открытом воздухе, то и сие не воспрепятствует любомудрию. Ибо в строгом смысле любомудрый, имея собственное тело свое училищем и безопасным пристанищем для души, хотя бы случилось ему быть на рынке, или на празднике, или на горе, или в поле, или среди народного множества, всегда заключен в этом естественном своем монастыре, стараясь иметь внутри собранный ум, и любомудрствуя о том, что ему прилично. Можно, и дома сидя, скитаться помыслами вне, и находясь на рынке, но соблюдая трезвение, быть как бы в пустыне, обращаться только к себе самому и к единому Богу, и не

допускать в чувства тех мятежей, какие производятся в душе чувственными предметами» (Уст. 5).

177. «В самых позволенных нам художествах, каждый обязан заниматься не тем, которое более нравится, но тем, к какому признан способным; потому что отрекшийся самого себя, отложивший все свои хотения, делает не то, что хочет, но то, чему его учат. Самому для себя избирать полезное закон не позволяет, как скоро кто попечение о себе вверил другим, которые и приставят его к тому самому, к чему о имени Господнем признают способным. Ибо кто избирает себе дело, по собственному своему желанию, тот сам на себя произносит обвинение, во первых в самоугодии, а во вторых и в том, что расположен к такому занятию, или для мирской славы, или в надежде прибыли, или по другому чему-нибудь подобному, или что по лени и изнеженности предпочитает легчайшее. А быть виновным в этом значит не освободиться еще от порока страстей. Но отрекся еще сам от себя, кто хочет выполнять собственные свои стремления; он не отказался от мирского, если увлекается желанием корысти и славы; не умертвил еще уды свои, яже на земли, кто не переносит в работах труда, а напротив того, сам себя уличает в гордом самомнении, думая, что собственное суждение его вернее приговора многих. Поэтому, если кто знает художество, неохуждаемое обществом, тот не должен бросать его, потому что пренебрегать тем, что уже приобретено, показывает непостоянство мыслей и нетвердость воли. А если не знает никакого художества, то да не сам выбирает для себя, но пусть принимается за одобренное многими, чтобы во всем соблюдалась благопокорность. Как, по доказанному, неприлично самому себе делать выбор; так предосудительно не принимать одобренного другими. А если бы кто и знал художество, по употреблению его не правилось братству, то пусть с готовностью бросит его, в доказательство, что не имеет пристрастия ни к чему мирскому. Ибо творить волю помышлений (Еф.2:3), по слову Апостола, свойственно не имущему упования (1Сол.4:13), а благопокорность во всем достойна одобрения, потому что сам Апостол хвалит некоторых

за то, что «себе вдаша первее Господеви, а потом и нам волею Божию» (2Кор.8:5)» (Пр. 41).

178. «К работе своей каждому надлежит быть внимательным, заботиться о ней с любовью и с неленостною тщательностию, с внимательным попечением, как бы назирал за ним сам Бог, совершать ее неукоризненно, чтобы всегда иметь дерзновение сказать: «се яко очи раб в руку Господий своих, тако очи наши ко Господу Богу нашему» (Пс.122:2); а не надобно перебегать от одного дела к другому; потому что природа наша неспособна вдруг успевать во многих занятиях; трудолюбиво заняться одною работою полезнее, чем слегка касаться многих дел. Развлечение многими занятиями и переходение от одного дела к другому, кроме того, что не приводит к окончанию дел, еще или обличает в давнем непостоянстве права или производит оное, если не было его прежде» (Там же).

179. «Цель, какую надо держать в сердце при работе. – «Надобно знать и то, что занимающийся рукоделием должен работать не для того, чтобы изделием своим удовлетворить своим потребностям, но, чтобы исполнить заповедь Господа, сказавшего: «взалкахся и дасте Ми ясти», и проч. (Мф.25:35). Ибо беспокоиться о себе совершенно запрещено Господом, сказавшим: «не пецытеся душою вашею, что ясте, ни телом вашим, во что облечетесь», – и присовокупившим: «всех бо сих язицы ищут» (Мф.6:25,32). Посему каждый в деле своем должен поставлять, целию вспоможение нуждающимся, а не собственную свою потребность. Ибо таким образом избежит осуждения за самолюбие и примет благословение за братолюбие от Господа, Который говорит: «понеже сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе» (Мф.25:40)» (Пр. 42).

180. «И никто из нас да не почитает сего противлением слову Апостола, сказавшего: «да делающе, свой хлеб ядят» (2Сол.3:12): ибо сие сказано людям беспорядочным и праздным; для них лучше праздной жизни, чтобы каждый служил себе самому, и не был в тягость другим. Ибо говорит Он: «слышим некие бесчинно ходящие у вас, ничтоже делающие, но

лукавно обходящие. Таковым, продолжает, запрещаем и молим да с безмолвием делающе, свой хлеб ядят. Ту же мысль подают и слова: «ночь и день делающе, да не отягчим никогоже от вас» (--8); потому что Апостол, по братолюбю, чтобы не было более людей бесчинных, сам себя подверг трудам, какие от него и не требовались».

181. «А кто поспешает к совершенству, тому свойственно заниматься рукоделием день и ночь, «да имать подаяти требующему» (Еф.4:28). Ибо надеющийся на самого себя, или на того, кто принял на себя попечение о потребном, также признающий или собственное свое рукоделие, или рукоделие с ним вместе живущего, достаточным источником к поддержанию жизни, как возложивший упование свое на человека, в опасности подпасть клятве, которая говорит: «проклят человек, иже надеется на человека, и утвердит плоть мышцы своя, и от Господа отступит сердце его» (Иер.17:5); посему-то Писание словами: «иже надеется на человека, запрещает иметь надежду на другого; словами: утвердит плоть мышцы своя, не позволяет иметь упования на самого себя, но то и другое именуется отступлением от Господа; и потом показывает конец той и другой надежды: будет яко дивия мирика в пустыни, и не узрит, егда приидут благая» (--6), чем дает разуметь, что надеяться на себя или на кого другого значит отступать от Господа» (Там же).

182. «Работающие такое обязаны иметь попечение о снарядах, вверенных им, какого требуют вещи, во-первых принесенные в дар и посвященные Богу, а во-вторых столько необходимые, что без них не могут они показать должного неленостного тщания» (Кр. 143).

183. «А если кто по нерадению теряет, или по небрежению испортит что, испортивший да судится, как святотатец, а потерявший, как виновник святотатства; потому что все это принесено в дар Господу и посвящено Богу» (Кр. 144).

184. «Хотя попечение об орудиях главным образом касается художника в каждой работе; однако же, если бы ему случилось чего недосмотреть, как общее всех достояние, орудия требуют

надлежащей внимательности тех, которые прежде заметили недосмотр. Ибо хотя употребление орудий частное, но польза от них общая. Пренебрегать делами другого художества как чем-то до нас не касающимся, служит доказательством отчуждения. Тем, которые занимаются художествами, не прилично присвоить себе орудия в полное заведывание, так чтобы или настоятелю братства не позволять употреблять их, на что хочет, или себя почитать вправе их продавать, или обменивать или другим каким образом передавать, или к тем, какие есть, прикупать новые. Ибо кто однажды решился не быть господином даже собственных своих рук, но деятельность их предоставил распоряжению другого, тот сообразно ли с чем поступит, самовластно распоряжаясь орудиями художества, и пользуясь ими, как собственностью?» (Пр. 41).

185. «В рабочих не должно находиться пришлым, или кому-либо из тутошних, оставивших свое место и занятие. Если окажется поступающим так кто либо другой, кроме того, кому вверены надзор за работающими и распоряжение работами; то ему, как нарушающему благочиние в стройности членов, да будет запрещен и дозволенный другим выход; сидя же на одном месте, какое признано способным для его вразумления, пусть без развлечения и пристальнее обыкновенного занимается своим делом, пока не научится наблюдать сказанное: «кийждо в нем же призван бысть, в том да пребывает» (1Кор.7:20)» (Кр. 141).

186. «Знающим искусство не надобно брать у кого-либо работу без ведома, приставленного к попечению о сем. Если случится это, то как тать и помогающий татю, да подлежит осуждению тот и другой, и кто дает, и кто берет работу» (Кр. 142).

187. «Надобно ли работать во время чьего-либо посещения? Никакого дела, совершаемого по заповеди, не надобно прерывать ради приходящих по дружеской обязанности, разве какое особенное душевное попечение, по заповеди Господней, предпочтительнее телесного занятия, как св. Апостолы сказали в Деяниях: «не угодно есть нам,

оставившим слово Божие, служить трапезам» (Деян.6:2)» (Кр. 313).

188 «Если, когда встретится нужда, способному следует помогать и в других художествах. И это должен ты делать не сам собою, но когда будешь приглашен; потому что это не главное наше занятие, а вынужденное обстоятельствами, как и в членах телесных, когда подгибается нога, опираемся на руку. И здесь опять как не хорошо самому собою приступить к делу, так не приниматься за то, что приказано, достойно осуждения; надобно же стараться, чтобы не находила себе пищи страсть самомнения, и чтобы не нарушалось правило послушания и благопокорности» (Пр. 41).

189. «Как надобно производить продажу изделий? – Надобно стараться, чтобы изделия продавались не где-либо далеко, и чтобы самим для продажи не казаться народу. Ибо пребывание на одном месте гораздо приличнее и полезнее и для каждого, и для общего назидания. Почему лучше отнять и убавить несколько цены, нежели для небольшого прибытка отлучаться далеко» (Пр. 39).

Как устроить лучше сбыт изделий, сказано выше, именно – избрать старца, засвидетельствованного по честности жизни, и ему поручить распределение изделий на нужные потребности (стр. 73).

190. «Но закон показывает, что нам не свойственны торги, бывающие в местах, где чествуются мученики. Ибо не для иного чего обязаны христиане приходить в мученические храмы, или на места, близ оных лежащие, как для молитвы, и для того, чтобы воспоминающие твердость святых, подвизавшихся за благочестие до смерти, сами побуждались к подобной ревности, памятуя самый страшный гнев Господа, Который всегда и везде, как написано, «был кроток и смирен сердцем» (Мф.11:29), но поднял бич на тех одних, которые продавали и покупали около храма, потому что торговля превращает храм молитвы в вертеп разбойников (Мф.21:13). Если другие прежде нас нарушили обычай, имевший силу у святых, и вместо того, чтобы молиться друг за друга, вместе со многими поклоняться Богу, проливать пред Ним слезы, как умиловать Его за

содеянные нами грехи, так благодарить за Его благодеяния и назидаться словом утешения, что как известно, и в наше время еще соблюдалось, – если взамен этого, и место и время обращают в торг, игрища и общий рынок, то не прилично и нам уже последовать сим людям, и участием в деле утверждать нелепое нововведение. Напротив того, должны мы подражать собраниям, какие описываются в Евангелиях, при Господе нашем Иисусе Христе, и исполнять что предписано Апостолом, как близко подходящее к такому примеру. Пишет же так: «егда сходитесь, кийждо вас псалом имать, учение имать, язык имать, сказание имать: вся же к созиданию да бывают» (1Кор.14:26)» (Пр. 40).

191. Относительно других работ по монастырю, кроме очередного служения и рукоделия, правила говорят:

«Настоятелю нужно обращать внимание на то, чтобы не делать приказаний, превышающих телесные силы, и чрез это бессильного не довести до прекословия. Он должен, как отец, одинаково расположенный и близкий ко всем, смотреть на телесные силы каждого, и сообразно с тем размерять и распределять свои приказания. Но величайшему осуждению подвергнутся те, которые, имея данную им от Бога телесную силу, отказываются, будто не имеют оной, и бесстыдно обманывая начальников, не повинуются их приказаниям. Ибо, если настоятель навлекает на себя великую и нестерпимую беду, когда сокроет талант слова, и не будет наперед объявлять каждому о мече, грядущем на грех; то несравненно большую беду навлекает на себя тот, кто получив от Бога телесную силу для пользы общей не употребит ее в дело и скроет» (Уст. 31).

192. «Подвижник должен и низкие работы брать на себя с великим старанием и усердием, зная, что все делаемое ради Бога, не маловажно, но велико, духовно, достойно небес, и привлекает нам тамошние награды. Поэтому, хотя бы надлежало ходить за подъяремными животными, которые носят на себе тяжести для общих потребностей, не должно противиться, представляя в уме, с каким усердием Апостолы повиновались Господу, повелевшему привести жребя, и рассуждая, что те, для Кого приняли мы на себя попечение о

вьючном скоте, суть братия Спасителю, и что благорасположение к ним и старание о них, переносится к Самому Господу, сказавшему: «понеже сотвористе единому сих братьев Моих меньших, Мне сотвористе» (Мф.25:40). Если же Он Себе присвоит, что делается для сих меньших, то тем паче присвоит Себе, что делается для избранных, если только работающий не признает служения своего поводом к беспечности, но оградит себя со всяким трезвением, чтобы и ему самому и тем, которые вместе с ним, была от сего польза. Если же должен отправить какую-либо низкую работу, то надобно ему знать, что и Спаситель служил ученикам, и не гнушался исправлять маловажные дела; а для человека великое дело быть подражателем Богу и чрез сии низкие работы возводиму быть на высоту одного подражания. Да и кто назовет уже низким то, к чему Бог прикасался Своею деятельностью?» (Уст. 23).

193. Позволительно ли отказываться от порученного дела и просить себе другого? – поскольку такова мера послушания, что оно должно простираться до смерти, то отказывающийся от порученного дела и домогающийся другого, во первых, нарушает послушание и явно показывает, что не отвергся себя самого; а потом делается и для себя и для прочих виновником других многих зол; потому что многим отверзает дверь к прекословию, и себя приучает к тому же. И поскольку не всякий способен дознать, что полезно, то часто избирает вредное для себя дело, а в братьях производит худое подозрение, что он более привержен к делу, которого домогается, нежели к тем, с которыми необходимо ему трудиться. Почему непослушание вообще есть корень многих и великих зол. Если же думает, что есть у него некоторое основание отказаться от дела, то пусть откроет сие настоятелям и предоставит их усмотрению» (Кр. 119).

194. «Позволительно ли отказываться от дел более трудных? – Кто искренен в любви к Богу и тверд в уверенности о мздовоздаянии от Господа, тот не довольствуется сделанным, но всегда домогается приращения и стремится к большему. И если, по-видимому, делает что-нибудь и сверх силы, не отлагает

попечения, как исполнивший меру, но непрестанно беспокоится, как не достигший совершенства, внимая Господу, Который повелел: «егда сотворите вся повеленная, тогда глаголите: раби неключими есмы: еже должни бехом сотворити, сотворихом» (Лк.17:10), и Апостолу, которому мир распялся, и он миру, и который, не срамляясь, говорит: «аз себе не у помышляю достигши: едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, к намеренному теку, к почести вышнего звания Божия о Христе Иисусе» (Фил.3:13–14). Он, хотя имеет власть, проповедуя благовестие от благовестия жити (1Кор.9:14), однако же говорит: «в труде и подвизе, ночь и день делающе, не яко не имамы власти, но да себе образ дам вам, во еже уподобитися нам» (2Сол.3:8–9). Поэтому кто же столько бесчувствен и неверен, чтобы мог когда-либо удовольствоваться сделанным уже, и стал отказываться от чего-нибудь как от тяжкого и трудного?» (Кр. 121).

195. «Если кто огорчается, когда не позволяют ему делать, чего неспособен он сделать исправно; то надобно ли терпеть его? – Вообще действовать по собственной своей воле, или давать себе волю, противно здравому учению, а неподчинение себя усмотрению многих подвергает опасности впасть в неверие и прекословие» (Кр. 123).

196. «Подвижник ни на малое время не должен иметь власти располагать собою и предаваться собственным занятиям. Ибо, как орудие не может двигаться без художника, и член не может ни на короткое время отделиться от целого тела, или двигаться без воли внутреннего художника, правящего всем телом, так и подвижник не имеет власти что-нибудь делать или исполнять без воли настоятеля. Если же скажет, что он по немощи телесной не в силах исполнить что ему приказано, то пусть предоставит начальнику своему испытать его немощь. Впрочем, когда размыслит о сказанном в Писании, то и сам будет понуждать себя к исполнению приказаний, слыша слова Писания: «не у до крове стаете, противу греха подвизающесе» (Евр.12:4); и еще в другом месте: «тем же ослабленные руки и ослабленная колена исправите» (--12)» (Уст. 27).

197. «Как должно поступать с тем, кто ест не меньше других, и телом не расслаблен, и не показывает признаков в себе болезни, между тем жалуется на бессилие к делу? – Всякий предлог к бездействию есть предлог ко греху; потому что тщательность, равно как и терпение, надобно оказывать даже до смерти. – А что леность, сопряженная с лукавством, подвергает ленивого осуждению, это видно из слов Господа, сказавшего: «лукавый рабе и ленивый» (Мф.25:26)» (Кр. 69).

11. Соотношения братьев

а) общий закон

198. Братство есть союз единомысленных, под руководством одного при взаимно содействии стремящихся к совершенству в христианской жизни. Союз этот подобен союзу членов в теле. Это св. Василий Вел. выражает в пространных правилах в 24-м ответе на вопрос: «в каком отношении должны мы состоять друг к другу?»

«Поелику Апостол говорит: «вся благообразно и по чину да бывают» (1Кор.14:40); то при взаимном общении верных почитаю то поведение благообразным и благочинным, в котором соблюдается закон телесных членов. Посему тот, кому вверено попечение обо всех, как бы заменит собою око в оценке сделанного, в предусмотрении и обозрении того, что будет сделано; другой же заменит слух, или руку, при выслушивании и приведении в действие того, что на него возложено; а таким же образом и всякий заменит один из членов. Потому надобно знать, что как для членов тела не безопасно, если каждый член не радит о своей обязанности, или не пользуется другим членом в том, на что он сотворен Создателем Богом: ибо если рука или нога не подчинится путеказанию ока, то первая по необходимости коснется чего-либо губительного и разрушительного для всего тела, последняя же преткнется или увлечется в стремнины; а если и глаз зажмурится и не будет смотреть, то необходимо погубит себя вместе с прочими членами, потерпевшими что либо из сказанного; так и настоятелю, который ответствен за всех, не безопасно нерадение, и подчиненному не безвредна и не безубыльна непокорность, всего же более опасности тому, кто соблазняет других. Напротив того всякий, кто на своем месте оказывает неленостное тщание и исполняет заповедь Апостола, сказавшего: «тщанием не лениви» (Рим.12:11), тот имеет похвалу за усердие. За нерадение же всякий слышит противное сему, а именно: оплакивание и горе; ибо сказано: «проклят всяк творяй дело Господне с небрежением» (Иер.48:10)» (Пр. 24).

199. Тоже говорится и в кратких правилах, в 303-м ответе. «Не все всем дозволено, но каждый должен пребывать в собственном своем звании и тщательно исполнять вверенное ему Господом. Поэтому настоятель общины и над всеми поставленный должен нести на себе сию заботу со многим рассуждением, и о каждом иметь неусыпное попечение, как прилично, чтобы делать ему свои распоряжения и приказания благоугодно Богу, и сообразно со способностью и силою каждого к общей пользе. А подчиненные, соблюдая благочиние и послушание, и зная собственную свою меру, должны помнить Господа, Который говорит: «овцы Моя гласа Моего слушают, и Аз знаю их, и по Мне грядут. И Аз живот вечный дам им» (Ин.10:27–28), и Который прежде сего сказал: «по чуждем же не идут, но бежать от пего, яко не знают чуждого гласа» (--5), – а также и Апостола, который говорит: «аще кто инако учит и не приступает ко здоровым словесем Господа нашего Иисуса Христа и учению, еже по благоверию, разгордесе, ничтоже ведый», и по исчислении последствий сего присовокупляет: «отступай от таковых» (1Тим.6:3–5)» (Кр. 303).

200. Почему неотложным условием к сему союзу желающих жить вкупе по Богу, поставляется самоотвержение, которое заповедал Господь, говоря: «аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет» (Мф.16:24) (Кр. 2).

б) Послушание и покорность настоятелю беспрекословные

201. «Приступивший к сему образу жизни прежде всего должен иметь образ мыслей твердый, непоколебимый и неподвижный, такую решимость, которой бы не могли преодолеть и изменить духи злобы, и душевную твердостью даже до смерти показывать мученическое сопротивление, как держась заповедей Божиих, так наблюдая послушание наставникам. Ибо это главное в сем роде жизни. Как Бог, Который есть Отец всем и благоволит именоваться так, требует от Своих служителей самой точной благопокорности; так и духовный у людей отец, соображающий распоряжения свои с Божиими заповедями, требует беспрекословного послушания. Если посвятивший себя какому-нибудь рукодельному художеству, одному из полезных нам в настоящей жизни, во всем покоряется художнику, и ни в чем не противится его приказанию, не отлучается от него и на самое короткое время, но непрестанно бывает на глазах у учителя, такую принимает пищу и такое питье, такой ведет во всем прочем образ жизни, какой он предпишет, то кольми паче приступающие к изучению благочестия и святости, однажды уверившись, что могут приобрести таковое познание от наставника, воздадут за сие всякою благопокорностью и самым точным во всем послушанием; даже не будут допытываться, на каком основании дается им приказание, но станут исполнять самое приказанное дело; и разве о том только пожелают знать, о чем не знаящим чего-либо относящегося ко спасению позволительно скромно и с приличным уважением испросить и получить вразумление» (Уст. гл. 19).

202. Вот полное изложение закона послушания! – «Апостол Павел в послании к Римлянам повелевает «всем властям предержащим повиноваться» (Рим.13:1), т. е. повиноваться властям мирским, а не духовным, что и дает он разуместь в последующем, где говорит об уроках и дани (--7); и он

объясняет, что даже в самой малости противящийся власти противится Богу (--2).

Посему, если закон Божий требовал от благочестивых такого подчинения начальникам мира сего, получившим начальство по человеческому закону, и притом жившим тогда в нечестии; то какую благопокорность обязан подвижник оказывать начальнику, который поставлен Богом и приял власть по Его законам? Противящийся наставнику не явно ли противится Божью повелению, особенно же когда Апостол ясно повелевает во всем повиноваться духовным вождям? Ибо говорит: «повинуйтесь наставником вашим и покаяйтесь; тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще, да с радостию сие творят, а не въздыхающе: несть бо полезно вам сие» (Евр.13:17). Поэтому, если не в точности повиноваться, несть полезно, то надобно нам стремиться к тому, что полезно; потому что слово: несть полезно, как думаю, дает подразумевать великий ущерб, требующий раскаяния и поправления (Уст. 22).

203. «Более же всего надо подражать святым в покорности, какую оказывали они пред Богом, если намерены мы, воспользовавшись достаточным для нашей цели примером, совершению выполнить долг послушания. И никто да не думает, что, желая внушить благопокорность пред наставниками, привожу примеры слишком высокие и благопокорность людям надменно осмеливаюсь уподоблять тому послушанию, каким обязаны мы Богу. Но по собственному своему изволению, но согласно с самыми Божественными Писаниями делаю сие уподобление: ибо смотри, что говорит Господь в Евангелиях, предписывая иметь послушание к рабам Его: «иже вас приемлет, Мене приемлет» (Мф.10:40); и еще в другом месте: «слушали вас, Мене слушает, и отменяяся вас, Мене отменяется» (Лк.10:16). А что сказанное Апостолом узаконил Он о всех и после них наставниках, сие можно подтвердить многими и несомненными свидетельствами Божественного Писания, и самыми ясными доводами. Почему и мы выразились согласно с божественными узаконениями, сказав, что

благопокорность Святым Богу должны мы брать себе в образец послушания настоятелям (Там же).

204. «Как же святые оказывали благопокорность Владыке. Посмотри на Авраама, которому велено оставить дом, отечество, имущество, владения, родственников, друзей, и сверх того, искать противного: земли чуждой, неизвестного скитания, бедности, страхов, опасностей и всех неприятностей, какие сопровождают странников; и он беспечно повинуется, оставляет домашнее благоденствие и спокойствие, вместо же сего избирает бедствование и странствование в чужой стране: видишь ли, какой он самый строгий подвижник, и как для Бога презирает всякое мирское благоденствие? – Но посмотрим, что было впоследствии. Приходит он в Палестину на место, какое указано ему Богом для поселения; но поскольку страну сию посетил голод, переходит в Египет, и там, когда отнята была у него жена, не малодушествует, не сетует на Божии распоряжения, как получивший такое возмездие за свою благопокорность, но кротко переносит сию обиду, из всех обид самую тяжкую, и не в этот один раз, но и в другой еще от царя Герарского. Ибо, однажды решившись на послушание пред Богом, смотрит не на то, как домогостроительствует о нем Бог, но на то, как ему самому соблюсти самое точное и неукоризненное послушание. За сие-то напоследок получает и сына Исаака, – награду и дар за долговременную молитву и веру. Но когда увидел, что Исаак приходит в цветущий возраст и подает родителям благие надежды в преемстве и в последующем продолжении рода; тогда после таких надежд получает от Бога повеление возвести его на высокую гору и принести в жертву Даровавшему. Но приняв это разительное требование и это страшное служение, когда не только исполнить, но и выслушать повелеваемое было выше сил природы, смотри, с какою кротостью переносит сие: не теряет ума, не упадает духом, но с таким спокойствием и безмятежием мыслей, как будто намереваясь принести в жертву агнца, возлагает на себя иго послушания, и идет с сыном исполнить повеление, ни мало по испытая Божия о сем суда, и не сетуя, но имея в виду свое дело ни в чем не нарушать долга послушания. А таким образом

приобрел он светлый венец, для целой вселенной поставлен в столп веры и послушания» (Там же).

205. «Можно бы распространиться о благопокорности и прочих святых, просиявших в ветхозаветной истории, в урок подвижникам беспрекословного послушания. Но чтобы не сделать продолжительным слова, каждого желающего научиться, отослав к слушанию святых Писаний, обратим слово к ученикам Спасителя, и покажем, как они были послушны и покорны».

«Говорил им Господь Иисус еще в начале их обучения, когда ожидали, что Господь скоро будет царствовать, и предполагали, что сами они ничего не потерпят, не подвергнутся опасностям, не понесут трудов, но будут царствовать со Христом, и сделаются участниками Его царской славы, Ему подобающих служения и чести. И это дает видеть Петр, пререкающий Иисусу, когда предложил Он слово о Своем страдании; ибо сказано: «и поемь Его Петр, начат пререцати Ему глаголя: милосерд Ты, Господи, не имать быти Тебе сие» (Мф.16:22), показывая тем, что не ожидал ничего прискорбного; то же дают видеть и сыны Зеведеевы, которые привели мать просить за них Господа, чтобы почтены они были седением один по правую, а другой по левую сторону; ибо, если бы не предполагали, что очень скоро воцарится, то не осмелились бы просить сего, размыслив о седении Спасителя на небесах одесную Отца. – Итак, что говорил им Иисус, когда они сего ожидали и надеялись? «Се Аз посылаю вас, яко овцы посреде волков» (Мф.10:16). И таким образом, выслушав слово столько противное собственному их упованию, не сказали они: «мы пришли с другими надеждами, а Ты повелеваешь противное нами чаемому. Мы ожидали упокоения, а Ты посылаешь на опасности. Мы надеялись почестей, а Ты предлагаешь бесчестие. Мы ожидали царства, а Ты повелеваешь нам бегать и быть рабами всех». Они не сказали ничего такого, хотя сверх сказанного выше слышали и еще многое, еще более тяжкое, например: «предадут вы в скорби и убьют вы: и будете ненавидими всеми языки имене Моего ради» (Мф.24:9). И «пред владыки же и цари ведени будете имене

Моего ради» (–10:18). Так сверх ожидания выслушав все это, преклонили они выю ума, подъяли на себя иго и охотно пошли на опасности в судилища, на встречу оскорблениям, метаниям камнями, биениям жезлом, бесчестиям, на кресты, на разные роды смертей; и с таким усердием терпели сие, что радовались и светло праздновали, когда удостоивались приобщаться страданий Христовых. Ибо сказано: «радовались, яко сподобишася за имя Его бесчестие прияти» (Деян.5:41)» (Там же).

206. «От подвижника по Богу требуется, чтобы он оказывал такую же благопокорность наставнику. Ибо Христос избрал учеников, назнаменуя, как выше сказали мы, именно сей род жизни; потому что наставник не иное что есть, как человек, который носит на себе лице Спасителя, стал посредником между Богом и людьми, и священнодействует пред Богом спасение покорных ему. И сему научаемся у самого Христа, Который Петра поставляет по Себе пастырем Своей церкви. Ибо говорит: «Петр, любиши ли Мя паче сих? паси овцы Моя» (Ин.21:15–16). А равную власть дает Он всем последующим пастырям и учителям. И доказательством сему служит всем одинаково данное право, подобно Петру всех связывать и разрешать. Посему, как овцы покоряются пастырю, и туда обращаются, куда ведет пастырь, так и подвижники по Богу должны покоряться наставникам, не входя в исследование их приказаний, когда они чисты от греха, но исполняя приказанное со всяким усердием и тщанием» (Там же).

207. «Как древодел или зодчий каждым из орудий своего искусства пользуется по своему хотению, и орудие не отрекается удовлетворить той потребности, на какую употребляет его художник, но уступает руке действующего им, так и подвижник должен, как орудие художника, содействовать к совершению духовного здания, покоряться во всем, в чем служение его признает полезным наставник, чтобы не воспрепятствовать совершению духовного дела, не приложив своего труда. И как орудие не избирает само для себя, что должно ему делать в пособие искусству, так надобно и подвижнику не самому для себя избирать работу, но

распоряжение собою уступать благоразумию и домостроительству художника. Ибо разумно настоятельствующий умеет в точности изведывать нравы, страсти и душевные стремления каждого, и соглашать с этим свое распоряжение каждым. Посему никак не должно противиться его приказаниям, но быть уверенну, что всего труднее знать и врачевать себя самого. Потому что людям прирождено самолюбие, и каждый, по пристрастию к самому себе превращает истинный суд. Но удобнее может познавать и врачевать нас другой, потому что судящего о других страсть самолюбия не затрудняет в истинном распознавании. А когда в подвижническом обществе установлено такое согласие, тогда удобно водворится между ними мир, и спасение будет содейваемо с общею всех любовью, и с общим единомыслием» (Уст. 22).

208. Отсюда пространство послушания определяется так: «Истинное и совершенное послушание подчиненных наставнику выражается в том, чтобы не только по совету настоятеля удерживаться от несообразного, но, чтобы без его воли не делать даже и самого похвального. Ибо воздержание, например и всякое злострадание тела конечно полезно; но если кто, следуя собственным стремлениям, делает в сем отношении одно себе удобное, а не повинуетя совету настоятеля; то прегрешение его будет важнее заслуги: потому что противляйся власти Божией повелению противляется, и награда за послушание важнее награды за преспеяние в воздержании» (Стр. 80).

209. Мери же, до коей должно простирати послушание по правилу благоугождения Богу, показал Апостол, представив в пример послушание Господа, «Иже послушлив быв даже до смерти, смерти же крестные» (Фил.2:8), и сказав предварительно: «сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе» (--5) (Кр. 116).

210. «Какое расположение должны все иметь к непокорному? (Пр. 28).

«Кто неохотно повинуетя Господним заповедям, тому во 1-х все должны оказать сострадание, как больному члену, а

настоятель обязан попытаться уврачевать его недуг своими увещаниями. А кто упорствует в непокорности и не принимает исправительных мер, того надобно строже обличить при всем братстве, и всячески упрашивать, чтобы принял врачества. Если же кто и после многократных увещаний не приходит в стыд, не показывает своего исправления на деле, но по пословице, сам себе губитель; то его, хотя со многими слезами и рыданием, однако же, как поврежденный и совсем бесполезный член, надобно, в подражание врачам, отсесть от общего тела. Ибо и врачи, как скоро находят какой-либо член зараженным неисцельною болезнью, чтобы вред тлетворно действуя на члены, соприкосновенные с больным, не разлился далеко, имеют обыкновение отнимать его сечениями или прижиганиями. Тоже самое необходимо делать и нам с теми, которые враждуют против заповедей Господних, или препятствуют исполнять их, и делать сие по повелению самого Господа, сказавшего: «аще око твое десное соблажняет тя, изми е и верзи от себе» (Мф.5:29).

211. «Человеколюбие к таким людям близко к той невежественной снисходительности, за небогоугодное употребление которой в рассуждении сыновей обличается Илий. Эта ложная снисходительность к закореневшим в пороках есть измена истине, злоумышление против общего блага, приучение равнодушно смотреть на всякий порок. Тогда не только не исполняется написанное: «для чего не паче плакасте, да измется от среды вас содеявый дело сие?» (1Кор.5:2); но по необходимости случается и присовокупленное: мал квас все смешение квасит. Апостол говорит: «согрешающих же пред всеми обличай, и тотчас приводит на сие причину, говоря: да и прочий страх имут» (1Тим.5:20).

212. «Кто вовсе не принимает врачевания, предлагаемого ему настоятелем, тот не согласен и сам с собою. Ибо, если не соглашается подчиниться, а следует собственной своей воле, то для чего и живет с ним? Для чего берет его вождем своей жизни? А кто однажды решился быть включенным в состав братства, тот, если избрали его быть сосудом служебным, хотя бы и не по силам казалось ему приказание, предоставив суд

тому, кто приказывает превышающее силы, сам оказывая покорность и послушание до смерти, помня Господа, что «Он послушлив был даже до смерти, смерти же крестные» (Фил.2:8). Противление же и прекословие доказывают многое худое: «немошь веры, колеблемость надежды, надмение и кичливость нрава. Ибо не оказывает непокорности неосудивший прежде подавшего совет; и верующий обетованиям Божиим, полагающий на них твердую надежду, сколько бы ни трудны были повеления, не станет уклоняться от их исполнения, зная, что недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явиться в нас» (Рим.8:18). И убежденный в том, что «смирившись вознесется» (Мф.23:12), выкажет усердие, превышающее ожидание давшего повеление, зная, что «еже ныне легкое печали, по преумножению тяготу вечные славы соделоват нам» (2Кор.4:17)» (Пр. 28).

213. «Кто не принимает одобренного настоятелем, тот должен открыто или наедине сделать ему свое возражение, если имеет какое крепкое основание, сообразно с намерением Писания, или молча исполнять, что приказано. Если же сам постыдится, то пусть употребит на сие посредниками других, чтобы ему, когда распоряжение противно Писанию, и себя самого, и братию избавить от вреда, а если оно окажется имеющим надлежащее основание, как себя освободить от напрасного и опасного сомнения; – ибо сказано: «сомняйся, аще яст, осуждается, зане не от веры» (Рим.14:23), так и в других простодушных не произвести поползновения к непокорности, – «ибо уне есть», говорит Господь, «да обесится жернов осельский на выи его, и ввержен будет в море, неже да соблазнит от малых сих единого» (Мф.18:6; Лк.17:2). Если же некоторые будут упорствовать в непокорности, жалуясь втайне, но не объявляя гласно своего огорчения, то, как посевающие сомнения в братстве, колеблющие уверенность в заповедях, как учителя непокорности и непослушания да будут изринуты из братства. Ибо сказано: «изжени от сонмища губителя, и изыдет с ним прение» (Пр.22:11); и еще: «измите злого от вас самех, яко мал квас все смещение квасит» (1Кор.5:6,13)» (Пр. 47).

214. «А чтобы не легко было впасть кому в подобный недуг сомнения, ко вреду себе самому и другим, должно вообще соблюдать в братстве следующее правило: вовсе никому не входить в любопытные исследования о действиях настоятеля, и не любопытствовать о том, что делается, кроме тех, которые и по степени, и по благоразумию близки к настоятелю, и которых сам он по необходимости допустит к совещанию и рассуждению о делах общих, повинаясь наставлению сказанного: «все делай с совета» (Сир.32:21). Ибо, если вверили мы ему строительство душ наших, как человеку, который даст в этом ответ Богу, то совершенно безрассудно не доверять ему в делах самых маловажных, и питать в себе неуместные подозрения против брата, и другим подавать к тому повод. А потому чтобы не случилось этого, пусть каждый в том и пребывает, к чему призван, и всецело предав себя попечению о своих обязанностях, не любопытствует о делах других, подражая святым ученикам Господним, которых беседа с Самаритянкою могла привести к подозрению, «обаче никтоже рече, чесо ищещи, или что глаголеши с нею» (Ин.4:27)» (Пр. 48).

215. «Что, если брат, получив приказание, сперва будет противоречить, а после сам собою приступит к делу? – Пусть знает, что за свое противоречие, как человек спорливый и других возбуждающий к спорам, подлежит он следующему суду: «прекословия воздвигет всяк злый: Господь же ангела немилостива послет нань» (Пр.17:11). А вместе да уверится несомненно, что противоречит или оказывает непослушание не человеку, но Самому Господу, Который сказал: «слушали вас, Мене слушает; и отменяяся вас, Мене отменяется» (Лк.10:16). И пусть сперва с сокрушением принесет извинение, а потом, если дозволят, – делает уже дело» (Кр. 38).

216. «А если кто, послушавшись, станет роптать (дело делает, но с ропотом)». – поскольку Апостол сказал: «вся творите без роптания и размышления» (Филип.2:14); то и сам ропщущий отчуждается от единения с братиею, и дело его изъемлется из их употребления. Явно же, что таковой человек страждет неверием и колебанием в уповании» (Кр. 39).

217. «Рукоделий того, кто ропщет или замечен в превозношении, не должно смешивать с рукоделиями людей, смиренных сердцем и сокрушенных духом. Первых вовсе не должны употреблять в свою пользу благочестивые, потому что «еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом» (Лк.16:15). Да есть и другая заповедь Апостола, который говорит: «не ропщите, якоже нецыи от них ропташа, и погибоша от всегубителя» (1Кор.10:10), и еще: «не от скорби, ни от нужды» (2Кор.9:7). Посему дело таковых людей недостойно приятия, как недостаточная жертва; и не позволительно смешивать его с рукоделием прочих. Ибо, если «принесшие на жертвенник огонь чуждь испытали такой гнев» (Лев.10:1–2); то не опасно ли от враждебного Богу расположения принимать какое-либо дело в созидание заповедей? Сказано: «кое причастие правде к беззаконию? Или кая часть верну с неверным?» (2Кор.6:14–15). Потому Бог говорит: «беззаконник жряй Ми телца, яко убиваяй пса, и приносяй семидал, яко кровь свиную» (Ис.66:3). Поэтому сделанное человеком неохотно и с прекословием приступающим к делу, необходимо должно быть изъято из употребления братий. И настоятелям с этой стороны надобно иметь строгое попечение, чтобы и самим не нарушать постановление того, кто сказал: «ходяй по пути непорочну, сей ми служаше: не живяше посреде дому моего творяй гордыню» (Пс.100:6–7), и тому, кто к заповеди примешивает грех и оскверняет свое делание тем, что или нерадив к труду, или превозносится своими преимуществами, не помочь к закоснению в строптивости тем, что примут его работу, не дав ему прийти в сознание собственных пороков. Потому и настоятелю надобно быть убежденну, что незаконное начальствование над братом навлекает на него тяжкий и неизбежный гнев, «ибо кровь его», как написано, «от рук его взыщется» (Иезек.3:18); и подчиненный должен быть готов неленостно исполнять всякий приказ, даже и самый трудный, с уверенностию, что «мзда многа на небесех» (Мф.5:12). Поэтому послушного да увеселяет надежда славы, чтобы дело Господне совершалось со всякою радостью и терпением» (Пр. 29).

218. «Если подвижник скажет, что вредны для него выходы и путешествия, предпринимаемые для необходимых общих потреб, и потому будет отказываться от выхода; то он не уразумел еще строгости послушания, и не знает, что добродетель сия не усовершенствуется такою недейтельностью. Посему пусть посмотрит на примеры святых, как достигали они совершенства в послушании, ни мало не противоречили и не противились ни одному даже неудобоисполнимому приказу; и пусть обучится совершенному послушанию. Если же кто и в самом деле может потерпеть от сего вред, то пусть просит братство помолиться о нем Богу, и сам пусть испрашивает у Бога с несомненною надеждою, чтобы во всех духовных упражнениях и в телесных служениях добрым делам, соделаться ему сосудом годным в дело и благопотребным. И конечно Тот, Кто одобряет усердие ищущих доброго, даст ему силу, потому что сам Он велел просить и сказал: «просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцуйте, и отверзется вам: всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется» (Мф.7:7–8); и еще в другом месте: «аще же кто от вас лишен есть премудрости, да просит от дающего Бога всем нелицеприемне, и не поношающего, и дастся ему. Да просит же верою, ничтоже сумняся» (Иак.1:5–6). И вообще во всех тех случаях, в которых ум будет уклоняться от совершенного послушания, или сатана станет полагать препятствия, ослабляя и отсекая усердие, мы, пользуясь сим пособием, будем молить Бога и просить, чтобы дано было нам обилие добрых дел, плоти наши пригвождены были страху Божию, ум наш соделался нерассеянным и ни мало не увлекаем был плотскими пожеланиями и удовольствиями. Ибо мирские пожелания, рождающиеся в душе при рассеянности ума, производят многообразные беспорядки в помыслах, и делают нас ленивыми на добрые дела. Посему каждый из нас да не отказывается служить собственным своим содействием общим необходимым, телесным потребам, но да молит Бога, чтобы получить от Него силу содействия. Ибо, если все будут отказываться в подражание тем, кои уже отказались, кто будет тогда выполнять требуемое нуждою? – Кроме сего не худо

вразумиться в сем и примером. Воин, недавно поступивший в какой-нибудь полк, не о том старается, чтобы служащих в полку переучить по-своему, но сам соображается с порядком и обычаями, какие в полку. Поэтому и включенный в духовное общество, должен желать не членов общества преобразовать по своему праву, но собственный свой прав привести в согласие с обычаями и уставами общества» (Уст. 26).

219. «Братиям не должно огорчаться и досадовать, когда настоятель поручает слабосильных служение, соответствующее их силам, и по требованию нужды оказывает им пощаду; а напротив того более сильным надобно щадить имеющих нужду в пощаде, видя в них немощные члены, и таким образом исполнять долг духовной любви. Ибо и нога в теле не восстает против руки, не принуждает ее к своим делам, и целая рука не накладывает на мизинец тяжести своих работ, но каждый член действует тою силою, какую получил от природы, поддерживая члены слабые. Когда такой порядок будет соблюдаться в обществе духовном, тогда окажется, что «мы поистине тело Христово и уди отчасти» (1Кор.12:27), всегда сохраняющие стройное согласие и безмятежное единение друг с другом» (Уст. 32).

220. «Поелику Господь заповедал: «аще кто поймет тя поприще едино, иди с ним два» (Мф.5:41), и Апостол учит: «повиноватися друг другу в страхе Христовом» (Еф.5:21); то должно ли оказывать послушание всякому, приказывающему, что бы то ни было? – Различие между теми, которые дают приказание, не должно препятствовать послушанию тех, кому дается приказание, потому что Моисей не преслушал Иофора, посовествовавшего ему доброе. Но поскольку есть не малая разность в самых приказаниях, (потому что иные противны заповеди Господней, или нарушают ее, или разным образом искажают примесью запрещенного; а другие согласны с заповедью; иные же хотя по-видимому и не согласны, но содействуют ей и служат как бы пособием для заповеди), то необходимо помнить сказанное Апостолом: «пророчества не унижайте: вся же искушающе, добрая держите. От всякого вида злого отгребайтесь» (1Сол.5:20–22). И еще: «помышления

низлагающе, и всяко возношение взимающееся на разум Божий, и пленяюще всяк разум в послушание Христово» (2Кор.10:4–5). Итак, если нам приказывают что-либо согласное с заповедью Господнею, или содействующее ей, то надобно принимать сие усерднее и тщательнее, как волю Божию, исполняя сказанное: «терпяще друг другу любовь Христовою» (Еф.4:2). Когда же приказывает нам кто-нибудь нечто противное Господней заповеди, нарушающее, или искажающее оную, тогда благовременно сказать: «повиноватися подобает Богу паче, нежели человеком» (Деян.5:29), помня, что говорит Господь: «по чуждем же не идут, но бежать от него, яко не знают чуждого гласа» (Ин.10:5); а также и то, как Апостол для нашей безопасности, осмелился коснуться и самых Ангелов, сказав: «и аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет» (Гал.1:8). А сие дает нам разуметь, что хотя бы и весьма был близок или чрезмерно славен препятствующий исполнять заповеданное Господом, или советующий делать запрещенное Им, всякий любящий Господа должен такового бегать и гнушаться им» (Кр. 114).

221. «Как должны мы оказывать послушание друг другу? – Как рабы владыкам, по заповеданному Господом: «иже хочет в вас вящий быти, да будет всех меньший, и всем раб» (Мр.9:35;10:43–44), – к чему Господь присовокупляет еще более убедительные слова: «яко Сын Человечь не прииде, да послужат Ему, но да послужит» (Мр.10:45); и по сказанному Апостолом: «любвию Духа работайте друг другу» (Гал.5:13)» (Кр. 115).

в) Между собою братская любовь, – искренняя и ко всем равная

222. «Братия должны иметь любовь друг к другу такую, какую показал и какой научил Господь, сказав: «любите друг друга, якоже Аз возлюбих вы. Больши сея любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя» (Ин.15:12–13). – А если и душу полагать должно, то кольми паче необходимо во всех отношениях оказывать усердие к пользе каждого брата, не просто пополнением человеческих обязанностей, но исполнением с целью благоугождать Богу» (Кр. 162).

223. «Таковое братолюбие должно быть не наружным, а внутренним и пламенным, как показал Апостол, сказав: «братолюбием друг ко другу любезни» (Рим.12:10). Ибо любезни φιλόστοργος, – указывает на высшую степень содружества, состоящего в пламенном расположении и влечении любящего к любимому» (Кр, 242).

224. «Желающий приобрести такую любовь, во первых, да убоится суда на преступающих заповедь самого Господа, сказавшего: «иже не верует в Сына, не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин.3:36); а потом «да вожделевает вечной жизни; ибо заповедь его живот вечный есть» (Ин.12:50). Первая же и большая заповедь: «возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею мыслию твоею, и всею крепостию твоею». И вторая подобна ей: «возлюбиши искреннего твоего, яко сам себе» (Мф.22:37,39; Мр.12:30–31). Также да желает уподобиться Господу, сказавшему: «заповедь новую даю вам, да любите друг друга, якоже Аз возлюбих вы» (Ин.13:34). А еще помогут и следующие рассуждения: ежели брат благодетель наш, то мы и по человечески обязаны ему любвию, какую соблюдают и язычники, как ясно говорит и сам Господь в Евангелии: «аще любите любящие вы, каия вам благодать есть, ибо и грешницы любящие их любят» (Лк.6:32). А если брат делает зло, то и в сем случае мы обязаны любить его, не только по заповеди, но и за то, что он и оказывает нам благодеяние в важнейшем, если верим Господу, сказавшему:

«блажени есте, егда поносят вам и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех» (Мф.5:11,12)» (Ер. 163).

225. «В общежитии закон любви не дозволяет частных содружеств и товариществ. Ибо частные пристрастия, по всей необходимости, много вредят общему согласию. А теперь надобно, чтобы все смотрели друг на друга с равномерным расположением, и чтобы всем обществом владела одна мера любви. Если же найдется кто под каким-нибудь предлогом расположенный с большею любовью к монаху брату, или родственнику, или к кому другому, то да уцеломудрится, как делающий обиду обществу. Ибо избыток расположения к одному лицу весьма обличает недостаток к другим» (Стр. 75).

226. «Любовь друг к другу должна быть во всех также равною и общего, как человек естественным образом имеет любовь к каждому из своих членов, в равной мере желая здоровья всему телу; потому что страдание каждого члена причиняет равное беспокойство телу. Но как в нас самих, хотя страдание каждого больного члена равно касается всего тела, однако же один член предпочтительнее других; ибо неодинаково занимаемся глазом и пальцем в ноге, хотя страдание их и равно; так надобно, чтобы в каждом ко всем живущим в том же обществе были чувство сострадания и приверженность любви, но почтение по всей справедливости будет он иметь в большей мере к тем, которые более полезны. Но поскольку все непременно обязаны любить друг друга с равномерным расположением, то оскорбительно для общества, когда находятся в нем отдельные какие-нибудь собратства и сотоварищества. Ибо любящий одного предпочтительно пред другими обличает себя в том, что не имеет совершенной любви к другим. Почему равно должны быть изгнаны из общества и непристойная ссора, и частная расположенность; потому что от ссоры происходит вражда, а от частной дружбы и близости происходят подозрения и зависти. Ибо нарушение равенства везде бывает в унижаемых началом и предлогом зависти и неприязни. Поэтому и заповедь приняли мы от Господа «подражать благости Ниспосылающего солнечный свет

одинаково и праведным, и злым» (Мф.5:45). Как Бог всем дает возможность равно приобщаться света, так и подражатели Божии да изливают на всех общий и равночестный луч любви. Ибо где оскудевает любовь, там непременно на место ее входят ненависть. А если, как говорит Иоанн, «Бог любви есть» (1Ин.4:16); то необходимо всякая ненависть есть диавол. Почему, как имеющий любовь имеет в себе Бога, так имеющий ненависть питает в себе диавола. Итак надобно, чтобы любовь во всех и ко всем была равная и одинаковая, и почтение воздавалось каждому по приличию. У людей же так между собою сопряженных, телесное родство не будет иметь преимущества в отношении к любви. Брат ли кто кому по плоти, или сын, или дочь; единокровный не будет иметь к родственнику предпочтительно пред другими большого расположения, потому что последующий в этом природе обличает себя, что не совершенно отказался от естественных уз, по управляется еще плотию» (Стр. 80–82).

227. «Надобно братьям иметь любовь друг к другу, но не должно двоим или троим, согласившись между собою заводить особенные дружеские связи. Ибо это не любовь, а возмущение и разделение, и вместе доказательство порочности сдружившихся, потому что, если бы они любили общее благочиние, то имели бы общую равно внимательную любовь ко всем; а когда отсекая и отделяя себя, они становятся обществом в обществе, то такой союз дружбы есть союз злой, и таких людей сводит что-нибудь отличающееся от общего дела, какое-нибудь нововведение против господствующего благоустройства. Посему не надобно допускать в обществе таких дружеских связей, и кому-нибудь, для сохранения любви, вступать в сообщество с братом, который хочет действовать лукаво и нарушать устав общего благочиния; а должно каждому быть в общении и единении со всеми, доколе все держатся доброго. А если кто, захотев противиться господствующему устройству, привлекает к тому же брата, то здравый брат должен сначала втайне вразумить его, как болящего рассудком; если же не захочет наедине принять врачевство, то нужно пригласить и других братьев, более рассудительных, для

уврачевания его, по сказанному в Священном Евангелии: «аще же тебе не послушает, пойми с собою еще единого или два» (Мф.18:16); а когда и их не послушается, надобно объявить о душевном его недуге настоятелю; если же не примет и увещания настоятеля, то должно смотреть на него, как на язычника и мытаря, и как овцу, одержимую заразой, выгнать из стада, чтобы не заразил и прочих своим недугом. Но ежели никто не может потерпеть вреда от худого примера, то единственно в этом случае, и уже по употреблении выше упомянутых средств, можно дать место долготерпению, в надежде исправления. Долготерпение же будет состоять в том, чтобы не отсекал его, а не в том, чтобы оставлять его без увещаний и вразумления законными наказаниями» (Уст. 49).

228. В сем отношении особенного потребовали замечания юнейшие из братий.

«Если ты юн по плоти, или по разуму, удаляйся короткого обращения с сверстными, и бегай от них, как от пламени. Ибо враг, воспалив чрез них, многих предал вечному огню, духовною конечно любовью низринув их в гнусную пропасть этих обитателей пятиградия, и тех, которые спаслись среди моря при всех ветрах и бурях, когда ни о чем не беспокоились внутри пристани, погрузил в глубину с ладьей и пловцами. Когда садишься, садись гораздо дальше от сверстного с тобою: когда ложишься спать, одеяние твое да не сближается с его одеянием; но лучше пусть будет между вами старец. А когда говорит он с тобою, или поет, стоя против тебя, отвечай ему поникши взором долу, чтобы тебе, останавливая взор свой на лицах не принять в себя семени похотения, ввергаемого сеятелем врагом, и не пожать рукоятей растления и погибели. В доме, или на всяком месте, где никто не видит дел ваших, не оставайся с ним под предлогом рассуждения о Божием слове, или другой какой-нибудь, даже самой необходимой потребности; ибо всего нужнее душа, за которую умер Христос. Не верь обманчивому помыслу, который подсказывает тебе, что это ни мало не соблазнительно, несомненно зная, что сие самое и есть соблазн, как ясно тебе доказано многократным опытом падших. Поверь словам моим, происходящим от братолюбивого сердца.

– «Прибегай к старцам, не для всякого доступным, которые приточными словами поощряют молодых людей к делам похвальным, но никогда не делают вреда своею наружностью. Всяцем хранением блюди твое сердце» (Пр.4:23)» – (Стр. 54, 55).

229. Из сказанного видно, что не всякая любовь есть истинная любовь; и надобно всякому осматривать свою любовь, чтобы увериться, настоящая ли она. – Вот признак, по которому легко определить, по заповеди ли кто любит брата, или нет.

«У любви два примечательные свойства: скорбеть и мучиться о том, что любимый терпит вред, а также радоваться и трудиться о пользе любимого. Потому блажен, кто плачет о согрешающем, который чрез сие подвергается страшной опасности, и радуется о поступающем хорошо, который, как написано, приобретает сим несравненную выгоду. Да и Павел Апостол свидетельствует, говоря: «аще страждет един уд, с ним страждут вси уди» (1Кор.12:26), без сомнения по закону любви о Христе; и аще славится один уд, очевидно, по цели благоугождения Богу, с ним радуются вси уди. А кто не так расположен, тот явным образом не любит брата (Кр. 175).

г) Взаимное друг друга исправление, как плод любви, ревнующей о совершенстве брата и всего братства

230. Видя неисправных, не должно равнодушно к ним относиться, но употребить с своей стороны все старание, чтобы его исправить. Общий о сем закон правила выражают словами Господа. К согрешающим, говорят они, должно относиться, «как повелел нам Господь, сказав: «аще согрешит брат твой, иди и обличи его между тобою и тем едином. Аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего: аще ли тебе не послушает, пойми с собою еще единого или два: да при устех двою, или трех свидетелей станет всяк глагол: аще же не послушает их, повеждь церкви: аще же и церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь» (Мф.18:15–17). Поэтому, если случится последнее, «довольно таковому запрещение сие, еже от многих» (2Кор.2:6); потому что Апостол написал: «обличи, запрети, умоли со многим долготерпением и учением» (2Тим.4:2); и еще: «аще же кто не послушает словесе нашего, посланием сего назнаменуйте: и не примешайтесь ему, да посрамится» (2Сол.3:14)» (Кр. 3).

231. И кто не исполняет сего, тот не милосерд. «Если жало смерти – грех» (1Кор.15:56), – не тот или другой, но без различия всякий грех; – то немилосерд тот, кто умалчивает, а не обличает, как немилосерд тот, кто в угрызенном ядовитым животным оставляет яд, а не извлекает его. Он же и любовь расторгает; потому что написано: «любяй – наказует прилежно» (Притч.13:25)» (Кр. 4).

232. Это и значит «носить немощи немощных» (Рим.15:1). «Ибо, если носить значит взять и уврачевать, по написанному, что «Сей помощи наши приял и болезни понес» (Ис.53:4), не в том смысле, что возлагает Он это Сам на Себя, но в том, что врачует страждущих; то и в этом изречении Апостола прилично разуметь тот способ и закон покаяния, которым врачуются немощные, при попечительности сильнейших» (Кр. 177).

233. Это же значит и «друг друга тяготы носить» (Гал.6:2). «Ибо грех есть тяжесть, влекущая душу на дно адово. Его-то берем мы друг у друга, и снимаем друг с друга, приводя согрешающих к обращению. Исполним же закон Христа, сказавшего: «не приидох призвати праведных, но грешные в покаяние» (Лк.5:32), и нам вменившего в закон: «аще согрешит брат твой, иди, обличи его. Аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего» (Мф.18:15)» (Кр. 178).

234. Потому или сам врачуй брата, или когда не можешь, скажи о том настоятелю. «Всякий грех должен быть открываем настоятелю или самим согрешившим, или узнавшими о грехе, когда сами они не могут уврачевать его по заповеди Господней» (Мф.18:15). Ибо грех умолчанным есть гнойный вред в душе. Как благодетелем называем не того, кто закрыв рану оставляет вредоносное заключенным в теле, но того, кто болезненными средствами и надрезываниями вызывает то наружу, или посредством рвоты исторгает вредившее, или вообще чрез обнаружение болезни делает и способ излечения известным; так очевидно скрывать грех значит готовить больному смерть; ибо сказано: «жало смерти – грех» (1Кор.15:56), лучше же «обличения откровенна тайные любви» (Притч.27:5). Поэтому не закрывай грехов у другого, чтобы из братолюбца не сделаться братоубийцей. Не закрывай и у себя самого. Ибо сказано: «не исцеляяй себе во своих делах, брат есть погубляющему себе самого» (Притч.18:9)» (Пр. 46).

235. «Что не должно молчать, когда другие грешат, сие видно из повеления Господа, сказавшего в Ветхом Завете: «обличением да обличити ближнего твоего, и не приимеши ради его греха» (Лев.19:17); и в Евангелии: «аще согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его», – и проч. (Мф.18:15–17). Тоже показал Апостол, сначала укорив Коринфян: «почему не паче плачете да измется от среды вас содеявый дело сие» (1Кор.5:2); а потом, когда они исправились, похвалив их: «се бо сие самое, еже по Бозе оскорбитися, колико со дела в вас тщание», – и пр. (2Кор.7:11)» (Кр. 47).

236. Такого рода действование не подходит под то запрещение, которое наложил Господь: «не судите, да не

судими будете» (Мф.7:1). поскольку Господь иногда говорит: не судите, а иногда повелевает: «праведный суд судите» (Ин.7:24); то не вовсе запрещается нам судить, а показывается различие суда. А о чем надобно, и о чем не надобно нам судить, ясно предал нам Апостол, когда в рассуждении того, что в воле каждого и с точностию не определено в Писании, говорит: «ты же почто осуждаеши брата твоего» (Рим.14:10)? и еще: «не ктому убо друг друга осуждаем» (--13); а в рассуждении того, что неугодно Богу, осуждает не осуждающих, и сам от себя произносит суд над согрешившим (1Кор.5:3–5). Поэтому, если что в нашей воле, или нередко еще и неизвестно, за то не надобно осуждать брата, по сказанному у Апостола о том, чего не знаем: «темже прежде времени ничтоже судите, дондеже приидет Господь, Иже во свете приведет тайная тмы и объявит советы сердечные» (1Кор.4:5). Но неотъемлемая необходимость – защищать суды Божии, чтоб умалчивающему самому не вкусить гнева Божия, разве кто, делая то же, что и обвиняемый, не посмеет осудить брата, слыша Господа, Который говорит: «изми первее бревно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего» (Мф.7:5) (Кр. 164).

237. Надлежит только делать это в духе братской любви, как уже указано, и по ревности Божией, а не по какой-либо страсти. – Это правило оговаривают и показывают, относительно первого, как узнать, ревностию ли Божиею кто подвигнуть против согрешающего брата, говоря: «Если при виде всякого греха ощущает кто в себе написанное: «истаяла мя есть ревность Твоя: яко забыша словеса Твоя врази мои» (Пс.118:139); то сие – явная ревность Божия. А если не было в душе сего расположения, и не им приведена она в движение, то как движение ее беспорядочно, так и цель благочестия ни мало не сохраняется» (Кр. 165).

238. Указывается в них также признак и того, из сострадания ли к брату обличает кто грех его? – Это узнается «во-первых, по преимущественным признакам сострадания, согласно с сказанным у Апостола: «аще страждет един уд, с ним страждут вси уди» (1Кор.12:26); и: «кто соблазняется, и аз не разжизаюся» (2Кор.11:29). – А потом надобно смотреть,

одинаково ли сокрушается о всяком грехе он, одинаково ли скорбит и плачет о всяком грешнике, и в обличении не искажает ли того способа, какой предан от Господа?» – (Кр. 182).

239. Того же, кто обличает согрешающего не из желания исправить брата, но по страсти отмстить за себя, правила предписывают самого исправлять. «Если после многократных увещаний, остается он в том же недуге, то признав его самолюбивым и страждущим любоначалием, надлежит прилагать к нему способ исправления по науке благочестия (по установившимся порядкам). Если останется он в грехе, то известен суд на нераскаянных (т. е. отсечение от общества)» (Кр. 73).

240. «Если обиженный кем-нибудь, по терпению и незлобию, никому не сообщит о сем, но, по-видимому, предоставляет суд Богу; то угодно ли Господу поступает он в этом? поскольку Господь сказал в одном месте: «отпускайте, аще что имате на кого» (Мр.11:25), а в другом месте: «аще согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его», – и проч. (Мф.18:15–17), то надобно показать плод терпения, с истинным расположением принося Богу молитву об обидевшем, говоря: «Господи, не постави ему греха» (Деян.7:60), чтобы гневаясь на брата своего, не стать повинным суду; а также должно сделать обидевшему увещание и обличение, чтобы и он освободился от гнева, грядущего на сынов непокорных. А если кто вознерадит, и именно по собственному своему терпению смолчит, то согрешит он сугубым грехом, как потому, что сам преступает заповедь, которая говорит: «обличением да обличити ближнего твоего, и не примешь ради его греха» (Лев.19:17), и вследствие своего молчания делается сообщником согрешающего, так и потому, что оставляет погибать во зле человека, которого чрез обличение, может быть, в состоянии бы он был приобрести, как и Господь сие повелел» (Кр. 232).

241. «Какое расположение иметь нам к нераскаянному грешнику? – Какое велел иметь Господь, сказав: «аще же и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь» (Мф.18:17), и какому научил Апостол, написав: «отлучатися вам

от всякого брата бесчинно ходяща, а не по преданию, еже
прияша от нас» (2Сол.3:6)» (Кр. 9).

д) Опасение – соблазнить кого из братий

242. Ревнуя об исправлении погрешностей другого, самому надо жить так, чтоб не соблазнить кого нарушением заповеди, или неразумным употреблением того, что оставлено нам на свободу.

«Поелику Господь наш Иисус Христос говорит: «уне есть ему, да обесится жернов осельский на выи его, и ввержен будет в море, неже да соблазнит от малых сих единого» (Мф.18:6; Лк.17:2): то надобно всячески остерегаться от соблазнения других, чтобы не пало на нас столь страшное осуждение. – Соблазняет, кто преступает закон словом или делом, и другого вводит в беззаконие, как змий Еву, и Ева Адама; или кто препятствует исполнять волю Божию, как Петр Господу, сказав: «милосерд Ты, Господи, не имать быти Тебе сие»; – за что услышал: «иди за мною, сатано, соблазн Ми еси, яко не мыслиши, яже Божия, но человеческая» (Мф.16:22–23); или кто наводит мысли помощного на что либо запрещенное, по написанному Апостолом, который сказал: «аще кто видит тя, имуща разум, в требищи возлежаща, не совесть ли его немощна сущи созиждется идоложертвенная ясти?» И присовокупляет: «темже, аще брашно соблазняет брата моего, не имам ясти мяса во веки, да не соблазню брата моего» (1Кор.8:10,13). Но бывает, что соблазняющийся соблазняется и тем, когда кто исполняет заповедь Божию, или без опасения пользуется тем, что в его воле. Поэтому, когда люди претыкаются о что-нибудь сделанное или сказанное по заповеди, и соблазняются этим, как, по свидетельству Евангелия, некоторые соблазнялись тем, что Господь делал и говорил по воле Отца, тогда надобно припомнить ответ о таковых Господа, когда пришедшие ученики сказали Ему: Веси ли, яко фарисее слышавше слово соблазнишася? И Он отвечал им: «всяк сад, егоже не насади Отец Мой Небесный, искоренится. Оставьте их: вожди суть слепи слепцом: слепец же слепца аще водит, оба в яму впадут» (Мф.15:12–14). И много подобного сему можно найти в Евангелиях и у Апостола. Когда же претывается кто, или

соблазняется тем, что в нашей воле, тогда должно привести себе на память слова Господа, сказавшего Петру: «убо свободии суть сынове: но да не соблазним их, шед на море, верзи удицу, и, юже прежде имеши рыбу, возми, и отверз уста ей, обрящеши статир: той взем, даждь им за Мя и за ся» (Мф.17:26,27); и также написанное Апостолом: «добро не ясти мяс, ниже пити вина, ни о немже брат твой претыкается, или соблазняется, или изнемогает» (Рим.14:21). А как страшно, в рассуждении того, что по-видимому в нашей воле, пренебрегать, что брат соблазняется тем, сие показывает повеление Господа, Который вообще запрещает всякий вид соблазна, и говорит: «блюдайте, да не презрите единого от малых сих: глаголю бо вам, яко ангелы их выну видят лице Отца Моего Небесного» (Мф.18:10). Но и Апостол свидетельствует в одном месте, говоря: «но сие паче судите, еже не полагати претыкания брату или соблазна» (Рим.14:13); и в другом месте обильнее распространяясь и сильнее запрещая сие непозволительное дело, говорит: – «согрешающе в братию, и бьюще совесть их немощну сушу, во Христа согрешаете» (1Кор.8:12). – Когда же доказано, сколько страшно соблазнять брата тем, что в нашей воле; что сказать о соблазняющих тем, что делают и говорят запрещенное? И особенно, когда соблазняющий или оказывается имеющим в преизбытке ведение, или принадлежащим к священной степени? Таковой обязан служить для других, как бы правилом и образцом, и если пренебрег хоть малым чем из написанного, или сделал что запрещенное или не выполнил предписанного, или вообще умолчал о чем подобном, за сие одно подлежит такому суду, что, как сказано: «кровь согрешающего от руки его взыщется» (Иезек.3:18)» (Кр. 64).

е) Бегать всякого разлада, – не оскорблять и не оскорбляться

243. В многолюдстве невозможно не быть столкновениям. Это, однакож, никого не увольняет от обязанности блюсти сердечный мир со всеми. Правила строгий произносят суд на тех братьев, которые доходят до ссор и остаются в разладе: таковые, говорят, не принадлежат к братству.

«Поелику Господь сказал: «даждь, Отче, да якоже Аз и Ты едино есмы, и тии в нас едино будут» (Ин.17:21–22), и Апостол написал: «единодушии, единомудренни» (Фил.2:2), и в Деяниях повествуется, что «народу веровавшу бе сердце и душа едина» (Деян.4:32); то ссорящиеся не принадлежат к числу тех, о коих сие сказано» (Кр. 183).

244. И вообще для братьев поставлено законом, чтобы «ничто в них не было признаком гнева или памятозлобия; ни вид, ни движение, ни слово, ни пристальный взгляд, ни расположение лица, или что еще обыкновенно возбуждает к гневу живущих вместе с другими. Если же кто впадет во что-либо подобное, то к извинению прегрешения, в каком он пребывает недостаточно того, что сам он протерпел прежде нечто оскорбительное; потому что худое в какое бы время ни отваживались на него, равно худо» (Стр. 76, 77).

245. На случай возникающих неудовольствий и оскорблений вот какие предлагались составителю правил вопросы:

«Если брат оскорбит брата, то как должно исправлять его? – Если оскорбил он как Апостол, который сказал: «оскорбесте по Бозе, да ни в чемже отщтитесь от нас» (2Кор.7:9); то не оскорбивший имеет нужду в исправлении, но оскорбленный должен показать в себе свойства печали по Бозе (--10). – Если же оскорбил в том, что само по себе безразлично, то пусть оскорбивший припомнит, что сказал Апостол: «аще брашна ради брат твой скорбит, уже не по любви ходиши» (Рим.14:15), и познав таковой грех, пусть исполнит сказанное Господом: «аще принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и шед,

прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед, принеси дар твой» (Мф.5:23–24)» (Кр. 40).

246. «А если оскорбивший не соглашается принести извинение? – Должны мы исполнить над ним то же, что сказал Господь о согрешившем и непокаявшемся: «аще и церковь прослушает, буди тебе якоже язычник и мытарь» (Мф.18:17)» (Кр. 41).

247. «А если, когда оскорбивший приносит извинение, оскорбленный не захочет примириться? – Господень суд на такового ясно изображен в притче о рабе, который, умиляемый клеветом, не захотел потерпеть. Видевше же, сказано, клеветы бывшая, сказала господину своему. Господь же прогневался, лишил его Своей милости, и продаде его мучителем, дондеже воздаст долг (Мф.18:31–34)» (Кр. 42).

248. Неудовольствия и разлады всегда происходят от движений гнева; потому, как средство к избежанию первых, правила предписывают подавления последнего.

«Слова Апостола: «гневайтесь и не согрешайте: солнце да не зайдет в гневе вашем», – и следующие после того: «всяка горесть, и ярость, и гнев да возмется от вас» (Еф.4:26,31), – надобно понимать, как слова Господа, Который сначала привел, что речено бысть древним, а потом присовокупил: «Аз же глаголю вам сие» (Мф.5:21–22). Так и Апостол здесь, сперва упомянув о древнем изречении, сказанном жившим тогда: «гневайтесь и не согрешайте» (Пс.4:5), вскоре потом и от себя присовокупляет, что нам прилично, сказав: всяка горесть, и гнев, и ярость, и клич да возмется от вас» (Кр. 243).

249. «Когда Апостол говорит: «укоряеми благословляем, хулим и утешаемся» (1Кор.4:12–13), то учит нас своим примером сохранять незлобие ко всем, и поступающим с нами лукаво воздавать добром, так, чтобы соблюдалось подобное сему не в рассуждении только укоряющего, но и в рассуждении всякого поступающего лукаво во исполнение сказанного: не побежден бывай злом, но побеждай благим злое (Рим.12:21)» (Кр. 226).

250. Средством к подавлению гнева могущественнейшим почитается – память о Боге, всевидящем и вездесущем.

«Каким образом можно не приходить в гнев? – Если всегда будешь в той мысли, что ты пред очами Зрителя Бога и близ тебя Сущего Господа. Ибо какой подданный в глазах государя отважится на что-нибудь ему неугодное?» (Кр. 29). «А если и взор человека, по природе с нами равно- честного, по превосходству его сана удерживает от страсти; то не тем ли паче удержится тот, кто несомненно уверен, что Бога имеет зрителем собственных своих движений; потому что Бог, испытующий сердца и утробы, гораздо больше видит душевные движения, нежели человек изменения в лице» (Кр. 127).

251. Второе к тому средство – не искать преобладания и не ожидать, чтобы все было по нашей воле.

«Не будешь приходить в гнев также и тогда, если не будешь ожидать повиновения от других, но сам будешь готов к повиновению, почитая всех высшими себя. Ибо если кто требует повиновения для своей пользы, то пусть знает, что слово Господне учит, чтобы каждый служивал другим. А если взыскивает за преслушание Господней заповеди, то потребны ему не гнев, а милосердие и сострадание, чтобы поступить подобно сказавшему: «кто изнемогает, и не изнемогаю» (2Кор.11:29)» (Кр. 29).

ж) Не искать чести, предпочтений, начальства

252. Наибольшая часть неудовольствий имеет причину в том, что ласкают помыслы о предпочтении и преимуществах. От этого один видит излишние притязания и оскорбляется, а другой полагает, что не отдастся ему должное и начинает питать неудовольствие. Отсюда множество нестроений зарождается среди братьев. Вот как изобличается сие в правилах!

«Ни мало не должно подвижнику домогаться предпочтений. Ибо это диавольский недуг и порок любоначалия, служащий признаком самого высшего лукавства в диаволе. И он, увлекшись сею страстью, впал в гордость: и кем обладает сия страсть, тот болезнует наравне с диаволом. Сверх того, страсть сия плененных ею делает завистливыми, упорными, ласкателями, обвинителями, клеветниками, злокозненными, унижающимися сверх должного, раболепными, высокомерными и исполненными тысячей беспорядков. Ибо такой человек завидует достойным и клеветает на них, а нередко желает им смерти, чтобы при недостатке способных к делу, голоса дошли и до него. Он будет ласкательствовать тем, в чьей воле подать избирательный голос, и поэтому сделается раболепным; но будет дерзок против низших, если станут противиться и поэтому начнет сплетать козни; у него будут тысячи смущений и подозрений, душевная тишина разрушится, и Бог мира, не находя места, где упокоиться, оставит его. Посему, зная такой вред, будем избегать неприличного пожелания. Если же кого Бог определит на подобное служение, то он, как благоискусный, знает, как и сделать его достойным; а мы должны сознавать в себе, что не домогались ничего подобного, и вовсе не имеем такого желания в душе. Ибо и желание это есть самая тяжкая болезнь в душе, и отпадение от добра» (Уст. 9).

253. Почему предписывают не домогаться почестей и отличий. Так на вопрос: должно ли искать чести: – отвечается:

««Мы научены воздавать честь, ему же честь» (Рим.13:7), а искать чести нам запрещено; потому что Господь сказал: «как вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы,

яже от Единого Бога, не ищите» (Ин.5:44)? Посему искать чести и славы от людей есть доказательство неверия и отчуждения от богочестия; так как Апостол сказал: «аще бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был» (Галат.1:10). А если так осуждаются те, которые приемлют честь и славу, воздаваемую людьми; то несказанно более осуждение тех, которые сами ищут славы не возданной» (Кр. 36).

254. Пространнее объясняют неуместность сего уставы подвижнические в 24 главе.

«Почестей нисколько не должно домогаться подвижнику. Ибо если за труды и заслуги ищет он воздаяний здесь, то жалок тем, что чрез временное вознаграждение теряет вечное. Если же вознамерился он подвизаться здесь, а венцы получать на небе, то должен не только сам не домогаться почестей, но бегать и отказываться от тех, какие ему воздают, чтобы здешняя почесть не послужила к умалению тамошней славы. Ибо настоящая жизнь вся предоставлена трудам и подвигам, а будущая – венцам и наградам; как и великий Павел, приближаясь к окончанию здешней жизни и к переселению в жизнь тамошнюю, говорит: «подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох: прочее соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь, не здесь, но в день он, праведный Судия» (2Тим.4:7–8). И еще Спаситель говорит: «в мире сем скорбни будете» (Ин.16:33); и опять тот же Апостол говорит: «многими скорбми подобает нам внити в Царствие Небесное» (Деян.14:22)».

«Поэтому, если хочешь царствовать в будущем веке, то ищи здесь не упокоения, не почести, а напротив того, если в настоящее время и скорби потерпишь за слово, т. е. за истину, знай, что в последствии будешь царствовать. Ибо сия награда определена за здешнюю скорбь, подъятую ради доброго. Если не терпишь скорбей, то не ожидай тамошних венцев, как не выходивший здесь на подвиги и труды, какие назначены для получения венцев. – Посему подвижник, ни мало не домогайся почестей и предпочтения другим. Ибо «всяк возносяся смирится: и смиряяся вознесется» (Лк.14:11). Если подвижник будет возноситься, то есть у него тяжкий и сильный Смотритель,

Который может низвести до ада. Если же будет смиряться, то блистательно и величественно будет вознесен; потому что Бог собственною силою возвышает смиренного. Итак, подвижник, жди Того, Кто прекрасно возвышает, и никак не малодушествуй ради настоящего. Ибо ты борец и делатель Христов, условившийся целый день провести в борьбе и претерпеть зной целого дня. Почему же не исполнив еще меры дня, домогаешься упокоения? Дождись вечера, предела здешней жизни, и тогда домовладыка придет и отсчитает тебе плату. Ибо вечеру бывшу сказал господин винограда к приставнику своему: «призови делатели, и даждь им мзду» (Мф.20:8), а не в полдень, не при начале найма. Посему жди предела жизни, и тогда достойно примешь награду; теперь же занимай последнее место, чтобы тогда получить первое» (Уст. 24).

255. Прекрасным побуждением к тому выставляется сознание равночестия природы нашей в примере детей, когда решается вопрос: «в чем должно состоять обращение наше и уподобление детям (Мф.18:3)?»

«Сему поучает нас то же место Евангелия, объясняя случай, по которому сие сказано, и именно, чтобы не искать предпочтения, но знать равночестность природы, и любить сие равночестие в отношении к тем, которые по-видимому, в ином ниже. Ибо таковы в отношении друг к другу и дети, еще не навывки порочности обращающихся с ними» (Кр. 216).

256. Как приобрести навык – не искать предпочтения, указывается в ответе на вопрос: «как узнается гордый и чем врачуется? – Узнается потому, что домогается предпочтения. А врачуется, если будет верить суду сказавшего: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» (Иак.4:6). Впрочем надобно знать, что хотя убоится кто суда, произнесенного на гордость, однако же не может исцелиться от сей страсти, если не оставит всех привычек к предпочтению, как невозможно разучиться какому-нибудь языку, или искусству, не перестав совершенно, не только делать, или говорить что-нибудь относящееся к этому искусству, но и слушать говорящих и видеть делающих. Сие же надобно наблюдать и в рассуждении всякого порока» (Кр. 35).

257. Подобное сему внушается и в ответе на вопрос: «что такое смиренномудрие, и как оное приобрести нам?»

«Смиренномудрие состоит в том, чтобы всех почитать превосходнейшими себя самого. Приобретает же оное человек, если во первых будет помнить заповедь Господа, сказавшего: «научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем» (Мф.11:29), что Господь во многих случаях и многими способами показал и преподал, – а также будет верить ему, дававшему обетование, что «смирняяйся вознесется» (Лк.14:11), – сверх же того будет равно во всяком деле и непрерывно изучать правила смиренномудрия и в них упражняться. Ибо таким образом, при непрестанном обучении, едва в состоянии будет утвердить в себе навык к смиренномудрию, как обыкновенно бывает и в искусствах. Но тот же способ для приобретения и всякой добродетели, требуемой по заповеди Господа нашего Иисуса Христа» (Кр. 198).

3) Употребление слова

258. Самый широкий и всеобъемлющий способ соотношения братий есть слово. Правила дают пространные относительно употребления его наставления.

«Употребление слова да будет благовременно и произношение оно на пользу. Полезно же бывает при времени беседовать о добродетели, и вести речь или по настоятельной и неминуемой нужде, или сообщая для созидания слушателей, а прочих речей, как излишних и бесполезных избегать» (Уст. 71).

259. «Неполезное слово и безвременное рассеяние себя беседою с другими да будут запрещены. Напротив того, если что полезно к назиданию души, то о сем только и надобно говорить; да и о самом полезном должны говорить благочинно, в приличное время, и те только лица, которым дозволено говорить. А кто низший, тот дожидается дозволения от высшего. Шептания же, собеседования на ухо, знаки, подаваемые мановениями, – все это да будет изгнано; потому что шептание заставляет подозревать в злословии, а знаки чрез помавание служат доказательством брату, что скрывают от него какой-нибудь худой умысел. Все же это бывает началом ненависти и подозрения. Когда же необходим будет взаимный о чем-либо разговор, тогда меру голоса должна определить самая потребность, и с тем, кто близко, надобно разговаривать тихим голосом, а говоря с тем, кто вдали, надобно возвысить голос. Но чтобы советуемый кому, или дающий о чем приказание употреблял голос громкий и грозный – сего, как оскорбительного, да не бывает в обществе» (Стр. 82).

260. «Не подставляй ушей всякому разглагольствующему, и не отвечай всякому говоруну в беседах, не соответственных цели подвижничества. Будь слушателем добрых поучений, и в размышлении о них храни свое сердце. Береги свой слух от мирских рассказов, чтоб не замарать души брызгами грязи. Не старайся вслушиваться, что говорят другие, и не вкладывай головы своей в середину беседующих, чтобы и самому тебе не быть осмеянным и их не сделать злоречивыми. Не будь

любопытен и не все желай видеть, чтобы не удержать тебе в сердце своем гноя страстей... С пользою смотри, с пользою слушай, с пользою говори, с пользою отвечай» (Стр. 58).

261. «Спрошенный отвечай пристойным и смиренным голосом, а не спрошенный – храни молчание. Когда спрашивают другого, сожми уста свои, чтобы не прорвался у тебя язык, понуждаемый опрометчивым сердцем, не поразил кого из строгих в подвижничестве, и самого тебя не вверг в узы укоризн. – Если разговариваешь с низшим себя, или он тебя о чем спрашивает, давай ему ответы не с нерадением, не с презорством к брату в оскорбление Божие. Ибо «ругаяйся убогому, раздражает Сотворшего его» (Прит.17,5), говорит притча. Слово утешения да предшествует прочим речам твоим, подтверждая любовь твою к ближнему. Оно да предлагается в середине, и да исполняет собою весь разговор, продолжаемый тобою с светлым лицом, чтобы это веселило твоего собеседника» (Стр. 58, 59).

262. «Надобно воздерживаться от всякой шутливости, потому что с занимающимся чем-либо подобным, часто случается, что погрешают они против здравого разума, когда душа разливается смехом и теряет глубокомыслие и собранность ума. А нередко зло сие, возрастая постепенно, оканчивалось сквернословием и крайним бесчинием; столько-то несовместны между собою трезвенность души и изливание шутливости! Если же когда, чтобы дать себе некоторую ослабу, нужно разогнать угрюмость беседою; то да будет слово наше исполнено благодати и приправлено Евангельскою солью, чтобы оно изливало из себя благоухание внутренне мудрого домостроительства, и вдвойне увеселяло слушателя, и доставляя ему отдохновение и привлекая к себе благоразумием» (Уст. 12).

263. «Как допускать шутливость, так и смеяться вовсе не позволительно подвижающимся и Бога боящимся. поскольку Господь осуждает смеющихся ныне (Лк.6:25); то явно, что верному никогда нет времени для смеха, и особливо при таком множестве бесчествующих Бога преступлением закона

(Рим.2:23), и осужденных умереть во грехе, о которых надобно болезновать и плакать» (Кр. 31).

264. «И оставляемое многими без внимания для подвижников стоит не малой осторожности. Ибо предаваться неумержимому смеху – знак невоздержанности, необузданных движений, и не сокращаемого строгим разумом надмения в душе. Душевную радость изъяснить даже светлую улыбкою не противно приличию, поколику только делается это в оправдание написанного: «веселящуся сердцу, лице цветет» (Прит.15:13). Но смеяться громко, всем телом приходить в повольное сотрясение, свойственно человеку необузданному, неискусному, не умеющему владеть собою. И Екклесиаст, предотвращая такой род смеха, которым всего более сокрушается душевная твердость, говорит: «смеху рекох: погрешение» (–2:2); «яко глас терние под котлом, тако смех безумных» (– 7:7). – И Господь, хотя понес на Себе необходимые немощи плоти, и все, что служит свидетельством добродетели, например утомление и жалость к скорбящим, однако же, сколько видно из Евангельской истории, не смеялся, а напротив того «возвещал горе предающимся смеху» (Лк.6:25)» (Пр. 17).

265. «Всяка клятва да будет изгнана из общества подвижников; вместо же клятвы и говорящим, и слушающим да приемлется помавание головою, или согласие, подтвержденное словом. Если же кто не поверит простому подтверждению, то произнесет обличение собственной совести, что не достиг еще не лживости в слове, и за то настоятель включит его в число согрешивших, и уцеломудрит врачующим наказанием» (Стр. 77). «Лгать не надобно, даже имея в виду что-нибудь полезное. Сего не дозволяет сказанное Господом, Который решительно говорит, что «ложь от диавола» (Ин.8:44), не показывая никакого различия во лжи. И Апостол также свидетельствует, написав: «аще и подвизается кто, не венчается, аще не законно подвизатися будет» (2Тим.2:5)» (Кр. 76).

266. «И празднословие осуждается во всей шпроте слова сего. – Слово же праздное есть всякое слово, которое не клонится к предположенной о Господе потребе. И опасность подобного слова такова, что, если сказанное и хорошо, но не

направлено к созиданию веры, сказавший оное не приводит себя в безопасность добротой слова, но тем самым, что сказанное не к созиданию клонилось, оскорбляет Духа Божия. Ибо ясно научил сему Апостол, сказав: «всяко слово гнило да не исходит из уст ваших: но точию еже есть благо к созданию веры, да даст благодать слышащим» (Еф.4:29), и еще присовокупив: «и не оскорбляйте Духа Святого Божия, Имже знаменаетесь» (–30). Нужно ли же говорить, какое зло оскорбить Духа Святого и Божия?» – (Кр. 23).

267. А о том, что не должно злословить и клеветать, и говорить нечего. Правила и не говорят, а только определяют, что есть злословие и что клевета.

– «Всякое слово, сказанное с намерением обесчестить – есть злословие, хотя бы слово само по себе и не казалось укорительным. И сие видно из Евангелия, в котором сказано об Иудеях: «и укориша его и реша ему: ты ученик еси Того» (Ин.9:28)» (Кр. 24).

268. Вот определение и клеветы! – «Думаю, что есть два случая, в которых позволительно говорить о ком-нибудь дурное, именно: когда необходимо кому посоветоваться с другими опытными о том, как исправить согрешившего, и еще, когда бывает нужда предостеречь других, которые по неведению, могут быть нередко в сообществе с худым человеком, почитая его добрым. Тогда, как Апостол повелевает, «не примешаться таковым» (2Сол.3:14), чтобы не наложить как бы силков на свою душу. Так поступал и сам Апостол, как видим из того, что пишет к Тимофею: «Александр ковачь много ми зла сотвори: от негоже и ты себе блюди, зело бо противится словесем нашим» (2Тим.4:14–15). А кто без таковой необходимости говорит что-нибудь о другом, с намерением разгласить или очернить, тот клеветник, хотя бы говорил и правду» (Кр. 25).

269. «И кто клеветает на брата, и кто слушает клеветника, – оба достойны отлучения. Ибо сказало: «оклеветающего тай искреннего своего, сего изгонях» (Пс.100:5), и в другом месте: «не слушай с приятностью клеветующего, да не вознесешия» (Прит.20:13)» (Кр. 26).

270. «Если же кто будет худо говорить о настоятеле, то суд на него виден в гневе Божиим на Мариам, когда худо говорила она о Моисее. Греха ее Бог не оставил ненаказанным, хотя молился за нее сам Моисей» (Кр. 27).

12. Не должно отделяться от духовного братства (Уст. 21)

271. Надобно ясно увериться и в том, что однажды вступивший в союз и единение духовного братства не в праве уже разрывать сии узы и разлучаться с теми, с которыми стал соединен. Ибо, если вступившие между собою в связи по этой вещественной жизни часто не могут расходиться вопреки сделанным условиям, или поступающий так подпадает определенным за то взысканиям, то тем паче принявший на себя условия духовного сожителства, имеющего неразрывную и вечную связь, не в праве отделять и отторгать себя от тех, с которыми вступил в единение, или поступающий так подвергнет себя самым тяжким наказаниям свыше. Если женщина, которая вступила в сообщество с мужчиною и имеет с ним плотскую связь, как скоро обличена будет в неверности к нему, осуждается на смерть; то кольми паче делается виновным за свое отлучение тот, кто при свидетельстве и посредничестве самого Духа принят в духовное сообщество? – Посему как телесные члены, связанные между собою естественными узами, не могут отторгаться от тела, а если отторгнутся, то отторгнувшийся член делается мертвым: так и подвижник, принятый в братство и удерживаемый в нем счленением Духа, который крепче естественных уз, не имеет власти отделяться от тех, с которыми стал соединен; или, поступая так, он мертв душою и лишен благодати Духа, как обративший в ничто условия, заключенные при самом Духе.

272. «Если же кто скажет, что некоторые из братьев худы (конечно не обвинит он всех, потому что не для худого чего составили они общество, чтобы всем согласно быть худыми; поэтому, если скажет, что некоторые из братьев худы), без осторожности нарушают доброе, нерадят о благопристойности, не бегут о строгости, приличной подвижникам, и потому подобно с такими разлучаться; то придумал он недостаточное оправдание своего удаления, потому что ни Петр, ни Андрей, ни Иоанн не отторглись от прочего лика Апостолов за лукавство

Иуды, и никто другой из Апостолов не обратил сего в предлог к отступничеству и злонравие Иуды ни мало им не воспрепятствовало повиноваться Христу; напротив того, пребывая покорными наставлениям Господа, они ревновали о благочестии и добродетели, не совращаясь в лукавство Иуды. Таким образом, кто говорит: ради дурных братьев принужден я отделиться от духовного союза, – тот изобрел неблагоприятный предлог своему непостоянству; напротив того, сам он есть та каменистая земля, которая по непостоянству воли, не может возрастить в себе слова истины, но при малом приращении искушения, или от неудержимости страстей, не терпит целомудренного жития; и едва изникший стебель учения вскоре иссушается в нем зноем страстей. И он придумывает, по собственному убеждению, пустые и недостаточные предлоги к своему оправданию на суде Христовом и сам легко вводит в обман; потому что всего легче обмануть самого себя: ибо всякий бывает снисходительным к себе судьей, рассуждая, что приятное вместе с тем и полезно.

273. «Поэтому, да будет таковой осужден по суду самой истины, как послуживший для многих поводом к соблазнам, или худым примером, который всегда поощряет к соревнованию таким же несообразным поступкам, и как сделавшийся наследником возвещенного: горе. И: «уне есть ему, да обесится жернов осельский на выи его, и потонет в пучине морстей» (Мф.18:6). Ибо душа, как скоро привыкнет к отступничеству, наполняется сильною неводержанностью, любостыжательностью, ненасытностью, лживостью и всяким злонравием, и наконец погружаясь в крайнее зло, низвергается в бездну порока. Посему, кто стал путеводителем в подобных делах, тот пусть посмотрит в погибели скольких душ виновен он, между тем, как не в состоянии дать удовлетворительного отчета и за свою душу. Ибо почему таковой не подражает лучше великому Петру, и не служит для прочих примером твердой веры и постоянства в прекрасном, чтобы при воссиянии света добрых дел его, и живущие во тьме лукавства направили путь свой к лучшему? Потом и Ной праведный не сказал Богу: мне должно уйти из мира, потому что все лукавы; но лучше терпел

подвижнически и мужественно, и среди бездны лукавства соблюл необуреваемое благочестие, и никогда не мятежничал против Владыки, но терпением и постоянством и среди волн нечестия спас корабли благочестивой веры. И Лот, живший в Содоме среди нечестия, беззакония и бесчиния, сохранил добродетель неповрежденную, ни мало неуловленную никакими злыми наветами; но среди жителей, которые убивали странников, с великою наглостью и похотливостью поступали вопреки уставам природы, и сам сохранил святыню неоскверненную, и других, сколько можно было, приводил к ней, поучая доброму более делами, нежели словами. А ты выставляешь предлогом нерадение братий, или действительное, или тобою придуманное, сам замышляя отступничество, подмениваясь уничтожить Святого Духа, и клевету на братий обращать в завесу собственного своего лукавства и лени трудиться для добродетели.

274. «Посему таковой, уцеломудрившись сими примерами, да возлюбит согласие Духа, в какое привел себя с первых минут небесного рождения. Ибо если одному из перстов на руке случится потерпеть что-нибудь болезненное, другой перст не будет усиливаться, чтобы и его также отсекали, но сперва постарается избежать боли отсечения, а потом будет столько тверд, чтобы заменить собою телу потребность подвергшегося опасности перста, и чтобы руке, лишенной естественных своих ветвей, не дать вовсе утратить свойственное и прирожденное ей украшение. Посему примени этот пример к подвижнику, и смотри сколько скорби и замешательства причиняет он душам чувствительным своим отсечением, и как себя самого делает мертвым и непричастным жизни.

275. «А что наставник не захочет обучаемого им вводить в порок, в каком случае худое руководство учителя послужило бы ученику предлогом к удалению и отступлению, это, если угодно, рассмотрим так: Что такое отец? Что такое учитель? Тот и другой образует детей для подвигов: один сыну, другой ученику старается желать и советовать лучшее. Ибо отцам естественно желать, чтобы дети их сделались самыми хорошими, благоразумными, благонравными и скромными, чтобы и детям

иметь добрую о себе славу, и отцам приобрести более именитости, когда им воспишутся и добрые качества детей. А обучающие телесным упражнениям стараются упражняемых ими сделать самыми сильными и ловкими, чтобы при силе и опытности совершив искусный подвиг, оказались они славными победителями противоборцев, и чтобы по всем правилам производимая им борьба обратилась в явную похвалу наставникам. И всякому, вознамерившемуся учить, естественно желать, чтобы ученики дошли до самого точного уразумения уроков. Итак, поскольку в отцах природа следует сему закону; то как же наставнику святой жизни не пожелать, чтобы обучаемый им оказался самым непорочным и целомудренным в духовной мудрости, когда при том ясно он знает, что, если ученик сделается таким, и у людей будет он славен, и от Христа получит он светлые венцы за то, что служителей, или лучше сказать, братьев Его, потому что Христос употреблял и сие наименование (Мф.12:49), своею попечительностью соделал достойными единения со Христом? Посмотрим и с другой стороны. Если ученик от его руководства сделается худ, то наставнику будет безутешный стыд на всемирном собрании во время суда, и на всеобщем небесном соборе будет он не только постыжден, но и наказан. Поэтому, как возможно, чтобы наставник не пожелал своему слушателю сделаться благонравным и скромным? Да и в другом отношении бесполезна учителю порочность ученика. поскольку оба они вознамерились жить друг с другом: то плоды того порока, который примет в себе ученик, прежде всего сообщит он учителю, как ядовитые пресмыкающиеся прежде всего изливают яд свой на тех, кто отогрел их. А таким образом и из свойства дела, и из того, что полезно руководителю, – из всего явствует, что он пожелает и всемерно постарается соделать своего воспитанника скромным и благонравным. Ибо, если бы он был наставником и в грехе и лукавстве, то, конечно, постарался бы упражняемых им привести к этому концу. Если же он учитель добродетели и справедливости, то захочет, как думаю, чтобы обучаемый достиг конца непротивного собственным его стараниям».

276. «Посему у хотящего удалиться из духовного общества отнят всякий благовидный предлог. Оказалось же, что причиной подобной мысли в нем – есть неудержимость страстей, нерадение о трудах, неосновательность и нетвердость суждений. Он не слышал сказанного Пророком Давидом: «Блажени хранящие суд» (Пс.105:3), – хранящие, а не разоряющие. Эти люди подобны уродливым, которые основание духовного здания положили на песце, т. е. на нетвердой воле, и это здание небольшой дождь искушений и малый поток нашествий лукавого, увлекши его опору, разрушают и размывают (Мф.7:26–27)» (Уст. 21; подобное нечто в 36 прав. из Пространных).

277. «Оставляющего братство по какой бы то ни было причине надобно, или не надобно удерживать увещанием? И если надобно, то как?»

«Поелику Господь сказал: «грядущего ко Мне не иждену вон» (Ин.6:37); и еще: «не требуют здравии врача, но болящие; и в другом месте: кий от вас имый сто овец, аще заблудит едина от них, не оставит ли девять десять и девять, и шед ищет заблудшие, дónдеже обрящет ю?» (Мф.18:12; Лк.15:4); то надобно всеми способами врачевать болящего и стараться, что бы вывихнутый, скажу так, член снова вправить. Если же кто закосневает в каком бы то ни было пороке; то надобно оставить его, как чуждого, ибо написано: «всяк сад, егоже не насади Отец Мой Небесный, искоренится. Оставьте их: суть слепи» (Мф.15:13–14)» – (Кр. 102).

278. Другое дело, когда кто, укрепившись в иночестве среди братства, и навывши побеждать страсти, желает отойти на уединение, чтобы в безмолвии всегда пребывать с Единым Богом. Таковому не запрещает удалиться св. Василий Великий, только внушает не делать этого по своей воле. Вот ответ его на вопрос – отделять ли таких?

«Поелику Господь неоднократно говорит: «Сын не творит о Себе ничесоже» (Ин.5:19), и: «яко снидох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшего Мя Отца» (Ин.6:38); и Апостол свидетельствует, что «плоть похотствует на духа; дух же на плоть; сия же друг другу противятся, да не яже хотим, сия

творим» (Гал.5:17); то все избираемое по собственной воле чуждо благочестивых» (Кр. 74).

13) Относительно выходов и отлучек из монастыря

279. «Сколько от тебя зависит уклоняться от всякого выхода в общество, избегая излишней сердца своего. Вышел ты из келлии? – оставляешь уже воздержанность, принимаешь взором на мир, встречаешь жену блудницу, которая, очаровав твой слух раздражительными словами, твои взоры – красотою лица, твой вкус – лакомыми яствами, как бы на уде, приведет к себе, и таким образом ослабив в тебе постоянство любви к воздержанию, развратит собою. А если при помощи Божией и избежешь избежать ее сетей, то хотя возвратишься в келию, однако уже не таким, каким вышел, но расслабленным и болезненным, не расположенным ни к какому добродетельному делу, и только по истечении долгого времени способным возвратиться к свойственному тебе навыку. Тебя будет беспокоить в помыслах желание той и другой жизни; и со многим только трудом в состоянии будешь возвратить победу душе» (Стр. 53).

280. «Настоятель обители имеет власть по усмотрению позволять необходимые выходы, а кому полезно, приказывать заниматься домашними делами и оставаться дома. Ибо нередко в юном теле, при всем усилии изнурять его воздержанием, никак не увядает добродетельность возраста, и для встречных делается сие поводом к страсти. Поэтому, если кто по цвету тела представляется молодым, то да не показывает такого благообразия, скрывая до тех пор, пока наружность не придет в приличное состояние» (Стр. 76).

281. «Отлучка пусть допускается тому, кто может совершить странствование без вреда для души своей, и с пользою для встречающихся с ним. Если же нет к сему способного, то при недостатке необходимых потребностей, лучше перенести всякую скорбь и тесноту даже до смерти, нежели для телесного утешения опустить из виду несомненный вред. «Добрее мне паче умереть», говорит Апостол, «нежели похвалу мою кто да испразднит» (1Кор.9:15). И это говорит о том, что в нашей воле; что же сказать о том, что делается по заповеди?» (Пр. 44).

282. «Без позволения настоятеля никому никуда не должно отлучаться. Ибо, когда Господь говорит о Себе: «о Себе не приидох, и Той Мя посла» (Ин.7:28–29); то не тем ли паче каждый из нас не должен давать себе воли? Ибо кто дает себе волю, тот явно страдает высокоумрием, и подлежит суду Господа, Который сказал: «еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом» (Лк.16:15). И вообще давать себе волю предосудительно» (Кр. 120).

283. «Если случится тебе по какому-нибудь обстоятельству выйти из келии, то облекшись в броню страха Божия, вооружившись любовью Христовою и воздержанием во всем отразив вторжение самолюбия, тотчас по исправлении нужды, иди назад, нимало не замедляя, но на быстрых крылах возвращаясь, подобно невинной голубице спасаясь в ковчег, из которого ты послан и неся в устах милости Христовы, и таким образом убеждая внутренние свои помыслы, что на всяком другом месте не доступно для тебя спасительное успокоение» (Стр. 54).

284. «Не надобно под предлогом посещения братий и свидания с ними, делать частых отлучек. Ибо и это есть одно из диавольских примышлений; потому что враг подобными способами пытается расстроить наше постоянство и благочиние в жизни, ввергнув нас в сластолюбие и различные расстройства помыслов. Но надобно в безмолвии беседовать с самим собою, рассматривать и исправлять душевные прегрешения. Ибо недавно оставивший мир, по собственному расположению, достоин похвалы, за склонность к добру, но не приобрел еще совершенства добродетелей: не редко же бывает, что он и не думал еще, каким образом выполнить требуемое им. Напротив того ему нужно в безмолвии, вникая в себя самого, усматривать беспорядочные стремления и движения души, мужественно им противоборствовать и исправлять беспорядки добрыми помыслами; потому что порядок в душе есть знак добродетели. Поэтому кто всегда в отлучках, переходит с места на место, непрестанно расстраивает и рассеивает внимательность и собранность души, и постепенно привыкает обращать взор на телесные удовольствия, тот будет ли в состоянии заглядывать в

самого себя, или узнавать, что в душе нехорошо, или приводить это в устройство сообразно с долгом, пока еще раздражает душу к страстным расположениям? – Посему надобно больше пребывать в безмолвии, и каждому терпеливо оставаться в своем убежище, чтобы это свидетельствовало о постоянстве нравов, хотя и не жить в совершенном затворе, но с добрым дерзновением делать необходимые выходы, за которые не мало не зазирает совесть, и навещать из братий лучших и полезнейших по строгости жития, заимствуя для себя, при полезном свидании, образцы добродетелей, и соблюдая в выходах своих, как сказали мы, умеренность и неукоризненность. Ибо часто выход рассеивает уныние, родившееся в душе, и, дав как бы несколько укрепиться и отдохнуть, доставляет возможность вновь с усердием приступить к подвигам благочестия. А если кто много думает о том, что не выходит из своей хижины, пусть он знает, что надмевается пустым делом. Ибо не выходить из дому не есть еще само по себе прекрасное дело, и выходы по временам не сделают человека хорошим, или худым. Но твердое и непоколебимое суждение о хорошем или наоборот переменчивость в суждениях делают человека добрым или негодным. Если же кто укоренил в душе прекрасное и долговременным подвижничеством приобрел опытность в управлении страстями, и укротил в себе телесные порывы к невоздержанию, обуздав душевные беспорядки и надеясь на узду рассудка, намерен нередко выходить для назидания и посещения братий то подобного человека и Писание еще более поощряет к исхождению, чтобы поставив светильник на свещнице, всем подавал он свет прекрасного руководства, если только надеется, что встречающимся с ним и в слове и в деле послужит училищем добродетели, и таким образом приведет себя в безопасность, по сказанному Апостолом: «да не како иным проповедуя, сам неключим буду» (1Кор.9:27)» (Уст. 7).

285. Подобное наставление дается и в ответе на вопрос: «надобно ли ходить на посещение тех, которые просят о том? – Посещать – дело угодное Богу. Но посетитель должен быть благоразумным слушателем и мудрым на ответы, исполняя

сказанное: «слово ваше да бывает всегда во благодати, солию растворено, ведети, како подобает единому комуждо отвещавати» (Кол.4:6). Делать же посещения по родству, или по дружбе – противно нашему обету» (Кр. 311).

286. «По возвращении отлучившегося надобно испытать его, что он делал, с какими людьми имел встречи, какие вел с ними разговоры, какие в душе его были помыслы, целый ли день и целую ли ночь проводил в страхе Божиим, не погрешил ли в чем, не нарушил ли какого правила, и если нарушил, то принужденный ли внешними обстоятельствами, или доведенный собственною беспечностью? И что исполнено правильно, то надобно подтвердить одобрением; а в чем допущена погрешность, то исправить тщательным и благоразумным наставлением. В таком случае отлучающиеся будут осторожнее, озабоченные необходимостью дать отчет: да и о нас не подумают, что нерадели об их жизни во время отлучки. А что в обычае было у Святых, о том передает история в книге Деяний, повествуя, что Петр, по возвращении своем в Иерусалим, давал отчет тамошним христианам о своем общении с язычниками (Деян.11:5), а также Павел и Варнава, возвратясь и собрав церковь, возвестили, елика сотвори Бог с ними; и потом «умолча все множество, и послушаху Варнавы и Павла, поведаяща, елика сотвори Бог» (Деян.15:12)» (Пр. 44).

14. Не без осторожности входит в сношение с сторонними, особенно с женщинами

287. «Кто живет по Богу, у того много наветников, и нередко самые близкие к нему подсматривают за его жизнью. Поэтому не без предварительного испытания надобно иметь свидание с посторонними. Ибо, если Спаситель, как говорит Евангелие, не всякому вверялся (Ин.2:24); если поступал так Он – чистый, непорочный, неукоризненный, праведный, Который весь – добродетель; то мы, грешные, поползновенные, не всегда успешно достигающие цели, то по естественной своей немощи, то по ухищрению врага, который лукаво и неослабно с нами борется, мы, говорю, предаваясь людям любопытным, не навлечем ли на себя злой клеветы, и не устроим ли себе соблазнов? Ибо люди порочные часто и прекрасные дела стараются оклеветать, а маловажных погрешностей не потерпят оставить неосмеянными. Поэтому нужно с осторожностью вступать в беседы с посторонними» (Уст. 6).

288. «Им случается впадать и в другой порок, когда рассуждают об удалившихся от мира, вовсе не зная жизни их. Они думают, что в переменивших образ жизни не расположение одно переменено, но и перестроена самая человеческая природа; не рассуждают, что подвижники подвержены тем же страстям, преодолевают их только душевною силою и тем, что чуждаются удовольствий; но полагают, что страсти от телесного естества их совершенно стали далеки. А посему если человек духовный, хотя несколько уклоняется от совершенства, тотчас все, даже прежде со всем жаром хвалившие его и удивлявшиеся ему, делаются жестокими обвинителями и сами себя обличают в том, что прежде восписывали несправедливые похвалы. Как на поприще, если какой борец поскользнется, противник наступает на него немедленно, наносит ему удары и доводит его до совершенного падения, так и они, как скоро увидят, что живущий в подвиге добродетели уклонился несколько от совершенства, нападают на него, как стрелами, поражая его укоризнами и клеветами, а не рассудят в себе, что

самих ежедневно уязвляют страсти тысячами стрел. Подвижники же благочестия, если и воюют против них подобные страсти, или терпят от них малый какой-нибудь вред, или часто и вовсе не терпят никакого вреда, и при том имея сильнейшего, нежели они, противника. поскольку подвижники вызвались на борьбу с противником; то для лукавого весьма важно одержать над ними победу, а напротив остаться побежденным значит получить смертную рану, как потерпевшему совершенное поражение во всех частях добродетели. Но брань с теми, которые предали себя миру, враг презирает, частью потому, что весьма многие из них произвольно стремятся уступить над собою верх, будучи уловляемы в грехе различными удовольствиями и вожделениями, и доставляя противнику нетрудную над собою победу, частью же потому, что хотя по-видимому и противятся несколько греху, но разными развлечениями легко бывают уклонены от борьбы, обращают хребет, и неослабно поражаемые, носят на себе позорные знаки одержанной над ними победы» (Там же).

289. «Если же некоторые, преодолев стремление житейских развлечений, могли смело вступать в брань с лукавым; то вынесли не подобные борения, но во многом и до бесконечности меньшие в сравнении с подвижническими. Ибо один усиливается удержать за собою, что принадлежит ему по праву, и упорно подвизается в спорах о настоящих благах; а другой уступает оспаривающим и то, что принадлежит ему по праву, исполняя сказанное: «от взимающего твоя не истязуй» (Лк.6:30). Один, получив удар, сам отвечает ударом, и потерпев обиду, платит обидою же, и думает, что сим поддерживает равенство; а другой терпит до тех пор, пока не почувствует сытости наносящий ему обиду, или удары. И один старается удержать верх над всеми телесными удовольствиями, а другой проводит жизнь, пресыщаясь удовольствиями. Поэтому как мирского человека признать подвизающимся в сравнении с подвижником?» – (Там же).

290. Заметь и другой порок, в который обыкновенно впадают привязанные к настоящей жизни, когда судят о подвижниках. Как скоро подвижник, после долгого невкушения,

признал необходимым подкрепить тело пищею; они хотят, чтобы он, как бестелесный и невещественный, или вовсе не принимал пищи, или принимал, но как можно меньше. И если увидят подвижника, который не вовсе не щадит тела, но хотя в чем-нибудь удовлетворяет настоящей своей потребности, – всех злословят, на всех клеветают, всех называют какими то многоядцами и прожорливыми, слабое поведение и невоздержание в воле одного распространяя на всех; а не рассуждают того, что сами два раза, иные же из них и три раза в день едят самые сытные и жирные яства, нагружают себя необъятной грудой мяса, и наливают безмерным количеством вина, и с такою же жадностью кидаются на стол, как и псы после продолжительного голода спущенные с привязи. А истинные подвижники употребляют пищу самую сухую, которая при недостаточности имеет мало в себе питательности, и каждый день вкушают по одному разу; научившись проводить жизнь в строгом порядке, и вкушая пищу умеренно и разумно, имеют они право при вкушении с дерзновенною совестью подавать телу потребное. А посему и прилично, чтобы свобода наша не судилась от иных совести (1Кор.10:22). Ибо если вкушаем пищу с благодарением, для чего хулят нас за то самое, за что мы благодарим, скудную и дешевую пищу принимая с таким веселием, с каким не принимают они блистательных и многоценных приготовлений богатого яствами стола?» – (Там же).

291. «Надобно удаляться от всего того, что, приближаясь к нам, приводит нас к памяти страсти, тревожит и смущает рассудок и производит в душе брани и борения. Ту брань, которая невольно постигает нас, выдерживать – дело благоразумия и мужества; но весьма безрассудно воздвигать против себя брани произвольно. В невольной брани получит может быть прощение, если кто и побежден бывает (только да не встретится сего с христианскими подвижниками); а побеждаемый в брани произвольной, сверх того, что бывает осмеян, лишается извинения» (Уст. 3).

292. «Посему надобно всего больше избегать бесед и свиданий с женщинами, если не принуждает к свиданию

неминуемая какая-нибудь необходимость. Да и при встретившейся необходимости надобно беречься женщин, как огня, и как можно скорее поспешить расходиться с ними. Вникни же, что о сем говорит премудрость: «ввяжет ли кто огонь в недра, риз же не сожжет ли? или ходити кто будет на углях огненных, ног же не сожжет ли?» (Прит.6:27–28)» – (Там же).

293. «А если кто говорит, что от свидания и долгого сожительства с женщинами не терпит вреда; то он или не имеет в себе мужской природы, и есть что-то весьма странное, составляет нечто среднее между тем и другим полом (как это говорят о скопцах от рождения, если только и им можно присвоить бесстрастие и нечувствительность к женскому полу: «ибо желание скопче растлит ли девицу?» – говорит Премудрый – (Сир.20:4), или если имеет, то будучи погружен в страсти, не чувствует сего по подобию упившихся, или сумасшедших, которые в самых тяжких страданиях почитают себя нестрадающими. Но уступим слову, чуждому всякого разума, а именно, будто иной не уязвляется мужскою страстью. Если сам он и не подлежит уязвлению, то не легко ему уверить других, что точно неуязвим. А соблазнять многих, не имея при сем в виду никакого доброго дела, почитаю небезопасным для поступающего так. При том должно принять во внимание и другое нечто, а именно: хотя мужчина и не терпит вреда от помыслов, но не будет уже спорить с ними в рассуждении женщины, что она также изъята от телесных страстей. Напротив того, будучи слаба рассудком и склоннее к страсти, она нередко терпит уже некоторый вред от того, кто неосторожно имел с нею свидание. И кто сам не уязвляется, тот часто уязвляет, хотя и не знает того. Женщина, часто приходя к подвижнику под видом духовной любви, начинает впивать в себя грех посредством очей, похотливыми глазами пожирать наружность ближнего и нечистыми помыслами растлевать внутреннюю деву, которую всего более любит жених» (Там же).

294. «Поэтому, чтобы не случилось чего-либо из сказанного, надобно нам остерегаться, если возможно всяких, а в противном случае, по крайней мере, частых и продолжительных бесед и свиданий с женщинами, не как ненавистникам рода (да

не будет сего) и не как отрицающимся родства с ними; но, при готовности помогать и делать по возможности пользу как всякой женщине, поколику имеем с ними одно естество человеческое, так особенно вступившим в подвиг чистоты, потому что подвизаются они в одном с нами; надобно остерегаться свидания, чтобы не привести себе на память той страсти, от которой мы удалились и отреклись» (Там же).

15. Отношения к родным

295. «Какое расположение должно иметь к своим по плоти?

«Однажды принятым в братство настоятель не должен позволять, чтобы они чем-либо развлекались, чтобы, под предлогом посещения своих, удалялись от братий и вели жизнь, никем не свидетельствуемую, и чтобы соглашались принять на себя заботы попечительства о сродниках по плоти» (Пр. 32).

296. «Родители по плоти, или братья одного из братий, если живут по Богу, да пользуются услугами всех, принадлежащих к братству, так как бы были они всем отцы и свои. Ибо Господь говорит: «иже бо аще сотворит волю Отца Моего, Иже есть на небесех, той брат, и сестра, и мати Ми есть» (Мф.12:50). Но и о них попечение почитаю приличным возлагать на настоятеля братства» (Там же).

297. «А если они преданы еще мирской жизни, то нет никакого общего к ним отношения у нас, которые стараемся без развлечения преуспевать в том, что благообразно и поставляет нас пред Господом. Ибо кроме того, что им не доставляем никакой пользы, и свою жизнь исполняем тревог и смятения, сами себе навлекаем случай к грехам. Напротив того, презирающих заповеди Божии и уничижающих дело благочестия, если, когда приходят для посещения своих, не следует принимать, как нелюбящих Господа, Который сказал: «не любяй Мя словес Моих не соблюдает» (Ин.14:24). Но кое же причастие правде к беззаконию? Или кая часть верну с неверными? – И всего более у тех, которые еще только навывают добродетелям, должно стараться всеми мерами отнимать поводы ко греху, из которых важнейший есть памятование прежней жизни – отнимать, чтобы не случилось с ними сказанного, что» возвратились сердцем своим в Египет» (Чис.14:4); – а сие всего чаще бывает при постоянных беседах с родными по плоти» (Там же).

298. «Вообще же не должно позволять, чтобы свой или чужой вел разговоры с братиями, если не будет о них уверен, что разговор ведется к душевному назиданию и усовершению.

Если же нужно сказать слово с встречающимся однажды, то предоставь сие тем, кому вверен дар слова; потому что они имеют способность и разумно говорить и слушать к созиданию веры, как и Апостол ясно учит, что не все имеют способность слова, но что дарование сие у немногих, когда говорит: «овому бо Духом дается слово премудрости, иному же слово разума» (1Кор.12:8). И в другом месте: «да силен будет утешати в здоровом учении, и противящияся обличати» (Тит.1:9)» – (Там же).

299. «От родственников, друзей и родителей надобно столько же отдаляться своим расположением, сколько видим далекими между собою мертвых и живых. Ибо кто действительно приуготовил себя к подвигам добродетели, отрекся от целого мира и от всего, что в мире, и скажу полнее, распялся миру, тот умер для мира и для всего, что в мире, будут ли то родители, или братья, или родственники, состоящие в третьем, четвертом и далее колене. Поэтому если родители удаляются от мира и пристанут к тому же роду жизни, какой ведет сын, то подлинно они сродники, и стоят на степени не родителей, но братьев. Ибо первый, – самый истинный Отец есть Отец всех; а второй после Него – наставник в духовном житии. Если же сродники продолжают любить прежнюю жизнь, то составляют они часть мира, от которого мы удалились, и ни в каком родстве не состоят с тем, кто отложил плотского человека и совлекся свойства с ними. А кто вполне любит дружбу с людьми мирскими, и желает непрестанно с ними беседовать, тот, вследствие частых бесед поселяет в душе своей их расположения. И опять, кто наполнил ум мирскими понятиями, тот отстал от благого предприятия, удалился от духовного образа мыслей, снова собрал в душу извергнутое им прежде, и уязвлен врагом, который плотским сродством возмущает духовное житие» (Уст. 20).

300. Поэтому, пожелаем сродникам наилучшего, т. е. правды, благочестия и того, что мы признали для себя досточестным. Ибо и нам прилично желать сего, и им полезно получить от нас такой плод. А сами освободим свои помыслы от заботы и беспокойства о них, потому что диавол, как скоро

видит, что совлеклись мы всякого житейского попечения и с легкостью течем к небу, внушив нам мысль о родственниках и настроив нас заботиться об их делах, делает, что рассудок наш беспокоивается житейскими заботами о том, каково имущество у близких нам, достаточное или скудное; какая прибыль получена от сделанных ими оборотов, и на сколько от сего возросло их богатство; какие потери понесены ими от встретившихся несчастных обстоятельств, и на сколько от этого уменьшилось настоящее их имущество. Он делает также, что как радуемся их успехам и приходим в уныние от их неудач, так и враждуем с ними на их врагов (тогда как нам велено никого не признавать себе врагами – Мф.5:44), и радуемся о друзьях, которые часто бывают недостойны духовного сближения, радуемся несправедливым и безрасчетливым их прибыткам. Дьявол слова вводит в наши помыслы все лукавые расположения к предметам житейским, которых совлеклись мы, чтоб поселить в себе духовные понятия. И опять внеся в душу вещественный и мирской образ мыслей, уничтожает в нас внутреннего подвижника, делает же из нас какой-то истукан, который носит на себе наружность подвижника, но ни мало не одушевлен добродетелями. А нередко бывало, что от сильного расположения к родственникам подвижник осмеливался учинить святотатство, чтобы избавить от нужды родственников. Ибо сберегаемое для святых, посвятивших себя Богу, священо признается и приемлется за истинное приношение Богу; а потому похищающий что-либо из этого, принадлежит к числу отвращающихся на святотатство» (Там же).

301. «Посему, познав несносный вред сего расположения к своим, будем избегать заботы о них, как дьявольского орудия. Ибо и Сам Господь запретил таковую привязанность и привычку, не дозволив одному из учеников даже проститься только с домашними, а другому – предать земле тело умершего отца. Тому, кто хочет проститься с домашними, Господь говорит: «никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствии Небесном» (Лк.9:62). А тому, кто просит погребсти отца, отвечает: «ходи в след Мене; и: остави мертвые погребсти своя мертвецы» (–59:60). Хотя, по-

видимому, тот и другой предлагают весьма благовидные и справедливые прошения, однакож, Спаситель не дал на них соизволения, и на короткое время не позволил отлучиться от Него питомцам Небесного Царствия, чтобы они, по увлечению в земные и плотские распоряжения, не сделали, или не помыслили чего-либо такого, что ниже возвышенного и небесного образа мыслей; потому что помышляющим о небесном, как уже переселенным отселе и мысленно сделавшимся премирными, непозволительно иметь какое либо уважение к земному» (Там же).

302. «Если же кто скажет: как же закон повелевает заботиться о своих, говоря: «и от свойственных племени твоего не презри» (Ис.58:7); а подобно сему и Апостол: «аще же кто о своих, паче же о домашних не промышляет, веры отверглся есть и неверного горший есть» (1Тим.5:8)? – то дадим ему краткий ответ, что Божественный Апостол сказал сие людям мирским, имеющим у себя вещественное богатство и возможность облегчить нужду родственников, а подобно и закон говорит сие (скажу короче) живым, а не мертвым; потому что последние не подлежат никакой подобной обязанности. А ты умер и распялся целому миру. Ибо, отказавшись от вещественного богатства, возлюбил ты нестяжательность, посветив себя Богу, сделался Божию драгоценностью. Как умерший, свободен ты от всякого оклада в пользу сродников; а как не стяжательный, ничего у себя не имеешь, что мог бы подать им. поскольку же ты плодопринес Богу и самое тело, и над ним, как над принесенным в дар Богу, не имеешь уже власти; то непозволительно тебе обращать себя на употребление людям, а надобно иметь дело с Одними единомысленными, которые и сами все посветили Богу. Посему, как могут быть прилагаемы к тебе упомянутые изречения Святого Писания? Или не погресишь ли, отказываясь от обета своего касательно подвижничества?» (Там же).

303. «Должно ли иметь жалость к свойственникам по плоти, желая их спасения? Рожденный от Духа, по слову Господню (Ин.3:8), и получивший право стать чадом Божиим, стыдится родства по плоти, признает же своими близких по вере,

засвидетельствованных Господом, Который сказал: «мати Моя и братия Моя сии суть, слышащие слово Божие, и творящие е» (Лк.8:21). И он да имеет жалость ко всем, засвидетельствованным от Господа, а к сродникам по плоти, как ко всем. Если же кто, будучи к ним несколько более пристрастен, думает своему пристрастию найти защитника в Апостоле, который говорит: «молил бых ся сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти» (Рим.9:3); то пусть таковой из присовокупленного Апостолом узнает, что чтит он не плотское родство, но Израиля и преимущества, данные ему от Бога, чтит не потому, что Израильтяне были ему сродниками, но потому что сродники его по плоти были Израильтянами, и потому что они удостоены от Бога столь многих и великих благодетей. поскольку их было всыновление и слава, их законоположение и служение, им даны заветы и обетования, их были отцы, поскольку от них Христос по плоти; то посему так высоко и ценим их спасение, не родство имея в виду, но вочеловечение ради нас Господа, сказавшего: «несмы послан, токмо ко овцам погибшим дома Израилева» (Мф.15:24)» (Кр. 190).

304. «Как видеться нам с жившими некогда вместе, или с родными, когда приходят они к нам? Как показал и научил Господь, когда возведено Ему было: «мати Твоя и братия Твоя вне стоят, видети Тя хотяще» (Лк.8:20). Ибо возвестившим с укоризною ответствует, сказав: «кто есть мати Моя? и кто суть братия Моя? иже аще сотворит волю Отца Моего, Иже на небесех, той брат Мой, и сестра, и мати Ми есть» (Мф.12:48,50)» (Кр. 188).

305. «А ежели станут они еще уговаривать нас, желая увести к себе домой, то надобно ли внимать им? – Если сие нужно для созидания веры, то способный идти на сие, да будет послан по сделанном ему испытании. А если нужно для исполнения человеческих обязанностей, то да слышит, что говорит Господь сказавшему: «повели ми идти проститися с сущими в дому моем, – никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии» (Лк.9:61–62). Если же такой суд произнесен над тем, кто вознамерился

только отречься (от мира): что надобно сказать об отрекшемся?» (Кр. 189).

306. «За отдаваемых в братство надобно ли принимать от свойственников, если хотят что дать? Попечение и рассуждение об этом принадлежит настоятелю. Впрочем, что до моего имени (св. Василия Великого), то рассуждаю, что гораздо неблаженнее будет для многих и полезнее для созидания веры не принимать таких подарков. Ибо следствием принятия во 1-х, бывает, что нередко на общину падает укоризна. А потом родственнику принесших подает это повод к превозношению. Сверх того, по сказанному Апостолом, о тех, которые в месте общего собрания едят и пьют свое, исполняется слово его: «срамляете неимущие» (1Кор.11:22), и многое подобное. поскольку же столько сходится поводов ко греху; то прекрасное дело – не принимать подобных даров, впрочем, дозволяя настоятелю брать на свое усмотрение, от кого надобно принимать и как должно распоряжаться принятым» (Кр. 304, подоб. 187).

16. Попечение о больных.

307. «Согласно ли с целью благочестия пользоваться врачебными пособиями?

«Как всякое пособие искусств против немощей естества даровано нам от Бога, например: земледелие, потому что само собою произрастающее от земли недостаточно к удовлетворению наших потребностей; ткацкое же искусство, а подобно и зодчество, потому что необходимо употребление покровов для благоприличия и нужна защита от вредоносности воздуха: так надобно сказать и о врачебном искусстве. поскольку всем возмущаемое тело наше подвержено многоразличным повреждениям, и со вне приключающимся, и зарождаемым внутри принятою пищей, приводится в изнеможение и излишествами и недостатками; то распоряжающий всею нашею жизнью Бог дозволил нам врачебное искусство, которое в образец душевного врачевания, имеет целью избавлять от излишнего и восполнять недостаточное. Как если бы мы жили еще в раю сладости, то не имели бы нужды в земледельческих изобретениях и трудах; так

если бы не подвержены были страданиям по дарованию, какое сообщено нам при сотворении и сохранялось нами до падения, то не нуждались бы в пособиях врачебного искусства к своему облегчению. Но как, по изгнании пашем на место сие, после того, как сказано: «в поте лица твоего снеси хлеб твой» (Быт.3:19) в облегчение горестных последствий проклятия, долговременным опытом и многими трудами над землею составили мы искусство земледелия, потому что Бог даровал нам смеяленность и способность постигнуть сие искусство; так поскольку повелено нам опять возвратиться в землю, из которой взяты, и поскольку сопряжены мы с болезненною плотию, которая за грех осуждена на исление, и чрез это подверглась сим немощам; то дана нам и помощь врачебного искусства, хотя в некоторой мере оказываемая страждущим болезнями: ибо не сами собою прозябли травы, состоящие в свойстве с каждою из немощей, но очевидно по воле Создавшего, произведены с целию служить к нашей пользе. Поэтому свойства, заключающиеся в корнях, цветах, листьях, в плодах и соках, и что в металлах и в море открыто годного к пользованию плоти, – все это подобно изобретению принимаемого в пищу и питье. Но что из придуманного и излишне и требует долгих трудов, и как бы всю жизнь нашу обращает в попечение о плоти; то должно быть запрещено христианам» (Пр. 55).

308. «И надобно стараться так пользоваться в случае нужды искусством, чтобы не в нем одном поставлять причину здоровья, или болезненного состояния, но принимать предлагаемые им пособия во славу Божию и в образ попечения о душе. При недостатке же врачебных пособий, в этом искусстве не должно заключать всю надежду на облегчение скорбей, а напротив того знать, что Господь или не оставит нас «искуситися паче, еже можем понести» (1Кор.10:13), или как в тогдашнее время, то, сотворив брение, «помазал очи и велел умыться в Силоаме» (Ин.9:6–7), то ограничился одним изволением, сказав: «хощу, очистися» (Мф.8:3), иным же попускал бороться с трудными болезнями, чтобы чрез испытание соделать их искуснейшими, так и к нам иногда

прикасается невидимо и неосязательно, как скоро находит сие полезным для душ наших, а иногда благоволит, чтобы мы пользовались вещественными пособиями в наших немощах, продолжительностию врачевания укореняя в нас памятование о благодати, или, как сказал я, указывая некоторый образец для попечения о душе» (Там же).

309. «Ибо как для плоти необходимо удаление чуждого и восполнение недостающего, так и в душе нашей надобно устранять чуждое ей, и принимать в нее приличное ее природе, потому что Бог сотвори человека правого (Еккл.7:30), и «создал нас на дела благая, да в них ходим» (Еф.2:10). И как там для врачевания тела переносим сечения, прижигания и принятия горьких лекарств; так и здесь для душевного уврачевания надобно принимать резкость обличительного слова и горькие врачества наказаний. А не вразумившимся и этим пророческое слово с укоризною говорит: «или ритины несть в Галааде? или врача несть тамо? чесо ради несть исцелена рана людей Моих» (Иер.8:22)? И если в застарелых болезнях выжидаем исцеления долгое время от пособий мучительных и разнородных, то это – знак, что и грехи в душе надобно исправлять трудолюбною молитвою, долговременным покаянием и строгим поведением, достаточность которого к уврачеванию показало нам уже слово» (Там же).

310. «Итак на том основании, что некоторые не хорошо пользуются врачевным искусством, не должно нам избегать всякого им пользования. Ибо на том основании, что неумеренные в наслаждениях, преступая пределы необходимости к промыслению роскоши употребляют искусство поваренное, или хлебопекарное, или ткацкое, не должно уже нам отвергать всех вообще искусств, а напротив того правильным их употреблением надобно обличить, что ими повреждено. Так и в рассуждении врачевного искусства, нет основания порицать дар Божий по причине лукавого употребления. Скотское было бы несмыслие надеяться себе здоровья единственно от рук врача, чему, как видим, подвергаются иные жалкие люди, которые не стыдятся называть врачей своими спасителями. Но и то будет упорством,

если во всяком случае избегать пользования врачебным искусством. Напротив того, как «Езекия перевясло смоквей» (4Цар.20:7) не почел первую причину своего здоровья, и не сему приписал исцеление своего тела, но к прославлению Бога присовокупил благодарение за создание смокв, так и мы, приемля удары от Бога, Который с благостию и премудростию устрояет жизнь нашу, будем просить у Него сперва познания тех причин, по которым поражает Он нас, а потом избавления от скорбей, т. е. чтобы Он со искушением даровал «и избытие, и нам возмощи понести» (1Кор.10:13). Дарованную же нам благодать исцеления или чрез виномаслие, как было с впадшим в разбойники (Лк.10:34), или чрез смоквы, как было с Езекией, приимем с благодарностию. И не будем поставлять в том разности, невидимым ли образом оказалось на нас Божие попечение, или чрез что-нибудь телесное, хотя последнее нередко сильнее приводит нас в сознание милости Господней» (Там же).

311. «Нередко же, впадая в болезни, служащие для нас наказанием, осуждены бываем терпеть врачевания мучительными средствами, как часть наказания. Поэтому здравый разум внушает не отказываться ни от сечений, ни от прижиганий, ни от неприятного принятия острых и трудных лекарств, ни от пребывания без пищи, ни от строгого исполнения всех строгих предписаний, ни от воздержания во всем, расстраивающем здоровье, впрочем (повторяю опять), не упуская из виду цели душевного пользования, т. е., чтобы душа, во всем этом, как в примере, обучалась иметь попечение о себе самой» (Там же).

312. «Но не малая опасность впасть умом в ту ложную мысль, будто бы всякая болезнь требует врачебных пособий; потому что не все недуги происходят естественно, и приключаются нам или от неправильного образа жизни, или от других каких либо вещественных начал, в каких случаях, как видим, иногда полезно бывает врачебное искусство: часто болезни – суть наказания за грехи, налагаемые на нас, чтобы побудить к обращению. Сказано: «егоже бо любит Господь наказует» (Прит.3:12); и: «сего ради в вас мнози немощни и

недужливи, и усыпают доволни. Аще бо быхом себе рассуждали, не быхом осуждени были: судими же, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся» (1Кор.11:30–32). Таковым надобно в безмолвии, оставив врачебные пособия, терпеть посланную на них болезнь, пока не познают своих прегрешений, по примеру сказавшего: «гнев Господень стерплю, яко согреших Ему» (Мих.7:9). Им должно показать свое исправление, принеся плоды, достойные покаяния, и помнить Господа, сказавшего: «се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет» (Ин.5:14)» (Там же).

313. «Бывает иногда и по настоянию лукавого, что человеколюбивый Владыка иного великого подвижника отдает ему для борения, и низлагает его высокоуверенность высоким терпением рабов Своих, что, как и знаем, было с Иовом. Или же в пример нетерпеливым Бог изводит людей, которые в состоянии перенести скорбь даже до смерти; таков был Лазарь, который был покрыт многими струпями, и о котором не написано, чтобы просил чего-либо у богатого, или был недоволен своим положением; за что и сподобился упокоения в лоне Авраамовом, как восприявший злая в животе своем (Лк.16:25). Находим же, что у святых бывает и другая причина недугов, как у Апостола: чтобы не подумали, что он преступает пределы человеческого естества, и чтобы не заключил кто-нибудь, что он в естественном устройстве имеет нечто особенное (как и поступили жители Ликаонии, принеся венцы и приведя волов – Деян.14:13); в ознаменование человеческого естества имел он у себя продолжительный недуг. Какая же была бы польза таким людям от врачебного искусства? Не больше ли для них опасности уклониться от здравого разума к попечению о теле?» (Там же).

314. «А те, которые худым образом жизни сами приобрели болезнь, должны, по сказанному прежде, пользоваться телесным врачеванием, как некоторым образцом и примером для попечения о душе. Ибо и для нас полезно по врачебному закону воздержание от вредного, избрание служащего к пользе, и соблюдение предписаний. И самый переход плоти из болезненного состояния в здоровое да служит для нас

утешением, чтобы не отчаиваться нам и в рассуждении души, как будто бы она из греховного состояния не может чрез покаяние возвратиться опять в свойственное ей совершенство» (Там же).

315. «Поэтому, как не должно вовсе бегать врачебного искусства, так несообразно полагать в нем всю свою надежду. Но как пользуемся искусством земледелия, а плодов просим у Господа, или вверяем кормило кормчему, а молим Бога, чтобы спас нас от потопления, так вводя к себе врача, когда позволяет сие разум, не отступаемся от упования на Бога» (Там же).

316. «А мне кажется, что искусство сие не мало способствует и воздержанию. Ибо вижу, что оно отсекает сластолюбие, не одобряет пресыщения, отвергает, как нечто бесполезное, разнообразие в снедах и излишнюю изобретательность в приправах, и вообще недостаточность именует материю здоровья. Почему в этом отношении совет его для нас не бесполезен» (Там же).

317. «Итак пользуемся ли когда предписаниями врачебного искусства, или отвергаем их по какой либо из приведенных причин, да будет хранима цель – благоугождение Богу, да устроится душевная польза, и да исполняется заповедь Апостола, сказавшего: «аще убо ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите» ([1Кор.10:31](#))» (Там же).

318. «Такова теория врачевания болезни. Относительно практики сего дела в правилах есть только три вопроса, и те все относятся более к нравственной его стороне:

Кто живет в братстве и впал в телесную немочь; того должно ли отводить в странноприимную?

Надобно, чтобы каждое место и частная цель служили к общей пользе во славу Божию» (Кр. 286).

Больница была в странноприимнице, или гостинице, может быть для покоя братий, или для того, чтобы ею могли пользоваться и сторонние.

319. «Поелику мы, которые прислуживаем больным в странноприимном доме, научены прислуживать им с таким

расположением, как бы служили братьям Господним; то если принимающий от нас услуги будет не таков, как должны мы быть к нему внимательны?»

320. «Поелику Господь сказал: «иже бо аще сотворит волю Отца Моего, Иже есть на небесех, той брат Мой, и сестра, и мати Ми есть» (Мф.12:50); то, если кто не таков, но оказывается грешником, достойным следующего приговора: «всяк творяй грех, раб есть греха» (Ин.8:34), он прежде всего имеет нужду в настоятельном увещании и вразумлении. А если останется в тех же грехах, то известен о нем суд Самого Господа, присовокупившего: «раб же не пребывает в дому» (--35), и Апостола, заповедовавшего: «измите злого от вас самех» (1Кор.5:13). Ибо таким образом и прислуживающие избавятся от недоумения, и все живущие вместе приведены будут в безопасность» (Кр. 155).

321. «Если кто не воздерживается от вредных яств, принимая же их неумеренно, впадает в болезнь, то надобно-ли заботиться о нем?

Невоздержание есть явный порок, и прежде всего необходимо позаботиться о сем недуге, как уврачевать его. Ибо человеколюбивый Бог, желая показать, как велико зло предаваться невоздержанию, попускает нередко душе страдать недугом неумеренности в том, что вредно для тела, чтобы чрез телесное злострадание, которое бывает следствием неумеренности, могла она быть приведена в сознание собственного своего вреда и научена воздержанию во всем. Прилагать же немедленно попечение о теле потерпевших вред от неумеренности, согласно, правда, с разумом и требованиями милосердия; однако же надобно делать сие не без рассмотрения, но позаботившись о том, чтобы при врачевании тела не оставить неуврачеванною душу. Посему, если усмотрит кто, что подобный человек телесным врачеванием благосознательно вразумляется, и радуется о душе, касательно собственных ее немощей; то должно прилагать о нем телесное попечение. Если же принимая врачевания тела, окажется он небрежущим о душе; то лучше таковому страдать от болезней, происшедших от его невоздержанности, чтобы со временем,

пришедши в сознание себя самого и вечного наказания, мог он позаботиться о душевном здравии. «Ибо судим и, от Господа наказуемей, да не с миром осудимся» (1Кор.11:32)» (Кр. 140).

17. Странноприимство

322. Относительно сего есть только одно правило в числе Пространных, – именно о пище для странников, какова она должна быть.

«Тщеславие, человекоугодие и желание выказать себя христианам вовсе запрещаются во всяком деле: ибо и тот, кто исполняет самую заповедь с тем, чтобы его видели и прославляли люди, теряет мзду свою за исполненное. А тем, которые по заповеди Господней, приняли на себя всякий, вид смирения, наипаче должно избегать всякого образа тщеславия. поскольку же видим, что мирские люди стыдятся смирения нищеты, и когда принимают кого либо из гостей, употребляют все изобилие снедей и всякую роскошь; то боюсь, чтобы и нас не коснулась неприметным образом та же страсть, и чтобы не стали нас уличать, будто бы стыдимся нищеты, ублажаемой Христом (Мф.5:3). Как не прилично нам приобретать от других серебряные сосуды, багряные завесы, мягкую постель, прозрачные покрывала; так неприлично вымышлять снеди, во многом не согласные с нашим образом жизни. Бегать и отыскивать в чем нет нужды для необходимой потребности, а что выдуманно для жалкого сластолюбия и пагубного тщеславия не только стыдно и несообразно с предположенною нами целью, но и не мало вредно нам, когда люди, живущие роскошно и поставляющие блаженство в наслаждении чрева, увидят, что и мы связываем себя теми же заботами, каким они до безумия преданы. Если роскошь – порок и надобно ее избегать, то никогда не должна быть допускаема нами: потому что подвергшееся осуждению не может быть пригодно и на время. Люди, живущие роскошно, «первыми вонями мажущиися, и пьющие процеженное вино», осуждаются в Писании (Амос.6:6). О вдовице, питающейся пространно, говорится, что она жива и мертва (Тим.5:6). Богач за здешнее наслаждение лишился рая (Лк.16:25)» (Пр. 20).

323. «Итак, к чему же нам большие издержки? – Пришел ли странник? Если это брат и у него таже цель жизни, то узнает

собственную свою трапезу; ибо что оставил дома, то найдет и у нас. Но он утомился в дороге? – Предложим ему столько, сколько нужно к утешению за труд. Пришел ли кто другой из жизни мирской? Пусть узнает на деле, в чем не убедило его слово, и получит образец и пример умеренности в пище. Пусть останутся в нем припоминания христианской трапезы и непостыдной нищеты ради Христа. А если не вникнет в дело, но посмеется над нами; то не беспокоит нас уже в другой раз. Напротив того мы, когда видим, что иные из людей богатых наслаждение приятным поставляют в числе первых благ, весьма соболезнуем о них, что всю жизнь расточая на суету, обоготворяя свои удовольствия, и в этой жизни восприемля всю часть благ, среди здешних наслаждений не чувствуют, как идут на готовый огонь и на мучение в оном, и если встретится когда случай, не обленимся сказать им об этом» (Там же).

324. «А если и сами станем прилепляться к тому же и, сколько имеем возможности, искать служащего к удовольствию и выставлять себя на показ, то опасаясь, чтобы на деле не соорудить нам того, что разрушаем, и в чем осуждаем других, не осудить в том самих себя, ведя жизнь притворную и преображаясь так и иначе, разве уже будем переменять и одежды свои, когда нужно встретиться с людьми знатными. Но если это постыдно, то еще постыднее для людей роскошных переиначивать нашу трапезу. Жизнь христианина однообразна и имеет одну цель – славу Божию. «Аще ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся в славу Божию творите» (1Кор.10:31), говорит глаголющий о Христе Павел. Но жизнь мирская многообразна и разнovidна, она так и иначе изменяется в угодность тому, кто встретился» (Там же).

325. «Поэтому и ты, множеством и изысканностью снедей против обычая наполняя свою трапезу в удовольствие брата, осуждаешь его сластолюбие и своими приготовлениями произносишь на него упрек в чревоугодии, обличая его в страсти к этому наслаждению. И не часто ли, видя способ и род приготовления, догадываемся об ожидаемом, кто он и что за человек? Господь не похвалил Марфы, которая молвяше о мнозе службе, но сказал: «печешися и молвиши о мнозе, между тем не

многое, или даже, едино есть на потребу» (Лк.10:41–42), – т. е. не многое в рассуждении приготовления, а единое в рассуждении цели, чтобы удовлетворить потребности. Известно же тебе, какую пищу предложил сам Господь пяти тысячам человек. Знаешь и молитву Иакова к Богу: «аще даст ми, говорил он, хлеб ясти и ризы облещися» (Быт.28:20), а не аще даст ми наслаждение и роскошь» (Там же).

326. «А что премудрый Соломон? Он говорит: «богатства же и нищеты не даждь ми: устрой же ми потребная и самодовольная: да не насыщся, лож буду, и реку: кто мя видит? или обнищав украду, и кленуся именем Божиим» (Прит.30:8–9); и сим определяет, что как изобилие есть богатство, так совершенное оскудение необходимого для жизни есть нищета; а нескудость и неизлишество погребного означаем словом самодовольная (доволь). Но доволь для одного в том, а для другого в другом по состоянию тела, и потому, что нужно для известной цели. Ибо одному потребна пища в большем количестве, и притом более твердая, по причине труда, а другому более нежная, легкая и во всем сообразная, по причине немощи; но вообще всем дешевая и удобно находимая» (Там же).

327. «Впрочем во всем необходимы попечительность и благоустройство трапезы, только бы ни мало не выступать нам из пределов потребности; пределом же в угощении да будет удовлетворение потребности каждого из приходящих; ибо сказано: «и требующий мира сего, яко не требующе» (1Кор.7:31). А расход сверх нужды есть злоупотребление. Нет у нас денег? И иметь не пожелаем. Не полны наши житницы? Ибо у нас насущное пропитание: живем трудами рук. Для чего пищу, какую Бог дал для алчущих, иждиваем на удовольствие роскошествующих, погрешая в обоих случаях тем, что увеличиваем одним скорби по причине недостатка, а другим вред по причине пресыщения?» – (Там же).

18. Законы внутренней духовной жизни

Жизнь духовная начинается покаянием; из горнила покаяния выходят с пламенной ревностью благо угождать Богу во спасение свое и славу Божию. Ревнитель сей, от всего отрешась, в себя входит, и стоя сознанием пред Богом, уклоняется от зла и творит благо. Труд сей оканчивается водворением в сердце добрых расположений, или добродетелей, делающих обладателя своего достойным рая жителем.

а) Покаяние

328. Первый потому закон духовной жизни: покайся и доведи покаяние до последних его пределов, или до явных плодов покаяния. Правила очень подробно изображают это дело, главное, коренное и исходное.

«Не должно думать, что Бог сотворил одних хорошими, а других худыми. Это мудрование давно осуждено, как еретическое, потому что оно и хульно и нечестиво, и душу делает поползновенною ко греху. Почему таковой «или да исправится, или да измется от среды» (1Кор.5:2), чтобы не случилось сего: мал квас все смешение квасит (--6)» – (Кр. 84).

329. «Но и отчаиваться не должно согрешающему по крещении, в какое бы множество грехов ни оказался он впадшим. До чего кающемся, при посредстве покаяния можно простирать надежду свою на Божие человеколюбие, этому меры нет. Если можно исчислить множество щедрот Божиих и измерить великость милосердия Божия; то при сравнении с ними множества и важности грехов будет место отчаянию. А если грехи, как и естественно, и под меру подведены и исчислены быть могут, а милосердия Божия измерить и щедрот Божиих исчислить невозможно; то не отчаянию время, а познанию милосердия и осуждению грехов, отпущение которых по написанному предлагается в крови Христовой (Еф.1:7). А что не должно отчаиваться, сему учат нас многие и разные места Писания, особенно же притча Господа нашего Иисуса Христа о сыне, который взял отцово имение и расточил его во грехах, и которого покаяние удостоено великого празднества, как знаем о том из самых слов Господних. Но и чрез Исаию Бог говорит: «аще будут греси ваши, яко багряное, яко снег убелю; аще же будут яко червленое, яко волну убелю» (Ис.1:18). Впрочем, должны мы знать, что сие тогда только истинно, когда образ покаяния получает свою цену от расположения того, кто гнушается грехом, как написано в Ветхом и Новом Завете и когда есть достойный плод покаяния» (Кр. 13).

«Итак о том, какие грехи могут быть прощены, не должно и спрашивать; потому что Новый Завет не показал нам никакого различия, обещает же отпущение всякого греха кающимся, как должно, и особенно Господь от собственного Своего лица обещал исполнение прощения о всякой вещи» (Кр. 15).

330. «Как должен кто приносить покаяние во грехах, и какие оказывать плоды, достойные покаяния? Он должен придти в такое же расположение духа, в каком был сказавший: «неправду возненавидех и омерзих» (Пс.118:163), и исполнит, что сказал в шестом («Господи, да не яростию Твоею обличиши мене») и во многих других псалмах (подобен 37-й), и что Апостолом засвидетельствовано скорбящим ради Бога о грехе другого. Се бо, говорит, еже по Бозе оскорбитися, колико содела в вас тщание? Но ответ, негодование, не страх, не вожделение, не отмщение, не ревность. «Во всем представисте себе чисты быти в вещи» (2Кор.7:11). Наконец должен подобно Закхею совершить в большей мере такое доброе дело, которое противоположно греху» (Кр. 5).

331. Душа, обремененная многими грехами, с каким страхом, с какими слезами должна удаляться от грехов, и с какою надеждою, и с каким расположением приступить к Богу? – Во-первых должна возненавидеть прежнюю свою предосудительную жизнь, чувствуя отвращение и омерзение к самому о ней воспоминанию, ибо написано: «неправду возненавидех и омерзих, закон же твой возлюбих» (Пс.118:163). Потом принять в учителя страха угрозу вечным судом и наказанием, дознать, что время покаяния есть время слез, как научил Давид в шестом псалме. А когда несомненно уверится душа в очищении грехов кровию Христовою по величию милосердия и по множеству щедрот Бога рекшего: «аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю: аще же будут яко червленое, яко волну убелю» (Исаии.1:18); тогда уже получив способность и силу благоугождать Богу, говорит она: «вечер водворится плачь, а заутре радость. Обратил еси плачь мой в радость мне, растерзал еси вретисще мое, и препоясал мя еси веселием: яко да воспоем Тебе слава моя» (Пс.29:6,12,13). И таким образом, приступив к Богу поет Ему, говоря: «Вознесу Тя

Господи, яко подъял мя оси, и не возвеселил оси врагов моих о мне» (--2)» (Кр. 10).

332. «Как можно прийти до ненависти к грехам? – Неприятным и скорбным окончанием дела всегда возбуждается ненависть к виновникам подобных дел. Поэтому, если кто несомненно уверится в том, что многих и великих зол бывают причиною грехи, то добровольно и по внутреннему убеждению почувствует он к ним ненависть, как показал сие сказавший: «неправду возненавидех и омерзих» (Пс.118:163)» (Кр. 11).

333. «Какой плач наложить нам на себя, чтобы удостоиться блаженства (Мф.5:4)? – Тот, чтобы плакать о грехах, или по причине оскорбления Божией чести, потому что человек преступлением закона Бога бесчестует, – или по причине бедственных следствий греха; ибо сказано: «душа, яже согрешит, та умрет» (Иезек.18:4)» (Кр. 194). – И это есть печаль по Бозе, когда скорбит кто о том, что пренебрежена заповедь Божия по написанному: «печаль прият мя от грешник, оставляющих закон Твой» (Пс.118:53)» (Кр. 192).

334. Раскаявшийся должен исповедать грехи свои строителю таин Божиих, – духовному отцу своему, а не кому случилось. – «Цель Божия человеколюбия к грешникам явна по написанному: «не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему» (Иезек.33:11). поскольку же и способ обращения должен быть применен к греху, и потребны достойные плоды покаяния, по написанному: «сотворите плоды достойны покаяния» (Лк.3:8), чтобы при недостатке плодов не постигла присовокупленная угроза; ибо сказано: «всяко древо, не творящее плода добра, отсекается и во огонь вметається» (--9); то исповедовать грехи необходимо пред теми, кому вверено домостроительство таин Божиих. Так находим, что издревле каявшиеся делали сие пред святыми. Ибо в Евангелии написано, что Крестителю Иоанну исповедовали грехи свои (Мф.3:6), и в Деяниях – Апостолам, которыми и крещены были все (Деян.19:18)» (Кр. 288).

335. Затем вот как должно обращаться от грехов. – «Должно возревновать расположению Давида, который во первых говорит: «беззаконие мое познах, и греха моего не

покрых, рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви» (Пс.31:5); а потом благоразумно объясняет способ к тому в шестом и в других псалмах; у Апостола же надобно научиться тому, что засвидетельствовал он Коринфянам о чужом грехе, сказав: «печаль яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделовает и присовокупив свойство печали: се бо сие самое, еже по Бозе оскорбитися, колико содела в вас тщание? но ответ, но негодование, но страх, но вожделение, но ревность, но отмщение: во всем представисте себе чисты быти в вещи» (2Кор.7:10–11). Почему явствует из сего, что надобно не только удаляться греха и скорбеть о согрешающих, но уклоняться и от самых грешников; потому что и сие, как Давид ясно выразил, сказав: «отступите от Мене вси делающии беззаконие» (Пс.6:9), так и Апостол заповедал: «с таковым ниже ясти» (1Кор.5:11)» (Кр. 297).

336. Последнее наставление об удалении кающегося от грешников внушается и в 20-м правиле из Кратких: «Поелику Апостол сказал: «отлучатися вам от всякого брата бесчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас» (2Сол.3:6); то вообще всякое общение, и умом и словом и делом, с чем бы то ни было запрещенным всякому вредно и опасно. Но тем более надобно остерегаться сего жившим прежде во грехах, во первых, потому что душа, имевшая привычку ко греху, по большей части бывает поползновеннее к нему, а потом, как при попечении о больных телом строго соблюдается, чтобы удалять от них нередко и то, что полезно здоровым, так и в рассуждении болезнующих душою потребно еще более осторожности и попечительности. А сколько вреда от общения с предающимся греху, сие изображает тот же Апостол, говоря о подобном сему предмете: «мал квас все смешение квасит» (1Кор.5:6). Если же столько вреда от общения с согрешающими нравственно; что сказать о тех, которые злочестиво думают о Боге, и которым после того, как однажды преданы за зловерие в страсти бесчестия, не попускает оно быть здоровыми и во всем прочем, что видно из многих других мест, и из сказанного о некоторых в послании к Римлянам так: «и якоже не искусиша имети Бога в

разуме, предаде их Бог в неискусен ум» и проч. (Рим.1:28–32)?» – (Кр. 20).

337. Покаяние надо доводить до конца. Первый признак того, что оно созрело – есть, когда душа совершенно уверится, что она чиста от грехов. Это же когда бывает? – «Когда кто приметит в себе расположение Давида, который сказал: «неправду возненавидех и омерзих» (Пс.118:163), или приметит, что исполнилось в нем заповеданное Апостолом, который сказал: «умертвите убо уды ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение: ихже ради грядет гнев Божий», и потом, распространя подобный суд на всякий грех, присовокупил: «на сыны противления» (Кол.3:5–6), чтобы можно было сказать ему: «не прильпе мне сердце строптиво: уклоняющегося от Мене лукавого не познах» (Пс.100:4). Познает же себя человек находящимся в таком расположении, если и к грешникам чувствует одинаковое со святыми, в ужас приводящее, сострадание. Так Давид говорил: «видех неразумеваша, и истаях: яко словес Твоих не сохраниша» (Пс.118:158), и Апостол говорит: «кто изнемогает, и не изнемогаю? кто соблазняется, и аз не разжизаюся» (2Кор.11:29)? Ибо поистине, если душа лучше тела, а между тем видим, что всякой нечистоты на теле отвращаемся и ею гнушаемся, при виде же всякого терзания и всякого умышления на это происходит в сердце сокрушение и скорбь; то кольми паче христолюбцу и братолюбцу свойственно чувствовать сказанное нами в рассуждении грешников, когда видит душу согрешающих как бы зверями изъязвленную и пожираемую, и появляющиеся на ней как бы гной и гнилость; как и Давид сказал: «беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне: воссмердеша и согниша раны моя, от лица безумия моего: пострадах и слякохся до конца, весь день сетуя хождах» (Пс.37:5–7); и Апостол говорит: «жало смерти грех» (1Кор.15:56). Посему, когда приметит кто в себе, что душа его о своих собственных, или о чужих грехах приходит именно в такое расположение, тогда да будет несомненно уверен, что он чист от греха» (Кр. 296).

338. Второй признак зрелости покаяния есть укоренение в сердце противоположных прежним грехам добродетелей. Правила решают это так: «Какие достойные плоды покаяния? – Это дела правды, противоположные греху, которые должен плодоносить кающийся, исполняя сказанное: «во всяком деле блазе плодоносяще» (Кол.1:10)» (Кр. 287).

339. У кого не дозрело покаяние, тот легко снова падает в грехи; как и обратно эти новые падения указывают на незрелость покаяния. «Если кто, однажды покаявшись в грехе, опять делает тот же грех, – это знак, что он не очистился от первой причины сего греха, от которой, как от корня какого то, опять необходимо произрастает подобное. Как если кто пожелает отсечь ветви растения, оставив корень, то остающийся корень тем не менее произрастает опять тоже; так поскольку иные грехи имеют начало не в самих себе, но рождаются от других грехов, желающий очиститься от них, по всей необходимости должен исторгнуть из себя первые причины сих грехов. Например, ссора или зависть начинаются не сами собою, но произрастают от корня славолубия. Кто домогается славы от людей, тот входит в состязание с имеющим о себе добрую славу, или завидует тому, кто более его прославлен. Посему, если кто, однажды обвинив себя в зависти или ссоре, опять впадает в те же грехи, то пусть знает, что он внутренне болен первою причиною зависти или ссоры – славолубием. И ему надобно врачевать недуг славолубия противным – упражнениями в смиренномудрии (упражнением же в смиренномудрии служит занятие делами унижительными), чтобы таким образом, войдя в дух смиренномудрия, не впадать уже в сказанные выше страсти славолубия. А то же должно сказать и о каждом из подобных грехов» (Кр. 289).

340. И по уверенности в прощении грехов чувства покаянные не должны прекращаться. Дух сокрушения и умиления всегда присущ спасаемым; и по нему судят они, в добром или недобром они состоянии. Отсюда вопрос: «Отчего душа иногда сокрушается и не употребляя о сем старания, и скорбь приходит на нее почти как бы сама собою, а иногда до

того бесчувственна, что и принуждаемая не может придти в сокрушение?» – На это отвечается:

Такое сокрушение есть дар Божий, подаваемый или для возбуждения вожделения, чтобы душа, вкусив сладость подобной скорби, старалась полюбить сию скорбь, или в доказательство того, что душа при тщательнейшем попечении, может быть во всегдашнем сокрушении и что ни мало неизвинительны отвергшие его по нерадению. А если кто и принуждаемый не может придти в сокрушение, это служит обличением его нерадения в другое какое-нибудь время, (потому что без размышления, без многого и непрерывного упражнения, невозможно приступить к чему-нибудь вдруг, и превозмочь сие), а вместе показывает, что душа обладает другими страстями, которые не позволяют ей свободно действовать в том, чего она хочет, по началу, изложенному Апостолом, сказавшим: «Аз же плотян есмь, продан под грех. Не еже бо хочу, сие творю: но еже и ненавижду, то соделоваю» (Рим. 7:14–15) и еще: «ныне же не ктому аз сие содеваю, но живой во мне грех» (--17), потому что Бог, нам же во благо, попускает и сему быть, если душа тем, что терпит невольно доводится до сознания, кто ею обладает и познав о самой себе, в чем она невольно служит греху, освобождается из диавольских сетей, обретая Божие милосердие готовым к принятию истинно кающихся» (Кр. 16).

341. Покаяние не должно прекращаться всю жизнь: ибо кто без греха? – Поминутно согрешаем, если не делом, то словом, если не словом, то помышлением. Как ни малы грехи, но они пятнают совесть, а совесть должно всегда держать чистою. Если должна содержаться чистою, а она каждодневно пачкается, то каждодневно и очищать ее должно. Это совершается посредством испытания себя вечером и исповедания своих неправостей братству, или настоятелю, или духовному отцу.

«По прошествии дня и по приведении к концу всякого дела, телесного и духовного, прежде упокоения, совесть каждого должна быть подвергнута испытанию собственного его сердца. И если что было противное долгу, – или помышление о

запрещенном, или слово неприличное, или леность к молитве, или нерадение к псалмопению, или пожелание мирской жизни, да не скрывается поступок, но да будет объявлен обществу, чтобы немощь увлеченного в таковое зло была уврачевана общею молитвою» (Стран. 77).

342. Настоятель отдаст отчет за каждого: почему о каждом должен иметь попечение. «Но и каждый из подчиненных если хочет оказать значительный успех, и привести жизнь свою в состояние, согласное с заповедями Господа нашего Иисуса Христа, должен ни одного своего движения душевного не оставлять в скрытности, ни одного слова не пропускать без испытания, но тайны сердечные обнажить пред теми из братьев, кому поручено прилагать милосердное и сострадательное попечение о немощных. Ибо таким образом похвальное будет утверждено, а неодобрительное не останется без надлежащего врачевания, а при таком взаимном упражнении, чрез постепенные приращения, достигнуто будет совершенство» (Пр. 26).

б) Ревность о Богоугождении

Второй закон. Восприяв ревность благо угождать Богу, храни всегда в себе дух горящий, стараясь давать ему богоугодное направление.

343. Каково должно быть это ревнование?

«С каким расположением должен всякий служить Богу, и вообще, что это за расположение? – Добрым расположением почитаю желание угождать Богу, желание сильное, ненасытимое, твердое и непреложное» (Кр. 157). Это и есть творение святыни в страхе Божиим (2Кор.7:1), – т. е. «всецелое и никогда не прекращаемое посвящение себя Святому Богу, при попечении и тщании об угодном Ему; потому что поврежденное не приемлется в приношение Богу, и однажды принесенное Ему обращать на общее и человеческое употребление нечестиво и дерзновенно» (Кр. 53). Кто таков, тот и есть духом горящий, т. е. «с пламенным усердием, ненасытным вожделением и неленостным тщанием творит волю Божию из любви ко Христу Иисусу Господу нашему, по написанному: «в заповедях Его восхощет зело» (Пс.111:1)» (Кр. 259).

344. При всей силе оно должно быть самоохотное, – исходить из внутренних разумных побуждений.

«Что есть служение (λατρεία) и что значит служение разумное? – Служение есть напряженное, постоянное и поразвлеченное внимание к тому, пред кем служим; а различие служения словесного и неразумного показывает Апостол, говоря в одном месте: «весте, яко егда неверни бесте, ко идолом безгласным, яко ведоми ведостесь» (1Кор.12:2), а в другом месте: «представьте тела ваша жертву живу, святу, благоугодну Богу, словесное служение ваше» (Рим.12:1). Ибо кто как ведомый ведется, тот совершает служение неразумное, не как движимый собственным стремлением и намерением, под руководством разума, а как влекомый властью ведущего, куда он ведет, а не как сам хочет. Но кто по здравому разуму и благому изволению с великою заботливостию всегда и во всем поставляет для себя целью угодное Богу и достигает сей цели,

тот исполняет заповедь о словесном служении, согласно с сказавшим: «светильник ногам моим закон Твой, и свет стезям моим» (Пс.118:105); и еще: «и совети мои оправдания Твоя» (--21)» – (Кр. 230).

345. «Как может человек с внутренним расположением и с вожделением исполнять Господни Заповеди. – Изведение приятного и полезного и самое ожидание сему подобного естественным образом производит в душе расположение к этому и вожделение. Посему, если кто «возненавидит неправду и возгнушается ею» (Пс.118:163), очистит себя от всякого греха, от которого душа впадает в леность и нерадение об оправданиях Божиих, подобно тому, как тело от болезни страдает неимением позова на пищу и отвращением от оной, и если несомненно уверится, что заповедь Божия есть живот вечный, и все обетования соблюдающим се истинны, то в нем образуется расположение сказавшего: «судьбы Господни истинны, оправданны вкупе. Вожделенны паче злата и камене честна многа, и слаждша паче мода и сота. Ибо раб Твой хранит я: внегда сохранить я воздаяние много» (Пс.18:10–12)» (Кр. 174).

346. Так рождается сильное желание благоугождать Богу исполнением Его заповедей. «Совершенствуется же оно разумным и постоянным рассматриванием величия славы Божией, благодарственными размышлениями и непрестанным памятованием о благах, ниспосланных нам от Бога. Сим производится в душе сказанное: «возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею крепостию твоею и всем умом твоим» (Мар.12:30), как было и с тем, кто говорил: «ниже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе Боже» (Пс.41:2). С таким-то расположением надобно служить Богу, исполняя сказанное Апостолом: «кто ны разлучит от любви Божия? скорбь ли, или теснота, или гонение, или нагота, или беда, или меч» (Рим.8:35)?» (Кр. 157).

347. Горение духа к Богу с желанием благоугождать Ему и есть любовь «мера которой та, чтобы душа непрестанно чрез силу напрягалась пополнять волю Божию с целию и вожделением славы Божией» (Кр. 211).

348. Это и есть единое и истинное направление ревности. «Тому же, кто исполняет волю Господню, не как хочет сего Бог, и не по чувству любви к Богу делает, это бесполезное усердие в деле, по изречению Самого Господа нашего Иисуса Христа, Который говорит: «поелику делают, да явятся человеком, аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою» (Мф.6:5). Сим и Апостол Павел научен был сказать: «аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое, во еже сожещи е, любви же не имам, ни кая польза ми есть» (1Кор.13:3)?» (Стр. 91).

349. Руководитель ее – воля Божия в заповедях явленная. И она ревнует всегда быть чистою пред Богом т. е., «чтобы совесть никогда не упрекала ее в презрении заповеди Божией, или в недостаточном и небрежном исполнении оной» (Кр. 280).

350. Условие к успеху в сем – полное самоотвержение. «Та душа и может быть направлена по воле Божией, которая приняла предложение Господа: «если кто по Мне идет, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет» (Мф.16:24). А кто не успел прежде всего отвергнуться себя, и взять крест, тот много находит препятствий к последованию за Христом» (Кр. 237).

351. Для возведения своей ревности на такую степень, чтобы ради заповеди Господней быть готову на всякие опасности и даже смерть, – «во первых надобно помнить, что Сам Господь ради нас был послушлив Отцу даже до смерти, потом несомненно убедиться в силе заповеди, что она, как написано, живот вечный есть (Ин.12:50); а наконец поверить Господу сказавшему: «иже аще хочет душу свою спасти, погубит ю; а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю» (Мар.8:35)» (Кр. 199).

352. Таким образом все виды надлежит отстранить и действовать так, чтобы шуйца не ведала, что творит десница. Это и само собою устрояется. Ибо «когда ум с не развлекаемым и усиленным вожделением благо угождает Богу, законно подвигается, всеми мерами домогаясь, чтобы не уклониться от должного; тогда не имеет он помышления ни о чем ином и ни о каком ином члене, кроме служащего ему к предположенной

цели, как художник в каждом деле устремляет мысль только на одно полезное для него орудие» (Кр. 197).

353. В этом успевает, кто делает все во славу Божию, – т. е. «все делает ради Бога, по заповеди Божией, и ни в чем не смотрит на похвалы людские, но во всем помнит Господа, сказавшего: «так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела к прославят Отца вашего, Иже есть на небесех» (Мф.5:16)» (Кр. 195).

354. Ревность принимает недолжное направление, если в нее вмешивается самоугодие. Почему «кто ревнует об исполнении заповеди, но делает всегда только то, чего сам хочет, тот получит и награду такую, какая следует за самоугодие. Итак, поскольку Апостол говорит: «кийждо вас ближнему да угождает во благое к созиданию» (Рим.15:2), и сильнее в том убеждает, присовокупив: «ибо и Христос не Себе угоди; то угождающий себе должен знать свою опасность»» (Кр. 118).

355. «Писание не позволяет делать доброе по самоугодию. Кто угождает себе, тот угождает человеку: ибо всякий и сам человек. А как проклят человек, иже надеется на человека и утвердит плоть мышцы своя, что выражает доверенность к самому себе, и пророк к этому присовокупляет: «и от Господа отступит душа его» (Иерем.17:5); так и угождающий другому, и делающий что-нибудь по самоугодию, отпадает от богочестия, впадает же в человекоугодие. На таковых изрекается в Писании сильнейшая угроза: «яко Бог рассыпа кости человекоугодников» (Пс.52:6)» (Кр. 298).

356. К неправым направлениям ревности относится и ретивость – усилие не только не отстать от других, или показать, что и мы не хуже их, но паче опереживать их во всем. Правила охуждают это, выясняя различие между ретивостью (ἐρίς) и рвением (ἐριθεία). «Ретивость есть, когда старается кто сделать что-нибудь, чтобы показаться не ниже другого кого; а рвение – когда делает что-нибудь на показ и из тщеславия. Апостол, иногда упоминая о рвении, присовокупляет ему и тщеславие, говоря: «ничтоже по рвению, или по тщеславию» (Фил.2:3); и иногда уступив первое место тщеславию, с ним

вместе запрещает и ревение, которое разумеет под иным именем, говоря: «не бываем тщеславии, друг друга раздражающе» (Гал.5:26)» (Кр. 66).

в) Трезвенное хождение пред Богом

Третий закон. Сосредоточившись умом в себе самом, стой пред Господом, в благоговейном памятовании о Нем, с соответственными тому чувствами, намерениями и желаниями. Это тоже, что другими словами внушается: хранить трезвенность, или ходить в присутствии Божию. – Такое внутреннее настроение есть условие всякого успеха в духовной жизни. О нем приведены уже мысли святого Василия Великого в статьях о непрестанной молитве. – Приложим еще нечто.

357. «Надобно знать, что невозможно иметь успеха в Богоугодной жизни, если будем блуждать мыслями туда и сюда» (Пр. 5). Почему прежде всего должны мы всеми мерами удерживать помысл, установив над ним трезвенный надзор ума, чтобы не допускать душе предаваться необузданным стремлениям. Душа, соблюдающая свою мысленную силу в трезвении и приличных действиях, утвердившись в Божественных созерцаниях, будет упражнять свою нравственность в том, что правильно, справедливо, благопристойно и мирно» (Уст. 2).

358. Сии два действия духовные – трезвение и хождение пред Богом неразлучны. Кто трезвен, тот всегда ходит пред Богом, и кто ходит пред богом – тот всегда трезвен. Отсюда признак того, что кто-нибудь рассеян, т. е. не имеет собранности в себе и трезвения, есть, – «когда кто нерадит о необходимом для благоугождения Богу, как сказал пророк: «предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся» (Пс.15:8)» (Кр. 295). А таков кто? – «кто теряет всегдашнее памятование о Боге. Это-же отчего? – Оттого, что не памятует благодеяний Божиих, и оказывается несознательным пред Благодетелем» (Кр. 294). – Ибо трезвенность есть не одно бездейственное стояние пред Богом, но есть вместе с тем наполнение ума созерцаниями о Боге и вещах Божественных.

359. Вследствие сего рассеянность мыслей, или пресечение трезвления «происходит от праздности ума, не занимающегося необходимым. А ум остается в праздности и беспечности от

неверия в присутствие Бога, испытующего сердца и утробы. Ибо, если кто поверят сему, то без сомнения соделает сказанное: предзрех Господа – и проч. – А кто достиг сего и подобного сему, тот никогда не осмелится и не будет иметь досуга помыслить что либо не клонящееся к созиданию веры, хотя бы казалось это и хорошим, а не только что-нибудь запрещенное или неугодное Богу» (Кр. 21).

360. После сего само собою ясно, «как преуспеть в нерассеянности. – Преуспеет, кто усвоит себе мысли избранного Давида, который говорил иногда: «предзрех Господа предо Мною выну, яко одесную Мене есть, да неподвижуся» (Пс.15:8); иногда-же: «очи мои выну ко Господу, яко той исторгнет от сети нозе мои» (Пс.24:15); а иногда: «се яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своя: тако очи наши ко Господу Богу нашему» (Пс.122:2). И чтобы малым примером озаботить нам себя к тщательнейшему приобретению сего – важнейшего, пусть каждый размыслит сам с собою, как он ведет себя в присутствии других, хотя бы и равных себе, как старается достигнуть того, чтобы не осудили чего в уменье его удержат себя в походке, движении каждого члена, в выговоре. Но как перед людьми стараемся соблюдать видимое для людей, так и гораздо еще более, кто несомненно уверен, что имеет зрителями – Бога, по написанному, испытующего сердца и утробы (Пс.7:10), – и Единородного Сына Божия, исполняющего обетование: «идеже еста два, или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их» (Мф.18:20), – и Святого Духа, Который управляет нами, разделяет дарования, и действует, – и Ангелов хранителей каждого из нас, по сказанному Господом: «блюдите, да не презрите единого от малых сих: глаголю бо вам, яко ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небесного» (Мф.18:10); тот возлагает на себя труднейший и важнейший подвиг, как благочестие свое сделать благо- угодным; и таким образом сильнее и совершеннее утверждается в нем нерассеянность, особливо же, если постарается исполнять сказанное: «благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих» (Пс.33:2), и «в законе Господни поучаться день и ночь» (Пс.1:2), чтобы при неослабном и непрестанном

изучении и созерцании воли и славы Божией, ум не находил и времени к разсеянию» (Кр. 306).

361. Таким образом трезвенное хождение пред Богом есть наисильнейшее орудие к преодолению всего недоброго и к успеху во всем добром. Оно держит в силе и напряжении благие намерения, и если они слабеют, то потому что оно ослабевает. Это изъясняется в ответе на вопрос: «отчего бывает, что в уме оскудевают благие помыслы и попечения, угодные Богу? И как предохранить себя от этого? – поскольку Давид говорит: «воздрема душа моя от уныния» (Пс.118:28); то видно из сего, что бывает это от душевной дремоты и от бесчувствия. Ибо в душе бодрственной и трезвящейся не оскудевают и попечение угодное Богу и благий помысл, а напротив того видит она, что сама для них недостаточна; потому что, если телесное око недостаточно к рассмотрению каких либо не многих Божиих созданий, и не насыщается, посмотрев на что либо однажды, но непрестанно рассматривая одно и тоже не перестает однако же смотреть; то тем паче душевное око, если оно бодрственно и трезвенно, недостаточно к созерцанию Божиих чудес и судеб. Ибо сказано: «судьбы Твоя бездна многа» (Пс.35:7); и в другом месте: «удивися разум Твой от Мене: утвердися, не возмогу к нему» (Пс.138:6); и многое подобное сему. Если же оскудевает в душе благий помысл; то явно что оскудевает также в ней просвещение, не по оскудению просвещающего, но от дремоты того, что должно быть просвещено» (Кр. 80).

362. Разленившийся же на исполнение заповедей Божиих как может возратить себе тщательность? – «Несомненно уверившись в присутствии Всевидящего Владыки–Бога, в угрозах, какие изречены на ленивых, и в надежде великого от Господа мздовоздания, обещанного чрез Апостола Павла, что «кийждо свою мзду примет по своему труду» (1Кор.3:8), и во всем том, что написано подобного сему к возбуждению в каждом собственного его тщания, или терпения во славу Божию» (Кр. 37).

363. Трезвение прогоняет всякие восстания со стороны тела. «Если душа соделает свою созерцательную и разумную

силу всегда бодрственную, как говорит Пророк: «ниже воздремлет храняй тя» (Пс.120:3), то усыпляет телесные страсти двояким образом, т. е. и тем, что бывает занята созерцанием лучшего и сродного, и тем, что, надзирая за безмятежием тела, уцеломудривает и утишает его страсти. – Если же возлюбив леность, оставит созерцательную силу в недеятельности, то телесные страсти, так как никто ими не правит, и никто их не останавливает, увлекают душу к своим стремлениям и действиям. Посему телесные страсти в нас сильны, когда ум бездействен, благопокорны же, когда ум распоряжает и управляет» (Уст. 2).

364. Чрез это достигается и то, «чтобы заповеди Господни исполнять не из человекоугодия. Ибо никто при уверенности, что он в присутствии высшего, не обращается к низшему. А если бы и случилось, что сделанное приятно и угодно лицу знаменитому, неприятно и стоит порицания по мнению низшего, всякий, признавая достойным предпочтения одобрение высшего, пренебрегает охуждением низшего. Если же так бывает у людей, то какая душа, истинно трезвенная и здравая, при уверенности, в присутствии Божиим, иногда оставив совершение дела, благоугодного Богу, обратится к людским мнениям, иногда же нерадя о заповедях Божиих, поработится человеческому обычаю, или уступит над собою власть общему предрассудку, или придет в смущение пред облеченными высоким саном? Не таково было расположение Того, Кто сказал: «поведаша Мне законопреступницы глумления, но не яко закон Твой, Господи» (Пс.118:85); и еще: «глаголах о свидениях Твоих пред цари и не стыдяхся» (--46)» (Пр. 5, подобное – кр. 34).

365. Трезвение, как мы видели, гнев укрощает (Кр. 29), похоть погашает (Кр. 30), сон прогоняет (Кр. 32). И вообще никакая страсть против него не только устоять, но даже и появиться не может, когда оно в силе. Оно одно может заменить все подвижнические делания, которые если и нужны будут при нем, то разве для того, чтобы не мешать ему действовать всею своею силой.

г) Украшение души всеми добродетелями, чрез которое душа делается храмом достойным Боговселения

Четвертый закон. Бог вложил в естество наше семена всего доброго; развращением воли мы то заглушаем, то извращаем сие доброе, а направлением воли на богоугождение добрые семена оживляем, а все недоброе подавляем и исторгаем. Когда все доброе возочистится, тогда душа бывает обителию Триипостасного Бога, бывает, т. е., у цели, для которой создана, и которой искала.

Этот закон выводится из духа всех правил. Но вот некоторые места, ближе к сему относящиеся.

366. Так, о любви к Богу правило говорит: «Любовь к Богу не есть что-либо учением приобретаемое. Ибо не у другого учились мы восхищаться светом, быть привязанными к жизни; не другой кто учил нас любить родителей или воспитателей. Так, или еще более, невозможно отвне научиться любви Божией, но вместе с устройением живого существа, разумею человека, вложен в нас, в виде семени, какой-то закон, в себе самом заключающий побуждения, чтобы мы настраивали себя к любви» (Пр. 2).

367. Тоже говорит оно и о любви к ближним. «Предписано нам любить ближнего; но имеем ли мы от Бога и силу к исполнению сей заповеди? – Кто же не знает, что человек есть животное кроткое и общительное? – Ничто так не свойственно нашей природе, как иметь общение друг с другом и нужду друг в друге, и любить друг друга» (Пр. 3).

368. «И для исполнения всех вообще заповедей, какие даны нам от Бога, получили мы от Него и силы, чтобы невозможно было и негодовать на то, будто бы от нас требуется что-то необыкновенное, и превозноситься тем, будто от себя приносим нечто сверх данного. И этими силами действуя правильно и как должно, благочестиво проводим добродетельную жизнь; а расстроивая их действие, увлекаемся в порок. Посему, в чем преуспеваем мы по произволению, то

есть в нас и по природе, если рассудок наш не совращен лукавством» (Пр. 2).

369. Возделывают и воспитывают добрые естественные семена слово Божие и благодать, произволением приемлемые. – «И сии-то семена, взяв училище Божиих заповедей, имеет обычай тщательно возделывать, благоразумно воспитывать и, при помощи Божией благодати, возводить до совершенства» (Там же).

370. Почему, «пороку можно дать следующее определение: это – лукавое, противное Господней заповеди, употребление того, что дано нам Богом для доброй цели; равно как определение добродетели, требуемой Богом, будет следующее: это – употребление Божиих даров с доброю совестью, по заповеди Господней» (Там же).

371. Все зло посему происходит от нерадения о возделании естественных семян добра. Это выясняется в ответе на вопрос: «следует ли сатану называть виновником всякого греха, в уме, или слове, или в деле? – Вообще думаю, что сатана сам по себе не может ни в ком быть виновником греха; но, пользуясь иногда естественно происходящими движениями, а иногда и запрещенными страстями, чрез них старается не бодрствующих над собою вводить в свойственные страсти дела. А что злое зарождается в нас самих, это ясно показывает Господь: ибо говорит: «от сердца исходят помышления злая» (Мф.15:19). Бывает же сие с теми, которые по нерадению оставляют в себе невозделанными естественные семена добра, как сказано в Притчах: «якоже нива муж безумный, и яко виноград человек скудоумный: аще оставиши его, опустеет, и травую порастет весь, и будет оставлен» (Прит.24:30–31). А душе, от такого нерадения опустевшей и оставленной, по необходимости следует произращать терние и волчцы, и испытать над собою сказанное: «ждах, да сотворит гроздие, сотвори же терние» (Исаии.5:4). Между тем как об этой же душе прежде было сказано: «и насадих лозу Сорих», что толкуется: «избранну». Подобное сему можно найти и у Иеремии, который от лица Божия говорит: «насадих виноград плодоносен, весь истинен;

како превратился еси в горесть, виноград чуждий» (Иер.2:21)?» (Кр. 75).

372. Итак, когда при свете слова Божия или заповедей Божиих, с помощью благодати Божией, добрые семена разовьются и окрепнут, злое же все отпадет; тогда душа является преукрашенною всеми добродетелями и соделывается достойным жилищем Бога Триипостасного. – Это выясняется, во-первых, в ответе на вопрос: «как удостоивается человек стать причастником Святого Духа?» – На что отвечается: «Господь наш Иисус Христос научил, сказав: «аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте. И аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам, да будет с вами в век. Дух истины, егоже мир поможет прияти» (Ин.14:15–17). Посему пока не храним всех заповедей Господних, и пока мы не таковы, чтобы Господь засвидетельствовал о нас: «вы несте от мира сего» (Ин.15:19), до тех пор да не ожидаем удостоиться Духа Святого» (Кр. 204).

373. Во вторых – в ответе на вопрос: «Поелику, Господь сказал: «идеже еста два, или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их» (Мф.18:20); то как можем удостоиться сего?» – На что отвечается: «Собравшиеся в чье-либо имя, без сомнения, должны знать намерения собравшего, и расположить себя сообразно с оным, чтобы обрести благодать благоугождения, и не подпасть осуждению за злонамеренность или нерадение. Ибо званые кем-нибудь, если у звавшего предположена цель – жать, готовят себе к этому, и если у него цель – строить дом, приготавливаются к постройке дома; так и мы, призванные Господом, должны помнить, что говорит Апостол: «молю вас аз, юзник о Господе, достойно ходити звания, в неже звани бысте, со всяким смиренномудрием и кротостию, с долготерпением, терпяще друг друга любовью, тщащеся блюсти единение духа в союзе мира. Едино тело, един дух, якоже и звани бысте во едином уповании звания, вашего» (Еф.4:1–4). Яснее же все сие представляет нам Господь, в обетовании Своем, сказав: «аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой волюбит его, и к Нему приидема и обитель у него сотворима» (Ин.14:23). Поэтому, как у сего бывает обитель вследствие соблюдения им заповедей, так Господь пребывает посреде двоих, или троих,

если сообразуемся с волею Его. А собравшиеся недостойно и не по воле Господней, хотя, по-видимому, собрались вместе во имя Господне, услышат: «что Мя зовете, Господи! Господи! и не творите, яже глаголю» (Лк.6:46)?» (Кр. 225).

д) Иноческие добродетели, или начертание образа совершенного инокa

374. Когда, по изложенным законам, действуя с постоянством, инок окрепнет и в образе мыслей, и в чувствах и расположениях, ему свойственных, тогда он является вполне украшенным всеми иноческими добродетелями: совершенным отрешением от мира и всего мирского, так что мира будто и нет для него уже, ни мирян, ни обычаев мирских, ни родства мирского, – совершенною нестяжательностью и ничего неимением, совершенным отречением от своей воли, строгим обучением тела всякому доброму деланию, неустойчивым трудолюбием, непрестанным Богомыслием и с Богом живым соединением в сердечной молитве неотходной. Обязательство к преспеянию во всем этом, рассеяно по всем частям устава; по св. Василий Великий нередко делал общие очерки того, какова должна быть жизнь инокa. Это мы видели уже в письмах его, приведенных в начале. Можно это видеть и в предшествующих уставу статьях, из которых одна так и озаглавляется: «Чем должно украшаться монаху?» – Приводим ее здесь всю сполна (Стр. 64–67).

375. «Монаху должно прежде всего стяжать жизнь нестяжательную, телесное уединение, благоприличную наружность, иметь голос умеренный и слово скромное, пищу и питье, не причиняющие мятежа, и есть в безмолвии; пред старшими молчать, мудрых слушать, к равным иметь любовь, низшим подавать исполненный любви совет; удаляться людей негодных, плотских и суетных; больше думать, а меньше говорить, не быть дерзким в слове, не допускать излишеств в разговоре, не быть смешливым, но украшаться стыдливостью, взор потуплять долу, а душу возносить горе, на прекословия не отвечать прекословием, быть благопокорну; трудиться своими руками, всегда памятовать о последних, с надеждою радоваться, скорби терпеть, непрестанно молиться, о всем благодарить, пред всеми быть смиренным, ненавидеть высокомерие; быть трезву и охранять сердце от лукавых

помыслов; чрез исполнение заповедей собирать себе сокровище на небе, делать себе испытание в ежедневных помышлениях и поступках, не вдаваться в житейские заботы и излишние беседы; не любопытствовать о жизни людей беспечных, но соревновать жизни св. Отцов; сорадоваться, а не завидовать преуспевающим в добродетели; страдать о страждущих, плакать с ними и весьма сетовать о них, но не обвинять их; не делать упреков отвращающемуся от греха и никогда не оправдывать самого себя, признавать себя паче всех грешным пред Богом и пред людьми, вразумлять бесчинных, утешать малодушных, прислуживать недужным, омыwać ноги Святых, заботиться о странноприимстве и братолюбии; с единовѣрными быть в мире, а человека еретика отвращаться, подтвержденные правилами книги читать, а сомнительные вовсе не брать в руки; об Отце, Сыне и Святом Духе не совопросничать, но с дерзновением говорить и рассуждать о несозданной и единосущной Троице, и спрашивающим отвечать, что должно креститься, как приняли, и веровать, как крестились, и прославлять, как уверовали и делать и говорить хорошее, и вовсе не клясться, не давать ни сребра в рост, ни хлеба, и вина, и елея из приращения, воздерживаться от жизни разгульной и от пьянства, и от забот житейских; не обходиться ни с кем коварно, вовсе не говорить ни о ком худо, не оговаривать, вовсе не слушать с приятностию оговоров, не скоро верить тому, что говорят на кого, не отдаваться во власть раздражительности, не покоряться унынию, не гневаться на ближнего понапрасну, не держать ни на кого неудовольствия, не воздавать злом за зло, лучше самому выслушать оскорбительное слово, нежели оскорбить другого, быть биту, нежели бить, стерпеть обиду, нежели обидеть, понести лишение, нежели другого лишить чего».

376. «А паче всего монаху надобно воздерживаться от свидания с женщинами и от питья вина; потому что «вино и жены превратят разумивых» (Сир.19:2); и исполняя по возможности заповеди Господин, не приходить в уныние, но ожидать от Господа мзды и похвалы; желать наслаждения вечной жизни, иметь всегда пред очами Давидово изречение:

«предзрех Господа предо мною, яко одесную мене есть, да не подвижуся» (Пс.15:8); как сыну, всем сердцем, всею крепостию и мыслию, и силою любить Бога, а как рабу, «благоговеть пред Ним, бояться Его, и повиноваться Ему, со страхом и трепетом содевать свое спасение, гореть духом, быть облечену во всеоружие Святого Духа, тещи небезвестно, и подвизаться, не яко воздух бияй» (1Кор.9:26); поборать врага в немощи тела и нищете душевной; творить все заповеданное и называть себя неключимым; благодарить Святого славного и страшного Бога; все делать не из ревности и тщеславия, но ради Бога и в угодность Ему; «яко Бог рассыпа кости человекоугодников» (Пс.52:6); вовсе не хвалиться, не говорить себе самому похвал, и не слушать с приятностию, когда хвалит другой; в тайне служить всегда и напоказ людям не делать, но искать только похвалы у Бога, и помышлять о страшном и славном Его пришествии, об исшествии отсюда, о благах, уготованных праведным, подобно и об огне, уготованном диаволу и аггелам его; а сверх всего этого памятовать Апостольское изречение: «яко недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явиться в нас» (Рим.8:18), и наперед говорить с Давидом: «хранящим заповеди Его воздаяние много» (Пс.18:12), великая награда, венцы правды, вечные сени, нескончаемая жизнь, неизглаголанная радость, не разоряемая обитель на небесах у Отца и Сына и Св. Духа – истинного Бога, откровение лицом к лицу, ликование с Ангелами, с Отцами, с Патриархами, с Пророками, с Апостолами, и мучениками, и исповедниками, и с благоугодившими Богу от века, обрестися с которыми потщимся и мы, по благодати Господа нашего Иисуса Христа».

19. Меры исправления и эпитимии

а) общие законы

Взаимное друг друга исправление правила предоставляют всему братству. Когда эта мера оказывается недействительною, повелевается передавать дело настоятелю. Настоятель усовещевает, кающегося штрафует, а остающегося в нераскаянии упорном изгоняет из обители. Правила определяют при сем образ действий исправляющего настоятеля и исправляемого погрешителя и отчасти прочих братий.

377. Настоятелю указывается ни одного проступка не считать маловажным, и ни одного не оставлять без внимания и исправления.

«Прежде всего надобно знать, что в Новом Завете нельзя видеть различия малых и важных грехов. Ибо на все грехи падает один приговор, когда Господь сказал; «творяй грех от диавола есть» (1Ин.3:8); и еще: «слово, еже глаголах, то судит ему в последний день» (Ин.12:48). И Иоанн вопиет: «иже не верует в Сына, не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин.3:36), а причина угрозы за неверие не различие грехов, но преслушание. Вообще же, если дозволено говорить: грех малый и великий, то неоспоримо можно доказать, что для каждого велико владеющее им, и мало, чем он владеет; как у борцов победивший крепче, а побежденный слабее одержавшего верх, кто бы он ни был. Поэтому в рассуждении всякого согрешающего каким бы то ни было грехом, должно соблюдать суд Господа, Который сказал: аще согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем едином. Аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего. Аще же не послушает, пойми с собою еще единого или два: «да при устех двою, или триех свидетелей станет всяк глагол: аще же не послушает их, повеждь церкви: аще же и церковь прослушает, буди тебе, якоже язычник и мытарь» (Мф.18:15–17). В рассуждении же всех таковых да соблюдается сказанное Апостолом: «почему не паче плакасте, да измется от среды вас содеявый дело сие» (1Кор.5:2)? – Ибо при отсечении надобно оказывать долготерпение и сдобролие» (Кр. 293).

378. «Налагающему наказание с каким расположением надобно делать сие?

«В отношении к Богу с расположением, какого достиг Давид, сказавший: «видех нсразумевающие, и истаях, яко словес Твоих не сохраниша» (Пс.118:158); в отношении к наказуемому с расположением, какое принял бы отец и врач, с состраданием и сердоболием искусно врачующий своего сына, особенно когда присоединяется скорбь и нужен мучительный способ врачевания» (Кр. 99).

379. «При увещании и вразумлении надобно показывать сердоболие. Но если сей способ врачевания окажется недействительным, по злокачественности врачуемой страсти; то в таком случае при сострадательности благовременно и справедливо употребим и стремительность негодования к пользе и к исправлению согрешившего» (Кр. 79).

380. «Исправление одержимых страстию настоятель пусть производит по закону лечебной пауки, не гневаясь на немощных, но борясь с болезнью, и как действуя наперекор немощи, так в случае нужды, строгим обхождением врачую душевный недуг, например: тщеславие – предписанием упражнений в смиренномудрии; празднословие – молчанием; неумеренный сон – бодрствованием в молитвах; телесную недеятельность – трудами; неприличное вкушение – неядением; ропот – отлучением, чтобы никто из братий не соглашался с ним вместе заниматься рукоделием, чтобы изделие его не смешивалось с изделием других, пока искренним раскаянием не докажет, что освободился от немощи. Да и тогда работу его, произведенную во время ропота, принимать должно не на служение потребностям братий, но распределять на другие потребности» (Пр. 51).

381. «Вообще по усмотрению настоятелей должны быть определяемы время и род наказания, сообразно с телесным возрастом, душевным состоянием и различием греха» (Кр. 106).

382. В отношении к душевному состоянию правила советуют особенно иметь в виду различие братий благоговейных и холодных.

«Если вникнем в расположение согрешающего и род греха, то узнаем и род наказания. Ибо хотя, по-видимому, грех холодного и благоговейного один и тот же, но между ними большая разность. Благоговейный, потому что благоговееен, беспокоится о благоугождении Богу, вместе подвизается в этом; и если поползнулся и пал, то по какому-либо обстоятельству и почти как бы невольно; холодный же, как самое имя показывает, ни мало не думая ни о себе, ни о Боге, и не поставляя никакого различия между тем, чтобы грешить и быть исправным, болезнует тем, что самое главное и важное во зле, т. е. или пренебрежением Бога, или неверием в бытие Божие. А то и другое бывает в душе причиною греха, как свидетельствует Писание, говоря в одном месте: «глаголет пребеззаконный согрешати в себе: несть страха Божия пред очима его» (Пс.35:2); а в другом: «рече безумен в сердце своем: несть Бог; растлеша и омерзишася в начинаниях» (Пс.13:1). Посему, или пренебрег он Бога, и поэтому согрешает, или отвергает он бытие Божие, и поэтому растлевается в начинаниях своих, хотя, по-видимому, и исповедует Бога. Ибо сказано: «Бога исповедуют ведети, а дела отместятся Его» (Тит.1:16). поскольку же так бывает; то, как рассуждаю, и род наказания для подобных людей должен быть различный. Ибо благоговейный имеет нужду как бы в местном только пособии и должен подпасть наказанию за одно то дело, в котором погрешил, а холодный, растливший в себе во- обще всю душевную красоту и зараженный самыми главными из зол, или как презритель, по сказанному выше, или как неверующий, должен быть и оплакиваем и вразумляем и наказываем, пока не будет в состоянии несомненно убедиться, или в том, что Бог есть Судия праведный, и от сего почувствовать страх, или в том, что вообще есть Бог, и оттого прийти в ужас. Но надобно знать еще и то, что недостатки в благоговейных бывают нередко и по смотрению Божию к их пользе, потому что Бог попускает иногда им поползнуться для уврачевания от предшествовавшего превозношения, как сказано Петром и как случилось это с ним самим» (Кр. 81).

383. «Как настоятель без страсти должен производить врачевание немощных; так и врачуемым опять должно

принимать наказания не во вражду и не мучительством почитать попечение, какое настоятель из суровости прилагает о спасении души. Ибо если больные телом столько доверяют врачам, что почитают их благодетелями, даже когда они режут, или прижигают, или утруждают принятием горьких лекарств; то стыдно нам к врачам душ наших, когда суровым своим обращением совершают наше спасение, не иметь такого же расположения, между тем, как Апостол говорит: «кто есть веселяяй Мя, точию приемляй скорбь от Мене» (2Кор.2:2)? и еще: «се бо сие самое, еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание» (2Кор.7:11)? Поэтому, взирая на конец, надобно почитать благодетелем того, кто причиняет нам скорбь по Бозе» (Простр. 52).

384. В другом месте на вопрос: «с каким расположением должно принимать наказание?» Отвечается: «С таким, какое прилично сыну больному, находящемуся в опасности жизни, и врачуемому отцом и врачом; сколько ни горек и ни мучителен способ врачевания, – с несомненностью в любви и в опытности наказующего, и с желанием уврачевания» (Кр. 158).

385. «Каков тот, кто огорчается против подвергнувшего его наказанию?» Он не познал ни опасности греха, особливо пред Богом, ни выгоды покаяния, не поверил сказавшему: «любяй же наказует прилежно» (Прит.13:25); и сам себя лишил пользы, какую имеет сказавший: «накажет мя праведник милостию и обличит мя» (Пс.140:5). Таковой вредит братству своим сожительством, развлекая подвизающихся» (Кр. 159).

386. «Если кто имеет неисправимый недостаток и от частых осуждений делается хуже, то полезно ли еще более нападать на него?

Согрешающих должно обращать с терпением, употребляя показанный Господом способ. Если же кому, как Коринфянину, для обращения его недостаточно осуждения и выговора многих, то на такового должно смотреть, как на язычника. Но оставлять осужденного Господом никому ни в каком случае не безопасно, потому что Господь сказал, что «лучше, потеряв один глаз, или Одну руку, или одну ногу, войти в Царствие, нежели пощадив какой член, всему быть ввержену в геенну огненную, где – плач

и скрежет зубов» (Мф.5:29–30); и Апостол свидетельствует, что «мал квас все смешение квасит» (1Кор.5:6)» (Кр. 57).

387 «Какой суд на тех, которые защищают согрешающих?

«Думаю, что тягчайший суда, о котором сказано: «унее ему было бы, аще жернов осельский облежал бы о выи его, и ввержен был в море, неже да соблазнит от малых сих единого» (Лк.17:2). Ибо согрешивший получает не выговор, который бы мог его исправить, но защиту, которая утверждает его в грехе; он и других вызывает на подобные слабости, почему такому защитнику, если не покажет плодов, достойных покаяния, прилично сказанное Господом: «аще око твое десное соблазняет тя, изми е и верзи от себе: уне бо ти есть, да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну» (Мф.5:29)» (Кр. 7).

б) Эпитимии. (Patrol, graec. t. 31, стр. 1305–)

1. Если кто, будучи здоров, понерадит о молитвах, или об изучении Псалмов, «непущая вины о гресех» (Пс.140:4); таковой да будет отлучен¹⁰, или пусть постятся одну неделю.

2. Если кто, с любовью будучи обличаем в каком-либо прегрешении, не принимает обличения и со всем благоговеинством не просит и не ищет прощения в том, в чем прегрешил, таковой да будет отлучен целую неделю.

3. Если кто, узнав за кем либо прегрешение, примется обличать его и исправлять не в мире и с любовью о Христе, а с горечью, более торжествуя над братом, чем врачуя повинного греху, таковой да будет отлучен вместе с обличаемым в прегрешении на две недели, потому что принялся обличать как враг, а не как брат.

4. Если кто, когда брат приказывает ему что по силам его, начнет браниться или противоречить, а не послушается со всею о Христе радостью, своим более следуя мыслям, также да будет отлучен на одну неделю.

5. Если кто попразднословит, или вдастся в шутки, не храня со страхом и трепетом учения Апостола и Евангелия, и этот да будет отлучен на одну неделю.

6. Если кто кроме «да» и «нет» другою клятвою поклянется, да будет и он отлучен на одну неделю.

7. Если кто узнает о падении брата и, когда тот будет мимо идти, бранно укорит его, как бы выставляя его на позор, да будет также отлучен на одну неделю, как не сострадательный и злорадный.

8. Если кто узнает за кем грех, и видя, что тот относится к сему безразлично, а не умоляет Господа с сокрушенным сердцем и многими слезами, будет усовещевать его и убеждать, чтоб раскаялся и показал дела покаяния, – а тот, несмотря на то, останется в своем нерадении о спасении, то таковой совсем да будет отделен от братства, по слову святого (Апостола), сказавшего: «мал квас все смешение квасит» (Гал.5:9).

9. Если кто без крайней нужды выйдет, и будет безвременно шататься, да будет отлучен таковой, чтобы в дому почивали нозе его, как написано (Прит.7:11).

10. Если кто рассерчает понапрасну, и тотчас не упросит опечаленного тем брата – простить ему грех, каким согрешил против него, да будет отлучен и этот на одну неделю.

11. Если кто, разбраненный братом, и тогда как другие братия будут просить его, не простит сего греха, вспомнив слово Апостола: прощайте, аще кто на кого имать поречение: «якоже и Христос простил есть вам» (Колос.3:13); – и этот равно да будет отлучен на одну неделю.

12. Если кто выйдет из монастыря, не приняв благословения от настоятеля, и не будучи отпущен им с молитвою, да будет вне общения (ἄκοινωνητος)¹¹.

13. Если кто стяжет какую собственность в монастыре, или вне монастыря, да будет вне общения.

14. Если кто согласится с кем выйти из монастыря на какое-нибудь другое недоброе дело, да будет вне общения.

15. Если кто из архикунитов (смотрителей за спальнями), найдет кого сеющим смуты или разглагольствующим в спальне, и не выгонит его из собрания, сам да будет без благословения (ἀπευλογίας)¹².

16. Если кто будет лишен благословения в наказание, и по презорству не принеся оправдания, возьмет благословение, да будет отлучен.

17. Если кто на трапезе предложит что себе или другому, без позволения настоятеля, да будет без благословения.

18. Если кто без мафория (кукулия, т. е. наглавника) будет делать дело в каком-либо месте, да будет без благословения.

19. Если кто поведет речь с пришельцем, чужим или своим¹³, без приказанья настоятеля, кроме тех, на коих лежит это дело, да будет без благословения.

20. Если кто унесет что у брата и спрячет, да будет без благословения.

21. Если кто, не получив благословения, станет есть, как ненаказанный, да будет отлучен.

22. Если кто в порядке своем не возьмет благословения, да будет без благословения; а если не поспел по какой нужде, пусть представит извинение.

23 Если застанут кого ночью с кем-либо наедине, или если кто переменит место, на коем обычно спит, без ведома тех, кому поручено смотреть за сим, да будет отлучен.

24. Если кто вмешается в какое дело, не будучи приглашен, да будет без благословения.

25. Если кто поменяется чем с другим, или подарит кому что-либо без ведома настоятеля, да будет без благословения.

26. Если кого вечером, после «Отче наш»¹⁴, застанут разговаривающим, да будет отлучен.

27. Если кто, будучи здоров, ляжет спать вне моленной¹⁵, да будет отлучен.

28. Если кто, сидя за трапезою, заведет шутки, поставить его тотчас на молитву.

29. Если кто, лишен будучи благословения, в огорчении сам тем же накажет наказавшего его, или противореча, не примет наказания, да будет отлучен. Если же говорит, что его несправедно наказывают, пусть скажет о том настоятелю, и примет то, что он определит.

30. Если кто имеет огорчение на кого, и не помирится с ним, прежде послушания¹⁶, не сказав о том настоятелю, или архикуниту, да будет отлучен.

31. Если кто в день Приношения (бескровной жертвы) сам себя лишит приобщения без ведома настоятеля, да будет без благословения.

32. Если кто будет беседовать о чем из Писания, в духе спорливости, да будет без благословения; если и после того, как напомнят ему, останется на своем, да будет отлучен, как упорный и непослушный.

33. Если кто свое или другого брата платье помоем без ведома настоятеля, да будет без благословения.

34. Если кто не придет на трапезу, не сказав причины, да будет без пищи.

35. Если кто потеряет что, и не нашедши того, не скажет настоятелю, да будет без благословения.

36. Если какие двое часто будут сходиться между собою в одном месте, и когда им напомним, не отстанут от этого, да будут отлучены, пока исправятся.

37. Если кто вечером не успеет к «Отче наш», без причины, пусть стоит на молитве, пока все заснут.

38. Если кто во время Причащения, имея на какого-нибудь брата огорчение, не даст ему мира, да будет отлучен.

39. Если кто отстранит брата от обычного послужения, помимо тех, на коих лежит об этом попечение, да будет без благословения.

40. Если кто узнает, что какой-нибудь брат хочет тайно удалиться из монастыря и не скажет о том настоятелю, или другому кому из начальствующих, да будет отлучен.

41. Если кто подымется из-за трапезы без воли настоятеля, пусть стоит на молитве до светильна (до вечерни).

42. Если кто после приобщения¹⁷, выйдет, оставя лежащее на нем послушание, без человеческой нужды, пусть принимает пищу особо.

43. Кто лишает другого благословения, не во время, да будет сам без благословения.

44. Если кто будет говорить по келиям, кроме живущих в них, да будет без благословения.

45. Кто заводит шутки или празднословит, да будет без благословения.

46. Если кто встретит или услышит кого поносящим другого, и не остановит его или не скажет о том настоятелю, да будет вместе с ним и сам отлучен.

47. Если кто в саду говорить будет с кем, или повторять псалмы, или спать, кроме работающих там, и тех, кои смотрят за тем, да будет без благословения.

48. Если кто выйдет в привратню, без позволения ближайших начальников своих, да будет без благословения; кто же выйдет в сторожевую башню, да будет отлучен.

49. Если кто даст что за монастырь, или примет что, без ведома настоятеля, да будет отлучен.

50. Если кто начнет говорить, что, кроме благожелания мира с кем из возвратившихся с отлучки, помимо тех, кому поручено

это, да будет без благословения.

51. Если кто будет беспокоить настоятеля, по случаю череды, кроме келаря, или недельного распорядителя, да будет без благословения. Начальник над недельною чередою и тот, на ком лежит заготовление всего потребного, должны со всем усердием все приготавливать и подавать, чтоб не подпасть осуждению в нерадении.

52. Если кто не вовремя придет в поварню, или келарню, кроме тех, кому поручено смотрение за тем, или благочинных, да будет без благословения.

53. Если кто, будучи разбужен кем-нибудь во время чтения, или другого дела, огорчится, да будет отлучен.

54. Если кто без нужды после утренних молитв, войдет в больницу, кроме больничных смотрителей, да будет без благословения.

55. Если кто без ведома больничного, вошедши, ляжет отдохнуть в больнице, да будет без благословения: если же он страдает чем, или болит, пусть скажет о том прежде больничному.

56. Если кто из немоществующих переменит место, на котором указано ему лежать, без ведома больничного, да будет отлучен.

57. Если кто из прислуживающих больным в больнице, предложит что брату, без ведома больничного, да будет без благословения.

58. Если кто из больных что-нибудь переменит (или отменит, не исполнит), без ведома больничного, или кого-либо из ходящих за больными, да будет без благословения.

59. Если кто, без ведома настоятеля, напишет к кому, или получит от кого письмо, да будет отлучен.

60. Если кто пошлет кому благословение, или примет что от кого, помимо настоятеля, да будет без благословения, Примеч. Предлагается желающим прочитать 41-е и 42-е письма св. Василия Великого.

20. О детях, воспитываемых при обителях

388. Мы уже видели, что св. Василий Великий положил принимать и детей, не для общего воспитания, а для приготовления их к монашеству; только обеты их отлагать до совершеннолетия. К этой цели направлены и все другие относительно их воспитания постановления. Так 292-е правило из кратких гласит:

«Поелику Апостол сказал: «отцы, не раздражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании и учении Господни» (Еф.6:4); то, если приводящие детей приводят их с подобною целию, и принимающие несомненно уверены, что могут приводимых воспитывать в наказании и учении Господни; пусть соблюдается повеление Господа, Который сказал: «оставите детей приити ко Мне, и не браните им: таковых бо есть Царство Небесное» (Мф.19:14). А без такой цели и без такой надежды, как рассуждаю и Богу сие негодно, и нам неприлично и бесполезно».

389. В 15-м правиле из пространных пишется:

«Хотя должно воспитывать детей во всяком благочестии, как общих чад братства, однако же надо отделять особые дома и особый учреждать образ жизни детям мужеского и женского пола, чтобы не приобрели они смелости и безмерной дерзости пред старшими, но, по редкости встреч, сохраняли уважение к высшим, и чтобы наказания, налагаемые на более совершенных за пренебрежение ими своих обязанностей (если б им случилось впасть в такое рассеяние), неприметным образом не породили в детях удобопреклонности ко грехам, или иногда и превозношения, как скоро заметят, что старшие претыкаются в том, в чем сами они преуспевают. Ибо младенчеству разум не разнится с младенцем по возрасту, а потому неудивительно, если и в том и другом оказываются те же недостатки. Да и в чем у старших по их возрасту соблюдается приличие, то молодым, вследствие частого обращения их с старшими, делать преждевременно неприлично. Итак, для сей предосторожности и для соблюдения степенности во всем

прочем, надобно отдельно помещать детей и совершенных возрастом. А с сим вместе в доме подвижников не будет и шума при изучении уроков, необходимом для юных».

390. «Но молитвы, которые установлено совершать днем, должны быть общие и у детей, и у старших; потому что у детей чрез соревнование совершенным, укореняется навык к сокрушенной молитве, и для старших немаловажно пособие детей в молитве».

391. «Уединенные же упражнения и правила касательно сна и бодрствования, времени, меры и качества пищи, для детей должны быть определены приличным образом. Над ними должен быть поставлен старший возрастом, превосходящий других опытностию, доказавший свое великодушие, чтобы мог с отеческим сердоболием и благоразумным словом исправлять погрешности юных, после каждого падения употреблять приличные врачевства; от чего бы одно и тоже служило наказанием за погрешность и обращалось в упражнение в беспристрастии душе. Напр. рассердился кто на сверстника? Должно успокоить его и заставить самого рассерженного, по мере продерзости, оказать услугу; потому что навык смирения как бы отсекает душевную раздражительность, а превозношение, всего чаще, производит в нас гнев. Коснулся ли не вовремя снедей? Пусть большую часть дня остается без пищи. Обличен ли кто, что вкушал пищу не в меру, или неблагочинно? Пусть во время принятия пищи, отлученный от яств, принужден будет смотреть на других, вкушающих чинно, чтобы и наказан был невоздержанием и научился чинности. Произнес ли кто праздное слово, оскорбление ближнему, ложь, или иное что запрещенное? Пусть уцеломудрится воздержанием чрева и молчанием».

392. «Но надобно, чтобы и обучение грамоте было соответственно цели; а для сего должно заставлять их употреблять слова, взятые из Писания, – вместо басен рассказывать им повествования о делах чудных, вразумлять их изречениями из Притчей, и назначать награды за удержание в памяти слов и вещей, чтобы дети с приятностию и отдыхом, без огорчения для себя и непреткновенно достигали цели. При

правильном руководстве, дети удобно приобретут внимательность ума и навык не рассеиваться, если приставники постоянно будут допрашивать, на чем остановилась их мысль и какой предмет их размышления. Ибо простота возраста, не ухищренность и неспособность ко лжи легко высказывают душевные сокровенности. А сверх того, ребенок, чтобы не часто застигали его на какой-нибудь непозволительной мысли, будет избегать мыслей нелепых и постоянно станет удерживаться от нелепостей, боясь стыда обличений».

393. «Поэтому, пока душа еще способна к образованию, нежна, и, подобно воску, уступчива, удобно напечатлевает в себе налагаемые образы, надобно немедленно и с самого начала возбуждать ее ко всяким упражнениям в добре, чтобы, когда раскроется разум и придет в действие рассудок, начать течение с положенных первоначально оснований и преподанных образцов благочестия, между тем как разум будет внушать полезное, а навык облегчит преуспевание. Тогда должно принимать и обет девства, как уже твердый, произносимый по собственному расположению и рассуждению».

394. «Забыли мы сказать, но и теперь не безвременно присовокупить, что, поскольку иным искусствам надобно обучаться тотчас с самого детства, то, как скоро некоторые из детей окажутся способными к обучению, не запрещаем им проводить дни с наставниками в искусстве. Но на ночь необходимо переводим их к сверстникам, с которыми надобно принимать им и пищу».

21. О женских обителях

395. И для женских обителей Устав тот же, что и для мужских; но в правилах есть некоторые предписания, собственно, к инокиням относящиеся. Приводим их здесь, чтоб ничего из правил не опустить без должного внимания.

Воодушевлив воинов к воинствованию под знаменем Христовым, св. Василий Великий прибавляет:

«Слово же сие относится не к одним мужам. У Христа воинствуют и жены, вписываемые в воинство по душевному мужеству и не отвергаемые за телесную немощь. И многие жены отличились не менее мужей; а были и такие, что даже больше их прославились. Таковы наполняющие собою лик девственников; таковы сияющие подвигами исповедания и победами мученичества. И за самим Господом, во дни явления Его, следовали не только мужи, но и жены. Теми и другими совершалось служение Спасителю» (стр. 43).

396. Предложив далее общее начертание жизни иноческой, он говорит:

«Поелику же, есть общества не мужей только, но и дев то все, доселе сказанное должно быть общим правилом для тех и других. Одно только надо знать, что большого и преимущественнейшего благоразумия требует жизнь женщин, их преспеяние в нестяжательности, в безмолвии, в послушании, в дружелюбии, строгость касательно выхода из обители, остережения от встреч, взаимное между собою расположение, избежание частных содружеств. Во всем этом с особенным тщанием должна преуспевать жизнь дев» (стр. 83).

397. «Та, которой вверено смотрение за благочинием, должна не того искать, что приятно сестрам, и не о том заботиться, чтоб заслужить их благосклонность, делая им удобное, но всегда соблюдать степенность, внушая к себе страх и попечение. Ибо должно ей знать, что она даст отчет Богу в общих прегрешениях против долга. И каждая из живущих в обществе да ищет от настоятельницы не приятного, но полезного и пригодного, да не входит в исследование о том, что

ей приказывают, потому что навык к сему есть обучение безначалию и следствие оно. Но как заповеди Божии приемлем без исследования, зная, что всяко Писание богодухновенно и полезно, так и сестры да принимают приказы от настоятельницы без испытания, с усердием, а не со скорбью и принуждением, исполняя всякий совет, чтобы послушание их имело награду. Да принимают не только наставления, относящиеся к строгости жизни, но, если наставница запрещает пост, или советует принять укрепляющую пищу, или, по требованию нужды, приказывает что-либо другое, служащее к облегчению, все одинаково да исполняют, с уверенностью, что сказанное ею есть закон» (Там же).

398. «Если же по необходимости надобно будет переговорить о чем-нибудь нужном, или с кем-нибудь из мужчин, или с имеющим попечение о деле, или с другим человеком, который может быть полезен в требуемом деле, то должна переговорить о сем настоятельница, в присутствии одной или двух сестер, для которых по жизни и по летам безопасно уже иметь свидание и вести разговор с кем бы то ни было. Если же сестра сама от себя придумает что полезное, то пусть предложит настоятельнице и чрез нее скажет, что нужно сказать» (стр. 84).

399. Попечение о женских монастырях, правила, как у пр. Пахомия, возлагают на мужские монастыри. Вследствие этого, как настоятелям, так и братии, необходимо входить в сношения с сестрами. Правила говорят на сии случаи:

«Надобно ли настоятелю часто разговаривать с настоятельницею, особливо, если некоторые соблазняются этим?

«Хотя Апостол сказал: «вскую свобода моя судится от иные совести» (1Кор.10:29)? однако же хорошо подражать ему самому, сказавшему о себе: «не сотворихом по области сей, да не прекращение кое дамы благовествованию Христову» (1Кор.9:12), и сколько возможно, реже иметь и сокращать свидания» (Кр. 109).

400. «Надобно ли настоятелю с какою-либо сестрою без настоятельницы беседовать о том, что служит к созиданию

веры?

«В таких случаях не соблюдается заповедь Апостола, сказавшего: «вся благообразно и по чину да бывают» (1Кор.14:40)» (Кр. 108).

401. Если настоятель так ограничен, то тем более должны быть ограничены братия.

«Каким образом иметь свидание с сестрами?

«Кто однажды отрекся от брака, тот, очевидно, гораздо прежде отречется от попечений, которые Апостол называет попечениями оженившегося, «как угодить жене своей» (1Кор.7:33), и совершенно очистит себя от всякого попечения, принимаемого в угождение женщине, боясь Суда Того, Кто сказал: «яко Бог рассыпа кости человекоугодников» (Пс.52:6). Поэтому, и с мужчиною не согласится иметь свидания из одного угождения, но придет на свидание только по требованию нужды, из усердия к ближнему, к какому обязывает каждого Божия заповедь» (Пр. 33).

402. «Впрочем, не надобно просто желающим дозволять свидание, и не всякое время и место для него удобны. Но, если, по Апостольской заповеди, хотим «беспреткновенно быти Иудеем и Эллином и Церкви Божией» (1Кор.10:32), делать же все благообразно и по чину, и все в назидание, то необходимо приличным образом по выбору назначать и лице, и время, и потребность, и место. А чрез все это, как избегнута будет и всякая тень худого подозрения, так во всех отношениях видно будет доказательство степенности и целомудрия тех, кому дозволено видаться друг с другом, и иметь совещание об угодном Богу, касательно телесной потребности, или попечения о душах. Но при сем должно находиться не менее двоих с каждой стороны, потому что одно лице удобно подпадет (чтоб не сказать чего больше) подозрению и не имеет силы к подтверждению сказанного, по ясному определению Писания, что «при двою или триех станет всяк глагол» (Мф.18:16). Не нужно же более троих, чтобы не было препятствия тщательности к трудолюбию, согласному с заповедию Господа нашего Иисуса Христа» (Там же).

403. «А если кому из других живущих в братстве, будет нужда сказать или выслушать что собственно до кого-нибудь касающееся, то не они сами должны входить в собеседование друг с другом, но избранные старцы с избранными старицами пусть будут их поверенными в этом деле, и таким образом, при их посредстве, переговорено будет о чем нужно» (Там же).

404. «Тоже благочиние да соблюдается не только у женщин с мужчинами, или у мужчин с женщинами, но и у лиц одного пола с лицами того же пола. Собеседующие, сверх иного во всем благоговения и степенности, должны быть благоразумны в вопросах и ответах, верны и разсудительны в том, что говорят, исполнять сказанное: «устроит словеса своя на суде» (Пс.111:5), чтобы доверившиеся им, и нужду свою исполнили, и вместе не оставались в сомнении касательно того, о чем они переговаривали» (Там же).

405. «И ради телесных потребностей пусть услуживают другие, заслужившие одобрение, старшие и по возрасту, и по наружности, и по нравам, честные, чтобы чью-либо совесть не уязвить худым подозрением.» Вскую бо свобода моя судится от иные совести» (1Кор.10:29)?» (Там же).

406. Тоже самое повторяется и в 220-м правиле из кратких.

Всякому ли желающему надобно дозволять свидание с сестрами, или кому, когда и как иметь свидание с сестрами?

«Об этом говорено в правилах, пространно изложенных, а именно, что не всякому мужчине, не только с женщиною, но и с мужчиною, должно иметь свидания свободно, просто и как случилось, но это позволительно только тому, кто, по испытании, окажется способным доставить пользу и сам воспользоваться. А если кто помнит Господа, сказавшего: «яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный» (Мф.12:36); то побоится подобного суда за всякое дело, покорится Апостолу, сказавшему: «аще ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся в славу Божию творите» (1Кор.10:31), и в другом месте: «вся к созиданию да бывают» (1Кор.14:26), и не дозволит себе сделать что-нибудь праздну и без пользы. Что же касается до того, кому, когда и как иметь свидание, то да принимаются в рассмотрение время,

место и лице, чтоб не произошло никакого худого подозрения, все соблюдены были от соблазна, и свидание послужило к созиданию веры. Писание же не позволяет, чтобы одно лице с одним же лицом имело свидание, ибо сказано: «блази два паче единого, а притом двое более заслуживают и вероятия; горе же единому, яко егда падет, несть воздвизаяй» (Еккл.4:9–10)».

407. Это небывание один на один с сестрами простиралось так далеко, что даже и исповедь не была свободна от сего закона. Вопрос: «когда сестра исповедуется пресвитеру, надобно ли быть при сем и старице?» Решается так: «Гораздо благоприличнее и безопаснее такая исповедь, которая бывает при старице пред пресвитером, способным предложить благоразумный способ покаяния и исправления» (Кр. 110).

408. Внутреннее управление в обители принадлежало все настоятельнице. Почему, «если бы пресвитер приказал что-нибудь сестрам без ведома ее, она в праве негодовать на это» (Кр. 111).

409. Труд управления внутреннего настоятельница делит с другими. Так у ней есть смотрительница над шерстями, распоряжающаяся и работами сестер. Ей предписывается: «сберегать шерсти, как залог Божий, а работу, каждой сестре свойственную, назначать без притеснения и без лицепрятия» (Кр. 153).

410. Пение псалмов лежало на сестрах, вероятно, по очереди. Почему, встречались случаи, подавшие повод вопросу: «не хотящую петь псалмы нужно ли принуждать?» – который решается так: «Если сестра не с усердием приступает к псалмопению, если не приходит к ней расположение сказавшего: «коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим» (Пс.118:103), и если леность свою не почитает великим вредом, то пусть исправится, или будет выгнана вон, да не «мал квас все смешение квасит» (Гал.5:9)» (Кр. 281).

411. Были там и свои меры исправления. В правилах относительно сего решается только один случай, именно: «если случится старице впасть в одинаковый грех с юною, подлежит ли она такому же с ней наказанию?» – и решается так:

«Если случится, когда старице впасть в одинаковый грех с юною, то прежде всего должно принять в рассмотрение естественные, скажу так, недостатки возраста, и таким образом определить приличную тому и другому возрасту меру наказания. Например, леность почти естественна старости, но не юности, равно как рассеянность, беспокойство, дерзость, и все подобное естественны не старости, но юности, и по-видимому поддерживаются естественною юности горячностью. Посему, тот же грех, например, леность, достоин тягчайшего обвинения в молодой, которую ни мало не извиняет в лености возраст; и тот же грех – рассеянность или дерзость, или беспокойство, большого осуждения делают достойною старицу, которой и самый возраст помогает быть кроткою и тихою. Сверх сего, надобно в том и другом лице исследовать и самый вид греха, и таким образом, чрез свойственное каждому наказание вводить приличный способ врачевания» (Кр. 82).

412. По подробнее об этом говорится в изложении эпитимий, налагаемых на сестер (Patrol, graec. t. 31, стр. 1313).

1. Поклявшаяся какою-нибудь клятвою да будет отлучена на две недели.

2. Озлословившая какою-нибудь из стариц, коим вверено распоряжение по обители, да будет отлучена на одну неделю.

3. О сестре, отсутствующей тайком говорящая что-нибудь с целью очернить ее, да будет отлучена на одну неделю.

4. Разбранившая как-нибудь какую из сестер, да отлучена будет на одну неделю.

5. Которая пошепчет другой на ухо, кроме стариц-распорядительниц, да будет отлучена на одну неделю.

6. Которая без крайней нужды, безвременную ведя беседу, поспраднословит, да будет отлучена на одну неделю.

7. Которая заводит шутки и неприличные смехи, да будет отлучена на одну неделю.

8. Которая, находясь в деле послужения и нужду имея необходимую, заговорит другой сестре с криком и продерзостию, да будет отлучена на одну неделю.

9. Которая будет защищать сестру, осужденную в каком-либо прегрешении старицами, коим по испытании, вверено

вести экономию и порядки, да будет отлучена на две недели вместе с тою, которую защищала.

10. Которая поведет речь с кем либо, из пришедших со вне, без позволения той, которой вверено это дело, в видах соблюдения благочиния, да будет отлучена на одну неделю.

11. Которая роптать будет по причине скудости потреб, или будет тяготиться делами, да будет отлучена на одну неделю.

12. Которая поперечит распоряжениям тех, коим вверено попечение, да будет отлучена на одну неделю.

13. Которая с небрежением и беспокойно исполняет порученное ей дело, да будет отлучена на одну неделю.

14. Которая желает украшаться, после первого и второго вразумления, да будет обличена пред настоятелем.

15. Которая без ведома тех, коим вверено попечение, пойдет к матери или сестре, да будет отлучена на одну неделю.

16. Которая помаванием очей с злым умыслом, оскорбит сестру, да будет отлучена на одну неделю.

17. Которая, по окончании церковных молитвословий, будет говорить с какою-либо из сторонних женщин, да будет отлучена на одну неделю.

18. Которая от одного дела перейдет к другому, без приказанья распорядительниц, да будет в отлучении одну неделю.

19. Которая отвергнет эпитимию, или попротиворечит, или поропщет, не зная, как полезно для ней самой исправление, да будет отлучена на две недели.

413. Приводим и назидательное письмо св. Василия Великого к падшей деве, которое вразумительно может действовать и на всех падающих в какие-либо грехи (Пис. 43).

«Теперь время возгласить оное пророческое слово и сказать: «кто даст главе моей воду, и очесем моим источник слез; и плачуся о убиенных дочери людей моих» (Иер.9:1)? Хотя объемлет их глубокое молчание, хотя однажды навсегда подавлены они бедствием, и смертоносным ударом отнято уже у них самое ощущение страдания, однако же нам не должно оставлять без слез такого поражения. А если Иеремия признал достойными тысящекратного оплакивания тех, которые телесно

поражены на брани; что должно сказать о таком бедствии душ? «Уязвлении твои», сказано, «не мечьми уязвлены, ниже мертвецы твои умерщвлены ратию» (Исаии.22:2). Напротив того, оплакиваю жало истинной смерти – тяжкий грех и разженные стрелы лукавого, которые немилосердно пожигают вместе с телами и души».

«Видя на земле такое преступление, без сомнения, громко будут жаловаться Божии законы, которые всегда воспевают и вопиют, как в древности: не пожелай жены ближнего твоего (Второз.5:21), так и в Священных Евангелиях: «яко всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ее, уже любодействова с нею в сердце своем» (Мф.5:28); теперь же видят, что бесстыдно любодействует сама невеста Владыки, у которой глава Христос. Будут жаловаться и самые духи Святых, и Финеес ревнитель, что ныне невозможно ему, взяв сулицу в руки, наказать преступление телесно, и Иоанн Креститель, что не может, оставив горние обители, как тогда пустыню, прийти для обличения беззакония, и если нужно пострадать, то скорее лишиться главы, нежели отказаться от дерзновения. А, может быть, Иоанн (если он, подобно блаженному Авелю, и умерший глаголет еще нам) и ныне вопиет и громче взывает, нежели тогда об Иродиаде: «недостойно тебе имети ее» (Мф.14:4). Ибо хотя тело Иоанново, по необходимому требованию естества, подчинилось Божественному определению, и язык Иоаннов молчит; однако же слово Божие не вяжется (2Тим.2:9). Кто даже до смерти простер свое дерзновение, когда уничтожаем был брак подобного ему раба, тот потерпит ли, видя такое поругание святого Господня брачного чертога?»

«Но ты, которая свергла с себя иго оного Божественного союза, бежала из пречистого брачного чертога Истинного Царя и гнусно впала в это бесчестное и нечестивое растление, поскольку уже не можешь избежать сего горького обвинения и нет у тебя ни средств, ни возможности сокрыть зло, предаешься теперь дерзости. И как «нечестивый, впадши во глубину зол, не радит» (Прит.18:3) уже, так и ты отрицаешься от самых условий с Истинным Женихом, и вопиешь, что ты не дева, и

никогда не обещалась быть девою, хотя приняла многие условия девства, а многие показала на деле».

«Приведи себе на память прекрасное исповедание, какое произнесла ты пред Богом, Ангелами и человеками. Приведи себе на память почтенный собор, священный лик дев, сонм Господень и святых Церкви, и престарелую о Христе бабу свою, которая юнеет и цветет еще добродетелью, и мать, которая соревнует ей о Господе, и усиленно старается какими-то новыми и необычайными трудами истребить в себе следы навыка, а также и сестру, которая равно подражает обеим, а в ином усиливается и превзойти их, и девственными преимуществами превышает заслуги предков, а тебя, сестру свою, как доселе почитала она тебя, и словом и делом неутомимо призывает к равному подвигу. Приведи себе на память их, и с ними Ангельский лик окрест Бога, и духовную жизнь во плоти, и небесное жительство на земле. Приведи себе на память безмятежные дни, озаренные светом ночи, духовные песни, благозвучное псалмопение, святые молитвы, чистое и нескверное ложе, девственное преспеяние, воздержную трапезу, прекрасно обещающую, что дева твоя сохранена будет нерастленною».

«Где же твоя степенная наружность, где благопристойный нрав, и простая одежда, приличная деве, прекрасный румянец стыда, и благолепная бледность, цветущая от воздержания и бдения и сияющая приятней всякой доброцветности? Сколько раз в молитвах о сохранении девства твоего неоскверненным, проливала ты, может быть, слезы! Сколько писем писала к Святым и в них просила молиться за тебя не о том, чтобы тебе вступить в человеческий брак, лучше же сказать, впасть в это бесчестное растление, но о том, чтобы не отпасть от Господа Иисуса! Сколько даров получила ты от Жениха! Говорить ли о тех почестях, какие ради Его воздавались тебе друзьями Его? Говорить ли о сожитии с девами, о преспеяниях с ними, о приветливости к тебе дев, о похвалах за девство, о девственных благословениях, о письмах, писанных к тебе, как к деве»?

«Но теперь при малом возвеянии воздушного духа, действующего ныне в сынех противления (Еф.2:2), отеклась ты от всего этого: драгоценное свое достояние, стоившее всех усилий, променяла на непродолжительное удовольствие, которое на время услаждает твою гортань, а в последствии окажется более горьким, чем желчь. Кто при этом не скажет плачевно: «како бысть блудница град верный Сион» (Ис.1:21)?»

«Сам Господь не возглаголет ли к кому-либо из ходящих ныне в духе Иеремиином: «Видишь ли, яже сотвори Мне дева Израилева» (Иерем.18:13)? «Я обручил ее Себе в вере и в нетлении, в правде и в суде, и в милости, и в щедротах, как обещал ей чрез пророка Осию» (Ос.2:19–20). Но она возлюбила чужих, и, хотя жив я – муж ее, именуется любодейцею, и не боится принадлежать мужу иному».

«Что же невестоводитель, Божественный и блаженный Павел, как оный древний, так и сей новый, при посредстве и наставлении которого, оставив отеческий дом, вступила ты в союз с Господом? Тот и другой, встревоженные таким бедствием, не скажут ли? «страх бо, егоже ужасался, прииде ми, и его же бояхся, сrete мя» (Иов.3:25); «обручих бо тя единому мужу, деву чисту представить Христови; и всегда боялся, да не како, якоже змий прельсти Еву лукавством своим, тако истлеют и разумы твоя» (2Кор.11:2–3). Поэтому, непрестанно старался я тысячами разных сладкопений умирять в тебе мятеж страстей, и тысячами разных попечений охранять невесту Господню, и всегда описывал тебе «жизнь непосягшей, что непосягая печется о Господних» (1Кор.7:34), чтобы ты была свята и телом и духом, и изображал тебе достоинство девства, и именуя тебя храмом Божиим, как бы придавал крылья усердию, восторгая тебя к Иисусу; помогал и страхом бедствия, чтобы ты не пала, говоря: «аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог» (1Кор.3:17); присовокуплял к сему и то, что ограждало тебя молитвами, «да все- совершенно твое тело, и душа, и дух, непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа сохранится» (1Сол.5:23). Но всем этим утомлял себя напрасно, и горек вышел у меня конец сладостных трудов, для тебя понесенных. Снова надобно

воздыхать, о ком надлежало радоваться; потому что вот обольщена ты змием злее, нежели Ева. Не только помышления твои растлены, но растлено с ними и тело; и что ужасно, чего не желал бы выговорить, о чем не могу и умолчать, потому что «огнь горящ и палящ в костях моих, и розслабех отсюда, и не могу носить» (Иер.20:9), «взешь уды Христовы, сотворила ты уды блудничи» (1Кор.6:15). Это – одно из зол несравнимое с прочими, это новая дерзость в мире! Ибо сказано: «приидите во острова Хеттим, и видите, и в Кидар послите, и рассмотрите прилежно, аще сотворена быша таковая: аще премениша языцы боги своя, и тии не суть бози» (Иер.2:10–11)? Но «дева изменила славу свою, и слава ее в стуже. Ужасеся небо о сем, и вострепета земля попремногу зело» (--12). И теперь глаголет Господь, что два зла сотворила дева, «Мене оставила Истинного Святого Жениха Святых душ, и прибегла к нечестивому и беззаконному растлителю вместе души и тела; отступила от Бога Спасителя своего, и представила уды своя рабы нечистоте и беззаконию» (Рим.6:19), а «Мене забы, и хождаше в след похотника своего» (Ос.2:13), который ей не поможет.

«Но «еда надаяй не востает? или отвращаяся не обратится» (Иерем.8:4)? – Для чего дева отвратилась бесстыдно, хотя слышала, что Жених Христос говорит чрез Иеремию: «И рекох, повнегда любодействовати ей во всех сих: ко Мне обратися, и не обратися» (–3:7). «Или ритины несть в Галааде? или врача несть тамо? Чесо ради несть исцелена дщерь людей Моих» (–8:22)? И в Божественном Писании найдешь много пособий от сего зла, много врачевств, спасающих от гибели; – таковы тайны касательно смерти и воскресения, таковы словеса о страшном суде и вечном мучении, учения о покаянии и отпущении грехов, тысячекратные оные примеры обращения, драхма, овца, и сын, который поглотил свое имение с блудницами, изгибл бе, и обретеса, мертв бе, и снова оживе. Воспользуемся сими пособиями от зла, исцелим ими душу свою».

«Займись же размышлением о последнем дне (ибо, без сомнения, не будешь ты одна жить вечно); представь себе

смятение, сокращение дыхания, и час смертный, приближающийся Божий приговор, поспешающих Ангелов, душу в страшном при этом смущении, немилосердо мучимую грешною совестью, обращающую жалостные взоры на тамошнее, наконец неотвратимую необходимость дальнего оногo переселения».

«Напиши в мысли своей окончательный переворот в общем житии, когда «Сын Божий придет во славе Своей со Ангелы Своими. Ибо придет и не премолчит» (Пс.49:3); «когда придет судить живых и мертвых, и воздаст каждому по делам его, когда она́я труба, прозвучав нечто великое и страшное, возбудит уснувших от века, и изыдут сотворшии благая в воскрешение живота, а сотворшии злая в воскрешение суда» (Ин.5:29). Приведи себе на память видение Даниила, как изводит он суд пред взоры наши. «Зрях», говорит, «дондеже престолы поставишася, и Ветхий деньми седе, и одежда Его бела аки снег, и власы главы Его аки волна чиста, колеса Его огонь палящ. Река огненная течаше исходящи пред Ним: тысячи тысяч служаху Ему, и тмы тем предстояху Ему: судище седе, и книги отверзошася» (Дан.7:9–10). Доброе, худое, явное, тайное, дела, слова, помышления – все вдруг ясно открывается во услышание всем, Ангелам и человекам. В каком же положении неизбежно будут при этом жившие худо? Где скроется душа, которая вдруг пред взорами стольких является исполненною срама? Каково будет состояние тела у подвергшегося этим нескончаемым и нестерпимым мучениям там, где огонь неугасимый, червь бессмертно мучительствующий, томное и ужасное дно адово, горькое рыдание, необычайные вопли, плач и скрежет зубов, и нет конца страданиям? От всего этого нет избавления по смерти, нет ни способов, ни возможности избыть горьких мучений».

«Можно избежать сего ныне. Пока есть возможность, восставим себя от падения; и не будем отчаиваться в себе, если исправимся от худых дел. Иисус Христос пришел в мир грешных спасти. «Приидите поклонимся и припадем Ему; и восплачемся пред Ним» (Пс.94:6). Зовущее нас к покаянию слово вопиет и взывает: «приидите ко Мне вси труждающиеся и

обременении, и Аз упокою вы» (Мф.11:28). Итак, есть путь спасения, если желаем. «Пожре смерть возмогши; но твердо знай, что паки отъят Бог всякую слезу от всякого лица кающихся» (Ис.25:8); «верен Господь во всех словесех Своих» (Пс.144:13). Не лжет, когда говорит: «аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю: аще же будут яко червленое, яко волну убелю» (Исаии.1:18). Готов исцелить немощь твою Великий Врач душ, сей готовый Освободитель не одной твоей души, но и всех душ, поработанных греху. Его это слова, Его сладостные и спасительные уста изрекли: не требуют здравия врача, но болящий. «Не приидох призвати праведники, но грешника на покаяние» (Мф.9:12–13). Какое же извинение у тебя, или у кого-либо другого, когда Он вопиет сие? Господь хочет избавить тебя от болезненной раны, и показать тебе свет из тьмы. Тебя ищет добрый Пастырь, оставив заблуждших овец. Если отдашься Ему, не замедлит, не погнушается Человеколюбец понести тебя на раменах Своих, радуясь, что нашел овцу Свою изгибшую. Отец восстал и ждет возвращения твоего от заблуждения. Исправься только, и когда еще будешь далеко, Он притечет, падет на выю твою, и в дружеские объятия заключит тебя, очищенную уже покаянием. И в одежду первую облечет душу, совлеющуюся ветхого человека с деяньми его, и возложит перстень на руки, смывшие с себя кровь смерти, и обуеет ноги, обратившиеся от пути злого на стезю Евангельского мира. И объявит день веселия и радости Своим, и Ангелам, и человекам, и всячески будет праздновать твое спасение. «Аминь глаголю вам», говорит Он, «яко радость бывает на небеси пред Богом о едином грешнице кающемся» (Лк.15:7). «Если кто из мнящихся стояти осудит, что скоро принят ты, то Сам благий Отец в защищение твое скажет: возвеселитижеся и возрадовати подобаше, яко сия дочь Моя мертва бе, и оживе и изгибла бе, и обретесе» (--32)».

22. Соотношения братств

414 Пр. Пахомий всех следовавших его правилам собрал под одною главою, главным Аввою монастырей. Св. Василий всех державшихся его устава соединяет братским союзом чрез взаимопомогание, взаимно-совещание, и принаровления к братским решениям.

Он хочет, чтобы в одной местности много было обителей, но, чтобы все собирались в одну. Это выражает он в ответе на вопрос: надобно ли в одном селении основывать многие братства?» – (Пр. 35).

«Предложенный вопрос, говорит он, объясняет нам пример телесных членов, с пользою употребляемый на многое. Ибо слово показало, что телу, при хорошем устройстве, приспособленном ко всякому образу действий, нужны глаза, язык, и прочие необходимые и главнейшие члены; но трудно и редко возможно найти душу способную быть оком для многих. По самой строгости требуется, чтобы настоятель братства был предусмотрителен, и в слове достаточно силен, и трезвен (умным трезвением), и сердоболен и совершенным сердцем искал оправданий Божиих. Можно ли же в одном селении встретить многих таких людей? А если бы и случилось когда, что нашлось таких двое или трое, – дело впрочем не легкое и нам еще не встретившееся, – то гораздо лучше сообща принять им на себя попечение и облегчать друг другу труд, чтобы например, во время отсутствия или недосуга одного из них, или в других каких обстоятельствах (по которым одному настоятелю нередко случается отлучиться от братства), готов был другой к вознаграждению недостатка. А если сего не случится, то другой может идти в другое братство, которое имеет нужду в руководителе».

«Но опыт совершающегося в мире много может способствовать нам к решению предложенного вопроса. Как искусные в общеупотребительных художествах имеют соревнование к занимающимся тем же художеством; а это самое не приметным образом производит обыкновенно

соперничество; так всего чаще то же случается и в подвижнической жизни. Начав соревнованием в деле прекрасном и старанием превзойти друг друга или в странноприимстве, или в умножении числа сподвижников, или в другом каком подобном деле, со временем входят в ссоры. Потом приходящие из других обителей братия бывают в великом сомнении, и вместо упокоения находят затруднение; мысль у них делится, пристать ли к тому, или другому братству; и предпочтение оскорбительно, и вполне оценить то или другое братство невозможно, особливо когда требуется поспешность; а первоначально вступающим в общежитие делается большое беспокойство, кого из настоятелей избрать им руководителем своей жизни, избрать же одного без сомнения, значит не одобрить других. А от того с самого уже начала заражаются они превозношением, не в ученики себя готовя, но привыкая быть судьями и ценителями братства».

«Итак, поскольку в раздельности обителей не оказывается ничего доброго, а видно много тому противного, то вовсе бесполезно отделять одну обитель от другой. Но если бы и прежде этого разделение случилось, то надобно поспешить исправлением, особливо по изведании на опыте вреда. Оставаться же в разделе – это явное соперничество: «аще ли кто мнится спорлив быти», говорит Апостол, «мы такового обычая не имамы, ниже церкви Божия» (1Кор.11:16)».

«Да и что представят препятствием к соединению? Жизненные ли потребности? Но при общем житии их легко приобретать; потому что одного светильника, одного очага, и чего-либо подобного сему может быть достаточно для всех. Ибо если чего другого, то и в сем удобства, надобно домогаться всеми мерами, приобретение необходимого доводя до наименьшего количества. Притом и людей, которые бы отвне доставляли братству потребности, при раздельном житии нужно большее число; а при совокупном – половинное. А как трудно найти человека, который бы не постыдил имени Христова, но во время отлучек, при встрече с мирянами, вел себя достойно своего обета, сие известно вам и прежде моего слова».

«При том остающиеся в разделе как могут назидать живущих в мире, или в случае нужды склоняя их к миру, или убеждая к исполнению других заповедей, если сами навлекают на себя худое подозрение тем, что не соединяются»?

«Сверх сего слышим, что пишет Апостол к Филиппийцам: «исполните мою радость, да тожде мудрствуете, ту же любовь имуще, единокорни, единомудренни; ничтоже по рвению, или тщеславию, но смиренномудрием друг друга больша себе творяще: не своих кийждо, но и дружних смотрите» (Фил.2:2–4). Какое же доказательство смиренномудрия больше того, что и настоятели братства подчиняются друг другу? Ибо, если они равны по духовным дарованиям, то для них лучше подвизаться вместе, как показал нам это сам Господь, «послав Апостолов два два» (Мр.6:7). И каждый из них без сомнения, пожелает с радостью подчиниться другому, памятуя слово Господа, Который говорит: «смирняяй себе вознесется» (Лк.18:14). А если случится, что один ниже, а другой выше, то гораздо полезнее для немощного, если будет принят в сообщество более крепких».

«И не явное ли это преслушание Апостольской заповеди, в которой говорится: «не своих си кийждо, но и дружних кийждо смотрите»? Ибо, как рассуждаю, при отдельном жительстве невозможно в этом успеть, когда каждое братство имеет попечение, собственно, только о принадлежащих к нему, чуждается же заботливости о других, что, как сказал я, очевидно противоречит Апостольской заповеди. И из многократного в Деяниях свидетельства о святых, о которых пишется в одном месте: «народу веровавшу бе сердце и душа едина» (Деян.4:32); и в другом: «вси веровавшии бяху вкупе, и имяху вся обща» (Деян.2:44), видно, что у них не было никакого разделения, никто не жил по своей воле, но все управляемы были, состоя под одним и тем же попечением; и это соблюдалось при числе, доходившем до целых пяти тысяч, отчего, может быть, не мало было и такого, что по человеческому расчету, казалось препятствием к соединению. А если в каждом селении находящееся число братьев гораздо меньше, то какая причина дозволить им разделяться между

собою? О, если бы возможно было, чтобы не только собравшиеся вместе в одном селении жили всегда вкупе, но, чтобы и многие братства в различных местах, под единым попечением людей, способных не лицеприятной мудро устроят полезное для всех, назидаемы были в единении духа и в союзе мира!» (Пр. 35).

415. Когда же братства уже установились особо одно от другого, по убеждению в их необходимости, настоятелям их советуется устроят по временам взаимные совещания по делам управления.

«Хорошо, чтобы у настоятелей братств в какие ни есть определенные времена и на определенных местах бывали собрания, на которых бы сообщали друг другу о делах, встретившихся сверх всякого предположения, о неудобоисправимых нравственных пороках, и о том, как поступлено в каждом деле, чтобы и допущенная кем либо погрешность достовернее открывалась на суде многих, и правильно сделанное подтверждалось свидетельством большого числа» (Пр. 54).

416. Братства должны помогать одно другому в вещественных нуждах, – когда одно убого, а другое по близости достаточно. Ибо «наученные из любви Христовой и душу свою полагать друг за друга могут ли быть скупы в нужном, для тела, как бы забыв сказавшего: «взалкахся и не дасте Ми ясти» (Мф.25:42) и проч.? – Но, если случится это, т. е., что достаточное братство мало будет расположено к общительности, – убожествующие должны иметь долготерпение, подражая Лазарю, в уверенности получить утешение в будущем веке» (Кр. 181).

417. Также в случае взаимных торгов братствами внушается не преследовать корыстных целей при этом.

Был вопрос: «братству, когда ведет торг с другим братством, надобно ли домогаться надлежащей цены за вещь?» на него отвечено: «Не могу сказать, позволяет ли Писание братьям покупать друг у друга и продавать друг другу; потому что научены мы делиться друг с другом в нужде по написанному: «ваше избыточество во оных лишение, и оных

избыток в ваше лишение, яко да будет равенство» (2Кор.8:14). Если же когда случится подобная необходимость, то стараться о том, чтобы цена была не меньше надлежащей, надобно более покупающему, нежели продающему. Оба же да помнят сказавшего: «тщеты творити мужу праведну не добро» (Прит.17:26)» (Кр. 285).

418. Братства помогать должны одно другому и в мерах исправления неисправных.

Начальствующие над духовными обществами должны действовать в духе взаимного доброжелательства, и заботясь друг о друге, не разорять того, что устроено другими, и не принимать просто и без разбора тех, которые оставляют другие братства. Ибо это есть совершенное замешательство, расстройство и разрушение духовного дела. Потому что разумнейший из братьий твердо пребывают в добре, удерживаясь страхом Божиим; а ленивые и беспечные ведутся и направляются к добру стыдом человеческим и нуждою, налагаемою от людей; так, если беспечный увидит, что ему можно без страха убежать от трудов, назначаемых в избранном им однажды обществе, перейти в другую обитель и жить там без опасения и невоздержно, то он легко оторвется от союза, и поспешно принимающий его будет виновен в его гибели. И когда это зло размножится, то и хорошо живущих нередко будет совращать с прямого и правого пути, и гибель всех их соберется на главу того, кто подаст повод к таким поползновениям. Итак, чтобы не случилось сего, будем отступающих от своих братьий вразумлять и возвращать туда, откуда они вышли; если же не послушаются нас, будем беречься и отвращаться от них, избегать встречи с ними, и это же внушать и всем братьям: дабы или они сами, уцеломудренные таким отвращением, опять вошли в свою ограду, и паслись от поставленного над ними пастыря; или, ежели они пребудут упорными в своем отречении от общения духовного, то по крайней мере, прочие, видя, как гнушаются ими, уцеломудрились бы их примером, и избегая стыда, боялись бы подражать им.

«А чтобы показать, что это не мои слова, а ясные слова Духа, приведу вам глаголы Павла, которыми он обличал неводержно живущих, подвергая наказаниям, вместе с другими, и пьянствующих и поносителей: «аще бо, говорит он, будет блудник, или досадитель, или пьяница: с таковым ниже ясти» (1Кор.5:11). И в другом месте указывая на «ничтоже делающих, но лукавно обходящих» (2Сол.3:11), говорит: «такового назнаменуйте, и не примешайтесь ему» (— —14). А что нарушающий обеты, данные Духу Святому, делает хуже досадителей, пьяниц и проводящих жизнь к праздности, это всякому очевидно. Итак, самый разум по праву убеждает нас, тем людям, которые разоряют духовное благочиние, воспрещать и преграждать всякие сношения с хранящими оное. Отлучка брата из обители тогда только остается непредосудительною, когда это бывает по определению настоятеля для устройства дел монастыря» (Уст. 33).

419. Неблаговидный образ этих блуждающих начертан яркими красками в 8-й главе уставов подвижнических.

«Надобно остерегаться тех, которые не уживаются на одном месте, переходят из одного братства в другое, предаваясь непрекращающейся и неослабной стремительности, непрестанно бегают по монастырям и, конечно, под видом духовной любви, выполняют хотения плоти; у которых в душе нет ничего постоянного, твердого, упорядоченного, украшенного благоразумием, но есть все то, что суетно, злонравно, исполнено беспокойства и неразумия, коварства и лицемерия, лжи и обманчивого ласкательства. Язык у них невежественный, и чрево неумеренное, душа всегда готова лететь и кидаться опрометью, помыслы подобны полету нетопырей, никогда не следуют прямому направлению, но несутся вкось и удобно обращаются назад, иное обнаруживают в первых своих порывах, к другому, сверх всякого ожидания, стремятся по переменчивости расположения, много ползают и нисколько не подают вперед. Они походят также на подъяремных животных, которых гоняют вокруг жерновов, и которые ходят много, но всегда остаются на том-же месте, и, хотя утомляются телом, однако же никак не выходят из малого пространства. Так

и эти люди, всегда претыкаясь в телесных страстях, не восходят на духовную высоту, но бегут по бесконечному колесу, непрестанно гонимые телесными удовольствиями и вожделениями, от одного и того же опят в то же увлекаемые и, по причине превратности произволения, не освобождаемые от лукавого рабства. Они вместо приманки кажут смотрящим на них наружность овчую, а внутри скрывают жадную, злонравную и хитрую лисицу; стараются же в равное злонравие совращать и других многих, именно тех, которые, не состоя под управлением рассудка, легко отдаются в волю и хорошего и худого вождя, то и признавая хорошим, что другой укажет, или правильного, ими только правдоподобного. И таких-то людей стараются они увлекать в свою пропасть, думая, что развращение обманутых или послужит к собственному их оправданию, и что сообщники в пороке уменьшат их вины. Поэтому надобно всеми мерами остерегаться их, чтобы не сделали вреда другим, сообщив им душевную заразу, и чтобы сами по преграждении им всюду доступа, хотя поздно, но обратились к добру, приняв себе в наставники стыд, и в отвращении от них людей честных находя вразумление к тому, чтобы бежать порока. Сему научил и Павел, рассуждая о не делающих ничего, но обо всем любопытствующих: «сего, говорит он, назнаменуйте и не примешайтесь ему, да посрамится» (2Сол.3:14)».

23. Заключительное увещание – возревновать наконец о строгой жизни (Стр. 87–95)

«Умоляю вас любовью Господа нашего Иисуса Христа, давшего Себя за грехи наши, позаботимся, наконец, о душах наших, восскорбим о суете протекшей жизни, начнем подвизаться ради будущего во славу Бога, и Христа Его и Святого поклоняемого Духа. Не будем оставаться в лености, и в этом расслаблении, чтобы нам, по лености потеряв настоящее, и начало дел откладывая до завтрашнего и последующих дней, когда потом притязатель душ наших застигнет нас, не запасшихся добрыми делами, не быть лишенными радости брачного чертога, и не плакать напрасно и бесполезно сетуя о худо проведенном времени жизни, когда ничто уже не поможет раскаявающимся. «Ныне время благоприятно», говорит Апостол, «ныне день спасения» (2Кор.6:2). Этот век – век покаяния, а тот – награды; этот делания, а тот – мздовоздания; этот терпения, а тот утешения. Ныне Бог – помощник обращающихся от пути злого, а тогда страшный истязатель человеческих дел, слов и помышлений. Ныне пользуемся долготерпением, а тогда познаем правосудие, когда восстанем – одни на вечное мучение, а другие для вечной жизни, и каждый получит по делам своим. До которого времени будем отлагать послушание Христу, призвавшему нас в Свое небесное царство? Ужели не отрезвимся? Не призовем себя от обычной жизни к строгости Евангельской? Не представим пред очами того страшного и славного дня Господня, в который приближающихся делами к десной стороне Господа примет небесное царство, а за неимение добрых дел отторженных на левую сторону сокроют геенна огненная и вечная тьма? Сказано: «ту будет плачь и скрежет зубом» (Мф.25:30)»?

«И мы говорим, что желаем царствия небесного, но не заботимся о том, посредством чего можно достигнуть оно, и не принимая на себя никакого труда ради заповеди Господней, по суетности ума своего предполагаем, что получим одинаковые почести с противоборствовавшими греху даже до

смерти. Кто, во время сеяния сидя дома, или предаваясь сну, при наступлении жатвы наполнял недро рукоятей? Кто собирал виноград, которого сам не насаждал и не возделывал? Чьи труды – тех и плоды, и почести и венцы принадлежат победившим. Увенчивают ли когда-нибудь человека, который не снимал с себя и одежды для борьбы с противником, когда по Апостольскому слову, должно не только победить, но и «подвизаться законно» (2Тим.2:5), т. е. и малости не оставлять из предписанного, все же делать так, как узаконено? Ибо сказано: «блажен раб той, егоже придет Господь обрящет, не как ни есть делающего, но творящего тако» (Лк.12:43)».

«Как же предпочтя жизнь сластолюбивую жизни по заповеди, можем обещать себе блаженство, купножительство со святыми, и веселие с Ангелами пред лицом Христовым? Подобные мечты действительно свойственны детскому уму. Как буду с Иовом, когда и самой обыкновенной скорби не принял я с благодарением? Как буду с Давидом, когда с врагом поступил не великодушно? Как буду с Даниилом, когда не взыскал я Бога с непрестанным воздержанием и неусыпной молитвой? Как буду с каждым из святых, когда не шел я по следам их? Какой подвигоположник столько не рассудителен, что удостоит равных венцов и победителя, и не вступавшего в подвиг? Какой военачальник призывал когда-нибудь к равному разделу добычи и победивших и тех, которые не являлись на сражение?»

«Бог благ, но и правосуден. А правосудному свойственно воздавать по достоинству, как написано: «ублажи Господи благие, и правые сердцем: уклоняющиеся же в развращения отведет Господь с делающими беззаконие» (Пс.124:4–5). Бог милосерд, но и Судия; ибо сказано: «любит милостыню и суд Господь» (Пс.32:5). Посему Пророк говорит: «милость и суд воспою Тебе, Господи» (Пс.100:1). Нам дано знать, к кому Он милостив, ибо сказано: «блажени милостивии, яко тии помиловани будут» (Мф.5:7). Видишь ли, как рассудительно употребляет милость? Не без суда милует и не без милости судит. «Ибо милостив Господь и праведен» (Пс.114:4)».

«Посему не будем знать Бога в половину, и человеколюбие Его обращать себе в повод к лености. Для того громы, для того

молнии, чтобы не была презираема благодать. Кто велит сиять солнцу, Тот наказывает и слепотою; Кто дает дождь, Тот дождит и огнем. Одно показывает благодать, другое – строгость; или за первое будем любить, или за второе страшиться, чтобы и нам не было сказано: «или о богатстве благодати Его и кротости и долготерпении не радиши, не ведый, яко благодать Божия на покаяние тя ведет? По жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собиравши себе гнев в день гнева» (Рим.2:4–5)».

«Итак, поскольку невозможно спастись, не творя дел, сообразных с заповедью Божией, а не безопасно пренебрегать чем-нибудь из заповеданного; то мы, подвижники благочестия, предпочетшие жизнь безмолвную и спокойную, как способствующую к соблюдению Евангельских заповедей, позаботимся, как сделать, чтобы ничего из предписанного не осталось у нас без исполнения? Ибо если должен быть совершен Божий человек, как написано (2Тим.3:17); то по всей необходимости надобно ему, посредством всякой заповеди, быть уготовану в меру возраста исполнения Христова; потому что и по закону Божию, хотя и чистое, но поврежденное, не приемлется в жертву Богу».

3. Устав преподобного Иоанна Кассиана

Краткое сведение о жизни пр. Иоанна Кассиана

Откуда родом был пр. Кассиан, с точностью определить нельзя. Одни считают его Скифянином из малой Скифии Фракийской, другие Галлом из Прованса. То, что он так хорошо владел латинским языком, и что последним местом жизни своей избрал Галлию, делает последнее предположение очень вероятным. Родился, полагают, в 350 или 360 г.; но неизвестно на каком основании.

Несомненно достоверно, что он в молодых еще летах поступил в Вифлеемский монастырь, где и напоен догматами и правилами жизни христианской. Сдружившись здесь с одним братом, Германом по имени, одновозрастным и единоземцем, он предпринял с ним путешествие в Египет, для посещения тамошних отшельников и иноческих обителей. Это было около 390 года. Семь целых лет провели они среди этих великих подвижников, и проникли до внутреннейшей Фиваиды. В свой монастырь они возвратились в 397 году; но в том же году опять отправились в те пустынные страны и пробыли там до 400 года.

Оставя Египет в этот второй раз, преп. Кассиан с собратом своим отправился в Константинополь, где благосклонно был принят св. Иоанном Златоустым и посвящен им в диакона. Когда св. Златоуст был сослан в заточение, тогда пр. И. Кассиана вместе с другими послали по этому делу в Рим к папе Иннокентию лица, преданные св. Златоусту. Это было в 405 году. С этого времени до 415 года нет о нем верных сведений. Одни говорят, что он опять возвратился на Восток, и что Кассиан священник, посланный в Рим в 414 году Антиохийским патриархом Александром, для водворения мира между обеими церквами, был именно он... Другие же полагают, что, исполнив дело посольства константинопольского, он тогда же направился в Миссию, где к показанному времени успел прославиться и святостью жизни и мудростью учительскою. Здесь же он посвящен и во священника. Особенно славным сделало его устройство двух монастырей, мужского и женского, со введением в них чина, какой видел он в восточных монастырях.

Это же послужило поводом и к тому, что к нему обратились соседние епископы, возжелавшие завести у себя такие же монастыри, с прошением начертать иноческие уставы, им виденные, с изображением и самого духа подвижничества. Он исполнил с охотою это прошение, описав все, что видел и слышал в 36 книгах.

Почил преп. И. Кассиан, полагают, около 440 года. Память его совершается в нашей церкви 29 февраля.

Общежительный устав преп. Кассиана содержится в первых четырех книгах, который и предлагается здесь в русском переводе.

Устав иноческого общежития или порядки общежительных монастырей

Предисловие к епископу Кастору

История Ветхого Завета повествует, что премудрый Соломон, получивший свыше «смысл и мудрость многу зело, и широту сердца, яко песок, иже при мори» (3Цар.4:29), – так, что по слову Господа, ни в прежнее время не было никого равного ему, ни после него не восстал такой, – приступая к построению величественного храма Господу, просил помощи у инородного царя Тирского, – и что по внушению Божественной Премудрости, ни задумывал устроить преславного в самом храме или в утварях его, все то устроил чрез присланного к нему «многохудожного и распорядительного Хирама, сына жены вдовицы» (3Цар.7:14). Итак, если эта власть, высшая всех царств земных, если эта презнатная и преславная отрасль рода Израилева, эта свыше вдохновенная премудрость, «умудрившаяся паче всех смысленных египетских и паче всех человек» (3Цар.4:30), не погнушалась советом человека – бедного и чуждородного, то справедливо и ты наученный таким примером, блаженный папа¹⁸ Кастор, располагаясь построить Богу истинный храм – духовный, не из камней бесчувственных, а из собрания святых мужей, не временный и тленный, а вечный и нерушимый, и желая посвятить Городу сосуды драгоценнейшие, выделанные не из золота, или серебра, которое после какой-нибудь царь Вавилонский, пленив, мог бы обратить на утехи с своими и своих вельмож наложницами (Дан. 5), но из святых душ, которые, блистая непорочностью, праведностью и совершенною чистотою, носили бы в себе всегда пребывающего в них Царя Христа, – достаиваешь пригласить в соучастники в сем деле меня убогого и во всех отношениях наибеднейшего. Именно, – желая в своей епархии, не имеющей киновий, устроить иноческие обители, по образцу восточных, особенно же Египетских, – тогда как сам ты совершен во всех добродетелях и всяком ведении, и столько преисполнен духовным богатством, что для ищущих совершенства с преизбытком достаточно бы было в руководство не только твоего слова, но и одного примера твоей

жизни, – призываешь меня, чтобы и я безъязычный, скудный словом и познаниями, привнес что-нибудь к исполнению твоего желания от скудости моего ума, и повелеваешь мне описать монастырские порядки, какие я видел соблюдаемыми в Египте и Палестине, как преданы они там отцами; хотя неискусным слогом, – ища не красноречия, в котором сам ты наиболее искусен, но желая, чтоб простая жизнь святых была изложена простым словом для братий нового монастыря твоего.

Но сколько жар доброго желания твоего побуждает меня послушать тебя, столько разнообразные затруднения при исполнении твоего желания устрашают взяться за дело, хоть и желаешь. Во-первых, опыты жизни моей не так велики, чтоб я мог, с уверенностью полагать, что так должно сердцем и умом понимать эти предметы, столь высокие, столь темные и столь светлые. Во-вторых то, что я, находясь между теми святыми и побуждаемый их каждодневными увещаниями и примерами, делывал, или изучал, или видел, не могу теперь припомнить в совершенстве, столько лет будучи удален от общения с ними и от подражания им в жизни, особенно, когда смысл и значение такого рода предметов никак не могут быть ни постигаемы, ни удерживаемы в памяти, ни передаваемы другим, одним праздным рассуждением или внешнею наукою, ибо все здесь зависит от опыта и как преподано может быть не иначе, как опытным, так и понято и усвоено не иначе, как теми, кто трудится постигнуть то равным трудом и потом, что однакож, если не будет (после такого изучения) поновляемо частым сношением и собеседованием с духовными мужами, скоро опять выпадет из головы, по беспечности ума. В-третьих, и то самое, что могу припомнить не соответственно достоинству тех вещей, и что по моему настоящему состоянию, – неискусное слово мое не сильно выразить достоподобным образом. К сему присоединяется еще то, что об этом деле не мало уже писано знаменитыми по жизни и отличавшимися словом и познаниями, – разумею св. Василия и блаж. Иеронима и некоторых других, из которых первый давал ответы на вопросы любознательных братий о разных предметах иноческого чина речью не только прекрасною, но и богатою свидетельствами Божественных

Писаний: а другой не только издал о сем своего сочинения книги, но и писанные другими по-гречески, перевел на латинский язык¹⁹. После этих полных рек мудрости прекрасного слова, покушаясь привнести и свою какую-нибудь каплю, не буду ли я, по справедливости, уличен в притязательности.

Впрочем, меня воодушевляет доверие к твоей святыне, что эти ничтожности мои, каковы бы они ни были, или будут в руках у тебя только, или ты перешлешь их в общество братий, пребывающих в новом монастыре твоём, – которые не смотря на то, что иное будет у меня не так искусно выражено, и прочтут то с теплым сердцем, и потерпят на мне с большим благоснисхождением, ища в словах моих более истины, чем прелестей красноречия. Почему, блаженный папа, единственный образец благочестия и смирения, на молитвы твои надеясь, приступлю, по силам ума моего, к делу, которое ты возлагаешь на меня, и то, чего предшественники мои не коснулись, так как описывали более слышанное, нежели виденное²⁰ – все то выскажу для монастыря новичка, жаждущего истины. Я не имею в мысли описывать знамения Божия и чудеса, хоть и слышал от старцев своих о многих из лих, предивных, и видел их совершающимися пред моими очами. Но оставляя их, – так как они в читающих возбуждают удивление, ничего более не привнося к назиданию их в совершеннейшей жизни, – постараюсь, при помощи Божией, сколько можно вернее изобразить монастырские уставы и правила святых отцов и особенно их мысли о начале и причинах главных и порочных страстей, которых они считают восемь и о врачевании их по их преданиям. Намерение мое не о Божиих дивных делах рассуждать, но предложить нечто об исправлении наших нравов и достижении совершенства в жизни, руководствуясь тем, что принял я от своих старцев. Постараюсь удовлетворить твоим требованиям и в другом отношении, если окажется что в наших странах убавленным или прибавленным не по образцу древних учреждений, а по воле устроившего монастырь; то прибавлю или убавлю, верно сообразуясь с теми порядками, какие видел я в монастырях, древле основанных в Египте и Сирии; никак не веря, чтоб в западных странах Галлии можно было найти какое

либо новое учреждение, более разумное и совершенное, чем те уставы, по которым с начала апостольской проповеди учрежденные святыми и духоносными отцами монастыри существуют даже и долине. То только ограничение предполагаю допустить в моем труде, что если что из египетских порядков окажется крайне тяжелым и неисполнимым в наших странах по суровости климата, или по грубости нравов, – то буду несколько умерять, сообразуясь с порядками палестинских или месопотамских монастырей: ибо, если будет сохраняться разумная мера возможного, то исполнение того будет одинаково совершенно и при неравных способах и способностях.

Книга первая

Принадлежности монашеского одеяния

Глава 1-я. Монашеские одежды – образ внутренней красоты иноков

Намереваясь говорить об уставах и правилах монастырских, с чего, с Божьей помощью, приличнее начнем, как не с самого одеяния монашеского? Тогда последовательно можно лучше изобразить и внутреннюю красоту иноков, когда будем иметь пред своими очами внешнее их украшение.

Глава 2-я. О препоясании инока

Итак монах, как воин Христов, всегда готовый к брани ходит постоянно с опоясанными чреслами (Лк.12:35)²¹. Так ходили полагавшие начатки этого чина²², в Ветхом Завете, т. е. Илия и Елисей, как свидетельствует Писание; а потом также ходили, как мы знаем, и первые устроители Нового Завета, Иоанн (Предтеча), Петр и Павел и прочие сего же достоинства мужи. Первый из них, в Ветхом Завете являвший уже цветы девства и представлявший пример чистоты и воздержания, и узнаваем был по поясу. Так, когда Охозия, нечестивый царь Израильский, впавший в болезнь, послал спросить о состоянии своего здоровья веельзевула, бога Аккаронского; тогда Господь послал к ним на встречу Пророка сего укорить в лице их за такой поступок царя и сказать ему, что он не встанет с одра, на который свалился. Когда послы, возвратясь, сказали об этом царю, тот спросил их: «какой видом и в какой одежде муж, сказавший вам эти слова? Муж космат и поясом усменным препоясан о чреслах своих» (4Цар.1:8), сказали те. Тогда царь по этой одежде тотчас узнал человека Божия: Илиа Фесвитянин сей есть (9). Таким образом по указанию пояса и такому виду он, несомненно, узнал Пророка Божия; потому что он всегда так ходил, и это служило отличительным его признаком среди стольких тысяч Израильтян, между которыми он вращался. Об Иоанне, который явился как бы некою священнейшею границею Ветхого и Нового Завета, концом первого и началом второго, узнаем из повествования Евангелиста, что он также «имяше ризу свою от влас велблуждь, и пояс усмен²³ о чреслах своих» (Матф.3:4). – Петру, ввергнутому Иродом в темницу под стражу, пред тем, как на-утрие ему надлежало быть выведено на смерть, представ Ангел повелел: «препояшися и вступи в плесницы твоя» (Деян.12:8). Ангел Божий не приказывал бы ему это сделать, если бы не видел, что он только для ночного отдохновения и успокоения снимал пояс, которым обыкновенно опоясывался. – Когда св. Павел шел в Иерусалим, где его ожидали узы. Пророк Агав, увидев его в Кесарии, взял пояс его

и связав им себе руки и ноги, чтобы этим действием видимо предъизобразить ожидавшие св. Павла узы, сказал: тако глаголет Дух Святой: «мужа егоже есть пояс сей, тако свяжут его во Иерусалиме Иудеи, и предадут в руце языков» (Деян.21:11). Пророк не сказал бы: «мужа егоже есть пояс сей, если бы святой Павел не имел обычая всегда опоясывать чресла свои».

Глава 3-я. Об одежде иноков вообще

Одежда²⁴ монаха должна быть такова, чтобы покрывала только тело и тем избавляла от срама наготы и устраняла неприятность холода: а не такова, чтобы питала семена суетности и высокомерия, по слову Апостола; который говорит: «имуще пищу и одеяние, сими довольни будете» (1Тимоф.6:8). Одевание здесь у Апостола выражено таким словом, которое означает прикрытие (σιέπασμα). Следовательно он хотел сказать, что одеяние надо иметь лишь такое, которое прикрывало бы только тело, а не такое, которое бы льстило тщеславию. Далее оно должно быть такое, которое не требовало бы слишком больших о себе забот, не было бы однакож, по нерадению запачкано никакими бросающимися в глаза пятнами. Наконец такое, которое, особаясь от украшений мирских, было бы одинаково у всех рабов Божиих²⁵. Ибо, что между рабами Божиими принимается одним или несколькими, а не держится всем вообще телом братства, то или излишне, или гордостно; и потому должно быть сочтено вредным, более обличающим тщеславие, нежели показывающим добродетель. По сей причине в одежде все, примеров чему не предали нам ни древние святые, положившие основание иноческому житию, ни отцы нашего времени, преемственно хранящие уставы их доселе, надлежит и нам отсекаать, как излишнее и бесполезное. – Так власяница²⁶ или вретисце, как одежда для всех видная и выдающаяся, которая не только никакой не приносит пользы духу, но и поселять может возносливое тщеславие, а между тем для исполнения работ, которыми монах всегда должен быть неутомимо и нелепостию занят, неудобна и непригодна. Если, как слышим некоторые из мужей славных ходили в этой одежде, то поэтому одному еще не следует вносить того в общий монастырский устав, отступая от древних определений св. отцов, в угоду того, что было содержимо немногими, по преизбытку в них всяких добродетелей, и по одному тому побуждению, чтобы не пало что укорное на сих мужей за то, что они иное делали не по общему для всех уставу. Ибо таков

повсюдный закон, что общему всех постановлению не должно предпочитать мнение немногих. Почему и мы должны являть несомненную веру и не рассуждающее повиновение не тем установлениям и правилам, которые вносила воля немногих, но тем, которые давностию стольких лет и численностью стольких святых отцов, согласным определением, преданы для последования. И этого (т. е. носить власяницу или вретище) не должно нам брать в пример для повседневного образа жизни не потому, что нечестивый царь Израильский, окруженный толпами врагов, разодрав одежду свою, оказался имеющим под исподом власяницу (4Цар.6:30), ни потому, что Ниневитяне для смягчения Божия о них определения, изреченного на них чрез Пророка, облеклись во вретища (Ион.3:8), – когда и тот под исподом скрытно носил власяницу, так, что если бы не разодрал верхней одежды, никто бы догадаться не мог о том и эти в то время покрывались вретищем, когда, все сетуя о предстоявшем разрушении города, равно таким же образом были покрыты, и никого нельзя было укорить в желании выказаться. Ибо, если отличие какое не необычайно и не исключительно, то неравенство не бросается в глаза и не соблазняет.

Глава 4-я. О кукуллие

Сверх того, в одежде Египетских (иноков) есть некоторые принадлежности, которые не столько потребностям тела соответствуют, сколько указывают на обязательные для иноков черты права; чтобы, например соблюдение простоты и невинности выражалось в самом качестве одежды. Так они непрестанно день и ночь носят небольшой кукуллий²⁷, который покрывает только головы их, спускаясь до шеи и плеч для того, чтобы ко всегдашнему хранению детской невинности и простоты иметь побуждение к подражанию головному покрову детей; и, чтобы возвратясь к детству, о Христе каждочасно могли они искренно и нелицемерно петь: «Господи, не вознесся сердце мое, и иже вознесостся очи мои, ниже ходих в великих, ниже в дивных паче мене» (Пс.130:1).

Глава 5-я. О коловие

Носят еще они коловий²⁸, льняную одежду, у которой рукава доходят едва до локтей, оставляя прочую часть рук голою, чтоб такое укорочение рукавов внушало, что для них отсечены все дела и обычаи мира; а то, что эта одежда полотняная, научало их, что они должны быть мертвы для всего земного; будто бы чрез то сам Апостол говорил им: «умертвите уды ваша, яже на земли» (Кол.3:5). И то еще возвещали сии одежды: «умросте и живот ваш сокровен со Христом в Бозе» (Кол.3:3). И еще: «живу не ктому аз, но живет во мне Христос» (Гал.2:20); «мне мир распяся, и аз миру» (Галат.6:14).

Глава 6-я. О нарамнике

Носят они также нарамник, который греки называют αναβολή, мы же могли бы назвать подвязкою, или перевязкою. Это двойная вервь, которая, спускаясь с шеи, идет по обеим ее сторонам, обходить оба подплечья и опоясывает их отсюда, чтоб стягивая ширящуюся одежду прижимать ее к телу и таким образом делать монаха приспособленным к неленостному совершению всякого дела, стараясь всеми силами исполнить заповедь о труде, внушаемую примером Апостола, который говорит Ефесеянам: «сами весте, яко требованию моему и сущим со мною послужите руце мои сии» (Деян.20:34); к Солунянам: «ниже туне хлеб ядохом у кого, но в труде и подвиге, ночь и день делаемще, да не отягчим никогоже от вас» (2Сол.3:8), и: «яко аще кто не хочет делати, ниже да яст» (2Сол.3:10).

Глава 7-я. О мафорте

После сего они покрывают шею, равно как и плечи тесным²⁹ плащиком³⁰, стараясь показать смирение в одежде и соблюсти дешевизну. Он называется на их и нашем наречии мафорт. Употребляя его, они избегают тщеславия и дороговизны длинных и широких развевающихся плащей.

Глава 8-я. О милоти

Последняя их одежда есть козья кожа, называемая милотью, и посох, который они носят в подражание тем, кои предъизобразили черты этого звания (иночества) в Ветхом Завете. О них говорит Апостол: «проидоша в милотех и козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин весь мир, в пустынях скитающиеся и в горах, и в вертепах, и в пропастьех земных» (Евр.11:37–38). Эта одежда из козьей кожи означает, что они, умертвив в себе всякое стремление плотских страстей, должны твердо стоять в добродетелях и не допускать, чтобы в теле их оставалось что-нибудь от жара юности и влечений прежней жизни.

Глава 9-я. О жезле

Что те (ветхозаветные) мужи употребляли посох, этому научает нас Елисей, один из них, когда говорить отроку своему Гиезию, посылая его воскресить сына вдовицы: «возьми жезл мой, и иди возложи его на лице отрочища, да оживет» (4Цар.4:29). Пророк не дал бы жезла отроку, если бы не имел обычая носить его всегда. Ношение его духовно внушает инокам, что они никогда не должны без орудия ходить среди стольких псов страстей, лающих вокруг, и среди стольких невидимых зверей нечистых духов, об избавлении от которых молясь, блаженный Давид говорит: «не предаждь, Господи, зверем душу исповедующуюся Тебе» (Пс.73:19), но когда они нападают и злятся на них, отражать их, далеко прогонять и истреблять знамением креста и постоянною памятью о страстях Господних и подражанием им чрез само умерщвление.

Глава 10-я. О сандалиях

Отказывая себе в сапогах, как вещи, воспрещенной Евангельскою заповедью (Матф.10:10; Лук.22:35), они, когда вынуждала немощь или утренний холод зимы, или полуденный жар лета, защищали свои ноги только сандалиями, давая употреблением их, или позволением на это Господом разуместь, что если, живя в этом мире, мы не можем быть чужды, не можем совершенно отрешиться от всякой заботы и всякого попечения о своей плоти, то по крайней мере удовлетворяли телесным потребностям попечением легким и трудами незначительными, и не допускали смертоубийственным заботам века сего опутывать ног своих, которые всегда должны быть приспособлены к духовному течению и готовы к проповеданию Евангельского мира; чтоб, таким образом, свободно тещи им в след воня мира Христова (Пес. песн.1:3) как тек пророк Иеремия, говорящий о себе: «аз же не утрудихся, Тебе последуюй» (Иер.17:16). Этого мы достигнем, когда относительно тела своего, будем помышлять о том, что необходимо для удовлетворения естественной потребности, а не о том, что доставляет только удовольствие излишнее и вредное, или, когда по Апостолу, «не будем плоти угодия творить в похоти» (Рим.13:14). Употребляя однакож сандалии, как вещь, заповедию Господнею позволенную, они никогда не позволяют иметь их на ногах, когда приступают к совершению или принятию Св. Тайн, полагая, что буквально должно соблюдать сказанное Моисею и Иисусу Навину: «иззуй сапоги от ног твоих; место бо, на немже ты стоиши, земля свята есть» (Исх.3:5; Иисус Навин.5:15).

Книга вторая. О положенных уставом ночных молитвах и псалмопениях

Глава 1-я. Указывается предмет сей книги

Таким двояким³¹, как сказали мы, поясом препоясанный воин Христов, да ведает теперь и то, какой издревле в восточных странах установлен св. отцами чин совершения молитв и песнопений. О качестве же их или о том, как можем по внушению Апостола, молиться непрестанно (1Сол.5:16), скажем в своем месте, именно, когда станем излагать, сколько Бог поможет, наши со старцами собеседования (Собес. 9, гл. 3, 6 и д. Соб. 10, гл. 7).

Глава 2-я. В разных местах разные уставы молитвенные

Относительно молитвенного устава, мы встречаем в разных местах разные чины и правила, из которых иные, может быть, устанавливаемы были лицами, имевшими, как говорит Апостол, ревность Божию, но не по разуму (Рим.10:2); ибо у иных положено петь по двадцати или тридцати псалмов в каждую ночь, и при том антифонно и на разные напевы; другие покусались превзойти и это число; у некоторых поется только восемнадцать псалмов. Таким образом в разных местах, как знаем, разный держится устав; и мы видели почти столько же разных молитвенных чинов и правил в употреблении, сколько обозрели монастырей и келлии. – Иным и относительно дневных молитвенных служб, т. е. третьего, шестого и девятого часов, показалось, что при совершении в них молитвенных ко Господу последований должно с числом часов уравнивать и число псалмов и молитв³²: между тем как другие на каждой дневной службе поют по шести псалмов. Почему считаю необходимым вывести на среду древнее отеческое постановление, которое и доселе соблюдается рабами Божиими, по всему Египту, чтобы неустановившуюся юность нового монастыря³³ напоить древнейшими правилами древнейших отцов.

Глава 3-я. Разность уставов от того, что в аввы избирают таких, кои не навыкли еще установленному чину молитвословия

По всему Египту и Фиваиде, где монастыри учреждаются не по произволу каждого мироотречника, но по преемственно идущим от старцев преданиям, держится, как мы видели, один, в непреложный закон обращенный, чин совершения молитвословий, на вечерних собраниях, или в ночных бдениях. Там и вообще не позволяется никому распоряжаться не только братством, но и самим собою; и всякий из поступающих в обитель не только отчуждается от всего своего имения, но признает, что с того времени он и самому себе не господин, — или и над собою власти не имеет. Отрицающийся от мира, если он имеет какое достояние и богатство, вступая в общежитие, не льстит себя никакою надеждою на какие-либо преимущества или поблажки из-за того, что он оставил, или внес что в монастырь. Вместе с тем он принимает обязательство так всем повиноваться, чтоб считал себя, как бы возвратившимся к первому возрасту детства по внушению Господа (Мф.18:3). Не берет он в расчет возраста старости или числа лет, которые считает всею потраченными в мире, но охотно подчиняется даже тем, которые гораздо его моложе, сознавая себя в этом воинстве Христовом новичком, который имеет нужду в первоначальном обучении, подобно детям. Понуждается также он навекать и потовому труду, чтоб по заповеди Апостола (1Сол.4:11; 2Сол.3:10), своими руками приобретая ежедневное содержание себе и приходящим, удобнее мог он и забыть о довольстве и утехах прежней жизни, и стяжать смирение сердечное чрез преутруждение себя работами. Почему там никто не избирается в настоятели над братством прежде, чем долженствующий начальствовать не научится посредством повиновения, что должен приказывать имеющим ему повиноваться, и не изучит в постановлениях старцев, что должен передать юнейшим. Они говорят, что хорошо управлять и быть управляемым есть дело человека премудрого, и

признают это высшим даром и благодатию Св. Духа. Ибо, как давать спасительные наставления долженствующим повиноваться может только тот, кто сам прежде, состоя под дисциплиной, деятельно обучался всем добродетелям, так и повиноваться старшему может только тот, кто преисполнен страха Божия и совершен в смирении. Таким образом, если видим мы в иных областях разности в уставах и порядках монастырских, то это от того, что там позволяют себе принимать настоятельство, не быв сами искушены под начальством старцев и, сделавшись аввами, не будучи прежде учениками, учреждают, что кому захочется, – будучи более настоятельны в соблюдении своих изобретений, чем в сохранении испытанной дисциплины древних. Впрочем, это я увлекся любовью к постановлениям отцов, что, намереваясь изложить какой должно наблюдать чин молитвословия, слишком рано поместил здесь указание, которое следовало поберечь для своего места. Но теперь возвратимся к своему предмету.

Глава 4-я. В вечерних и ночных собраниях поют по 12 псалмов и по два чтения имеют на каждом

Итак, по всему, как мы сказали, Египту и Фивиаде поют по 12 псалмов, как в вечерних, так и в ночных церковных собраниях; так однакож, что за ними следуют каждый раз два чтения, одно из Ветхого, другое из Нового Завета. Этот чин, древле установленный, потому пребывает неприкосновенным чрез столько веков даже до ныне во всех монастырях тех областей, что, как утверждают старцы, он установлен не по человеческому изобретению, но свыше принесен отцам Ангелом.

Глава 5-я. Строгость жизни в Александрии и около от св. Марка; чин молитвословии показан делом чрез Ангела

В начатках веры нашей немногие отличались именем монахов (аскетов), но это были избраннейшие личности. В Александрии таковые получили норму жизни от блаженной памяти Евангелиста Марка³⁴, первого первосвященника тамошнего: и они не только удерживали тот величественный чин, каким славилась первенствующая церковь верующих, как читаем в Деяниях, именно: «народу же веровавшу бе сердце и душа едина: и никтоже что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща. Елицы бо господие селом, или домовом бяху, продающе приношаху цены продаваемы к, и полагаху при ногам Апостол: даяшеся же коемуждо, егоже аще кто требоваше» (Деян.4:32,34,35); но держали многое другое, что было гораздо выше сего. Так, удаляясь в сокровенные подгородные места, они проводили жизнь свою в таком строгом воздержании, что даже тех, кои были другой веры, изумлял такой высокий образ их жизни. С таким жаром прилежали они к чтению Божественных Писаний, молитве и рукоделию, что пища им и на память не приходила, и они принимали ее на другой или на третий день. Пищу и питье принимали они не желанные, а необходимые, и эти не прежде солнечного заката, чтобы светлое время сочетать с духовными упражнениями, а попечение о теле с ночью. Совершали они и другие многие высокие дела, о которых желающий может узнать из церковной истории³⁵, если не случится ему узнать из рассказов туземцев. – Итак в те времена, когда совершенство первоначальной оной церкви у преемников своих пребывало еще в свежей памяти ненарушимым, и пламенная вера немногих не охладела еще, разлившись как бы по множеству лиц, почтенные отцы в бодренной заботе о последующих родах, собрались, чтобы, посоветавшись, определить, какую меру псалмопения в повседневном богослужении должно держать всему телу – (всем всюду) братства, – чтобы передать наследникам своим

наследство благочестия и мира, безопасное от всякого спора и разногласия; т. е., как бы какое-либо разногласие и разность в повседневных службах, зародившись между мужами одного и того же звания, когда-нибудь впоследствии, не дало из себя вредного произрастания заблуждения, или зависти, или разделения (схизмы). В этом собрании всякий по своей ревности, не помня о немощи других, полагал ввести в закон то, что считал легко исполнимым, судя по своей вере и силе, мало рассуждая о том, что удобноисполнимо для всего братства, в котором необходимо всегда предполагать значительную часть и немощных, – всякий (судя по силе своей души) думал установить огромное число псалмов, – кто пятьдесят, кто шестьдесят, а иные и этим числом не довольствуясь, полагали, что надо назначить еще больше того. Между тем как таким образом было между ними святое разногласие благочестивого спора о богослужебном уставе, застало их за священнейшим исследованием этим время вечерней службы; на которой, когда они хотели совершать ее по заведенному порядку повседневных молитв, кто-то встал, и вышедши на средую, начал петь пред Господом псалмы. Все сидя (как и доселе есть обычай в странах Египетских), слушали, углубляясь всем вниманием сердца в слова поющего; а он, пропевши одиннадцать псалмов ровным распевом без перерыва, стих за стихом, разделяя только каждый псалом промежуточной молитвою и закончив двенадцатым, произнося после каждого стиха: аллилуия, внезапно, на глазах у всех сделался невидим, и тем положил конец богослужению, а равно и спору.

Глава 6-я. Указанный Ангелом чин молитвословия совет отцов обратил в закон; приложил 2 чтения из В. и Н. Завета; в субботу же и в воскресенье оба чтения из Нового Завета

После сего достопочтеннейший совет отцов, уразумевая, что таким ангельским служением не без благоизволения Господня указан общий закон для псалмопений в собраниях братий, – определил соблюдать это число псалмов в собраниях, как вечерних, так и ночных, присовокупляя к ним по два чтения, одно из Ветхого, другое из Нового. Это прибавил он как свое предание, как бы сверхдолжное, только для желающих, которые непрестанным поучением в Божественных Писаниях стараются удержать их в памяти. В субботу же и в воскресенье оба чтения берут из Нового Завета, одно из Апостола, или из Деяний Апостольских, а другое из Евангелия; что и во все дни пятидесятницы делают те, у которых есть забота о чтении и заповедовании Писаний.

Глава 7-я. После каждого псалма молитва и коленопреклонение

Указанные пред сим молитвословия они так начинают и совершают, что, окончив псалом, не тотчас преклоняют колена, как делают некоторые из нас в этой стране, которые еще до окончания псалма спешат пасть на молитву, чтобы таким образом ускорить сколько можно отпуст. Мы, когда хотим отступать от древле установленного чина, понуждаем спешить к концу, чрез сокращение остающихся еще псалмов, более думая об отдыхе утомленного будто тела, чем ища пользы и благотворного действия молитвы. У них не так это бывает: но прежде, чем преклоняют колена, они молятся и вообще, стоя в молитве, иждивают большую часть времени (в продолжение, т. е. каждого богослужения). После сего, падши ниц на весьма короткий момент, как бы только за тем, чтобы воздать поклонение Божественной благостыне, они очень быстро поднимаются и воздевши руки горе, опять напряженнее погружаются в молитву, таким же образом, как прежде молились стоя. На того, кто долго лежит на земле, нападают, говорят они, не только помыслы, но и сон. Что это истинно так, знаем и мы, и – о, когда бы не по опыту и не по вседневному обычаю? – Ибо часто, простершись на земле, мы желали, чтобы это преклонение продолжалось побольше, не столько ради молитвы, сколько ради успокоения и отдыха телу. – Как только совершающий молитвословие встал с земли, встают также все; и никто не смеет ни прежде, чем тот преклонится преклонить колена, ни после того, как он встал с земли – медлить восстанием, чтобы не подать вида, что не указанию того, кто совершает молитвословие, следует, а ведет свой чин молитвы.

Глава 8-я. Что в чине молитвы было на западе несогласное с востоком?

И того, что видим в этой стране, т. е. чтобы псалом пет был одним, а в конце его все, стоя, громогласно возглашали: Слава Отцу, и Сыну, и Св. Духу, нигде не видали мы по всему востоку, но там при молчании всех, тем, кто поет псалом, по окончании его начинается молитва. Этим же словословием Пресвятые Троицы там обыкновенно оканчивают антифоны.

Глава 9-я. Почему при указании внешнего чина молитвы считает нужным теперь же сказать и о внутреннем ее качестве?

Ряд установлений последовательно привел нас теперь к образу совершения уставных молитв. Полный об них трактат мы сохраняем для собеседований со старцами, имея намерение там подробнее изложить этот предмет, когда начнем словами старцев рассуждать о качестве или непрерывности молитвы. Но и теперь не неуместным считаю несколько сказать о том, так как ход моего повествования подает к тому благоприятный случай; чтобы положивши теперь, когда изображаем деяния внешнего человека, как бы некие только основы молитвы, после, когда начнем рассуждать о состоянии внутреннего человека, с меньшим трудом построить нам и самые вершины (шпиц) молитвы. Прежде всего побуждает нас к тому та предусмотрительность, чтоб, если застигнет нас конец жизни прежде чем приступить к старческим собеседованиям, какие, если Богу угодно будет, желаем мы предложить, представить вам, в настоящем труде, хотя начатки предмета, – столь необходимого, – вам, для которых по жару желания все, поздно и медленно, – и обозначить хотя некоторые черты молитв, какие могут служить руководством преимущественно для тех, кои живут в киновиях. И то еще имеем мы в виду, чтоб тот, кто встретит эту только книгу, а ту не будет иметь возможности достать, хотя отчасти напоился предлагаемым здесь наставлением о качестве молитвы, – и как наставлен он здесь, какова должна быть схи́ма и одежда внешнего человека, так не ведал и того, как его настраивать к принесению и духовных жертв. Книги, которые теперь с Божией помощью пишу, касаются больше того, что должно наблюдать по внешнему человеку, какие порядки должны быть в киновиях, а те предназначаются для изображения дисциплины человека внутреннего и совершенства сердечного, равно как жизни и значения апохоретов (отшельников, у нас – и затворников).

Глава 10-я. Молчание и тишина на собраниях МОЛИТВОСЛОВНЫХ

Итак, когда сходятся они для совершения указанных пред сим богослужений, которые они называют συνάξεις – собраниями, такое всеми наблюдается молчание, что не смотря на то, что собирается в одно место бесчисленное множество братий, думается, будто кроме того, кто вставши, отпевает по середине псалом, нет там ни одного человека, – и особенно, когда совершается молитва. В это время не выбрасывается слюна, не брюзжит харканье, не перекликается кашель, не выводится сонливая зевота с растянутыми щеками и разинутым ртом, не выпускаются никакие стоны и вздохи на помеху предстоящим, не слышится ни чей голос, кроме голоса священника, когда он заканчивает молитву; и разве иногда того, который, по избытку душевных движений, нечувствительно исторгшись из сердца, проскользнет сквозь затворы уст, – когда, т. е., возгорится непомерный и неудержимый огонь духа, и воспламененная душа, не будучи в силах удерживать того в себе вынуждена бывает испустить то из внутренних клетей груди необычным некоторым стенанием. Того, кто во время умной молитвы (между псалмами) станет молиться громко, или испустит из уст своих что-нибудь из того, что указано пред сим, и особенно кто увлечется зевотой, они почитают учинившим двоякий грех: во первых погрешает он против собственной молитвы тем, что приносит ее Богу с небрежением; во вторых погрешает против ближнего тем, что своим невежественным шумом прерывает чувство того, кто без этого углубленнее мог бы помолиться Богу. Почему они предписывают скорее кончать молитву, чтоб, если долго будем на ней медлить, напор слюны или мокрот не вынудил нас прервать доброе течение молитвы. Так молитва, пока она еще пламенна, должна быть исторгается, как бы из челюстей врага, который, будучи и всегда неприязнен к нам, с особенною неприязненностью приступает, когда видит, что мы хотим возносить ко Господу молитвы против него; почему спешит чрез возбуждение помыслов, или мокрот,

отвлекать ум наш от внимания в молитве, покушаясь тем охладить теплоту, с какою она начинается. По сей причине там почитают более полезным совершать молитвы краткие, но сколько можно чаще: то для того, чтобы молясь Господу, пламеннее мы могли непрестанно быть к Нему прилепленными; а это для того, чтобы умеренною краткостью избегать стрел наветника дьявола, которые он с особенною настойчивостью пускает в нас тогда, когда совершаем молитву.

Глава 11-я. Иные, псалмы разделяют на 2 и на 3 статьи; назначаются для пения не 1, а 2, 3 и 4 брата

Потому они и самые псалмы, которые поют в собрании, не без перерыва пропевают до конца, но разделяющих на две или на три статьи, смотря по числу стихов, и в промежутках вставляют умные молитвы. Ибо не множеством стихов услаждаются, а разумением ума, всеми силами стараясь исполнять слова Апостола: «воспою духом, воспою же и умом» (1Кор.14:15). Полезнее, полагают они, пропеть десять стихов с разумным пониманием, нежели весь псалом излить со смущением ума, которое иногда рождается и от поспешности произносящего, — когда он, помышляя о числе и величине псалмов, которое остается еще пропеть, не о том заботится, чтобы передать слушающим раздельно смысл стихов, но спешить довести поскорее до конца богослужение. — С другой стороны, если кто из новоначальных, или по рвению духа, или потому что еще не научен, как следует, начнет заходить за пределы того: тогда старец ударом, который делает рукой, сидя на своем седалище, останавливает продолжение пения, и всех поднимает на молитву, всячески заботясь о том, чтобы излишеством псалмов не породить опаснейшей скуки у сидящих. И то также у них со всею точностью соблюдается, чтобы, с отвечанием аллилуия, те только сказывать псалмы, которые и надписываются аллилуия. — Пропевание же двенадцати указанных псалмов они так делят между собою, что если будет два брата, то они пропевают по шести псалмов, если три — по четыре, если четыре — по три. Меньше этого числа псалмов никто из выходящих петь не поет. Потому, какое бы множество братий в церковь не собралось, больше четырех братий никогда не назначается петь в собрании.

Глава 12-я. Стоит на молитве только поющий; прочие сидят на стульцах и после ночной службы до рассвета не спят

Это узаконенное, как сказали мы, дванадесятное число псалмов исполняют они при покойном положении тела; так что, когда отправляются те, или другие обычные службы в церкви, тогда за исключением того, кто встает сказывать посредине псалмы, все сидят на низеньких седалищах, всем вниманием сердца углубляясь в слова поющего. Ибо они постами и денно-ночными работами так утомляют свое тело, что не будь этого в помощь облегчения, они не были бы в состоянии стоя выслушать и это число псалмов. Никак не допускают они, чтобы сколько-нибудь времени проходило попусту без работы. Не только то, что можно делать при свете дня, стремятся они со всем усердием исполнять своими руками, но заботливо приискивают себе и такие роды работ, которым не может помешать самый густой мрак ночи, веруя, что тем высшей достигнуть чистоты созерцаний духовным оком ума, чем долее будут напрягать себя на работы и труды. Затем, судят они, такое умеренное число уставных молитвословий и назначено свыше, чтобы для тех, кои потеплее верою, сберечь простор, где бы могло разворачиваться неутомимое течение их добродетели, а у болезненных и утомленных телом не поражать чрезмерностью скуки и отвращения. Почему, когда кончается положенное уставом молитвословие, каждый, возвратясь в келию (в которой позволено жить ему одному, или с другим кем, с кем сдружился или по одинаковости рукоделия, или потому, что вместе с ним проходил подученичество и послушничество у одного старца, или по сходству нрава и добродетелей), опять с усердием исправляет долг молитвы, как бы частное свое жертвоприношение; спать же никто уже более не дает себе свободы, пока с появлением дневного света, за ночным делом и размышлением не последует дневная работа.

Глава 13-я. Почему держится такое неспание?

Такое утруждение себя (бдением, молитвою и размышлением после ночной службы), кроме того побуждения, что этим верят они приносить Богу свою все усердную жертву воздеяния рук, еще по двум причинам наблюдают они неопустительно... Первая та, что ненавистник враг, завидуя чистоте нашей, против которой всегда наветует и непрестанно неприязнствует, не осквернил каким-нибудь сонным мечтанием очищения, стяженного нами ночным псалмопением и молитвою. Ибо он обычно, после удовлетворения, которое принесем мы за свои небрежности и невежества (трудом ночной службы) и после того, как с глубокими воздыханиями испросим себе прощения в том чрез наше исповедание (сердечную перед Богом исповедь), заботливо спешит опять запятнать нас (в совести), если найдет, что мы предаемся покою. Особенно тогда напрягается он исторгнуть и изгладить эту уверенность нашу (покой совести), когда увидит, что мы с большой теплотою возносились к Богу в чистых молитвах своих; так что иногда кого не мог он уранить во все продолжение ночи, успевает осрамить в этот кратчайший промежуток времени (См. 22 собеседование). Вторая же та, что хотя бы и не случилось никакого такого дьявольского прельщения, которого никогда нельзя не опасаться, – даже чистый сон, дозволенный себе в этот промежуток, порождает разленение в монахе, хотя бы он тотчас опять проснулся, и наводя сонное оцепенение на ум, на весь день подавляет энергию его, притупляет ту остро-зоркость чувства, и ту полноту сердца истощает, которые могут весь день сохранять нас осторожными и сильными против наветов вражеских. По всем этим причинам они к ночным в церкви службам присоединяют потом в келлиях свои частные бдения, которые и держать со всем вниманием, чтобы и то очищение, которое стяжано псалмопением и молитвою в церкви, не погубить и посредством сего умного делания запастись напряженным вниманием и бодренностью, которые хранили бы их в продолжение дня.

Глава 14-я. Днем с работою соединяют непрерывно умные делания

Это, впрочем, исполняют они в связи с работою, чтобы не нападал сон, обычно томящий праздных. У них и вообще, как никакой почти момент времени не остается праздным, так никогда не полагается конца умному деланию. Равно упражняя силы телесные и душевные, они уравнивают и приобретение внешнего человека с пользами внутреннего, к скорым движениям сердца и непостоянному волнению мыслей прицепляя тяготу работ, как крепкий какой и неподвижный якорь, чтоб, привязанное к нему легкодвижное и быстро всюду парящее, сердце могло удерживаться в затворах келлии, как в безопаснейшей пристани и, будучи таким образом напряжено на духовное только поучение и хранение мыслей, не пускало бодренному уму не только ниспасть до согласия на какое либо худое внушение (вражие), но охраняло его даже от всякого пустого и праздного помысла; так что не легко различать, что от чего зависит, или что по причине чего бывает, – по причине ли поучения духовного упражняются они непрестанно в рукоделии, или по причине непрерывности труда приобретают они преславное преуспеяние в духе и свете ведения.

Глава 15-я. Возвращаясь из церкви, не заводят речей; ни когда днем встретятся вне келлии. За это штраф

По окончании псалмопения и обычного, как мы сказали, отпуска собрания, никто у них не смеет даже на короткое время останавливаться и заводить речь с кем другим. Равно и из келлий своих выходить, оставляя дело, которым обычно занимается в ней, никто во весь день не решается, разве только, когда будет вызван необходимым каким либо по дому делом, которое, однакож, они исполняют так, что между ними при сем никакая не завязывается беседа, потому что всякий, исполняя возложенное на него дело, читает на память псалом, или какое либо место Писания, и тем не оставляет времени и места не только каким либо вредным сговорам, или худым советам, но и праздным речам, когда сердце и уста непрестанно заняты духовным поучением. Строго также соблюдается у них, чтобы никто с другим, особенно юные новоначальники, не стояли вместе даже ни на одну минуту, не заходили никуда в невидное место и не держали друг друга за руку. Если окажется, что какие-нибудь братия, в противность этому правилу, допустили что запрещенное им, тех, как непокорливых нарушителей отеческих заповедей, объявляют виновными не в маловажном проступке; так что не остаются они свободными даже от подозрения в каком-либо сговоре или совещании на зло. И если такую вину не омоют они публичным покаянием пред всеми собравшимися во едино братиями, то им не позволяется участвовать в общей с братиями молитве.

Глава 16-я. Кто в наказание отлучен от общей молитвы, с тем никто уже не молится. За это штраф

Когда таким образом бывает кто-либо отлучен от общей молитвы, тогда никому уже не позволено молиться с ним, пока он, поклонившись до земли, не принесет покаяния и публично при всех братиях не получит от аввы прощения в соделанном грехе и воссоединения с братством. Потому они с такою строгостию воздерживаются от общения в молитве с ним, что верят, что отлученный от общей молитвы предается, по приговору Апостола, сатане; и что если кто, движимый неразумным состраданием, дозволит себе сообщиться с ним в молитве, прежде чем принять он будет в общение старцем, тот делается сопричастником и его осуждения, сам себя произвольно предавая сатане, которому тот предан на исправление своей вины. Этот тем наипаче утяжеляет свою вину, что, присоединяясь к тому общением в собеседовании и молитве, поощряет его к большему высокомерию и поддерживает упорное нераскаяние. Ибо, доставляя ему пагубное утешение, более и более ожесточенным делает сердце его и не допускает его смириться до сознания себя виновным в том, за что отлучен, а чрез то или неважным считать приговор старца, или помышлять о притворном удовлетворении, или испрошении прощения...

Глава 17-я. Будильщик будит братию на молитву в определенный час

Тот, кому поручается созывать братий в церковь, или на ком лежит вся забота о церковных собраниях, будит братий к каждодневным бдениям не как попало, или как ему вздумается, не как сам проснется ночью, или как поблагочинствует ему его собственный сон, или бессонница; но хотя каждодневная привычка заставляет пробуждаться в определенный час, он однакож заботливо и часто вникает в течение звезд, и не иначе, как уж точно узнав определенное для собрания время, зовет братий на дело молитвы, всячески заботясь, чтобы ни с той, ни с другой стороны не оказаться не исправным, т. е., и не пропустить установленного часа, по причине отягчения сном, и не упредить его, по невниманию к покою братий и правильности в исполнении молитвенного долга.

Глава 18-я. С вечера субботы до вечера воскресенья не преклонят колен

И то также должны мы знать, что у Египтян не преклоняют колен с вечера субботы до вечера дня Господня, равно как и во все дни Пятидесятницы; не соблюдается тогда и правило о посте. Причина этого будет изложена в своем месте в собеседованиях старцев, если Господь повелит (Собеседование 22). Теперь же мы имеем в намерении только самые обычаи тамошние пробежать кратким повествованием, чтобы книга наша, увеличившись без меры, не наскучила и не утруждала слишком читающего.

Книга третья. О положенных уставом дневных молитвах и псалмопениях

Глава 1-я. Дневные молитвенные часы

Об образе совершения ночных молитв и псалмопений, какой имеется в Египте, думаю, с Божией помощью, сказано, сколько одолела малость ума нашего: теперь следует нам изложить службы третьего, шестого и девятого часов, по уставу монастырей Палестины, или Месопотамии, умеряя, как мы наперед сказали в предисловии, их обычаями совершенство и неподражаемую строгость дисциплины Египтян.

Глава 2-я. Египтяне днем не собираются на молитву, а весь день совершают ее непрерывно, сидя за рукоделием

Эти Богослужения, которые нас совершать в определенные часы, с известными промежутками, заставляет било, у Египтян самоохотно совершаются без перерыва во все продолжение дня вместе с рукоделием. Ибо они, днем, занимаясь постоянно рукоделием в келлиях своих, так, однакож, что при этом никогда не опускают поучения и в псалмах или других Писаниях, и в каждый момент примешивая к нему молитвы и моления, все время дня, как выходит, проводят в молитвах, тогда как мы совершаем их в определенные часы. Почему, исключая вечерних и ночных собраний, днем не бывает у них никакой общей службы, кроме субботы и воскресенья, в которые в третьем часу (наш 9) собираются они для принятия Святого Причастия.

Но, конечно, непрестанно возносимая к Богу молитва больше той, которая совершается чрез известные промежутки, и самоохотное дело важнее служб, которые исправляют понуждаемые уставом. Об этом и Давид с восхищением воспел нечто преславное, говоря: «волею пожру Тебе» ([Пс.53:8](#)), и: «вольная уст моих благоволи же Господи» ([Пс.118:108](#)).

Глава 3-я. Почему молитвы совершаются в 3, 6 и 9 часы; также вечером и утром?

Службы вышеозначенных часов, в монастырях Палестины и Месопотамии, и всего Востока, определяются каждодневно тремя псалмами, чтобы и прилежные молитвы приносить Богу в положенные времена, и необходимым работам нисколько не полагать препятствия, совершая молитвенные последования в должной мерности. И Даниил Пророк, как мы знаем, в эти три момента времени, открыв окна в горнице своей, каждодневно изливал пред Господом молитвы свои (Дан.6:10). И не без причины эти частные часы времени назначены для Богослужения: ибо в них совершалось исполнение обетований и главное дело нашего спасения.

В третий час, как достоверно известно, обетованный древле пророками Дух Святой сошел впервые на Апостолов, пребывавших в молитве. Ибо, когда по причине глаголения языками, которое открылось у апостолов чрез изливание на них Святого Духа, неверный род Еврейский, с изумлением и вместе с насмешкой говорил о них, что они вином исполнены суть, Св. Петр, став посреди их, сказал: «Мужие Иудейстии и живущий во Иерусалиме вси, сие разумно вам да будет, и внушите глаголы моя. Не бо, якоже вы скажете, сии пьяни суть; есть бо час третий дне. Но сие есть реченное пророком Иоилем: и будет в последние дни, глаголет Господь, излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваша и юноши ваши видения узрят, и старцы ваши сония видят. Ибо на рабы Моя и на рабыни Моя, во дни оны излию от Духа Моего, и прорекут» (Деян.2:13–18), что все видим исполнившимся, когда предсказанное пророками пришествие Св. Духа низошло на Апостолов в третий час дня.

В шестой же час Господь и Спаситель наш принес Себя в непорочную жертву Отцу, и возшед на крест за спасение всего мира, омыл грехи рода человеческого; и нас всех, виновных и связанных неоплатным долгом, освободил, взяв от среды рукописание сего долга и пригвоздив его ко кресту (Кол.2:14). В

этот же час Петру в восхищении ума было открыто призвание всех народов к Евангелию чрез ниспущение свыше сосуда, содержавшего разного рода животных, которых донесшийся до него с неба глас признал чистыми и сказал Петру: «востав Петре, заколи и яждь» (Деян.10:13). Этот сосуд, за четыре края спущенный с неба, очевидно не другое что означал, как Евангелие. Ибо хотя оно, кажется, имеет четыре начала, быв разделено на четверообразное повествование Евангелистов; но тело Евангелия одно, – содержа рождение человеческое и Божество, чудеса и страдания одного и того же Христа. Хорошо сказано: яко плащаницу (т. е. видел св. Петр сосуд сходящ – Деян.10:11, а не плащаницу). Плащаница есть знак мертвенности. поскольку страдальческой смерти Господь подвергся не по закону естества человеческого, но по произволению хотения Своего, то говорится, яко плащаницу. Ибо, умерши плотию, не был Он мертв духом; душа его не была оставлена во аде, и плоть не видела истления (Пс.15:10). И опять: «никтоже» (говорит Сам Господь) «возмет ю» (душу) «от Мене, но Аз полагаю ю о Себе, и область имам паки прияти ю» (Иоан.10:18). Итак, в этом сосуде Евангелий, с неба ниспущенном, т. е. от Св. Духа устроенном (разумеется, в церкви), все народы, которые, находясь вне закона, почитались нечистыми, стекающиеся во едино чрез принятие веры, гласом Господа повелевается спасительно закалать для почитания идолов (отвращать от него), и уготовлять в здравую пищу, которую чистою признать заповедуется и Петру.

А в девятый час, Господь, низшедши во ад, блистанием света Своего разогнал непроницаемую тьму тартара, и разрушив медные врата его и сломив железные запоры, пленил спасительно плен святых, и переселил их с Собою на небеса; и, отстранив огненный меч, ввел опять древнего жителя в рай, за спасительное исповедание. В этот же час Корнилий сотник, стоя по обычному благочестию на молитве, узнает от беседовавшего с ним Ангела, что молитвы его и милостыни помянулись пред Господом (Деян.10:3–6); пред ними явно раскрываются тайны призвания языков в девятый час, которые потом Петру открыты в восхищении ума, в час шестой. – И в другом месте об этом

времени повествуется в Деяниях Апостольских так: «Петр и Иоанн восходят во святилище на молитву свою в час девятый» (Деян.3:1).

Всем этим ясно доказывается, что эти часы, не недостойно Святыми и Апостольскими мужами посвященные для молитвенных последований, равным образом должны быть наблюдаемы и нами, – которые, если не будем принуждаемы как бы законом каким исполнять молитвенный долг, хотя в определенные времена, и все продолжение дня готовы проводить в забвении, без молитвенных воззваний к Богу, отягчаемые то заботливыми занятиями, то разлением.

Что сказать о вечерних молитвенных жертвах, которые всегда приносить поставлено еще в Ветхом Завете законом Моисеевым? – Что вечерние жертвоприношения каждый день были приносимы в храме, это можем доказать даже тем, что поется Давидом: «да и справится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку моею, жертва вечерняя» (Пс.140:2), в каком месте можно разуместь и ту истинную вечернюю жертву, которую тоже вечером преподал Господь Спаситель вечерявшим Апостолам, когда вверял Церкви Святые Тайны, или ту вечернюю жертву, которую Сам Он, на следующий день, в конце веков принес Отцу Своему воздеянием рук Своих за спасение всего мира. Простертие при сем рук на кресте справедливо называется воздеянием. Ибо оно всех нас, лежавших во аде, подъяло к небесам, по обетованию Его: «аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе» (Иоан.12:32).

Об утреннем же богослужении может нам дать знать даже и то, что во время его каждый день обыкновенно поется: «Боже, Боже мой, к Тебе утреннюю» (Пс.62:1); и: «на утренних поучахся в Тя» (Пс.62:7). И еще: «предваристе очи мои ко утру, поучитися словесем Твоим» (Пс.118:148).

В эти же часы, только что указанные, и Евангельский Домовладыка посылал в виноградник Свой первых делателей (Мф.20:1–2). Ибо говорится, что Он нанял их в раннее утро: какое время означает нам утреннее Богослужение; потом (других Он посылал) в третий, далее в шестой, после того в

девятый, наконец в одиннадцатый, – на который падает время
светильничное (вечерня).

Глава 4-я. О первом часе

Знать впрочем надобно, что та утренница³⁶, которая совершается ныне в западных преимущественно странах, впервые установлена в наше время, и в нашем монастыре (т. е. Вифлеемском), где Господь наш Иисус Христос, родившись от Девы, удостоил воспрять начатки человеческого детства, где Он и наше в деле веры детство, еще слабое и млеком питаемое, укрепил благодатию Своею. До сего же времени по окончании утренней службы, (которая в монастырях Галлии обыкновенно совершается спустя немного времени по исполнении ночных псалмов – с небольшим промежутком), нераздельно с повседневными бдениями, прочие часы отдавались телесному отдохновению, как предано отцами нашими. Но как некоторые нерадивцы, злоупотребляя этим снисхождением, более надлежащего предавались сну, (так как раньше третьего часа необходимость идти на какое либо собрание церковное не заставляла их вставать с постели и выходить из келлии), а чрез это, с опущением работы (в эти часы), по причине излишнего сна бывали ленивы и на другие труды, которыми должны были по долгу заниматься во время дня, (какое разлечение наиболее отягощало их в те дни, когда бдение с вечерних часов продолжалось до близу-зари); то некоторыми из братьев, более ревностных духом, которым очень не нравился этот род нерадения, доведена до старцев жалоба на то; и они, по долгом рассуждении и осмотрительном совещании определили, чтобы позволив утомленным телам попокоиться до восхода солнца, когда беспрепятственно можно уже или чтением заняться, или начать рукоделье, все в одно время вставали с постелей, будучи призываемы к совершению особого молитвословия, состоящего из трех псалмов и молитв, подобно, как это издревле установлено, для третьего и шестого часов: и тем полагали конец сну и начало работам. – Этот чин, хотя, по-видимому, случайно введен и недавно установлен по сказанной нами причине, однакож очевидно им буквально выполнено назначаемое Давидом на день седмичное число

Богохвалений, хотя оно у него может быть имеет и духовный смысл: «седмерицею днем хвалих Тя о судьбах правды Твоея» (Пс.118:164). Ибо, приложив эту службу (к указанным уже), мы семь раз будем собираться на молитвословие, и окажемся таким образом семь раз в продолжение его воздающими хвалу Господу. Впрочем, хотя этот чин, идя с Востока, к великой нам пользе распространился даже до наших мест, однакож на самом Востоке в некоторых старых монастырях, которые никак не позволяют себе отступать от древнейших отеческих правил, он, кажется, еще доселе не принят.

Глава 5-я. После первого часа запрещается спать

Некоторые в нашей стране, не зная причины, по которой установлена эта служба, по окончании этого утреннего молитвословия первого часа обращаются опять ко сну и падают таким образом в ту вину, для предотвращения которой установили его старцы. Ибо они спешат совершать его в такой час³⁷, что нерадивым и беспечным чрез то подастся повод опять заснуть. А этому решительно не следует быть, как объяснили вполне мы в предыдущей книге, описывая церк. собрания Египтян; чтобы нашей чистоты, стяженной сокрушенным исповеданием и прилежными предрассветными молитвами, или не осквернило неволью исторгающееся обилие естественных мокрот, или не повредила вражеская прелесть, или чтобы прившедшее насыщение даже простым и чистым сном не пресекло теплоты нашего духа и охладив нас оцепенением сна не держало в продолжение всего дня в состоянии безделия и нерадения.

Египтяне, чтобы не подвергнуться этому, даже когда по обычаю встают в известные дни раньше пения петухов, и тогда, окончив ночные службы, продолжают после того бдение до самого света; чтобы приходящий свет утренний заставлял их горящими духом, и чтобы они потом в продолжение всего дня храня себя теплейшими и ревностнейшими, всегда были готовы к борьбе, быв подкреплены против дневных нападений диавола подвигом ночных бдений и духовным в них поучением.

Глава 6-я. Какие псалмы назначены на первый час

Надобно, впрочем, знать, что старцы наши, положив прибавить эту новую службу, ничего не изменили в древнем употреблении псалмов. Но и в ночных собраниях служба совершается непрерывно в том же порядке, как прежде, – и в конце ночных бдений, кончаемых обычно после пения петухов до зари, даже доселе они поют те же псалмы, т. е. 148, коему начало: хвалите Господа с небес, и прочие следующие за ним, которые в этой стране входят в состав утрени. Для новой же этой службы назначены, как знаем, псалмы пятидесятый, шестьдесят второй («Боже, Боже мой, к Тебе утреннюю») и восемьдесят девятый («Господи, прибежище был еси нам»). В Италии ныне во всех церквях после утрени поется пятидесятый псалом, что, как не сомневаюсь не отъинуду заимствовано, как отсюда.

Глава 7-я. Штраф за опаздывание на часы и ночные службы

Кто на третий, шестой и девятый часы не придет молиться прежде, чем кончится первый псалом, тот не смеет уже более входить в молитвенницу и присоединяться к поющим, но, стоя вне, ждет отпуста собрания, чтобы, когда будут выходить, поклонившись до земли, у всех испрашивать себе прощения в нерадении или опоздании на молитву, зная, что иначе не может он изгладить вину такого послабления себе: ибо такого не допустят и на ту службу, которая будет следовать спустя три часа, если он тотчас не поспешит с истинным смирением благопокорно удовлетворить за настоящую небрежность.

В ночных же собраниях до второго псалма дается отсрочка промедляющим, так однакож, чтобы они вступали в собрание и присоединялись к нему прежде, чем, по окончании сего псалма, братия найдут на молитву. Если кто промедлит хоть немного более этого определенного часа отсрочки, тот без уступки подвергается тому же штрафу и покаянию, о каковом сказали мы пред сим.

Глава 8-я. Образ совершения бдений

Бдения, какие каждую неделю совершаются, начинаясь с вечера предсубботного, старцы укоротили, положив в зимнее время, когда ночи бывают длиннее, кончать их к четвертому пению петухов, для того, чтобы после бдения во всю ночь, подкрепив сном тела свои и в эти остальные два почти часа, в продолжение всего уже дня не изнемогать отклонения ко сну, довольствуясь этим кратковременным отдыхом вместо целоночного успокоения плоти. Это и пам следует соблюдать со всею точностию, — т. е. довольствуясь сном, который дозволяется нам после отпуска бдения до появления света, или утреннего псалмопения (первого часа), и целый потом день бодренно проводить в труде и необходимых занятиях; чтобы, если побуждаемые изнеможением от бдения, позволим себе днем взять назад сон, которого лишили себя ночью, не вышло, что совершая бдение мы не лишаем покоя плоть свою, а только переменяем время его, ночное удовлетворение сну меняя на дневное. Конечно, если бы после отпуска бдений не дать себе вкусить хоть несколько сна, бременная плоть наша, будучи лишена целоночного успокоения, не могла бы во весь следующий день сохранить бодрственность непоколебимою, без дремания уже и оцепенения чувства. Потому-то если дать себе соснуть хоть один час, как мы сказали, до появления света, то этим вознаградятся все бденные часы, которые ночью провели мы в молитве. Чрез это отдадим мы природе, что ей свойственно, и не будем поставлены в необходимость днем брать назад то, чем жертвовали ночью. Ибо без сомнения все возратить плоти своей вынужден будет тот, кто не части какой с благоразумною мерностью лишает ее, но покушается отказать ей в целом, или, чтобы сказать вернее, кто захочет не лишнее отсечь, а отнять необходимое, вследствие чего нужно бывает отплатить за бдение большой процент, если по неразборчивому и неразумному излишеству протянуть его до самого света. Посему и самое бдение они делят между священными действиями, чтобы некое удовольствие, доставляемое

разнообразием труда, облегчало утомление тела. Ибо, сначала стоя пропевают они три антифона; потом сидя на земле или на низеньких стульцах, отвечают на три псалма по подсказыванию (канонаршески) одного, так однакож, что не все вместе, а один за другим попеременно отвечают на достающийся стих; наконец к этому присоединяют три чтения, оставаясь в том же спокойном положении. Таким образом умалая телесный труд, они совершают свои бдения с большим напряжением ума.

Глава 9-я. Почему установлено это бдение и почему отменен пост в субботу?

Эти бдения, со времени Апостольской проповеди, когда основана вера и церковь христианская, потому установлено по всему Востоку совершать в предсубботнюю ночь, что когда Господь и Спаситель наш был распят в шестой день недели, то ученики так были поражены только что совершившимся Его страданием, что всю ночь ту провели в бодрствовании, нисколько не давая очам своим сна.

По сей причине с того времени установленное в эту ночь всенощное бдение соблюдается по всему Востоку даже до сего дня ненарушимо. Ради же такого труда бденного по всем церквам восточным, на несправедливо держится в день субботний разрешение поста, установленное тоже мужами Апостольскими. Может быть при этом имеется в виду и следующее изречение Екклезиаста: «даждь часть седмым и осмым» (Еккл.11:2), которое хотя имеет и другой мистический смысл, но не чуждо и того, по которому здесь видится заповедь и седьмому дню, т. е. субботе, равно как и восьмому т. е. воскресенью, придавать такую же часть празднственности. – Почему это разрешение поста в субботы не должно понимать как общение в праздничестве с Иудеями, особенно когда они держатся лицами, совершенно чуждыми Иудейства, но как мы сказали, оно вызвано необходимостью подкрепить утомленное тело, которое во все седмицы года, постясь подряд по пяти дней, если не будет подкрепляемо в эти по крайней мере два дня (т. е. субботу и воскресенье) промежуточные, может совсем истощиться и изнемогать.

Глава 10-я. Установление поста в субботу неосновательно

Некоторые в западных городах, особенно в Риме, не зная причины такого умерения (строгости поста в субботу), думают, что в субботу не следует разрешать поста, – потому что в этот день постился Св. Петр, намереваясь выйти на борьбу с Симоном. – Но отсюда же видно, что Петр делал это не по каноническому обычаю, но по необходимости наставшей борьбы. поскольку нарочито назначил он по сему случаю пост ученикам своим, то значит, что пост этот был не общий, а частный: ибо не сделал бы он этого, если бы известно было, что его должно держать и без того, по каноническому обычаю. Он назначил бы его без сомнения и в воскресенье, если бы борьбе той случилось быть в этот день: однакож поэтому не следовало бы тотчас узаконять поста в этот день, как каноническое правило; ибо, очевидно он держан бы был не как общий закон, а как вынужденный необходимостью, и только однажды.

Глава 11-я. Чем воскресное богослужение отличается от службы других дней

Ведомо вам буди и то, что там в воскресенье до обеда бывает только одно собрание, на котором, чести ради причащения Господня, с большею торжественностью и вниманием исполняя псалмы и молитвы, или чтения, они совмещают и часы третий и шестой. Таким образом в последованиях молитвословия ничего не умаляется; и однакож в честь воскресения Господня дается братиям некое послабление и снисхождение сравнительно с другими днями. Эта празднственность воскресения облегчает» притрудность всей седмицы, потому что ради дозволяемой в нем льготности, располагает ожидать этого дня, как праздника, и чрез это ожидание делает менее чувствительною тяготу поста текущей седмицы. Всегда благодушнее выдерживается какое-либо утомление и труд продолжается без скуки, коль скоро в определенные сроки вставляется в среду его какое-нибудь облегчение, или умаление труда.

Глава 12-я. В воскресенье полагается ужин; и с простою молитвою в начале и конце

Наконец в эти дни, т. е. в субботу и в воскресенье, как празднственные, предлагается братиям кроме обеда и ужин и за вечерянием псалмы не поются, – ни когда садятся за ужин, ни когда встают из-за него, как обыкновенно бывает за праздничными обедами, или за постным по уставу столом, которому и предшествует и последует пение обычных псалмов; но с простою молитвою садятся за ужин, и опять вставая из-за него, заключают его простою же молитвою, так как это трапезование экстраординарно у монахов, и на него не все собираются, а только странники, если какие случатся, или те, которых принуждает помощь тела, или случайное какое голодание.

**Книга четвертая. О порядках принятия в обитель
отрекающихся от мира. И об обучении
новоначальных**

Глава 1-я. Правила эти заимствуются иные у Египтян, а иные у Тавенниссиотов

От уставного чина псалмопений и молитвословий, какой должно соблюдать по монастырям в дневных собраниях, переходим по порядку повествования, к указанию того, как принимаются в обитель отрекающиеся от мира, стараясь изложить краткою, сколько можно, речью особенно условия, на которых желающие обратиться и работать Господу принимаются в киновии и, заимствуя иное у Египтян, иное у Тавенниссиотов, которых киновия находится в Фиваиде, – на сколько многочисленнейшая всех других, на столько же и отличнейшая по строгости жизни; так как в ней более пяти тысяч братий³⁸ управляются одним аввою и это столь огромное число монахов с таким послушанием подчиняется всегда одному старцу, с каким у нас один одному подчиняться, или один над одним настоятельствовать не может, даже на короткое время.

Глава 2-я. Они смиренно пребывают в послушании до глубокой старости

Прежде всего, думаю, надобно нам очертить, каким образом так долго и с таким постоянством держится у них это смирение и подчинение, и как оно так прочно образуется в них, что они пребывают неисходно в киновии до преклонной старости; (ибо оно таково, какого не помню, чтобы кто-нибудь из поступающих в наши монастыри выдерживал даже в продолжение одного года), чтобы видя начатки их мироотречения, мы последовательно уразумели, до какой высоты совершенства можно взойти, положив такие основания.

Глава 3-я. Испытание вне монастыря, и отобрание всякой собственности по впусчении в него

Итак, когда кто приходит с желанием быть принятым под дисциплину киновии, то его не прежде допускают внутрь, как когда он дней десять, или и того более, оставаясь за воротами, докажет и твердость желания своего, и свое смирение с терпением. Когда же он, повергаясь на колена пред всеми проходящими братьями, всеми намеренно будучи отталкиваем и презираем, как бы желающий войти в монастырь не по благочестию, а по нужде, и поражаем при том оскорблениями и поношениями, даст опыт своего постоянства – покажет каков будет в искушениях и терпении бесчестий, и по таком испытании его духа, будет принят: тогда со всем вниманием наблюдается, чтобы при нем ничего не оставалось из прежнего его имения, даже на одну полушку. Ибо знают, что если в его сознании будет держаться мысль, что он есть обладатель хоть небольшого количества денег, то он не может долго пробыть под монастырскою дисциплиною, не примется у него добродетель смирения и послушания и не будет он доволен скудостью киновии и лишениями во всем; почему как только зародится в нем по какому-либо случаю смущение, тотчас, как камень, пущенный из пращи, устремится он бежать из монастыря.

Глава 4-я. Почему ничто не принимается в монастырь от вступающего в него?

Почему не соглашаются принимать от него деньги, даже и тогда, как онигодились бы на монастырские потребности? – Во первых потому, чтобы опираясь на такой взнос, не стал он надыматься и не перестал уже считать себя равным другим беднейшим братьям; далее же и потому, чтобы, если по причине такого надмения, не могли воспринять смирения Христова, не выдержит он дисциплины монастырской и выйдет из монастыря, не захотел он того, что в начале отречения, горя духом, внес в монастырь, теперь охладевши, снова получить и даже в духе святотатском истязывать то не без неприятности монастырю. Всячески наблюдать это они научены многими опытами. Ибо в иных менее осторожных монастырях, некоторые, будучи приняты просто, покушались потом с крайними хулами требовать возвращения того, что внесли и что уже истреблено было на дело Божие.

Глава 5-я. Свои одежды скидают и одеваются в монастырские руками аввы

Почему всякий, когда принимается в монастырь, так обнажается от всякого прежнего своего имени, что даже ту одежду, которою прикрыт, не имеет позволения иметь долее; но поставленный посреди в собрании братий, скидает свои одежды, и руками аввы одевается в монастырские, чтобы познавал из сего, что не только лишается всех прежних вещей, но отложив всякую гордость мирскую, нисходить до Христовой нищеты и оскудения и будет содержим отселе на кошт, не искусством века сего стяжанный, или какою неправдою удержанный, а из святых и благочестивых щедрот монастырских будет получать оброк своего воинствования, – и пищу и одежду, ничего собственного не имея; и однакож не заботясь о завтрашнем дне, по заповеди Евангельской, и не стыдясь стать равным с нищими, т. е. с телом братий, к коим сопричислиться, и коих братом нарецися не устыдился Христос, – напротив ставя себе в честь, что вступил в круг своих Господу.

Глава 6-я. Скинута одежда бережется для чего?

Скинутые принятым в обитель мирские одежды отдаются эконому, который бережет их дотолѣ, пока из многих искушений и опытов обнаружится его преуспеяние и в добром житии и в добродетели терпения. Когда увидят таким образом, что он и в дальнейшее время может у них жить с терпением, храня тот же жар ревности, с каким начал, то одежды его наконец отдают нуждающимся; если же заметят, что за ним водится порок какой-нибудь ропотливости, или вина злого непослушания, то скинув с него монастырские одежды, в какие был одет при приеме, и надев на него прежние, которые были отобраны, выгоняют вон из монастыря.

Никому не дают они отходить из монастыря в полученных в нем одеждах, и не допускают, чтобы опять был в них облакаем тот, кого видели уже однажды охладевшим к порядкам заведенной у них жизни. Потому никто не имеет там воли сам собою выйти явно из монастыря, (как монах и в монастырской одежде), разве кто, подобно рабу беглецу ночью убежит, прикрытый густым мраком. Если выходить кто, то потому, что, будучи сочтен недостойным сего чина и звания, со стыдом и замечанием пред всеми братьями, скинув монастырскую одежду, изгоняется.

Глава 7-я. Принятый не оставляется среди братий, а отсылается к старцу гостиницы на год; и затем уже вводится внутрь и отдается старцу десятнику над новоначальными

Но и того, кто, оказав, как мы сказали твердость и терпение (ожидая за воротами) бывает принят и, отложив свои одежды, облечен одеянием монастырским, не вдруг допускают в среду братий, но отсылают к старцу, который, живя особо недалеко от монастыря, имеет попечение о странниках и пришельцах, принимая их радушно и всякое им доставляя успокоение. Когда, служа здесь в продолжение целого года, будет он без ропота оказывать всякое услужение странникам, тогда напоенный чрез то первыми уроками смирения и терпения и разузнанный на этом не кратком испытании, допускается он в среду братий и отдается другому старцу, который смотрит за десятью новоначальными братиями, вверяемыми ему аввою для наставления и надзора, по примеру того, что, как читаем в книге Исхода, учреждено было Моисеем.

Глава 8-я. Первые упражнения в подавлении своей воли

У этого старца первая забота и первые уроки обращаются на то, чтобы прежде всего приучить отданного ему юного побеждать свои хотения; ибо не иначе, как чрез это может он потом последовательно восходить и на самые вершины совершенства. Почему, со всем вниманием и усердием упражняя его в этом, он нарочно заставляет его всегда делать то, что, как знает, противно его душе. Ибо наученные многими опытами, они предают, что монахи, и особенно новоначальные, не могут обуздывать своих похотей, если прежде не научатся умерщвлять свои хотения послушанием. Кто не навыв прежде побеждать свои хотения, тот, учат они, никак не может ни преодолеть гнева или печали, ни погасить духа блудного, ни стяжать истинного смирения сердца, ни держать всегда единение с братьями и хранить твердый и постоянный с ними мир, не может даже и в общежитии пребыть навсегда.

Глава 9-я. Юный инок должен все открывать своему старцу

Таковыми—то наставлениями, как бы первыми буквами и складами, напитывают они новонаначального, и настраивают его к совершенству, вместе с тем до ясности научая его различать, на истинном ли утверждается он смирении, или на воображаемом и фиктивном. Чтобы удобнее успевать ему в этом деле, ему внушают никаких прорывающихся в сердце помыслов не таить по пагубной стыдливости; но тотчас как только они зародятся, открывать их своему старцу; и в суждении об них нисколько не верить своему уму, но всегда считать худым или хорошим только то, что найдет и признает таковым по испытании старец. Отсюда происходит то, что хитрый враг ни в чем не может обойти юного, неопытного еще и несведущего инока, и никакою хитростью обмануть его, — пока видит, что он ограждает себя не своим, а старца своего рассуждением, и пока не успеет убедить его утаивать от старца внушения, которые он, как стрелы огненные, ввергает в его сердце. Ибо иначе этот крайне тонкий диавол не может обольстить или низринуть (в падение) юного, если наперед не увлечет его к скрыванию своих помыслов, по гордости или стыду. Очевидным признаком того, что известный помысл есть диавольский, почитают они то, если мы стыдимся открыть его старцу своему.

Глава 10-я. Все делать по спросу и все повеленное исполнять

После сего у них с такою строгостью соблюдается правило послушания, что юные без ведома и позволения своего набольшого не только не смеют куда либо отлучиться из келлии, но даже самой общей естественной нужды удовлетворять сами по себе не решаются; и все что он ни прикажет им, спешат они без всякого обсуждения исполнять так, как бы это свыше им повелевалось самим Богом. Почему, когда даже повелевается что невозможное, они принимают то с верою и благоговением; и всеми силами и без всякого колебания сердца напрягаются совершить то и исполнить, из благоговения к старцу, не замечая даже самой неисполнимости приказания. О таком повиновении им я ныне подробно говорить не стану, располагая пояснить все это немного спустя примерами, если даст Господь продлиться речам моим. Теперь же проследим прочие у них порядки, не касаясь таких, какие в этой стране не могут быть исполняемы, а потому не должны быть и предаваемы монастырям в закон, как делать обещались мы и в нашем предисловии: как например, что они не употребляют шерстяных одежд, а только полотняные, и этих не имеют по две; но всякий набольший доставляет десятку своему переменные одежды, когда увидит, что те, которыми одеты братия, испачкались уже.

Глава 11-я. Не все заимствовать у Египтян

Пропущу равным образом и тот трудный высокий род воздержания, по которому там считается уже крайне великим утешением, если предложат братьям на трапезе смоченные водою и приправленные солью травы, которые они называют лапсаниями, и другое сему подобное, что в нашей стране не может быть принято ни по климату, ни по нашей немощности, и укажу только то, чему ни немощь плоти, ни положение места мешать не могут, если не помешает слабость воли и холодность сердца.

Глава 12-я. Послушание всему предпочитаться должно

Так, – когда сидя в келлиях своих и прилежно занимаясь работою и размышлением, услышать они стук удара в дверь свою и других келлий, который зовет их на молитву, или какое общее дело, каждый тотчас поспешает выйти из келлий своих, так что если кто занимается делом переписывания (книг), то не посмеет окончить букву, при начале начертания которой застал его зов, но остановясь на том пункте, на котором дошел до ушей его стук ударяющего, проворно выбегает, не позволяя даже себе столько промедления, сколько бы нужно для окончания начертания начатой уже буквы, но оставляя ее неоконченною, потому что они не столько заботятся об успехах работ и выгодах от них, сколько ревнуют со всем усердием об исполнении добродетели послушания, которое предпочитают не только рукоделию, или чтению, но и всем другим добродетелям, так что все считают они ниже его, и с радостию готовы понести всякий ущерб, лишь бы только не оказаться нарушителями этого одного доброго закона.

Глава 13-я. Не иметь никакой собственности и не сметь назвать что-либо своим

А о той добродетели, между другими их порядками, и поминать считаю излишним, что у них никому нельзя иметь особый какой-нибудь сундучок, или ящик, или что-нибудь такое, что, как свою собственность надлежало бы отличать или обеспечивать своим каким знаком.

Они так во всех отношениях бедны, что кроме кукуля, мафория, сандалий, милоти и рогожи ничего более не имеют. Там даже и в тех монастырях, в которых допускаются снисхождения и послабления, доныне строжайше исполняется то правило, чтобы никто не смел даже словом назвать что-либо своим. Было бы большим преступлением, если бы из уст монаха слышались слова: моя книга, моя доска, мое писало, моя одежда, мои сандалии. Если б в каком-либо случае, невзначай, или по неведению вырвалось из уст ого такого рода слово, то он имел бы потом удовлетворить за то должным покаянием.

Глава 14-я. Хотя всякий трудом своим доставляет доход монастырю, но никто никакого притязания на что-либо не изъясляет

Не смотря на то, что там всякий своим трудом и потом доставляет монастырю такой доход, что его достаточно бы было не только на умеренное содержание его самого, но и на нужды многих других, никто однакож тем не надымается и не ожидает никаких себе из-за того льгот, но кроме двух паксимадий – (сухой хлебец величиною с булку), стоящих там едва три динария, никто ничего болию не требует. – Между ними частный, особенный какой-либо труд (на себя только) не говорю – делом не встречается, даже в мыслях никем не загадывается (как бывает в наших монастырях, хоть это и стыдно сказать). Хотя всякий там всю кладовую киновии считает как бы своею собственностью и о всех вещах столько печется и заботится, как бы был хозяином их; не смотря на то, выдерживая добродетель воспринятой нищеты, которую стараются они в совершенстве ненарушимо соблюсти до конца, всякий считает себя столько сторонним и чуждым для всего, что ведет себя как странник и житель другого мира, более почитая себя питомцем и слугою монастыря, нежели претендует быть хозяином какой либо вещи.

Глава 15-я. Обличение западных иноков в несоблюдении заповеди нестяжательности, или ничего неимения

Что скажем на это мы, бедные, которые, живя в киновиях и состоя на попечении и заботах аввы, держим особые ключи и, поправ всякое уважение к своему званию и всякий стыд, не стыдимся явно носить на пальцах даже перстни (с печатью), чтобы или запечатывать всякие спрятанные вещи, – которым не только шкатулок или сундуков, но даже шкафов и комодов недостаточно для упрятания того, что успели собрать, или что принесли с собою, выходя из мира, и которые кипятимся из-за пустых и ничтожнейших вещей, и против того, кто посмеет хоть пальцем коснуться до чего-нибудь из вещей, какие мы присвоаем себе, как собственность, исполняемся таким гневом, что движений сердца своего не можем не обнаружить и устами и состоянием всего тела. Но оставив такие пороки свои, и все другое, о чем и поминать недостойно, продав молчанию, по слову Пророка: «да не возглаголют уста моя дел человеческих» (Пс.16:4), станем лучше, по предположенному порядку повествования, исчислять добродетели тех (восточных), к которым со всем усердием должны стремиться и мы, – и кратко изложив исправительные правила их и уставы, перейдем потом к некоторым деяниям старцев, которые располагаем старательно продать памяти, чтобы ими, как сильнейшими свидетельствами, подтвердить то, что внесли в наше повествование; их примерами и авторитетом их жизни доказывается все сказанное.

Глава 16-я. Исправительные наказания погрешностей

Если кто как-нибудь случайно разобьет водопрохладительный кувшин³⁹, тот не иначе, как публичным покаянием, оmyвает свою неосторожность; для чего, когда все братия соберутся на молитву, он, простершись на земле, испрашивает прощение и до тех пор пребывает в сем положении, пока кончится служба и авва велит ему встать с пола. Таким же образом заглаживает вину свою и тот, кто, когда позовут на какое-либо дело, или на обычную службу, явится нескоро, или поя псалом, запнется хоть немного, равным образом, если кто ответит лишнее, или грубо и непокорно, если небрежно исполнит наложенное послушание, если хоть немного поропщет, если предпочитая делу или послушанию чтение, поленится на исполнение положенных обязательных дел (очередных по монастырю, или келлии), если по окончании службы не поспешит поскорее возвратиться в келлию, если с кем либо хоть немного постоит, если хоть на минуту отлучится куда либо, если подержит кого за руку, если сколько-нибудь поговорит с тем, кто не в одной с ним живет келлии, если помолится с тем, кто отлучен от молитвы, если повидается, или поговорить с кем из родных своих, или друзей мирских, без позволения своего старца, если получит от кого письмо, или отпишет ему, без ведома своего аввы, – за все такие и подобные проступки бывает духовное замечание (или употребляется мера исправления нравственная, подобная помянутой в начале). За все же прочее, что и у нас, хотя допускается безразлично, не пропускается однакож без обличения и выговора, как то: за открытое злословие, явное презорство, упорное противоречие, свободную и распущенную походку, фамилиарность с женщинами, серчание, споры, враждование, брань, особенную какую работу (на себя только), заразу сребролюбия, пристрастное обладание излишними вещами, которых нет у других братий, безвременное и скрытное вкушение пищи, и подобное сему, употребляется не та мера

исправления, которую мы назвали духовною; но виновные в этом или исправляются телесными наказаниями, или изгоняются из монастыря.

Глава 17-я. Чтение за трапезой и молчание

То же, чтоб за трапезою братий в киновиях читано было что-либо священное, исходит, как знаем, из устава не Египтян, а Каппадокиан, которые без сомнения установили это не столько для духовного упражнения⁴⁰, сколько для утишения излишней и праздной говорливости, и особенно споров, которые особенно зарождаются за столами, видя, что иначе пресечь это между собою нет возможности. Ибо у Египтян, особенно у Тавеннисиотов, такое за столом всеми наблюдается молчание, что когда вместе сидит такое множество братий, и подкрепляет себя пищею, никто шепнуть даже не смеет, кроме наибольших над десятками, которые, впрочем, когда нужно бывает принести что, или взять со стола, дают знать о том стуком, а не голосом. Это молчание во время принятия пищи соблюдается там с такою строгостью, что опустив кукуल्ली ниже очей (чтобы глаз не имел свободы из любопытства блуждать туда и сюда), они ничего более не видят, кроме стола и предложенной на нем, или принимаемой с него нищи, так что из них никто не может знать, как и сколько кушает другой.

Глава 18-я. Кроме общей трапезы вкушать ничего не позволяется

Вне же стола, т. е. прежде и после принятия пищи всеми вместе в установленное время, со всею осторожностью блюдутся они вложить в уста свои что либо съедобное, так что ходя, например, в саду между яблонями, когда висящие на деревьях яблоки так приветливо предлагают себя очам проходящих, или в большем количестве валяющиеся по земле сами попадают под ноги, напрашиваясь как бы, чтобы их подняли, когда все это и количеством и удобством, легко может вызывать пожелание даже у строжайших воздержников и увлекать к согласию на него, — они считают святотатством не только съесть что-нибудь из этого, но даже коснуться только рукою, помимо того, что явно предлагается всем вместе, когда принимают пищу, и по распоряжению эконома, публично раздается всем руками чередных братий.

Глава 19-я. Как на Востоке ведутся чередные послушания?

Чтобы ничего не опустить из тамошних киновийных уставов, кратко помяну о том, какие в тех странах назначаются каждодневно братьям послушания. По всей Месопотамии, Палестине, Каппадокии и всему Востоку, братия понедельно чередуются в исполнении разных по монастырю послушаний, так что соответственно численности братства назначается и число служащих. Эти послушания они исполняют с таким благоговением, с каким ни один раб не справляет рабского своего служения пред господином своим, самым могущественным и жестоким; так что не довольствуясь одними теми – послужениями, какие требуются от каждого уставом, они встают ночью и тайком исправляют то, что другие должны бы были исправлять сами. Принимая на себя недельное послужение, всякий внимательно исправляет его до вечера воскресного дня; по окончании коего, послужение целой недели заключается тогда, когда соберутся братия – петь псалмы, какие обычно поют отходя ко сну: кончившие свою череду всем им по порядку умывают ноги, верно ожидая себе за труд недельный, как благословенной награды того, чтобы они по совершении псалмов общую все вместе вознесли ко Христу Господу молитву с прошением о прощении им погрешностей неведения и грехов немощи человеческой, и о принятии их усердного послужения, как тучной Богу жертвы. За тем в понедельник, после утренних песнопений, они передают новым чередным посуду и все другие вещи, необходимые при послужении. Те, приняв их, блюдут с крайнею заботливостью и вниманием, чтобы не пропало что, или не повредилось, в той уверенности, что за самые малые вещи, будто за священные сосуды, они отдадут отчет не здешнему только распорядителю (эконому и настоятелю), но самому Господу, если по их нерадению окажется в них какой-либо ущерб. Какая в этом отношении соблюдается у них строгость, можете видеть из одного примера, который приведу вам сейчас.

Глава 20-я. Строгость хранения монастырских вещей; три чечевицы

На неделе одного брата эконома, проходя, увидел на земле валяющиеся три зерна чечевицы, которые вместе с водою проскочили у недельного между пальцами, когда он спешил обполоскать чечевицу, приготавливая ее к варению. Эконом тотчас сказал об этом авве, и брат был осужден, как небрежник и губитель священного достояния и отлучен от общей молитвы. Вина этой небрежности была ему прощена не иначе, как когда он омыл ее публичным покаянием. Не считая себя своими, они и все вещи свои почитают посвященными Богу. Почему коль скоро внесено что в монастырь, они полагают, что к тому относиться должно, как к чему-то священному.

Глава 21-я. Пример усердия чередных в доставании покоя братии

Мы знаем такой случай, что в одном монастыре не стало дров и нечем было приготовить братии обычной пищи. Авва велел довольствоваться сырою пищею, которую они называют сухоядением, пока купят дров. Все согласились на это, и никто не ожидал какого-либо варева. Но братие чередные, на неделе которых это случилось, полагая, что весь плод недельного их послужания пропадет даром, если на их черед не будет братиям предложена обычная пища, употребили все усилие достать дров, что очень затруднительно в тех сухих и бесплодных местах, в которых дрова состояются из сухих обломков от плодовых деревьев, а таких дровяных перелесков, как у нас, совсем нет. Они разошлись по тем непроходимым местам, и обошедши всю пустынь, тянущуюся к мертвому морю, набрали охапки тонких ветвей и сучьев, там и сям разбросанных ветром, и на них приготовили все, что требовалось к столу братий, без малейшего недостатка; это было произвольное их послужание, когда они имели справедливое извинение и в оскудении дров, и распоряжении аввы. Но они не хотели потерять mzды, которой чаяли за довольство братий в свою череду.

Глава 22-я. У Египтян нет чередных

Это сказано нами, как наперед уже замечено было, по уставу всего Востока, который и в наших странах, полагаю, должен быть соблюдаем. – Но у Египтян, которые очень много прилежат рукоделию, нет недельной череды, чтобы по случаю ее не было полагаемо препоны успешному течению работ. Там одному испытаннейшему брату вверяется келарня или поварня, и он несет это послужение посменно, пока достанет сил, или позволят лета. Ибо там не требует утомительного для тела труда приготовление пищи к столу, так как иноки тамошние довольствуются большею частью сухоядением и сыроядением, и овощи, столченная соль, маслины и маленькие соленые рыбки, кои они называют менидия, составляют для них верх утешения.

Глава 23-я. Смирненное послушание – путь к совершенству, пример Иоанн Ликопольский

Как настоящая книга трактует, между прочим о том, как отрекшийся от мира, доводится до истинного смирения и совершенного послушания, чтобы потом он мог востечь на верх и прочих добродетелей, – то считаю необходимым предложить здесь, как обещано, для примера деяния некоторых старцев, просиявших в сей добродетели (т. е. смиренном послушании), из многого избирал немногое, сколько нужно для того, чтобы у взыскавших вышнего не только ревность возбудить о совершеннейшей жизни, но и показать им, как сего достигнуть. Почему из такого бесчисленного множества Отцов выставим двух или трех, по требуемой нашей книгой краткости. Во-первых, авву Иоанна, который обитал около Ликополя, города Фиваиды; так как он за добродетель послушания, сподобившись высокого дара пророчества, прославился во всем мире, и по достоинству был высоко чтим самыми царями. Так, Феодосий Великий не иначе приступал к войне против появившихся в его время сильных тиранов, как получив наперед от него пророческие ответы, удостоверявшие в успехе предприятия, хотя он жил так далеко от него, на последних окраинах Фиваиды. Положившись на них, как бы они с неба были ему возвещены, он одержал верх в отчаянных битвах и преодолел врагов.

Глава 24-я. Сей Иоанн в новоначалии целый год поливал сухую ветвь утром и вечером

Сей блаженный Иоанн от юности до совершенного мужского возраста служил старцу своему, пока тот жил на свете, и с таким смирением исполнял его повеления, что сам старец изумлялся его послушанию. Желая однакож точнее узнать, откуда у него такая добродетель, от веры ли истинной и глубокой простоты сердечной, или она притворна, принужденна и оказывается только пред лицом того, кто дает повеления, старец часто назначал ему послушания то пустые и ненужные, то неисполнимые. Приведу три таких случая, из коих для желающих разуместь ясно будут видны и чистота его ума и совершенство послушания. Так однажды старец взял из своего дровяника хворостину, давно срубленную, совершенно иссохшую и даже от древности немного по-загнившую, и воткнув ее в землю, велел поливать ее дважды в день, принося воду на своих плечах, чтобы она, будучи таким образом каждодневно орошаема, пустила корни, ожила, разветвилась и дала вид приятный для очей и прохладную тень тем, коим придется сесть под нею. Приняв это послушание с обычным благоговением, юный инок, нисколько не рассуждая о невозможности получить то, что ожидалось будто, исполнял это неопустительно каждый день,нося воду за две почти мили. Так поливал он свое деревцо в продолжение целого года, не пропуская ни одного дня, ни за болезнью, ни по причине праздника, ни по причине нужнейшей какой-либо работы, ни из-за зимней стужи и непогоды. Старец молча наблюдал за этою неутомимостью его, и удостоверился, что он и принял и исполнял его приказание в простоте сердца, без всякого колебания ума, как бы оно дано ему было свыше, чем доказал искренность своего смиренного послушания. Почему, желая положить конец этому испытанию, подошел он к сухой хворостине и сказал: «Ну что, Иоанн, пустило ли корни дерево наше, или нет?» Тот сказал: «Не знаю». Тогда старец, как бы пробуя, крепко ли оно на корнях своих, легким движением

вырвал хвостину пред глазами его, и бросил ее, чтобы он не поливал ее более.

Глава 25-я. Он же сосудец елея бросил за окно, не рассуждая, потому что старец велел

Такими опытами обучаемый, юный инок возрастал в добродетели повиновения и благодать смирения сияла в нем. Благоухание послушания его разнеслось по всем монастырям; некоторые братия, желая лично удостовериться в истине сказываемого и сильнее поназидаться в той добродетели, пришли к старцу и стали выражать свое удивление всюду славимому послушанию ученика его. Старец, тотчас позвав Иоанна, сказал ему: поди поскорее на верх, возьми там сосудец с елеем, и брось вниз за окно. Елея у них только и было, и берегся он для приходящих и для себя на случай болезни. Иоанн проворно взбежал на верх, и сбросил сосудец чрез окно, ни мало не рассуждая о нелепости приказа, и не помышляя о том, сколь нужен бывает иногда елей, между тем как его там и за деньги не достанешь.

Глава 26-я. Огромный камень напрягся прикатит, как приказал старец

В другой раз, когда пришли братия поназидаться примером послушания, старец, позвав Иоанна, сказал ему: беги и вон тот камень прикати сюда, как можно поскорее. Тот побежал и со всем усердием и напряжением сил начал пхать камень огромный, который целая толпа народа могла бы покачнуть только. Пот лил с него градом, пропитал все его платье, намочил и самый камень. Но ему нисколько не подумалось, что послушание не исполнимо: ибо из благоговения к старцу, и по искренней простоте послушания он от всей души веровал, что старец ничего не прикажет даром, на что не было бы у него разумного основания⁴¹.

Глава 27-я. Авва Муций из послушания сына родного бросил в реку

Об авве Иоанне довольно. Теперь предложу о достопамятном деянии аввы Муция, который, когда, отрекшись от мира, искал приятия в обитель, прождал за воротами монастыря, в томительном страдании долее, нежели кто другой, и своим неустойчивым терпением достиг того, что его, сверх обычая киновийского, приняли в обитель вместе с маленьким сыном, которому было тогда около 8 лет. Когда наконец они были приняты, то тотчас были размещены в разные келлии и отданы под науки разным старцам, чтобы отец не помышлял, что из всего им оставленного у него остался по крайней мере сын, а напротив, чтобы, как знал он, что теперь уже не богат, так перестал сознать себя и отцом. Чтобы потом яснее обнаружилось, что в нем берет перевес: кровное ли сострадание, или повиновение самоумерщвлению, которое по любви ко Христу должен всему предпочитать, нарочно оказывали пренебрежение к его детищу, одевали его в тряпки более, чем в настоящую одежду, держали неумытым и нечесаным, так что взгляд на него мог скорее скорбь причинить отцу, чем доставить утешение. К тому же часто и побои наносили ему; и отец своими глазами видел, что невинного малого бьют понапрасну. Не смотря однакож на то, что с сыном его так поступали каждодневно на глазах его, он по любви ко Христу Господу и добродетели послушания хранил сердце свое свободным от всякой тревоги и смущения. Ибо, не считая уже его своим, после того, как вместе с собою и его принес в жертву Христу и не на настоящие оскорбления его смотрел, а паче утешался верою, что они никогда не бывают, переносимы бесплодно; почему мало думал о сыне и слезах его, а всю заботу обращал на свое преуспеяние в смирении; такое отрешенное настроение его ума и сердца не могло укрыться от аввы киновии, и он, желая показать твердость его духа, в один день, когда сын его о чем то плакал, как бы в сердцах на него, приказал отцу схватить его и бросить в реку. Тот, как бы от

Самого Господа прияв повеление, бегом побежав, схватил сына и на своих руках притащил его на край реки и бросил его в нее. Такова была горячность его веры и стремительность послушания. И утонул бы отрок, если бы наперед нарочно посланные туда братия, и заботливо обложившие берег речной, его брошенного уже не вытащили из глубины реки.

Глава 28-я. Брат Муций дело Авраама совершил; и по смерти аввы обители на его место избран

Такая самоотверженная вера его благоволительно принята Богом, Который и дал о том удостоверение свыше. Ибо одному старцу тогда же было открыто, что Муций своим послушанием совершил дело Авраама Патриарха, почему, когда авва киновии спустя немного отошел ко Господу, то оставил его преемником себе и аввою обители, предпочетши его всем прочим.

Глава 29-я. Брат из высокородных продает корзины из послушания в своем городе

Не умолчим также и об известном нам брате, который по мирским порядкам принадлежал к высокой фамилии. Родился он от комита (областного правителя), человека очень богатого, и образование в свободных науках получил не посредственное. Когда, оставя родителей, притек он и был в обители, то для испытания смирения по мысли и горячности веры его, старцем повелено было ему взять десять корзин и повесив их на шею, носить по площадям для продажи, хотя никакой не настояло нужды продавать их так публично; приложив к тому еще и такое условие, чтобы он не уступал их, если бы кто хотел купить их все вместе один, а распродал их по одной, для того, чтобы подольше пробыл он за этим делом. Он исполнил это со всем усердием, и подавив всякий смутительный стыд, имени ради и любви Христовой, возложил на плечи корзинки, распродал их по назначенной цене и вырученные деньги принес в монастырь. Не остановили его ни непривычность к труду, ни ничтожность дела сравнительно с родовою его знатностью, ни неприятности обычные при продаже, когда возжелал он послушанием стяжать Христово смирение, в котором одном и считал знатность.

Глава 30-я. Авва Пинуфий, оставя обитель свою поступил в другую, как новоначальный, смирения ради, но узнан и возвращен в свою обитель

Малость книги нашей заставляет нас спешить к концу, но достоинство послушания, которое между добродетелями держать первенство, не позволяет нам пройти молчанием деяния тех, которые прославились им. Почему то и другое соразмеряя, т. е. желая и краткость соблюсти и доставить удовольствие и пользу ревнителям о сей добродетели, предложим один еще пример смирения, который явлен не новоначальным кем, а уже мужем совершенным и аввою: почему не только может назидать юных иноков, но и старцев возбуждать к дальнейшему преуспеянию в сей добродетели⁴². Итак, продолжаю: видели мы авву Пинуфия, священника многочисленной киновии, находящейся в Египте, близ города Панефиса, которого все чтили и уважали и за жизнь святую, и по старости глубокой, и по достоинству священства. Но он, видя, что самому не имеет возможности упражняться в смирении, в котором преуспеть желал со всем усердием, равно как расширить круг желанного послушания, тайно убежал из киновии, удалился в последние пределы Фиваиды, и там сложил монашеское одеяние и, одевшись по мирски, стал проситься в киновию Тавенниситов, о которой знал, что она была самая строгая и в которой надеялся быть неузнанным по отдаленности страны и утаиться по величине монастыря и множеству братий. Долго с терпением прождал он там за воротами, припадая к ногам братий и всеусердно прося их принять его в обитель. Наконец приняли его с большим неуважением, как дряхлого старца, который, проведши свою жизнь в мире, вступил в обитель под конец ее, когда не мог уже более служить своим удовольствиям; и это то сделал, говорили они, не в видах спасения и Богоугождения, а потому что вынужден был бедностью и голодом. Как старцу, ни на какое дело негожему, ему назначили послушание – смотреть вместе с другими за садом. Поступив таким образом под власть брата

младшего, который считал его себе вверенным, он в исправлении дела своего охотно подчинялся ему, находя в таком повиновении поприще для упражнения и усовершенствования желанной добродетели, – смирению; и не только то, что относилось к содержанию в должном порядке сада, исправлял он каждодневно со всею точностью, но и многое другое, за что иные братья не хотели, почитая то трудным, или низким. Многие делал он, вставая тайком ночью, без всяких свидетелей, под прикрытием тьмы, так что сделанное видели, а кто-то делал, – никто не постигал. Так укрывался он там три года. Братья, между тем, его обители разошлись по всему Египту, ища его; и кто то из них, зашедши в Тавеннисиотскую обитель, увидел его. С первого раза едва заподозрить мог он, что это их Пинуфий, по смиренности его одеяния и низости послушания, которое он поправлял; а он, нагнувшись, расчищал граблями землю под маслинами, потом принося на своих плечах навоз, обкладывал им корни их. Видя это, брат долго колебался признать его, пока, подошедши поближе в лице точно разглядел и услышал голос его. Удостоверившись наконец, что это он, пал ему в ноги; чем сначала в недоумение доставил он всех видевших это, – чего т. е. ради так поступал он в отношении к тому, который считался у них последним, как новичок, недавно исшедший из мира: а потом всех порастил крайним удивлением, когда произнес имя его, которое славно было и у них. Тогда все братие Тавеннисиоты, испросив у него прощения, что по неведению держали его между новоначальными послушниками, препроводили его в свой монастырь, строго наблюдая за ним, чтобы как-нибудь не убежал из рук их. Старец против воли покорился такой необходимости, плача, что по зависти диавола, не удалось ему сохранить навсегда смиренный образ жизни, которой после столько долгого искания, нашел было и радовался, что нашел.

Глава 31-я. Немного спустя он опять удалился и поступил послушником. в Вифлеемский монастырь, – но опять узнан и возвратился

Но, пробывши здесь немного, опять влекомый пламенным желанием смирения, убежал он, ночью прикрытый темнотою, и направился уже не в соседнюю какую область, а в страны отдаленные и неведомые. Именно, севши в корабль, отправился он в Палестину, полагая, что удобнее может утаиться, переселившись в такие места, где и имени его никто не слыхал. Прибыв туда, он прямо попал в наш монастырь, бывший недалеко от той пещеры, в которой Господь наш Иисус Христос благоволил родиться от Девы. Но и здесь не мог он долгое время укрыться, как град вверху горы, по слову Господа, ибо некоторые из Египетских братий, пришедши помолиться на святых местах, узнали его и упросили его опять возвратиться в свой монастырь.

Глава 32-я. Наставление новонаначальному, какое дал Пинуфий только что принятому в обитель в присутствии И. Кассиана

Когда, будучи в Египте мы разыскали и посетили сего старца, по знакомству с ним в нашем монастыре, он при нас принимал одного брата в киновию свою и давал ему по этому случаю наставление. Это наставление желательно мне поместить здесь, потому что оно может послужить многим в назидание. «Знаешь, говорил он, сколько дней прождавши за воротами, принят ты наконец ныне в обитель. Надо тебе прежде всего уразуметь причину такого затруднения. Ибо в той жизни, в которую ты возжелал вступить, много может быть для тебя полезного, если, уразумевши ее, последовательно и как должно приступишь работать Христу.

Глава 33-я. Не скоро приняли в обитель по великости дела

«Как великая слава обещается в будущем веке тем, кои верою служат и благо угождают Богу, по требованию нашей иноческой жизни; так великое наказание ожидает тех, кои будут проходить ее с холодностью и небрежностью, не заботясь принести достойные ее плоды святости, соответственно тому, как обещались. По Писанию, «лучше не обещать, нежели обещавши, не исполнить» (Еккл.5:3); и «проклят всяк творящий дело Божие с небрежением» (Иерем.48:10). Итак мы долго не принимали тебя не потому, чтобы всем сердцем не желали спасения тебе и всем другим, и не были готовы вдали еще сретать желающих приступить ко Христу; но потому, чтобы принявши тебя неосмотрительно и самим нам не впасть пред Богом в вину легкомыслия, и тебя не подвергнуть тяжелой ответственности, если ты легко будучи принят, и с сего же часа не уразумевши важности наших обетов, окажешься потом их нарушителем, или холодным их исполнителем. Теперь пойми значение отречения от мира, чтобы, ясно его представляя, яснее мог ты видеть и то, как должно тебе действовать».

Глава 34-я. Отречение от мира есть взятие креста, распятие миру и самоумерщвление

«Отречение от мира есть не что иное, как взятие на себя креста Христова и показание самоумерщвления. Итак знай, что отныне умер ты миру сему, деяниям его и похотям его, или, по Апостолу, «ты миру распялся, а мир тебе» ([Гал.6:14](#)). Углубляйся же в то, что есть крест, под таинственным знамением которого ты должен отселе жить на свете сем, так как теперь уже «не ты живешь, но живет в тебе Тот, Кто распялся за тебя» ([Гал.2:20](#)). Почему в каком положении и виде Он за нас повешен был на кресте, в таком необходимо и нам проводить жизнь сию, чтобы по Пророку Давиду ([Пс.118:120](#)), пригвоздив страху Господню плоти свои, всеми хотениями и желаниями своими, не похоти своей служили мы, а пригвождены были к самоумерщвлению ради Господа. Ибо сим только образом исполним мы заповеди Господа, Который говорит: «иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и Мне грядет» ([Мр.8:34](#)). И «иже не примет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин» ([Мф.10:38](#)). Но может быть кто спросит, как может человек постоянно носить крест свой? И каким образом можно быть распяту, оставаясь живым? Вот послушай, как это».

Глава 35-я. Распинаемся на кресте страхом Божиим, который не дает нам двигаться по влечению страстей

«Крест наш есть страх Божий. Как распятый не имеет уже власти по желанию своему двигать членами тела и обращать их туда и сюда, так и мы хотения и желания свои должны обращать не к тому, что приятно нам и доставляет удовольствие в настоящем, но к тому, что требует от нас и к чему обязывает закон Господень. Как пригвожденный ко кресту, не заняв бывает своим достоянием, не думает о своих пристрастиях, не заботится о завтрашнем дне, не лихоимствует, не гордится, не ссорится, не завидует, не замышляет отмщать, и хотя еще дышит, считает однакож себя почти что похороненным, туда обращая взор сердца, куда несомненно скоро должен перейти: так и мы, страхом Божиим распятые, должны быть мертвы не только плотским страстям, но и всему земному, туда устремляя очи души своей, куда переселиться должны мы каждую минуту: чем наипаче и содержатся в умерщвлении плотские похотения и страсти наши».

Глава 36-я. Отрекся? Не возвращайся вспять

«Итак бойся опять взять что-либо из того, от чего отказался ты, в противность Господню запрещению, возвратясь с села евангельского действования, опять «одеться в ризы свои, которых ты совлекся» (Мф.24:18). Никак не допускай возобновиться в себе низким земным похотям и суетностям мира сего, и в противность повелениям Господа, сошедши с крова совершенства взять опять, яже в дому, что бросил ты, отрекаясь от мира. Не воспоминай о родителях и других прежних привязанностях, не соплетайся заботами и попечениями житейскими, чтобы иначе, по слову Господа, не оказаться тебе не управляемым в царствие небесное, как «возложившему руку свою на рало и озирающемуся вспять» (Лк.9:62). Поостерегись, как бы поправши гордость ныне, в начале отречения, горячностью веры с полным смирением, после, когда изучишь псалмы и войдешь во вкус обительской жизни, опять не возбудить ее, вознесшись тем, чтобы по Апостолу, созидаю снова, что разорил, не представил ты себя преступником. Напротив до конца пребудь в этом обнажении от всего, которое обещал ты пред лицом Бога и Ангелов Его, – и в том смирении и терпении, с какими ты, десять дней пробыв за воротами, умолял со многими слезами, чтобы приняли тебя в монастырь, и не только пробудь, но и преуспевай и возрастай. Ибо довольно будет жалостно, если ты вместо того, чтобы от начатков подвигаться вперед и востекать к совершенству, – от них начнешь нисходить ниже и ниже. Ибо «не тот, кто начал это, но кто претерпит в том до конца, – спасен будет» (Мф.10:22)».

Глава 37-я. Чтобы успеть в этом, блюди начатки помыслов, сию главу змия

«Хитрый змий всегда блюдет пятау нашу, т. е. наветует и против наших добрых начинаний и до конца жизни нашей старается проткнуть ногу нашу. Потому мало пользы начать хорошо и со всем жаром положить начало самоотвержения, если подобным же образом не увенчает того и сообразный с тем конец, и смирение Христово, и нищета, которые обещал ты ныне пред лицом Его, не будут так тобою сохранены до последних дней жизни, как и восприняты. Чтобы тебе удобнее исполнить это, блюди всегда главу змия, т. е. начатки помыслов, открывая их тотчас старцу своему. Ибо тогда только и научишься ты стирать пагубную главу его, когда не будешь стыдиться все открывать старцу своему.

Глава 38-я. Дан обет? – Блюди и ревнуй восходит к совершенству

«Почему, приступив работать Господу, стой в страхе Божиим и, по Писанию (Сир.2:1), уготовь душу твою не к покою, не к беспечности, не к утехам, а к искушению и теснотам. Ибо «многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие» (Деян.14:22). Узки врата и тесен путь, вводящий в живот, и мало таких, которые обретают его. Помысли же о том, что ты теперь сделан одним из немногих избранных, и не попусти себе охладеть, по примеру охладевшего большинства; но живи, как немногие, чтобы сподобиться с немногими войти в царствие Божие. «Много званых, мало же избранных» (Мф.20:16); «мало стадо, которому благоизволил Бог даровать в наследие царство» (Лук.12:32). Познай же, что не мало важен грех, когда кто, дав обет восходит к совершенству, начнет следовать тому, что несовершенно. К совершенству же восходят вот по каким степеням и каким порядкам».

Глава 39-я. Как восходят к смирению, – какие признаки его и какие плоды

«Начало нашего спасения, и его охрана, как я сказал, есть страх Божий. Им полагается начало обращения, им совершается очищение от страстей, им приобретаются и все добродетели в тех, кои вступили на путь к совершенству. Когда он проникает душу человека, тогда рождает презрение всех вещей, забвение родных и ко всему миру отвращение; презрением же и оставлением всех вещей приобретается смирение. А смирение познается по следующим признакам: во 1, если умер кто всем своим хотениям; во 2, если не только свои действия, но и помыслы свои не утаивает от своего старца; в 3, если ни в чем не верить своему уму, а все поверяет его суждению, и наставления его слушает жаждающим сердцем и всеохотно; в 4, если во всем соблюдает повиновение, кротость и постоянство терпения; в 5, если никому не причиняет ни в чем оскорбления, а о том, которое случится самому получить от другого, не болезнует и не печалится; в 6, если ничего не делает и ничего не замышляет такого, к чему не обязывали бы его общий устав, или пример старших; в 7, если доволен при всей скудости, и делая со усердием повеленное, почитает себя делателем худым и недостойным; в 8, если низшим всех себя не краями уст именует, а в глубине сердца искренно чувствует; в 9, если обуздывает язык и не бывает криклив; в 10, если не бывает легок и скор на смех. По таким и подобным сим признакам распознается истинное смирение. Когда же бывает оно воистину приобретено, тотчас возведет тебя к любви, не имеющей страха, на эту совершеннейшую степень, на которой все, что прежде соблюдал ты не без трудностей, а больше по страху наказания, начнешь ты соблюдать без всякого труда, как нечто естественное, и соблюдать уже не по помышлению о муках и боязни их, а по любви к самому добру и по услаждению добродетелями».

Глава 40-я. Для подражания избирай не многих, а одного или двух

«Чтобы удобнее достигнуть этого, надобно тебе, вступив в число братства, избрать не многих, – а одного или двух в пример подражания и в образец совершеннейшей жизни. Ибо кроме того, что испытанная и до чистоты доспевшая жизнь есть достояние немногих, та еще происходит от этого польза, что примером одного усерднее напояется и назидается возжелавший совершенства в киновийской жизни».

Глава 41-я. Среди братства будь как глухой, немой, слепой и буй

«Чтобы все это шло у тебя успешно, и ты навсегда мог пребыть под этим законом духовным, необходимо тебе соблюдать среди братства следующие три вещи. По слову Псалмопевца: «аз же яко глух не слышах, и яко нем, не отверзая уст своих» ([Пс.37:14](#)), будь и ты будто глухой, немой и слепой, чтобы кроме того, кто по достоинству будет избран тобою для подражания, ты ни на кого не смотрел, и что бы ты ни увидел в других не совсем назидательное для тебя, так себя имей, будто не видал того, как не видит слепой; дабы увлекшись авторитетом или видностью тех, кои так действующими покажутся тебе, ты не низшел к худшему, что прежде и сам осуждал. Если услышишь слова неповиновения, упорства, осуждения, или такие, коими допускается нечто иначе, нежели как тебе предано, не соблазняйся тем, не увлекайся таким примером к подражанию, но пропусти все это без внимания, будто ничего не слышал, как глухой. Если тебя, или другого кого, будет кто злословить, или другим каким образом обижать, – будь неподвижен и не противоотвечай ничего, будто немой, поя в сердце своем следующий стих Псалмопевца: «рех, сохраню пути моя, еже не согрешати ми языком моим; положих устом моим хранило, внемгда востати грешному предо мною. Онемех и смирихся и умолчах» ([Пс.38:2–3](#)). – Впрочем есть еще и четвертое, что тебе надлежит возделать паче всего и что должно быть украшением и завершением предыдущих трех, именно – сделай себя, по слову Апостола ([1Кор.3:18](#)), «буиим в мире сем, да премудр будешь: не разбирай и не обсуждай ничего из того, что тебе будет приказано»; но со всею простотою и верою всегда изъясляй послушание, то только почитая святым, спасительным и мудрым, что указывает тебе закон Божий и опытность старца. Основавшись на таких правилах, ты проживешь спокойно под обычною в обителях дисциплиною, и никакие искушения и козни врага не исторгнут тебя из киновии».

Глава 42-я. Не почитай себя терпеливым, когда другие по добродетели своей ничем не раздражают тебя, но свою старайся показать добродетель, когда встретятся неприятности

«Не должен ты думать, что вытерпел все, полагаясь на добродетели других, в надежде т. е., что никто не будет раздражать тебя к нетерпеливости: ибо чтоб так было, не в твоей состоит власти. Но вооружайся к терпению смирением и великодушием, кои зависят от твоего произвола».

Глава 43-я. Перечень уроков, как востечь к совершенству

«Чтобы все, изложенное доселе пространною речью, удобнее напечатлелось в сердце твоём и крепче привилось к чувствам твоим – сделаю краткий перечень всего, помощью которого можешь ты объять памятью вкратце всю полноту заповедей. Выслушай же в немногих словах весь порядок, каким без труда и без затруднения можешь ты востечь на самый верх совершенства. Начало нашего спасения, как и мудрости, есть страх Божий. От страха Божия рождается спасительное сокрушение. От сокрушения происходит отречение от мира, обнажение себя от всех вещей и презрение к ним. От обнажения сего произрастает смирение. Смирение производит умерщвление своих похотений. Умерщвлением своих похотений искореняются и иссушаются все страсти. Чрез изгнание страстей размножаются и возрастают добродетели. Размножением добродетелей приобретается чистота сердца. Чистотою же сердца стяжается совершенство Апостольской любви».

4. Устав преподобного Венедикта Нурсийского

Жизнь преподобного Венедикта

Жизнь пр. Венедикта написана св. Григорием Двоесловом и составляет вторую книгу его бесед о жизни италийских отцов.

«Был, говорит он, муж достопочтенной жизни, по имени и благодати Венедикт (что значит «Благословенный»), который от самого отрочества хранил чистоту сердца. Чистотой нрава он возвышался над летами и не подчинял своей души никакой страсти; но живя еще на этой земле, презрел мир с его прелестями, как бесплотный, хотя по обстоятельствам мог бы свободно наслаждаться его благами.

Пр. Венедикт происходил от благородных родителей, из области Нурсии, а в Рим был отдан для обучения свободным наукам. Но когда он понял, что от науки многие впадают в пороки, тотчас вышел из училища, чтобы по изучении наук и самому не впасть в пропасть. Итак, презревши занятие науками, он оставил дом и родительское наследство и, положив угождать единому Богу, искал крова святой обители. Впрочем, хотя он не изучил наук, но явился мудрецом и не будучи ученым».

Сначала он подвизался в местности называемой Епфида, где вместе с ним жили и другие ревнители о спасении; но потом, убегая от славы, он укрылся в пустынном месте, Субиако, в расстоянии от Рима на сорок миль. Вместо келлии служила ему натуральная пещера в скале над озером, образовавшемся от ключей, стекавших с гор. Инок Роман, из недалекого от того места обители, указавший ему это место и облекший его в иноческое одеяние, доставлял ему хлеб в урочное время; и кроме сего инок никто не знал о пребывании пр. Венедикта.

Но потом Богу было угодно дать знать о нем одному священнику путем откровения; после него увидели его пастухи, и весть о нем скоро разошлась по всем окрестным местам. Это привлекло к нему посетителей, искавших назидания, а потом и учеников, желавших подвизаться вместе с ним и под его руководством.

На некоторое время пр. Венедикт оставлял свое уединилище, будучи упрощен братией одного монастыря быть им отцом и руководителем по смерти их настоятеля. Но как он повел дело управления с надлежащей строгостью, то скоро стал тягостью для монахов, привыкших прежде к вольностям, и они задумали извести его ядом. Увидев это из того, что поднесенный ему с обычным питьем сосуд расселся под крестным знамением, он оставил эту обитель и удалился в свое любимое пустынное место.

Тогда стали собираться к нему ученики, желавшие посвящать свою жизнь на служение единому всемогущему Богу, в большом количестве, так что пр. Венедикт построил для них 12 монастырей, поместив в каждом из них по 12 иноков, под настоятельством более опытных из своих последователей. При себе он оставил очень немногих, которых за лучшее признавал образовать в своем присутствии.

Слава пр. Венедикта росла, привлекая к нему все большее и большее число учеников, – и обители наполнялись иноками. Это возбудило зависть соседнего священника Флоренция и он начал строить козни. Уступая ему, пр. Венедикт с немногими монахами удалился из того места и поселился на горе Кассино. На одном просторном уступе этой горы он устроил монастырь, который стал главным из его монастырей. На его устройство со внутренней и со внешней стороны были обращены все усилия пр. Венедикта. Здесь наиболее просиял он славой чудотворений, исцелениями больных, изгнанием бесов, воскрешениями мертвых, прозрением в сокровенные помышления сердец и пророчеством, хотя все это он являл и в прежних обителях.

Рассказав о многих таких явлениях Божией силы через пр. Венедикта, св. Григорий заключает сказание такими словами: «опускаю еще многое рассказать о чудесах, но св. муж сиял также и светом учения, ибо он написал для монахов **правила**, отличающиеся определенностью и изяществом речи. В этом начертании правил можно увидеть его обычаи и жизнь, потому что св. муж никак не мог учительствовать иначе, нежели как сам жил».

Ему было открыто время его кончины, и он сказал об этом некоторым из своих учеников. За шесть дней до смерти он повелел открыть для себя гробницу. Потом стала мучить его лихорадка, слабость усилилась. На шесть дней он повелел ученикам нести себя в храм, там приготовился к смерти приобщением Тела и Крови Господних и, опираясь на руки учеников, с воздетыми к небу руками, испустил последний вздох в словах молитвы.

Похоронен он был в храме св. Иоанна Крестителя, который построил сам на месте разрушенного им капища Апполона. В самом начале устройства обители, он разорил сие капище и построил храм св. Иоанну Предтече. В нем-то он и похоронен.

Св. Церковь чтит память св. Венедикта 14-го марта. Родился он около 480 года, а скончался около 549 г. – Время процветания его совпадало со временем нашествия Атиллы на Римскую область. Устав пр. Венедикта в издании свв. Отцов Migne находится в 66-м томе латинской Патрологии, откуда и заимствуется он в настоящем переводе.

Предисловие

Слушай сын, уроки учителя и преклони к нему ухо сердца твоего; с любовью прими увещания любящего отца и исполни их делом, да трудолюбным послушанием возвратишься к Тому, от Кого отступил ленистым непослушанием. К тебе здесь направляется моя речь, отрекающемуся от собственных хотений в намерении быть воином Христа Господа, Царя истинного, и приемлющему крепкое и преславное оружие послушания. Прежде всего, как бы ты ни начинал дело доброе, от Него настоятельной молитвой испрашивай сил для совершения его, и никак не допускай, чтобы Тот, Кто благоволил уже включить нас в сынов Своих был когда-нибудь оскорбляем нашими злыми делами, ибо мы должны во всякое время Ему повиноваться за все Его к нам благодеяния, чтобы иначе Он или как разгневанный Отец не лишил некогда наследия нас как непокорных сынов, или, как грозный Владыка, вознегодовав за наши злые дела, не предал непреставшему мучению нас как рабов неключимых, не захотевших идти во след Его славе.

Воспрянем же, наконец, от сна, будучи возбуждаемы Писанием, говорящим: *«Наступил уже час пробудиться нам от сна»* (Рим.13:11). И открыв наши очи для боготворного света, и трепетный слух приклонив к Божественному гласу, да внимаем, что внушает он нам, каждодневно взывая: *«Если бы вы ныне послушали гласа Его: «не ожесточайте сердца вашего»* (Пс.94:7–8) и еще: *«имеющий ухо»* (слышать) *«да слышит, что Дух говорит церквам»* (Апок.2:29). Что же глаголет он? *«Придите дети, послушайте меня: страху Господню научу вас»* (Пс.33:12). *«Ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма»* (Ин.12:35).

Ища во множестве народа делателя Своего, Господь взывает, говоря: *«Хочет ли человек жить и любит ли благоденствие, чтобы видеть благо?»* (Пс.33:13). Если ты слыша это, ответишь: «вот я», говорит тебе Бог: *«Удерживай язык свой от зла и уста свои от коварных слов. Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и следуй за ним»* (14–15). И если

сотворите все сие, *«будут очи Мои обращены на вас и уши Мои к молитвам вашим: прежде нежели воззвать вам, услышу вас, и еще говорящим вам, скажу: вот Я»* (Пс.33:16; Ис.65:24). Что сладостней для нас сего гласа Господа, призывающего нас, возлюбленнейшие братья? – Вот какой путь жизни по благодати Своей показывает нам Господь!

Итак, препоясав чресла наши верой и деланием добрых дел, и обувши ноги руководством Евангелия (Еф.6:14–15), потечем во след Его, да сподобимся Зовущего нас узреть в царствии Его. Если желаем обитать в скинии царства Его, да ведаем, что туда достигают не иначе, как путем добрых дел. Спросим с пророком Господа, говоря Ему: *«Господи, кто может пребывать в жилище Твоем? Кто может обитать на святой горе Твоей?»* (Пс.14:1). И услышим на этот вопрос ответ от Господа, показывающий нам путь в жилище Его: *«Тот, кто ходит непорочно и делает правду, и говорит истину в сердце своем, кто не клеветает языком своим, не делает искреннему своему зла и не принимает поношения на ближнего своего»* (Пс.14:2–3). Тот, кто злобного дьявола, внушающего ему что-либо недоброе, с самым внушением его отрывает от взоров сердца своего, обращает в ничто, и «младенцев» его – злые помыслы – «разбивает о камень» – Христа; кто, боясь Господа, не превозносится своими добрыми делами, но самое совершение их приписывая не себе, а Господу, величает действующего в нем Господа, говоря с Пророком: *«не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу»* (Пс.113:9), как и Апостол Павел ничего из успехов проповеди не приписал себе, говоря: *«благодарью Божией есмь то, что есмь»* (1Кор.15:10), и дальше говорит: *«хвалящийся, да хвалится Господом»* (2Кор.10:17).

Почему и Христос в Евангелии говорит: *«Всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне»* (Мф.7:24–25). Возвестив это, Господь ожидает, что на эти святыя Его внушения мы ответим нашими делами,

почему в надежде нашего исправления, отстрачивает он и конец нашей жизни, как говорит Апостол: «не разумеешь, что благодать Божия ведет тебя к покаянию?» (Рим.2:4). Ибо всеблагый Господь говорит: «не хочу смерти грешника, но того, чтобы он обратился от путей своих и был жив» (Иез.18:23).

Итак, братья, спросили мы Господа, кто может сделаться обитателем Его жилища, и услышали заповеди, к которым обязывается желающий обитать в нем. Теперь, если исполним что повелевает нам сей учитель, то несомненно будем наследниками Царства Небесного. Уготовим же сердца наши и тела к воинствованию во всеоружии святого послушания заповедям, а к чему наша природа не сильна, будем просить Господа, да благоволит Он ниспослать нам помощь Божественной благодати Своей. Если истинно желаем избежать мук геенских и сподобиться нескончаемой блаженной жизни, пока есть время, пока мы еще в этом теле, будем делать то, что пригодно для вечности.

В таком виде изображена нами школа служения Господу, в установлениях которой, надеемся, нет ничего жестокого, ничего тягостного. Но если и покажется что, по требованию закона правды, для исправления пороков и сохранения любви, несколько стеснительным, не поражайся от того страхом и иди путем спасения, которого нельзя начать иначе, как только узким путем (Мф.7:13–14)... С продолжением такого рода жизни в вере, расширится сердце, и течение путей заповедей Господних пойдет с неизъяснимой сладостью любви; так что, если не оставим сего училища и в обучении его пребудем до смерти, то через терпение сделаемся причастными страданий Христовых, а затем сподобимся наследий Царствия Его.

Глава 1. Роды жизни христианской

Известно, что монахи бывают четырех родов.

Первый – киновиты, живущие в одном монастыре и по общему уставу, под управлением одного аввы.

Второй – анахореты, т.е. пустынники, которые удаляются в пустыни после долговременного испытания себя в монастыре, научившись бороться с дьяволом при молитве и совете многих среди братского воинства, и будучи уверены, что с Божией помощью могут уже вступить в единоборство с врагом, низлагать его, отгоняя его внушения в воле плоти и помышлений.

Третий, весьма нехороший вид монахов – сарабаиты, которые не обучившись под руководством опытного наставника и не будучи искушены, подобно золоту в горниле, еще рабствуя делам века и мягкие как свинец для принятия греховных впечатлений, принимают постриг, думая, что могут обмануть и Бога, а не одних людей. Они по два или три, или по одиночке, поселившись в своих, а не Господних овчарнях, вместо всякого закона имеют свои самоугодливые пожелания: что задумают и облюбят, то для них и свято; к чему же сердце не лежит, то они считают негодим.

Четвертый род монахов – гироваги (шатайки), которые всю жизнь блуждают туда и сюда, по три и по четыре дня, гостя по разным келлиям; все шатаются и никогда не сидят на одном месте, – это самоугодливые рабы чрева; они гораздо хуже сарабаитов и о поведении их лучше умолчать, чем говорить.

Мы же, оставя все другие роды монашества, с Божией помощью приступим к начертанию законов жизни киновитов – рода иночества самого благонадежного.

Глава 2. Каков должен быть авва?

Авва, достойный главенства в монастыре, всегда должен помнить, как именуется, имя начальника оправдывать делами. Он в монастыре представляет, как верится, лицо Христа; почему ничего, кроме заповедей Господних не должен он ни внушать, ни учреждать, ни повелевать, но всякое повеление его или учение да будет закваской Божественной правды в душах учеников его.

Да помнит авва, что как об его учении, так и о послушании учеников, – об обеих этих вещах на страшном суде Божиим будет произведено строгое рассмотрение, и да ведает, что на пастыря падает вина, если Домовладыка найдет в овцах пользы менее чем должно. Только тогда будет он свободен от вины, когда окажется, что он употреблял все пастырское попечение, а стадо оставалось беспокойным и непослушным. Если к пагубным болезням своих овец пастырь заботливо прилагал врачевство, то он будет оправдан на суде Господнем, сказав с пророком Божиим: *«Правды Твоей не скрывал в сердце моем, возвещал верность Твою и спасение Твое»* (Пс.39:11), а они презрением презрели меня. Тогда усугубится вина овец непокорных, и наказанием для них будет вечная смерть.

Когда кто принимает имя аввы (и бремя), то должен двояким руководством предшествовать своим ученикам, т.е. не словом только предлагать, но делом показывать все доброе и святое: ученикам более способным пусть и словом изъясняет заповеди Господни; а более грубым по сердцу и простым пусть делами своими показывает Божеские заповеди. О чем учит учеников своих, что оно противно (воле Божией и их званию), пусть делами показывает, что всего того делать никак не должно, чтобы проповедуя другим, самому не остаться недостойным (1Кор.9:27), чтобы, если будут грешить, не сказал ему Бог: *«Что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои, а сам ненавидишь наставление Мое и слова Мои бросаешь за себя?»* (Пс.49:16–17); смотришь на «сучек в

глазе брата твоего, а бревна в своем глазе не чувствуешь» (Мф.7:3).

Не должен он смотреть на лица; ни одного любить больше чем другого, разве только найдет кого лучшим в добрых делах и послушании; ни знатного предпочитать обратившемуся из рабства, разве другая какая будет разумная тому причина. Если по требованию справедливости авва найдет это нужным, пусть сделает, а если нет, пусть всякий держит свое место, потому что раб ли кто, или свободный (1Кор.12:13), все мы едино во Христе, и все под одним Господом одинаковое несем бремя воинствования: *«ибо нет лицепрятия у Бога»* (Рим.2:11). Тем только в этом отношении различаемы мы у Него, если один перед другим оказываемся более успевающими в добрых делах и более смиренными. Итак, да будет у аввы одинаковая ко всем любовь, – и одинаковая ко всем да прилагается дисциплина, смотря по делам их. В своем учении он должен всегда соблюдать то правило апостольское, в котором говорится: *«обличи, запрети, умоли»* (2Тим.4:2), т.е. применять время ко времени, и к устрашению примешивать ласковость. Пусть и строгость учителя показывает в нем нежное расположение отца: необученных и беспокойных он должен обличать строго; послушных, кротких и терпеливых умолять – да преуспевают на лучшее; а нерадивых и презорливых да запретит запрещением.

Пусть не пропускает без внимания погрешностей и опущений, но как только они начнут показываться, с корнем да отсекает их, чтобы не усилились, помня беду, какой подвергся Первосвященник Илий (1Цар.2). Мужей честных и разумных в первое и второе увещание пусть вразумляет словом, а невежды и грубых сердцем, гордых и непокорных, пусть в самом начале остепеняет даже телесным наказанием, зная написанное: *«глупый словами не исправляется»*, – и еще: *«жезлом бей сына твоего и избавишь его от смерти»* (Прит.23:13–14).

Всегда должен помнить авва, что он есть, помышлять о том, кем называется, и знать, что кому больше вверено, с того больше и взыщется. Да ведает, сколь трудное и тяжелое дело взял он на себя управлять душами и устроить нравы многих. Пусть старается действовать на всех, на кого ласками, на кого

угрозами, на кого убеждениями, ко всем применяясь, судя по их свойствам, или по их разумности, чтобы не допустить чего вредного во вверенное ему стадо, а напротив всегда радоваться о его умножении и преуспеянии.

Паче же всего да опасается он, вознерадев о спасении вверенных ему душ, более заботиться о вещах преходящих, земных и тленных, но всегда да помышляет о том, что он взялся управлять души в царстве, за которых и отчет должен будет дать. Пусть не оправдывается скудостью потребного, помня написанное: *«ищите прежде Царствия Божия и правды его: и это все приложится вам»* (Мф.6:33), и еще: *«нет лишения боящимся Его»* (Пс.33:10).

Да знает он, что кто взялся управлять душами, тому наиболее должно готовиться к отчету. Сколько ни есть братий на его попечении, в день суда он несомненно имеет дать отчет Господу за душу каждого из них, с приложением, конечно, отчета и за свою душу. Боясь таким образом предстоящего истязания ему, как пастырю вверенных ему овец, он, опасаясь за дела других, и о своих делается более заботливым, и стараясь исправить других, себя самому находит в этом побуждение и вящей исправности.

Глава 3. О том, что надобно братий приглашать на совещания

Коль скоро надобно делать по монастырю что-либо особенное, авва пусть соберет все братство и скажет ему в чем дело. Выслушав мнение братий, он обсудит все сам, и сделает что найдет более полезным. Того ради мы сказали приглашать на совет всех, что нередко Господь юнейшему открывает что лучше. Братия пусть предлагают свои мнения со всякой смиренной подчиненностью, не дерзая настойчиво защищать то, что им придумалось. Всячески при этом в воле аввы состоит постановить что почтет он более спасительным, и все должны ему покориться. Но как ученикам надлежит повиноваться наставнику, так и ему пристойно всем распоряжаться осмотрительно и с правдой.

Итак, пусть все во всем последуют воле настоятельской, как неотложному закону, да никто от нее не уклоняется неразумно. Никто в монастыре не должен следовать собственной воле, и не думай кто-либо дерзостно вступить в спор с аввой относительно его распоряжений по монастырю. Кто осмелится на это должен подлежать установленным мерам исправления. Впрочем, и сам авва пусть делает все со страхом Божиим и с соблюдением правды, зная, что всеконечно о всех судах своих даст отчет Богу, – Судье Праведнейшему. Если же надобно делать что-либо незначительное на пользу монастыря, то пусть авва пользуется советом только старших братий, как написано: *«Без рассуждения ни делай ничего, а когда сделаешь, не раскаивайся»* (Сир.32:21).

Глава 4. Виды добрых дел

1. Во-первых, Господа Бога любить от всего сердца, всей душой и всей силой (Лк.10:27).
2. Потом – ближнего, как самого себя.
3. Далее – не убивать (Мф.5:21).
4. Не прелюбодействовать (Лев.19).
5. Не красть (Исх.20:15).
6. Не похотствовать (Втор.5:21).
7. Не лжесвидетельствовать (2Пет. 2).
8. Почитать всех людей (Лк.9).
9. Чего себе не желаешь, не делать того и другому (Тов.4).
10. Отвергаться себя самого, чтобы следовать Христу (Мф.17).
11. Тело свое умерщвлять и порабощать (1Кор.9).
12. Не искать утех (2Пет.2).
13. Любить пост (Деян.1).
14. Кормить бедных (Тов.4).
15. Одевать нагих (Ис.58).
16. Посещать больных (Мф.25).
17. Погребать мертвых (Тов.1).
18. Помогать в беде (Еккл.6).
19. Утешать в скорби (Еккл.7).
20. Быть чуждым делам века (2Тим.2).
21. Ничего не предпочитать любви ко Христу (Мф.10).
22. Не гневаться (Мф.5).
23. Не злопамятствовать (Еф.4).
24. Не держать в сердце коварства (Прит.12).
25. Не говорить «мир», держа зло в сердце (Пс.27).
26. Не оставлять любви (1Пет.1).
27. Не клясться, чтобы не нарушить клятвы (Мф.5).
28. Изрекать истину и сердцем, и устами (Пс.14).
29. Не воздавать злом за зло (1Сол.5).
30. Не причинять обид, а причиненную переносить терпеливо (1Кор.6).
31. Любить врагов (Мф.5).

- 32.** Злословящих не злословить, а паче благословлять (1Пет.3).
- 33.** Переносить гонение за правду (Мф.5).
- 34.** Не быть гордым (Тов.4).
- 35.** Ни винопийцей (1Тим.3).
- 36.** Ни много ядущим (Сир.37).
- 37.** Ни сонливым (Прит.20).
- 38.** Ни ленивым (Прит.24).
- 39.** Ни ропотливым (Прем.1).
- 40.** Ни клеветником (Прит.24).
- 41.** Упование свое на Бога возлагать (Пс.30).
- 42.** Увидев в себе какое добро, Богу то приписывать, а не себе (Иак.1).
- 43.** Злое же почитать своим делом и себе то вменять (Ос.13).
- 44.** Бояться дня судного (Иов.31).
- 45.** Страшиться геенны (Лк.12).
- 46.** Вечной жизни желать всем духовным желанием (Пс.83).
- 47.** Смерть каждодневно иметь перед своими очами (Мф.24).
- 48.** Дела жизни своей всякий час блюсти (Втор.4).
- 49.** Знать наверное, что во всяком месте видит тебя Бог (Прит.5).
- 50.** Злые помышления, на сердце приходящие, тотчас разбивать о камень (Пс.36).
- 51.** И открывать духовному старцу (Сир.9).
- 52.** Уста свои блюсти от злоречия (Пс.35).
- 53.** Не любить многословия (Прит.10).
- 54.** Слов пустых или возбуждающих смех не говорить (Мф.12).
- 55.** Не любить раздражаться смехом (Еккл.7).
- 56.** Охотно слушать святые чтения (Лк.11).
- 57.** Часто прилежать молитве (Лк.18).
- 58.** Грехи свои прошедшие со слезами и стенаниями каждодневно исповедать Богу в молитве, всячески стараясь в них исправиться (Ис.6).

59. Похотей плотских не совершать и волю свою ненавидеть (Гал.5).

60. Заповедям аввы во всем повиноваться (Евр.13), хотя бы сам он (чего да не будет) поступал иначе, помня слова Господа: что говорят, то соблюдайте, а что делают, того не делайте (Мф.23).

61. Не желать, чтобы называли святым, прежде чем будешь таким, а лучше быть таким, чтобы истинно называли таким (Мф.23).

62. Заповеди Божии каждодневно исполнять (Сир.6).

63. Любить целомудрие (1Тим.5).

64. Не иметь ни к кому ненависть (Лк.19).

65. Не иметь зависти, не питать ненависти (Гал.5).

66. Не любить состязаний (2Тим. 2).

67. Бегать возношения (Пс. 130).

68. Чтить старцев (Лев. 19).

69. Любить младших (1Тим.4).

70. Молиться за врагов по любви Христовой (Мф.5).

71. Прежде захода солнечного мириться с тем, с кем придется размолвиться (Еф.4).

72. Никогда не отчаиваться в милосердии Божиим (Иез.18).

Вот орудия духовного искусства, которыми если день и ночь всегда будем непременно действовать, в день Суда это будет явлено, и от Господа будет воздана вам награда такая, какую Он обещал: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1Кор.2:9). Рабочая же храмина, где все показанное можем мы привести в дело, есть монастырское заключение, и терпеливое неисходное пребывание в братстве.

Глава 5. О послушании

Первое наше смиренное дело есть послушание без замедления. Оно свойственно тем, которые ничего более его не почитают славным перед Господом, и ради святого служения, на которое дал обет, и по причине страха геенского, и ради славы вечной жизни. Почему, как только приказано бывает им что от набольшего, в исполнении того не смеют допустить медленности, как бы приказание было дано им свыше. О таковых сказал Господь: *«по одному слуху по мне, повинуются мне»* (Пс.17:45). И апостолам также говорит Он: *«слушающий вас, Меня слушает»* (Лк.10:16).

Кто таков, тот оставляет все, и не внимая своей воле, тотчас бросает из рук свое дело, и оставляя недоконченным что делал, скорой ногой послушания делом следует по гласу повелевающего, так что и изреченное учителем повеление и исполнение его учеником сходятся будто в один момент. Такую скорость придает страх Божий делам тех, которые с любовью стремятся к вечной жизни. Тесным шествуют они путем, но Господь говорит о нем: *«узок путь, ведущий в жизнь»* (Мф.7:14). Не по своему произволу живут они, не своим желаниям следуют и не самоугодия ищут, но пребывая в киновии, действуют по присуждению и повелению другого, желая, чтобы начальствовал над ними авва. Без сомнения – таковые подражают Христу Господу, Который говорит о Себе: *«Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца»* (Ин.6:38).

Но послушание тогда бывает угодно Богу и любезно людям, когда повеленное исполняется не с тревогой, не с медлением, не с холодностью или ропотом, и не с оговоркой, выражающей нежелание. Повиновение, оказываемое старшему – оказывается Богу, так как Он Сам сказал: *«слушающий вас, Меня слушает»* (Лк.10:16) – и должно быть оказываемо с добрым расположением сердца: *«доброхотного делателя любит Бог»* (2Кор.9:7). Если ученик повинует не с добрым расположением, и не устами только, но и в сердце ропщет, то

хоть и исполнит он повеление, не будет это приятно Богу, Который видел сердце ропщущего. За таковое дело не только не получит он никакой благодати, но еще подвергнется наказанию вместе с ропотливыми, если не исправиться несением должной этитимии.

Глава 6. О молчаливости

Будем исполнять то, что говорит Пророк: «Я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим, буду обуздывать уста мои... я был нем и безгласен и молчал даже о добром» (Пс.38:2–3). Здесь показывает Пророк, что если и от добрых речей надобно иногда воздерживаться ради добродетели молчания, сколько более подходит бегать плохих речей из страха наказания за грех. Итак, по причине преимущественного достоинства молчания, даже совершенным ученикам редко должно быть даваемо позволение говорить и при том о предметах святых, добрых, назидательных, ибо написано: «от многословия не избежишь греха» (Прит.10:19) и еще: «кроткий язык – древо жизни» (Прит.15:4). Говорить и учить надлежит учителю, ученику же приличнее слушать и молчать.

Почему, если нужно бывает что спросить у первейшего, пусть спрашивает со всем смирением и почтительным подчинением, не говоря более того сколько нужно. Балагурство же, празднословие и смехотворство осуждаем на вечное изгнание из всех мест; на такие речи ученику и рта открывать не позволяем.

Глава 7. О смирении

Взывает к нам, братия, Божественное Писание, говоря: *«всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится»* (Лк.14:11). Говоря сие, оно показывает нам, что всякое возвышение есть род гордости, которой Пророк всячески избегал, как сам удостоверяет говоря: *«Господи, не надмевалось сердце мое и не возносились очи мои, и я не входил в великое для меня и недосягаемое»* (Пс.130:1). Но что? *«Не смирял ли я и не успокаивал ли души моей, как дитяти отнятого от груди матери? Так была душа моя»* (- 2).

Отсюда, если хотите достигнуть самых последних вершин смирения и скоро взойти на ту небесную высоту, на которую восходят смирением в настоящей жизни, делами нашего восхождения надобно воздвигнуть ту лестницу, которую во сне видел Иаков, и по которой восходящими и нисходящими виделись ему Ангелы Божии. Не другое что, без сомнения, надо разуместь под восхождением и нисхождением, как то, что возношением нисходят, и смирением восходят. Сама же восходящая лестница есть жизнь наша в сем веке, которая ради смирения сердца воздвигается Господом до небес. А боками сей лестницы назовем наше тело и душу; на каковых боках слово Божие утвердило разные ступени, – степени смирения или самоумерщвления и порабощения плоти для нашего восхождения горе.

Первая степень смирения есть, когда кто страх Божий всегда полагая себе перед глазами, всячески избегает забвения; но всегда помнит все, что заповедал Бог, равно как и то, что презирающие Бога пойдут за грехи свои в геенну; всегда же вращая в уме своем помышления о вечной жизни, уготованной боящимся Бога, всякий час соблюдает себя от грехов и прегрешений, мыслью, словом, очами, руками и ногами, отсекая свои хотения, наипаче же похотения плоти.

Так всегда да помышляет о себе человек, что Бог всякий час призывает на него с небес, и что дела его во всяком месте открыты перед взором Божества, и Ангелами Божиими

замечаются. Доказывает нам это Пророк, когда показывает, что Бог именно всегда так присущ помышлениям нашим, говоря: *«Ты испытуешь сердца и утробы, праведный Боже!»* (Пс.7:10); и опять: *«Господь знает мысли человеческие, что они суетны»* (Пс.93:11); еще: *«Ты разумеешь помышления мои издали»* (Пс.138:20; и: *«остаток гнева Ты укротишь»* (Пс.75:11). Итак, да блюдет себя всякий брат от помышлений злых, говоря всегда в сердце своем: *«я был непорочен перед Ним и остерегался, чтобы не согрешить мне»* (Пс.17:24).

И делать свою волю возбраняет нам Писание, говоря: *«воздерживайся от пожеланий твоих»* (Сир.18:30). Также в молитве Господней просим Бога: *«да будет воля Твоя»* (Мф.6:10), а не наша. Итак, хорошо поучают нас не творить своей воли, да избежим того, что говорит Свящ. Писание: *«есть пути которые кажутся человеку прямыми, но конец их – путь смерти»* (Прит.16:25); и еще того избежим, что сказано о небрежных: *«развернулись они и совершили гнусные преступления»* (Пс.52:2). Будем верить что при всяком нашем желании присутствует Бог, как говорит Пророк Господу: *«пред Тобою все желания мои»* (Пс.37:10); вследствие того всячески остерегайся пожеланий злых; ибо близ входа к сласти лежит смерть. Почему Писание заповедует нам, говоря: *«не ходи вслед похотей твоих»* (Сир.18:30). Итак, если очи Господни видят добрых и злых, Господь *«с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога»* (Пс.13:2). Если приставленными к нам Ангелами каждый день возвещаются Богу, нашему Создателю, все дела наши; то нам, братья, должно всячески остерегаться, чтобы Бог когда-нибудь не увидел нас уклоняющимися на зло и творящими дела непотребные, и щадя нас в сем веке как благой и желающий нашего обращения на лучшее, не сказал нам в будущем: *«ты это делал и Я молчал»* (Пс.49:21).

Вторая степень смирения есть, если кто не любя своей воли и не находит удовольствия в том, чтобы исполнять свои пожелания; но делами подражает Господу, сказавшему о Себе: *«Я сошел с небес не для того, чтобы творить Свою волю, но*

волю пославшего Меня Отца» (Ин.6:38). Исполнение своей воли ведет в муку, а самопринуждение готовит венец славы.

Третья степень смирения есть, – чтобы по любви к Богу, со всяким послушанием подчиняться старшему, подражая Господу, о Котором Апостол говорит, что *«Он был послушлив даже до смерти» (Фил.2:8).*

Четвертая степень смирения есть, – чтобы в самом послушании на трудные дела и противные своему сердцу, или при каких-либо напраслинах, хранить молчаливое, но благодушное, и с доброй совестью терпение, и терпя, не ослабевать и не отступать назад; ибо Писание говорит: *«претерпевший же до конца спасется» (Мф.24:13);* и еще: *«мужайся, и да укрепляется сердце твое, надейся на Господа» (Пс.26:14).* Показывая также, что верному должно терпеть за Господа все противное, Пророк говорит от лица претерпевающих: *«Тебе ради умерщвляемся весь день, вменихоммся яко овцы заклениа» (Пс.43:23).*

В несомненной уверенности в Божественном воздаянии за терпение, они продолжают радуясь все переносить и говорят: *«но во всех сих препобеждаем за Возлюбльшаго ны» (Рим.8:37);* или как в другом месте пишется: *«искусил ны еси, Боже, разжегл ны еси, якоже разжизается сребро. Ввел ны еси в сеть, положил еси скорби на хребте нашем, возвел еси человеки на главы наша» (Пс.65:10–12).* Заповедь Божия относительно бед и напастей исполняя терпением, они, когда бьют в одну ланиту, подставляют и другую, когда отнимают у них ризу, они отдают и сорочку, когда принуждены бывают идти с кем одно поприще, идут с ним два (Мф.5; Лк.6); и с Павлом Апостолом терпят от ложных братий гонение, – и благословляют клянущих их (2Кор.11).

Пятая степень смирения есть, чтобы худых помышлений, входящих на сердце, или худых дел, сделанных в сокровенности, не утаивать от своего аввы, но все открывать ему в смиренном исповедании. Убеждает нас к этому Писание, говоря: *«открый ко Господу путь твой, и уповай на Него» (Пс.36:5);* и еще: *«исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость Его» (Пс.105:1);* также: *«беззаконие мое познах (Тебе*

дал познать), и греха моего не покрых, рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего» (Пс.31:5).

Шестая степень смирения есть, чтобы монах довольствовался всякой скудостью, даже самой крайней; и при всем, что ни возлагают на него, считал себя худым и нестоящим работником, говоря себе с Пророком: «и аз уничижен, и не разумех, скотен бых у тебе» (Пс.72:22).

Седьмая степень смирения есть, когда кто считает себя низшим, и худшим всех, не языком только, но и внутренним чувством сердца, говоря с Пророком: «аз же червь есмь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей» (Пс.21:7), «вознесжеся смирихся и изнемогах» (Пс.87:16). И еще: «благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим» (Пс.118:71).

Восьмая степень смирения есть, когда монах ничего не делает, кроме того, к чему обязывает общий монастырский Устав, и к чему побуждают примеры старших.

Девятая степень смирения есть, когда монах удерживает язык свой от говорения, и храня молчание, не говорит пока не спросят: ибо Писание внушает, «что от многословия не избежишь греха» (Прит.10:19), и что «человек злоязычный не утвердится на земле» (Пс.139:12).

Десятая степень смирения есть, если неохоч и не скор кто бывает на смех, ибо написано: «глупый в смехе возвышает голос свой» (Сир.21:23).

Одиннадцатая степень смирения есть, если монах когда говорит, говорит кротко и без смеха, смиренно, но с верностью, немного, но разумно, и не возвышая до громкости своего голоса, ибо написано: «слова благоразумных взвешиваются на весах» (Сир.21:28), и: «честно малое мудрости» (Еккл.10:1).

Двенадцатая степень смирения есть, когда монах не сердцем только, но и самым телом всегда и перед всеми показывает себя смиренным, т.е., когда он за работой, в церкви, на монастыре, в саду, в дороге, на поле, стоя, ходя, сидя, – всюду, склонив голову, взор вперяет в землю, и считая себя виновным во многих грехах, и воображая себя на страшном

Суде Божиим, говорит всегда в сердце своем то, что говорил глядя в землю Евангельский мытарь: *«Господи, не достоин я грешный и очей возвести на небо»* (Лк.18:13), или что говорил о себе Пророк: *«слякохся и смирихся до зела. Господи, живи мя»* (Пс.37:7–9, 118:107).

Прошедший все эти степени смирения монах доходит до такой любви Божией, которая вон изгоняет страх; в силу которой он все, что соблюдал прежде не без труда и не без страха, начинает соблюдать без всякого труда, как бы естественно; не по страху геенны, а по любви ко Христу, и по услаждению добродетелями, которые Господь благоволит Духом Святым влагать в сердце труженика Своего, очищенного от грехов и страстей.

Глава 8. О ночном богослужении

Во время зимы, т.е. от ноябрьских Календ (счет Календ начинался с 16 числа предыдущего месяца до 1-го следующего) до Пасхи вставать надобно в восьмом часу ночи (во 2-м), чтобы братия немного побольше покоилась ночью и вставали довольно выпавшись. Время, остающееся после бдения (ночного богослужения), те, которые недостаточно знают псалтирь или чтения, употребляют на изучение его с рассуждением. От Пасхи же до сказанных Календ ноября, время ночных служб определять по такому расчету, чтобы по их окончании, после малого промежутка, пока что братия успеют сходить по каким-либо нуждам, тотчас следовала Утренняя, которая обыкновенно начинается с рассветом.

Глава 9. Сколько псалмов петь на ночном богослужении?

Во время зимы, предпослав сначала стих: *«Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися»* (Пс.69:2) трижды проговорить надобно, потом: *«Господи, устне мои отверзеши и уста моя возвестят хвалу Твою»* (Пс.50:17) и далее присоединить к тому третий псалом (*«Господи, что ся умножиша стужающие ми»*), и слава. После этого псалма петь антифонно (один стих на одном клиросе, а другой на другом) или просто псалом 94-й (*«Приидите возрадуемся Господеви»*). За этим должна следовать песнь св. Амвросия: (*«Тебе Бога хвалим»*); потом шесть псалмов в антифонах. По окончании их авва, проговорив стих, изрекает благословение. После сего все садятся на скамейках, и братия попеременно читают по книге на аналогие три чтения, между которыми поются три респонсория (стихи поемые с канонархом); два респонсория бывают из славы, после же третьего чтения кто поет, говорит «слава». Как только певец начинает ее петь, все встают со своих седалищ в честь и поклонение Пресвятой Троице.

Книги на бдениях читаются как Ветхого, так и Нового Завета; читаются также и толкования их, сделанные знаменитыми отцами православными и вселенскими учителями.

После этих трех чтений с их респонсориями следуют прочие шесть псалмов, с аллилуйя поемые. Затем бывает чтение из Апостола, – стих и литийное моление, т.е. Господи помилуй; и этим оканчиваются ночные бдения.

Глава 10. Как летом совершать ночное молитвословие?

И от Пасхи до ноябрьских Календ, такое же, как сказано, держится количество псалмов, исключая того, что чтения в Кодексе, по причине кратких ночей, отставляются, и вместо трех чтений бывает одно из Ветхого Завета, с кратким после него респонсорием; прочее же все исполняются: так что на ночных бдениях никогда менее 12-ти псалмов не поется, – кроме 3-го и 94-го псалма.

Глава 11. Как совершать бдения во дни воскресные?

В воскресные дни надо пораньше вставать на бдения. На этих бдениях пение совершается протяжнее, и по окончании, как прежде положено, шести псалмов и стиха, когда все сядут по порядку и чинно на своих седалищах, бывают четыре чтения в Кодексе с их респонсориями. Примем только на четвертом респонсории поющим приговаривается «слава», в начале которой все с благоговением встают. После этих чтений следуют по порядку следующие шесть псалмов в антифонах и стих. Затем опять читаются другие четыре чтения с их респонсориями, по указанному выше порядку. После них поются три песни из Пророков, какие укажет авва; поются они с аллилуйя. Когда после сего будет проговорен стих и аввой дано будет благословение, совершаются другие четыре чтения из Нового Завета в том же, как и выше порядке.

После четвертого респонсория авва начинает гимн: «Тебе Бога хвалим». По пропетии его, авва читает чтение из Евангелия, во время которого все стоят со страхом и благоговением. По окончании чтения, все говорят: «аминь», а авва произносит гимн: Тебе подобает хвала. Затем по благословении, начинают Утреню.

Этот порядок бдения в дни воскресные наблюдается одинаково во всякое время, как зимой, так и летом. – Разве только случится (чего да не будет) попозже встать; тогда чтения или респонсории сокращаются. Впрочем, всячески надобно стараться, чтобы этого не было; и, если случится, тот, по чьей небрежности это случилось, тут же в церкви дает перед Богом достойное удовлетворение (понесет эпитимию).

Глава 12. Как совершать утреннее богослужение

На утреннях в воскресный день, во-первых, сказывают 66-й псалом («*Боже ущедри ны и благослови ны*»), не антифонно, а подряд; после него 50-й псалом с аллилуия; за этим – псалмы 117-й («*Исповедайтесь Господеву, яко благ, яко в век милость Его*»), и 62-й («*Боже, Боже мой, к Тебе утреннюю*»). За сим следуют благословения, хвалы; одно чтение из апокалипсиса с респонсорием, песнь святого Амвросия, стих, песнь Евангельская («*Величит душа моя*»), литийное моление и отпуск.

Глава 13. Как в простые дни совершать утреню

В простые же дни утреннее богослужение совершать так: 66-й псалом сказывать безантифонно, но попротяжнее, как и в воскресенье, чтобы успели сойтись все к 50-му псалму, который поется антифонно. После него сказываются другие два псалма, как установлено, т.е. в понедельник – пятый (*«Глаголы моя внуши, Господи»*) и 35-й (*«Глаголет пребеззаконный согрешати в себе»*); во вторник 42-й (*«Суди ми, Боже, и разсуди прю мою»*) и 56-й (*«Помилуй мя, Боже, помилуй мя, яко на Тя упова душа моя»*); в среду 63-й (*«Услыши, Боже, глас мой, внегда молитимися к Тебе»*) и 64-й (*«Тебе подобает песнь, Боже, в Сионе»*); в четверг 87-й (*«Господи Боже спасения моего»*) и 89-й (*«Господи, прибежище был еси нам»*); в пятницу – 75-й (*«Ведом в Иудее Бог»*) и 91-й (*«Благо есть исповедатися Господеви»*); в субботу – 142-й псалом (*«Господи, услыши молитву мою»*) и песнь Второзакония, с разделением ее на две славы. И в прочие дни – песни из пророков поются по примеру церкви Римской, каждая в свой день. После этого следуют хвалы; потом – одно чтение из Апостола, респонсорий, песнь св. Амвросия, стих; песнь Евангельская, Лития, – и конец.

Ни одно последование Утрени или Вечерни не должно проходить без провозглашения в конце аввою вслух молитвы Господней, чтобы ходатайством сей молитвы братия, когда произносят все: *«остави нам долги наша, якоже и мы оставляем»*, очищали себя от всех неудовольствий и соблазнов, происходящих между ними. На других же последованиях только последняя часть сей молитвы: *«но избави нас от лукаваго»* – всеми провозглашается.

Глава 14. Как совершать бдения во дни святых?

В праздники святых и все другие церковные торжества надо соблюдать такой же чин, какой положили мы для дней воскресных; кроме того, что псалмы, антифоны и чтения должны быть избираемы такие, какие подходили бы ко дню. Образ совершения службы держать, как выше написано.

Глава 15. В какие времена петь аллилуйя?

От Святой Пасхи до Пятидесятницы без опущения петь Аллилуйя, как на псалмах, так и на респонсориях. От Пятидесятницы до начала Четыредесятницы на всех ночных службах петь его только с последними шестью псалмами. Всякий воскресный день и кроме Пятидесятницы, песни (пророческие), утреню, первый, третий, шестой и девятый часы петь Аллилуйя; а вечерню с антифоном, респонсории же никогда не петь с Аллилуйя, кроме времени от Пасхи до Пятидесятницы.

Глава 16. Сколько каждый день совершать богослужений?

Пророк говорит: *«Семикратно в день прославляю Тебя»* (Пс.118:164). Это священное седмиричное число мы исполним, совершая утреню, первый, третий, шестой и девятый часы, вечерню и повечерие. Ибо говоря: *«седмерицею днем хвалих Тя»*, пророк понимает дневные часы; о ночных же бдениях он говорит: *«В полночь вставал славословить Тебя»* (62).

Во все эти времена и будем воссылать хвалы Творцу нашему о судьбах правды Его, т.е. будем собираться на утреню, первый, третий, шестой и девятый часы, на вечерню и повечерие, и ночью будем вставать, да исповедуемся Ему.

Глава 17. Сколько псалмов петь на каждом богослужении?

Порядок псалмопения на ночных и утренних службах уже нами указан. Теперь посмотрим, как надлежит действовать на других службах. На первом часе петь три псалма, отдельно, со славой на каждом. Перед началом псалмов возглашать песнь (стихиру) часа вслед за стихом: *«Боже, в помощь мою вонми»*. По исполнении трех псалмов, – одно чтение, стих, Господи помилуй (Лития), и отпуск. Молитвословие в третий, шестой и девятый часы совершается тем же порядком, т.е. стих, песнь (стихира) каждого часа, три псалма, чтение, стих, Господи помилуй, – и отпуск. Если большое будет собрание (праздничное) петь антифонно, а если малое (каждодневное), петь подряд.

На вечернем собрании совершать четыре псалма антифонно; после псалмов чтение; за ним респонсории, песнь св. Амвросия, стих, Евангельская песнь, лития, молитва Господня, и – отпуск.

Повечерие состоит из трех псалмов, которые поются подряд безантифонно, после них песнь сей службы, одно чтение, один стих, Господи помилуй, (лития), благословение, – и отпуск.

Глава 18. В каком порядке петь псалмы?

Во-первых, на каждой дневной службе возглашать стих – *«Боже, в помощь мою вонми; Господи, помощи мне потщися»*; славу и песнь совершаемой службы. За тем на первом часе, в воскресенье петь четыре главки – отделеница – 118-го псалма; на прочих же часах, т.е. третьем, шестом и девятом, по три главки того же 118 псалма. На первом часе во вторник петь три псалма именно: первый, второй, шестой (*«Господи, да не яростью Твоею обличиши мене»*). Так каждый день до воскресенья, – на первом часе петь по три псалма по порядку, до псалма 19-го; причем псалмы 9-й и 17-й разделять по две славы. Таким образом бдение в воскресенье всегда будет начинаться 20-м псалмом (*«Господи, силою Твоею возвеселися царь»*).

На третьем, шестом и девятом часе, в понедельник петь остальные девять главок 118-го псалма, по три на каждом часе. Разобравши таким образом весь 118-й псалом в эти два дня, т.е. воскресенье и понедельник, – во вторник на третьем, шестом и девятом часе, петь по три псалма, от 119-го до 127, т.е. девять псалмов. Те же псалмы петь на сих часах и в прочие дни до воскресенья. И прочее последование часов, песни их, чтения и стихи, каждый день одни и те же должны быть совершаемы, как установлено. В воскресенье же первый час начинать 118-м псалмом.

На вечерни каждодневно исполнять по четыре псалма со сладкопением. Псалмы эти начинаются от 109-го и идут до 147-го исключая тех, которые берутся из числа на разные часы, т.е. 117-го до 127-го, так же 133-го и 142-го. Кроме этих, прочие все из означенного числа должны быть петы на вечерне. Чтобы достало псалмов сколько требуется, те из означенного числа, которые велики, разделять на два. Таковы: 138, 143, и 144-й; а 116, как очень малый, присоединять к 115-му. Соблюдая этот порядок псалмопения на вечернях, прочие их части, т.е. чтения, респонсории, стихи и песни исполнять, как положено выше. На

повечерии каждодневно повторять одни и те же псалмы, т.е. — 4-й, 90-й и 143-й.

Разобравши эти псалмы на дневные службы, прочие все какие еще остаются, разделить поровну на семь ночных бдений, разделяя те из них, которые очень длинны; чтобы на каждое бдение приходилось по 12-ти псалмов.

Кому не нравится такое распределение псалмов, пусть сделает свое, какое найдет наилучшим; то только да имеется во внимание, чтобы на каждую неделю пропеваема была вся псалтирь, сполна, в числе 150 псалмов; и в воскресенье всегда была она снова начинаема с начала. Крайне ленивыми на Богослужении показывают себя монахи, которые в течение недели не всю пропевают псалтирь, с обычными песнями: тогда как читаем в деяниях святых отцов наших, что они в один день охотно исполняли то, что мы, охлажденные, едва успеваем совершить в целую неделю.

Глава 19. О чине псалмопения

Веруем, что всюду есть Божие присутствие, и что очи Господни на всяком месте видят и добрых, и злых: наипаче же всякого сомнения веровать сему должны, когда бываем на Божественной службе. Почему будем помнить, что говорит Пророк: *«Работайте Господу со страхом»*; и еще: *«пойте разумно»*; также: *«и перед Ангелы воспою Тебе»*. Смотри же всякий, каковыми подобает нам быть перед взором Бога и Ангелов Его; и постараемся так стоять на псалмопении, чтобы ум наш был в согласии с нашими словами.

Глава 20. О благоговействе в молитве

Если когда-либо ведем речь о чем-нибудь с сильным человеком, не иначе делаем это как со всяким смирением и почтительностью; то со сколь большим смирением и искренним благоговением должны мы беседовать с Господом Богом – всяческих? – Да ведаем при том, что не за многоглаголение бываем услышаны, и за чистоту сердца, сокрушение и слезы. Почему молитва должна быть кратка, но чиста и искренна, разве только когда понудит продлить ее особое действие благодати Божией. В собрании же всячески да укорачивается молитва; и все пусть тотчас встают, как только Авва дает знак. (Это взято у Тавеннисиотов).

Глава 21. О деканах (десятниках) монастырских

Если братство велико, надо избирать из самих братий таких, которые имеют доброе свидетельство и живут свято, и поставлять их деканами, чтобы они несли попечение о своем десятке во всем, по заповедям Божиим и повелениям аввы. В деканы да избираются такие, с которыми авва с уверенностью мог бы разделить свое бремя. Выбор надо делать не по порядку (поступления в обитель), а по успехам в жизни и способности назидать словом учения. Если какой-нибудь из деканов окажется имеющим гордость, то надо обличать его и убеждать исправиться, однажды и дважды, а в третий, если не исправится, сменить его, и на его место поставить другого, более достойного. То же постановляем и о препозите. (Смотритель дома. Препозиты и те, коим поручается целая часть управления по всему монастырю, напр. эконоом, больничник и пр.).

Глава 22. Как стать монахом?

Каждый пусть спит на особой кровати. Постель они получают по распоряжению Аввы, сообразно с родом занятий. Если можно, пусть все спят в одном месте; если же многочисленность их не позволяет это устроить, пусть спят по десяти, или двадцати, со старшими, на коих лежит попечение о них. Лампады пусть горят до самого утра.

Спать должны в своих одеждах, опоясанные поясами или вервями. Когда спят, ножичков своих, которыми работают, обрезают ветви и подобное, пусть не имеют при своих боках, чтобы не поранить себя во время сна. Монахи должны всегда быть наготове, и как только дан знак, без промедления вставши, спешить на дело Божие, опережая один другого, однако же чинно и скромно. Юнейшие братия не должны иметь кроватей друг подле друга, но пусть будут перемешаны они со старцами. Вставая на дело Божие, пусть друг друга братски поощряют, развевая извинения, придумываемые сонливыми.

Глава 23. Об эпитимиях за провинности

Если какой брат упорен или непослушлив, или горд, или ропотлив, или в чем-нибудь погрешает против святого Устава, или презирает повеления своих старцев, то такового, по заповеди Господа нашего, старцы пусть усовещивают, однажды и дважды, наедине. Если не исправится, – обличить его публично перед всеми. Если и после этого не исправится, удалить его от общения с братьями, чтобы понял как велика его вина. Если же он невежда, – подвергнуть его телесному наказанию.

Глава 24. Какого рода должны быть эпитимии?

Эпитимия должна быть соразмеряема с виной, и определение это зависит от суда аввы. Кто в легком чем провинится, тогда лишать участия с братьями в столе, и в церкви не должен он петь псалма или антифона, или совершать чтения, пока исполнит эпитимию. Пищу принимать ему одному, после стола братий. Если, например, братия принимают пищу в шестом часу, этот примет в девятом; если братия в девятом, он по вечеру: так пока получит разрешение.

Глава 25. О важных погрешностях

Провинившийся в важном каком деле брат, вместе с отлучением от стола, отлучается и от молитвы вместе с братьями. Никто из братий не должен входить с ним в какое-либо общение, даже ни в разговор. Пусть он будет один за делом на него возложенным, в покаянном сокрушении и сетовании, поминая о том страшном приговоре Апостола, по которому *«согрешивший предан был сатане во измождение плоти, да дух спасется в день Господень»*. Пищу принимать ему одному в такой мере и в такое время, какие найдет для него пригожими авва. И приветствовать никто не должен его, проходя, ни давать ему что съестное.

Глава 26. О тех, которые без повеления аввы вступают в общение с подъэпитимийными

Если какой брат позволит себе без разрешения аввы вступать в какое-либо общение с подъэпитимийным братом, или говорить с ним, или приказать ему что, – пусть равное и ним разделит наказание.

Глава 27. Какое попечение должен иметь авва о подъэпитимийных?

Авва со всей заботой должен пещись о провиняющихся братьях: ибо *«не требуют здравии врача, но болящие»* (Мф.9:12). Потому, как искусный врач должен употреблять все способы к врачеванию немощного душой, – подсылать к нему мудрых старших братий, чтобы они, будто тайком пробравшись к нему из сострадания, благонастроили его, если он обуревается помышлениями, и расположили к смиренному несению эпитимии; и чтобы *«утешили его, да не зельною скорбию пожрен будет таковой»*, но как говорит тот же Апостол: *«да утвердится к нему любовь, и да будет молитва о нем от всех»* (2Кор.2).

Авва всевозможно должен стараться и со всем усердием заботится о том, чтобы не погибла одна из вверенных ему овец. Да ведает, что он взял на себя врачевание немощных душ, а не панство над здоровыми; да боится обличения, которое Бог изрекает через Пророка: *«откормленных овец закалали, а стада не пасли... слабых не укрепляли, а больной овце не врачевали»*... (Иез.34:3–4). Авва да подражает примеру доброго и любящего Пастыря, который, оставляя девяносто девять овец в горах, пошел искать одной заблудшей, и такое явил сострадание к ее немощи, что взял ее на плечи свои и принес в стадо (Лк.19).

Глава 28. О тех, которые после частых эпитимий не исправляются

Если брат после частых увещаний и после эпитимий не исправляется в своей вине, подвергнуть его строжайшему, т.е. телесному наказанию. Если и после этого останется неисправным, или еще (чего да не будет) в гордости начнет защищать свои дела, тогда авва должен поступить с ним, как мудрый врач.

Если и после того, как употребит и обаяния, и масти увещаний, и врачевство Божественных писаний, и прижигание эпитимией и, наконец, и раны телесного наказания, если после всего этого он увидит, что его старания об исправлении остаются безуспешными, пусть приложит еще самое высшее средство, – свою и всех братьев молитву, да Господь, Коему все возможно, Сам соделает спасение немощного брата. Если же и таким образом немощный не поддастся врачеванию, тогда уже пусть авва употребит орудие отсечения, как говорит Апостол: *«извергните развращенного из среды вас»* (1Кор.5:13), чтобы одна больная овца не заразила всего стада.

Глава 29. Должно ли принимать братий, выходящих из монастыря?

Брат, по какой-либо вине сам вышедший из монастыря или изверженный, если захочет опять в него возвратиться, пусть прежде даст ручательство, что исправится в вине, за которую выслан; после чего принять его на последнюю степень, чтобы этим испытать его смирение. Если опять лишится монастыря, и опять захочет вступить в него, опять принять его, – так до трех раз. И да ведает, что после этого вход в обитель уже будет для него заключен, если еще подвергнется извержению из него.

Глава 30. Как исправлять маловозрастных детей?

Всякий возраст и всякая степень смысленности должны иметь свои меры исправления... Поэтому, когда дети или юнейшие возрастом, или те, которые не понимают важности обычных эпитимий, впадают в какие погрешности, наказывать их пощением более чувствительным, или телесным наказанием.

Глава 31. Каков должен быть монастырский келарь?

В монастырские келари избирать надо из братьев человека мудрого, зрелых нравов, трезвого, воздержанного, невозносливого, не гневливого, не обидчивого, не ленивого, не расточительного, но Богобоязненного, такого, который для всего братства был бы как отец. Он должен о всех иметь попечение, но ничего не делать без позволения аввы. Пусть соблюдает, что приказано, и братий не печаливает. Если случится, что иной брат потребует у него чего-нибудь несколько гневно, пусть не отвечает ему презрением, но если нельзя удовлетворить его прошения, пусть откажет ему разумно и со смирением.

И свою душу пусть спасает, всегда помня Апостольское слово, что *«хорошо служившие готовят себе высшую степень»* (1Тим.3:13). О больных, о детях, о странниках и бедных пусть печется со всем усердием, несомненно ведая, что в день суда даст строгий отчет, если неправо и немилостиво поступит в отношении к ним. На все монастырские вещи и на все имущество пусть смотрит, как на священные церковные принадлежности. Ни к чему пусть не относится небрежно, ни скупым пусть не будет, ни расточительным истребителем монастырской собственности, но всем пусть распоряжается умеренно, и как прикажет авва.

Паче всего смирением да украшается; и, если когда не достанет кому чего, пусть добрым словом смягчает отказ, по слову Писания: *«Слово лучше нежели даяние. Поэтому не выше ли доброго даяние слово?»* (Сир.18:16–17). Что поручит ему авва, тем пусть распоряжается со всем усердием: а чего не велит, того пусть не касается. Что положено давать братьям – пусть выдаст без надмения и промедления, чтобы не соблазнялись, помня божественное изречение о том, что заслуживает *«соблазнивший одного из малых сих»* (Мф.18:6). Если братство велико, дать ему помощников, чтобы с их содействием он успешнее и благодуще исполнял возложенное на него дело. В определенные часы пусть выдает,

что должно выдавать, и принимает, что должно принимать, чтобы никто не был смущаем в доме Божиим.

Глава 32. О работных орудиях и других вещах монастырских

В попечении о монастырском имуществе, об орудиях, одеждах и других вещах авва пусть выберет братий, на которых по их жизни и нравам мог бы он положиться, и поручить кому что благорассудит, беречь то, выдавать и снова собирать в свое место. От них авва получает запись, кому что выдавал, и что снова принял из вещей от братий, попеременно поступающих в разные послушания. Если окажется, что кто-нибудь небрежно обращается с вещами, тому делать замечание, и, если не исправится, подвергать установленным эпитимиям.

Глава 33. Могут ли монахи иметь какую-либо собственность?

Особенно надо с корнем исторгнуть из монастыря страсть любоимания, чтобы никто не смел ничего ни дать, ни взять без позволения аввы, ни иметь что собственное, никакой вещи, ни книги, ни доски, ни грифеля, совершенно ничего: так как никто из братьев не имеет уже в своей власти ни тела своего, ни воли своей. Всего необходимого всякий пусть ожидает от аввы; и никому не позволительно иметь что-нибудь кроме того, что даст, или что определит авва.

Все у всех да будет общее, как написано: *«и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее»* (Деян.4:32). Если будет замечено, что кто-нибудь поблажает этой непотребной страсти любоимания, того по первом и втором увещании подвергать установленным мерам исправления.

Глава 34. Все ли равно должны получать необходимое?

Надобно поступать так, как написано: *«даяшеся коемуждо, егоже аще требоваше; не по лицеприятию»* (да не будет), но по вниманию к немощам немощных. Кто меньше имеет нужды, пусть Бога благодарит, и не скорбит (что не дают); а кто больше имеет нужды, пусть смиряется по своей немощности и не превозносится по причине милости к нему (что дают). Так все члены будут в мире. Особенно ропота никто да не обнаруживает по какому бы то ни было случаю ни словом, ни знаком. Кто замечен будет в этом, подвергать его мерам исправления.

Глава 35. Все ли равно должны получать на поварне

Братия должны служить себе взаимно; и никто не должен отказываться от послушания в поварне, разве болен кто, или занят многопольным делом. Да ведает, что этим послушанием любовь братская свидетельствуется и великая награда стяжевается. Которые немощны, для тех назначить помощников, чтобы без скорби совершали свою череду: и всем надо давать утешение и отраду, судя по величине братства и положению места. Если братство велико – келаря освобождать от послушания на поварне, равно и того, кто занят многопольным делом. Прочие же пусть с любовью взаимно себе прислуживают. Кончивший свою неделю, в субботу должен сдать вещи и дать во всем отчет. Полотенца, которыми братия вытирают себе руки и ноги, пусть вымоет. Ноги тоже, как кончивший неделю, так и вступающий в нее должны вымыть всем. Кончающий неделю дает келарю сосуды чистыми и целыми; а келарь вручает их вступающему в неделю, чтобы ведомо было, что один дает, и в чем другой должен давать отчет. Недельные за час до общего стола пусть принимают положенную часть вина и хлеба, чтобы во время стола служили братиям без особенного труда и без роптания. Во дни же праздничные пусть воздерживаются до конца обеда.

Кончающие и начинающие неделю, по окончании утренних молитв в воскресенье в церкви, делают всем коленопреклонение, просят молитв. Кончающий неделю говорит при сем такой стих: «Благословен Бог, помогший мне и утешивший меня». Сказав это трижды, получает благословение: этим оканчивается его послушание. Начинающий же неделю говорит: *«Боже в помощь мою вонми, Господи, помощи мне потщися»*; это и все произносят трижды; затем он получает благословение, и тем вступает в недельное свое послушание.

Глава 36. О больных братьях

О больных прежде и паче всего надо иметь попечение, и служить им, как Христу, ибо Он сказал: *«Болен был, и посетили Меня»*, и: *«так, как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне»*. Но больные пусть помнят, что им служат ради Бога, и пусть не опечаливают служащих им братьев излишними своими требованиями. Впрочем, и таких надо терпеливо сносить, потому что через это стяжается богатейшая награда. И авве надобно всячески заботиться, чтобы о больных не была допускаемая никакая небрежность: келлию для них назначить особую, и для хождения за ними назначить брата богобоязненного, сострадательного и заботливого.

Бани для больных готовить сколько нужно; а для здоровых, особенно молодых, пореже ее дозволять. Разрешать больным и вкушение мяса, для подкрепления наиболее немощных. Но коль скоро поправятся – пусть по обычаю воздерживаются от мяса. Авва пусть поусерднее присматривает, чтобы келарь, или прислуживающий больным не вознерадел о них; потому что на него падает, если его ученики в чем-либо погрешают.

Глава 37. О престарелых и детях

Хотя сама природа располагает к милосердному снисхождению к лицам этих возрастов, т.е. к старцам и детям, но и Устав не может забыть о них. Надобно всегда иметь во внимании свойственную им по естеству немощь, и никак не держать по отношению к ним строгости положения о пище: надо оказывать им снисхождение в роде пищи; и время для принятия ее назначать пораньше Уставом положенного для всех.

Глава 38. О недельном чтеце

Когда братия вкушают пищу в трапезе, всегда должно быть при этом чтение; но не всякий, кому ни случилось, может брать книгу и читать. Имеющий читать всю неделю вступает в это послушание в Воскресенье. После литургии и Причащения выступает он и просит всех помолиться, да отвратит от него Бог дух превозношения. При этом он начинает, а за ним и все повторяют следующий стих: *«Господи, устне мои отверзеши и уста моя возвестят хвалу Твою»*. Затем он принимает благословение и вступает в свое послушание – читать. За трапезой должно быть хранимо глубокое молчание, чтобы не слышно было ничьего голоса, или шептания, кроме одного читающего.

Что касается до потребного из пищи и питья, то служащие братия должны так устроить, чтобы во время стола никто ни в чем не встречал нужды. Если же случится в чем нужда, давать знать об этом не голосом, а постукиванием. Никто не должен спрашивать о чем-либо по поводу чтения, или еще чего-нибудь; кроме разве авва рассудит сказать, что в назидание кратко. Этот брат, недельный чтец, пусть получает часть растворенного водой вина, прежде чем начнет читать, по причине Святого Причащения, и чтобы не тяжело было ему выдерживать пощение. Обед же свой он будет иметь после, с недельными по поварне и прислуживающими в трапезной. На это чтение, как и на пение, назначать братий не подряд, а по выбору, кто может назидать слушающих.

Глава 39. О количестве и мере яств

Полагаю, что достаточно будет для подкрепления сил предлагать два варева на всех трапезах, в шестом или девятом часу; и это по причине немощи разных братий, чтобы в случае, если кто не может есть одного, подкреплялся другим. Итак, два варева достаточно будет для всех братий; если достанутся откуда плоды, или овощи, то прибавить и это третье кушанье. Хлеба достаточно по два фунта в день на брата, одна ли будет трапеза, или две – обед и ужин. Если будет ужин, то келарь от того же фунта удержит треть, чтобы предложить ее на ужин.

Если случится тяжелая работа, то оставляется на волю и рассуждение аввы – прибавить что-нибудь, когда нужно, устраняя только всячески опьянение и обременение пищей: ибо ничто так не неприлично христианину, как опьянение, как сказал Господь нам: *«смотрите же за собой, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством»* (Лк.21:34). Детям же полагать не такое количество пищи, а меньше, чем большим, соблюдая во всем бережливость. От мяса же четвероногих решительно все должны воздерживаться, кроме одних крайне больных.

Глава 40. О мере питья

Всякий свой имеет дар от Бога: один – один, другой – другой. Потому мы с особенной осмотрительностью устанавливаем меру кошта. Так относительно вина, имея во внимании немощь немощных, полагаем, что для каждого достаточно будет на день стакана вина. (Nemina – теперь неизвестная мера, примерно стакан. Вино – виноградное).

Вино – виноградное. А кому Бог даст силу воздержаться, тот да ведает, что это достойно своей награды.

Если положение места, или труд, или время года требуют прибавки к этой мере, на воле аввы оставляется сделать это или нет; да имеет он только во внимании, чтобы не вкралось опьянение, ибо вино, как читаем, есть вещь вовсе не монашеская. Но как в наши дни нельзя убедить в этом монахов, – согласимся по крайней мере не пить досыта, но воздержано; потому что вино и мудрых доводит до отступления и падения. Если случится, что где-нибудь и такой меры достать нельзя, или и совсем ничего, то да благословит Бог обитающих там (на терпение): пусть не ропщут. На то паче всего надо всех убеждать, чтобы не роптали.

Глава 41. В какие часы предлагать трапезу?

От Святой Пасхи до Пятидесятницы обедают пусть братия в шесть часов (12-ть наших) и по вечеру ужинать. От Пятидесятницы все лето (если не бывает у монахов работ на полях, или не мешает летняя знойность), в среду и пяток пусть постятся до девятого часа, а в прочие дни обедают в шесть часов. Этот – шестой час обеда, если будет работа на полях, или знойность не будет велика, должно продолжить и это по усмотрению аввы. Он пусть все учредит и расположит так, чтобы и делу спасения души не было ущерба, и братия все что делают, делали безропотно.

От сентябрьских ид (иды от 9-го до 13 и 15-го дня в каждом месяце) до начала Четыредесятницы принимать пищу всегда в девять часов; в Четыредесятницу же до Пасхи – вкушать по вечеру. Этот вечер определять так, чтобы для вкушающих не требовалось зажигать светильники, но, чтобы все кончалось засветло. И во всякое время вечерю ли или обед надо так приноровлять, чтобы все кончалось засветло.

Глава 42. О том, что после повечерия никто не должен говорить

Во всякое время монахи должны со всем усердием хранить молчание; особенно же в ночные часы. После ужина – пост ли будет или не пост, братия, вставши из-за трапезы, собираются спустя немного в одно место, – и один читает собеседования (пр. Кассиана) или жития святых, или другое что, – назидательное и для слушающих; только не Пятикнижие и не книги царств, потому что для несильных умов бесполезно в это время слушать эти части Писания, – их читать в другое время. Прочитавши листа четыре, или пять, или сколько позволит время, идут на повечерие. – И после повечерия никому уже нет позволения говорить что-либо с кем бы то ни было. Кто окажется нарушителем сего правила молчания, должен подлежать тяжкой эпитимии; исключая разве придут какие посетители, или авва что-нибудь прикажет; но и это надо исполнять со всей скромностью и тихостью.

Глава 43. О тех, которые опаздывают на Богослужение или к трапезе

На святое Богослужение, как только слышан знак, тотчас надо спешить со всей заботливостью, оставляя все что бы ни было в руках, однако степенно, без суматохи. Делу Божию ничто не должно предпочитать. Если кто на ночное бдение придет после «Славы» 97-го псалма, (которую потому полагается петь несколько протяжно), тому не стоять на своем месте среди братьев, но пусть становится позади всех, или на особом каком месте, чтобы быть на виду у всех; а по окончании службы должен он принять публичное покаяние.

Для того определено стоять таким на последнем месте, или особо, чтобы, быв всеми замечаем, исправлялись от этого стыда. Если оставаться им вне храма, то может случится, что иной там и спать расположится, или так просидит не молясь, а если не один такой будет – заведут пусторечие, и будет дано место лукавому. Потому лучше пусть входят такие внутрь, чтобы не быть всего лишенными, а прочее – исправится.

На дневные службы, если кто не успеет к «Славе» после стиха и первого псалма, по тому же закону должен стоять на последнем месте. Да не дерзнет он присоединяться к хору поющих, пока не очистит вины несением эпитимии, разве только авва прикажет; но прощение у всех испрашивать после службы все же он должен.

К трапезе кто не успеет прежде стиха, чтобы всем вместе возгласить стих и молитву и одновременно сесть за стол, – и это по нерадению или своей вине, – тому до двух раз делать выговор. Если не исправится и опять то же сделает, отделить его от прочих и посадить за особый стол, лишив порции вина. После трапезы пусть испросит у всех прощения с обещанием исправиться. Тому же должен подлежать и тот, кого не будет на стихе, который говорится после принятия пищи. (Уйдет из трапезной прежде молитвы). На следующей за тем трапезе принимать ему пищу за особым столом и потом публично покаяться.

Никто не дерзает принимать пищу или питье прежде или после установленного часа. Если тот, кому назначена аввой особая пища, не захочет ее принять в это время, то когда захочет пусть или ее принимает, или никакой, до соответственного исправления.

Глава 44. Как нести эпитимии тем, которые отлучаются от сообщества с братьями?

Которые за тяжкие вины отлучаются от Богослужения и от трапезы, те, в то время, как совершается в церкви Богослужение, должны лежать простершись на земле вне храма, ничего не говоря, а когда братия будет выходить из храма, не поднимая головы, припадать к ногам их. Это должен он делать до тех пор, пока авва рассудит, что он уже довольно удовлетворил за свою вину. Если, наконец, авва велит ему подойти к себе, он вставши, повергается перед аввой и братьями, прося молитв о себе.

После сего он принимается в хор, если велит авва, или в другой ряд, какой определит авва. Но петь псалом или исполнять чтение, или другое что делать в храме не может он, пока тоже не разрешит авва. Сверх того на всяком Богослужении, в конце его, должен он, падая ниц, где стоит, испрашивать прощения и молитв, пока авва не велит ему перестать от сего, признав его вину совершенно очищенной. Это последнее удовлетворение требуется и от тех, которые за малые вины отлучаются только от трапезы с братьями. Его исполняют они пока не разрешит их авва и, благословив, не скажет: довольно.

Глава 45. О тех, которые погрешают чем-либо в храме

Кто, возглашая псалом, респонсорий, или антифон, или чтение, ошибется, – и там же смирившись пред всеми, не удовлетворит за свою вину, – тот должен подлежать большему взысканию за то, что не поспешил смирением загладить допущенную неисправность. Детей же за такую вину наказывать телесно.

Глава 46. О тех, которые провиняются в другом чем

Если кто на работе в поварне, в келарне, во время прислуживания, в хлебне, в саду или другом каком месте в чем-либо погрешит, сломает что, или потеряет, или другое что сделает, и тотчас сам перед аввой и братьями не обличит своей погрешности и не испросит прощения, то большей должен подвергаться мере исправления, если то будет узно другими. Но что касается до грехов невидимых, в душе совершающихся, то их открывать должно только авве, или духовным старцам, которые умеют врачевать свои и чужие раны, не открывая и не опубликовывая.

Глава 47. О подавании знака на Богослужении

Возвещать о часе молитвы днем и ночью есть дело аввы, – и он или сам делает это, или поручает какому старательному брату, чтобы всякая служба была совершаема в свое время. Псалмы или антифоны после аввы своим порядком будут исполнять те, кому велено; и надобно для пения и чтения определять таких, которые могут совершить это служение в назидание слышащим. Кому велит авва, должен исполнять это со смирением и трепетом.

Глава 48. О каждодневном рукоделии

Праздность – враг души. Потому в известное время братия должны заниматься рукоделием, в известные же опять часы – божественным чтением. Оба эти занятия полагаем распределить так: от Пасхи до Октябрьских календ (13–16 сентября) братия, выходя рано утром, работают что нужно от первого часа до четвертого; от четвертого же до шестого занимаются чтением.

После шестого часа, встав из-за трапезы, пусть отдохнут на своих постелях, храня молчание, или если кто хочет читать, – пусть читает себе так, чтобы никого не беспокоить. Девятый час отпевать пораньше – в половину восьмого, и опять за работу, и работать до вечера. Пусть не скорбят, если по местным обстоятельствам, или по бедности, нужно бывает усилить работу: ибо то и монахи, когда живут трудами своих рук, как постановили отцы наши и Апостолы. Все однако же да будет в меру, по причине малодушных.

От Октябрьских календ до начала Четыредесятницы, до второго часа пусть занимаются чтением; во втором часу отпевать третий час, – и потом до часа девятого все занимаются работами какие на кого возложены. Как только будет дан первый знак к девятому часу, все пусть оставляют (и прибирают) свои работы, чтобы быть наготове ко второму знаку, по которому идут в трапезу. После трапезы пусть занимаются своими чтениями или псалмами.

Во дни Четыредесятницы, с утра до третьего часа пусть занимаются чтением, а отсюда до часа девятого работают каждый свои работы. В эти дни Четыредесятницы всякий пусть возьмет себе из библиотеки особую книгу, которую должен прочесть всю подряд: выдавать их в начале Четыредесятницы. На это время назначаются один или два старца для обхождения келий в часы, когда братия должны заниматься чтением, и наблюдения, чтобы никто не потратил этих часов попусту в праздности, в дремании или празднословии, а не в чтении, – себе не на пользу, а другим на соблазн. Если кто окажется

таковым, выговорить ему однажды и дважды; если не исправится, подвергнуть его положенным мерам исправления, чтобы и другие страх имели: чтобы брат с братом не сходились не в свое время.

В воскресенье пусть все занимаются чтением, исключая тех, которые отряжены на разные послушания. Если кто не хочет или не может читать и рассуждать, заставлять такого работать, чтобы не был в праздности. Братиям слабого сложения назначать такую работу, или ремесло, чтоб и праздными не были и не обременялись. О такой их неспособности рассудит авва.

Глава 49. Как проводить Четыредесятницу

Хотя во всякое время жизнь монаха должна течь со строгостью Четыредесятницы, но как не всем принадлежит такая добродетель, то убеждаем по крайней мере в эти дни Четыредесятницы сохранять свою жизнь во всякой чистоте, покрывая все небрежности других времен в эти святые дни. Это тогда достойно исполняется, когда, укрощая страсти, будем прилежать молитвой со слезами, чтению, сердечному сокрушению и строгому воздержанию.

Итак, увеличим несколько в эти дни обычный оброк нашего служения чрез совершение особых молитв, чрез большее воздержание в пище и питии, чтобы всякий сверх положенной меры, и по своей воле, с радостью Духа Святого, приносил что-либо Богу в жертву: т.е. что-нибудь отнимал у своего тела в пище, питии, во сне, в употреблении языка, с радостью духовной ожидая Святой Пасхи. Это, однако, что каждый желает принести Богу от себя, пусть открываемо будет авве, чтобы предпринималось с его молитвой и благословением: ибо что бывает без соизволения духовного отца, то осквернится самомнением или тщеславием, и заслужит не награду, а осуждение. Все надобно делать с согласия аввы.

Глава 50. О братьях, которые работают далеко от храма, или находятся в дороге

Братия, которые вдали находятся на работе и не могут в положенные часы поспевать в церковь, и авва взвесит, что это так есть, – пусть совершают дело Божие там, где работают, со страхом Божиим преклоняя колена. Равным образом и те, которые отправлены в дорогу, пусть не пропускают установленных в известные часы молитвословий; но пусть исполняют их как могут, и не небрегут представлять этот оброк служения своего.

Глава 51. О братиях, которые отправляются не так далеко

Брат, которого отправляют куда-либо по делу, и который надеется в тот же день возвратиться в монастырь, не должен принимать пищи вне, хотя бы кто и просил его, разве только разрешено будет это аввой. Кто иначе поступит – понесет эпитимию отлучения.

Глава 52. О монастырской молитвеннице

Молитвенница есть то, чем называется, и в ней ничего другого не должно быть делаемо, кроме совершения молитв. По окончании дела Божия, все выходя в глубоком молчании, воздав благоговейное поклонение Богу. Брату, который захотел бы особо помолиться, не должно препятствовать. Кто хочет таким образом помолиться, пусть войдет потихоньку и молится не громким голосом, но в сокрушенном со слезами устремлении сердца к Богу. Без этой же цели – никому по окончании дела Божия, т.е. Богослужения, не позволительно оставаться в церкви, чтобы не было от этого помехи другим, хотящим помолиться наедине.

Глава 53. О принятии странных

Всех приходящих странников надобно принимать, как Христа, ибо Он скажет некогда: *«странником был и вы приняли Меня»* (Мф.25:35). Всем должно воздавать свою честь, особенно равную с нами проходящим жизнь и странствующим. Посему, как только возвещено будет, что есть странник, встретить его пусть выйдет сам авва (смотри по чину), или братия на это определенные, со всем радушием. Прежде всего надо всем вместе помолиться и потом поздороваться в мире. Что целование мира должно предлагать не прежде, как по молитве, – это по причине дьявольских прелестей. В самом же поздоровании надлежит изъявлять всякое смирение. Когда пред приходящими или отходящими странниками преклоняют голову или всем телом prostираются на земле, делать сие надлежит в той мысли, что в них приемлется Христос; Ему и поклонение в них воздается.

Принятые странники ведутся на молитву; потом сядет с ними авва, или кому он велит. Надобно гостю почитать Закон Божий в назидание, а потом предложить и угощение. И пост пусть нарушит настоятель ради гостя, разве только будет какой нарочитый день поста, которого нельзя нарушить. Братия же должны соблюдать обычай пощения.

Воду на руки странникам подаст авва; а ноги им омоют как сам авва, так и все братство (гостинники). При омытии их говорить следующий стих: *«Мы размышляли, Боже, о благости Твоей посреди храма Твоего»* (Пс.47:10). Бедных из странников надо принимать с особенным вниманием и усердием, потому что в них наипаче приемлется Господь. К богатым же само собой является как то почтительность.

Кухня для аввы и гостя должна быть особая, чтобы гости, приходящие в неопределенное время, не беспокоили прочих братий. В эту кухню назначать на год по два брата, которые пусть и исполняют там все нужное. Когда потребуется, давать им помощников, чтобы служили без ропота; а когда нет у них дела, пусть выходят и они на работу, куда им велят. И не только

в отношении к ним, но и в отношении ко всем служащим монастырским надо держаться того правила, чтобы назначать, когда требуется помощников служащим; но опять, когда нет у них дела, пусть делают что велят.

И за гостиницей смотреть надо назначать особого брата, исполненного страха Божия, чтобы постели были всегда хорошо убраны, и дом весь, как Божий, был в порядке. Кому не велено, с гостями пусть не общается и не разговаривает; но если встретится кто с ними, или увидит, пусть сделает поклон, как сказано, и, испросив благословения, проходит далее, говоря, что ему не позволено говорить со сторонними.

Глава 54. Можно ли монаху получать письма или другое что

Никак не следует монаху ни от родителей своих, ни от кого другого, ни взаимно друг от друга получать письма, благословения, или другие какие мелочи, и самому отвечать тем же без разрешения аввы. Если что прислано будет кому от родителей, не смеет он того получать, не показавши наперед авве. Если можно то принять, в воле аввы состоит приказать, кому то отдать; и брат, кому то прислано, не должен тем огорчаться, чтобы не дать места дьяволу. Кто иначе поступит, – подлежит обычным эпитимиям.

Глава 55. Об одежде и обуви братий

Одежды братиям должны быть назначаемы по качеству места, где живут, и по тамошнему климату. В холодных странах бывает в них большая нужда, а в теплых – меньшая. Это определение оставляется на рассуждение аввы. У нас монахам можно довольствоваться чем небольшим; и полагаем на каждого брата куколь и полукафтаны (вроде подрясника: Куколь на зиму шерстяной, а на лето полотняный; также нарамник для работ; для обувания ног – сандалии и сапоги. О цвете всех этих вещей и толщине монахи не должны толковать, пусть довольствуются такими, какие можно найти в их местности, или какие дешевле.

О мере одежд позаботится авва, чтобы не были коротки, а были в пору. Получая новое, старое должно отдавать тогда же и беречь в рухлядной для бедных. Достаточно для монаха иметь два куколя и два полукафтаны, для ночей и на случай мытья тех вещей, что сверх этого – излишнее, надо то отсечь. Так же и сандалии и все другое ветхое пусть отдают, когда получают новое. Отправляющиеся в дорогу получают из рухлядной феморалии (что-то вроде панталон), которые по возвращении отдают, вымыв. Надо иметь в рухлядной и куколи, и полукафтаны получше обыкновенных; отправляющиеся в дорогу пусть получают их и, возвратясь, отдают назад.

Для подстилания на кровати достаточно рогожи, саги (мешка, набитого соломой или сеном), одеяла, подушки. Авва почасту должен осматривать кровати, чтобы не завел кто чего лишнего. Если найдется у иного что-нибудь, чего он не получал от аввы, подвергать такого тягчайшей эпитимии. Чтобы пресечь всякое покушение иметь что-либо особое – свое, пусть авва дает всякому все необходимое: куколь, полукафтаны, сандалии, сапоги, нарамник, ножичек, писало, иглу, полотенце, таблички для писания; этим будет отнята всякая возможность извинения. При этом авва пусть руководится следующим правилом, изреченным в Деяниях Апостольских: *«и разделяли всем, смотря по нужде каждого»* (Деян.2) и имея во внимании

немощи нуждающихся, а не многожелательство завидующих. При всех же своих присуждениях да помышляет о воздаянии от Бога.

Глава 56. О столе аввы

Трапезует авва всегда с посетителями и странниками. Когда не бывает никого из странников, пусть призывает к своему столу кого хочет из братий. Но из старцев всегда одного или двух должен он послать с братьями для наблюдения за порядком.

Глава 57. О монастырских мастерах (из братий)

Мастера, если бывают в монастыре (из братий), должны делать свои дела со всем смирением. Если кто из них станет гордиться своим мастерством, как доставляющий монастырю нечто, такого отставить от мастерства, и опять не приставлять к нему; разве только, когда смирится, авва может ему позволить опять заняться им.

Если какие изделия положат продать, пусть определяют осмотрительно, через чьи руки это сделать, чтобы не случилось какое плутовство в ущерб монастырю. Кому поручают это, пусть помнят об участи Анании и Сапфиры (Деян.5), чтобы и им не подпасть такой смерти душевно, как те подверглись телесно. Это надо держать в мысли и всем, которые задумывают сделать какое-либо плутовство в ущерб монастырю. В назначение цены пусть не вмешивается страсть любостяжания, но всегда лучше назначать цену несколько меньше, чем это делают миряне, да во всем славится Бог.

Глава 58. Об образе принятия братий в монастырь (новоначалие)

Кто новоначально приступает к иноческой жизни, не тотчас давать ему вход в обитель, но как говорит Апостол: *«испытывайте духов, от Бога ли они»* (1Ин.4:1). Итак, если пришедший прибудет толкая в дверь, и наносимые ему нарочито оскорбления, и намеренное недопущение его внутрь обители в продолжение четырех или пяти дней вынесет терпеливо, не отступая от своего прошения, то дозволить ему, наконец, войти, и пусть несколько дней пробудет в гостинице; после же сего, – поместить его в келлии новоначальных, где пусть изучает, что прикажут: там ему принимать пищу и спать.

Приставить к нему опытного старца, который умеет стяжевать души для Господа, и пусть внимательно наблюдает за ним, воистину ли взыскал Бога, рачителен ли к делу Божию (молитве), скор ли на послушание, снослив ли при укорах. Надо ему рассказать все трудности и болезненности, какие встречаются на пути к Богу. Если пообещает он твердость и неуклонное постоянство, то спустя два месяца прочитав ему настоящий Устав весь подряд и сказать: вот законы, под которыми ты имеешь воинствовать; если можешь соблюсти все, – ступи, а если не можешь – лучше отойди. Если всё будет стоять на своем желании, вести его опять в келлии новоначальных, и опять испытывать в терпении (чтение Устава происходило в притворе церкви и не один день).

Спустя шесть месяцев еще прочитав ему Устав, чтобы хорошо понял, к чему приступает. Если все будет стоять в своем намерении, чрез четыре месяца еще прочитав ему тот же Устав. Если после столь долгого рассуждения он пообещает соблюдать все установленное и исполнять всякое приказание, тогда наконец принять его в число братства. Да ведает, что с сего времени он стал под закон Устава, что отселе ему уже непозволительно оставить монастырь, или освободить свою выю из-под ига, которое, при таком долгом рассуждении, он был свободен принять или отвергнуть.

Принимать же должно в церкви в присутствии всех: причем он дает публично обещание не отступать от своего намерения; быть всегда исправным в поведении, в нраве и послушании. Обет изрекается перед Богом и Святыми Его (Ангелами); так что, если отступит в чем от него, Судьей ему будет Тот, Коего он окажется обманщиком.

Обещание свое должен он изложить письменно, на имя Святых, мощи которых почивают в храме и настоящего аввы; и написать его своей рукой. Если не умеет писать, – напишет за него другой по его прошению, а он приложит печать и положит письменное обещание своей рукой на алтарь. Полагая, новоначальный говорит следующий стих: *«Укрепи меня по слову Твоему, и буду жить; не посрами меня в надежде моей»* (Пс.118:116). За ним трижды повторяет все братство, прибавляя: слава Отцу. После сего новоначальный брат кланяется всем в ноги, прося молитв. С этого момента он считается уже состоящим в числе братства.

Если он имеет что, то или раздает это прежде бедным, или при всех жертвует в монастырь, ничего себе не оставляя. В монастыре он не имеет уже власти и над своим телом, не только над какими-нибудь вещами. Тут же в храме скидает он свои одежды, и одевается в монастырские. Прежние одежды его хранятся в рухлядной, чтобы, если по наущению дьявола, он вздумает выйти из монастыря, он в них был извержен из него. Письменного же обещания, положенного на алтаре, уже не получит: оно должно быть удержано в монастыре.

Глава 59. О детях знатных или бедных, посвящаемых Богу

Если кто из знатных посвящает своего сына в монастыре Богу, то, когда сей отрок еще мал возрастом, родители его делают письменное обещание, о котором сказано выше, и, принося потребное для бескровной жертвы, как и свое рукописание, так и руку отрока влагают в покровы алтаря и таким образом посвящают его Богу.

Относительно имущества они в своем рукописании с клятвой обещают, что ни сами, ни через постороннее лицо, ни другим образом не будут содействовать ему иметь что-либо. Или, если этого сделать не хотят, а хотят принести что-нибудь в монастырь в виде милости за свои души, пусть сделают дарственную запись монастырю о тех вещах, сохраняя за собой, если хотят, право пользоваться этой частью до своей смерти. Все это лучше устроить так, чтобы отрок ничего этого не знал, чтобы после это не послужило к его пагубе, как знаем это по опыту.

Подобным образом поступают и небогатые. А которые ничего не имеют, то делают одно рукописание, и с припиской потребного для бескровной жертвы, посвящают Богу сына своего, при свидетелях.

Глава 60. О священниках, желающих жить в монастыре

Если кто из священного чина будет просить о принятии в монастырь, то и для него не тотчас изъявлять согласие на то. Но если он будет настаивать в прошении, принять его, дав знать, что и он будет строго соблюдать Устав, и что ни в чем ему не будет сделано послабления, да будет как написано: *«друг, для чего ты пришел?»* (Мф.26:50). – Позволить ему стоять вслед за аввой, также благословлять и совершать литургию, если велит авва, а если нет, – пусть не дерзает ни на что такое, и зная, что во всем подлежит уставному порядку, пусть всем подает пример смирения.

Когда бывают общие собрания для совещания по каким-либо делам монастыря, тогда пусть занимает то место, когда поступил в монастырь, а не то, которое ему уступлено ради чести священства.

Из прочих клириков, когда кто изъявит желание вступить в монастырское братство, каждого по принятии поставлять на рядовое место; принимать же по обещанию им соблюдения устава и твердости в своем намерении.

Глава 61. Как принимать монахов странников?

Если монах странник, пришедший из далеких мест, захочет гостем пожить в монастыре, то если он доволен обычаями места, какие видит, своим излишеством не возмущает обители, но просто доволен всем, что ни находит, принять его тогда же, как изъявляет желание. Если он по разумным основаниям найдет что укорное, и со смиренной любовью покажет то, авва должен обратить на то должное внимание. Не для того ли и направил сюда брата того Господь, чтобы исправить указанную неисправность.

Если потом пожелает он совсем остаться в обители, – не отказывать ему в сем желании, а особенно, когда, во время гощения, его жизнь и нрав хорошо познаны с доброй стороны. Но если он излишне требователен, или во время гощения будет замечен в каком-либо пороке, то не только не принимать его в число братства, но сказать ему с честью, чтобы удалился, из опасения, как бы другие не заразились его немощами. Когда же он не таков, чтобы заслуживал удаления, то не только когда просится принять его в братство, но убеждать его, чтобы остался у них навсегда, чтобы его примером назидались и другие: ибо на всяком месте Единому Богу служим, и Единому царю воинствуем.

Даже, если авва найдет его таким, то может дать ему высшее место, нежели какое ему следует по времени приема. И не только монаха, но лиц освященных в разных их степенях, авва может поставлять на высших, сравнительно с приемом, местах, если найдет их достойными того по жизни. Да не дерзает однако же авва принять когда-либо на всегдашнее жительство монаха из другого известного монастыря, без согласия его аввы или рекомендательных писем, ибо написано: *«чего себе не желаешь, не делай того другому»* (Тов.4:15).

Глава 62. О монастырских священниках

Когда авва находит нужным иметь священника или дьякона, пусть из своих выберет достойного степени священства. Посвященный да блюдет себя от возношения или гордости, и ни на что не дерзает, кроме того, что будет приказано аввой, зная, что ему гораздо больше других следует держаться установленных порядков. Да не забывает он по случаю священства обязанности повиновения Уставу и всему монастырскому благочинию, но паче и паче да преуспевает в Боге.

Место же всегда пусть держит то, какое следует ему по порядку вступления в обитель, кроме служения алтарю; разве только по определению всего братства и по воле аввы будет поставлен повыше, ради достоинства своей жизни. Но кто из таких, зная, что он должен соблюдать порядки, устанавливаемые деканами или другими приставниками, позволит себе не подчиняться им, того судить не как священника, а как нарушителя порядка. Если после частых увещаний не исправится, довести до сведения о том епископу, чтобы своей властью придал силу убеждению. Если и после того не исправится, а напротив будет множить провинности, то изгнать его из монастыря: когда впрочем таково будет его упорство, что не захочет ни за что вполне подчиняться Уставу и исполнять его во всем.

Глава 63. О месте, какое каждый брат занимать должен и о взаимных отношениях

Места в монастыре братия пусть всегда держат те, какие им следуют по времени поступления в обитель и по достоинству жизни, и как определит авва. Авва да не возмущает вверенного ему стада, и да не допускает, как пользующийся полной властью, каких-нибудь несправедливых распоряжений; но пусть всегда помнит, что о всех своих судах и делах даст отчет Богу. В том порядке, какой он установил, или какой имеют братия, пусть приступают они к целованию мира, и к причащению, держать череду в пении псалмов и стоять в хоре.

Порядки эти во всех местах не определять летами братий: ибо Самуил и Даниил – отроки – судили старцев.

Исключая тех, которых авва повышает по достоинству, или которых понижает по известным причинам, все прочие, как поступают в обитель, так пусть и следуют всегда друг за другом: так что, например, кто поступил во второй час дня, – пусть имеет себя юнейшим и последнейшим того, кто поступил в первый, какого бы возраста и достоинства он ни был. Что касается детей, то там свои порядки.

Младшие по иночеству должны почитать старших по нему, а старшие должны любить младших. Никому не позволительно называть другого простым именем; но старшие, обращаясь к младшим, пусть говорят: брат такой-то, а младшие к старшим: отец такой-то. А авву, который, как верится, занимает место Христа, звать: господин авва. Он же пусть позаботится всегда являть себя достойным такой чести.

Где бы ни встретились братия, – младший у старшего просит благословения. Когда подходит старший, младший должен встать и дать ему место. Младший не должен садиться, если не прикажет ему старец; чтобы исполнялось всегда написанное: *«в почтительности друг друга предупреждайте»* (Рим.12:10). Дети, отроки, юноши, в церковь или к столу пусть следуют в своих порядках чинно. Также, когда выходят за монастырь, и вообще, где бы ни были, должны держать себя в

своём порядке и чинности, под строгим надзором пока придут в зрелый возраст.

Глава 64. О поставлении аввы

Относительно поставления Аввы да соблюдается всегда закон, чтобы поставлять того, кого изберет согласно все братство, в страже Божиим, по здравому совету. Во внимание при сем иметь достоинство жизни и степень умственного образования, хотя бы кто последнее имел место в числе братий. Если братия, в чаянии поблажки своим порокам, сообща изберут себе такого авву, который и сам не чужд тех пороков, – но об этом узнает какой-нибудь епископ, в чьей епархии находится тот монастырь, или аввы других монастырей, или соседние христиане, то пусть все позаботятся воспрепятствовать исполнению совета злых, и для дома Божия поставлять доброго приставника, зная, что за это получать добрую награду, если совершат то чисто, по ревности Божией, как напротив – согрешат, если понебрегут о том.

Поставленный Аввой пусть всегда помышляет о том, какое взял он на себя бремя, и Кому должен будет дать отчет о своем приставничестве. Да ведает, что ему надлежит заботиться о том, чтобы более делать добра братии и обители, нежели о том, чтобы независимо господствовать.

Надлежит ему быть ведающим Закон Божий, чтобы имел откуда износить новое и ветхое в назидание братий, быть целомудренным, трезвым, милосердным, предпочитающим милость правосудию, чтобы и самому некогда сподобиться того же. Ненавидя пороки, да любит он братий.

В исправлении неисправных пусть действует со всем благоразумием, избегая чрезмерности, чтобы, когда станет очищать ржавчину с усиленным напряжением, не разломать самого сосуда. Помня о своей сокрушенности, пусть умудряется трости сокрушенной не доламывать. Этим не то внушается, чтобы он позволял свободно размножаться порокам, но то, чтобы благоразумно и с любовью отсекал их и смотрел как всякого пользоваться, как сказано. Пусть со всем усердием так ведет дела, чтобы его более любили, чем боялись. Да не будет он суетлив и многозаботлив, да не будет ни в чем чрезмерен и

упорен в своих мыслях, да не будет ревнив и слишком подозрителен: иначе никогда не увидит он покойного дня.

В своих делах и распоряжениях он должен быть осмотрителен и предусмотрителен, духовных ли сторон жизни они касаются или телесных. Работы назначать должен он с разборчивостью, соразмерно с силами каждого, помня о рассудительности Иакова, который говорил об овцах своих: *«Если погнать его один день, то помрет весь скот»* (Быт.33:13). Взяв это во внимание и подобные сим свидетельства рассудительности, матери всех добродетелей, пусть все так учреждает и соразмеряет, чтобы и крепкие того желали, и немощные того не бежали. Особенно же к исполнению такого правила действий пусть берет он себе побуждение в том, что если все разумно управлять, то услышит от Господа то же, что сказал Он о добром рабе, всегда в свое время выдававшем своим клеветам житомерие: *«истинно говорю вам, что над всем имением своим поставит его»* (Мф.24:47).

Глава 65. О препозите монастыря. (Наместнике, втором по авве)

Часто случается, что чрез поставление препозитов происходят большие скандалы в монастырях, когда эти лица, возгордившись, и почитая себя вторыми аввами, начинают действовать самоуправно и чрез это сеять разделения в братстве. Это наипаче бывает там, когда теми же аввами, которые избирают авву, избирается и препозит.

Как это нелепо, видно из того, что избранному таким образом препозиту с самого начала дается повод гордиться. Злые помыслы внушают ему, будто он совсем не зависит от власти аввы своего, как поставленный теми же лицами, какими поставлен авва. Отсюда разногласия, споры, противления, зависть и всякие разлады. Когда же авва и препозит находятся в таком немирных отношениях, тогда и прочим братьям угрожает опасность пагубы душевной. Виновниками же этого зла надлежит считать тех, которые участвовали в поставлении такого препозита.

Итак, для сохранения мира и любви постановляем, чтобы в монастыре все учреждалось по воле аввы. И если можно, пусть все монастырские порядки, заведенные аввой, блюдятся одними деканами, о коих сказано выше, чтобы, когда многим поручаются разные части по управлению, ни один не имел повода гордиться.

Если по местным обстоятельствам, или по численности братий, окажется нужным препозит, пусть авва сам изберет себе такого с разумной осмотрительностью, и с совета богобоязненных братий. Этот препозит должен делать со всякой почтительностью только то, что будет возложено на него аввой, не позволяя себе ничего противного воле и распоряжениям аввы. Чем более он почтен перед другими доверием, тем с большим старанием надобно ему оказывать покорность главе монастыря.

Если препозит замечен будет в каком пороке, или вознесется в гордости, или нарушит какие-либо святые правила,

увещевать его до четырех раз. Если не исправится, – употребить Уставом определенные меры исправления. Если и после этого не исправится, – низвести его со степени препозита и на его место назначить другого достойного. Если и после этого он не будет жить в братстве спокойно и послушливо, – изгнать его из монастыря. Да памятует однако ж авва, что должен во всех своих судах дать отчет Богу, и не допускать, чтобы душа его при сем, вместо истинной ревности, горела огнем неприязни или зависти.

Глава 66. О привратнике монастыря

В привратники монастыря надо поставлять старца мудрого, который умел бы принимать и давать ответы, и которому зрелость возраста и нрава не позволила бы блуждать (помыслами). Этот привратник должен иметь келлию вне монастыря, чтобы приходящие всегда находили его готовым дать ответ. Как только постучит кто, или как только бедный возвысит голос, пусть скажет: Deo gratias – Богу благодарение, или благословит и со всей скромностью, страхом Божиим, и теплой любовью поспешит дать ответ. Если нужна будет ему помощь – определить к нему юнейшего брата.

Монастырь же, если можно, надо устроить так, чтобы все нужное, как то: вода, мельница, сад, хлебная, разные монастырские находились внутри монастыря, чтобы монахам не было необходимости выходить за ограду и блуждать: ибо это совсем не полезно для их душ. – Желательно, чтобы это правило почаще повторялось в братстве, чтобы никто не извинял себя незнанием его.

Глава 67. О братиях, отправляющихся куда по делам обители

Братия, отправляясь с путь, пусть поручают себя молитве всех прочих братий и аввы: и всегда на последней молитве Богослужения надо поминать всех отсутствующих. Возвратясь же с дороги, братия в тот же самый день, когда возвратятся, в конце, вслед дневных служб, должны, простершись на земле, просить молитв у всех о всех своих оплошностях, случавшихся в дороге, когда их глаза поползнулись увидеть что недоброе, или слухом услышать, или языком изречь излишнее.

Никто из них да не позволит себе сказать другому, что видел, или слышал вне монастыря; потому что от этого бывает большое разорение в душах. Кто позволит себе это, должен несть эпитимию. Подлежит ей равно и тот, кто дерзнет выйти за монастырскую ограду, или пойти куда-либо, или еще что даже малейшее сделать без позволения аввы.

Глава 68. О тяжелых не по силам послушаниях

Если какому брату приказано будет делать что-нибудь тяжелое, ему не по силам, пусть примет приказание повелевшего со всей скромностью и покорностью. Если и на деле окажется, что тягота дела превышает его силы, пусть объяснит это тому, кто над ним начальствует, благовременно и со смирением, а не по духу противоречия или сопротивления. Если после этого объяснения старший останется при своем мнении и не отменит этого приказания, – младший да покорится тому благодушно, в той уверенности, что так ему полезно, и что Бог ради его смирения поможет ему.

Глава 69. В монастыре никто другого защищать не должен

Всячески надобно остерегаться, чтобы ни в каком случае один другого монаха не защищал в монастыре, хотя бы они были связаны узами родства. Ни под каким видом не должно дерзать на это монахам; потому что от этого могут происходить большие соблазны. Если кто преступит это правило, то его надо очень строго вразумить.

Глава 70. Чтобы никто не смел наказывать другого

Воспрещается в монастыре всякое присвоение себе власти. Постановляем, чтобы никто не дерзал кого-нибудь из братий отлучать или наказывать, кроме тех, кому сия власть дана аввой. Согрешающие же пусть перед всеми обличаются, чтобы и прочие страх имели. Детей до пятнадцатилетнего возраста можно наказывать телесно, но и это с благоразумной мерой. Если же кто позволит себе сделать это кому-либо в большем возрасте, – или в отношении к детям без разбора кипятится, подвергать его самого должной эпитимии, ибо написано: *«чего себе не желаешь, не делай того другому»* (Тов.4:15).

Глава 71. О том, что и взаимно друг друга должны слушаться братия

Доброе дело послушания не в отношении только к авве все должны изъявлять, но и сами себе взаимно пусть повинуются, в уверенности, что таким путем послушания идут к Богу. Итак, кроме аввы и других поставленных им властей, младшие братия пусть с любовью и усердием повинуются старшим. Кто окажется противоречивым, того надо обличать и исправлять.

Когда брат, будучи обличаем аввой, или другим каким начальником, увидит, что дух обличающего его сколько-нибудь раздражен против него, пусть немедля падет к ногам его и до тех пор лежит прося прощения, пока прежнее раздражение не заменится благожелательным благословением. Кто понебрежет так поступить, того подвергать телесному наказанию, или, если окажется упорным, – изгнать из монастыря.

Глава 72. О доброй ревности, какую должны иметь монахи

Как есть злая ревность, отдаляющая от Бога и ведущая в ад, так есть и добрая ревность, отдаляющая от пороков и приводящая к Богу и к вечной жизни. Сию-то ревность с теплой любовью должны являть монахи, т.е. *«честью друг друга большими»* себя *«творить»*, немощи телесные и душевные друг в друге терпеливо сносить, друг друга предупреждать в послушании, не только смотреть, что себе полезно, но паче, что полезно другому, взаимную чистую любовь друг ко другу являть, Бога бояться, авву своего любить искренно и смиренномудро, ничего не предпочитать Христу, Который всех нас да приведет к вечной жизни.

Глава 73. Что в настоящем уставе не все показаны законы подвижничества и духовной жизни

Этот Устав написали мы, чтобы соблюдающие его могли достигнуть чистоты нравов, или показать начатки христианского преуспеяния. Для тех, которые желаю востечь на высшие степени совершенства, есть наставления Святых отцов, которых исполнение приводит человека на верх совершенства. Какая страница, или какое зачатое Божественного Писания Нового и Ветхого Завета не представляет вернейшей нормы лучшей жизни для человека? Или какая книга Святых вселенских Отцов наших не указывает, как вернейшим путем достигнуть к Творцу нашему?

Собеседования Святых Отцов, их изречения и жития, также правило отца нашего святого Василия что другие суть, как не начертания добродетелей для добре живущих и послушливых монахов? А для нас, худо живущих, нерадивых и беспечных они – пристыжение и посрамление. Итак, брат, желая достигнуть отечества небесного, потрудись прежде усердно исполнять настоящий для новоначальных Устав; и тогда с помощью Божией сможешь взяться и за большее, исполнение чего ведет на верх совершенства.

Примечания

¹ - Применяет число к числу вкушавших ветхозаветную Пасху и говорит: чтоб не было менее 10; – а большее число желательно (т. 5, стр. 71). В Простр. Прав. вопрос 35-й: надобно ли в одном селении устраивать многие братства? – решает он: лучше одно.

² - Между письмами св. Григория не сохранилось такое; но что оно было, видно из ответа св. Василия (Пис. 2).

³ - Стр. 78. Цитаты из 5-ти предварительных слов о подвижничестве будем означать страницами; цитаты из пространных и кратких правил – числом их, с указанием на пространные так: Пр. и на краткие: Кр. Цитаты из подвижнич. уставов будут указывать главы его с знаком Уст. Все в 5-м томе его творений по русскому переводу.

⁴ - Передает такое предание Иосиф Флавий.

⁵ - В Египте климат много облегчал это дело, и относительно жилища, и относительно пищи и одежды.

⁶ - В Египте не было этого лишения, по множеству пустынников и по ровности места, где поселялись они. В виду каждого было множество келлий: братья и между собою сносились и имели именитых старцев, сильных духом.

⁷ - Св. Василий везде приводит вместо достоин мзды – достоин пищи.

⁸ - Из этого видно, что обет даваем был в церкви по особому чину, и молитвенному и благословительному.

⁹ - Так читалось иными вместо уху.

¹⁰ - От общения с братьями в столе и труде, в молитве и причащении Св. Христовых Таин.

¹¹ - Может быть, это отлучение от Причащения, – или тоже, что отлучен, – или – оставляемый без обеда.

¹² - Это необычное благословение настоятеля, а что-то получаемое в столовой или в церкви, в качестве благословения; – не ангидор ли со вкушением и св. воды, как делается в обители св. Саввы, после всякой Литургии?

¹³ - Своим – родственником; или свой здесь означает монаха, а чужой – мирянина.

¹⁴ - Это какая-нибудь общая молитва пред сном, отличающаяся от других молитвою Господнею.

¹⁵ - 'Ευχτηρίθ; может быть, спальня была и моленною, частною, братскою.

¹⁶ - Которое, может быть, вместе с ним должен несть, или отказываясь от послушания вместе с ним.

¹⁷ - Это, может быть, обед; а выходящий из трапезы – кто-нибудь из прислуживающих за нею.

¹⁸ - Так называли не только Епископов, но и священников. Кастор был Епископ Аптский, – отличался и образованием, и святостью и пастырскою ревностью о духовном преспеянии своей паствы. Αpta Julia – ныне Апт, прямо к северу от Массилии – ныне Марселя – верст на 50 или более.

¹⁹ - Аскетические писания св. Василия Великого составляют пятый том его творений. Статьи блаж. Иеронима, касающиеся настоящего предмета суть: в первом томе – письма 1–4, 8, 13, 22, 27, 47, жития Павла, св. Илариона, Малха. Во 2 томе – в книгах против Иовиниана. В третьем 103 письмо. В четвертом – на слова Иеремии: благо человеку, аще возьмет ярем в юности (1–3). Переведены им – жизнь Антония Великого, писанная св. Афанасием и устав Пахомия великого. – Некто из этих статей извлек иноческий устав, который не мало времени ходил под именем Иеронимова.

²⁰ - Кажется, он понимает здесь Руфина.

²¹ - Об этом у Василия Великого простр. правил. 23. – Кроме готовности на брань пояс означал еще обуздание похоти, по Григорию Двоеслову (Бесед. 13 на Еванг.). О поясе киновитов пр. Пахомия (Лавс. гл. 7).

²² - Т. е. монашеского. Иероним сынов пророческих называет ветхозаветными монахами, в письме к Павлине говорит: «Наш глава Илия, наш Елисей, наши предводители – сыны пророческие».

²³ - Усменный пояс – знак умерщвления плоти. Так Иероним в письме к Димитриаде и Дорофеей авва в первом

слове. Об иноках пр. Пахомия Иероним в предисловии к правилу его говорит, что они носили пояс полотняный.

²⁴ - Об одеянии иноков: у Василия Великого – Простр. правила 22. У Августина 23 его правила. Иероним – в письмах к Непоциану и Евстолии. Правило препод. Пахомия 55. В предисловии к правилу препод. Пахомия Иероним говорит: в келиях монахи ничего не имеют, кроме рогожи, двух левитонариев (одежда без рукавов), из коих один потертый, в коем спят, или работают, одной амекты, двух кукуллиев, милоти – козией кожи, пояса, сандалий и палки.

²⁵ - Почему у монахов одежда различна от мирян? – Василий Великий в означенном месте говорит – а) для означения звания иноческого; б) чтобы иноки в самой одежде имели побуждение – жить наилучшим образом.

²⁶ - Власяница, из грубого волоса козлиного, или верблюжьего, – вретище, из грубого, как веретье, полотна. Ту надевали на голое тело, а это – поверх других одежд. Выражало это прискорбность покаяния. В писаниях Ветхого Завета многократно о них упоминается. Ревнители самоумерщвления в христианстве, во все времена носили и носят власяницы, – только скрытно, под другими одеждами.

²⁷ - Это же значение кукуллию дает св. Дорофей в пер. слове; и Соломен в церк. Истории кн. 3, гл. 13. – Никифор Истор. кн. 9, гл. 14 говорить, что он не был заострен кверху. – Лавсаик гл. 37 говорить, что у тавеннисийских иноков на кукуллие вышивался крест пурпурного цвета. Он же в 41 гл. говорит, что и девственницы употребляли кукуллий. У нас теперь у схимников верхняя часть схимы, у простых монахов – клобук, у монахинь – скорее их апостольник соответствуют кукуллию.

²⁸ - Коловий – от *κολοβος* – что значит короткий, или укороченный, усеченный. У св. Дорофея и Соломена кн. 3, гл. 13 дается укорочению рукавов то значение, что у монаха нет рук наносить обиды. Иероним в предисловии к правилу пр. Пахомия коловий называет левитоном. Что полотняный, а не шерстяной, это или по дешевизне, или по климату, или по подражанию

Апостолам; об Апостоле Иакове известно, что он имел одеяние полотняное. Евсев. кн. 1, гл. 24. И мыть можно такую одежду, и след. держать в чистоте, в напоминание и о внутренней чистоте.

²⁹ - Св. Дорофей говорить: «имеет и аналав, который полагается на плечах ваших крестообразно. А сие значить, – что мы носим на раменах своих знамение креста, как говорить Господь: «возьми крест свой и последуй Мне» (Марк.8:34). В нынешнее время это у простых монахов параман, у схимников – многокрестник, полиставрион.

³⁰ - Это мантия малая, которую употребляют у нас в некоторых монастырях и на Афоне. Обрезать нашу мантию выше локтей, и уничтожить складки, выйдет мафорт.

³¹ - Веществ. и духовным; см. кн. 1, гл. 2 духовный пояс – обузд. похотей.

³² - В третий – три; в шестой – шесть; в девятый – девять.

³³ - Основанный Еп. Кастором, для коего пишется сие.

³⁴ - Блаж. Иерон. в книге о церковных писателях, о св. Марке говорить, что он по написании Св. Еванг. пришел в Александрию и основал здесь церковь, в коей все христиане вели крайне строгую жизнь, по его примеру. Там же, говоря о Филоне, он утверждает, что в первое время вся церковь была такова, какими быть ныне напрягаются монахи.

³⁵ - Церковная история Евсевия книга вторая, гл. 15 и 16. – После у Созомена кн. 1, гл. 12 и 13.

³⁶ - Не утренняя, а первый час, как разумеет и Толкователь Кассиана – Алярд Газей. О первом часе нигде не говорит Пр. Кассиан, как о древнем учреждении. Не поминает о нем ни Василий Вел., ни Златоуст, ни Иероним.

³⁷ - Вероятно, прямо после утрени, задолго до рассвета.

³⁸ - Палладий, Иероним, Созомен полагают семь тысяч и во всех монастырях пр. Пахомия. В Тавеннисийском при нем было до 1300 или 1400. Святой Кассиан говорит вероятно о времени после пр. Пахомия, когда число то возросло, или о всех монахах всех монастырей.

³⁹ - Доселе там есть. Налъешь тепловатой воды, чрез несколько времени она становится холодною; кувшинчики эти в это время бывают покрыты влагою.

⁴⁰ - Не совсем так. В 180 крат. прав. Василий Великий говорит: «Слушать читаемое за трапезою должно с расположением, большим того удовольствия, с каким едим и пьем.»

⁴¹ - Память сего св. Иоанна 27 Марта.

⁴² - Пр. Кассиана беседа 20 о цели покаяния.